

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

**ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных статей

Выпуск 6

Санкт-Петербург
2011

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

РАФАИЛ ШОЛОМОВИЧ ГАНЕЛИН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

**ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных статей

Выпуск 6

Санкт-Петербург
«Скифия-принт»
2011

ББК62.2(2)
И-90

Под редакцией: д-ра ист. наук проф. С. Г. Кащенко,
д-ра ист. наук проф. Э. В. Летенкова
Рецензенты: д-р ист. наук проф. М. Ф. Флоринский (СПбГУ),
д-р соц. наук проф. С. С. Бразевич (СПбАУЭ)

И-90 Историография и источниковедение отечественной истории:
Сб. науч. статей (Вып. 6). – СПб.: «Скифия-принт», 2011. –
420 с.

ISBN 978-5-98620-050-7

ББК 62.2(2)

Сборник включает научные статьи преподавателей, аспирантов, студентов и выпускников кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, сотрудников Тамбовского государственного университета, университета г. Йёнэсуу (Финляндия), Библиотеки Российской Академии наук, Российской Национальной библиотеки. Государственного архива Тамбовской области, Российского государственного исторического архива, Государственного Эрмитажа.

Для историков и читателей, интересующихся отечественной историей Центра, Севера и Северо-запада России.

ISBN 978-5-98620-050-7

© Коллектив авторов, 2010
© Исторический факультет
С.-Петербур. гос. ун-та, 2011
© «Скифия-принт», 2011

*К юбилею доктора исторических наук,
члена-корреспондента РАН
РАФАИЛА ШОЛОМОВИЧА ГАНЕЛИНА*

Рафаилу Шоломовичу Ганелину 85 лет

16 октября 2011 г. Рафаилу Шоломовичу Ганелину, доктору исторических наук, члену-корреспонденту Российской Академии наук, главному научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории РАН исполняется 85 лет.

В своём *«нежном возрасте»* (выражение Р. Ш. Ганелина) он ведёт активную исследовательскую и преподавательскую работу, не помышляя ни о чём другом. Оставаясь преданным академическому долгу, Рафаил Шоломович продолжает выполнять нагрузку профессора по кафедре источниковедения истории России исторического факультета СПбГУ. Когда речь заходит о чествовании торжественной даты, он до последнего остаётся категорическим противником любых посвящений и юбилейных изданий. С присущей ему энергией активно будет хлопотать о предстоящих юбилеях ближайших соратников и единомышленников. В 2011 году не без его инициатив на историческом факультете и в СПбИИ РАН чествовали 80-летие Бориса Васильевича Ананьича и Алексея Николаевича Цамутали. Что касается самого Ганелина-историка, у него всегда найдётся оправдание, то 85 лет не «круглая дата», то пресловутая «этика академических отношений» и т. д.. Коллеги Рафаила Шоломовича, памятуя известную фразу классика «слова летят, опубликованное остаётся», решили посвятить выпуск кафедрального сборника старшему другу и товарищу, чтобы дополнить странички академической биографии историка ранее публиковавшиеся в юбилейных изданиях и библиографических указателях¹.

Имя Рафаила Шоломовича Ганелина хорошо известно отечественной и зарубежной исторической науке. В новейшей историографии он один из наиболее авторитетных специалистов по истории России конца XIX–XX вв., лауреат премии имени В. О. Ключевского (2000 г.) и премии имени С. Ф. Ольденбурга (2007 г.), автор свыше двухсот работ, в том числе десятка монографий и целого ряда учебных пособий. В 85 лет Рафаил Шоломович не мыслит себя вне науки и образования, оставаясь в своём творчестве преданным традициям петербургской исторической школы.

¹ См.: Библиографический указатель: Рафаил Шоломович Ганелин (к 70-летию со дня рождения). – СПб.: Европейский дом, 1996. Цамутали А.Н. Р.Ш. Ганелин и его труды по истории России и США // Россия в XIX–XX вв. Сб. ст. к 70-летию со дня рожд. Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 5–23. Рафаил Шоломович Ганелин. К 75-летию со дня рождения. Библиографический указатель. Кишинев-Санкт-Петербург. 2001.

Рафаил Шоломович Ганелин родился 16 октября 1926 г. в Ленинграде в семье известного учёного-педагога члена-корр. АПН РСФСР Ш. И. Ганелина². Его отец был одним из виднейших специалистов по истории и теории отечественной педагогической мысли, совмещавшим с 1931 г. исследовательскую работу с преподавательской деятельностью в ЛГУ. Высшее образование Рафаил Шоломович получил на историческом факультете Ленинградского университета, где учился в 1945–1949 гг. по специальности «история международных отношений». В послевоенное время, по словам его учителя Николая Павловича Полетика (1896–1988 гг.), «история международных отношений стала почти такой же модной профессией, как балет». В конце 1940-х годов Н. П. Полетика заведовал кафедрой истории международных отношений Ленинградского университета и был одним из первых в советской историографии, кто серьезно на обширной документальной базе изучал причины Первой мировой войны.

Рафаил Шоломович считает себя учеником и последователем не только Н. П. Полетика, но и профессора Б. А. Романова – выдающегося представителя отечественной исторической науки, под влиянием которого он формировался как исследователь. «Б. А. Романов создал школу и воспитал целую плеяду талантливых учеников, среди которых, выделялись ставшие впоследствии академиками РАН Александр Александрович Фурсенко, Борис Васильевич Ананьич, директор ЛОИИ Н. Е. Носов и В. М. Панеях». Автор классических исследований по истории России и международных отношений на Дальнем Востоке, Б. А. Романов рекомендовал Рафаилу Шоломовичу сосредоточиться на изучении противоречий в развитии российско-американских отношениях накануне Февральской революции. За время обучения в аспирантуре ЛГУ в 1949–1952 гг. Р. Ш. Ганелин подготовил диссертационное исследование «Американская экспансия в бассейне Тихого океана в середине XIX в.», которое было представлено в июне 1953 года к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В 1952–1953 гг. Рафаил Шоломович начал преподавать новую и новейшую историю в ЛГУ, Ленинградском педагогическом институте им. М. Н. Покровского.

² Ганелин Шолом Израилевич (01.12.1894–20.12.1974), педагог, историк педагогики, член-корр. АПН РСФСР (1947). Учился на юридическом ф-те Петрогр. ун-та (1915–17), окончил гуманитарный и внешкольный ф-ты Петрогр. педагогической академии (1922). Преподавал на вечерних рабочих курсах в Пг. (1916–17). В 1917–19 в Полоцке, с 1919 вновь в Пг. Преподавал в Военно-инструкторском политическом ин-те (1919–20), педагогическом техникуме (1923–30), ЛГПИ им. А. И. Герцена (1924–72), ЛГУ (1931–47). В 1925–39 одновременно работал в Ин-те научной педагогики, в 1945–60 – в Ленингр. НИИ педагогики. Разрабатывал методологические проблемы педагогики, главное внимание уделяя взаимосвязи и взаимообусловленности теории и истории педагогики, дидактики и частных методик, педагогики и психологии, педагогической теории и практики воспитания и обучения. Автор многочисленных трудов, в т. ч. фундаментальных «Очерков по истории ср. школы в России второй пол. XIX в.» (1950). См.: Ш.И. Ганелин (1894–1974): Библиограф. указ. / Сост. Р.Ш. Ганелин, С.Ф. Батракова. М., 1987.

В октябре 1953 г. в качестве ассистента работал в Ленинградском Библиотечном институте им. Н. К. Крупской.

С 1955 г. Р. Ш. Ганелин работает в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ, позже СПбФИРИ, ныне СПб институт истории РАН), пройдя за эти годы по всем ступенькам научной карьеры от младшего до главного научного сотрудника. Работой ЛОИИ в тот период руководил Михаил Порфирьевич Вяткин, много сделавший для изучения истории народов СССР. В 1950-х – 1960-х гг. Р. Ш. Ганелин начинал трудиться в группе, которой заведовал С. Н. Валк, позже В. С. Дякин. Группа занималась изучением и публикацией источников по истории России конца XIX – начала XX вв. В ЛОИИ Рафаил Шоломович исполнял обязанности ученого секретаря сектора истории СССР, заведующего сектором истории СССР периода капитализма. Исторический период, которому посвящены труды Рафаила Шоломовича, это – предреволюционная Россия, история двух российских революций: революции 1905-1907 гг. и Февральской революции 1917 г., внутренняя и внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв. Научное наследие Рафаила Шоломовича содержит как труды по отечественной истории, так и исследования по истории дипломатии. Первой монографией Р. Ш. Ганелина была работа «Россия и США: Очерки русско-американских отношений, 1914–1917» (М.–Л., 1969). Последующие исследования в данном направлении воплотились в отдельные статьи и книгу «Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 гг.» (Л., 1975), – фундаментальные труды, высоко оцененные специалистами, как в России, так и в зарубежной историографии. По одноимённой тематике Р. Ш. Ганелин защитил в 1970 г. диссертационное исследование на соискание учёной степени доктора исторических наук.

Рафаил Шоломович всегда ставил превыше всего интересы науки, с предельной добросовестностью выполнял возложенные на него поручения. Значительная часть научной работы Рафаила Шоломовича – главы в больших коллективных трудах. Написанные с большим мастерством, они, с одной стороны органично входят в общую композицию коллективных работ, а с другой, взятые в отдельности, являют собой оригинальные и законченные монографии. Рафаил Шоломович – участник многих коллективных трудов. Среди этих работ и такое уникальное издание как «Морской атлас», в котором им составлен ряд исторических справок к картам 3-го тома (М., 1959). Он был участником и соавтором многочисленных коллективных трудов: «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Л.1967), «Революционный Петроград в 1917 г.» (Л. 1977), «Краткая история СССР» (М.–Л.,1978), «Кризис самодержавия в России» (Л. 1984), «Национальная правая прежде и теперь» (СПб.,1992) и т.д. Труды Рафаила Шоломовича, будь то монографии, главы в коллективных трудах, публикации архивных документов или мемуаров, отличаются тщательным анализом исторических источников, точностью в изложении исторических фактов, глубиной анализа и аргументированностью выводов. Р. Ш. Ганелин является соредактором, составителем и соавтором комментариев к большому числу

публикаций документов, в том числе к изданиям: «Воспоминания С. Ю. Витте», «Крушение царизма», «Совет министров Российской империи в 1905–1906 гг.» (Л., 1990), «Николай II. Воспоминания, дневники», «Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого», «Совет министров Российской империи в 1915–1916 гг. Бумаги А. Н. Яхонтова» (СПб, 1999) и др. Р. Ш. Ганелин участвовал в издании, являясь соавтором и редактором капитального труда петербургских историков: «Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция» (СПб.,1991), «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» (СПб.,1996), основанных на солидной документальной базе.

В 1991 г. Рафаил Шоломович был избран членом-корреспондентом АН СССР. Свою творческую деятельность он умело сочетает с организационной работой, многие годы участвует в различных научных и проблемных академических советах. За годы работы в ЛОИИ Рафаил Шоломович показал себя как разносторонний исследователь и одновременно безупречный работник, добрый товарищ, строго соблюдающий лучшие традиции академической науки. В 2000 году постановлением Президиума РАН ему присуждена премия им. В. О. Ключевского за монографию «Сергей Юльевич Витте и его время». СПб, 1999 (в соавторстве с Б. В. Ананьичем).

Сотрудники СПбИИ РАН приложили не мало усилий для открытия в Санкт-Петербурге Европейского университета, где с 1996 г. Р. Ш. Ганелин начинает преподавать аспирантам курс «Дискуссионные проблемы истории России» (совместно с М. М. Кромом, Е. В. Анисимовым и А. Н. Цамутали) и руководить работой семинара «Источниковедение и историография предреволюционной России». Одной из центральных тем в научной биографии Рафаил Шоломовича всегда оставалась государственная деятельность С. Ю. Витте. В соавторстве с Б. В. Ананьичем он публикует «Сергей Юльевич Витте и его время» (СПб, 1999), «Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. Т. 1. Кн.1, 2; Т. 2. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. (120 п. л.).

Весьма плодотворную педагогическую деятельность Р. Ш. Ганелин развернул в Институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей социально-гуманитарных наук – Республиканском гуманитарном институте Санкт-Петербургского государственного университета (ИППК-РГИ СПбГУ), являясь с 1997 г. по совместительству профессором кафедры истории России и зарубежных стран. Его лекции и специальные курсы пользовались неизменным успехом, собирая благодарную аудиторию слушателей ИПК, аспирантов и докторантов. В 2003 году научно-образовательная деятельность Р. Ш. Ганелина была отмечена грантом Президента РФ на поддержку ведущих научных школ Российской Федерации. Среди его учеников – профессора и преподаватели российских университетов, учебных заведений других стран, коллеги по Санкт-Петербургскому институту истории РАН. В академических, образовательных и международных программах научной школы Р. Ш. Ганелина в 2003–2008 гг. участвовало 14 преподавателей. В их числе – академик РАН, член-

корр. РАН, 6 профессоров (заслуженный работник высшей школы и почетный профессор СПбГУ), 6 докторантов, треть состава школы – аспиранты. Ежегодно в докторантуре и аспирантуре ИППК-РГИ СПбГУ по программам научной школы обучалось свыше 30 специалистов.

Издательская программа научной школы Р. Ш. Ганелина обеспечила в 2003-2010 гг. выход в свет целой серии сборников и материалов конференций, проводившихся на базе Санкт-Петербургского института истории РАН, СПбГУ, Северо-Западной академии государственной службы, Центра Стратегических разработок Северо-Запад³.

Обладая удивительной способностью плодотворно сотрудничать с коллегами, создавая доброжелательную атмосферу в рабочем коллективе, Рафаил Шоломович вместе с тем сохраняет яркую индивидуальность как ученый. Им много делается для того, чтобы сохранить преемственность научной традиции петербургской исторической школы. С 2008 года Р. Ш. Ганелин работает на кафедре источниковедения истории России исторического факультета СПбГУ. Студенты, аспиранты и докторанты кафедры посещают специальный курс Р. Ш. Ганелина, на котором знакомятся с традициями петербургской-ленинградской исторической школы. Историографический семинар Р. Ш. Ганелина пользуется неизменным успехом универсантов всех поколений. Будучи сам учеником Н. П. Полетики и Б. А. Романова, Рафаил Шоломович стал учителем для многих историков последующих поколений. Под его руководством только в последний год защитили кандидатские диссертации: М. Лукьянчикова (2010 г.), Д. В. Литвиненко (2010 г.) и др. Р. Ш. Ганелин был консультантом успешно защищенных докторских диссертаций: Л. В. Белгородская (2010 г.), М. А. Воскресенская (2009 г.), Н. С. Андреева (2010 г.).

В честь 85-летия Р. Ш. Ганелина кафедра, благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проводит 14–15 октября 2011 года в Президентской библиотеке конференцию «Эмигрантика/Emigrantica: периодические издания

³ Власть, общество и реформы в России (XVI – нач. XX в.): Материалы научно-теоретической конференции (СПб., 8–10 дек. 2003 г.). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 533 с.; Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России: Сборник статей памяти М. М. Шуმიлова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 534 с.; Украинский вопрос и революционные события в России 1917 года. Материалы международной научно-теоретической конференции 3–4 октября 2006 г. СПб ИИ РАН, СПбГУ, НАН Украины. Под ред.: Р. Ш. Ганелин, А. В. Гоголевский, Е. В. Петров. – СПб: Издательский дом «Папирус», 2006. 194 с.; Власть и общество в России во время русско-японской войны и революции 1905–1907 гг.: Материалы научно-теоретической конференции. Под ред. Б. В. Ананьича, Р.Ш.Ганелина и др. – СПб.: Олеариус Пресс, 2007. –237 с.; Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. СПб ИИ РАН, СПбГУ. Под ред. Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина и др. – СПб: Олеариус Пресс, 2008. 318 с.; Россия и русистика новейшего времени. Материалы конференции памяти академика РАН А. А. Фурсенко (1927–2008). Центр стратегических разработок Северо-Запад, СПбИИ РАН и СПбГУ (2–3 июля 2009 г.). Под ред. Р. Ш. Ганелина и др. – СПб: Издательский дом СПбГУ, 2010. (40 п.л.).

русского зарубежья». Своё участие в работе конференции подтвердили многие отечественные и зарубежные историки, изучающие печатное дело и журнальную культуру русского зарубежья. Имя историка Р. Ш. Ганелина хорошо известно в европейской и американской исторической науке. Со многими ведущими зарубежными специалистами его долгие годы связывают тесные узы сотрудничества. В числе ближайших коллег Л. Хеймсон. Колумбийский университет (США), Бернд Бонвич Германский исторический институт в Москве, А. Рабинович из университета Индианы (США), А. Кан университет Упсала, (Швеция), Е. Берар (Франция), Т. Виховайнен Хельсинский университет (Финляндия), Джейн Бурбанк Нью-Йоркский университет (США), Марк фон Хаген Американская ассоциация славянских исследований (США), Ютта Шерер (Германия). Рафаил Шоломович как никто другой многое сделал для развития академических программ сотрудничества отечественных и западных историков. Многие десятилетия Р. Ш. Ганелин активно участвует в работе международных программ, посвящённых изучению российского исторического процесса, ведет издательские и экспертные проекты. Р. Ш. Ганелин является членом ряда коллегий, ученых и диссертационных советов, постоянно участвует в многочисленных издательских программах, редактирует академические журналы «Исторические записки» (международный альманах, посвященный теории и методологии исторической науки. Москва, «Наука»), «История Санкт-Петербурга» (СПб), «Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье» (СПб), «Клио» (СПб), «Нестор» (СПб), «Ab Imperio» (Казань), «Вестник молодых ученых» (Совет ректоров ВУЗов СПб).

Историк, не взирая на то, что уже разменял восьмой десяток лет, обрёл второе дыхание, публикуя одну книгу за другой. При его участии был издан «Сборник материалов личного архива графа И. И. Толстого. Во главе императорской академии художеств... Граф И.И.Толстой и его корреспонденты. 1889-1898 гг.» – Москва: Изд-во «Индрик», 2009. (90 п. л.). Неизменной популярностью пользуется книга Р. Ш. Ганелина «Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-1970-х гг.». Второе издание. СПб.: Нестор-история, 2006. Изучение новых источников, сравнение их с ранее известными документами, интервью с непосредственными участниками событий позволили Рафаилу Шоломовичу в недавно вышедшей книге «СССР и Германия перед войной: отношения вождей и каналы политических связей». – (СПб., 2010) во многом по-новому осветить один из самых противоречивых сюжетов отечественной истории – начало Второй мировой войны.

Руководство исторического факультета и профессорско-преподавательский состав кафедры считает своим долгом, выразить настоящей публикацией признание заслуг и поздравления в адрес юбиляра Рафаил Шоломовича Ганелина, человека преданного ремеслу историка и alma mater. Высокий профессионализм, титаническая работоспособность, талант и вместе с тем скромность и доброжелательность, отзывчивость и обаятельность, ироничность и самодостаточность снискали ему любовь и уважение среди коллег и учеников.

Актуальные проблемы истории России и Финляндии.

Предварительные итоги
научно-исследовательской работы по грантам

Кирсти Эконен
Финляндия

История России и Финляндии в зеркале Славянской библиотеки Хельсинки

В данной статье внимание обращено на причины и пути основания того учреждения, которое сегодня известно как Славянская библиотека при Национальной библиотеке Финляндии в Хельсинки. Возникновение этой библиотеки тесно связано с формированием Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. В истории создания этого учреждения и в последующие годы прекрасно отражаются политические конъюнктуры и стремления обеих сторон.

В результате общеевропейского политического кризиса Россия завоевала восточные части Швеции (ныне – территория современной Финляндии). Вскоре после окончания войны и заключения мира в городе Хамина (Hamina, Fredrikshamn по-шведски, откуда «Фридрихсгамский мирный договор») в 1809 году, началась интенсивная работа по организации органов управления Финляндии, Великого княжества Финляндского. Новая ситуация отражалась в том числе и на академической жизни: представители университета¹ были активны и играли важную роль в определении статуса княжества, а российские власти, со своей стороны, способствовали развитию университета. В этой большой картине история Славянской библиотеки составит лишь маленькую часть. Однако возникновение этого учреждения нельзя объяснить, не учитывая всей исторической панорамы.

Ниже рассматривается история основания Славянской библиотеки² во взаимосвязи с пониманием юридических основ автономного княжества и его статуса в составе Российской империи. Кроме того, речь пойдет о том, как российская политика умиротворения и затем различные российские жесты доброй воли воплотились в библиотечной истории. В связи с этим важно учитывать, что в это время в России шел процесс обновления администрации и законодательства. Реформы Александра I (с активным участием Михаила Сперанского) в течение 20-х годов XIX в. сменились контрреформами, которые

отразились, в том числе, в цензурном законодательстве. Эти обстоятельства формируют то большое повествование, маленькой частью которого является учреждение и первые шаги к основанию коллекции славянской библиотеки. В первую очередь, внимание обращается на те события, которые предшествовали принятию закона об обязательном экземпляре, по которому тогда уже библиотека Императорского Александровского университета Финляндии получила право на один бесплатный экземпляр всей литературы, издаваемой в Российской империи. Данную привилегию установили в Уставе о цензуре в 1828 году.

Первая попытка

Предыстория получения обязательного экземпляра российских изданий в Финляндии началась ещё до заключения мира и сейма в Порвоо в марте 1809 года. Как утверждают исследователи начала периода автономии (Юссила 2009, 57–77, Klinge 1997. 15–24, Tommila 1984, 31, 42–44, 76–79), император Александр I многократно обещал и утверждал, что прежние конституции³ и привилегии шведской Финляндии будут сохранены в составе Российской империи, что и было важнейшей частью российской политики умиротворения⁴. Среди первых, со стороны присоединённых, лояльность к новой власти объявили представители Абоской академии в Турку, первого и единственного университета в тогдашней Финляндии. Этот жест связан с именем вице-канцлера и профессора богословия Абоской академии, епископа Якоба Тенгстрема (1755–1832). Под его руководством представители Академии дали присягу о лояльности императору уже в мае 1808 года. В следующем месяце Александр I утвердил привилегии академии и велел представить планы развития учреждения, которое затем переименовали в Императорскую академию Або. (Klinge 1989 9–19.) Консистерий Академии быстро готовил широкий план, куда вошли и предложения о совершенствовании библиотеки. Консистерий (*consistorium academicum*, университетский совет) был высшим административным органом университета на территории Финляндии. Университетскими делами начали руководить из Петербурга (об этом подробнее см. ниже), так как канцлер и канцелярия находились в Петербурге. Первым канцлером (с 1809 по 1812 год) был назначен Михаил Сперанский, главный архитектор неосуществленного плана реформы администрации империи и советник Александра I⁵. Сперанский принимал активное участие в организации управления Великого княжества и, что главное, был его первым статс-секретарем.

Цели деятельности представителей Академии и императорской власти были разные, но не противостояли друг другу (хотя Якоба Тенгстрема считали изменником родины). Желание России стабилизировать ситуацию и препятствовать мятежным настроениям среди верхних слоев населения и желание финнов сохранить общественный и церковный уклад (лютеранство, свободное положение крестьян), показывая свою лояльность к Императору, положительно отражаются в дальнейшем развитии Академии: началось строительство новых зданий, бюджет увеличился вдвое, утвердили новые должности (Klinge 1989 9–19, Polvinen 1984,

88-89). При таких обстоятельствах стали увеличивать библиотечные коллекции и требовать выполнения тогдашнего закона об обязательном экземпляре.

При шведском управлении библиотека Абоской академии уже в течение ста лет имела право получать литературу, издаваемую во всей Швеции (Jørgensen 1980, 112). Консistorий Абоской академии считал, что ту же систему следует продолжать и в новой государственной ситуации. В декабре 1809 года консistorий обращается к М. Сперанскому с просьбой о праве получать по одному экземпляру всего, что издано в Российской империи. Свою просьбу консistorий обосновал тем, что такое право существовало до 1809 года. Представители Абоской академии стремились к улучшению состояния своего учреждения, в частности к совершенствованию библиотечной коллекции, показывая лояльность и прибегая к закону.

Таким образом, просьба консistorия Абоской академии о получении обязательного экземпляра не была единичным действием, а входила в общую картину политики умиротворения со стороны России и политику лояльности со стороны финнов. Она имеет свою основу в согласии императора о сохранении конституций и привилегий в Великом княжестве. Кроме того, адресат просьбы был человеком хорошо известным по своим либеральным взглядам и деятельности на сейме Порвоо (см. Юссилла 2009, 74). Несмотря на всё это, оценка обращения Абоской академии с точки зрения положения Финляндии, ставит вопрос о том, какие планы и какие цели имел тогда консistorий Академии. Вполне возможно, что просьба основывается на прямом следовании букве закона и принципам прежнего государственного строя. Консistorий Академии не имел представления о масштабе книгопечатания в тогдашней России. Вряд ли они знали о том, насколько именно в эти годы увеличилось издание русскоязычной литературы⁶.

Теоретически просьбу об обязательном экземпляре можно было бы решить отдельным императорским указом. В России система обязательного экземпляра развивалась в течение XVIII века и была осуществлена указом при Екатерине II (1783). Тогда библиотека Императорской Санкт-Петербургской Академии наук в Петербурге получила право на один экземпляр (Немешаев 1988, 89). Систему обязательного экземпляра обновили в первые годы XIX-го века, связав её с обновлением цензурного законодательства. С 1804 года на основании введения в действие первого цензурного устава обязанность пересылки книг передавали из типографий в цензурные комитеты. В 1810 году право на два экземпляра получила Публичная библиотека в С.-Петербурге (за четыре года до официального открытия учреждения) и через год – библиотека Духовной Академии – на один экземпляр (Немешаев 1988, 89, 98).

Заметим, что первые попытки получения права обязательного экземпляра для библиотеки Абоской академии относятся именно к тому времени, когда российскую систему обязательного экземпляра обновили и расширили. Вполне возможно, что предложение Абоской академии не было согласно с теми планами российского законодательства, которые были сделаны еще до присоединения Финляндии к России. Однако дальнейшее развитие событий показывает, что

просьба финнов не была полностью забыта российской администрацией. Конечно, в историческом контексте война 1812 г. оказалась более значительной проблемой, чем дело одного провинциального университета. Желание Абоской академии вспомнили в российской администрации в тот момент, когда вопрос о правах на обязательный экземпляр стал актуальным в России в очередной раз. Если до войны шведская система администрации, точнее положение шведских и финских крестьян могли бы служить образцом для главного архитектора реформ российской администрации Сперанского (Klinge 1997), то впоследствии ситуация изменилась. Сам реформатор уже в 1812 г. получил отставку, был сослан в Сибирь, откуда вернулся только при Николае I. К тому же, российская внутренняя политика получила консервативное направление. Хотя ни Михаила Сперанского, ни Якоба Тенгстрема⁷ не было во главе академического мира, барон Роберт Хенрик Ребиндер (1777–1841), статс-секретарь и помощник Сперанского, сохранил свой престиж (см. Юсила 2009, 113–117). Его можно считать движущей силой в дальнейших попытках пополнения библиотечных коллекций Абоской академии.

Распоряжение Александра I

По тем документам, которые сохранились в Центральном архиве университета Хельсинки, вопрос о праве на обязательный экземпляр стал актуальным в очередной раз в 1820-м году. В этом году было написано письмо министром народного просвещения Александром Голицыным к Великому князю Николаю Павловичу.

«Милостивый Государь

Его Императорское Величество, по положению Комитета Министров, учинённому в следствие представленного мною в оный, по Высочайшему повелению, Доклада Вашего Императорского Величества, о безденежном доставлении в Абоский Университет по одному экземпляру всех книг и сочинений, печатаемых в России, Высочайше на сие соизволил.

О таковой высокомонаршей воле долг имею довести до сведения Вашего Высочества, с испрашиванием воли вашей, куда должно будет по сему Высочайшему постановлению, препровождать для Абоского Университета экземпляры выходящих из печати книг, в Або, или к Председателю Комиссии Финляндских дел Барону Ребиндеру, для доставления в тамошний Университет, что было бы во всяком случае удобнее. При сем доношу, что внесенный в Комитет Министров при моем представлении упомянутый выше Доклад по сему предмету, остался вместе с представлением при делах моего Комитета.

С глубочайшим благоговением [есмь]

Милостивейший Государь

Вашего Императорского Высочества

В Царском Селе Июня 19 дня 1820 года

Всенижайший слуга

Князь Александр Голицын»⁸.

Отправитель данного письма – статс-секретарь Александр Голицын, с 1810 года член Государственного совета и главноуправляющий делами иностранных исповеданий, с 1817 года возглавивший Министерство духовных дел и народного просвещения. Этому министерству подчинялось Главное Управление Цензуры, и, как было уже сказано, к ведению этого учреждения относился вопрос об обязательном экземпляре. Это обстоятельство объясняет тот факт, почему именно министр духовных дел и народного просвещения передает сведения об императорском повелении, сообщая «о безденежном доставлении в Абоский Университет по одному экземпляру всех книг и сочинений, печатаемых в России».

Адресатом письма Голицына был будущий император, Николай I, который являлся канцлером Абоской академии. Начиная с Николая Павловича (1816 г.) и до вступления на престол в 1894 г. Николая II, в Великом княжестве было принято назначать наследника престола на должность канцлера университета. На должность вице-канцлера назначали министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского в Петербурге, кем в данный момент служил Роберт Ребиндер. Роль Ребиндера во главе академической жизни Великого княжества стала еще важнее в последующие годы, когда после смерти Александра I и вступления на престол Николая, его наследник, будущий Александр II, будучи тогда лишь семилетним мальчиком, стал канцлером университета. Поэтому Ребиндер нес ответственность за развитие университета до своей смерти в 1841 году. (Klinge 1989, 44, 68.)

Так, в письме Николаю Павловичу Александр Голицын предлагает, чтобы Ребиндер и Комиссия Финляндских дел в Петербурге были бы ответственны за пересылку книг. Четыре письма Александра Голицына к Роберту Ребиндеру свидетельствуют о том, что пересылка из различных цензурных комитетов началась осенью 1820 года. Голицын послал Ребиндеру «реэстры книги сочинения», но сохранились лишь сопроводительные письма. Списки книг, по-видимому, утрачены, так как большинство документов были уничтожены в пожаре города Турку. Однако письма Голицына сохранились в архиве канцелярии канцлера (Kanslerinvirasto), находившейся в Петербурге до осени 1917 года, и были перевезены в Хельсинки. Сегодня эти материалы хранятся в Центральном архиве университета Хельсинки. Поэтому известно, что пересылка книг началась сразу после законодательного закрепления этого правила, но, к сожалению, остаётся неизвестным, сколько было материала. Также неизвестно, как с ним поступили в Турку⁹.

Любопытно констатировать, на каком высоком уровне обсуждался вопрос о библиотечной коллекции Абоской академии. Также интересно заметить, что университетские дела не были подчиненными другим министерствам, а Академия, имея свою канцелярию в Петербурге и царевича в должности канцлера, имела прямой путь к верховной власти. В решении императора об обязательном экземпляре, таким образом, отражаются положительные стороны устройства Великого княжества Финляндского, а также значение личных связей.

Пожар города Турку и закон 1828 года

Лишь в течение семи лет библиотека Абоской академии смогла принимать книжные посылки из Российской империи. В 1827 году пожар города Турку практически полностью уничтожил библиотеку Академии. Из библиотечной коллекции сохранились лишь те издания, которые были на руках читателей. Среди них были 23 русскоязычных книги. После пожара было принято решение о перенесении университета в новую столицу, Хельсинки (Helsinki, по-шведски Helsingfors, Гельсингфорс)¹⁰. Комплектование университетской библиотеки началось с нуля, и во многом в виде пожертвований.

В § 52 Устава Цензуры сказано: «Цензурные Комитеты и отдельные Цензоры, получая сверх означенных в § 42 двух, еще по три экземпляра каждой, вновь отпечатанной книги, отправляют немедленно из оных: один в Императорскую Публичную Библиотеку, один – в Гельсингфорский Александровский Университет и один – в Главное Управление Цензуры» (ПСС, Собр. второе. Т. 3. С. 466).

Закон 1828 года по-новому определил право на обязательный экземпляр по всей Империи: цензурные комитеты обязывались посылать по одному экземпляру в две библиотеки (а также в цензурное управление): в Публичную библиотеку в Петербург и в библиотеку Гельсингфорского Александровского университета, которая, таким образом, заменила библиотеку Академии наук. Библиотека Академии наук, которая имела это право первой в России уже с 1783 года, естественно, протестовала и позже получила прежнюю привилегию.

В библиотеке Императорского Александровского университета Финляндии обязательные экземпляры из всех концов Российской империи значительно обогатили ее коллекции. По этому закону, особенно в первые десятилетия, библиотека получала литературу и на западноевропейских языках и на многих национальных языках Российской империи. Количество русскоязычной литературы стало увеличиваться и начала формироваться именно славянская, русская библиотека. Кроме неё, в коллекции современной Национальной библиотеки Финляндии входят также такие собрания как, например, *Georgica*, *Hebraica*, *Caucasica*, *Estonica*, *Turcica*... Одним словом, язык стал главным принципом в собрании (формировании или оформлении) коллекций.

Кроме потока обязательных экземпляров в библиотеку Хельсинки, коллекции комплектовались также при помощи многочисленных пожертвований. Самым значительным было пожертвование Санкт-Петербургской Академии наук в 1829 году. Её примеру последовали многие другие¹¹. Пожертвования, которые нередко состояли из частных библиотечных коллекций деятелей просвещения, включали в себя, главным образом, книги, напечатанные в Западной Европе. Благодаря этому пожертвованию, коллекции западноевропейской литературы университета Хельсинки стали гораздо богаче, чем они были до пожара Турку (Näkli 1996, 13). Были и другие пожертвования, например, в 1832 г. полковник Павел Константинович, внебрачный сын великого князя Константина, подарил

24000 томов (Häkli 1991, 60-63). Позже учебные округа империи посылали дубликаты и другие материалы в Хельсинки. После гибели старой коллекции барон Ребиндер пожертвовал университету свою личную библиотеку.

Закон 1828 года часто оценивается как основание и начало Славянской библиотеки. Судя по тому, что выше сказано о деятельности представителей Академии в предшествовавшее двадцатилетие, этот закон можно считать скорее следующим шагом по пути развития, которое началось с того момента, когда Финляндию присоединили к России. Таким образом, можно утверждать, что развитие финляндской академической жизни было в центре внимания верховной власти в период ведения политики умиротворения. Так же положительно на развитии библиотеки повлияли те решения, которые были приняты после пожара Турку и перенесения университета в новую столицу.

В качестве отдельной библиотечной коллекции Славянская библиотека формировалась в 40-е годы XIX века, когда Яков Грот, тогда профессор русского языка и литературы Александровского университета, выделил и классифицировал русские и другие славянские издания, которые были помещены в одном зале нового библиотечного здания (современной Национальной библиотеки Финляндии возле Сенатской площади). По университетским отчетам, в фондах хранились в 1857 году, т. е. через лет 30 после принятия закона об обязательном экземпляре, 20868 единиц, из которых 19733 русских и 1135 польских изданий. Когда Финляндия в 1917-м году обрела независимость, коллекции русской библиотеки охватывали больше чем 170 тыс. томов (Redogörelse 1917, 82-83). Без активного отбора материала число было бы намного выше. В годовых отчетах университета в течение второй половины XIX века повторяется фраза «поток книг из России продолжался», что отражает сравнительно скромный интерес к этому материалу и, что важнее, к проблеме помещения и хранения материала. Знание русского языка в Финляндии не распространилось широко, несмотря на то, что обучение русскому языку началось довольно рано, после присоединения страны к России – первый лектор (1816 г.) и первый профессор (1828 г.). Поэтому коллекция была нужна лишь сравнительно небольшой части ученых и студентов. Зато не академическое население Хельсинки нуждалось в русских книгах, и университетская библиотека дарила литературу популярного характера школам и, например, офицерским клубам. (Отчеты университета за 1878 – 1881б, 1881 – 1884 (Till vetenskapernas beskyddare, bynnare, idkare och vänner vördam redogörelse af Kejsersliga Alexanders-Universitetets i Finland nuvarande Rektor.)

После крушения Российской империи среди эмигрантов оценили важность славянской коллекции, тогда еще Русской библиотеки. В эти годы в Финляндии преобладали антирусские настроения, вызванные политикой Николая II и особенно генерал-губернатора Бобрикова, и иногда в славянской библиотеке видели средство русификации страны. Напомним, однако, что в начале XIX-го века библиотека не могла осуществлять задачу русификации – которой тогда не существовало, так как тогда национальность и язык понимали иначе: язык не был частью идентичности личности и народа, а средством коммуникации.

Несмотря на различные идеологические и политические конъюнктуры, коллекции хорошо сохранились. Кроме того, после отмены закона об обязательном экземпляре, библиотека активно комплектовала и советские, и эмигрантские издания. Начиная со второй половины 1960-х годов, значимость славянской коллекции стала осознаваться более широко. Библиотека приобрела известность среди исследователей России и других славянских стран¹². Хотя сегодня ученые со всех концов мира стремятся в эту библиотеку, в коллекциях все еще остаётся немало книг, которых никто не читал – до сих пор страницы некоторых остаются не разрезанными.

Заключение

Среди причин принятия закона об обязательном экземпляре, что затем привело к образованию современной Славянской библиотеки, можно различить и законодательные, и политические, которые тесно связаны друг с другом. Причем финская сторона подчеркивала значимость законодательства, а русская сторона оперировала, скорее, политическими жестами. Для финской стороны было важно сохранить свои законы и привилегии, а для русской – было важно показать положительные факторы присоединения Финляндии к Российской империи. Так, закон 1828 года можно оценивать как логический конец того развития, которое началось сразу после присоединения.

При рассмотрении истории Славянской библиотеки возникает вопрос о том, знали ли деятели 1810-х и 20-х годов XIX века, какие масштабные последствия имеют их решения. Оценили ли они их цену и значение? И что еще важнее: к чему они стремились?

В деятельности представителей Абоской академии отражается стремление к усовершенствованию Alma Mater. Это чувство усилилось после уничтожения библиотечной коллекции в пожаре. Русская сторона поддерживала не только усовершенствование библиотечных коллекций, но ее деятельность можно рассматривать также в рамках поддержки лояльности населения и особенно его верхушки. Отчасти эти цели осуществились. Кроме этого в результате деятельности верховной власти начала XIX века возникла уникальная библиотека.

ЛИТЕРАТУРА

Изданные источники

Внутренняя и внешняя политика России в конце XVIII-XIX вв.: сборник документов и материалов. Сост. Т. М. Телегина, В. А. Иваненко, С. Г. Кашенко. М.–СПб: Альянс-Архео, 2006.

Немешаев, И. П. К истории обязательного экземпляра произведений печати в России. – Книга: исследования и материалы. Сборник LVI. Москва: Изд-во Книжная палата, 1988.

Полное Собрание Законов. 2-е собрание. Т. 3. 1828.

Юссила, Осмо. Великое Княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки: Ruslania,

2009.

Collections Donated by the Academy of Sciences of St Petersburg to the Alexander University of Finland in 1829: An Annotated Catalogue. Compiled by Sirkka Havu and Irina Lebedeva. Helsinki : Helsinki University Library, 1997.

Häkli, Esko: Pietarin vaikutuksesta Suomen kirjasto- ja oppihistoriassa. – Pietarin kirjoja: näyttely. Helsinki : Helsingin yliopiston kirjasto, 1991. pp. 49-66.

Häkli 1996 Esko Häkli: The Gift of the St. Petersburg Academy of Sciences, 1819. Pp. 9–13 in Collections Donated by the Academy of Sciences of St Petersburg to the Alexander University of Finland in 1829: An Annotated Catalogue. Compiled by Sirkka Havu and Irina Lebedeva. Helsinki : Helsinki University Library, 1997.

Jørgensen, Arne: *Universitetsbiblioteket i Helsingfors 1827–1848. Helsingfors*, 1980. (orig. 1930)

Klinge, Matti: Keisarin Suomi. Schildts, 1997.

Knappas, Rainer: Pietari Venäjän tieteen historiassa. – Pietarin kirjoja: näyttely. Helsinki : Helsingin yliopiston kirjasto, 1991. pp. 19–48.

Redogörelse för Alexanders-Universitetet i Finland, avgivne av universitetets rektor. Helsingfors, 1917.

Till vetenskapernas beskyddare, bynnare, idkare och vänner vördam redogörelse af Kejsersliga Alexanders-Universitetets i Finland nuvarande Rektor. 1878–1881; 1881–1884.

Tommila, Päiviö: Suomen autonomian synty 1808–1919. Valtioneuvoston kanslia : Valtion painatuskeskus, 1984.

Неизданные источники

Kansalliskirjasto. Helsingin yliopiston kirjaston virka-arkisto.

Helsingin yliopiston keskusarkisto. Kanslerinviraston asiakirjat.

¹ Единственный в области Финляндии университет находился в тогдашней «столице» Турку (по-шведски Åbo) и до 1808 года назывался Королевская академия Або, а после присоединения Финляндии к России – Императорская академия Або. После пожара города Турку университет был перенесен в новую столицу Великого княжества, Хельсинки (по-шведски Helsingfors), в 1828 году. Университет переименовали в Императорский Александровский университет Финляндии. Поэтому считается, что современный университет Хельсинки основан в 1640 году в городе Турку.

² История именованя Славянской библиотеки нуждается в объяснении: До 40-х годов XIX века нельзя говорить об отдельной коллекции. Она появилась в результате работы Якова Грота. В качестве отдельной библиотеки она работала до 20-х годов XX века, когда ее переименовали в Славянскую библиотеку и соединили со всей университетской библиотекой. В разные периоды библиотека по-разному относилась к университетской организации и по-разному называлась. Сегодня она является частью Национальной библиотеки Финляндии.

³ Конституции понимали в широком смысле слова: туда входили такие сферы

как общественный уклад, судебная система, лютеранское вероисповедание, свободные крестьяне. Вопрос о том, имел ли Александр I в виду также шведские законы (конституции) 1772 и 1789 годов, остался открытым до 1869 года, когда Александр II утвердил их (Klinge 1997, 17).

⁴ Императорские манифесты и другие документы по присоединению Финляндии с Россией см. Внутренняя и внешняя политика России в конце XVIII–XIX вв. С. 104–121.

⁵ «План всеобщего государственного образования» М. Сперанского опубликован в сб. «Внутренняя и внешняя политика России в конце XVIII–XIX вв. М.–СПб, 2006. С. 54–72.

⁶ В течение XVIII века европейское просвещение распространилось в России, и тем самым среди аристократии и ученых средством общения служили западноевропейские языки. В 1810 году в коллекциях Санкт-Петербургской Публичной библиотеки были лишь восемь русскоязычных книг (Кларас 1991, 36).

⁷ В 1817 году Тенгстрем оставил должность вице-канцлера, так как был выбран первым в Финляндии архиепископом. В дальнейшие годы он, кроме исполнения обязанностей архиепископа, занимался церковной историей.

⁸ Helsingin yliopiston keskusarkisto. Kanslerinvirasto, Saapuneet asiakirjat.

⁹ В архиве Национальной библиотеки Финляндии сохранены списки книг, посылаемых из разных цензурных комитетов в Хельсинки. Среди них есть список из Виленского цензурного комитета, в котором адресатом является Абоский университет. Данное письмо, которое относится к осени 1827, т. е. к осени рокового пожара, свидетельствует о том, что система обязательного экземпляра работала в 20-е годы XIX века. (НУК Ва.1.1.32.).

¹⁰ Город Хельсинки, разрушенный русско-шведской войной, стали строить в 1810-е годы, а в 1812-м году по указу императора Александра I он стал столицей Великого княжества. В 1819 г. в новую столицу переехали сейм и другие административные учреждения.

¹¹ О пожертвованиях из России см. Pietarin Kirjoja 1991 ; Collections donated by the Academy of Sciences to the Alexander University of Finland in 1829, 1997, Jöngensen 1980, 63–102.

¹² Коллекции библиотеки (кроме периодических изданий), см. <https://helka.linneanet.fi/english/webvov.htm>

Лийса Бюклинг
Финляндия

Из истории русского театра в Гельсингфорсе в 1868–1880 гг.

(Постройка нового здания Александровского театра. Архивные документы)

Русский театр, работавший в Гельсингфорсе с 1868 по 1918 г., был единственным постоянным русским учреждением культуры в Финляндии. Даже Выборг, тесно связанный с хозяйственной и культурной жизнью столицы империи, видел русские спектакли менее регулярно. Русский театр был основан генерал-губернатором Николаем Адлербергом в 1868 г. Первые семь лет он существовал в деревянном театре Аркадия (здание не сохранилось, оно находилось недалеко от большой Абосской казармы, в начале нынешней улицы Аркадианкату). Сюда приезжали на короткие гастроли артисты петербургских театров, а также дачных театров. В 1880 г. было открыто новое здание Александровского театра, в котором Русский театр находился до весны 1918 г.

В данной статье рассматриваются документы, относящиеся к основанию Русского казенного театра в Гельсингфорсе и к постройке нового здания Александровского театра. В моей книге¹ использованы документы из архивов Петербурга (РГИА) и Хельсинки (Национальная Библиотека, Национальный Архив). В данной статье архивные документы публикуются впервые на русском языке (на языке оригинала документа).

Николай Владимирович Адлерберг, генерал-губернатор Финляндии (1866–1881) играл важную роль в основании Русского театра в Гельсингфорсе и в делах постройки нового здания. Он вдохновлялся не столько русификаторскими идеями, сколько интересом к театру и опере и миссией поддерживать русский язык и культуру в среде финляндцев. Близкие отношения Адлербергов с императорской семьей играли важную роль в делах Русского театра в Гельсингфорсе².

В 1868–1918 гг. Гельсингфорс входил одновременно в две разные (по величине и особенностям работы театров) зоны: во-первых – влияния культуры Петербурга, во-вторых, в зону широкой, охватывающей всю Российскую империю сети провинциальных театров. Провинциальный театр 1860–70 гг. представлялся

современникам «калейдоскопом разных, ежеминутно меняющихся явлений, уловление которых настолько же трудно, как и освещение с какой бы то ни было точки зрения». Актер Л. Самсонов насчитывал в 1875 г. около семидесяти пяти зимних трупп, кормивших, по его словам, «десять тысяч душ», включая актеров, служащих и их семьи. Значительные правительственные субсидии существовали с 1865 г. в Вильне, Минске, Ковно, Гродно; в 1866 г. по просьбе киевского генерал-губернатора были даны субсидии театрам Киева, Житомира и Каменец-Подольска. Правительственными субсидиями в провинции пользовались лишь некоторые театры на окраинах (преимущественно западных), где они были призваны выполнять русификаторские функции³.

Задумав основать русский театр в Гельсингфорсе (возможно, по примеру казенных театров на окраинах Российской империи), генерал-губернатор Николай Адлерберг обратился летом 1868 г. к военному министру с просьбой о субсидии. Его ходатайство передали императору Александру II, как следует из письма Ф. Гейдена от 15 июля:

«Милостивый государь Граф Николай Владимирович.

<...> Что касается субсидии для русского театра в Гельсингфорсе, то Военный Министр, отъезжав вчера за границу, изволил поручить мне уведомить Ваше Сиятельство, что Дмитрий Алексеевич докладывал об этом Государю Императору и Его Величество изъявил предварительное соизволение, но так как подобный расход не может быть отнесен на суммы Военного Министерства, то и сообщено о сем Министру Финансов для испрошения Высочайшего разрешения»⁴.

На предложение генерал-губернатора об основании русского театра император дал предварительное соглашение. Через неделю товарищ министра финансов С. А. Грейг известил телеграммой из Петербурга Адлерберга: «Соглашаюсь на испрашиваемое пособие Русскому театру»⁵.

Таким образом, Русский театр был основан. Как следует из документа, члены избранной Адлербергом Дирекции Русского театра в г. Гельсингфорсе (генерал-майор Геннерих, контр-адмирал Рудако, действительный статский советник Макшеев, подполковник Верба и барон Рамзай) «в общем своем присутствии слушали предложение Генерал-губернатора Великого Княжества Финляндии Графа Адлерберга 3-го от 30 июля <...> о предварительном соизволении императора» и решили основать театр⁶.

Некоторая задержка с арендой театра «Аркадия» и ангажированием труппы из Петербурга произошла из-за несвоевременного ассигнования субсидии из государственной казны. Однако, на заседании дирекции Русского театра было решено:

«Усматривая из настоящего предложения Его Сиятельства, что впредь до ассигнования необходимой для учреждения в г. Гельсингфорсе русского Театра денежной субсидии, нельзя приступить к каким-либо решительным распоряжениям, дирекция вполне соглашаясь с мнением Его Сиятельства, находит однако полезным немедленно приступить к предварительным распоряжениям, чтобы в случае ассигнования суммы можно было действовать решительно, и

безотлагательно осуществить мысль Его Сиятельства о доставлении обществу служащих лиц приятного и полезного препровождения времени». В письме впервые появляется мотивировка основания русского театра в Гельсингфорсе⁷.

В конце августа – начале сентября пришло извещение от Департамента Государственного Казначейства директору Русского театра Василию Геннериху: «<...> об отпуске из Гельсингфорского Расходного отделения назначенных на этот предмет с Высочайшего соизволения 6000 р. в распоряжение Финляндского Генерал-губернатора, предписано 21 сего Августа Санкт-Петербургской Казенной Палатой, о чем в то же время уведомлен и Финляндский Генерал-губернатор»⁸.

После долгой паузы генерал-губернатор сообщил Дирекции Русского Театра 17/29.10.1868: «Субсидия послана в Театр. Казначее Дирекции Русского театра коллежскому асессору Евстратору». Тем самым Генерал-губернатор заплатил 1000 марок за ложу Театра⁹.

Первый сезон открылся 29 октября в помещении театра «Аркадия». В нем было около 600 мест; два яруса и галерея. Дирекция в полном собрании своем постановила: «1. По случаю окончания работ по приведению Театра в приличный вид и прибытия всех артистов; с разрешения Его Сиятельства Господина Генерал-Губернатора Великого Княжества Финляндии, открыть представление в оном с 17-го сего Октября»¹⁰.

В шведской газете «Хувудстадсбладет» был опубликован анонс на русском языке: «Объявление. Дирекция Русского Театра в г. Гельсингфорсе имеет честь довести до сведения публики, что по ходатайству Его Сиятельства, Генерал-Губернатора Великого Княжества Финляндского, с Высочайшего соизволения, в первых числах октября начнутся Русские драматические представления в театре «Аркадия». Театр «Аркадия» по возможности возобновляется и частично переделывается. Дирекцией ангажированы Артисты и Артистки Императорских театров, ученицы Консерватории и лучшие Артисты провинциальных театров, а также любители и любительницы драматического искусства, вместе с тем ангажирован один из известных провинциальных декораторов, г. Шишков и приобретено значительное количество декораций и дорогих костюмов. Вследствие заявленного многими лицами желанья Дирекция нашла возможным открыть абонемент сначала на 25 представлений. Желających абонироваться просят обратиться в контору Дирекции, помещающуюся в здании театра «Аркадия» от 4–6 часов по полудни. Цены местам от 2 м. 50 п. – до 40 п.».

На открытии Русского театра маленькая труппа артистов играла комедию популярного драматурга В. Дьяченко «Не первый и не последний» и одноактный водевиль «Цыганка». Сезон закончился с началом Великого поста в середине марта (по новому стилю) 1869 г. Так как в Гельсингфорсе и в Свеаборгской крепости было мало публики, Адлерберг усомнился в возможности успешной деятельности театра. Он писал дирекции: «Рассмотрев подробно соображения о состоянии суммы Русского Театра и движение денег по приходу и расходу в течение почти четырех месяцев, при этом приняв в соображение, что ходатайство мое об открытии здесь Русского Театра основано единственно с целью дать как

военнослужащим, так и прочим Русским, здесь живущим, приятное и полезное развлечение; мною замечено, что на второй Абонемент почти нет подписчиков, самый же Театр, за исключением бенефисов, дает в настоящее уже время так мало сбору, что при таких обстоятельствах, не выражающих полного сочувствия русской публики к этому учреждению, рождается сомнение, чтоб на будущий сезон мог существовать Театр, потому что содержание его одною субсидиею не предстоит возможности; обстоятельство это прошу Дирекцию обсудить с особенным вниманием и точностью, и свое заключение доложить мне, дабы при невозможности поддержать здесь Театр, я впредь не утруждал Государя Императора ходатайством о субсидии.

13/25 янв. [18]69 Граф Адлерберг. №. 4»¹¹.

Несмотря на плохие сборы от спектаклей и дефицит Генерал-губернатор и дирекция театра в марте 1869 г. решили продолжить его деятельность и в следующих сезонах. В сезоны 1869–1872 гг. (в сезон 1872/73 не было русских спектаклей) и 1873–1875 гг. в Русском театре (театр Аркадия) играли приезжие петербургские и провинциальные артисты.

Одновременно с Русским театром, в 1871 г. создавался и Финский театр по инициативе доктора литературы Карло Бергбума. Мирное соседство русских и финских актеров и оперных певцов началось в «Аркадии». В 1868–1875 гг. они делили между собой это старое здание, поскольку принадлежащее шведскоязычным финнам, единственное хорошее театральное помещение – Новый театр (Nya Teatern), построенный по проекту петербургского архитектора Николая Бенуа в 1866 г. – не сдавалось в аренду. В отношении финнов к русским в то время не чувствовалось такого напряжения, как в отношениях к шведам, с которыми у них продолжалась борьба за место лидера национальной культуры. На спектакли оперного отделения Финского театра приходило много русских зрителей, в то время как драматическое отделение гастролировало по всей Финляндии и в Петербурге.

Предпосылкой для деятельности Русского театра в Гельсингфорсе до 1918 г. было достаточно: в городе и гарнизонах имелось небольшое русское население, которое испытывало тягу к театру и устраивало любительские представления, театр был устоявшейся организацией, и, самое главное, русское правительство выплачивало театру ежегодную субсидию. Субсидия составляла в зимний сезон 14 000 – 15 000 марок, или около 5 000 рублей. В 1870-е гг. 12% постоянного населения города составляли русские (3800 человек, исключая офицеров и солдат в гарнизонах); это были, главным образом, чиновники, фабриканты и торговцы. К началу XX в. русское население утроилось в гарнизонах, число русских офицеров и солдат дошло до 10 000 и больше. Значительно возросло и количество посетителей Русского театра.

Когда контракт о сдаче внаем театра «Аркадии» кончился (весной 1874 г.), Адлерберг обдумывал покупку помещения Русскому театру. В марте 1874 г. здание было проверено специальной комиссией, в которую входили инженер С. Ройтер, начальник инженеров Финляндского военного округа, инженер –генерал-майор

Фролов и другие. Впоследствии Фролов сыграл важную роль в судьбе нового здания. Комиссия сочла «Аркадию» неудобной для Русского театра, который, тем не менее, функционировал там уже шестой год¹².

Так как Финский театр упрочил свое положение в Гельсингфорсе, в апреле 1875 г. Попечительское общество Финского театра купило «Аркадию». Хотя финнам она показалась «темной и дряхлой» (по словам директора театра Бергбома), у них не было денег на новое здание. Новое здание Финского (Национального) театра открылось только в 1902 г. После покупки финны отнюдь не намеревались прекратить отношения с Русским театром: представитель Попечительского общества Финского театра Лэфгрэн предлагал К. Рейбницу, председателю Комиссии Русского театра, заключить договор о найме. Таким образом, роли владельца театра и его арендатора поменялись бы – ведь до сих пор Финский театр арендовал «Аркадию» у русских для своих спектаклей. Но такое «подчиненное» положение не понравилось Адлербергу, и он начал проект нового здания летом 1875 г.

Дружеские отношения Адлерберга с императором Александром II играли решающую роль в финансировании нового Русского театра и постройки нового здания до открытия театра весной 1880 г. и в течение первых двух сезонов.

В июне 1875 г. Адлерберг обратился к Нюландскому губернатору Георгу фон Алфтану с просьбой выделить место для строительства. Однако предложенной Алфтаном бесплатной территорией на Симонской улице в Кампене, близ от Абосской казармы и плаца солдатских маневров, Адлерберг был недоволен, но пока (в обращении к императору, цитируемом ниже) он об этом не писал. Кампен в то время не был внесен в план города и считался окраиной. Адлерберг предпочитал центральное место у «нашей старой церкви», то есть рядом с Троицкой церковью, где ныне (на Снелманской улице) находится Банк Финляндии (он тогда уже был внесен в план города вследствие финансовой реформы и введения финской марки)¹³.

Долгое время обсуждался вопрос о месте театра, так как предложение Адлерберга найти центральное место на какой-то площади и готовность финляндских чиновников пойти навстречу его желаниям не сходились. Все лето и осень искали место для постройки.

Пользуясь возможностью разговаривать с императором в Варшаве в конце июня (по ст. ст.) 1875 г., Адлерберг доложил ему свой план. В отсутствие Адлерберга его обязанности исполнял В. А. Индрениус. Как следует из заметки Адлерберга на маргинале его доклада: «Доложено Государю Императору 21 июня в Варшаве. Его Величество изволил приказать связаться с И. д. Министра Статс-Секретаря Великого Княжества Финляндского для сношения с Министром Финансов, чтобы в будущем году эта сумма 25 000 рублей (металлических) была отпущена в мое распоряжение». Приводим часть доклада Адлерберга императору, в котором он сначала упоминает о том, что «в 1875 г. русские спектакли прекратились» по причине, упомянутой выше. Адлерберг изложил ситуацию так:

«Вашему Императорскому Величеству известно, с какими трудностями было сопряжено устройство столь нужного русского театра в Гельсингфорсе, и какие благие последствия имело таковое, когда в 1868 году впервые раздалась русская речь

с подмостков театральной сцены. Таким образом трудная вещь сделана, и ныне было бы весьма прискорбно упустить ее последствия; по неимению же театра русские спектакли прекращаются, ежели их не возобновить постройкою нового здания, для этой цели; я уже нашел безвозмездно место для постройки небольшого каменного театра, для коего в моем распоряжении имеются суммы денег: оставшаяся от Всемиловейше разрешенной Вашим Императорским Величеством субсидии для Гельсингфорского театра на 1873/74 год, в коем представлений на русском языке не было, как равно имеющую быть полученною на 1875/6 год. Между тем по сделанным первоначальным соображениям на постройку театра будет недоставать около 25 000 металлических рублей, без которых нельзя приступить к этому предприятию исключая Всемиловейшего пожалования этой суммы из Государственного казначейства.

О чем докладываю Вашему Императорскому Величеству, всеподданнейше испрашиваю, как благоугодно будет разрешить этот вопрос: оставить ли вовсе предприятие сооружения нового здания под русский театр, или же приступить к этому чрезвычайно полезному поддержанию в публике русского языка, особенно теперь, когда финляндцы сами начали ходить в русский театр.

Сумма здесь испрашиваемая весьма ограничена для сказанной цели, потому что предполагается употребить деньги на производство представлений ассигнуемые, и потому что план составлен самым экономическим образом, инженеры должны безвозмездно руководить работами, которые будут производиться нижними чинами за более умеренную плату, нежели требуется здесь вольными мастеровыми и на приобретение камня предназначается просить от Инженерного Управления остатки от уничтоженных укреплений. Генерал-адъютант граф Адлерберг»¹⁴.

Адлербергу пришлось недолго ждать, так как на встрече с императором была обещана сумма 25 000 металлических рублей из Государственной казны в распоряжение генерал-губернатора. Одновременно с постройкой Русского театра Адлерберг озаботился основанием русской женской прогимназии в июле 1875 года¹⁵.

Как и было предложено Адлербергом, составление проекта нового здания было поручено военным инженерам. Возглавил строительство начальник инженеров Финляндского военного округа, инженер-генерал-майор Михаил Фролов. Смета постройки была составлена военным инженером, капитаном Кашперовым под руководством Фролова 1/13.7.1875. (Впоследствии Кашперов был произведен в инженер-подполковники и с марта 1877 г. занимал пост строителя театра после отъезда Зигеркорна). В распоряжении было 25 000 руб. от государственной казны, 20 250 руб. от субсидии прежних лет и 17 000 руб. от субсидий 1877 и 1878 гг. Всего 62 250 руб. Недоставало 61 438 руб. Адлерберг вновь обратится к императору за поддержкой¹⁶.

Летом Адлерберг посылал указания и распоряжения из Ловича, Варшавской губернии, в Гельсингфорс начальнику штаба Финского военного округа Г. М. Гагемейстеру и генерал-майору М. Фролову. Как было сказано выше, строительные материалы собирались перевозить от Аланда. Из письма Адлерберга Фролову 7/19.7.1875 следует, что Новый (Шведский) театр, построенный в 1866 г.

по проекту петербургского архитектора Н. Бенуа на месте сгоревшего, служил образцом:

«Я написал Вице-Адмиралу Рудакову насчет бесплатной перевозки кирпича в Гельсингфорс. <...> Начальник Штаба [Гагемейстер] просит от меня все эти дела как можно правильнее и скорее вести, чтобы не потерять времени, и начать работу как *можно скорее*, т. е. отделку выбранной местности, перевозку кирпича, представления мне планов, чертежей с размерами, и притом отмечать какие размеры у Нового Шведского театра, в отношении к нашим проектированным размерам, дабы я смог во всем сличать разницу. По утверждению плана сейчас же начать, сколько время позволит, постройку. <...> Я полагал бы правильным прислать мне одного из инженеров, который план будет делать, чтобы мне все изъяснить и переделать то, что сочту нужным переделать».

Адлерберг считал, что выбор членов Комиссии по постройке был главным делом, и закончил письмо так: «чтобы знать наперед что более 25 000 руб. и имеющихся средств субсидии, помощи для постройки дома уже не будет, и что долгу делать *не* следует и что таких денег совершенно достаточно, при бесплатном месте для постройки, при бесплатном кирпиче и перевозке оного, при бесплатных инженерах, вместо архитектора и при постройке солдатами за умеренную плату»¹⁷.

Следуя распоряжением Адлерберга, в Гельсингфорсе несколько военных и гражданских лиц занялись делами театра. Начальник штаба, генерал-майор Гагемейстер писал директору канцелярии генерал-губернатора о том, что следует связаться «с гражданским начальством о том, чтобы место для постройки Русского театра было нанесено в план и передано окончательно Начальнику Инженеров генерал-майору Фролову, для начатия работ»¹⁸.

Предварительный проект театра был составлен начальником Свеаборгского крепостного инженерного управления Петром Петровичем Бенардом под руководством Фролова. По-видимому, Бенард составил план театра по опубликованным проектам соразмерно с предполагаемым местом строительства, так как он справился с задачей меньше чем за месяц. Бенард был командирован к Адлербергу в Варшавскую губернию для представления плана «придворного театра» (слова Адлерберга), чтобы он «объяснил все» генерал-губернатору. Фролов писал Бенарду: «В исполнение приказа Командующего войсками Финляндского военного округа [генерал-губернатора], предлагаю Вашему Высокоблагородию отправиться в настоящее местопребывание Его Сиятельства, в г. Лович, Варшавской Губернии, для представления порученного Вам проекта и для личного доклада. [Подпись:] Начальник Инженеров. Инженер-Генерал-Майор Фролов»¹⁹.

В приложенном письме Фролов писал генерал-губернатору, давая ему несколько советов: «Проект этот, в общих основаниях, соображен очень хорошо, как и относительно размещения зрителей, в числе 400 чел., так и относительно главных технических условий». Однако на небольшом месте на Симонской улице в Кампене здание нужно было значительно сузить. Фролов писал: «Но так как город другого места не даст и, как я слышал, даже за настоящее малоудобное место, хочет взять

деньги, то я полагал бы по необходимости воспользоваться настоящим местом». Фролов предлагал Адлербергу отправить письмо Военному министру с просьбой использовать строительные материалы с руин в Бомарсунде на Аланде.

В конце письма Фролов признавался, что проект театра не был удовлетворительным: «Притом я полагаю, что представленный проект нельзя приводить в исполнение, не показав его предварительно одному из известных строителей театров. <...> в виду удешевления постройки, я и предлагал моим офицерам взять на себя эту работу, но ни один из них не дал еще положительного ответа, боясь огромной моральной ответственности». Окончательный проект театра должен, по мнению Фролова, быть составлен профессиональным архитектором. «В виду успеха дела и крайнего недостатка в опытных инженерных офицерах для исполнения служебных обязанностей» Фролов предлагал дать эту работу кому-нибудь из местных архитекторов (за 20 000 марок). Это, однако, не было исполнено, и когда проект театра был изменен, сказались некоторые недостатки.

По предположению Фролова, здание должно было быть готово к концу 1878 г. (оно открылось только весной 1880 г.) По его расчетам, на расходы имелось всего 260 000 мк., т.е. от Императора 100 000 мк. (25 000 руб.), субсидия прошлого года – 60 000 мк., от 1876, 1877, 1878 гг. (всего 100 000 мк.). Расходы на внутренние работы он не имел возможности сосчитать, «так как здесь все будет зависеть от степени роскоши, какую угодно будет придать театру». Чертежи были посланы в Петербург на проверку профессорам Академии Художеств А. Й. Кракау и Д. Гриму осенью 1875 года²⁰.

В августе 1875 г. Адлерберг получил разрешение от Военного министерства России на использование камня и кирпича с развалин Бомарсундской крепости на Аланде. Бомарсунд был бомбардирован во время Крымской войны английским флотом. В 1876 г. перевозка материалов с Аланда и строительство театра шли полным ходом. Как следует из счетов и документов за лето 1876 г., счета были оплачены «при доставке кирпича и гранитного камня в упраздненной крепости Бомарсунда в течение лета 1876 г.» Рапорт Командира Свеаборгского порта гласит, что «винтовая лодка «Коршун» с буксиром баржи № 124, летом сего года сделала в Бомарсунд шесть рейсов и перевезла для устройства русского театра кирпича 145.000 шт. и гранита 693 штук». Перевозка огромного количества строительных материалов обошлась очень дорого, так как морское министерство не могло помочь при перевозке, как сообщалось генерал-губернатору. Осенью 1876 г. мастер строительных дел Густав Малмстрем работал на постройке. Летом 1877 г. Я. Чернышев заключил договор о перевозке 75 000 кирпича от Аланда. Таким образом, постройка Русского театра предоставила много работы и заработок местным финнам, без которых русские строители не справлялись²¹.

Русские солдаты работали на стройке театра, например, нижние чины Онежского полка и 91-го пехотного Двинского полка, «находились для устройства Русского театра» в Гельсингфорсе в 1876 году²².

Гельсингфорские газеты внимательно следили за развитием дела и сообщали о ходе перевозок. В августе 1877 г. «Моргонбладет» (Morgonbladet) писала, что с

развалин крепости Бомарсунда доставляется кирпич для Русского театра, «дабы впредь пушечные залпы сменились на более мирные мелодии».

Так как строительных материалов от Аланда было доставлено в избытке, часть из них удалось продать Нюландской губернии²³.

Желая повысить престиж Русского театра, Адлерберг изменил размеры здания и потребовал найти новое место постройки. В Гельсингфорсе распоряжения Адлерберга выполнял начальник инженеров Фролов, который общался с нюландским губернатором и письменно, и лично по делам театра. Какие Адлербергом были сделаны перемены, следует из письма Фролова к нюландскому губернатору Г. А. фон Алфтану:

«По представлении этого проекта Графу Н. В. Адлербергу, Инженер-Полковником Бенардом 6/18 сего Августа, Его Сиятельство приказал увеличить здание, делая его на 500 чел. и уширить боковые помещения на столько, что ширина всего здания выйдет не менее 15 сажен. При этом Его Сиятельство выразил Подполковнику Бенарду, что признает неудобной, предложенную мною постановку здания, ведущих к ущербу вида его и симметрии». Это случилось бы на указанном городом месте на Симонской улице, где здание на 400 мест нужно бы сузить до 12,5 сажен. Должно было быть найдено новое место...

Фролов определил задачи так: «Вновь избранное место должно быть одобрено всеми членами особой Комиссии. Со своей стороны считаю долгом заявить Вашему Превосходительству, что, при крайней скудости денежных средств, имеющихся на возведение театрального здания, необходимо, чтобы это место, кроме других условий, требовало как можно менее издержек на равнение местности и устройство фундаментов». По мнению Фролова, в городе имелось три удобных места для Русского театра:

«Площадь Жидовского рынка, где назначено строить здание для банка, который, будучи гораздо меньших размеров, могло бы быть расположено на другом месте [ныне улица Снелмана], 2) Треугольная площадь (Trekanten), на котором театрального здания можно быть расположено без уменьшения ширины существующих ныне проездов [ныне Парк Дианы], 3) Незанятая площадь на Сандвикской площади, вдоль Бульварской и Авраамской улиц, длиной и шириной до 30 сажен [место Политехнического института]. При этом имею честь присовокупить, что так как театрального здания решено возвести каменным и придать ему красивые фасады, то оно независимо от пользы, которое принесет городу, по своему назначению, послужит еще украшением для любой городской площади».

В конце письма Фролов сообщал: «В письме ко мне от 8/20 сего Августа Его Сиятельство поручил мне передать Вашему Превосходительству, что место должно быть найдено, ибо это согласно с Волею Государя Императора»²⁴.

Дело постройки театра было затруднительным, как следует из писем Фролова. Через три дня он писал о своем поручении и. д. генерал-губернатору Индреинусу: «<...> так как Его Сиятельство изволил остаться недовольным местом у Кампена и поручил мне сообщить Генерал-Майору Алфтану об отводе для театра лучшего места». На встрече Фролова с Алфтаном место для театра

было определено неоднозначно, как следует из рапорта Фролова: «Вчера Генерал-Майор Алфтан словесно заявил мне, что ни одно из этих мест не будет уступлено для театра и ни в каком случае бесплатно и что только прежде указанное место на Симонской улице может быть дано даром теперь же». Фролов просил решить место театра, чтобы знать, куда строительные материалы будут перевезены²⁵.

В поисках места русские военные инженеры дошли до привокзальной площади в центре города. Генерал-майор Гагемейстер, Начальник Штаба Финского Военного Округа, писал Директору Канцелярии Генерал-Губернатора в августе 1875 г.: «Генерал-Губернатору Великому Княжеству Финляндии был предоставлен проект предполагаемого к постройке Русского театра, составленный в Окружном Инженерном управлении. Его Сиятельство одобрил в главных основаниях этот проект, признал, однако, необходимым сделать коридоры и самый зал несколько шире, чего невозможно исполнить на предполагаемом к отводу для постройки театра месте.» Граф Адлерберг просил, «чтобы театральное дело было устроено с полной энергией, так как осенью предполагается поставить фундамент», он также попросил найти другое место для театра в центре города. «Наиболее удобным для постройки Русского театра, который согласно предположению будет красивым зданием, могущим служить украшением для города, было бы место, где в настоящее время находится Цирк Чинизелли, т. е. на площади перед вокзалом железной дороги»²⁶.

Через пять дней от этого места пришлось отказаться, как следует из письма Гагемейстера Директору Канцелярии Генерал-Губернатора. «<...> место для театра, на площади перед вокзалом железной дороги, при осмотре его Начальником офицеров оказалось, для означенной цели, неудобным, так как для устройства фундамента на этом месте необходимо затратить значительную сумму на вбивку свай. По мнению же начальника инженеров [Фролова], необходимо, чтобы в виду крайней скудости денежных средств, имеющихся на возведение театра, место, отведенное для него, кроме других условий, требовало как можно менее издержек на уравнение и устройство фундамента.» Примечательно, что хотя место при вокзале русские инженеры нашли неподходящим по изложенным причинам, через 30 лет на этой площади был построен другой театр – Финский Национальный (1902 г.). По мнению генерал-майора Фролова, для театра имелись три подходящих места, из которых одно и было определено для театра²⁷.

На местах, желательных для русских строителей, позже были воздвигнуты большие здания, имеющие значение для общественной жизни Финляндии: Политехнический институт на Сандвикской площади (1877 г.), Финляндский банк – на нынешней Снелманской улице (1882 г.).

Место постройки определили в начале 1876 г., видимо, усилиями Фролова и благодаря связям Адлерберга с нюландским губернатором Алфтаном. Губернатор попросил магистрат Гельсингфорса подтвердить безвозмездное место для постройки Русского театра 16 декабря 1875 г. По решению магистрата Русскому театру определили его на Албертовской улице (квартал 8), и Бульварной улице (кварталы 18 и 20). Разрешение на постройку было утверждено Нюландским губернатором Алфтаном. Он писал председателю русской комиссии, что магистрат города принял

решение о предоставлении места для театра и что единственным условием является необходимость возведение забора вокруг места стройки²⁸.

Адлерберг был удовлетворен. В феврале 1876 г. он сообщил К. И. Рейбницу: «По решению ныне вопроса о безвозмездной уступке городом удобного места под здание русского театра, а именно у Бульварной улицы <...> я назначил комиссию по постройке этого театра». Адлерберг просил Рейбница быть председателем комиссии и писал: «Я поручил вести строительные работы по возведению театрального здания Инженер Полковнику Зигеркорну под надзором, в техническом отношении, Генерал Майора Фролова, а поставщиком строительных материалов избрал Коммерции Советника Чернышева». В отсутствие Адлерберга его обязанности, по прежнему, исполнял В. А. Индрениус, который, по настоянию Адлерберга, начал строительство театра 22 апреля 1876 года²⁹.

Несмотря на то, что Русский театр не был построен на площади в центре города, район Бульварной улицы считался престижным, в нем жили гельсингфорские чиновники и преподаватели университета в своих деревянных, окруженных садами, домах. Недалеко от театра был красивый особняк фабриканта Павла Синебрюхова (ныне Дом-музей) и его пивоваренный завод.

При составлении бюджета для внутренней отделки театра считались с расходами Нового театра, сообщенными его директором. Директор канцелярии генерал-губернатора Лерхе писал о стоимости всех предметов, относящихся до внутренней отделки Нового Шведского театра (построенного после пожара 1860 г.). Однако, как писал Лерхе, «ныне невозможно в точности показать стоимость именно внутренней отделки».

«Дирекция Нового Шведского театра сообщила, что 29.9.1866 расходы по перечневой ведомости – за здание театра с внутренней отделкой, а также газовых и водопроводами – 458.326 марок 49 п. В эту сумму включена цена за старые, после пожара оставленные стены, т. е. 75.400 мар. <...> за декорации 27.253 мар. 51 п. за мебель 17.461 мар. 3 п. и на разные мелкие принадлежности 2214 мар. 82 п. – или всего 505,255 марок 85 п.»³⁰

Неожиданностью для русских оказалось непомерное увеличение затрат на строительство, а также городские постановления о проведении строительных работ. Как было сказано выше, с целью экономии средств Адлерберг издал приказ о закупке строительных материалов на Аландских островах. Из-за дороговизны перевозок бюджет был превышен, и к лету 1876 г. он вырос в два раза. На постройку потребовалось 88 000 р., а на технические работы и внутреннюю отделку – 123 000 р.

Адлерберг снова ходатайствовал о получении дополнительных средств из Петербурга, когда он встречался с императором Александром II в Финляндии летом 1876 г. Император с наследником и со своей свитой посетили Гельсингфорс 15–17 июля. В программе визита было посещение Промышленной выставки и вечернего спектакля в Шведском театре, а наследник престола с супругой посетили Финский театр. Из Хельсинки император со свитой поехали на военные маневры в Парола, вблизи от г. Хямеенлинна. Тогда же (в вагоне поезда из Гельсингфорса в Хямеенлинна) Адлерберг заговорил о делах театра, как следует из его доклада императору.

«В прошлом году я имел счастье всеподданнейше докладывать Вашему Императорскому Величию о крайней необходимости сооружения в г. Гельсингфорсе здания для русского театра, который лишился помещения, с тех пор как здание, где помещался он, было продано Дирекции финской оперы.

Между тем, опыт нескольких лет доказал на деле пользу такового заведения в этом городе, как для удовлетворения потребности находящихся здесь русских войск и городских обывателей русского происхождения, живущего среди чуждого населения и забывающих родной язык, так в особенности для способствования финляндцам к столь желательному сближению с русскими.

В то время предполагалось ограничиться возведением деревянного здания, на том месте, где допускаются таковые постройки и самые проект и смета еще не были составлены и одобрены мною.

Для удешевления постройки я нашел наилучшим, вместо приглашения архитекторов, поручить эту постройку военным инженерам, так как Начальник Инженеров Генерал-Майор Фролов заявил мне, что он считает возможным составить проект театрального здания и исполнить его чрез подчиненных ему офицеров, без всякого вознаграждения для них от казны. – По примерному соображению когда еще не имелось данных относительно ценности механических и декоративных работ, собственно на постройку здания была заявлена мне сумма в 65 тыс. рублей. <...> Я имел счастье всеподданнейше просить Ваше Величество об ассигновании недостающей суммы в 25 тыс. руб., которые, по Высочайшему повелению, и были ассигнованы в мое распоряжение. По более подробном обсуждении этого вопроса, я нашел неудобным и неприличным, чтоб русский театр был отодвинут на окраину города, в то время как Шведский находится на одной из лучших площадей города и чтобы первый помещался в деревянном здании, тогда как второй имеет очень красивое каменное здание.

При том деревянное здание для театров весьма несоответственное, по большей опасности от огня. Вследствие этого я настоял, чтобы город непременно отвел для русского театра удобное и приличное место внутри города, а именно: то, которое было избрано Начальником Инженеров, на Бульварной улице, что после больших затруднений и было, наконец, исполнено. Проект, составленный по поручению Начальника Инженеров, Инженер-Полковником Бенардом, был рассмотрен профессорами Академии Художеств Кракау и Гриммом, найден ими вполне удовлетворительными и затем был переделан согласно их замечаниям, после чего для избежания потери времени, я приказал немедленно приступить к постройке, которая в настоящее время и производится.

По составленному военными инженерами подробному сметному исчислению, для исполнения имеющегося ныне проекта каменного здания потребуется сумма в 88 тыс. руб. собственно на строительные работы и сверх того на механические и декоративные работы, по сведениям собранным в Петербурге, потребуется 35 тыс. руб. что составляет всего 123 тыс. руб.

Сумма эта представляется весьма умеренной, если принять во внимание, что здешний Шведский театр, имеющий места только в 1,5 раза больше (в Шведском

театре имеется 780 мест, а в русском театре предполагается иметь 500) [в нем было 400 мест в 1880 г. – Л. Б.] и построенный городом чрез архитекторов, обошелся в 190 тыс. руб. в то время, когда цены на строительные материалы и рабочих людей были вдвое и втрое дешевле.

К концу 1878 г. на возведение внутреннего устройства театра в моем распоряжение будет иметься сумма в 62 тыс. руб., так что до окончания работ к этому времени будет недоставать около 60 тыс. рублей.

Ввиду необходимости основания в главном городе Финляндии постоянного Русского театра, имею счастье всеподданнейше испрашивать повеления Вашего Императорского Величества об ассигновании в мое распоряжение таковой дополнительной суммы, которая с избытком окупится нравственной пользой, ожидаемого от этой меры для здешнего края.

Подлинно подписал Генерал-Губернатор Великого Княжества Финляндского Генерал-Адъютант Граф Адлерберг 3-й»³¹.

После извещения Адлерберга о новой субсидии из его канцелярии в комиссию Русского театра было направлено письмо:

«По приказанию Господина Генерал-Губернатора Великого Княжества Финляндии, Канцелярия Генерал-Губернатора, – с возвращением трех планов и исчислением стоимости сооружения и внутреннего устройства Русского театра в Гельсингфорсе, приложенные к всеподданнейшему докладу Его Сиятельства Графа Николая Владимировича о дополнительных субсидиях русскому театру в Гельсингфорсе, – имеет честь уведомить, что на означенном докладе рукою Его Сиятельства написано: Доложено Государю Императору 5/17 Июля в вагоне от Гельсингфорса до Парола. Его Императорское Величество изволил приказать отпустить из Государственного Казначейства шестьдесят тысяч рублей, о чем сделал сношение через Министра Статс-Секретаря с Министром финансов, и получить деньги в разные сроки. 5/17 июля, Гельсингфорс. Граф Адлерберг».

На докладе была приписка: «эту сумму нельзя превысить, так как Адлерберг считает невозможным беспокоить Императора больше»³².

Русскую комиссию по постройке ждал новый сюрприз. Строительство театра шло полным ходом летом-осенью 1876 г., когда условия магистрата города Гельсингфорса дошли до строителя-подрядчика Якова Чернышева. Он писал в Комиссию Сооружения Русского театра в октябре 1876 г., что, так как магистрат города не получил официального подтверждения проекта, в магистрат был вызван поверенный Чернышева 25 сентября. Чернышев сообщал: «В ответ на это поверенный мой заявил, что сказанная постройка производится мной согласно вышеупомянутого контракта и утвержденных Господином Финляндским Генерал-губернатором проектных чертежей, под руководством и указанным строителя, военного инженера полковника Зигеркорна, и также под наблюдением Начальника Инженеров Финляндского военного округа».

Как следует из письма, на следующее собрание магистрата города 4/16.10. потребовались чертежи проекта и договор о строительстве³³.

По просьбе и. о. генерал-губернатора Индрениуса в октябре строитель театра, военный инженер полковник Зигеркорн посетил место постройки. Как оказалось при сравнении постройки с проектом, здание было поставлено не как хотел город (видимо, с главным входом на Бульварной улице), а с «императорским» входом на эту магистраль. Из рапорта Зигеркорна следует, что театр начал строиться по не утвержденному городом проекту. Зигеркорн писал: «Исполняющий должность Финляндского Генерал-Губернатора приказал мне предоставить ему верные копии с утвержденных чертежей строящегося Русского театра в г. Гельсингфорсе и выразил желание, чтобы чертежи были составлены согласно условиям заявленным городом при отчуждении места под постройку, прибавив что условия эти я могу получить в Канцелярии Генерал-Губернатора. 4 октября настоящего года я получил условия (в копии при сем прилагаемые) из Канцелярии, но так как подвальный этаж театра в настоящее время уже оканчивается, то я снял чертежи театра и его положение относительно улиц и близлежащих дворовых мест с натуры, при чем оказалось, что театр поставлен не так как того желает город»³⁴.

По всей видимости, в какой-то момент обсуждения проекта театра Адлерберг повернул здание таким образом, что он, как представитель императора, мог входить в Русский театр со стороны Бульварной улицы, а не с Албертовской улицы, где ныне расположен вход для публики.

Поверенные (магистрат) города Гельсингфорса обратились к нюландскому губернатору с жалобой на строителей Русского театра³⁵.

Дело получило огласку, когда уполномоченный города (фискал) вызвал Чернышева в суд за нарушение городских строительных уставов, как писали в газете «Helsingfors Dagblad» 8 октября 1876 г. В канцелярии генерал-губернатора статья была переведена на русский язык, и «какие следуют мероприятия от сего» обсуждались в комиссии. На следующий день в той же газете было опубликовано письмо русских строителей о том, что с утверждением императора проектных чертежей они получили «высочайшее одобрение». Через неделю в гельсингфорском магистрате дело было остановлено. Чернышев был освобожден от ответственности, которая принадлежала строительной комиссии, составленной из русских генералов, а также и подполковнику Зигеркорну. По мнению магистрата, русские военные чины не подлежали финским судебным ведомствам, писали в газете «Helsingfors Dagblad» 17 октября 1876 года³⁶.

Намереваясь уладить неприятную для русских ситуацию, Адлерберг пригласил к себе на обсуждение членов комиссии по постройке русского театра – генерал-лейтенанта Рейбница, тайного советника Софроновича, свиты Его Величества генерал-майора Гагемейстера, генерал-майора Чепурнова, капитана 1-го ранга Осетрова, полковника Бенарда, коммерции советника Чернышева, а также подполковника Зигеркорна. Такое же приглашение было послано и некоторым финским сенаторам, а также и губернатору Алфтану и профессору Мекелину (Leo Mechelin, председатель городского совета). (Письмо от Начальника Канцелярии Лерхе 29.11./13.12.1876). Такое же самое письмо было послано на шведском языке: г-ну сенатору Ньюкоппу, г-ну сенатору Циллиакусу, Генерал-майору фон Алфтану,

рефератору-секретарю (Refer. Sekretar) Каламниусу, Коммерч. советнику Киселеву, Профессору Мекелину³⁷.

Как следует из документов за зиму 1876–77 гг., проблемы постройки русского театра обсуждались и на встрече у генерал-губернатора с русскими офицерами и финскими сенаторами, и на обсуждении городских норм директором канцелярии генерал-губернатора Лерхе, и в переписке Адлерберга с губернатором Алфтаном. В весьма вежливом письме Адлерберг писал губернатору Алфтану, что он желал следовать точно «здешним законам» и передавал их своим подчиненным³⁸.

На встрече с императором в мае в Петербурге Адлерберг получил «высочайшее подтверждение» чертежам, как следует из «Доклада генерал-губернатора Финляндского Императору Александру II» 11 мая 1877 г. Однако Адлерберг оставил себе право внести изменения в проекты по освещению и внутренней отделке театра³⁹.

Летом Адлерберг послал чертежи театра в Финляндский Сенат, который 16 июня 1877 г. одобрил их и дал разрешение на строительство с тем, чтобы копия чертежей была послана в магистрат города Гельсингфорса для наблюдения над ходом строительных работ. Итак, официальное разрешение постройки Русского театра было получено от Сената и гельсингфорского магистрата только через год с небольшим после начала строительных работ. Как учреждение, принадлежащее ведению генерал-губернатора, Русский театр в Гельсингфорсе являлся островком русской империи, со своим уставом и порядком⁴⁰.

Так как расходы по постройке все увеличились, Адлерберг снова послал в Петербург просьбу о дополнительных суммах, в этот раз министру финансов С. А. Грейгу. Министр передал просьбу Адлерберга Александру II и ответил ему 9/21 Декабря 1878 г., что император разрешил платить из государственной казны 50 000 металлических рублей как «последнее пособие». В тот же день генерал-губернатор сообщал в Комиссию по постройке здания русского театра об этом решении императора с просьбой составить смету расходов. Адлерберг оставил за собой полное право решать все вопросы театра и в дальнейшем, приказав «не делать никаких существенных ассигновок без моего утверждения»⁴¹.

По сообщению члена комиссии по постройке театра газете «Helsingfors Dagblad», в апреле 1879 г. было израсходовано 510 000 марок, и дополнительно потребовалось еще 210 000 марок.

Работа над эскизами фасада и внутренней отделки была начата в 1878 г. Из Петербурга приехал молодой архитектор Иероним Осуховский, который, недолго поработав по оформлению лож, не окончил ни этой, ни другой (по внешней и внутренней отделке театра) заказанной работы. Для завершения работы летом 1879 г. Адлерберг пригласил финляндского архитектора Якоба Аренберга (Jacob Ahrenberg, 1847–1914 гг., архитектор, писатель, впоследствии директор управления по строительству). Аренберг заключил договор (на шведском языке) с Русским театром о работе по внутренней (зрительный зал) и внешней (фасады) отделке театра (20.6.1879).

Генерал-губернатор принимал живейшее участие во всех делах. Аренберг пишет в воспоминаниях «Människor som jag kánt» («Люди, с которыми я был знаком») о

том, как он подолгу разговаривал по-немецки с генерал-губернатором, который хотел увидеть все чертежи. Особое внимание Адлерберг обращал на украшение лож: «они не должны быть похожими на винегрет» (“Es muss nich wie eine Pastete aussehen.”) Стиль зрительного зала должен был быть выдержан в духе Людовика XVI, контуры украшений – четко выделены и убранство лож – розового и темно-пурпурного цвета⁴².

По рекомендации Аренберга, плафон театра был нарисован по проекту финляндского художника Северина Фалкмана, который, по словам Аренберга, «получил много удовольствия от этого заказа». На плафоне изображено двенадцать муз и амуров. Театр был сооружен в соответствии с требованиями современной техники русскими и немецкими мастерами. Механик Санкт-Петербургского императорского Мариинского театра Иосиф Воронцов заключил договор с Русским театром о работе по устройству сцены. Воронцов приезжал в Гельсингфорс летом 1878 г. на постройку и установку сценического оборудования и механики подъемных частей сцены. Воронцов также изготовил чертежи специально по устройству на сцене газового освещения, которое было заказано гельсингфорсской фирме. Воронцов руководил его установкой осенью 1879 г. Убранство театра, заказ кулис и оформление сцены и зрительного зала – тема отдельной статьи, для которой имеется много архивных документов.

Кулисы были заказаны не в Петербурге, хотя Адлерберг посоветовался с главным художником императорских театров Шишковым по этому вопросу. Специалистом по вещественному оформлению сцены считали не только в Европе, но и в России художника королевских театров в Берлине Паула Гропиуса. В больших мастерских Гропиуса в Берлине изготавливались кулисы по заказу многих европейских и русских театров, в том числе и по заказу императорских театров в Петербурге. Среди заказчиков мастерских Гропиуса был и Новый (Шведский) театр в Гельсингфорсе в 1860-е гг.

Гропиус приехал в Гельсингфорс в марте 1879 г. для ознакомления со строящимся театром. Как пишет Аренберг, ответ Гропиуса на вопрос Адлерберга о постройке был уничижительным: по мнению берлинского мастера, театр должен быть перестроен. На что член комиссии театра, генерал А. Чепурнов отметил: «Вот что я всегда говорил». Впоследствии Гропиус смягчил свое суждение, да и поздно уже было бы изменить проект здания⁴³. По всей вероятности, как было отмечено Фроловым в самом начале проектирования театра, у военных инженеров не хватало знаний и опыта для выполнения столь ответственной задачи, как постройка театра.

В мастерских Гропиуса было изготовлено семнадцать серий кулис для оперных и драматических спектаклей. Сценическая техника и постройка сцены была спроектирована и установлена Воронцовым в сотрудничестве с Гропиусом. Для руководства постройкой сцены и отладки ее техники Воронцов снова приехал в Гельсингфорс в мае 1879 г. Планировка здания (узкие коридоры, маленькое фойе у входа) оставляла желать лучшего, как было отмечено берлинским художником Паулом Гропиусом, внутреннее же устройство – артистические уборы со всеми

удобствами, фойе и помещения для зрителей – были на высоком уровне. Благодаря стараниям Адлерберга, обстановка сцены и кулисы, изготовленные в Берлине, были очень хороши и красивы.

«Здание Русского театра по наружной и внутренней отделке уже окончено», было заявлено в конце октября 1879 г. председателем русской комиссии К. Рейбницем в магистрат Гельсингфорса. Затем последовало несколько проверок разными чиновниками: и русскими, и финскими. В этот раз гельсингфорские власти были хорошо осведомлены о состоянии нового здания. Генерал-губернатор Адлерберг осмотрел театр в ноябре 1879 г. Городской магистрат получил несколько документов о ходе строительства. По свидетельству К. Рейбница, городскому магистрату Чернышевым в 1879 г. по чистой отделке здания театра произведено работ на сумму 71 470 мар. Представители магистрата проверяли здание 13 ноября (н. ст.), приняв его с одобрением (были проверены, кроме здания, и водопроводы, вентиляция, расстояние от соседних зданий и т.д.), о котором написано в свидетельстве на шведском языке (в русском переводе). По рапорту Рейбница, «работы г. Чернышевым произведены весьма добросовестно и по ценам весьма умеренные, кроме того при окончательном расчете г-на Чернышева с Комиссиею за произведенные работы им сделана значительная уступка в пользу театра». В начале марта здание было осмотрено старшим архитектором Л. Линдквистом, о чем свидетельствует «Акт об осмотре» на шведском языке, с переводом на русский⁴⁴.

Расходы по постройке в несколько раз превысили первоначальную смету, как следует из рапорта начальника артиллерии, генерал-лейтенанта Башилова, который сделал ревизию сумм. Он сообщил Адлербергу телеграммой: «Театр по счетам к 17 февраля обошелся марками 738 400 и рублями 15 тысяч, в остатке 46 тысяч марок, расход еще продолжается»⁴⁵.

26 февраля 1880 г. генерал-губернатор вручил Александру II письменное прошение о разрешении назвать театр именем государя. Император собственноручно поставил на прошении резолюцию «согласен», как следует из письма Адлерберга статс-секретарю Финляндии. «Генерал-губернатор Великого Княжества Финляндского Господину министру Статс-секретарю Великого Княжества Финляндского. В Петербурге, 27.2./10.3.1880. № 487. Имею честь препроводить к Вашему Высочородию всеподданнейший доклад мой от 26 февраля сего года, с помеченной на нем Собственно Его Императорского Величества рукою резолюцией о Всемилодивейшем разрешении назвать сооруженный в Гельсингфорсе русский театр «Александровским»⁴⁶.

В честь Александра II здание получило наименование Александровский театр. 9 марта 1880 г. об этом сообщила «Финляндская официальная газета» (*Finska Allmänna Tidningen*).

На открытии Александровского театра 30 марта 1880 г. выступала приезжавшая из Петербурга итальянская оперная труппа с оперой Ш. Гуно «Фауст». За премьерой последовало несколько оперных спектаклей из европейского репертуара. Итальянские оперные артисты приглашались и на следующие сезоны, вплоть до весны 1882 г. Первая русская драматическая труппа приехала осенью

1882 г., и с тех пор Гельсингфорс включался в маршруты гастролей петербургских и провинциальных актеров. Постоянной русской труппы в Александровском театре не было. Почти ежегодно сменявшаяся труппа играла в течение короткого зимнего сезона от двух до четырех месяцев десятки спектаклей. Здесь выступали многие петербургские артисты и гастролировавшие по России провинциальные труппы, также как и итальянские и русские оперные артисты. За 1882–1918 гг. в Гельсингфорс приезжало около тысячи русских артистов драмы, оперы, оперетты, балета и эстрады.

По сравнению с бедностью русских провинциальных театров Александровский выделялся своей красотой и удобствами. В России в 1870-е годы городские думы начали строить хорошие каменные театры «на манер столичных», по воспоминаниям актера В. Давыдова. Города с трудом находили средства на это строительство, и потому еще долго «в большинстве городов театральные здания узнавались не по роскоши постройки, а именно по убожеству»⁴⁷.

Гельсингфорс включался в маршруты гастролей петербургских актеров; некоторые держали здесь антрепризу. Известный артист Петербургского императорского театра Александр Нильский (1840–1899) был антрепренером в 1889–1891 гг. Вот как Нильский писал о Гельсингфорском Александровском театре: «Это одно из самых грациозных и изящных зданий в городе, могущее служить украшением даже столицы. Размером театр, действительно, невелик, но по чистоте, отделке, удобствам, может считаться вполне образцовым. Как наружным, так и внутренним видом он напоминает придворный театр: та же миниатюрность и то же изящество, граничащее с роскошью»⁴⁸.

В Александровском театре русские спектакли прекратились в марте 1918 г. Здесь в 1919–1993 гг. размещалась Финская национальная опера и балет. Когда Финская опера и балет переехали в новое здание в 1993 г., старому зданию вернули название Александровский театр (*Aleksanterin teatteri*) и он стал гастрольным театром.

¹ Keisarinajan kulisissa. Helsingin Venäläisen teatterin historia 1868–1918. (История Русского театра Гельсингфорса 1868–1918. (На сцене императорской эпохи. История Русского театра в Гельсингфорсе – Хельсинки.) SKS. Общество финской литературы. 2009, 416 с. 170 илл. Приложения: Репертуарные списки 1868–1875; 1880–1918. Биографии русских артистов, гастролировавших в Хельсинки. – Лучшие детские и юношеские театральные впечатления автора книги и данной статьи связаны со спектаклями Финской Национальной оперы и балета в старом здании на Бульварной улице. Автор тогда еще не знала, что это – бывший Русский театр, и что она будет историком этого театра.

² Николай Владимирович Адлерберг (1819, Москва – 1892, Мюнхен), граф (1847), государственный деятель, генерал-лейтенант (1861), С 1856 г. состоял при русской миссии в Берлине. В 1866–1881 гг. генерал-губернатор Финляндии и командующий войсками Финляндского военного округа. (Немцы в России. Энциклопедия. Том 1. Москва, 1999. С. 28. См. также: Осмо Юссила. Великое княжество Финляндское

1809–1917 гг. Перевод с финского под редакцией академика А. Ю. Румянцева. Ruslania Books: Хельсинки, 2009). Отец Николая – Владимир Федорович Адлерберг (1793–1882) был министром двора и уделов до 1872 г. Брат Николая, Владимир (1819–1889), с 1870 по 1882 гг. – министр двора и уделов.

³ *Фельдман О. М.* Провинциальный театр. История русского драматического театра. В 7 т. Т. 5. 1862–1881. Редакционная коллегия Ю. А. Дмитриев, Т. М. Родина, О. М. Фельдман, Е. Г. Холодов (главный редактор), Т. К. Шах-Азизова. С. 259–260, 296.

⁴ № 229. 15 июля 1868 г. Ф. Гейден Н. В. Адлербергу. Переписка Русского театра. Лето 1868 – 31.12.1868. Aleksanterin teatteri. Coll. 711.6. Käsikirjoituskokoelma. Kansalliskirjasto. // Отдел рукописей. Национальная библиотека Финляндии. НАФ.

⁵ Грейг Адлербергу 20.7./2.8.1868. // РГИА. Д. 428. – Журнал заседания Дирекции 1869/70 г.; Самуил Алексеевич Грейг – Адлербергу в Гатчино 24.7.1868 // Там же.

⁶ Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 428. Л. 12.

⁷ Дирекция русского театра – Генерал-губернатору 20.7./2.8.1868 // Там же. Л. 34.

⁸ Директор Департамента Государственного Казначейства – В. К. Геннериху. 27.8.1868. // Там же. Л. 46. (См. также: 31.8.1868. Инспекторное отделение Штаба Финляндского военного округа – Дирекции русского театра. Субсидия 6000 руб. серебром // Там же. Л. 49.)

⁹ Там же. Л. 84.

¹⁰ Дирекция Русского театра 15.10.1868 // Там же. Л. 12.

¹¹ Генерал-губернатор Н. В. Адлерберг – В Дирекцию Русского Театра. 13 января 1869 г. // НАФ. Дело 4 Дирекции Русского театра в Гельсингфорсе. Часть 2. Архив Русского театра.

¹² См.: Рапорт Комиссии о театре Аркадия. Март 1874 г. // НАФ. Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. Русский театр в г. Гельсингфорсе. Часть 1.

¹³ Н. В. Адлерберг – Г. фон Алфтану (июнь 1875 г.) // НАФ. Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. О постройке русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть 1-я. Начато 3/15 Июня 1875 г. [до 5/17. 1877].

¹⁴ Доклад Н. В. Адлерберга Александру П. Без даты. [Июнь 1875 г.] // НАФ. Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. О постройке русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть 1я. Начато 3/15 Июня 1875 г. [до 5/17.1877]. № 54, 1875 г. Л. 3–3об.

¹⁵ Резолюции генерал-губернатора Н. В. Адлерберга по делам устройства русской женской прогимназии и постройки русского театра в Гельсингфорсе. 7/19.7.1875. № 683 // ЦГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. № 20а.

¹⁶ Н. В. Адлерберг – Дирекции Русского театра (июль 1875 г.). // Там же. Д. № 21.

¹⁷ Там же. Д. № 20б. Л. 2–3.

¹⁸ Начальник Штаба, генерал-майор Гагемейстер – Директору канцелярии генерал-губернатора, 14/27.7.1875. // Там же. Д. № 20а. Л. 1.

¹⁹ М. Фролов – П. Бенарду. 30.7./11.8.1875. N. 1184. // Там же. Д. № 20. Л. 5.

²⁰ На документе заметка Адлерберга: «К делу о постройке русского театра». Начальник Инженеров М. Фролов Н. – В. Адлербергу, Гельсингфорс 1/13.8.1875. // НАФ. Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. О постройке

русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть 1-я. Начато 3/15 Июня 1875 г. [до 5/17.1.1877]. Л. 19–22.

²¹ РГИА. Ф. 501. Оп.1. Д. 21, № 724. Л. 100–101; Капитан 1-го ранга Осетров. Рапорт Командира Свеаборгского порта. – В Комиссию по Устройству Русского театра в Гельсингфорсе . 4.10.1876 // Там же. Л. 187; Морское министерство – генерал-губернатору. Копия. 17.8.1876 // Там же. Л. 104–105.

В архиве хранится много документов на русском и шведском языках: Счета (räkning). // Там же. Л. 221, 224; Шведоязычные счета 6.11. 1876. (Журнал) Работа по перевозке от Бомарсунда 29.5. – 28.10.1876. Gustav Robert Malmström. Byggmästaren // Там же. Л. 256–262; Договор. Я. Чернышев 7/19.7.1877 // Там же. Д. 22. Л. 192.

²² Пехотный Онежский полк – Председателю Комиссии. (Август – ноябрь 1876 г.) // Там же. Д. 21. Л. 228; Расчет для уплаты войскам денег за произведенные ими работы по устройству Русского театра. 1.9.-2.11.1876. (Разные полки) // Там же. Л. 229.

²³ См.: Комиссия – Директору Канцелярии Генерал-Губернатора (продано 40 500 штук кирпича) // НАФ Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. О постройке русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть III. 5/17.12. 1877 г. – 24.9./6.10.1879. № 75.

²⁴ М. Фролов – Нюландскому губернатору Г. А. фон Алфтану. 15.8.1875. N 1244 // ЦГИА, Ф. 501. Оп.1. Д. № 206. Л. 11–12; См. также: Выписка из письма Начальника Инженеров к Нюландскому губернатору 18.8.1875 по вопросу об избрании места для постройки Русского театра в г. Гельсингфорсе // Там же. Д. 20а. Л. 9–10.

²⁵ От Начальника Инженеров Фролова. Рапорт – и. д. Командира Войсками Финляндского Военного Округа. 19/31.8.1875 // Там же. Д. № 206. Л. 14–15.

²⁶ От Начальника Штаба, генерал-майора Гагемейстера, Финский Военный Округ – Директору Канцелярии Генерал-Губернатора, 13/25.8.1875 // Там же. Д. 20а.

²⁷ От Начальника Штаба, Генерал-майора Гагемейстера, Финский Военный Округ – Директору Канцелярии Генерал-Губернатора, 18/30.8.1875 // Там же. Л. 12.

²⁸ Нюландский губернатор Алфтан – генерал-губернатору Адлербергу 2/14.2.1876 // НАФ. Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. О постройке русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть 1-я. Л. 58–59.

²⁹ Генерал-губернатор Н. В. Адлерберг – К. И. Рейбницу 14/26.2.1876. Дело о постройке здания Русского театра в г. Гельсингфорсе и о движении сумм принадлежащих театру. Начато 17 февр. 1876 г. Окончено 30 дек. 1876 г. На 359 листах // ЦГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2; Проект положения о постройке 24.2./7.3.1876 // Там же. Д. 22. Л. 179–183.

³⁰ От Директора Канцелярии Лерхе – Начальнику Инженеров Финляндского Военного Округа 19.9./1.10.1875 // Там же. Д. 206. Л. 38–39.

³¹ Высочайший доклад генерал-губернатора Финляндии. [Без даты, 5/17 июля 1876 г.] Копия // Там же. Д. 21. Л. 373–375.

³² Доклад Канцелярии Генерал-Губернатора 12/24.7.1876. Дело о постройке здания Русского театра в г. Гельсингфорсе и о движении сумм принадлежащих театру. Начато 17 февр. 1876 г. Окончено 30 дек. 1876 г. // Там же. № 724. Л. 89–90.

³³ От Чернышева – в Комиссию Сооружения Русского театра 27.9./9.10.1876 // Там же. № 21. Л. 178–179.

³⁴ Рапорт Строителя (Зигеркорна) в Комиссию 14/26.10.1876. № 13 // Там же. Л. 192–197.

³⁵ Поверенные города Гельсингфорса – к Нюландскому губернатору. Подпись: Л. Мехелин // Там же.

³⁶ Записка по поводу заявлений со стороны уполномоченных г. Гельсингфорса, против Комиссии по постройке здания Русс театра. Копия // Там же. Л. 311–314; Рапорт строительной комиссии по поводу условий города. 25.10.1876 // Там же; Перевод на русский язык статьи из газеты Хельсингфорс Дагблад (Helsingfors Dagblad), октябрь–ноябрь 1876, и какие следуют мероприятия от него // НАФ. Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. О постройке русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть II. 25.11./7.12. 1876 г. – 10/22.11.1877. № 54/1875; Выписка статей из Helsingfors Dagblad в октябре и ноябре 1876 г. Перевод на русский язык // ЦГИА, Ф. 501. Оп. 1. № 21. Л. 305–310.

³⁷ НАФ. Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. О постройке русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть II. 25.11./7.12. 1876 г. – 10/22.11.1877. № 54/1875.

³⁸ Документы о постройке: уклонения от городских норм. Рапорт строителя 11.12.1876 // ЦГИА. Ф. 501. Оп.1. Д. 21. Л. 338–341; Лерхе в комиссию. Перевод частей Строительного устава для г. Гельсингфорса. 5/17.12.1876 // Там же. Л. 358–370; Письмо Генерал-губернатора председателю комиссии. (Лерхе сообщает, что член комиссии проверяет, следует ли строительство законам страны.) 11.12.1876 // Там же. Л. 352; Генерал-губернатор Адлерберг – Нюландскому губернатору Алфтану 4 янв. 1877 г. // НАФ. Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. О постройке русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть II.

³⁹ Доклад генерал-губернатора Финляндского Императору Александру II. 11 мая 1877 г. Копия // ЦГИА. Ф. 501. Оп.1. Д. 21. Л. 373–375.

⁴⁰ Канцелярия генерал-губернатора – Комиссии по постройке театра 4/16.6.1877 // Там же. Д. 22. Л. 122; Byggnadsordning for Helsingfors stad. 1875 // Там же. Д. 21, Л. 382–387.

⁴¹ Генерал-губернатор – С. А. Грейгу 18/30.11.1878. № 2246 // НАФ. Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. О постройке русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть III. № 75; Министр финансов – Адлербергу. 9/21 Декабря 1878 г. // Там же; Генерал-губернатор – в Комиссию по постройке здания русского театра в Гельсингфорсе. 9/21.12.1878. N 2356 // Там же.

⁴² *Ahrenberg Jac.* Människor som jag känt. Andra delen. Helsingfors. 1922. С. 157, 161.

⁴³ Там же. С. 157–158.

⁴⁴ Комиссия – в Гельсингфорский Городской Магистрат. 17/20.10.1879 // ЦГИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 23. Л. 314; К. Рейбниц – Я. Чернышеву 12.11.1879 // Там же. Л. 346; Свидетельство К. Рейбница Городскому Магистрату. 19.11.1879 // Там же. Л. 354; Свидетельство магистрата. 13.11.1879 // Там же. Л. 308–310; От Комиссии (Рейбница) – Адлербергу 5/17.2.1880 г. // Там же. Л. 393; «Акт об осмотре» 22.2./5.3. 1880 // Там же. Л. 154–157.

⁴⁵ Там же. Д. 29. Л. 12.

⁴⁶ То же послано Канцелярией Генерал-губернатора Сенату Финляндскому 11/22.3.1880. № 561; Статс-Секретариат Великого Княжества Финляндского Отделение 1 – к Генерал-губернатору. В Петербурге 4/16 марта 1880. № 137 // НАФ.

Дело Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. № 54 1875 г. О постройке русского каменного театра в Гельсингфорсе. Часть IV.

⁴⁷ *Фельдман*. Указ. соч. С. 288.

⁴⁸ *Нильский А. А.* Закулисная хроника. С.-Петербург, 1900. С. 331–332.

Е. Е. Князева к.и.н., гл. специалист РГИА
Г. Ф. Соловьева к.и.н., гл. специалист РГИА

Метрические книги как источник по истории лютеранского населения Олонецкой губернии, сер. XIX – нач. XX вв.*

Лютеране появились на территории Олонецкой Карелии в XVIII веке. Как правило, это были немцы, работавшие в горной промышленности, или военные. Некоторое время в непосредственной близости от Петровских заводов, в районе немецкого кладбища, существовала и небольшая деревянная лютеранская церковь, построенная, вероятно в первой половине столетия. Известно, что в 1780-е гг. в ней совершалась служба для приглашенных в Петрозаводск иностранцев. В 1791–1794 гг. в Петрозаводске служил пастор Г.-М. Фенандер.

С 1830-х гг. численность лютеран в Олонецкой губернии стала заметно увеличиваться за счет переселения на ее территорию финнов. Неурожаи, поразившие Великое княжество Финляндское в 1830–1860-е гг., вызвали разорение и голод населения его восточных областей, кроме того, с середины XIX века в княжестве стало нарастать аграрное перенаселение; напротив, соседняя Финляндии территория Олонецкой губернии в то время располагала широкими возможностями для заработка. Первоначально финны останавливались в Олонце и его окрестностях. В дальнейшем миграция вновь прибывавшего финского населения направлялась в основном в сторону промышленных центров, отдавая предпочтение южным и западным уездам: Петрозаводскому, Олонецкому, Вытегорскому, Лодейнопольскому.

Первые документы, свидетельствующие о начале деятельности по организации лютеранского прихода в Олонецкой губернии, относятся к 1830 г. Евангелический епископ Сигнеус обратился к финляндскому генерал-губернатору с просьбой «об откомандировании по крайней мере раз в год одного из живущих поблизости границы Олонецкой губернии пастора, для исправления на финском языке духовных треб переселившимся в значительном числе из Карелии и северного Саволакса в разные места Олонецкой губернии финнам, которые по незнанию нынешним пастором финского языка», не имеют возможности «на природном своем языке

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 10-01-00631 а/Ф

исполнять священные обряды исповедуемой ими лютеранской религии, так что не только умирают без покаяния, но и не приобщаются уже несколько времени Святых Тайн»¹. Дело в том, что первоначально лютеране Олонецкой губернии не имели собственного пастора, а находились под духовным попечительством новгородских дивизионных проповедников, немцев по национальности, основной паствой которых были латыши и эсты. Кроме того, вследствие отдаленности Олонецкой губернии от Новгорода и дисперсного характера расселения финнов, визиты пасторов были очень редкими и малоэффективными с точки зрения нужд прихожан. С конца 1840-х гг. финнов-лютеран изредка посещал служащий в Выборгской губернии пастор Давид Сирелиус. Он исполнял эту обязанности безвозмездно до 1859 г., когда финляндский Сенат определил ежегодно выделять из доходов княжества 500 рублей для духовного окормления финнов-лютеран в Олонецкой губернии пасторами из Финляндии².

В 1861 г. было получено разрешение министра внутренних дел на открытие в г. Олонце лютеранского молитвенного дома, а в 1863 г. для финнов и немцев-лютеран был учрежден самостоятельный приход с особым проповедником, причем субсидия из финляндских государственных доходов была повышена до 700 рублей, а позднее до 940 руб. Первым пастором самостоятельного прихода стал И.-А. Тенген (1863–1868 гг.). Сначала место проповедника находилось в Олонце, а с 1865 г. центром Олонецкого евангелическо-лютеранского прихода и местом постоянного пребывания пастора стал Петрозаводск. Первоначально богослужения совершались во временном помещении. В 1871–1873 гг. была построена и освящена небольшая деревянная церковь. Кроме главной приходской церкви имелись молитвенные дома в Олонце, Вытегре (1886 г.) и Вознесенье (1890-е гг.).

По данным Петербургской лютеранской консистории, в 1905 г. приход Олонец насчитывал 2933 человек, из них 2819 финнов, 107 немцев и 7 эстонцев. Это число распределялось на следующие местности: г. Петрозаводск с прилегающими финскими деревнями – 562; Вытегра с прилегающими деревнями и фабриками – 548; Олонец и 18 прилегающих деревень – 383; Повенец – 6, Пудож – 7, Лодейное Поле и прилегающие деревни – 138; село Вознесенье и прилегающие деревни – 244; деревня Великая Губа с восемью прилегающими деревнями – 54; Тивдия с шестью другими деревнями – 59; Шала и четыре деревни – 65; Сермакс (Сермаксы) и пять деревень – 26; Мятусово и четыре деревни – 71; Вашины – 215; Острошина – 65 и Ладва – 34, а также фабричная местность Курдюг – 258; Шола – 61, Удельное – 19, Тулмозеро – 31 и Видлицы – 89. Пастор, которого избирала община и утверждал губернатор, проповедовал каждое воскресенье (если он не совершал служебную поездку) в Петрозаводске на немецком и финском языках, два раза в год на эстонском и один раз на русском языках. В Вытегре и Вознесенье он проповедовал по три раза, в Олонце, Лодейном Поле, Сермаксах, Мятусове, Курдюге, Тулмозере и Видлицах по два раза, во всех остальных вышеуказанных населенных пунктах один раз в год. Везде, кроме Пудожи, проповедь велась на финском языке, кроме того, в Вытегре, Олонце, Повенце, Лодейном Поле,

Видлицах и в Вашинах, а также и в Пудоже, и на немецком языке, а в Сермаксе еще и на эстонском языке³.

К истории Олонецкого лютеранского прихода не раз обращались финляндские и российские исследователи⁴, однако такой важный источник как метрические книги, на наш взгляд, представляется еще недостаточно изученным. В данной статье мы остановим свое внимание на метрических записях лютеранского Олонецкого прихода. Опыт такого исследования уже существует в отношении метрических книг православных приходов Олонецкой губернии⁵.

Метрические книги хранят большой объем информации по истории населения. Созданные как церковный документ метрики выполняли ряд светских функций: регистрация рождений, смертей, заключение браков. Пристальное их изучение как комплексного источника позволяет выявить этноконфессиональные особенности в развитии церковных общин.

Метрические данные о членах Олонецкого прихода сохранились с 1833 по 1918 гг. Они сосредоточены в трех архивах: Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб) и Национальном архиве Республики Карелия (НАРК). Здесь же следует отметить, что с 1833 г. в общих списках вместе с членами новгородского прихода встречаются единичные записи немцев Олонецкой губернии. Регистрация рождений и венчаний финских крестьян Олонецкой губернии начинается с 1836 г., регистрация случаев смерти с 1859 г. С 1836 до 1859 г. члены Олонецкого прихода вносились пастором в метрические списки после записей членов Новгородского прихода под наименованием «Финские крестьяне». Основную часть информации содержат консисторские копии. Приходские книги, находящиеся в Национальном архиве республики Карелия (НАРК) сохранились за 1891–1918 гг.

Важным моментом при работе с этим источником является язык заполнения. С момента учреждения Генеральной консистории и принятия устава лютеранской церкви в 1832 г. все дела, как в приходах, так и в самих консисториях велись на немецком языке. Духовенство, заполняя метрические книги, преследовало не только вероисповедные цели⁶. Эти книги заменяли в пределах империи гражданскую регистрацию населения и имели общегражданское и общегосударственное значение. Они являлись актами, которые удостоверяли состояние каждого лица, его паспортные данные. Метрические записи составляли главное доказательство брачного союза, выдаваемые из них выписки о рождении считались преимущественным доказательством рождения от законного брака. Особенное значение при определении гражданских прав имели записи о погребении умерших. Выписка из метрической книги о смерти и погребении являлась обязательным документом для получения наследства. Поэтому необходимым мероприятием в истории метрикации лютеран явилось введение русского языка в церковное делопроизводство в 90-х годах XIX в. Вопрос, касавшийся метрических книг, по инициативе МВД поднимался несколько раз. По представлениям министра внутренних дел были высочайше утверждены мнения Госсовета 3 июня 1891 г. «О

ведении метрических книг лютеранского вероисповедания на русском языке» и 28 апреля 1892 г. «О введении русского языка в метрикацию всех протестантов»⁷.

Внесем в таблицу имеющиеся сведения о наличии и распределении метрических записей Олонецкого прихода по архивохранилищам.

Таблица 1.

Наличие метрических книг и консисторских копий по Олонецкому приходу в РГИА, ЦГИА СПб и НАРК.

Вид документа	Местонахождение	Наличие	Отсутствие
Консисторские копии	РГИА	1833–1841, 1843, 1845–1848, 1850, 1852–1853, 1855, 1857–1862, 1864–1885	1842, 1844, 1849, 1851, 1854, 1856, 1863
	ЦГИА СПб	1894–1896, 1898–1917	1886–1893, 1897,
Приходские экземпляры	НАРК	1891–1918	

Данные таблицы говорят о том, что источник имеет хронологические пропуски, составляющие в общей сложности 12 лет. Однако это не сплошной отрезок времени. Отсутствующие метрики с 1833 по 1885 гг. чередуются по одной через 1, 2, 4 года и 6 лет. С 1886 по 1918 гг. недостает девяти метрических книг. Из них восемь идут подряд. В этом случае, как видно из таблицы, четыре отсутствующих года дополняют приходские экземпляры, находящиеся на хранении в НАРК.

Все хронологические пропуски с 1848 г. можно дополнить статистическими данными, взятыми из сводных ежегодных отчетов по Петербургскому консисториальному округу⁸. Отчеты о родившихся, бракосочетавшихся и умерших стали присылаться в Генеральную евангелическо-лютеранскую консисторию с 1833 г. Статистические отчеты сохранились по 1913 г. включительно. В них приводится не только число родившихся, бракосочетавшихся и умерших с распределением по полу, а также указывается количество мертворожденных, внебрачных детей, двойни, тройни, число несчастных случаев и смертей старше 80 лет по каждому приходу округа.

Из трех списков регистрации гражданского состояния лютеран Олонецкого прихода менее пригодны для демографических исследований оказались списки венчавшихся. Исследователям приходится иметь дело только с краткими хронологическими копиями. В них указывалась дата венчания, имя и фамилия

жениха и невесты, а также страница из церковных книг, на которой помещена данная информация.

Краткие списки не позволяют определить средний возраст вступающих в брак. Имеющиеся сведения помогают исследователям лишь судить о частоте регистрации браков по месяцам и определить закономерности их заключения.

Списки родившихся содержат более развернутые сведения. В них указано имя младенца, кто были его родители, занятие отца, где и кем проводилось крещение, восприемники и их занятие. Иногда младенца крестил кто-нибудь из членов общины, из-за отдаленности пастора и слабости родившегося. Это действие имело название «Nottaufe», что означало крещение по необходимости и было предусмотрено церковным уставом. Спустя некоторое время, иногда даже более года, проходило утверждение такого крещения пастором. Все эти факты регистрировались в метрических книгах. С самого начала наблюдалась явная недорегистрация младенцев. На это указывают и другие исследователи⁹. Начиная с 1859 г., когда финляндский Сенат стал дополнительно выделять пастору средства на совершение треб, число регистраций значительно возросло.

Основой нашего демографического исследования явились списки умерших, имеющиеся в РГИА и ЦГИА СПб в виде консисторских копий с 1859 по 1917 г. включительно.

Формуляр имел 11 граф, из них 9 можно отнести к номинативной части, 2 – к статистической. Номинативная часть предусматривала:

- *Порядковый номер*
- *День и час смерти (Tag und Stunde des Todes)*
- *День погребения (Tag und Tageszeit des Begräbnisses. Instr. § 66)*
- *Имя, фамилия, род занятий умершего, если ребенок, то имя, фамилия, род занятий родителей (Tauf und Familienname, Stand, Rang und Gewerbe des Verstorbenen; bei Kindern: Tauf und Familiennamen, Stand, Rang oder Gewerbe der Eltern)*
- *Страница в книге прихожан (Pag. im Person.-Buche)*
- *Место рождение умершего (Geburtsort des Verstorbenen)*
- *Возраст умершего (Alter des Verstorbenen)*
- *Род умершего (Geschlechts des Verstorbenen)*
- *Гражданское состояние умершего (Ledig, verheiratet, geschieden oder verwittwet)*
- *Вид заболевания и род смерти (Krankheit und Todesart)*
- *Общие замечания (Allgemeine Bemerkungen. § 204,57-59,63; Instr. § 65)*

В статистической части указывался возраст умершего и его пол. Возрастные данные умерших прихожан обрабатывались в местных консисториях, вносились ими в специальные таблицы и ежегодно посылались в Генеральную консисторию. Эти таблицы составляли приложение к общей ежегодной «Табели о родившихся, венчавшихся и умерших» по консисториальным округам. В таблицах все

погребенные распределялись по числу умерших до года, до 5 лет и т. д. по пятилетиям.

Обратимся к номинативной части, чтобы представить объем информации помещенный в этих графах, а так же проследить последовательность и особенности их заполнения.

Порядковый номер. Каждый умерший в приходе при регистрации его в книге имел свой порядковый номер. Так как метрические книги велись изначально с целью регистрации религиозного обряда, то записи вносились не по дате смерти, а по дате погребения в хронологическом порядке. Если прихожанин умер в конце декабря прошлого года, то похороны иногда проходили в начале следующего. Если в книге записей погребенных порядковый номер отсутствовал, то это означало, что данное лицо являлось членом другого прихода. Пастор отмечал этот факт либо здесь же, либо в разделе «общие замечания».

Дата смерти и погребения. Ориентиром для поиска какого-либо лица могут служить даты смерти и погребения. Здесь опять следует отметить, что регистрация умерших проводилась по дате погребения, а не по дате его смерти. Между этими датами всегда существовал небольшой временной разрыв в отличие от списков родившихся, в которых этот разрыв, вопреки требованиям устава, мог достигать, порой, шести недель. Разница между смертью и погребением по церковному уставу не должна была превышать 5-ти дней. В годы эпидемий срок погребения сокращался до 1-2 дней.

Данные об умершем. Эта графа содержала информацию о личности умершего. Кроме фамилии и имени вписывались для лиц мужского пола – род занятий, для лиц женского пола – девичья фамилия и род занятий мужа, для незамужних – род занятий отца. Если проводилось погребение ребенка, то обязательно указывались один из родителей и их ремесло. Мертворожденные отмечались особо. Для них была предусмотрена отдельная графа в списках родившихся/крестившихся. Относительно Олонецкого прихода такая практика записи не применялась. Умершие младенцы вносились только в один из списков.

Эта графа дает представление о социальном статусе членов прихода, и способствует проведению исследований этносоциальной структуры населения.

Место рождения умершего. Сведения помещенные здесь позволяют решать задачи по выявлению направлений миграций жителей приходов. Финские приходы, включая Олонецкий, пополнялись большей частью населением, прибывшим из Финляндии. В списках Олонецкого прихода большая часть умерших финнов была родом из северокарельских волостей: Кухнониemi, Нурмеса, Пиелисъярви, Иломанси, часть – представляла восточную Финляндию: Какис, Имбилас. Здесь же встречаются некоторые города и селения Прибалтийских губерний. Эти сведения подтверждают и другие источники¹⁰.

Возраст умершего. Эта графа в списках умерших/погребенных служит основой для демографических расчетов.

Причина смерти. В первой половине XIX в. диагностика не всегда была на должной высоте, тем более что диагноз устанавливали церковнослужители или

же он записывался со слов родственников. Более точное распознавание болезней стало возможно с середины XIX в., когда произошло усовершенствование деятельности врачебной управы и были организованы земские медицинские службы, стали проводиться вскрытия. С этого времени при записи о смерти пасторы стали обращаться к медицинскому свидетельству, где указывался точный диагноз. Проповедник также делал отметки о несчастных случаях и насильственной смерти, самоубийствах. В метрических списках Олонецкого прихода случаев самоубийства не было зафиксировано, очень редко встречается смертельный исход от несчастных случаев. В отношении эпидемий нужно заметить, что некоторые эпидемические заболевания имеют четко выраженные признаки (чума, холера, оспа, тиф, чахотка) и поддаются учету. По этим записям можно определить регион распространения эпидемий и скорость охвата ими приходов.

Проанализировав объем информации, содержащийся во всех трех видах метрических записей, мы обратились к спискам умерших, как наиболее подходящих для наших демографических расчетов. Данные этих списков использовались нами для определения динамики, распределения возраста смерти, среднего возраста умерших, уровня детской смертности (в том числе младенческой), причины смерти, сезонного движения. Мы проследили влияние этих показателей на демографические характеристики населения в Олонецком приходе.

Распределение возраста смерти. Данные об умерших, приведенные в метриках, дают представление о возрастной структуре смертности. Рассмотрим распределение известных нам случаев смерти в приходе по возрастам в процентном соотношении к общему числу. (См Таблицу 2).

Табличные показатели представляют традиционную для XIX в. картину. Например, наибольшее количество смертей приходится на младенческий возраст. Из общего числа зарегистрированных случаев (5985) за период 1859–1917 гг. младенцы до года составляют 1801 случай. Это – 30, 09 %. Больше половины всех смертных случаев приходится на детей в возрасте до 5 лет (3510), что составляет 53, 45 %. Отметим, что с 5-летнего рубежа частота смертных случаев снижается до 5,8 %, а после 10-летнего возраста становится незначительной и переходит границу 3% только в 4-х возрастных группах: 50–55, 60–65, 65–70, 70–75. На группу старше 50 лет приходится 1 000 случаев и 16,72 % всех записей. Начиная с 75 лет, число зарегистрированных смертей составляет вновь менее 3-х % и достигает минимальной границы 0,15 %, приходящейся на группу 90–95 лет. Само число перешагнувших 80-летний рубеж не было слишком велико: всего 131 человек, что составило 2,18 %. Максимальный возраст смерти в этом ряду распределения – 91 г.

Младенческая смертность. Для выяснения уровня младенческой смертности исследовались консисторские копии метрических книг Олонецкого прихода за 1859–1917 годы. Из 5985 записей смертных случаев 1801 случай приходится на долю младенцев до года.

Таблица 2. Распределение возраста смерти в Олонецком приходе в 1859–1917 гг.

Возрастные границы	% от общего числа смертных случаев
(0–1]	30,09
(1–5]	23,36
(5–10]	5,18
(10–15]	2,31
(15–20]	0,19
(20–25]	2,89
(25–30]	2,42
(30–35]	2,31
(35–40]	2,66
(40–45]	2,67
(45–50]	2,59
(50–55]	3,38
(55–60]	2,70
(60–65]	3,39
(65–70]	3,49
(70–75]	3,76
(75–80]	2,70
(80–85]	1,55
(85–90]	0,48
(90–95]	0,15

Обратимся к таблице распределения возраста смерти (См Таблицу 2). Как уже было сказано, младенческая смертность значительно превышает смертность во всех последующих возрастных группах. Она составляет 30,09 % от общего числа. Известно, что этот показатель является одним из основных, характеризующих состояние здоровья населения.

При высоком уровне младенческой смертности говорят о так называемом «парадоксе детской смертности»¹¹. Он заключается в том, что значительное число умерших в возрасте до года существенно снижает средний возраст умерших, рассчитанный по таблице смертности и равный средней продолжительности предстоящей жизни для новорожденного. При снижении младенческой смертности показатель ожидаемой продолжительности жизни населения повышается.

На показатель детской смертности влияет, прежде всего, состояние здоровья матери. Этот показатель зависит от числа родов, возраста матери, ее заболеваний, социальных и бытовых условий. Организм самого ребенка также подвержен влиянию внешней среды и различным инфекциям на первом году жизни. Огромную роль в этом играют быт и условия проживания.

Для расчета младенческой смертности применяют несколько способов. Для выбранного нами временного отрезка (XIX в.) наиболее точным является метод,

позволяющий учитывать также влияние изменений уровня рождаемости. При расчете показателя младенческой смертности берется число детей, умерших в течение первого года жизни в данном году и устанавливается его соотношение к сумме $\frac{2}{3}$ детей, родившихся в этом году и $\frac{1}{3}$ детей, родившихся в предыдущем году. Основанием применения данного метода послужило то, что среди детей, умерших в возрасте до 1 года, 60–70 % приходилось на родившихся в этом году и 30–40 % на родившихся в предыдущем.

Задача состояла в том, чтобы показать возможность использования данного метода на примере лютеранских метрических книг. Мы сделали выборку по годам с перерывом 10–15 лет и проведенные вычисления для наглядности поместили в таблицу.

Таблица 3. Изменение уровня младенческой смертности в Олонецком приходе в 1865–1912 гг.

Годы	1865	1875	1885	1907	1908	1912
Число умерших младенцев	31	41	37	56	45	43
Коэффициент в промилле	212,3	247,4	233,2	213,3	191,3	183,1

Формула, которой мы пользовались, выглядит следующим образом:

$$m = M / \frac{2}{3}N + \frac{1}{3}n,$$

где m – коэффициент младенческой смертности, M – число детей, умерших в течение года жизни в данном году, N – число родившихся детей в данном году, n – число родившихся детей в прошлом году.

Этот метод эмпирически исходит из исчисления показателя младенческой смертности способом пропорционального деления родившихся. При нашей выборке видно, что коэффициент младенческой смертности до 1875 года растет, а затем наблюдается его постепенное снижение.

Здесь следует отметить, что вычисление этого демографического коэффициента возможно только при использовании данных метрических книг.

Неонатальная и постнеонатальная смертность. Списки умерших лютеранских приходов позволяют судить об уровне неонатальной и постнеонатальной смертности¹². Со второй половины XIX в. регистрация смертей стала проводиться более тщательно, с подробной записью возраста умершего. Для младенцев записывался месяц, день и час; для взрослого населения – год, месяц, день. Ниже мы поместили в таблицу данные по неонатальной и постнеонатальной смертности в Олонецком приходе за выбранные нами годы.

Причинами неонатальной смерти младенцев, как указывалось в метрических книгах, являлись послеродовая слабость, преждевременные роды. Смерть в постнеонатальном периоде наступала в результате судорог, конвульсий, «родимчика», воспаления легких, дифтерита, зубной лихорадки, поноса.

Таблица 4. Число неонатальных и постнеонатальных смертей в Олонцком приходе с выборкой нескольких лет с 1865 г. по 1912 г.

Годы	Число неонатальных смертей				Число постнеонатальн. смертей, с 28 дней до года	%от общего числа	Число мертворожденных	% от общего числа	Всего детей, умерших до года
	Дети в возрасте до 7 дней	%от общего числа	Дети в возрасте 8-28 дней	%от общего числа					
1865	5	1,6	2	6,5	20	64,5	4	13,0	31
1875	3	7,3	6	14,6	30	73,2	2	4,9	41
1885	1	2,7	5	13,5	27	73,0	4	10,8	37
1907	6	10,7	3	5,4	39	69,4	8	14,3	56
1908	4	8,9	6	13,3	32	71,1	3	6,6	45
1912	2	4,5	7	16,0	33	75,0	2	4,5	44

Динамика мертворождаемости. По метрическим книгам можно проследить динамику мертворождаемости. Мертворожденные учитывались приходским священником, как уже отмечалось выше, либо в списках родившихся, где им определялась специальная графа, либо в списках умерших – в графе «вид заболевания». Эти сведения помещались также в ежегодные сводные ведомости. Показатель мертворождаемости выражается в промилле и рассчитывается по формуле: число детей, родившихся мертвыми в данном году, делится на число всех родившихся в данном году детей (живых и мертвых). Мы составили таблицу, используя в своих вычислениях все зафиксированные в Олонецком приходе случаи мертворождений с 1865 по 1913 г.

Таблица 5.

Динамика мертворождаемости в Олонецком приходе в 1865–1913 гг.

Годы	Коэффициент
1865	37,04
1867	5,99
1868	27,67
1869	40,94
1870	21,39
1871	5,38
1872	19,23
1873	16,57
1874	6,06
1875	12,05
1876	5,43
1877	15,63
1878	18,40
1879	16,57
1881	29,74
1882	21,98
1883	5,71
1884	6,33
1885	31,45
1894	14,49
1896	4,65
1898	12,30
1899	20,75
1901	16,06
1902	14,60
1903	7,97
1904	7,94
1905	7,63
1906	15,94
1907	29,96
1908	13,64
1910	27,27
1912	8,55

Причинами мертворождения могли быть осложнения беременности, осложнения родов, хронические заболевания матери (диабет, гипертония, пороки развития, инфекции). Непосредственной причиной смерти самого плода являются асфикции (около 70 %), врожденные пороки, несовместимые с жизнью, респираторные расстройства, родовая травма, внутриутробная инфекция плода. Из таблицы видно, самый высокий коэффициент мертворождаемости наблюдался в 1865, 1869, 1885 и 1913 гг. (31–43). Коэффициент 20–30 наблюдался на 1857, 1861, 1868, 1870, 1881, 1882, 1899, 1907, 1910 гг. Таким образом, используя сведения церковных метрик, можно рассчитать коэффициент мертворождаемости.

Сезонные изменения. При рассмотрении динамики смертных случаев мы решили проследить их распределение по месяцам года. Выяснилось, что пик смертей приходится в весенний период на март (509 случаев) и апрель (524 случая), а в летнее время – на июнь (509 случаев). Осенью наступает спад до 370–397 случаев. Зимой число смертей опять незначительно увеличивается.

Для европейской России характерно распределение большей части смертей на лето (июнь, июль, август) и весну (март, апрель). Для северо-западного региона наибольшее количество приходится на весеннее время года. Это подтверждают и наши вычисления, результаты которых помещены в таблицу.

Таблица 6.

Распределение смертных случаев в Олонецком приходе по месяцам года, 1865–1917 гг.

Месяц	Количество зарегистрированных случаев	Процент от общего числа случаев
Январь	463	7,99
Февраль	458	7,71
Март	524	8,82
Апрель	509	8,57
Май	462	7,78
Июнь	509	8,82
Июль	454	7,65
Август	404	6,80
Сентябрь	372	6,27
Октябрь	392	6,60
Ноябрь	397	6,69
Декабрь	417	7,02
Итого	5937	100

Из таблицы видно, что резких скачков уровня смерти в Олонецком приходе за 1865–1917 гг. не наблюдалось. На общее распределение смертей влиял рост

детской, в том числе младенческой смертности. Причиной этого роста являлись эпидемии, инфекционные заболевания.

Причины смерти. Среди причин смерти со второй половины XVIII в. до середины XIX в. по всем лютеранским приходам Северо-Запада России наиболее распространенными являлись: простуда, температура, кашель, чахотка, водянка, эпилепсия, удар, диарея, скоропостижная смерть, корь, оспа, мертворожденный, понос. Большинство перечисленных случаев представляют собой лишь симптомы заболеваний, повлекших смерть. В ряде немецких приходов в XVIII в. при регистрации смерти пастор вообще не записывал заболевание, а указывал, на какой по счету день или неделю болезни наступала смерть (например, в списках умерших в приходе св. Петра).

При работе со списками умерших в Олонецком приходе (1859–1917 гг.) нами учитывались все заболевания, помещенные в специальную графу. Далее мы попытались их объединить в логические группы. Для продолжения работы использовали современную «Международную статистическую классификацию болезней, травм и причин смерти» (МКБ) и распределили заболевания, встречающиеся в XIX в., по ее разделам. Собранные данные были размещены в табличной форме по 15 группам (или классам). (См. таблицу 7). Название болезней нами сохранено в том виде, в каком они встречаются в метрических книгах.

При группировке болезней пришлось столкнуться с некоторыми трудностями. Метрические книги до 1892 г. велись на немецком языке и одно заболевание или обозначение симптома записывалось в нескольких вариантах. Например, понос обозначался как: «Rhur, Diarhoe, Durchfall», старческая слабость – «Alterschwaechе, Entkraeftung vor Alter». В итоге, как видно из таблицы, все случаи зафиксированные в XIX в., смогли распределиться по предложенным группам международного классификатора.

Из собранных сведений можно заключить, что наибольшее число смертных случаев происходило от болезней экзогенного характера (связанных с воздействием внешней среды). Из них легочные и простудные заболевания составили 30 % от всех случаев. Вероятно, это связано с холодным и влажным климатом этого региона.

От болезней кровообращения умерло 2,5 %. От эпидемических заболеваний смерть от оспы зафиксирована у 9 % умерших, у 4 % – от скарлатины, коклюша, кори, от тифа 0,5 %, от холеры 0,2 %.

Записи о смерти от внешних причин встречаются крайне редко. Их можно расценивать как единичные случаи. За весь период исследования встретилось всего 10 случаев. Среди них записи: убит, ушиблен, утонул, обжегся.

Натурально-естественная смерть (от старости) отмечалась в метриках в виде старческой слабости, старости, старческая расслабленность. Под этими записями подразумевалось, что человек умер в преклонном возрасте. Самый ранний возраст из этой группы – 62 года. Эти записи составляют 10 % от всех случаев.

Таблица 7.

Классификация причин смерти в Олонецком приходе, определенная по МКБ

Классы болезней по МКБ	Виды заболеваний в приходе
Инфекционные и паразитические болезни	Скарлатина, коклюш, краснуха, оспа, дифтерит, дизентерия, тиф, холера, желтуха, столбняк, туберкулез (чахотка), менингит, рожа, заражение крови (сепсис), столбняк, гангрена (антонов огонь)
Новообразования	Рак, саркома, др. опухоли
Болезни крови	Анемия
Болезни кровообращения	Паралич сердца, грудная жаба, расширение сердца, артериосклероз, апоплексический удар, склероз сосудов, закупоривание сосудов, разрыв сердца, порок сердца, эндокардия, сердечная недостаточность, сердцебиение, паралич сердца от алкоголизма
Болезни эндокринной системы, нарушение питания и обмена веществ	Рахит (английская болезнь), истощение
Психические расстройства	Сумасшествие, депрессия, маразм, самоубийства в припадке меланхолии
Болезни нервной системы	Нервная лихорадка, горячка с пятнами, эпилепсия, воспаление мозга, паралич
Болезни органов дыхания	Кровотечение из легких, бугорчатка легких, кашель, удушливый кашель, ангина, крупп, воспаление легких, гнойный плеврит, нарыв в горле, астма
Болезни органов пищеварения	Воспаление желудка, катар желудка, катар кишок, заворот кишок, понос, диарея, воспаление кишок, расслабление кишок, болезнь печени, камни в печени, воспаление слепой кишки, воспаление брюшины

Осложнения беременности, родов, послеродового периода	Преждевременные роды, последствия родов, эклампсия, младенческая слабость
Болезни костно-мышечной системы	Гной костей, костоед, грыжа
Болезнь кожи	Пузырчатая сыпь, просовидная сыпь, просовидный лишай, карбункул
Болезнь мочеполовой системы	Болезнь мочевого пузыря, воспаление почек, нефрит, камни в почках
Травмы, отравления, внешние причины	Утонул, ушиблен, удушен, ожог
Заболевания (симптомы), которые не возможно подвергнуть классификации	Воспаление, водянка, удар, судороги, от зубов, старость, конвульсии, лихорадка

Таким образом, при изучении причин смерти в Олонецком лютеранском приходе мы пришли к выводу, что наблюдается общая картина заболеваний, характерная для северных регионов. Однако нечеткие формулировки причин смерти усложняют исследование. Полноценное использование данных метрических книг о заболеваниях можно использовать только с конца XIX в. Основой современных исследований истории населения Олонецкой губернии являлись пока только метрические книги православных приходов. Лютеранские метрики не подвергались подробному комплексному изучению как массовый источник. Сравнение демографических особенностей в разноконфессиональных средах в данном регионе позволило бы сделать правильные выводы для успешного развития этого направления в дальнейшем.

¹ РГИА. Ф. 1480. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–2.

² Там же. Д. 58. Л. 81–82.

³ Die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland. Eine historische statistische Darstellung. Bd. I. St.Petersburg, 1909. С. 157–159.

⁴ *Ruutu M.* Suomesta 1800-luvulla siirtyneet luterilaiset Aunuksessa // Suomen Kirkkohistoriallisen Seuran Vuosikirja XXV. Helsinki, 1936; *Бирин В. Н.* Финны Олонецкой губернии: Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории Карельского научного центра АН СССР. 4 октября 1991 г. Петрозаводск, 1991; *Кутыков Н.* Та самая кирка // Петрозаводск. 1995. 10 марта, 12 мая; *Яловицына С. Э.* Истории финнов-лютеран в Карелии: этноконфессиональный аспект. Диссертация... кандидата исторических наук. Петрозаводск, 2002.

⁵ *Смирнова С. С.* Демографические процессы в Олонецкой губернии в XIX – нач.

XX вв. Опыт компьютерного анализа метрических книг: Дис. ... кандидата ист. наук. СПб., 2002.

⁶ Среди представителей иностранных конфессий только католики составляли две копии с метрических книг, одну из которых посылали в губернское правление. В этом случае государственные учреждения напрямую получали сведения о гражданском состоянии прихожан. Метрические данные лютеран оставались только внутри церковных учреждений, а в государственные попадали лишь на уровне статистики. См.: Свод законов Российской империи. Законы о состояниях. Т. IX. СПб., 1913.

⁷ ПСЗ III. Т. XI. № 7798. СУ. 08. 10. 1891. Отд. I. Ст. 1057. ПСЗ III. Т. XII. № 8540. СУ. 19. 06. 1892. Отд. I. Ст. 602.

⁸ РГИА. Ф. 828. Оп. 1–12. Ежегодные таблицы о родившихся, бракосочетавшихся и умерших в приходах Петербургского консисториального округа.

⁹ Яловицына С. Э. Истории финнов-лютеран в Карелии: этноконфессиональный аспект. Диссертация... кандидата исторических наук. Петрозаводск, 2002. С. 44.

¹⁰ Ruutu M. Suomesta 1800-luvulla siirtyneet luterilaiset Aunuksessa // Suomen Kirkkohistoriallisen Seuran Vuosikirja XXV. Helsinki, 1936.

¹¹ Термин употребляется в демографической литературе для обозначения ситуации, когда средняя продолжительность предстоящей жизни увеличивается с возрастом, в отличие от обычной ситуации ее снижения с возрастом. Боярский А. Я. Парадокс детской смертности // Народонаселение. М., 1994. С. 295.

¹² Неонатальная смертность – смертность младенцев в течение первых 28 дней жизни. Различают раннюю неонатальную смертность – смертность младенцев в первую неделю жизни и позднюю неонатальную смертность – смертность младенцев в течении 8–28 дней жизни. Постнеонатальная смертность охватывает период от 1 месяца до года жизни ребенка.

А. А. Паикова (Петрозаводск)

**Языковой вопрос в православном богослужении
в приходах Салминского и Сортавальского уездов
Выборгской губернии в XIX – начале XX вв.***

На протяжении нескольких столетий, начиная с XVI в., Северное Приладожье было пограничной территорией, за обладание которой боролись Россия и Швеция. Это пограничное положение привело к тому, что население земель, примыкавших к границе с Россией, а именно, Салминского и Сортавальского уездов Выборгской губернии, было этнически и конфессионально неоднородным. Без учета этой неоднородности нельзя понять многих особенностей истории этого региона, который финские ученые называют Пограничная Карелия (Raja Karjala).

История православия в Приладожской Карелии насчитывает несколько веков. Уже с конца XII в. Приладожская Карелия вошла в сферу влияния Великого Новгорода. С этого времени начинается активная духовная экспансия православной церкви, итогом которой и стало крещение карел в 1227 г. Завершение этого процесса произошло в 1323 г., когда был заключен Ореховецкий мирный договор, согласно которому земли Приладожской Карелии были закреплены за Новгородом. Свообразными форпостами православной церкви на территории приграничной Карелии явились основанные монастыри – Валаамский и Коневецкий, которые возникли в конце XIV в. Сильнейший удар по православию в этих землях нанес Столбовский мирный договор 1617 года, согласно которому Северное Приладожье перешло под власть Швеции. Таким образом, приладожские земли, населенные православными карелами, попали под власть шведского лютеранского королевства. На этих землях православие подвергалось серьезным гонениям. Там было запрещено вести пропаганду православной веры, а православные священники в обязательном порядке должны были изучать основы лютеранства, а также знать финский язык и вести на нем богослужение¹.

В результате этих гонений православные карелы бежали на территорию России. Только за годы русско-шведской войны 1656–1658 гг. Приграничную

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 10-01-00631 а/Ф

Карелию (т. е. территорию будущего Салминского уезда) покинуло 1176 человек, большинство из которых переселилось в район Олонца.

Информация о жестоких репрессиях против православных карел в XVI–XVII вв. хранилась в исторической памяти населения Северного Приладожья на протяжении нескольких веков. В конце XIX в. финский этнограф Теодор Швиндт издал сборник «Народные предания северо-западного Приладожья, собранные летом 1879 года»². Одно из них, посвященное деревне Отсойси в Сортавальском уезде, гласит: «Народ здесь жил богатый. В деревне была своя церковь... Когда пришли шведы, то церковь разорили. Люди закапывали деньги в землю, сами прятались сначала в землянках, а потом ушли в Россию»³.

На место православного населения в Приладожскую Карелию переселялись финны-лютеране из района Выборга и области Саво. Известно, что некоторые из оставшихся в Северном Приладожье православных карел переходили в лютеранство, чтобы обезопасить себя от нападков со стороны властей⁴. Потомки этих семейств носили фамилии Куйсманен, Сиссанен, Симанайнен (происходившие от русских имен Кузьма, Сысой, Симон), что указывает на принадлежность их предков к православию⁵. Таким образом, лютеранское население Северного Приладожья появилось в результате как притока лютеран из Финляндии, так и перехода православных карел в лютеранство. На протяжении XVII в. и даже начала XVIII в. лютеранские общины возникли в Импилахти (1638 г.), Салми (1639 г.), Китее (1637 г.), Сортавале (1639 г.) и Рускеале (1721 г.)⁶. Православное карельское население Северного Приладожья сохранилось только вблизи границы с Россией. Именно эта приграничная территория и была названа Пограничная Карелия (Raja-Karjala). Именно эти земли будущего Салминского уезда стали оплотом православия не только в Северном Приладожье, но и в целом в Финляндии. В Сортавальском уезде численность православных была уже гораздо меньше, а в Кексгольмском уезде лютеранская вера была практически господствующей.

Салминский уезд был преимущественно православным. В 1849 г. лютеране составляли там лишь 15,7 % населения, тогда как в Сортавальском уезде численность лютеран достигала в 1849 г. 88,4 %⁷.

К началу XIX в. церковная служба в лютеранских церквях проходила на финском языке, а в православных – на церковнославянском. В 1815 г. вышло постановление Святейшего Синода, согласно которому службы в карельских православных церквях могли проводиться на родном для населения языке⁸. В первой половине XIX в. духовные власти поддерживали тех священников, которые владели карельским языком и использовали его при богослужении и совершении церковных треб⁹.

Внимание властей к изучению местных языков проявлялось и в том, что уже с 1826 г. карельский язык стал входить в программу обучения тех православных священников в С.-Петербургской духовной академии, которые были выходцами из Финляндии¹⁰. Позднее карельский язык стал преподаваться в Архангельской и Петрозаводской духовных семинариях.

На первую половину XIX в. приходится масштабная попытка перевода

богослужбной литературы на карельский язык, когда Синод распорядился перевести Катехизис и Символ веры на «олонецкий и карельский языки». Дальнейшие переводы богослужбных книг возобновились в 1850–1860-е гг.¹¹

В 1858 г. жители общины Тайпале подали прошение о проведении церковных служб на родном языке. Это прошение привело к началу перевода богослужбной литературы на карельский язык. Первой такой переведенной книгой стал «Служебник» (Palvelukirja), изданный в 1862 г. преподавателем С.-Петербургской духовной семинарии Т. Фриманом¹².

Активность в этом деле проявили и лютеране. Во второй половине XIX в. в связи с усилением миграции лютеранского населения на территорию Салминского уезда по общинам уезда Салми, Суоярви, Корписелька и Суйстамо стал распространяться переведенный молитвенник, написанный на карельском языке, автором которого был лютеранский пастор Давид Сирелиус¹³. В среде приладожского православного духовенства и интеллигенции на рубеже 1860–1870-х гг. появляется стремление перевести часть богослужбной литературы с церковнославянского на карельский язык. В отличие от финских «патриотов» – националистов, стремившихся проводить политику финнизации по отношению к православному населению, православные священники переводили литературу на карельский с целью усиления позиций православия в крае. По их мнению, для поддержания авторитета православия, необходимо проводить хотя бы отдельные службы на понятном для населения карельском языке. В Салминском и Сортавальском уездах частично службы на карельском проводили священник из Суйстамо и Иломанси Василий Дьяконов, священник из Суйстамо Иоанн Зотиков, в Сортавале переводом богослужбной литературы занимался в 1854–1874 гг. чиновник Федор Львов, а в Китее использование карельского языка в обучении детей внедрял Алексей Шепелевский. Переводом православной богослужбной литературы занимались также известный финляндский протоиерей Михаил Казанский и священник Суйстамской церкви Иоанн Альбинский. Преподаватели Сортавальской семинарии Сергей Окулов и Сергей Солнцев также увлекались переводами религиозной литературы на карельский язык¹⁴. В Салми во второй половине 1880–1890-х гг. богослужения на салминском диалекте карельского языка проводил уроженец олонецкого села Видлица отец Савелий¹⁵. В приходе Салми, в которой прорусские симпатии населения в языковой сфере были наиболее сильны, карельский язык в церковной сфере использовал Павел Устволгский, служивший там священником в 1915–1924 гг.¹⁶

В то же время, несмотря на имеющиеся переводы и активность отдельных представителей православной церкви, использование карельского языка в церковной службе в православных храмах затруднялось из-за незнания многими священниками карельского языка. Так, только 25 из 40 православных священников, служивших в Салминском уезде в 1848–1900 гг., владели финским или карельским языком и, следовательно, могли свободно общаться с паствой¹⁷.

В 1865 г. вышло постановление Святейшего Синода, согласно которому службы в православных приходах Финляндии могли проводиться на финском языке¹⁸.

В 1869 г. Святейший Синод издал постановление, в котором подчеркивалась особая важность свободного владения финским языком для священников православных приходов Финляндии¹⁹. Сходное по содержанию постановление было издано и в 1883 г.²⁰ Хотя эти постановления носили рекомендательный, а не обязательный характер, можно считать, что власть на официальном уровне подчеркивала важность владения финским языком представителями православного духовенства.

Но, хотя карельский язык имел право быть допущенным в сферу богослужения с точки зрения законодательства уже в начале XIX в., это практически никогда не выполнялось в реальной жизни вплоть до рубежа XIX–XX вв. Так, в «Списке раскольников, проживающих в приходах церквей Кексгольмского благочиния за первую половину 1869 года» говорится, что «прихожане местных церквей вообще усердны к исполнению внешних обрядов Богочтения, можно надеяться, что ревность их усилится, когда везде будет проводится служба Божия на финском языке, как она отправляется в Сердобольской церкви»²¹. Интересно отметить, что службы в Сортавальской православной церкви проводились на карельском языке еще с конца XVIII в. Так, академик Н. Я. Озерецковский, посетивший Сортавалу летом 1785 г., писал о службах в этой церкви: «Священник толкует им церковную службу на их языке, на котором печатных церковных наших книг еще не имеется»²².

Таким образом, несмотря на существующие постановления, православное богослужение на протяжении XIX в. по-прежнему проводилось на церковнославянском языке, использование финского или карельского языка являлось редкостью и проводилось только в православной церкви Сортавалы. Причина господства церковнославянского языка в православных богослужениях была обусловлена не только охранительной политикой имперской России, но и безразличием православных карел Салминского и Сортавальского уездов к языковому вопросу в церковной сфере. Так, финский историк И. Соурандер отмечает традиционализм православного населения Салминского уезда: «Необразованный народ нисколько не понимал обряды в православных богослужениях, но машинально воспроизводил их... Богослужения в православных службах проходили на церковнославянском языке, и хотя народ совершенно не понимал значение слов, все внешние обряды тщательно воспроизводились»²³.

Лишь в начале XX в. церковнославянский язык теряет свои позиции в сфере православного богослужения, и службы начинают проводиться на понятном населению финском языке во всех общинах, кроме Салми и Суоярви. Подтверждение сложившейся ситуации находим в «Исторической записке о положении православия в финляндской Карелии»: «Существованием карельско-русского наречия объясняет отчасти то обстоятельство, что чисто карельское население предпочитает русские школы финским и совершение богослужения на славянском или же карельском языке. Таким отношением к богослужению особенно отличается большинство населения самого многолюдного Салминского прихода. В остальных же приходах кроме Шуезерского, успел уже привиться

финский богослужебный язык»²⁴.

Преданность жителей Суоярви и Салми церковнославянскому языку легко объяснима с точки зрения экономических интересов местного населения. В Суоярви на протяжении всего XIX в. действовал чугунолитейный Анненский завод, на котором работали русские мастера. Соответственно, церковнославянский язык был понятен для них в богослужении, и переход на финский или карельский язык вызвал бы негативное отношение со стороны приезжего населения. Местные жители Суоярви, постоянно общаясь с русскими, считали Россию наиболее привлекательной страной – из России привозили хлеб, там можно было найти заработок, отсюда в Суоярви приезжали рабочие – носители русского языка и культуры, с которыми местное население вступало в постоянные контакты – как экономические, так и брачные. Помимо этого, православное богослужение на церковнославянском языке было традиционным на протяжении многих столетий и у местного населения не было повода менять традицию. В общине Салми так же, как в Суоярви, церковнославянские службы проводились на церковнославянском языке до начала XX в. Причина популярности церковнославянского языка заключалась в пограничном положении Салминской общины. Находясь на границе с русской Карелией, община Салми состояла в постоянных экономических контактах с Россией – как следствие, знание русского языка в большей мере, чем в других общинах, воспринималось жителями как необходимый фактор благополучного финансового благосостояния. Без знания русского языка долгосрочные поездки в Россию с целью заработка становились невозможными. Богослужение на церковнославянском языке воспринималось как принадлежность к русской культуре, и тому языку, который давал заработки. По данным финского историка И. Соурандера, в общине Салми первые службы на карельском языке стали проводиться только в 1910–1917 гг.²⁵

Благожелательное отношение царской власти к финскому языку в первой половине XIX в. имело прежде всего политическую подоплеку. Русское правительство до конца XIX в. стало проводить меры по укреплению финского языка прежде всего для того, чтобы ослабить возможное влияние Швеции и зарождавшегося скандинавизма. Поддерживая финский язык, царская власть одновременно ослабляла позиции шведского языка и соответственно, влияние шведской культуры.

Во второй половине XIX в. ситуация существенно изменилась. Теперь врагом Российской империи был уже не шведский язык, а нарождающееся финское национальное самосознание, проявлением которого был финский литературный язык.

Финский ученый Э. Куйо отмечает, что царская власть в лице русских чиновников на рубеже XIX–XX вв. планомерно проводила линию по укреплению позиций карельского и русского языков в противовес финскому. Карельский язык, согласно этой линии, должен быть допущен в сферу богослужения прежде всего потому, чтобы приладожские карелы не отвернулись от православия ввиду того, что служба в православных церквях проводилась на непонятном для них церковнославянском языке²⁶.

Интересно отметить, что отношение части православной паствы к ведению церковных служб на карельском языке было негативным. Так, когда в 1905 г., после появления закона о свободе совести, свободы собраний и печати, под влиянием учителей финских национальных школ церковные службы в православной церкви Салми стали проводиться на карельском языке, паства выступила против нововведения²⁷. Изначально собрание было организовано преподавателем русского языка Сортавальской учительской семинарии Сергеем Окуловым. По плану Окулова, церковные службы на карельском языке должны были проводиться только каждую вторую субботу после службы на церковнославянском языке. Тем не менее, община отвергла это нововведение²⁸.

По словам священника Константина Яковлева, практическая польза богослужений на карельском в общине Салми была очевидна, и в 1909–1917 гг. перед официальным богослужением, устраивались домашние богослужения на родном языке²⁹.

В начале XX в. произошло усиление русификаторской политики в Великом княжестве Финляндском, проявлявшейся и на территории Северного Приладожья. Если в первой половине и в середине XIX в. отношение царских властей к финскому языку было лояльным, даже благожелательным, то с конца XIX в. ситуация коренным образом меняется.

В первой половине XIX в. возникло, а во второй половине XIX в. стало реальной силой финское национальное движение. Царская Россия столкнулась с новым противником – финскими интеллектуалами, мечтой которых была «Великая Финляндия» – суверенное финское государство, под главенством которого находились и этнически близкий финнам народ – карелы.

Следует отметить, что, проводя политику русификации, царские власти имели довольно смутное представление о реальной языковой ситуации в Северном Приладожье. Так, ограничивая свое общение исключительно верхушкой крестьянской общины – старостами, сравнительно хорошо знавшими русский язык, чиновники не допускали мысль о том, что основная масса карел не владеет русским языком или знает небольшое количество слов, необходимых для решения бытовых вопросов³⁰. Такое ошибочное представление привело к тому, что в среде российских чиновников проекты русификации в языковом вопросе и форсированной ассимиляции карел как наиболее близкой русским в антропологическом, конфессиональном и языковом плане группе казались вполне осуществимой идеей.

Таким образом, языковой вопрос в сфере богослужения в XIX – начале XX в. из сферы теологии перешел в сферу политического и идеологического противостояния между финским национальным движением и российским великодержавием.

¹ *Relander O.* Pohjois ja Ita-Karjala. Suomen maakunnat. Helsinki, 1903. S. 27.

² *Schvindt T.* Laatokan luoteis-rannikolta kesalla 1879. Helsinki, 1893 (есть русский перевод: Швиндт Т. Народные предания северо-западного Приладожья, собранные

летом 1879 года // Вуокса. Приозерский краеведческий альманах. Вып. 2. Т. 1. Спб., 2001. С. 57–85).

³ *Швиндт Т.* Указ. соч. С. 72.

⁴ *Hamunen T.* Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 47.

⁵ *Relander O.* Op. cit. S. 27.

⁶ *Ibid.* S. 28.

⁷ *Любекер Е.* Выборгская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 1. Ч. 6. СПб., 1850. С.48.

⁸ *Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H.,* Karjalan kansan historia. Porvoo, 1994. S. 266; *Kuujo E.* Jo Karjalan kunnalla lehtipuu Moskovon rauhasta luovutettujen alueiden varhaisempia vaiheita. Lappeenranta, 1994. S. 38.

⁹ *Пулькин М. В.* Русификация в Карелии - цели, методы, итоги (XIX - начало XX вв.) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского севера. Петрозаводск, 2003. С. 32.

¹⁰ Karjalan kirja. Karjalan maantiede ja historia. Porvoo, 1910. S. 252.

¹¹ *Hamunen T.* Suomalaistajat, venalaistajat ja rajakarjalaiset. Joensuu, 1995. S. 21.

¹² Karjalan kirja. Karjalan maantiede ja historia. Porvoo, 1910. S. 253.

¹³ *Sourander I.* Salmin pitajan vaiheita ja piirteita Laatokan Karjalan historiasta. Porvoo, 1937. S. 180.

¹⁴ Laatokan Karjalan nousen vuosikymmenet. Pieksamaki, 1956. S. 79.

¹⁵ *Raty-Hamalainen A.* Raja-Karjalan kunnailta. Helsinki, 2002. S. 112.; Karjalan kirja. Karjalan maantiede ja historia. S. 253.

¹⁶ *Sourander I.* Salmin pitajan vaiheita ja piirteita Laatokan Karjalan historiasta. Porvoo, S. 178.

¹⁷ *Hamunen T.* Suomalaistajat venalaistajat ja rajakarjalaiset. S. 21; Karjalan kirja. Karjalan maantiede ja historia. S. 235.

¹⁸ *Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo P.* Karjalan kansan historia. Porvoo, 1994. S. 266.

¹⁹ *Hamunen T.* Suomalaistajat, venalaistajat ja rajakarjalaiset. S. 21.

²⁰ *Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo P.* Op. cit. S. 266.

²¹ Сведения о проживающих в приходе раскольниках и старообрядцах за 1869, 1870, 1872 годы // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 886, оп.1, д.55. 19-21.

²² *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1990. С. 75.

²³ *Sourander I.* Salmin pitajan vaiheita ja piirteita Laatokan Karjalan historiasta. S. 176.

²⁴ Историческая записка о положении православия в финляндской Карелии. Выборг, 1910. С. 21.

²⁵ *Sourander I.* Salmin pitajan vaiheita ja piirteita Laatokan Karjalan historiasta. 1937. S. 178.

²⁶ *Kuujo E.* Jo Karjalan kunnalla lehtipuu Moskovon rauhasta luovutettujen alueiden varhaisempia vaiheita. Lappeenranta, 1994. S. 38.

²⁷ Laatokan Karjalan nousen vuosikymmenet. Pieksamaki, 1956. S. 84.

²⁸ *Harkonen I.* Itainen vartio: lukuja Vanhasta Karjalasta. Helsinki, 1920. S. 160.

²⁹ *Hamunen T.* Karjalan yhteiskunta ja talous 1800-luvun lopulta toiseen maailmansotaan // *Nevalainen P., Sihvo H. (toim.).* Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Pieksamaki, 1998. S. 395.

³⁰ Пулькин М. В. Русификация в Карелии – цели, методы, итоги (XIX – начало XX в.)
// «Свое» и «чужое» в культуре народов европейского севера. Петрозаводск, С. 32.

Н. И. Приймак

Санкт-Петербургский государственный университет

**Гельсингфорс 40-х годов XIX века
в воспоминаниях Я. Г. Грота***

В 1840 г. в XVIII томе «Современника» (С. 5–82) был опубликован написанный Я. К. Гротом обширный очерк под названием «Гельсингфорс», основанный на воспоминаниях автора о проведенных в столице Финляндии нескольких неделях летом 1838 и 1839 гг.

Чтобы представить историю написания очерка и мотивы обращения к этой теме, следует привести некоторые факты из жизни Якова Карловича Грота, предшествующие 1837–1839 гг., обратившись, прежде всего, к его «Автобиографическим заметкам».

После выпуска из Царскосельского лицея в 20-летнем возрасте в июне 1832 г. с первой золотой медалью и с чином IX класса Грот поступил на службу в Канцелярию Комитета министров (под начало барона М. А. Корфа); в январе 1835 г. (после назначения в 1834 г. М. А. Корфа Государственным секретарем) он был переведен им в Государственную канцелярию старшим помощником столоначальника. К этому времени Я. К. Грот стал проявлять интерес к литературным занятиям: начал изучать английский язык и английскую литературу (немецкий и французский он усвоил в детские годы в семейном кругу; в лицее самостоятельно занимался итальянским и добился в этом успеха), а в 1836 и в 1837 гг. занялся изучением шведского языка и с увлечением стал читать произведения шведской и финской литературы – приступил к переводу «Саги о Фритьофе» шведского поэта-романтика Эсайаса Тегнера, прочел поэмы Йохана Людвиг Рунеберга, финского поэта, писавшего на шведском языке.

Летом 1837 г. с бывшим лицейским товарищем, теперь сослуживцем А. Д. Комовским, он совершил впервые поездку на Иматру и в Гельсингфорс (на один день). Летом следующего, 1838 г., Грот провел уже несколько недель в Финляндии: в Гельсингфорсе пил минеральные воды и купался, съездил в г. Борго,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 10-01-00632 а/Ф

чтобы познакомиться с Рунебергом. Лето 1839 г. он снова провел в Финляндии: пил воды, купался в море, две недели прожил в «сельском уединении Рунеберга», объехал большую часть южной Финляндии, познакомился с финским эпосом «Калевала», собрал материалы для своих литературных занятий. Еще до этого, в начале марта 1838 г., Я. К. Грот познакомился с П. А. Плетневым, который готовился издавать журнал «Современник», и в течение последующих лет опубликовал в нем ряд статей о знакомстве с Рунебергом, о финнах и их национальной поэзии, о скандинавской мифологии и среди них очерк о Гельсингфорсе¹. Первые фразы очерка непосредственно свидетельствуют об истории его создания, основном замысле и предполагаемых читателях: «Приближается лето, и скоро толпы петербургских жителей устремятся в разных направлениях по волнам Финского залива. Многие поспешат в Гельсингфорс: одни для здоровья, другие для препровождения времени, третьи из любопытства»; возможно, заметил Я. К. Грот, и среди читателей «Современника» найдутся такие, кто собирался вскоре посетить Гельсингфорс². Именно с ними он решил поделиться воспоминаниями, стремясь передать не только впечатления от поездок в 1838 и 1839 гг., но и предоставить желающим отправиться в путешествие сведения о том, где и как достаточно удобно и комфортно можно было поселиться в городе, что следовало знать об особенностях быта, нравов, своеобразия форм общения жителей между собой и с приезжими.

Но прежде он попытался представить читателям общую панораму города. По мнению Грота, ее важнейшей и определяющей чертой было своеобразное сочетание природы и города, которое отличалось от того, к чему привык петербургский житель, вокруг которого «все так правильно, стройно, гладко». В Гельсингфорсе, напротив, приветливый вид городских построек сочетался с присутствием мрачной и грозной природы и свидетельствовал о продолжающейся борьбе человека и природы, порождающей противоположности. Я. К. Грот об этом писал так: «Чудно, став на какую-нибудь возвышенность, видеть с одной стороны светлый залив мирской, опоясанный угрюмыми скалами и лесом, а с другой живописный город в венце белых зданий и башен»³. Впечатление о происходящей борьбе человека и природы усиливалось и потому, что Гельсингфорс в то время не был вполне сформировавшимся городом, он все еще развивался, как подчеркивал Грот, с невероятной быстротой, что можно было не только увидеть, но и услышать: «Громкий гул дает знать о всяком новом уголке, исторгнутом здесь рукою человека из-под владычества скупой природы: скалы, препятствующие распространению или украшению города, раздробляются порохом, и каждый взрыв гремит будто пушечный выстрел»⁴.

Состояние города определялось и его прошлым. Предлагая читателю краткую историческую справку о Гельсингфорсе, Я.К. Грот особенно выделил последствия двух пожаров 1761 и 1809 гг., истребивших большую часть города, и отметил, что хотя город был как-то восстановлен, он все же «оставался в ничтожестве» до 1819 г., когда сюда была переведена столица из Або, и «благодаря, решительно устроившим судьбу Гельсингфорса, было перемещение сюда в 1828-м году

университета, который прежде процветал в Або, а в сентябре 1827 сделался почти с целым городом, жертвою пламени»⁵.

Новый и привлекательный облик Гельсингфорса определяли центр и набережная. В центральной части, застроенной каменными домами и разделенной прямыми улицами, выделялась Сенатская площадь, которая имела строгую композицию. Грот писал: «здесь храм наук – университет, и храм правосудия – сенат стоят лицом к лицу, а в стороне, между ними, красуется храм Божий, будто подающий руку каждому из них и связующий оба»⁶. Речь шла о церкви св. Николая, недавно построенной и господствующей теперь над городом. Украшением города была также его пристань, свидетельствующая о развивающейся торговле. Большое число судов всяких размеров, по утрам прибывающие в лодках торговцы и торговки с рыбой и другими съестными припасами наглядно в этом убеждали. Невдалеке от берега стоял обелиск, воздвигнутый в память посещения Гельсингфорса в 1833 г. императрицей Александрой Федоровной, супругой императора Николая I. А дальше – широкий бульвар, ведущий к театру, где целый день можно было видеть гуляющих и прохожих; башенная обсерватория, к которой надо было пройти «по отлогому скату огромной скалы». Достопримечательностью был и ботанический сад, находившийся на противоположном краю города. Описывая город, Я. К. Грот предостерегал путешественников от поиска остатков старины. В отличие от упомянутого им Ревеля, где можно было обозреть множество свидетельств величия прошлого, Гельсингфорс, напротив, был интересен своим развивающимся настоящим⁷. Поэтому Я. К. Грот привлек особое внимание путешественников к заведению минеральных вод, построенному с преодолением многих трудностей на «сглаженной скале», которое было открыто в 1838 г. Расположенное недалеко от города («версты полторы»), с хорошей к нему дорогой, оно привлекало жителей города и особенно приезжающих с целью поправить здоровье. Я. К. Грот подробно описал достопримечательности этого заведения: зал приема вод, дом с ваннами, «по удобству и роскоши», превосходящий другие известные за границей, домики для желающих купаться в открытом море, новый двухэтажный дом, где селятся отдыхающие, удобный распорядок дня, диетическое питание, а для развлечения – танцевальные вечера, удобное сообщение с городом – две коляски в течение дня возили желающих⁸.

Важным было и то, что в последние три года появилась возможность путешествовать на пароходах между Петербургом, Ревелем, Гельсингфорсом, Або и Стокгольмом, а также совершать на небольших пароходах прогулки к многочисленным близлежащим островам. Подробное описание таких прогулок позволяло представить, насколько они могли быть безопасны, удобны и интересны. По этому поводу Грот заметил также, что финские моряки отличались «знанием своего дела и редким присутствием духа»⁹.

Характеризуя Гельсингфорс как развивающийся город, Я. К. Грот не был склонен его приукрашивать, а потому не раз подчеркивал, как много надо было еще сделать. Он замечал в своих прогулках по городу, наряду с новыми деревянными домами, ветхие темно-красные домишки с двухъярусными крышами,

пошатнувшиеся от времени сараи, попадал на немощеную улицу, в другом месте видел «смрадное болото», вокруг которого желающие строить могли бесплатно получить землю¹⁰. Город имел возможность успешно развиваться, для его развития многое было сделано, но предстояло сделать еще больше. В частности, Я. К. Грот отметил зависимость благосостояния города от развития фабричной промышленности, которое сдерживалось отсутствием достаточных капиталов и введением низкой пошлины на ввозимые из-за границы товары¹¹.

В описании Гельсингфорса Я. К. Грот постоянно обращался к теме «природа–город–человек». Он отмечал присутствие следов сложных отношений между природой и человеком, подчеркивая терпение и трудолюбие людей в преодолении преград, сотворенных природой, и вместе с тем выделял стремление жителей создавать гармоничные отношения с миром природы, соседствуя с ней, облагораживая занимаемое пространство, оттеняя красоту сохранившихся камней и сглаженных при строительстве скал устройством садов и цветников. Гуляя по городу, Грот видел: «Вот строящийся дом, вот уравниваемая улица, вот сад, обещающий тень деревьев и благовоние цветов в мертвой области камня», а здесь: «прямые, широкие улицы разделяли тесные утесы; цветущая земля одела печальную наготу гранита»¹². Завершало характеристику этой темы описание прекрасных видов в окрестностях Гельсингфорса, где особенно были видны черты, характерные для природы Финляндии: «Воды, усеянные островами, то состоящими из голого камня, то покрытыми зеленью, и вокруг этих вод цепь из скал, полей и лесов». Продолжая, Грот предлагал читателю разделить с ним восторженное восприятие того, в какой «невыразимой красоте», можно увидеть из Гельсингфорса в ясный летний вечер тихое море: «В некотором расстоянии от берега высятся на скалистых островах, соединенных мостами, мрачные твердыни Свеаборга; далее влево зеленеют небольшие острова с веселыми домиками, а вправо поднимаются из вод и будто с завистью смотрят в противоположную сторону нагие головы подводных скал. Сзади, несколько влево, багровое солнце медленно склоняется к серым утесам, по выражению Тегнера, *стерегушим залив* – и скоро потонет за гребнями их; впереди лучи его упираются в окна Свеабургских зданий и, кажется, внутренность крепости наполнена пламенем»¹³. Обращение к образным характеристикам природы и жителей Финляндии в поэтических произведениях Тегнера и Рунеберга было свойственно Гроту. Вместе с тем он сформировал и свой художественный образ Финляндии, в котором явно просматривалось воздействие на него величественной и дикой природы. Он сравнивал Финляндию с прекрасной невестой, у которой «все черты лица, все движения и даже самая улыбка проникнуты глубокою, таинственною грустью»¹⁴.

К описываемому времени жителей в Гельсингфорсе было более 14 тысяч, основной язык – шведский, распространение которого, как и шведских обычаев, среди финнов, было обусловлено господством Швеции на этой территории в XII–XIV вв. Финский язык, по словам Грота, сохранил свою чистоту лишь у крестьян в некоторых отдаленных местах проживания, в городах же его знали немногие. Французский язык можно было услышать в высшем обществе. Русских, если не

учитывать военных, немного, но было заметно к тому времени появление купцов из России, особенно в Гельсингфорсе¹⁵.

О характере финнов лучше всего можно было судить, по мнению Грота, изучив особенности их жилищ и устройство домашнего быта. Общим для финнов было проявление разумности и умеренности в организации повседневной жизни, подчеркнутая опрятность, соблюдение некоторых старинных обычаев во время совместной трапезы хозяев дома и гостей и в то же время принятие отчасти форм общей европейской жизни в высшем обществе. Я. К. Грот так подробно описал некоторые предметы, образцы мебели, внутреннее устройство и убранство жилищ, что это создавало общую картину и вместе с тем давало возможность рассмотреть детали и выделить необычное: небольшой жестяной ящик с отверстием наверху и с надписью «ящик для визитных карт», удобный и для хозяина, и для гостя, избавляющий одного и другого от обязательного приема и посещения; отсутствие прихожей в доме, когда лишь холодные сени отделяли двор от внутренних комнат, что в основном было характерно для жилища бедных; особенность печного отопления, когда печи не имели вьюшек, а труба закрывалась небольшой железной доской, которую двигали с помощью висящих шнурков; качалка («качальный стул»), которая устанавливалась на «двух округленных снизу подставках» (впоследствии в путешествии по Финляндии вместе с женой видели экземпляр такого кресла для двух человек – в нем сидели, беседуя и покачиваясь, «добрые старички, муж с женой») и др.¹⁶. Так же обстоятельно Грот описал особенности народной кухни, где выделялось пристрастие к сахару («в трактирах маленькие вазы с сахаром украшают всякий обеденный стол»); особым образом приготовленный ржаной хлеб отличался твердостью (бытовало поверье, что такому хлебу финны были обязаны «красотою своих зубов»); к ужину могли подавать кипяченое молоко, смешанное с пивом, в искусстве приготовления которого финны были известны широко; важное место в питании занимала рыба, а говядина употреблялась редко. Некоторые традиционные для финнов обычаи своеобразно проявлялись и здесь: если случалось встретить на улице прохожего с довольно большим кренделем в руке, не следовало удивляться, а понимать, что человек шел с похорон – существовал обряд, что такой хлеб подавался к чаю, а присутствовавшие уносили его с собой. Отметил Грот и развивавшееся, особенно в высшем обществе, пристрастие к кофе. Он писал также, что водка и т. н. «шнапс», как и вино, подавались во время завтрака, обеда и ужина. Праздничные застолья не были частыми, но неизменно показывали желание хозяев угодить гостям. Традиционным семейным праздником были святки, когда родные и друзья посещали и одаривали друг друга. В целом в домашней жизни жителя столицы все было упорядочено. Она проходила без суеты и отражала в определенной степени провинциальные черты, как заметил Грот, отзывалась «вообще ленью житья провинциального»¹⁷. Впрочем, возможно это объяснялось врожденным свойством финнов жить без спешки и суеты. Я. К. Грот достаточно определенно это подчеркивал, когда писал об особенностях финнов как народа: «Врожденная в них флегма и степенность духа, несовместная с суетностью,

делают их чрезвычайно способными к занятиям, требующим не столько живости и быстроты ума, сколько постоянства, терпения и проницательности. Они действуют медленно, но тем добросовестнее и надежнее»¹⁸. Формированию такой натуры способствовало религиозное воспитание и учение, как и в целом скромная жизнь горожан, оберегающих их от пороков.

Важными представляются суждения Грота об уровне и характере образованности финнов. В отношении этого он не заметил «слишком резкого различия между сословиями». В Финляндии все крестьяне умели читать, обязанностью матери было обучение своих детей грамоте. Почти каждый отец семейства, если позволяли средства, отправлял сына в гимназию, а после ее окончания в университет. В случае материальных затруднений учащемуся или студенту разрешалось прервать учение и уехать на два года в глушь, где, давая уроки детям в какой-либо семье, собрать средства для продолжения образования. Я. К. Грот отмечал многостороннюю полезность такого правила и явно идеализировал его значение: «И вот какое-нибудь благочестивое семейство, живущее в глуши далекого прихода, принимает юношу на своей уединенной мызе. Скромный наставник – ученик уже пожинает плоды трудов своих; приобретенными познаниями он уже делится с младшим поколением, но еще более учится сам на лоне природы и в кругу людей неиспорченных»¹⁹. Тем не менее такое правило могло позволить молодому человеку из семьи среднего достатка, при проявлении терпения и упорства, получить образование. После университета почти все поступали на службу: избравшие военную карьеру уезжали в Петербург; желающие заняться юридической деятельностью практиковались под руководством судей, выезжая с ними в определенные для каждого судьи приходы, в которые дважды в год он должен был приезжать для разбирательства дел. В такой работе могли участвовать и студенты, нуждающиеся в заработке.

Рассуждая об образованности финнов, Я. К. Грот отметил отсутствие в нем внешнего блеска, что особенно проявлялось в отношении к изучению иностранных языков. Французский можно было услышать в высшем обществе, да и то не всегда он звучал чисто; немецкий больше использовали университетские преподаватели, впрочем, из-за его родства со шведским, многие умели читать по-немецки; дамы, как правило, объяснялись только на шведском; русский был известен мало, он был необходим определенной части финнов на службе. Нельзя было назвать характерной чертой финнов любовь к чтению. В Гельсингфорсе имелись две книжные лавки, где в основном можно было приобрести учебную литературу, другие издания выписывались по индивидуальным заказам. В общем, книг в Финляндии, по замечанию Грота, печаталось мало: переиздавалась литература, вышедшая в Швеции; на финском выходили небольшие по объему сочинения, предназначенные для простых людей. Лучшим образцом финской литературы Грот назвал эпос «Калевала», отметив, что его составитель Элиас Лёнрот совершил необыкновенный подвиг, собрав, изучив и восстановив единство песен, сохраняющихся в народной памяти. Характеристику умственной жизни финского общества дополняла справка о выходивших в 1840 г. газетах: всего – 13, из них – 10

на шведском, 3 – на финском, небольшие по объему, одна в качестве официального издания, две – на религиозные темы, остальные смешанного характера или чисто литературные, в которых перепечатывались материалы из иностранных изданий. На фоне такой достаточно скромной картины выделялась университетская библиотека, в которой к тому времени находилось более 40 тысяч изданий, собранных уже после пожара в Або в 1827 г., когда из 50 тысяч томов уцелело едва 840²⁰. Впоследствии, став профессором Гельсингфорского университета (1841–1852), Я. К. Грот способствовал созданию в университете русской библиотеки, из которой любой желающий мог бесплатно получать книги²¹.

Развитие науки и знаний было тесно связано с историей Александровского университета, 200-летие которого приходилось на июль 1840 г. В Гельсингфорсе прошли юбилейные празднества с соблюдением обычаев средневековых университетов, на них присутствовали представители русских университетов и петербургской Академии наук, русские литераторы (см. статью П. А. Плетнева в «Современнике». 1840. Т. XX). Во время праздника родилась идея издать альманах в честь этого события с участием финских и русских писателей. Подготовить издание было поручено Гроту, и в 1842 г. в Гельсингфорсе на русском и шведском языках вышел «Альманах в память двухсотлетнего юбилея Импер. Александр. университета», в котором была опубликована обширная статья Я. К. Грота по истории университета, написанная на основе печатных и архивных материалов, имевшая своеобразное название «Воспоминания Александровского университета»²². В очерке о Гельсингфорсе Грот уделил достаточно большое внимание университету, назвав основные этапы его развития и охарактеризовав современное состояние и управление: к 1840 г. в университете было четыре факультета, 49 преподавателей (из них 22 профессора и 15 адъюнктов), студентов до 600, но реально, из-за временного отсутствия части их, от 400 до 500²³.

В отличие от финской поэзии, которую Грот неоднократно восхвалял в тексте своего очерка: «Только божественная поэзия, по особенной щедрости природы, издревле была наследным сокровищем Финляндии», развитием искусств и художеств финны не могли гордиться. По словам Грота, их факел «всегда горел тускло»²⁴. Объяснение этому следовало искать в историческом прошлом. Единственный театр не удовлетворял зрителей, иногда проходили концерты в полукруглом университетском зале или в зале для публичных собраний в гостинице для приезжих. Летом театральная и концертная жизнь становилась более активной: вместе с приезжающими на отдых и лечение в Гельсингфорсе появлялись «мелкие знаменитости» из театров Петербурга и Стокгольма, находившие здесь благосклонный прием. Иронизируя по этому поводу, Я. К. Грот писал: «Имена некогда гремевшие, но уже забытые, на берегах Невы, здесь обращают в свою пользу непреложный закон природы, что эхо еще раздастся, когда, самый звук его родивший, уже замер»²⁵. Среди зрителей в основном была приезжая публика, так как в летние месяцы многие жители Гельсингфорса переселялись на мызы, большей частью находившиеся в их собственности, чтобы отдохнуть или заняться хозяйственными делами.

Летом в Гельсингфорсе, благодаря приезжим, оживлялась и торговля, особенно в галантерейных магазинах, несмотря на отсутствие блеска в их убранстве и даже при небольшом разнообразии товаров. Покупателей привлекала относительная дешевизна и «примерная честность» продавцов. Встречалось довольно много лавок, принадлежавших русским купцам, в них обычно делали покупки горожане из низших сословий. И, конечно, дамы высшего света предпочитали выписывать наряды из Петербурга. Чтобы путешествующие были подготовлены к денежным расчетам, Грот подробно объяснил особенности встречавшихся в Финляндии денежных знаков: русские ассигнации и медные монеты, изредка шведские бумажные деньги и медные шиллинги, но большей частью выпускаемые специально для обращения на территории Финляндии ассигнации от 20 коп. до 2 руб., не совсем удобные, если надо было брать в дорогу большую сумму²⁶.

Описание Гельсингфорса Я. К. Грот дополнил полезными для путешественников сведениями об интересных прогулках по окрестностям и, увлеченный своим рассказом, вышел за пределы обозначенной темы. В заключительной части очерка можно найти подробные и яркие характеристики путешествия из Гельсингфорса в ближайшие города. Грот отметил, что эти поездки отличались дешевизной, но были относительно удобны из-за необходимости ехать на двухколесных деревянных тележках, иногда имевших скамейку со спинкой, а иногда представлявших «плотно сколоченный четырехугольный ящик на двух колесах, у которого над осью бывает привязана поперечная доска, или протянута ряда в три толстая веревка»²⁷. Поэтому к такому путешествию нужно было подготовиться: запастись сеном или подушкой; между тем избалованный финн будет спокойно сидеть впереди на остром углу тележки. Впрочем, в городах можно было нанять или купить удобную одноколку на рессорах.

Достопримечательностью, которая могла заинтересовать путешественника, были станции, которые назывались «гастгёберствами», так как главной на станции была гостиница, а ее содержатель («гастгёбер») являлся станционным смотрителем. К станции из близлежащих селений были определены «подводчики» с лошадью, сбруей и тележкой. Такая станция обычно имела два или три строения, издали ее можно было заметить по огромному шесту с изображением коня на вывеске. Опрятность, удобства и еда зависели от многих обстоятельств, но доброта, неподдельная заботливость, честность были характерными качествами содержателя станции. Я. К. Грот так описывал «гастгёбера»: «обыкновенно человек очень вежливый, довольно образованный по своему званию и лицом своим выражающий честное прямодушие»²⁸. «Подводчиками» часто были мальчики от 10 до 12 лет, строго и совестливо исполнявшие обязанности, при этом старавшиеся беречь своих лошадей, так что на быструю езду едва ли следовало всегда надеяться. Те или иные неудобства поездок по дорогам Финляндии забывались, а впечатления от общения с людьми и от созерцания природы надолго оставались в памяти. Описание разнообразия картин природы встречается часто в очерке, этой темой он завершается. По мнению Я. К. Грота, именно величием и вместе с тем пленительностью природы можно было объяснить чудесную способность финнов к поэзии²⁹.

Такова история этого очерка, написанного под впечатлением личных воспоминаний и с желанием поделиться ими с читателями «Современника», приглашая их посетить Гельсингфорс. Впоследствии очерк был переиздан, он вошел в первый том пятитомного издания сочинений, опубликованного под названием «Труды Я. К. Грота» (СПб., 1898–1903).

Для исследователя этот очерк представляется ценным свидетельством современника, которое можно использовать при изучении истории Финляндии 40-х гг. XIX в., а также биографии и личности Я. К. Грота.

¹ См.: *Грот Я. К.* Автобиографические заметки // Я. К. Грот: Несколько данных к его биографии и характеристике. СПб., 1895. С. 3, 13, 16–17, 22–25, 28–30; Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893): Хронологический обзор его жизни и деятельности / Сост. К. Я. Грот. СПб., 1912. С. 10–12.

² *Грот Я. К.* Гельсингфорс // Современник. 1840. Т. XVIII. С. 5.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 8–9.

⁵ Там же. С. 12–13.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 61–62.

⁸ Там же. С. 13–18.

⁹ Там же. С. 25–28.

¹⁰ См.: там же. С. 6, 8–9.

¹¹ См.: там же. С. 29–30.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 9–10.

¹⁴ Там же. С. 64.

¹⁵ См.: там же. С. 34–37, 49.

¹⁶ Там же. С. 37–39; Из семейной хроники: Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. СПб., 1900. С. 155.

¹⁷ *Грот Я. К.* Гельсингфорс. С. 39–42, 45–47.

¹⁸ Там же. С. 43.

¹⁹ Там же. С. 48, 74.

²⁰ См.: там же. С. 49–52.

²¹ *Грот Я. К.* Автобиографические заметки. С. 39.

²² Там же. С. 32–34.

²³ См.: *Грот Я. К.* Гельсингфорс. С. 52–60.

²⁴ Там же. С. 31.

²⁵ Там же. С. 30.

²⁶ См.: там же. С. 33–34.

²⁷ Там же. С. 67–68.

²⁸ Там же. С. 66, 70–71.

²⁹ Там же. С. 81.

Н. Г. Рогулин

Санкт-Петербургский государственный университет

**Сведения о гражданах Великого княжества Финляндского,
находившихся на службе в Морском ведомстве
в 1908 и 1910 гг.***

В фонде Главного Морского штаба Российского государственного архива Военно-морского флота хранятся дела, содержащие сведения о гражданах Великого княжества Финляндского¹. Анализ этих документов позволяет получить интересные данные как о самих гражданах Финляндии, состоявших на государственной службе, так и о процессе ассимиляции финских уроженцев.

Сбор сведений в 1908 г. был инициирован Председателем Совета министров П. А. Столыпиным. В письме Товарища министра внутренних дел С. Крыжановского на имя Морского министра И. М. Дикова от 11 мая 1908 г. говорилось о поручении собрать «подробные статистические сведения о всех финляндских уроженцах, состоящих на правительственной службе военной, морской и гражданской». Применительно к Морскому министерству запрашивались поименные списки «всех финляндских уроженцев, состоящих на службе в Морском ведомстве, как в строевых и нестроевых частях, так и на административных должностях, как в центральных, так и в местных учреждениях, с точным указанием относительно каждого лица – его чина, должности, возраста, семейного положения (числа членов семьи), продолжительности службы и образовательного ценза», а также «сведения о числе всех обучающихся детей лиц финляндских уроженцев»², с указанием учебного заведения. Все данные не позже 10 июня 1908 г. должны были быть предоставлены Центральному Статистическому комитету Министерства внутренних дел.

Следует обратить внимание на то, что сбор сведений, судя по формулировке, касался всех государственных учреждений России, а не только Военного или Морского министерства.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 10-01-00632 а/Ф

К 29 мая 1908 г. Морское министерство подготовило и направило два списка: «Список Финляндских уроженцев, состоящих на государственной службе в Морском ведомстве»³, насчитывавший 12 имен, и «Список Финляндских граждан, родившихся не в Финляндии, состоящих на государственной службе в Морском ведомстве»⁴, включивший 27 имен, то есть всего были представлены сведения о 39 гражданах Великого княжества Финляндского.

Несмотря на то, что списки составлялись на основе сведений, присланных подведомственными Министерству штабами, управлениями и учреждениями, между ними имеются различия.

В итоговые списки не вошли сведения о 90 служащих и мастеровых Обуховского завода⁵, о служивших на Черном море подполковнике Корпуса инженер-механиков флота В. Н. Шереметеве и младшем враче 29 флотского экипажа надворном советнике Е. К. Яблонском (возможно, что эти данные запоздали, т.к. штаб Черноморского флота направил их в Петербург только 24 мая), и о заведовавшем хлебопекарней при Крюковых казармах старшем баталере К. М. Щелгачеве (в данном случае, как и в случае с мастерами Обуховского завода, видимо, сыграло роль отсутствие у него классного чина).

Новые имена, появившиеся в списках – это уроженцы Финляндии адмирал Ф. К. Авелан, капитан по Адмиралтейству И. Т. Белов, надворный советник В. А. Мунк и коллежский асессор П. М. Зенов (последние служили непосредственно в Главном Морском штабе). Больше всего увеличилось количество граждан княжества, родившихся не в Финляндии. Можно предположить, что 10 человек из него – это офицеры, послужные списки которых отсутствовали в Порту императора Александра III в Либаве⁶, а еще один – служивший в Николаеве инженер-капитан Ф. К. Авелан (полный тезка бывшего Морского министра).

Таким образом, в 1908 г. при подготовке ответа на запрос в поле зрения попал в общей сложности 131 человек.

Вторичный запрос был сделан 25 ноября 1910 г. и был гораздо обширнее первого. В письме П. А. Столыпина на имя С. А. Верховского говорилось о «необходимости располагать возможно полными сведениями как о состоящих на государственной службе финляндских уроженцах, так и о русских служащих, знающих финский и шведский языки»⁷. К письму прилагались две формы, по которым требовалось предоставить сведения о финляндских уроженцах («Список № 1»), и о лицах, владеющих шведским или финским языком («Список № 2»). Новым в этих формах, по сравнению с 1908 г., были сведения о сословном происхождении и вероисповедании, сведения о предшествующей службе чинов ведомства, о происхождении и вероисповедании их жен.

Сравнение сведений, содержащихся в списках 1908 и 1910 гг. позволяют выявить существенные расхождения.

В списки 1908 г. не вошли чины Лоцманского и маячного ведомства Финляндии, число которых в 1910 г. составляло 37 человек. Из них были упомянуты только Директор лоцманского и маячного ведомства генерал-лейтенант по Адмиралтейству Николай Николаевич Шеман (в список 1910 г. не вошел) и

сменивший его на этом посту подполковник Корпуса флотских штурманов Константин Васильевич Самсонов, но без указания занимаемой должности. В 1910 г. К. В. Самсонов имел чин полковника.

13 человек, упоминавшихся в 1908 г., не вошли в списки 1910 г. Отсутствие умершего 21 сентября 1909 г. вице-адмирала Ивана Васильевича Фуругельма или уволенного в отставку с производством в чин вице-адмирала Андрея Андреевича Вирениуса понятно. Но исключение председателя Правления Обуховского сталелитейного и Ижорского заводов вице-адмирала Оскара Викторовича Старка, вышедшего в отставку после Февральской революции, объяснить трудно.

При этом в 1910 г. появляются 7 новых имен:

1. Контр-адмирал Федор Федорович Сильман;
2. Капитан 2 ранга Макс Инотар Константинович фон Шульц;
3. Капитан 2 ранга Густав Константинович фон Шульц 2-й;
4. Штабс-капитан Корпуса инженер-механиков флота Абфонс Альбертович (Андрей Альфонсович) Гейн;
5. Мичман Бернгард Карлович Граф 2-й;
6. Мичман Георгий Романович Хеккерт;
7. Титулярный советник Георгий Павлович Сильверсван.

Особенно интересен пропуск в 1908 г. Ф. Ф. Сильмана – не только в силу его чина, но и потому, что в 1900 г. он командовал канонерской лодкой «Кореец» и за участие во взятии форта Таку был награжден орденом Св. Георгия 4 степени.

Однако и в 1910 г., как и за 2 года до этого, представленные данные не могут считаться полными. В качестве примера можно сказать, что ни в 1908, ни в 1910 г. в списках нет имени контр-адмирала Р. Н. Вирена, имевшего финские корни⁸.

Объяснить подобные расхождения можно тем, что сами офицеры и классные чины не задумывались о своих корнях и не отождествляли себя с гражданами Великого княжества Финляндского. Примером подобного может служить рапорт инженер-подполковника Авелана, служившего в Николаевском порту:

«Вследствие запроса доношу, что я родился в гор. Ташкенте, затем воспитывался в казенных учебных заведениях в городе Москве и Петербурге, жил всегда в России и потому считаю, что я не принадлежу к гражданам Финляндии; однако, не имея у себя какого-либо разъясняющего этот вопрос документа, и никогда до сих пор не имевши в таковом надобности, я не могу ответить вполне определенно – имею ли я права финляндского гражданства.

Для разъяснения же могу донести следующее: дед мой был Финляндец и имел землю около гор. Николайштадт; умерший отец мой воспитывался в Фридрихсгамском кадетском корпусе, но затем в молодых еще чинах, кажется перед польским восстанием, поступил на службу в Виленский военный округ и с тех пор все время до смерти своей служил в русских войсках.

Я родился в г. Ташкенте во время службы отца в туркестанской стрелковой бригаде.

Умер мой отец в 1897 году в чине Генерал-майора, будучи командиром 5-го Киевского гренадерского полка и только что получивши назначение командиром бригады в Привисленский край.

Отец мой шведский язык знал; я же не знаю ни шведского, ни финского языка.

Жена моя русская, православная, урожденная Михайлова, уроженка г. Москвы»⁹.

Офицеры, долго служившие в России, а в еще большей степени – представители военных династий, переставали ощущать себя только гражданами Финляндии. Они становились частью офицерского корпуса российской армии или флота, изначально многонационального, а вопросы национальной самоидентификации отодвигались, таким образом, на второй план как несущественные при прохождении службы. Этим можно объяснить неполноту списков финляндских уроженцев.

Из сведений, собранных Морским ведомством, можно выделить три большие группы:

- рабочие и служащие Обуховского завода (данные 1908 г.);
- чины лоцманского и маячного ведомства (данные 1910 г.);
- строевые и классные чины Морского ведомства (данные 1910 г.).

Рассмотрим состав каждой из этих групп.

Рабочие и служащие Обуховского завода.

При определении их национальности приходится ориентироваться исключительно на имена, т.к. отсутствуют данные о вероисповедании. Из 89 человек носителями русских имен являются 1 служащий – уроженец г. Выборга чертежник Александр Николаевич Каскин – и 12 мастеровых:

Николай Богомолов	Андрей Максимович Иванов
Алексей Васильев	Иван Алексеевич Крючев
Константин Васильев	Иван Никифорович Никитин
Кузьма Васильев	Яков Никитин
Федор Васильев	Никита Васильевич Павлов
Алексей Кириллов	Иван Сковский

За исключением слесаря Николая Богомолова, уроженца «Куопийской губернии деревни Соандлахти», все остальные носители русских имен происходили из Выборгской губернии.

Распределение рабочих по месту рождения показывает, что их число пропорционально удаленности губернии от Санкт-Петербурга.

На Выборгскую губернию приходится наибольшее количество уроженцев Великого княжества Финляндского, работавших на Обуховском заводе. Из 89 человек, 41 происходят из этой губернии, в том числе пятеро – из самого г. Выборга, а еще трое – из «прихода г. Выборга». Три человека происходят из Сердоболя (Сортавала), остальные – выходцы из разных приходов.

На втором месте – уроженцы Куопийской губернии (15 чел.), за ними следуют выходцы из Сен-Михельской губернии (12 чел).

Абоская и Нюландская губернии представлены равным числом по 7 человек, в том числе шестеро из г. Або и пятеро из Гельсингфорса. 2 человека происходят из Улеаборгской губернии, 1 – из Вазаской. Никак не представлена Тавастгусская губерния и еще о четырех рабочих сведения отсутствуют или невняты.

По продолжительности работы на заводе уроженцы Финляндии распределялись следующим образом:

Менее 1 года – 1	от 21 до 25 лет – 6
от 1 до 5 лет – 46	от 25 до 30 лет – 2
от 6 до 10 лет – 23	от 31 до 35 лет – 2
от 11 до 15 лет – 4	свыше 35 лет – 2
от 16 до 20 лет – 2	

Дольше всех работал на заводе модельщик Иоганн Кильпик, уроженец прихода Якимвари Выборгской губернии, имевший стаж 38 лет при том, что ему самому было 48 лет от роду¹⁰. За ним следовали 62-летний вальцовщик Андерс Вильгельм Вильрин «Нюландской губернии прихода Оринаитика» (36 лет)¹¹ и 53-летний слесарь Егор Даммерк «Выборгской губернии, города Сердоболя» (35 лет)¹². Среди уроженцев Финляндии больше всего числилось слесарей (28) и токарей (23), хотя были представлены самые разные рабочие специальности: формовщик, сверлильщики, строгальщик, крановщики и т.д. Чернорабочим значился только один – 66-летний Кагут Сайнонен, проработавший на заводе 26 лет¹³, также было несколько учеников, в основном из молодежи, и подручных.

17 человек были холосты, 1 вдовец, остальные были женаты, причем один вторым браком. Дети были в 58 семьях, а по их количеству семьи распределялись следующим образом:

1 ребенок.....	12 семей;
2 детей.....	8;
3 детей.....	8;
4 детей.....	2;
5 детей.....	6;
6 детей.....	2;
7 детей.....	1.

Граждане Финляндии, служившие в Лоцманском и маячном ведомстве, представляли однородную группу – из 37 человек был только 1 русский – директор ведомства полковник Корпуса флотских штурманов Константин Васильевич Самсонов¹⁴. Его помощником был полковник Корпуса Флотских Штурманов Роберт Робертович Филениус, женатый на русской уроженке, дочери купца Александре Леонтьевне Павловой¹⁵. Все же остальные были природными

финнами, лютеранами, если женатыми, то на финляндских уроженках (единственное исключение – шкипер дальнего плавания Эварт Тильстром, женатый на русской¹⁶).

Как любопытную деталь, можно отметить в числе чинов ведомства двух офицеров упраздненных финских батальонов. На должности телефонного контролера служил полковник лейб-гвардии 3-го стрелкового Финского батальона Виктор Генрих Швиндт¹⁷, а при картографической части состоял подпоручик Тавастгусского батальона Класс Оскар Экебом¹⁸.

Подавляющее большинство – 28 человек – принадлежало к «гражданскому сословию», лишь 3 человека происходили из дворян, причем один – «из потомственных иностранных дворян», 4 – из крестьян и 2 из духовного сословия.

Интересны сведения о профессиональной подготовке служащих. Только К. В. Самсонов и Р. Р. Филениус обучались в России в Техническом училище Морского ведомства, все остальные получили образование в Финляндии. Подавляющее большинство – 25 человек – окончили Мореходные классы, четверо учились в Гельсингфорском университете, трое в Гельсингфорском Политехническом институте. 1 человек значился «лоцманом», двое бывших офицеров стрелковых батальонов закончили Финляндский кадетский корпус.

Кстати, именно это ведомство в литературе получило нелестные оценки. Так, например, Т. Полвинен пишет: «<...> финляндцы делали все, чтобы устранить влияние Морского министерства на ведение дел в районах побережья. В расходах на флот они не участвовали никогда. В придачу ко всему, деятельность лоцманского и маячного ведомства характеризовалась крайней бережливостью и соблюдением только сугубо финляндских интересов. Низкий профессиональный уровень лоцманов, не владеющих русским языком, нередко приводил к крушениям военных кораблей. Но в то же время крепостям на побережье, занятым российскими гарнизонами, позволялось охранять финляндское мореходство и обеспечивать финляндцам продолжающееся обогащение»¹⁹.

Совершенно иную картину представляет группа из 32 человек, имевших права финляндского гражданства и служивших на территории империи, тем более, что открывал список бывший морской министр Ф. К. Авелан. Говорить, однако, что все включенные в эту группу лица, были природными финнами или шведами не приходится – в списках присутствуют надворный советник Павлин Михайлович Зенов, сын унтер-офицера, и происходивший «из купеческого сословия граждан Великого княжества Финляндского» подполковник Корпуса флотских штурманов Александр Александрович Георгиади.

По вероисповеданию к лютеранам принадлежал 21 человек, к православным – 9, еще о двоих данные отсутствуют.

22 человека (65%) были потомственными дворянами, двое – потомственными почетными гражданами, 1 – из купцов, о семи сказано, что они «граждане Великого княжества». Большинство семейных граждан женаты на русских уроженках.

Образование почти все получили в Российских учебных заведениях. Из 32 человек окончили:

Морской кадетский корпус	17 человек;
Морское техническое училище	7 человек;
военные или юнкерские училища	3 человека.

Еще один закончил Санкт-Петербургский университет, 1 – гимназию и 1 – школу Морского ведомства.

Таким образом, вырисовывается достаточно типичная судьба финляндского уроженца, связавшего свою военную карьеру с империей: учеба в столичном военно-учебном заведении, служба на территории России, женитьба на русской (православной) и нормальное восхождение по служебной лестнице.

Одновременно в 1910 г. проводился и сбор сведений о знании шведского и финского языков. Правда, в отношении уроженцев Великого княжества Финляндского (без учета чинов Лоцманского и маячного ведомств) он был проведен, мягко говоря, небрежно. Из 32 человек у 22 сведения о знании языков отсутствовали. Из оставшихся 10, только один знал оба языка, пятеро знали шведский язык и четверо – не знали ни шведского, ни финского.

Сбор сведений о знании шведского и финского языков российскими гражданами, служившими в Морском ведомстве, выявил следующую картину:

свободно владеет шведским и финским	1
знает шведский язык	23
знает финский язык	3
знает шведский язык и отчасти финский	6
знает финский и отчасти шведский	2
знает эстонский и может объясняться на финском	2

Подводя итог, можно сказать, что подготовленные Морским Министерством в 1908 и 1910 гг. списки, равно как и сведения, полученные в процессе их составления, не содержат исчерпывающих данных об уроженцах Великого княжества Финляндского, состоявших на государственной службе в Морском ведомстве. В них имеются пропуски, а принципы составления разнятся. Вместе с тем эти списки содержат любопытный материал, позволяющий оценить прохождение службы многими чинами, а также проиллюстрировать процесс ассимиляции офицеров, приводивший к утрате связей с исторической родиной и изменявший их самоидентификацию, что заметно, в частности, у представителей военных династий.

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 3. Д. 225 – О сборе сведений о числе уроженцев Финляндии, состоящих на службе в Морском ведомстве; Д. 277 – Списки граждан Финляндии, состоящих на службе в Морском ведомстве, и должностных лиц, знающих финский и шведский языки.

² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 225. Л. 1, Л. 1 об.

³ Там же. Л. 44, 44 об.

⁴ Там же. Л. 45, 45 об.

⁵ Там же. Л. 36–40 об.

⁶ Командир порта, приведя сведения о капитан-лейтенанте А. О. Гадде 2-м и лейтенанте Ю. Г. Гадде, сообщил, что «в 3-м флотском экипаже нет послужных списков на 10 офицеров и место их рождения не установить» (Там же. Л. 33).

⁷ Там же. Д. 277. Л. 2.

⁸ Прадед адмирала Петер Андерсон Вииникк, был крестьянином из деревни Хауху в Виррат. Его сын Юханнес (1778–1867) получил образование в Або, был рукоположен в священники в Выборге в 1803 г. и в 1810 г. стал штатным пастором в Копорье. Его сын Николаус работал учителем в разных регионах России, в частности в Нижнем Новгороде, Казани и Сибири, после чего возглавлял Александровскую гимназию в Ревеле. В 1897 г. он был возведен во дворянство под фамилией Вирен. Один из его многочисленных сыновей – адмирал Роберт Рейнхольд фон Вирен – стал самым знаменитым членом этого рода (Энгман М. Финляндцы в Петербурге. С. 188, 189).

⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 277. Л. 75.

¹⁰ Там же. Д. 225. Л. 38.

¹¹ Там же. Л. 37.

¹² Там же. Л. 37 об.

¹³ Там же. Л. 39 об.

¹⁴ Там же. Д. 277. Л. 55 об.–56.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 99 об–100.

¹⁷ Там же. Л. 98 об–99.

¹⁸ Там же. Л. 96 об– 97.

¹⁹ *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. С. 39–40.

А. Шкваров

к.и.н., исследователь, Университет Хельсинки.

**«Оскорбление войск». Проблемы взаимоотношения русских
военнослужащих и жителей Финляндии
по материалам Национального архива Финляндии.**

История размещения российских гарнизонов в Финляндии начинается с 1710 г., когда Выборгский лён был занят войсками Ф. М. Апраксина и превращен, по сути, в русскую провинцию. Однако нас интересует в качестве отправной точки присоединение всей Финляндии к Российской империи со статусом Великого княжества, юридически оформленное Фридрихгамнским мирным договором, подписанным в сентябре 1809 г.

Наиболее серьезное исследование истории пребывания русских войск с 1808 по 1918 гг. в Финляндии принадлежит финскому историку П. Лунтинену¹. В отечественной историографии данная проблема исследована мало. Интерес представляют труды петрозаводских историков Е. Дубровской и И. Соломещ². Большое количество неопубликованных материалов хранится в Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto – КК) в фондах «Канцелярии генерал-губернатора» (Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat – ККК) и «Русские военные бумаги» (Venäläiset sotilasasiakirjat – VSA)

Необходимо отметить, что огромное влияние на отношения населения к расквартированным во всех крупных городах Финляндии русским гарнизонам и отдельным воинским командам оказал предшествующий столетний период, на который пришлось 4 войны. Трижды русские войска в ходе боевых действий полностью оккупировали территорию шведской провинции, устанавливая соответствующий режим. В народной памяти все это осталось, как годы лихолетья, беды, и эти названия даже закрепились в официальной финской историографии.

Периоды оккупации давали о себе знать длительными посттравматическими психологическими синдромами, в самых различных формах – от полной депрессии, передававшейся даже в поколениях, до открытой ненависти, как к русским, так и к тем, кто сотрудничал с ними, входил в состав временной администрации, а также к женщинам, которые вольно или насильно, но имели связь с русскими солдатами,

что превратило их позднее в фактических изгоев общества, проституток и торговек спиртным³. Война 1808–1809 гг. отмечена мощнейшим партизанским движением, чего не было в таких масштабах весь предшествующий век, и соответственно жестокими карательными мерами против партизан, что добавило неприязни местных жителей к расквартированным войскам, как к завоевателям.

Все это складывалось в легенды, предания, мифы, передававшиеся из поколения в поколение, и формировавшие общее негативное отношение к русским, отголоски которого мы можем встретить даже сегодня. Пример этому совсем свежая статья в газете «TuuGUN Sanomat» опять напоминающая о былых «зверствах» русских⁴.

С присоединением Финляндии к Российской империи отношения местного населения к расквартированным войскам можно охарактеризовать, как спокойное, но настороженное. Особых конфликтов не возникало благодаря высокой дисциплине войск, поддерживаемой, прежде всего, офицерами с их либеральным европейским мышлением, в том числе и на способы ведения войны и отношения к мирному населению, которое они вынесли из войн против Франции в 1799–1807 гг. Подтверждение этому мемуары Ф. Булгарина и Д. Давыдова.

Исключением здесь могут быть отдельные бытовые конфликты, связанные, в основном, с немногочисленным казачеством, присутствовавшим в Финляндии на протяжении всей истории Великого княжества. Следует отметить, что первое время здесь размещались казачьи полки, непосредственно принимавшие участие в последней войне. Например, до 1814 г. вдоль побережья Ботнического залива стоял донской полк Ложилина, а до 1817 гг. оставался полк Кисилева 2-го со штаб-квартирой в Куопио⁵. Отношения с местным населением складывались обычным для казаков образом. Исходя из того умозаключения, что они «защищают» жителей, а иначе в чем смысл службы, в понимании казака, от возможного нападения некоего неприятеля, они находили возможным для себя порой пожить от имущества местного населения. На самом деле такие ситуации возникали повсеместно, где казаки несли кордонную службу, а не только в Финляндии. Причем офицеры поощряли, а иногда и даже заставляли отнимать у местных жителей что-то необходимое для казачьей повседневной жизни⁶.

Надо отметить, что и финны в долгу не оставались, устраивали по этому поводу драки, в которых зачастую победителями выходили местные жители. Так избили, например, в Торнео казака Богданова, а в Куопио – казаков Мурзина и Попова⁷. Канцелярия генерал-губернатора фиксировала подобные инциденты в порядке общей дисциплинарной практики службы войск, разбиралась с ними, но, не выделяя их в отдельное делопроизводство.

Появление собственных финских воинских подразделений, их участие в русско-турецкой (1877–1878 гг.) войне, усилило националистические настроения в финском обществе при одновременном проведении политики централизации в Империи, которая была воспринята финнами, как русификация Финляндии, что вызвало протест и ухудшение отношений с российскими военными. Вторым шагом, обострившим эти отношения, стала ликвидация впоследствии этих

национальных формирований и попытка распространить на Великое княжество действие закона о всеобщей воинской повинности в 1901 г.⁸

Произошли волнения, и даже стычки. Западная пресса откликнулась массовыми публикациями о новых «зверствах» русских казаков, которые «верхом въезжали в главный протестантский храм Хельсинки, вынуждая людей выпрыгивать в окна, избивали женщин и детей, и даже убили полицейского»⁹.

Описываемые события относились к 1902 г. и, по мнению авторов публикаций, имели место по всей Финляндии. Однако на территории Великого княжества в тот момент находилось всего две сотни казаков 3-го Самаро-Уфимского Оренбургского казачьего войска полка¹⁰.

В целом, обстановка в Финляндии в годы до и после первой русской революции не идет ни в какое сравнение, допустим, с тем, что творилось в Польше, где помимо двух кровавых мятежей, имели место постоянные покушения на офицеров и солдат русской армии¹¹. Однако, продолжение политики русификации вызвало изменение сопротивления ей – с пассивного, на активное. Появилась партия, схожая по тактике с партией эсеров – *Finska Aktiva Motståndsparti* (Партия активного сопротивления). Тем не менее, массовая террористическая деятельность не осуществлялась, хотя имели место отдельные политические убийства – генерал-губернатора Бобрикова (3 июня 1904 г.) и прокурора сената Ионсона (6 февраля 1905 г.), совершались единичные нападения на жандармов и солдат¹². Но Финляндия считалась наименее затронутой террором окраиной империи, хоть ее и называли «красным тылом революции»¹³. Финляндские революционеры, как правого, так и левого толка предпочитали иной путь борьбы с царским правительством посредством предоставления другим антиправительственным организациям убежища в Финляндии и поддержки подполья, помощь в организации съездов и конференций. Финские власти и полиция арестовывали филеров охраны, затрудняли выдачу революционеров, помогали им бежать из-под стражи, содействовали в изготовлении, испытании и перевозке бомб и динамита. Через Финляндию осуществлялись поставки оружия в центральную часть России и жандармские, казачьи патрули, были вынуждены постоянно рыскать по шхерам, стараясь этому помешать¹⁴.

Подпольная националистическая газета «Свободное слово», печатавшаяся и распространявшаяся из-за границы, опубликовала список финнов, продолжавших верой и правдой служить царю и «большому отечеству», называя их предателями Финляндии. В этом списке значилось и имя К. Г. Маннергейма¹⁵.

Но даже всеобщее участие, включая финскую полицию, во всероссийской стачке в октябре 1905 г., продолжавшейся две недели, не давало повода для вмешательства русских войск. Именно тогда в Хельсинки была создана рабочая милиция – Красная гвардия под командованием капитана Йохана Кока, которая поддерживала порядок в столице. Позднее, эта же милиция приняла участие в свеаборгском восстании и была распущена после него, а 79 человек преданы финскому гражданскому суду.

После ликвидации национальных финских вооруженных сил, все Великое

княжество вошло в состав Петербургского военного округа. Накануне первой мировой войны в Финляндии размещались части 22-го армейского корпуса, состоявшего из 4-х Финляндских стрелковых бригад (16 полков), 20-го Финляндского драгунского полка, 22-й mortarной батареи, 22-го саперного батальона и Оренбургского казачьего дивизиона: 1-я стрелковая бригада расквартировывалась от Турку до Гельсингфорса, 2-я – от Куоволы до Выборга, 3-я – от Лахти до Тавастгуса, 4-я – от Або до Васы¹⁶. Общая численность корпуса достигала 40 тыс. человек. 22-й корпус наряду с с 18-м армейским корпусом входили в VI армию, на которую возлагалась задача обороны Финляндии и Петербурга от Швеции¹⁷.

Для унтер-офицерского состава частей был выпущен специальный обзорный «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего его устройства», автором которого был ротмистр Ильин¹⁸, где разъяснялись причины недовольства части граждан Великого княжества, в основном, шведского происхождения, а также запрещалось причинять какие-либо обиды местному населению.

Между тем, в финской прессе не прекращалась череда публикаций о дурном отношении русских солдат к местному населению, обвинений в воровстве, самовольстве, бесчинствах и приставании к женщинам. Возмущение газетчиков вызывало, например, даже то, что отдельные воинские команды передвигаются по городу с песнями¹⁹. В целом, претензии не соответствовали действительности, но публикации являлись скорее отражением политики сопротивления высших слоев Финляндии имперскому давлению, что должно было настраивать финское общество против России. Попытки русских военных властей привлечь к ответственности за клевету журналистов и редакторов газет наталкивались на глухое сопротивление финских гражданских судов, ограничивавшихся вынесением виновным чересчур мягких приговоров, оставлявших их фактически без наказания, что в свою очередь стимулировало продолжение подобных публикаций. Об остроте конфликта свидетельствуют десятки документов, выделенных канцелярией генерал-губернатора в особое делопроизводство: «Об оскорблении войск»²⁰. Однако в провинции сохранялось естественное общение, без обоюдной ненависти и серьезных конфликтов.

С началом первой мировой войны военное присутствие в Финляндии было увеличено, части 22-го армейского корпуса постепенно были заменены 42-м корпусом, созданным из полков 2-й и 3-й очереди. Вместе с бригадами и дружинами государственного ополчения, гарнизонами крепостей Выборга, Свеаборга, Або-Оландской укрепленной позиции, а также личного состава Балтийского флота, базировавшегося в портах Финляндии, в первую очередь Гельсингфорса, общая численность войск достигла 125 тыс. человек²¹.

Отношения между военными и местным населением в целом оставалось спокойными. Несмотря на отдельные высказывания о том, что «немцы победят и освободят от русского ига», нашлось 544 добровольца, вступивших в русскую армию. Неразбериха первых месяцев войны закончилась, население Финляндии получило возможность брать подряды у военного ведомства, сбывать часть

продуктов в воинские гарнизоны, производить натуральный обмен²². Вместе с тем имели место случаи дебошей и вызывающего поведения отдельных военнослужащих, в том числе и офицеров, зачастую из-за незнания местных обычаев²³. Проявление неприязни и упреки со стороны русских военных могли объясняться и тем фактом, что население Великого княжеств было освобождено от воинской повинности.

Тем не менее, затянувшаяся война неизбежно вела к общему напряжению социально-политической обстановки в России, а в Финляндии к этому добавлялись противоречия националистического характера, с социальным подтекстом, в то же время усиливались сепаратистские настроения.

Февральская революция, падение самодержавия были встречены одинаково радостно, и солдатами и матросами, и жителями Финляндии. Однако эйфория первых дней прошла, и стало сразу понятным, чего каждый ждал от революции. Финляндия ощущала приближение своей независимости. В этом отношении присутствие русских войск стало вызывать особенное недовольство, тем более, что дисциплина среди солдат и матросов стремительно падала²⁴. Временное правительство стало осуществлять переброску части войск из Финляндии, с одной стороны с целью уменьшить революционное брожение, с другой – усилить боевые части, так как обстановка на фронтах была катастрофической.

Летом 1917 г. финляндская демократия выступила за принятие сеймом законопроекта о верховной власти, что означало передачу всей полноты законодательной и исполнительной власти автономному княжеству, за исключением внешнеполитических вопросов. Временное правительство позволить этого не могло, поэтому А. Ф. Керенский отдал приказ о роспуске сейма и в конфликт оказались втянутыми русские войска²⁵. Матросы и солдаты Гельсингфорса отказались подчиняться Временному правительству, но прибывшие незадолго до этого в Финляндию казачьи части воспрепятствовали проведению сейма²⁶. Между тем, численность войск в Финляндии к концу 1917 г. сократилась почти вдвое от первоначальных 125 тыс. человек.

В начавшейся гражданской войне в Финляндии присутствие частей 42-го корпуса и моряков Балтфлота, занявших нейтральную позицию, не устраивало обе стороны. Красные рассчитывали на реальную помощь со стороны русских, белые, которыми командовал К. Г. Маннергейм, ставили задачу разоружить русские гарнизоны и переправить в Россию. При этом случались столкновения и обоюдные, как боевые, так и случайные потери, не носившие массового характера. Гораздо больше русских солдат и матросов было уничтожено среди тех, кто решил участвовать в войне на стороне красных, и попал в плен. В свою очередь, как только красные финны поняли, что русские не собираются активно участвовать в предстоящей борьбе, то начался ряд выступлений, носивших явно неприязненный к русским характер, захватывались склады с оружием и некоторые укрепленные позиции²⁷.

Вместе с тем, психология общества, порожденная жесточайшей гражданской войной и истреблением сограждан, нашла свое проявление в поиске врага с националистической

позиции. Этим объясняются расправы с русским мирным населением в Выборге и других городах Финляндии, оставшимся после подписания мирного договора с Германией.

-
- ¹ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki. 1997.
- ² Напр.: *Е.Ю. Дубровская.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Перовой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск. 2008.
- ³ *Vilkuna Kustaa H.J. Viha.* Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Helsinki. 2005. P. 585–587.
- ⁴ *Vahtera R.* Tuon uljaan kasakat //Turun Sanomat. 01.02.2010.
- ⁵ Кисилев Дмитрий Михайлович (1775 – неизв.) – участвовал в войне со шведами 1788–1790 гг., начав ее в качестве писаря во вновь сформированном в Олонецкой губернии ямщицком казачьем полку, и за отличия произведен в сотники. Прибыл в Финляндию повторно уже со своим полком в 1808 г. За действия в составе отряда В.В. Орлова-Денисова награжден орденом Св. Георгия IV ст., за переход через пролив Кварбакен на шведский берег награжден орденом Св. Анны 2 ст. – Донцы XIX века.Новочеркасск, 1907. С. 183–184
- ⁶ *Мануйлов А. Н.* Обычное право кубанских казаков. СПб., 2007. С. 196–197.
- ⁷ КА ККК Fa 463 № 526.; Fa 1206 № 40.
- ⁸ Последним был расформирован Гвардейский батальон в 1905 г.
- ⁹ The disorders in Finland. Due to the Recruiting Law – Cossacks invaded Homes of Peaceable Citizens of Helsingfors// The New York Times. April 26, 1902.
- ¹⁰ *Halen H.* Kasakat Suomessa 1712–1924. Helsinki. 2004. S. 16–17.
- ¹¹ *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997. С. 37–40.
- ¹² Например, об этом говорится в рапорте коменданта крепости Выборг ген.-лейт. А.К. Петрова начальнику 22-го корпуса от 12 ноября 1911. РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 329. Л. 113 об.
- ¹³ *Невалainen П.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб, 2003. С. 16.
- ¹⁴ *Гейфман А.* Там же. С. 46–47.
- ¹⁵ *Глазков К. В.* Белое дело генерала России и маршала Финляндии Карла Густава Маннергейма. К 50-летию со дня кончины // Кадетская переключка. 2002. Апрель. №№72–73. Нью-Йорк. С. 80.
- ¹⁶ Места дислокации: 1-й Финляндский стрелковый полк – Або, 2-й и 3-й – Гельсингфорс, 4-й – Экенес, 5-й – Св. Михель, 6-й – Фридрихгам, 7-й и 8-й – Выборг, 9-й – Тавастгус, 10-й – Рихимяки, 11-й – Лахти, 12-й – Куовола, 13-й – Николайштадт, 14-й Таммерфорс, 15-й – Тавастгус, 16-й – Або; 20-й драгунский Финляндский полк – Вильманstrand. Артиллерийские дивизионы расквартировывались в Экенесе, Куволе и Тавастгусе. *Марков О. Д.* Русская армия 1914–1917 гг. СПб. 2001. Приложение №2–3.
- ¹⁷ Вооруженные силы Швеции на тот момент составляли около 120 тыс. человек. – *Luntinen P.* French information on the Russian War Plans 1880–1914. Helsinki. 1984. P. 181.
- ¹⁸ КА VSA (Русские военные бумаги) Д. 17247 Л. 1–24.
- ¹⁹ КА. ККК. Hd 105:22. Д. 20 Оскорбление войск.
- ²⁰ КА ККК Hd 105:22 Д. 20
- ²¹ КА VSA Д. 7682. Приказ №1 по 42-му армейскому корпусу от 10 июля 1915 г.
- ²² *Дубровская Е.Ю.* Указ. Соч. С. 57–67.
- ²³ КА ККК. Hd 102. Справка о бывших в Финляндии в 1915 г. происшествиях.

²⁴ В своих мемуарах офицер 1-го Кавказского казачьего полка Ф. И. Елисеев, прибывший с Кавказа, отмечает, что поначалу финны приняли их довольно прохладно, но, удостоверившись в том, что дисциплина казачьих частей намного лучше, нежели разгитированных большевиками пехотных полков русской армии, изменили свое отношение к казакам. См. *Елисеев Ф. И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 348–390.

²⁵ *Дубровская Е.Ю.* Указ. Соч. С. 109.

²⁶ В 1917 г. в Финляндию прибыла Закаспийская казачья бригада (кроме Туркестанского дивизиона), переформированная в 5-ю Кавказскую казачью дивизию – 1-й Таманский генерала Бескровного Кубанского казачьего войска полк, 1-й Кавказский ген.-фельдм. Кн. Потемкина-Таврического Кубанского казачьего войска полк, 4-ая Кубанская казачья батарея; 3-й Линейный, 3-й Екатеринодарский и 3-й Кубанский, а также 43-й Донской полки. Все полки Кубанского казачьего войска 3-й очереди. 3-й Кубанский казачий полк из состава 4-й Кавказской казачьей дивизии. 43-й Донской полк полковника Нефедова не входил в состав бригад и дивизий. См.: *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. IV. М., 1994. С. 17–18.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 18.

А. М. Паишков

Петрозаводский государственный университет

А. А. Соборнов – исследователь карел*

Малоизвестным, но интересным эпизодом краеведческого изучения прибалтийско-финских народов Олонецкой губернии во второй половине XIX в. была деятельность Александра Александровича Соборнова. Его биография практически неизвестна. Можно предположить, что он, судя по фамилии, был выходцем из духовенства. Его фамилия не была распространена в Олонецкой губернии, поэтому он, вероятно, не был местным уроженцем. Удалось выяснить, что он родился в 1850 г. и не ранее января 1872 г. стал губернским ветеринарным врачом в Олонецкой губернии. Вероятно, он окончил какое-то медицинское учебное заведение и не обладал глубокими познаниями в гуманитарных науках. Кроме того, можно уверенно предположить, что в его обязанности входили постоянные поездки по Олонецкой губернии, во время которых он и познакомился с жизнью карел.

Попав в новую непривычную для него обстановку, молодой медик испытал настоящий шок от того, на каком уровне находилась медицинская культура населения в отдаленных карельских волостях. В одной из статей, посвященных распространению глистов среди жителей губернии, он писал: «Из всех уездов губернии наиболее страждет от taeniae solium Повенецкий уезд, что объясняется тем, что полудикое карельское население последнего питается преимущественно озерною рыбою, которую употребляет почти сырую, едва проваренную в берестяной коробке и совершенно нечищеную»¹.

Начав службу в Олонецкой губернии, А. А. Соборнов, помимо своих служебных обязанностей, стал писать заметки о состоянии здравоохранения и ветеринарии в губернии в петербургские медицинские и экономические издания «Врачебные ведомости», «Врачебную газету», «Труды Вольного экономического общества», а также в газету «Олонецкие губернские ведомости»² (далее ОГВ). Тогда же он начал сотрудничать с Олонецким губернским статистическим комитетом (далее

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 10-01-00631 а/Ф

ОГСК) и в июле 1875 г. стал его действительным членом³.

В 1876 г. в газете ОГВ появилась написанное А. А. Соборновым исследование «К истории культуры Олонецкой Корель»⁴, в том же году перепечатанное в издававшемся ОГСК «Олонецком сборнике»⁵. Исследователь начинает свою работу с общей характеристики карел Олонецкой губернии: «Довольно обширная часть территории Олонецкого края занята корелами, которых считается до 40.000 человек обоого пола. Корелы или кореляки заселяют значительную часть Олонецкого, Петрозаводского и, в особенности, Повенецкого уездов. Незначительная часть корелов обитает и в других пунктах губернии». Однако уже с первой страницы автор характеризует карел как дикарей: «В районе, занимаемом корелою, встречаются немногочисленные, иногда далеко друг от друга отстоящие, деревни, исключительно заселенные одними только корелами. Чем ближе эти корельские деревни к деревням русской народности, тем население их более цивилизовано и, по образу своей жизни, более приближается к чисто русской народности. И на границе корельского населения с чисто русским встречаются селения смешанные, т. е. заселенные и русскими, и корелами. Чем дальше корельские селения отстоят от селений русской народности или местных центров торгово-промышленной жизни, тем все глуше становится вид страны, тем диче кореляк и, наконец, встречаются такие корельские селения, в которых с трудом отыщется кореляк, говорящий по-русски».

По мнению А. А. Соборнова, история карел – это процесс их перехода от дикости к цивилизации под влиянием русских монахов – «подвижников православия». Он писал: «До пришествия в Олонецкий край великих подвижников-пустынножителей корелы прозябали в первобытном грубом язычестве. Они, подобно финнам, боготворили воды, деревья и зверей. С появлением же в Обонежье пустынножителей начинается просвещение карел и чуди христианским учением... Эти великие подвижники и словом, и примером своей высокохристианской жизни действовали на сердца и умы дикарей...» Все дальнейшие успехи в развитии карел приписываются исключительно влиянию русской народности: «Последующее же развитие культуры в крае и, так сказать, дальнейшее оцивилование дикой чуди и корел принадлежит, бесспорно, русской народности, которая и в настоящее время в Олонецком крае составляет <...> элемент культивирующий». Из этих отрывков видно, что А. А. Соборнов относился к прибалтийско-финским народам края с великодержавных позиций. Результатом этого стала предвзятость в отношении к истории этих народов. А. А. Соборнов даже не упоминает, что эти «дикари», которые «вели жизнь чисто животную», именно в период язычества создали карело-финские руны – основу всемирно известного эпоса «Калевала»⁶.

Взгляды А. А. Соборнова на славянскую колонизацию территории Карелии также можно назвать тенденциозными. Он писал о том, что «воинственные пришельцы из Новгорода и Пскова действовали устрашающим образом на дикарей и оттесняли их вглубь страны». В результате этого вторжения «новгородская пришлая вольница» захватила «лучшие земли и озера края, свою силою оттесняя корел вглубь последнего». В результате карелам достались отдаленные,

окруженные глухими лесами места. А. А. Соборнов писал: «Доказательством такого насильственного оттеснения корельского элемента новгородско-псковскую народностью служит то, что многие селения, заселенные в настоящее время одними русскими, носят и доныне корельские названия». Можно согласиться с А. А. Соборновым, что многие топонимы Карелии имеют карельскую основу⁷, но его убеждение в том, что славянская колонизация территории Карелии носила характер агрессии не соответствовало научным представлениям даже конца XIX века. Так, В. О. Ключевский в своей лекции по этнической истории Руси, прочитанной в рамках «Курса русской истории» в Московском университете в 1884–1885 году, писал об отношении финских племен к продвижению славян на север: «Ни в письменных памятниках, ни в народных преданиях великороссов не уцелело воспоминаний об упорной и повсеместной борьбе пришельцев с туземцами... Указание на такой ход и характер русской колонизации можно видеть в одной особенности той же географической номенклатуры Великороссии. Финские и русские названия сел и рек идут не сплошными полосами, а попеременно, чередуясь одни с другими. Значит, русские поселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а, как бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, какие оставались между разбросанными среди лесов и болот финскими поселками. Такой порядок размещения был бы невозможен при усиленной борьбе их с туземцами»⁸.

Кратко изложив историю карел, А. А. Соборнов переходит к характеристике их современного положения. Он отмечает, что карелы имеют собственный этнический характер, добавляя, что «ум большинства корелов находится в младенческом состоянии». Поэтому, по мнению А. А. Соборнова, «известная часть корельского населения» еще не перешла тот рубеж, который отделяет первобытное состояние от культурного. В подтверждение этих слов приводится описание «карела-дикаря»: «Этот тип представляет собой какого-то запуганного человека, который, увидев вас, робеет и старается уйти подальше. Что ни скажете ему, он сделает, если только поймет вас. Но дело в том, что многие из таких дикарей не говорят по-русски, а если и говорят, то переиначивают ваши слова – понимают их превратно. Если вы начнете говорить с таким дикарем по-корельски, то убедитесь в самом ничтожном умственном кругозоре его, убедитесь в том, что он не понимает и не может объяснить самых простых вещей, не может объяснить ничего другого, кроме того, куда ведет такая-то дорога, какой водится зверь и много ли ловится вблизи его жилища рыбы. Такой дикарь-кореляк не может объяснить: что такое Бог?». Именно такой «умственной неразвитостью» карел А. А. Соборнов объясняет распространение среди них христианской религиозности и языческих пережитков. Он пишет: «В храмовый или другой какой-либо праздник корелы войдут в церковь, поставят свечку «празднику», не зная как назвать его больше и, не слушая церковной службы, идут на открытый воздух и вокруг церкви варят баранов, которых тут же и съедают, бросая кости их непременно через крыши. Такие странные сочетания язычества с христианством еще более поражают при виде того усердия, с каким карелы ставят многочисленные кресты и часовенки по дорогам, в лесах и деревнях».

Тяжелое положение карел во второй половине XIX в. он объясняет их невежеством, которое, в свою очередь, обусловлено нехваткой и бедностью православных священников в карельских приходах. В работе сделана попытка описать этнический характер карела. А. А. Соборнов писал: «Корелы не эмигрирующие, корелы глухих мест Олонецкой губернии отличаются тихим и миролюбивым характером, любознательностью, доверчивостью, трудолюбием и трезвостью. Корелы – народ тихий. Если вы желаете поговорить с кореляком, то говорите тихо, спокойно и вы от него можете узнать, что вам желательно. Но если вы начнете говорить с ним мало-мальски грубо – ничего не узнаете, – кореляк струсит, обидится и уйдет. Кореляк доверчив: что ни скажете – всему поверит; но раз надули кореляка и он об этом догадался – и кореляк делается недоверчивым. Кореляки любопытны, любознательны: приезжаете в корельскую деревню, останавливаетесь в какой-либо избе и у вас перебивает и стар и млад, и начнутся расспросы: кто вы, зачем приехали, и если убедятся, что вы ездите по своим делам, то начнутся рассказы про свое житье, сетования на свою корельскую нужду и проч.».

В целом, автор приходит к выводу, что карелы разделены на две группы: карелы «культуривированные», то есть живущие на берегах Свири и Онежского озера и имеющие постоянные контакты с русскими, и карелы «полудикие», живущие во внутренних районах. Далее высказывается мысль, что в будущем карелы будут полностью ассимилированы русскими: «И нет сомнения, что со временем <...> корельская народность мало помалу исчезнет. Слияние корельской народности с русскою тем легче произойдет, что религия и внешний образ жизни кореляков и русских одинаковы и обоюдное сближение этих народностей путем брака явление не редкое».

А. А. Соборнов пытается дать характеристику карельского языка: «Без сомнения, корельский язык, как язык не самобытный и состоящий из русского и финского наречий, с особенным корельским оттенком, язык, который не у всех корелов Олонецкой губернии одинаков, – например: говор повенецкого кореляка отличен от говора олонецкого, – при распространении в среде корельского населения грамотности чисто русской и осуществлении сказанных выше условий слияния корельской народности с русской, – корельский язык мало помалу изменится в русский. Превращение корельского языка в русский тем легче произойдет, что современный корельский язык богат русскими, конечно переименованными на корельский лад, словами, которых в корельском языке найдется более чем 20 %. Корельские названия построек, домашней посуды и проч. – русского происхождения. И это понятно: русские научили корелов строить избы, употреблять посуду, варить мясо и проч. Спрашивается, откуда, как не из русского языка, корелы взяли названия таких предметов, как лавка (лауча по-корельски), стол (стола) и т. п. Сельское управление у корелов то же, что и у русских. Следовательно, откуда как не от русских корелы взяли название «сотский» (сотскойн по-корельски). Названия церковных обрядов и вещей корелы заимствовали от русских же».

В этих рассуждениях наряду с правильными, объективными наблюдениями содержатся ошибочные, пронизанные высокомерием и невежеством выводы. Известно, например, что предки карел пользовались глиняной, бронзовой, медной, железной и деревянной посудой еще в I–II тысячелетиях до нашей эры⁹. Наивно считать, что карелы, жившие на холодном, обильном лесами севере и рано освоившие изготовление железных топоров, до появления славян не умели строить изб. Исследователи отмечают различные типы изб у карел: срубную избу (pertti) четырех видов, обычные дома (talo) и другие жилые постройки, и указывают как на сходство, так и на отличие карельских и русских изб¹⁰. Излишне говорить также о том, что карельский язык – самостоятельный язык, относящийся к финно-угорской языковой группе¹¹.

А. А. Соборнов отмечает, что среди карел ассимиляция не встречала какого-либо сопротивления, наоборот, «в ум кореляка крепко засело убеждение, что он, хотя и говорит по-карельски, но русский и, вследствие этого убеждения, силясь подражать русским, вместе с тем охотно и довольно легко усваивает и русский язык». Кроме того, отмечается в статье, «в среде корелов развито желание учиться, и они весьма охотно посылают своих детей в те немногочисленные русские народные школы, которые существуют в редких карельских селениях».

Впрочем, ратуя за скорейшее «культивание» карел, А. А. Соборнов обращает внимание и на негативные стороны их приобщения к цивилизации. Он пишет, например, о существовании межэтнических трений у карел и русских: «<...> русские крестьяне при сношениях с кореляками относятся к последним весьма часто с пренебрежением, наделяют кореляков в глаза и за глаза эпитетами «корешки», «белоглазой корехи» и т. п., преследуют кореляков насмешками, весьма нередко, пользуясь простодушием кореляков, надувают последних, покупая «ни за грош» рыбу и продавая ее выгодно на тех местах сбыта, куда только через чур смелый кореляк сунет свой нос». Под влиянием таких отношений у карел развивается двуличие. А. А. Соборнов пишет: «Кореляк некультурованный – бесхитростнейшее создание; кореляк же культурованный постоянно при сношениях с русскими хитрит. Посмотрите на него, каким простачком кажется он с виду, разговаривая с нами, как он вас не понимает, хотя вы говорите так, что вас поймет и малый ребенок».

Интересно, что и в этих негативных проявлениях приобщения карел к российской цивилизации автор статьи возлагает вину на самих карел: «Проезжая карельские селения, которых только что начинает касаться культивирующее начало, вы поражаетесь душевною простотою этих сынов севера, поражаетесь их наивностью и гостеприимством, поражаетесь их трудолюбием и трезвостью. Другое вы видите в тех карельских селениях, в которых ничего карельского нет, кроме говора: вы видите, что в таких селениях водку пьют изрядно, сифилис процветает, гостеприимство открыто только для тех, которые могут заплатить «за самоварчик, за маслице». Показателен вывод А. А. Соборнова: «Такой грустный факт есть следствие неразборчивости корелов в подражании русским, есть следствие невежества и ничтожного интеллектуального развития этого

народа». По мысли автора, противодействовать такому «разлагающему влиянию современной культуры» должны «народные школы, в основу которых положится воспитательный религиозно-нравственный момент».

Следующий раздел очерка А. А. Соборнова посвящен анализу социально-экономического положения карел Олонецкой губернии. Автор дает краткую, но точную характеристику занятий и благосостояния карел: «Карелы, вообще говоря, народ, по большей части бедный. Карельское население в крае беднее русского. Наиболее беднейшие карелы населяют район Повенецкого уезда <...> По роду источников карельских доходов карельское население Олонецкой губернии можно разделить на следующие три разряда: 1) карелы, живущие преимущественно отхожими промыслами (35 %); 2) карелы, живущие смешанною земледельческо-торговою промышленностью (35%); 3) карелы, живущие охотничьими и рыбными промыслами (30 %)». Карелы, занимающиеся отхожими промыслами, «положительно бедствуют, ведут жалкую, голодную жизнь». Карелы, занимающиеся земледелием и торговлей, «живут более или менее безбедно, а некоторые и достаточно».

Подробно описана в статье система расселения карел: «Олонецкие карелы обитают в карельских погостах, деревнях и в одиночных поселках. Карельские селения планируются неправильно: дома стоят друг от друга в разных направлениях, иногда в совершенном беспорядке. Карельские погосты или деревни с церквями всегда обширнее карельских деревень без последних и считают в себе 150–200 душ обоого пола. Карельские деревни очень часто считают в себе только 2–6 дворов с 6-ю или 20-ю душами населения. В карельских же поселках живут одиночные семейства. Карельские селения, по большей части, расположены поблизости водных бассейнов: озер, ламб и речек». Не мог А. А. Соборнов обойти молчанием и состояния путей сообщения между карельскими селениями: «Пути сообщения в Корелии убийственны: летом в иных местах непроходимы, зимою же, если сообщение и возможно, то при помощи лыж. Недавно, лет 10–15 тому назад, во многих местах Корелии не было ни проходу, ни проезду, по причине трясин, болот и дремучих лесов. В настоящее время, хотя и изредка и весьма медленно, пролагаются пути сообщения к наиболее многочисленным селениям, но эти пути таковы, что по ним нужно идти пешком, нередко по колышкам, вбитым в болото, с шестом в руках, или же ехать верхом на лошади, с трудом пробирающейся между камнями и постоянно спотыкающейся».

Внимание А. А. Соборнова привлекло обилие памятников деревянного церковного зодчества: «В карельских селениях, как и в селениях русской народности Олонецкого края, туриста поражает множество церквей, часовен и крестов. Нередко в одном и том же немногочисленном погосте есть 2 или 1 церковь и несколько часовен. В каждой деревне, смотря по величине ее, можно видеть одну или две часовни и кресты... Народ чтит эту память о первых обонежских пустынножителях и при всяком мало-мальски важном событии строит часовни и воздвигает кресты. Эти часовни и кресты встречаются, кроме деревень, в лесах и на дорогах. Усердие народа снабжает часовни иконами, а кресты – кусками

полотна или другой материи». Помимо обилия храмов А. А. Соборнов отметил и добротность построек: «В Корелии есть церкви, построенные 2–3 и более веков тому назад. Есть избы, еще крепкие и прочные, в которых родилось и возросло 3–4 поколения людей, доживших до глубокой старости. В Повенецком уезде нам удалось видеть избы, срубленные 100–200 лет тому назад». Такое внимание к памятникам деревянной архитектуры весьма показательно и отражает возросший тогда интерес российской интеллигенции к северному деревянному зодчеству. Показательно, что в 1875–1877 гг. по поручению Академии художеств большое путешествие по северу России совершил академик архитектуры Л. В. Даль (сын известного лексикографа В. И. Даля). По итогам поездки по Олонецкой губернии он опубликовал статью «Старинные деревянные церкви Олонецкой губернии»¹². Под влиянием Л. В. Даля к изучению северного деревянного зодчества обратились В. В. Суслов, И. Э. Грабарь, Я. И. Билибин и др. Можно считать, что А. А. Соборнов обратил в своем очерке внимание на очень важный элемент народной культуры Севера – многочисленные памятники деревянного зодчества и этим предвосхитил обращение к этой теме приезжих ученых. Однако к деревянной архитектуре он подходил односторонне, только как к проявлению религиозного «усердия» местных крестьян. О том, что А. А. Соборнов не осознал всей важности этой темы, говорит и подача материала: в статье говорится о деревянном зодчестве вообще, нет ни одного примера с упоминанием какой-либо выдающейся постройки.

Завершает статью обзор положения повенецких карел. А. А. Соборнов объясняет это тем, что южные карелы кроме языка ничем не отличаются от русских, поэтому полезней взглянуть «попристальнее на быт только начинающих цивилизоваться корелов Повенецкого уезда». В очерке представлены разнообразные статистические сведения о повенецких карелах, которые можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 1.

Численность и расселение карел Повенецкого уезда в 1872 году

Карельские волости	Численность населения		Деревень	Дворов
	Мужчин	Женщин		
Богоявленская	1610	1695	30	478
Мяндусельгская	1712	1920	42	540
Поросозерская	828	844	27	243
Ребольская	696	727	34	197
Ругозерская	878	893	26	267
Всего:	5724	6079	159	1725

В дополнение к этим цифрам А. А. Соборнов сообщает, что за 1867–1872 гг. численность повенецких карел выросла на 5,7 % или, примерно, на 100 человек. Приведенные данные позволяют представить демографическое положение карельских волостей Повенецкого уезда в начале 1870-х гг. Показательно, что в тяжелых природно-климатических и социальных условиях все же происходил небольшой рост населения.

Изложение сведений о жизни повенецких карел А. А. Соборнов начинает с описания их жилища. Отметив, что «все корельские избы деревянные, крытые тесом и весьма редко соломою», он отдельно описывает избу зажиточного и бедного карела. Вот описание избы зажиточного карела: «У более достаточных корелов избы двухэтажные: в верхнем этаже помещается жилье и сарай для хранения сена и т.п. Иногда в этом же этаже устроены и кладовые. Нижний этаж преимущественно занят скотными хлевами. Иногда в этом этаже помещается и небольшое жилье. У некоторых из корел избы имеют ряд антресолей. Верхний этаж изб обширен и более или менее просторными сенями делится на две половины. Одна дверь сеней ведет в половину верхнего этажа, предназначенную для хранения сена, соломы, саней и т. п. Из этой половины лестница идет вниз, в скотские хлевы. Эта половина имеет и другую дверь, выходящую на двор. Другая дверь сеней ведет на уличную лестницу, нередко крытую. Наконец, третья дверь сеней ведет в жилое помещение верхнего этажа. Жилое помещение последнего делится иногда на «переднюю» и «заднюю» избу. В передней избе с большою русскою печкою, лавками вокруг стен и нарами, помещается семейство кореляка. Задняя же изба или «горница» снабжена иногда бывает дешевенькою городскою мебелью. По стенам «горницы» обыкновенно развешаны лубочные картинки, по большей части религиозного содержания. Эти две жилые избы сообщаются одною дверью. Иногда имеет «горница» имеет особую дверь, ведущую в сени. «Горница» предназначается преимущественно для гостей».

Жильё бедного карела имеет большие отличия от жилья его богатого соплеменника: «Избы бедных корелов одноэтажные, но значительно поднятые над поверхностью земли, поднятые иногда так высоко, что внизу остается помещение для домашнего скота. Обычай поднимать жилье долее или менее высоко над поверхностью земли хорош и необходим ввиду значительной и постоянной влажности почвы в летнее время и глубоких снегов зимою. Избы бедных крестьян грязны, тесны и состоят из одного жилья с курной печью. Внутренность такой избы обыкновенно представляет следующий вид: по стенам лавки, вблизи которых стоит стол. Под потолком, который от дыма черен как уголь, приделаны нары. В одном углу избы стоит немудреный станок для тканья холста и пестряди. В другом виднеются образа, почерневшие от времени, а под ними снарядцы для вязания рыболовных снастей. Вечером изба освещается, по большей части лучиною, издающей едкий, но приятного соснового запаха, дым».

К описанию карельского жилища А. А. Соборнов сделал еще одно дополнение: «Проезжая корельские селения, турист, бросив взгляд на наружность изб и сравнив их с избами других местностей России, легко может прийти к заключению, о

сравнительно высоком материальном благосостоянии владельцев этих обширных и на вид опрятных изб. Но это первое впечатление как нельзя более ошибочно. Жилища здешнего населения, благодаря обилию и, следовательно, дешевизне леса, нередко удовлетворительны. Но что касается прочего, то это прочее самое грустное».

Если сравнить это описание с описанием жилища повенецких карел, сделанным за 13 лет до этого А. И. Ивановым¹³, то можно отметить, что эти описание не повторяют, а дополняют друг друга. Оба автора описывают жилища как зажиточных, так и бедных карел. Это свидетельствует, что имущественное расслоение среди повенецких карел в 1860-е – 1870-е гг. имело достаточно устойчивый характер.

В отличие от подчеркнуто нейтрального и академичного описания пищи повенецких карел, приведенного в работе А. И. Иванова¹⁴, описание повседневного питания карел в статье А. А. Соборнова имеет ярко выраженную социальную окраску, навеянную, вероятно, народнической публицистикой того времени. А. А. Соборнов писал: «Кореяк голодает. Обыкновенную пищу его составляют: свежая, вяленая и соленая рыба, нередко испорченная (потому что хорошо просолить рыбу у кореляка нет средств), редька, репа да хлеб. Хлеб ржаной, без примеси, в Корелии роскошь. По большей части кореляки употребляют хлеб, состоящий из ржи пополам с соломою или сосною корою. Такой хлеб тяжел, трудно переносится желудком и производит брюшные завалы. Как желудок корела не привык к такому хлебу, то временами он производит жестокие страдания, результатом которых, нередко, является смерть. Редкий кореляк не страдает глистами. У редкого кореляка нет солитера, который в организм переносится рыбою, съедаемой кореляками неочищенною, дурно просоленною и мало проваренною. Солитер временами в организме человека производит страшные мучения: в такие минуты человек не помнит себя от боли, метается из стороны в сторону, живот страдальца страшно вздувается и проч. Голод в Корелии Повенецкого уезда – явление постоянное. И нужно удивляться той сумме жизненных сил, которая еще кроется в организме вечно голодного кореляка! Дурная пища корелов, как нельзя больше, дурно влияет на их здоровье, затрудняет полное развитие организма и делает по природе смиренного кореляка еще более тихим и безответным».

В описании пищи А. А. Соборнов не обошел своим вниманием и такой особенности карельского рациона как увлечение питьем чая и кофе. В его статье по этому поводу сказано: «При всей нищенской обстановке домашней жизни корелов, вас невольно поражает страсть последних к чаю и, в особенности, к кофе. Кофе пьют и самые бедные корелы. Пьется кофе несколько раз в день. Само собою разумеется, что карельское кофе низкого достоинства, такое кофе, в котором цирокия $\frac{9}{10}$, а собственно кофе $\frac{1}{10}$ часть. Кофе и цикорий корелы достают из Финляндии». Хотя А. И. Иванов обходит молчанием факт широкого распространения среди карел этих напитков, но В. А. Дашков этот факт подтверждает¹⁵.

По поводу карельской одежды А. А. Соборнов писал очень коротко: «Одежда

у корелов та же, что и у русских, но бедная и очень часто в дырах и заплатках. При разъездах по Повенецкому уезду мы видели кореляков, одетых в валенки и дряхлый, едва достигающий до колен, полушубок, делающих в страшные январские и февральские морозы 25–30 верст без остановки». Описание карельской одежды у А. А. Соборнова значительно короче, чем у А. И. Иванова¹⁶.

Описания нищенской одежды и скудной пищи повенецких карел завершаются рассуждением А. А. Соборнова о причинах их бедности: «Суровый климат, каменистая и сырая почва ставят хлебопашество и скотоводство на низкую ступень. Громадные глубокие снега, тающие поздно и в возвышенных лесистых местностях лежащие до половины лета, сильные весенние морозы, влажность от многочисленных болот и озер и осенние ранние заморозки – все это вместе вредно действует на посевы. Каменистая и влажная почва производит только незначительные количества кисловатой и черной ржи, редьки, репы, да тощего сена. Скота в Корелии мало, а без скота еще труднее хлебопашество. Вследствие недостатка скота и, следовательно, навоза, бесплодную землю Корелии приходится удобрять другим, более трудным и в данном случае менее действенным туком, а именно золою, сжигая для этого лес (подсечное хозяйство)».

Для подтверждения слабого развития животноводства А. А. Соборнов привел сведения о поголовье скота в Повенецкой Карелии: 1348 лошадей, 5994 головы крупного рогатого скота и 4599 овец, и сделал на основе этих цифр вывод, что «число корелов больше, чем число имеющегося у них домашнего скота».

В очерке имеются также любопытные сведения о размерах обрабатываемых пахотных земель «за один из предшествующих годов»:

Таблица 2.

Состояние пахотных земель в карельских волостях Повенецкого уезда

Карельские волости	Посевные площади (в десятинах)	Засеянные площади (в десятинах)
Мяндусельская	3577,5	1065,25
Богоявленская	1867	971
Поросозерская	1840	183
Ругозерская	1090	137
Ребольская	417	56,5
Всего:	8791,5	2412,75

Урожайность в том году была по ржи и яровому хлебу – сам–4–5, по картофелю – сам–7.

Из-за небольших посевных площадей и низкого урожая карелы не могли собрать хлеб не только для продажи, но и для своего «прокормления», им приходилось покупать хлеб на стороне «в три-дорога» и есть не чистый хлеб, а смешанный с сосновой корой. Необходимость добыть деньги для покупки хлеба заставляла карельских крестьян заниматься отхожим промыслом, то есть уходить на заработки в другие места. Эти промыслы А. А. Соборнов описывал так: «Главными источниками доходов Корелии служат отхожие в русские районы промыслы и промыслы охотничьи и рыболовные, производимые в самой Корелии. Гонимые нищетой кореляки Повенецкого уезда, в большем количестве, чем русские того же уезда, отправляются на заработку на сторону. Из 2360 паспортов и билетов, выдаваемых для отлучки волостными правлениями Повенецкого уезда на долю русских, которых в Повенецком уезде считается до 10.000 обоего пола, приходится 970, а на долю кореляков 1390».

В очерке приведены краткие, но конкретные данные об охоте на лесную дичь и рыболовстве: «Предметы птичьей охоты: рябчики, тетерева, куропадки, предметы рыболовства: пальи, сиги, лососи, щуки, окуни, ряпушка, налимы и другие. В пяти корельских волостях Повенецкого уезда в одном из предыдущих годов добыто дичи 28.800 пар на 5.205 руб., рыбы продано на 6.320 руб., да на такую же сумму, если не больше, оставлено для собственного употребления». Более подробно, с приведением конкретных цифр, описана охота на диких зверей.

Таблица 3

Охота на диких зверей и доходы от нее в карельских волостях Повенецкого уезда

Виды зверей	Количество убитых зверей	Ценность меха (руб.)
Медведи	6	43
Лисицы	285	835
Горностаи	45	12,5
Зайцы	560	34
Белки	12500	730
Олени	437	
Лоси	6	910
Куницы	36	140
Выдры	24	116
Всего:	13.839	2.910,5

А. А. Соборнов указывает, что значительную часть меха добытых зверей карелы продают: «Все эти продукты сбываются на двух ярмарках в селе Шуньге Шуньгской волости Повенецкого уезда и, частью, на рынках Финляндии. Значительная часть мехов, дичи и рыбы скупается на местах кулаками за сравнительно ничтожную цену и отвозится ими в Петербург, где они получают чистой прибыли от продажи этих продуктов 100 %».

В очерке есть крайне любопытные сведения об охоте на медведя и о том вреде, который медведи наносят крестьянскому хозяйству: «Охота на медведей в Повенецкой Корелии редка, но не от недостатка смелости у местных охотников, а от недостатка у них хорошего оружия и зарядов. Вследствие неистребления медведей количество их с каждым годом увеличивается в значительной прогрессии, а вместе с тем увеличивается и число похищения домашних животных хищными зверями, что, конечно, еще более подрывает и без того скудное корельское хозяйство».

Кроме традиционных промыслов повенецкие карелы были заняты в лесной и металлургической промышленности. Об этом в очерке А. А. Соборнова приводятся также четкие и конкретные данные: «Кроме сказанных промыслов в Корелии существуют и другие, а именно: вывозка и сплав леса для частных лесопильных заводов: трех расположенных в Повенецком уезде, одного в Петрозаводском и одного в Финляндии. Работы на этих заводах доставляют корелям не более 5–6 тысяч рублей в год. На имеющемся Валазминском чугунно-плавильном заводе карелы Поросозерской и частью Богоявленской, занимающиеся заготовлением и подвозкою дров и угля и добыванием озерной руды, получают до 2.500 руб.»

В работе А. А. Соборнова дан подробный перечень неземледельческих занятий повенецких карел. Помимо тех промыслов, где было занято много людей он упоминает и промыслы «для единичных лиц». К таковым отнесено «содержание обывательских (земских) и почтовых ямщин», где каждый содержатель ямщины получал на одну лошадь «до 100 руб. в год» и содержание различных сельскохозяйственных заведений. Сведения об этих заведениях можно представить в виде таблицы (см. С. 95).

Кроме того в Мяндусельгской волости имелось 11 смолокурных печей с общим годовым доходом в 110 руб., а в Поросозерской волости 2 кожевенных мастерских с общим годовым доходом в 68 руб.

Состояние торговли в карельских волостях Повенецкого уезда А.А. Соборнов оценивает как очень слабое: «Главным местом сбыта скудных плодов рук карелов служит село Шуньга, на ярмарки которой привозят из Корелии топленое коровье масло, свежую и соленую рыбу и меха, не отобранные кулаками – и только. В Повенецкой Корелии почти нет ярмарок, но есть немногочисленные мелочные лавочки, в которые из Повенца закупается ржаная мука, пшено, дешевенькие ситцы и платки, чай, свечи, сахар и т. п. Ежегодно в Корелию привозится 9.000 кулей ржаной муки для частной продажи. Помимо хлеба в Корелию привозится глиняная посуда, да еще кое-какие предметы, необходимые в домашнем быту».

Таблица 4

Содержание мельниц и кузниц в карельских волостях Повенецкого уезда

Карельские волости	Мельницы		Кузницы	
	Количество	Годовой доход (руб.)	Количество	Годовой доход (руб.)
Мяндусельгская	21	286	21	420
Богоявленская	13	180	6	220
Поросозерская	14	280	2	68
Ругозерская	2	50	2	75
Ребольская	нет	нет	2	6
Всего:	50	796	33	789

Состояние торговли в карельских волостях Повенецкого уезда А. А. Соборнов оценивает как очень слабое: «Главным местом сбыта скудных плодов рук корелов служит село Шуньга, на ярмарки которой привозят из Корелии топленое коровье масло, свежую и соленую рыбу и меха, не отобранные кулаками – и только. В Повенецкой Корелии почти нет ярмарок, но есть немногочисленные мелочные лавочки, в которые из Повенца закупается ржаная мука, пшено, дешевенькие ситцы и платки, чай, свечи, сахар и т. п. Ежегодно в Корелию привозится 9.000 кулей ржаной муки для частной продажи. Помимо хлеба в Корелию привозится глиняная посуда, да еще кое-какие предметы, необходимые в домашнем быту».

Проведя подробный анализ состояния и доходности сельского хозяйства и промыслов повенецких карел, А.А. Соборнов попытался подсчитать общий размер доходов карельского крестьянина и размер дохода на душу населения. Он пришел к следующим выводам: «В Корелии на 9–10 человек приходится одна лошадь, на 2–3 человека – 1 корова, на 3 человека – 1 овца. Птиц и свиней в Корелии нет. Хлеба, за вычетом семян для посева, на человека приходится: ржи 16–30 гарнцев¹⁷, ярового 3–18 гарнцев, картофеля – 2–3 четверти¹⁸. Доход от продажи рыбы – 6.320 руб., от продажи дичи – 5.205 руб., от продажи пушного зверя – 2.910 руб., от сельскохозяйственных заведений – 1.763 руб., от работ на лесопильных и чугунолитейных заводах – 8.000 руб., да незначительный доход от продажи масла, случайных заработков и т. п., maximum 500 руб., а всего 24.698 руб. или 2 руб. 10 коп. на душу. Эти цифры как нельзя нагляднее показывают всю ту неисходную

нищету, в которой живет корельское население Повенецкого уезда».

Свои выводы о «неисходной нищете», в которой живет карельское население Повенецкого уезда, А. А. Соборнов подтвердил ссылкой на работу А. И. Иванова «Повенецкий уезд и необходимость развития в нем горных промыслов»¹⁹, где была отмечена неспособность карельских крестьян из-за бедности уплачивать подати. А. И. Иванов писал: «У чиновников, собирающих подати, плательщики податей просят в милостыню копейку или хлеба «ради Христа». <...> Труд большинства крестьянских семейств в уезде не доставляет им средств удовлетворить свои потребности в пище и одежде. В бюджете семейств постоянный дефицит, который может быть покрыт одним средством: смертью одного из членов семейства».

Завершая обзор социально-экономического положения карельских волостей А. А. Соборнов пишет: «После всего сказанного легко понять, почему кореляк ест хлеб из сосновой коры и ячменной соломы, почему он, сбывая рыбу, оставляет для себя ничтожное количество ее, и эту рыбу варит в берестяной коробке, не имея средств купить котла»? И тут же он предлагает несколько мер, направленных на улучшение положения: «Но как ни грустно настоящее Корелии, будем надеяться, что с проведением удобных путей сообщения, с увеличением пунктов сбора рыбы, зверя и дичи, с улучшением способов рыболовства и охоты, с увеличением количества лесопильных и горных заводов – материальные средства кореляков подымутся».

Завершается работа А. А. Соборнова выпадом против кулаков-перекупщиков, навеванным, вероятно, народнической литературой и публицистикой. Об этом было сказано так: «Оканчивая наш очерк, упомянем о той бессовестной эксплуатации кулаками-барышниками простодушных кореляков, благодаря которой ценная рыба, дичь и меховой товар приобретаются ими в Корелии за крайне низкую цену, за цену гораздо ниже той, которая стоит даже и на местных ярмарках. Кулаки-барышники составляют язву Корелии, которая может исчезнуть только при осуществлении сказанного выше и при организации какою-нибудь компаниею правильного торгова дичью, рыбою и зверем, идущими из Корелии на рынки Петербурга».

Очерк А.А. Соборнова – это интересное, многоплановое произведение. Фактически он состоит из двух частей. Первая часть посвящена изложению общих сведений о карелах, их расселении, истории, взаимоотношениям с русскими, религиозности, этническому характеру, социально-экономическому состоянию. В этой части очерка прослеживается пренебрежительное отношение автора к карелам, подчеркивается их дикость, невежество, отчужденности от достижений цивилизации. Можно предположить, что такое отношение к карелам было распространено среди части духовенства и чиновничества, особенно, среди тех, кто приехал из-за пределов Олонецкого края.

Вторая часть очерка посвящена обзору положения карел, проживавших в пяти волостях Повенецкого уезда. Если сравнить содержание этой части работы А. А. Соборнова с очерком А. И. Иванова, также посвященного повенецким карелам, то сразу бросается в глаза отсутствие у авторов общей проблематики.

Для А. И. Иванова объектом изучения служит традиционная культура повенецких карел, а А. А. Соборнов главное внимание уделяет социально-экономическому положению карельского населения, отмечает их бедственное материальное положение и предлагает свои меры по улучшению их жизни. На эту статью А. А. Соборнова большое воздействие оказала народническая публицистика с ее вниманием к социально-экономическому положению крестьянства.

В 1877 г. в журнале «Русское богатство» была опубликована еще одна работа А. А. Соборнова «Олонецкий край в экономическом и промышленном отношении»²⁰.

Вероятно, А. А. Соборнова тяготила служба в должности губернского ветеринарного врача. Вскоре он становится военным ветеринаром и в должности ветеринарного врача 2-й гренадерской артиллерийской бригады участвует в походе русской армии в Болгарию во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Об этом эпизоде он впоследствии оставил воспоминания²¹. Дальнейшая его судьба неизвестна, но в 1895 г. в газете «ОГВ» появился его обширный очерк «Олонецкий край»²², тогда же отпечатанный и отдельной брошюрой²³. В работе имеется примечание: «Все цифровые данные печатаемой статьи г. Соборнова относятся ко второй половине 80-х годов». Это примечание показывает, что сама работа была написана, по крайней мере, за 5 лет до публикации, то есть на рубеже 1880-х – 1890-х гг., либо в середине 1890-х гг., но на основе уже устарелых материалов.

Работа А. А. Соборнова имеет обобщающий характер, состоит из 9 разделов и посвящена социально-экономическому состоянию губернии. Но в ней имеется довольно много сведений и о положении прибалтийско-финских народов Олонецкой губернии. Многие утверждения А. А. Соборнова в статье «Олонецкий край» восходят к рассмотренной выше публикации 1876 г., но имеются там и совершенно новые факты и оценки. Начинается статья А. А. Соборнова кратким перечислением исследователей, изучавших Олонецкий край. Кроме ремарок об А. С. Ярцове, А. Ф. Гильфердинге, Е. В. Барсове, П. Н. Рыбникове и других известных ученых, А. А. Соборнов упоминает об «отце Григории Модестове, собиравшем карельские сказки и переведшем их на русский язык». В первом разделе, посвященном истории края, рассказывается о заселении его славянами и повторена мысль о том, что во время своих разбойничьих набегов новгородцы и псковичи переселялись в Обонежье, «заняв лучшие места в суровом крае по берегам многорыбных озер и рек. Занимая такие местности, пришельцы из Новгорода и Пскова коренное карельское население оттесняли вглубь последнего».

Завершается первый раздел рассуждением о роли основателей первых православных монастырей – «олонецких пустынножителей» в христианизации и приобщении к культуре местного прибалтийско-финского населения. Их деятельность преподносится с апологетических позиций и, походя, с унижением аборигенов края: «Святые Олонецкие пустынножители в истории культурализации Олонецкого края играли важную роль. Независимо от своих высоких, чисто подвижнических трудов и насаждения святого евангельского учения среди идолопоклонствовавшей в давние века Чуди и Корелы, этих коренных обитателей Олонецкого края, великие Олонецкие подвижники Христа были первыми

культурализаторами дикой Олонецкой Корелы и Чуди. В то самое время, когда псковская и новгородская вольница, вторгаясь в пустынный и дикий край, оттесняла коренных обитателей его в непроходимую глушь лесов, устрашала этих обитателей, – святые угодники Божии <...> просвещали дикую Корелу и Чудь святым евангельским учением и научали их оседлой жизни, приучали диких сынов севера к земледельческому труду и правильным промыслам. Если дикое коренное население Олонецкого края впервые и начало жить разумною человеческою жизнью, если из рыскающих звероподобных существ это население сделалось оседлым и восприняло начала элементарной культуры, которую уже пользовалось русское население тогдашней Обонежской пятины, – то это благодаря святым Олонецким пустынножителям, из которых некоторые свою высокую миссию запечатлели своим мученичеством, своею кровью... Таким образом, в основание культуризации коренного населения Олонецкого края было положено религиозное начало, первыми насадителями культуры среди Олонецкой Чуди и Корелы были святые пустынножители».

Отметив роль православия как основы культуры населения Олонецкого края, А. А. Соборнов подчеркнул другой важный фактор ее формирования - преобладание в крае русского населения: «Дальнейшая же культурализация Олонецкой Корелы и Чуди совершалась под влиянием пришлой русской народности из Новгорода и Пскова, заселявшей мало помалу край и в настоящее время ставшей преобладающим в крае элементом. Благодаря влиянию русской народности, аборигены Олонецкого края Корелы и Чудь, по своим обычаям, привычкам, экономическому быту, сходны с русскою народностью, от которой отличаются только особенностями, присущими корельской и чудской натурам и говорам».

Несмотря на пренебрежительный по отношению к прибалтийско-финскому населению тон, А. А. Соборнов верно отметил важнейшие факторы, влиявшие на местное прибалтийско-финское население – православие и воздействие русского этноса. Хотя, правильнее было бы переставить эти факторы местами: именно новгородцы принесли православие в Карелию и научили местное население земледелию. Не отмечена в статье А. А. Соборнова и обратная сторона этих процессов: влияние карел и вепсов на пришлых новгородцев и появление первых подвижников православия среди местных прибалтийских финнов.

Второй раздел статьи посвящен численности и составу населения Олонецкой губернии в 1880-е гг. Большое внимание А. А. Соборнов уделяет характеристике прибалтийско-финского населения: «Аборигены Олонецкого края, – финское население последнего, – распадаются на три отрасли: собственно Финны, Корелы и Чудь. Корел в Олонецком крае считается до 40.000 душ обоего пола. Корелы занимают весь север и северо-запад Повенецкого уезда, Петрозаводского уезда и большую часть Олонецкого, причем повенецкие корелы занимают самые суровые, скудные и бесплодные районы и живут преимущественно рыболовством и звероловством. Чудское племя, количество которого не превышает 15.000 душ обоего пола, заселяет побережье озера Онеги в Петрозаводском уезде и побережье

реки Верхней Ояти в Лодейнопольском уезде. Олонецкая Чудь, превосходящая по своему умственному развитию и материальному благополучию корельскую народность, все более и более <...> ассимилируется с русской народностью. На границе Олонецкой губернии с Финляндиею в настоящее время живет ничтожное количество собственно финнов, называемых в Олонецкой губернии, как и в Петербургской, чухнами».

В статье приведена оценка численности населения Олонецкой губернии и указана численность в процентах каждого этноса: «Всего населения в Олонецком крае в настоящее время считается до 300.000 с лишним человек обоего пола, всех возрастов и состояний. Из общего числа этого населения приходится на долю:

русской народности – 85 %
чудской – 4,92 %
корельской – 11 %
других народностей – 0,8 %”

Для сравнения можно добавить, что по Всероссийской переписи населения 1897 года в Олонецкой губернии проживало 364.156 человек, в том числе 284.902 (78,23%) русских, 59.414 (16,31%) карел и 16.147 (4,43 %) чуди (вепсов)²⁴. Можно сказать, что причинами уменьшения реальной численности карел в полтора раза стали как неприязнь А. А. Соборнова к карелам, так и отсутствие до 1897 г. достоверных сведений о демографии губернии.

Далее А. А. Соборнов дает характеристику каждому из трех основных народов губернии – русским, чуди и карелам. Он рассмотрел состояние этих народов с точки зрения их культурного развития и на первое место поместил русских. На второе место он поместил чуди (вепсов): «Второе место в культурном отношении принадлежит чудскому населению Олонецкого края, которое в отношении материальной обстановки своего быта и занятий почти не отличается от русского населения. Между русским и чудским населением иных мест Олонецкого края в настоящее время трудно провести более или менее резкую границу. В иных пунктах губернии, например, в Куштозерском приходе Вытегорского уезда Чудь почти обрусилась до того, что наполовину забыла свой говор. В этом приходе, говорит бытописатель Куштозерского прихода Беседников, полтора года тому назад нельзя было найти ни одного человека, понимающего по-русски, а теперь всякий понимает русскую речь и знает русский язык как свой родной чудский. В этом приходе русский язык наполовину вытеснил из употребления язык природный, что очень резко отразилось в деревнях Пустоше и Ивачевой. Само чудское племя, благодаря бракам с русскими, уже заметно начинает перерождаться».

Приведенная цитата позволяет отметить еще одну особенность мировоззрения А. А. Соборнова – руссоцентризм. Для него чуди постольку можно считать культурным народом, поскольку она в значительной мере обрусела. Таким образом, для А. А. Соборнова русификация означала приобщение местных нерусских народов к культуре. Нужно отметить, что в этом разделе А. А. Соборнов в подкрепление своих рассуждений приводит мнение еще одного краеведа, волостного писаря П. М. Беседникова, который опубликовал в газете «ОГВ» заметку о Куштозерском приходе²⁵.

Карел А. А. Соборнов ставит на последнее место «в культурном отношении»: «Последнее место в культурном отношении занимают корелы, которых русский селянин зовет не иначе, как дикою корелою. Олонецкая корела, населяя, по большей части, бесплодные, наиболее суровые пункты описываемого края, земледелием занимается мало, значительно менее чудской и русской народности. Та часть корел, которая занимается земледелием, существует не одним «плодом земли». Наряду с земледелием эти корелы занимаются и другими промыслами, так как труд земледельца в Корелии очень скудно вознаграждается, до того скудно, что кореляк-хлебороб без промыслов не может существовать. А промыслы эти – рыболовство, звероловство и отхожие промыслы. Наиболее земледелие развито у корел Олонецкого уезда и наименее – у корел Повенецкого уезда. Большинство последних существует исключительно звериною ловлею и рыболовством». При внимательном чтении данного отрывка невольно возникает вопрос – по хозяйственной жизни русское и карельское население ничем принципиально не отличались, возможно, что в хозяйстве карел чуть большую долю занимали традиционные промыслы, почему же карелы, с точки зрения автора статьи, стояли на «последнем месте в культурном отношении»?

В конце своего рассуждения А. А. Соборнов предлагает свое деление численности карел по источникам их доходов: «По роду источников своих доходов корельское население Олонецкого края можно разделить на три разряда: Корелы, живущие преимущественно отхожими промыслами (бурлачеством на реке Свири, работами на местных лесопильных и в петербургских рабочих артелях) – 35 %, корелы, живущие земледелием и промыслами – 35 % и корелы, живущие исключительно отхожими и рыбными промыслами – 30 %». Уже эти данные противоречат мнению о культурной отсталости карел. Можно ли считать отсталыми людей, живших в течении долгого времени в Петербурге и находившихся под влиянием столичной культуры?

Завершается раздел, посвященный народонаселению края, размышлением автора о влиянии русских на карел и вепсов. А. А. Соборнов пишет: «Русский элемент в Олонецком крае – элемент наиболее деятельный и, так сказать, подавляющий и своей численностью, и своею нравственною и материальною культурою чудский и корельский элементы. Благодаря культивирующему влиянию русских, Олонецкая Чудь и Корела, в отношении своего материального быта и занятий, мало чем отличаются от русских. Чудский же элемент края, благодаря сказанному влиянию, в настоящее время начинает заметно вырождаться и в иных пунктах губернии уже совершенно ассимилировался с русскою народностью». Это высказывание отличается неполнотой (ничего не сказано об обратном влиянии карел и вепсов на местное русское население) и преувеличением масштабов и интенсивности ассимиляционных процессов.

Тезис об ассимиляции А. А. Соборнов конкретизирует на примере карел: «На корелах районов губернии, ближайших к районам, занятым русскою народностью, заметно отражается русское влияние, как на их домашнем и социальном быте, так и на моральной натуре их. Корелы диких, уединенных пунктов губернии, – дикие

чада природы, отличающиеся от русских весьма резкими характерными чертами. Корелы же, имеющие более или менее тесное общение с русскими, отличаются от последних только своим говором, меньшим умственным развитием и чертами лица, присущими корельской народности». В этой цитате содержится еще одна важная мысль, позволяющая уточнить мировоззрение автора. А. А. Соборнов считает, что отсталость карел объясняется не столько тяжелыми условиями их проживания, бедностью и необразованностью, но и врожденным «меньшим умственным развитием», которое не исчезает и при «более или менее тесном общении с русским». Это позволяет отнести автора не просто к великодержавным шовинистам, но и усмотреть в его взглядах расистскую основу.

Поэтому, вполне естественно, что неизбежной перспективой для карел он считает их ассимиляцию: «Корельская народность – народность слабая, легко поддающаяся чуждому влиянию и при том народность малочисленная. Поэтому можно думать, что в более или менее отдаленном будущем, при большом рассеянии русских по краю, внедрению их, так сказать, в среду корельского населения, при увеличении случаев бракосочетания русских с корелами, – корельская народность, подобно чудской, начнет вырождаться и в более или менее отдаленном будущем исчезнет совсем, ассимилируется с русской».

Надо отдать должное А. А. Соборнову в том, что он не идеализирует воздействия русского населения на карел и отмечает и негативные стороны такого воздействия: «Русский элемент, цивилизируя карел, вместе с тем, – должно правду сказать, – вносил и вносит в среду кореляков немало и дурного. Кореляк по своей натуре восприимчив, он легко перенимает и дурное, и хорошее. Поэтому, заимствуя от русского культивирующего элемента хорошее и доброе, перенимает от него и дурное... В тех корельских деревнях, где русского человека видят редко, кореляк представляется бесхитростным, простодушным, трезвым и трудолюбивым сыном севера. В корельских же погостах, деревнях и поселках, ближайших к селениям русской народности, в поселениях карел уже культивированных более или менее значительно, – кореляки не отличаются трезвою жизнью и простодушием. В таких поселениях зачастую процветает сифилис, который заносится сюда солдатами и возвращающимися из отхожих промыслов кореляками».

Не мог не отметить А. А. Соборнов и бедственного экономического положения карельского населения даже по сравнению с местными русскими жителями Олонецкой губернии: «Русский элемент Олонецкого края, как элемент наиболее сильный, деятельный и культурный, занимающий лучшие районы в губернии <...>, и благодаря этому пользующийся большими материальными средствами для жизни, – живет несравненно лучше чудской и, в особенности, корельской народности описываемого края. <...> Корельский же элемент в крае везде бедствует. В особенности он бедствует в тех бесплодных районах своего обитания, в которых нет другой растительности, кроме мха, лишая, сосны, да с превеликим трудом возделываемой редьки, в таких районах, как суровый и в высшей степени неприветливый северо-запад Петрозаводского и, в особенности, Повенецкого уезда. В сказанных районах корельский элемент существует только

звероловством да рыболовством. Обыкновенную пищу его составляют свежая или соленая рыба, редька, репа, да черный квас. По самым точным вычислениям, труд большинства крестьянских семейств в Повенецкой Корелии не доставляет им средств удовлетворять свои потребности в пище».

Можно сказать, что взгляды А. А. Соборнова на карел представляют собою смесь разных мыслей, идей и чувств – от пренебрежения к «диким корелякам» до сочувствия тяжелому экономическому положению жителей карельских волостей. При этом все им высказанное носит поверхностный характер и основано не на глубоком и детальном изучении предмета, а, вероятно, на личных впечатлениях от поездок по карельским районам.

Еще один большой экскурс в историю карел содержится в разделе работы А. А. Соборнова, посвященном состоянию горнозаводской промышленности края. Он отрицает, что в древности карелы умели добывать железную руду и выплавлять железо. По этому поводу в работе сказано: «Аборигены края – карелы, до своей культуризации прозябая в первобытном младенчествующем состоянии, не обращали должного внимания на сокрытые в недрах их края богатства, которые еще во времена Новгородского веча были известны русским. В то время, как соседние финны приготовляли из железа стрелы, копья и мечи, которыми производили торговлю, приписывая в своих сечах происхождение железа воле богов, – дикие карелы не знали, что тут же, под их ногами, сокрыт полезный металл, извлечение которого на свет не представляло особенных трудностей».

Современные научные данные полностью опровергают мнение о том, что до контактов с новгородцами карелы не умели добывать железо. Известно, что население северо-западного Приладожья познакомилось с производством железа уже во второй половине I тысячелетия до н. э., а к концу I тысячелетия н. э. сельскохозяйственный инвентарь, рабочие и бытовые инструменты и оружие изготавливались уже из железа²⁶. Кузнецом был и Илмаринен – один из главных героев карело-финских рун. Более того, по богатству и разнообразию приемов и методов добычи и обработки железа карельские кузнецы находились на уровне кузнецов Новгорода и Ладogi²⁷.

Но, все же, полностью отрицать существование у карел железоделательного промысла А. А. Соборнов не мог, поэтому его распространение он, без каких-либо оснований, связывал с влиянием Новгорода. Приведенные им факты основаны, вероятно, на впечатлениях, полученных во время поездок по губернии: «Только в то время, когда дикая корела начала культивироваться, она начала научиться искусству извлекать из недр земли, озерных и болотных глубин полезный металл и превращать его в орудия защиты и охоты. С этого времени между корелами Лопских погостов²⁸ начало развиваться приготовление «железа-уклады» прямо из руд и начали мало помалу образовываться небольшие «лопские заводцы», в сырдутных печах которых начали обрабатываться «железные крицы». В некоторых пунктах Повенецкой Корелии, например, в районах нынешних Ребольской, Богоявленской и Поросозерской волостей находятся следы первых «лопских заводцев». Эти следы суть – ямы и насыпи. Первоначальный горный промысел дикой корелы,

мало-помалу развиваясь и при дальнейшей культуризации ее совершенствуясь, обусловил производство корелами пицалей, топоров, ножей и других изделий, которые, как говорят местные хроники, расходились не по одному обонежскому региону, но и по архангельскому району. Эти изделия фабриковались в небольших заводцах-кузницах, в которых также плавилась железная руда. Число этих заводцев с годами увеличивалось. Но с начала XVIII века упомянутые заводцы начали приходить в упадок и в настоящее время от большинства из них остались только следы или воспоминания. Если в настоящее время существует кое-где в Корелии фабрикация пицалей, ножей и т. п., то эта фабрикация слишком ничтожна. Причина упадка, исчезновения сказанных заводцев-кузниц в Корелии проста: корельские заводцы не в состоянии были конкурировать в производстве железа из руды с возникшими еще в XVII столетии правительственными горными заводами».

В остальных разделах работы А. А. Соборнова «Олонецкий край», посвященных земледелию, животноводству, промыслам, отходу, осушению болот, горным заводам и т. д. о карелах и вепсах специально ничего не говорится. В целом работа «Олонецкий край» оставляет впечатление незавершенного труда.

Летом 1893 г. в журнале «Исторический вестник» появилась заметка А. А. Соборнова «Вопиющее убожество»²⁹, которая была откликом на рассказ Н. Ф. Лескова «Две репины»³⁰. Это была первая публикация в данном журнале рассказа начинающего этнографа и писателя Н. Ф. Лескова. Рассказ построен от лица некоего автора, черты которого напоминают самого Н. Ф. Лескова. Этот рассказчик зимой путешествует в санях по карельским деревням Повенецкого уезда. По дороге автор решил заехать к своему товарищу по семинарии священнику Ивану Воронову.

Рассказ «Две репины» интересен как попытка автора использовать жанр художественного произведения для изложения таких сведений о жизни карельских крестьян, которые нельзя было поместить в научной статье. Это, в первую очередь, объективная картина их бедности, тяжелой жизни и одновременно высоких моральных качеств. Автор находился под влиянием традиций русской литературы – демократизма и критического реализма. Рассказ пронизан глубоким сочувствием к жизни карельских крестьян и содержит скрытый протест против их тяжелого положения.

На этот рассказ Н. Ф. Лескова откликнулся А. А. Соборнов. В своей заметке «Вопиющее убожество» он привел множество фактов, подтверждающих тяжелое материальное положение православного духовенства Олонецкой Карелии. Показательно, что в этой заметке по-иному расставлены акценты – тяжелая жизнь карельских крестьян остается на заднем плане, а на первое место вынесено описание положения сельского православного духовенства.

А. А. Соборнов отметил, что факты, описанные в рассказе Н. Ф. Лескова, «не исключительные», но его характеристики края и его населения отличаются от оценок, приведенных Н. Ф. Лесковым. А. А. Соборнов пишет о «дикой, глухой, холодной и голодной Корелии Олонецкого края», где живет «полудикая,

неразвитая паства», а «для добывания <...> куска хлеба сельские пастыри Корелии должны сами нести труд крестьянина-корела», а не то «они и их семьи умрут с голоду». Все сочувствие А. А. Соборнова на стороне православных священников, служащих в карельских приходах: «Священники Олонецкой и, в особенности, Повенецкой Корелии, за немногим исключением, живут впроголодь. Жизнь их почти не отличается от жизни труженика кореляка-крестьянина, жизнь эта полна вечного тяжелого физического труда и всевозможных лишений. Как ни тяжела жизнь корельского крестьянина, но жизнь корельского священника, этого светоча православия в глухой, дикой и холодной северной Карелии, еще тяжелее». По наблюдению автора, у многих сельских священников есть только одна ряса, а по внешнему виду вне церкви он «не отличается очень часто от крестьянина». Такой же является и их пища: «Обыденная же пища корельского священника и его семьи – это редька, репа, рыба (да и то не всегда) да корельский хлеб, приготовляемый из ржаной муки, на половину и даже более подмешанный лебедою и сосновою корою». Таким образом, А. А. Соборнов не только согласен с описанием повседневной жизни сельского священника карельского прихода, сделанным в рассказе Н. Ф. Лескова, но и дает ее более обобщенную и развернутую характеристику.

Затем А. А. Соборнов перешел к характеристике карел, по его словам, «полудикого, невежественного, хотя и доброго корельского народца», причем его мнение разительно отличается от написанного Н. Ф. Лесковым: «<...> Корельским священникам необходима мощь духа и обеспеченная материальная жизнь, ибо корельскому священнику нужно бороться со страшным невежеством, темнотою дикого корельского народца, полного суеверий и языческих верований и усвоившего до сих пор только рядовые стороны православной религии <...> В храмовый праздник во время литургии корелы в церковной ограде варят и едят барана – таков обычай карел <...> Только если православные священники будут материально обеспечены, желательное дело утверждения корельского народца в религии и очищении его от грубых языческих верований пойдет более успешно, тем более, что этот, хотя полудикий, неразвитый, но добрый народец чуток к делу религии, восприимчив и доверчив. Более или менее энергичное воздействие в православном отношении на корельский народец тем более необходимо, что Олонецкая губерния не свободна от раскола, и влияние местных расколоучителей во вред православию в Корелии если не будет парализуемо, может принести нежеланные плоды <...>».

Показательно, что в отличие от Н. Ф. Лескова, который устами своего героя-священника говорил, что карельский народ «терпеливее и честнее меня в тысячу раз, и не ему у меня следует учиться, а скорее я могу поучиться у него», А. А. Соборнов пишет только о темноте, дикости и невежестве карел, точнее, как он пренебрежительно выражается, «корельского народца», а от православного духовенства, которое он считает духовным наставником карельской паствы, требуется решительная борьба с пережитками язычества и распространением старообрядчества в своих приходах.

Бедность карельских крестьян отмечена в заметке А. А. Соборнова только в связи с их скудными пожертвованиями на храмы: «Одновременно <...> обращает на себя внимание бедственное состояние Божиих храмов в Корелии <...> Корельские храмы <...> замечательны своею ветхостию, миниатюрностию, бедностию, отсутствием украшений из благородных металлов и драгоценных камней, все украшения из дерева, образа старинного письма, ризницы многих храмов скудны, и священники совершают богослужение в полотняных ризах <...> Корельский добрый народец религиозен, несмотря на свои суеверия, он крепко привержен к православию, к храмам Божиим, он готов отдать для этих храмов много, но... он беден <...> Единственно, что корельский народец дает на пользу храмов – это свой физический труд <...>, сооружает деревянные часовни, водружает многочисленные кресты при дорогах, лесных тропах, колодцах, ручьях, которыми так богата <...> Олонецкая Карелия».

Последняя проблема, которую поднял в своей публикации А. А. Соборнов, это разбросанность карельских деревень и их удаленность от приходских центров: «Многие корельские деревушки и поселки отстоят от погостов, то есть селений, в которых имеется храм Божий <...> на целые десятки или даже сотни верст <...> Обряд погребения покойника совершается только спустя несколько недель или даже месяцев, новорожденных крестят только по достижении ими 12–14-летнего возраста, то есть когда они бывают в состоянии пробежать в зимнее время на лыжах расстояние, отделяющее их деревушку или поселок от погоста».

Заметка А. А. Соборнова позволяет представить уровень обыденных представлений части русской интеллигенции Олонецкой губернии о карелах и о своей роли в жизни этого этноса.

Среди многих исследователей прибалтийско-финского населения Карелии пореформенного периода А. А. Соборнов стоит на особом месте. С одной стороны он почти ничем не отличается от многих краеведов и публицистов пореформенного периода с их углубленным вниманием к социально-экономической проблематике и сочувствием к тяжелому положению простого народа. Можно даже считать его автором среднего уровня, писавшим на основе, главным образом, личных впечатлений, полученных во время поездок по губернии. Но он выделяется достаточно откровенно выраженным недоброжелательством к прибалтийско-финским народам Карелии, и, прежде всего, к карелам. Ни один из дореволюционных исследователей не писал так презрительно о «диких кореляках», которые даже после «культивации» обладали «меньшим умственным развитием», чем русские. Такая откровенная карелофобия проявилась, вероятно, в силу нескольких причин. По-видимому, А. А. Соборнов был пришлым человеком, не знавшим истории, культуры и традиций Олонецкого края. Свою роль сыграло и отсутствие у него хорошего гуманитарного образования. Кроме того, А. А. Соборнов, вероятно, впитал и развил те обыденные представления о карелах, которые могли бытовать среди русского крестьянства и интеллигенции Олонецкой губернии.

Можно также предположить, что такое недоброжелательное отношение к

карелам было еще и результатом своего рода профессионального врачебного снобизма, иногда встречающегося, особенно, у начинающих медиков. Неудивительно, что у молодого врача, напичканного передовыми взглядами и методиками и оказавшего в краю, где до этого, может быть, никогда не было ни одного профессионального медика, а население лечилось у колдунов и знахарей, могли вырваться такие резкие суждения.

В целом краеведческое изучение карел было для А. А. Соборнова случайным и недолгим занятием, как случайным и недолгим было и его пребывание в Олонецкой губернии.

¹ *Соборнов А. А.* Распространение глист у жителей Олонецкой губернии и средства лечения // ОГВ. 1876. № 61.

² *Он же.* Коклюш на детях // ОГВ. 1876. № 54; *Он же.* Скотоводство в Олонецкой губернии // ОГВ. 1876. № 63; *Он же.* Перемежающаяся лихорадка в Олонецкой губернии // ОГВ. 1876. № 78; *Он же.* Натуральная оспа в Олонецком уезде // ОГВ. 1876. № 92; *Он же.* Промыслы скотоводства в Олонецкой губернии // ОГВ. 1876. № 98; *Он же.* Земская ветеринарная медицина // ОГВ. 1877. № 16, 17; *Он же.* Эпизоотия чумы в Олонецкой губернии // ОГВ. 1877. № 18, 47; *Он же.* Из Олонецкого края. Скотоводство // Труды Вольного экономического общества. 1877. Т.1. С.208 и др.

³ Журнал общего собрания ОГСК 14 июля 1875 г. // Олонецкий сборник. Вып.1. Петрозаводск, 1876. С. 12.

⁴ ОГВ. 1876. № 41, 44, 45.

⁵ Олонецкий сборник. Вып.1. Петрозаводск, 1876. Отд. 1. С.123–143.

⁶ *Хурмеваара А. Г.* «Калевала» в России. Петрозаводск, 1972.

⁷ Подробнее см.: *Кярт Г. М., Мамонтова Н. Н.* Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982; *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

⁸ *Ключевский В. О.* Сочинения в 9-ти томах. Т.1. М., 1987. С.297–298.

⁹ *Кочуркина С. И.* Корела и Русь. Л., 1986. С.78.

¹⁰ *Клементьев Е. И.* Карелы. Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991. С.14–17; *Он же.* Карелы. Историко-этнографический очерк. Петрозаводск, 2008. С. 101–114.

¹¹ *Керт Г. М.* Карельский язык // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 63–75.

¹² Зодчий. 1877. № 11–12. С. 97–98.

¹³ *Иванов А. И.* Повенецкие корелы, их домашний и общественный быт, поверья и предания // ОГВ. 1863. № 36, 37.

¹⁴ ОГВ. 1863. № 39.

¹⁵ Дашков В. А. Описание Олонецкой губернии. СПб., 1842. С. 172.

¹⁶ ОГВ. 1863. № 38.

¹⁷ Гарнец - русская единица измерения сыпучих тел, равная 3,2798 литра (Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 407).

¹⁸ Четверть – русская единица измерения сыпучих тел, равная 209,91 литра (Советская историческая энциклопедия. Т.9. М., 1966. С. 407).

¹⁹ *Иванов А. И.* Повенецкий уезд и необходимость развития в нем горных промыслов // Сборник в память Первого русского статистического съезда 1870 года. Вып. 2. Н.-Новгород, 1875. С. 131.

²⁰ Русское богатство. 1877. № 14. С. 2–7; № 16. С. 2–7; № 17. С. 2–5; 1878. № 1. С. 1–6.

-
- ²¹ Соборнов А. А. За Прутом, Дунаем и Балканами. 1877–1878 гг. // Всемирный путешественник. 1889. № 6. С. 92–96; № 7. С. 97–109; № 8. С. 113–128; № 9. С. 129–144; № 10. С. 157–160; № 11. С. 161–176; № 12. С. 177–183.
- ²² Соборнов А. Олонецкий край // ОГВ. 1895. № 41–45, 47, 51–53.
- ²³ *Он же*. Олонецкий край. Петрозаводск, 1895. 72 С.
- ²⁴ Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Ч.27. Олонецкая губерния. Тетр. 2. СПб., 1900. Табл. 9. С.86–89.
- ²⁵ *Беседников П. М.* Куштозерский приход и озеро Куштозеро // ОГВ. 1875. № 68 (перепечатано: Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1876. Вып.1. Отд.1. С.10–19).
- ²⁶ *Кочуркина С. И.* Карелия и Русь. Л., 1986. С. 21.
- ²⁷ *Жуков А. Ю.* Карелия в средневековье (X–XV вв.) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 69.
- ²⁸ Лопские погосты – земли на западе современной Карелии, между селениями Линдозеро на реке Суне и Панозеро на реке Кемь.
- ²⁹ *Соборнов А.* Вопиющее убожество // ИВ. 1893. № 9. С. 844–848.
- ³⁰ *Лесков Н. Ф.* Две репины // Исторический вестник 1893. № 6. С. 690–699.

С. Г. Веригин

Петрозаводский государственный университет

Некоторые проблемы историографии партизанского движения в Карелии в период Великой Отечественной войны*

Отечественная историография партизанского движения является одним из обширных разделов литературы по Великой Отечественной войне. Только библиографический перечень занимает многие десятки страниц.

Анализ историографии по данной тематике позволяет выделить три основных периода в ее развитии: первый период – с начала войны до середины 1950-х гг.; второй – вторая половина 1950-х гг. до перестройки в СССР – середины 1980-х гг.; третий – со второй половины 1980-х гг. и до настоящего времени. В свою очередь в каждом периоде можно выделить отдельные этапы, отражающие особенности изучения этой темы. Так, в третьем современном периоде следует назвать этап «постсоветского» развития историографии – 1990-е гг. – начало XXI века.

Изучение партизанской борьбы в тылу противника началось еще в годы Великой Отечественной войны. В силу понятных причин первые работы по этой теме носили в основном публицистический характер. Их назначение сводилось, главным образом, к популяризации подвигов советских людей в тылу врага, распространению опыта партизанского движения, освещению приемов и способов их действий¹. Сами работы писались под непосредственным воздействием тех оценок, которые содержались в выступлениях партийных и советских деятелей (И. В. Сталина, М. И. Калинина, Е. М. Ярославского), а также руководителей партизанского движения (П. К. Пономаренко, Д. Н. Попова, И. П. Бойцова, Р. И. Сидельского и др.).

После войны исследование темы продолжали видные руководители партизанской и подпольной борьбы – непосредственные участники организации сопротивления на оккупированных территориях. Вместе с тем, в ее разработку

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00631 а/Ф

включаются и профессиональные историки, что значительно повысило уровень исследований. Появились первые монографии, в которых были предприняты попытки более обстоятельно рассмотреть характер и формы партизанской борьбы в отдельных регионах страны. В числе первых историков-исследователей партизанской тематики можно назвать И. В. Виноградова, П. Р. Шевердалкина, И. С. Кравченко, Н. И. Супруненко, В. П. Самсонова и др.² Были подготовлены и защищены первые диссертации по данной теме.

Ценность этих публикаций несомненна. Они вводили в научный оборот обширный фактический материал, новые документы и воспоминания. Однако многие вопросы партизанской борьбы оставались за рамками исследований: деятельность руководящих органов партизанского движения (штабов), выяснение особенностей партизанской войны в различных регионах страны, роль воинов-окруженцев в становлении партизанских формирований и др. В литературе этого периода встречается много неточностей в освещении событий, преобладал описательный подход: в работах в основном излагались факты и содержалось мало аналитических материалов. Более глубокому исследованию истории партизанского движения препятствовали и трудности с использованием архивных материалов. Многие архивные фонды еще не были до конца обработаны и систематизированы, да и доступ в архивы был сильно ограничен.

После XX съезда КПСС, со второй половины 1950-х гг., происходит активизация исследовательской деятельности по партизанской тематике. Значительно расширилась источниковая база. Почти во всех республиках и областях, подвергшихся оккупации, были изданы сборники документов по данной проблеме³. Значительно увеличилось число изданий мемуаров⁴. Появился ряд коллективных исследований обобщающего характера⁵.

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. было опубликовано значительное число монографических работ, написанных как на общесозных, так и на региональных материалах⁶. Данные исследования значительно расширили круг рассматриваемых вопросов. Именно в этот период среди историков возникли дискуссии по методологическим аспектам партизанской тематики, в частности, по терминологии («партизанская война», «партизанское движение», «всенародная война»). Появляются работы, посвященные историографии партизанского движения⁷.

Вместе с тем на данном этапе развития историографии не были преодолены многие стереотипы, сформировавшиеся еще в предыдущие десятилетия. Изучение целого ряда вопросов находилось под запретом со стороны партийно-государственных органов. Почти не затрагивались такие острые аспекты темы, как просчеты в организации партизанской борьбы, сложности во взаимоотношениях партизанских отрядов с местным населением, низкая боеспособность отдельных партизанских формирований, роль органов НКВД-НКГБ в создании партизанских отрядов и др. Несмотря на значительный рост издаваемых работ, так и не появилось ни одной крупной монографии, которая обобщала бы партизанскую борьбу на всей оккупированной территории страны.

Перестройка в СССР, начатая в середине 1980-х гг., положила начало новому этапу в развитии историографии исследуемой проблемы. Он характеризуется прежде всего тремя главными особенностями.

Во-первых, были сняты идеологические ограничения при исследовании данной темы. Крупные социально-политические изменения, произошедшие в России после распада СССР, серьезная перестройка международных отношений побудили многих историков приступить к переосмыслению взглядов, оценок и концепций, заняться поиском новых подходов при изучении сюжетов Второй мировой и Великой Отечественной войн. В российской историографии проходили процессы крайней поляризации взглядов на историю этих войн, научные дискуссии часто носили политизированный характер.

Во-вторых, историкам стал открываться доступ к прежде секретным архивным документам советских государственных и ведомственных архивов. Исследователи смогли обратиться к материалам первоочередной важности, таким как документам заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)⁸, Народного комиссариата обороны и его органов⁹, документам и материалам о государственной и военной деятельности Сталина¹⁰. Эти и другие новые источники по Второй мировой войне¹¹ не только углубили наши знания по различным ее сюжетам, но и существенно изменили многие устоявшиеся позиции, позволили поднять значительное число проблем, не попадавших ранее в поле зрения исследователей.

В-третьих, у российских ученых появилась возможность работать в архивохранилищах зарубежных государств, стали доступны научные труды иностранных исследователей.

Для историографии современного этапа характерным является критическое отношение авторов к достижениям предшествующей историографии, пересмотр многих, сложившихся десятилетиями трактовок и оценок событий Великой Отечественной войны, согласие с позицией зарубежных историков по целому ряду вопросов. Вместе с тем количество исследований по партизанской тематике за последние два десятилетия заметно сократилось по сравнению с предыдущими периодами. Во многом это объясняется непростым и даже болезненным процессом переосмысления положений, утвердившихся в сознании отечественных историков.

И все же в 1990-е гг. – начале XXI века вышел в свет целый ряд изданий, значительно обогативших историографию партизанского движения. Среди этих публикаций следует выделить сборник документов и материалов «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», подготовленный авторским коллективом сотрудников Института военной истории Министерства обороны РФ, Военно-исторического центра Вооруженных сил РФ, Центрального архива Министерства обороны РФ и вышедший в свет в серии «Русский архив: Великая Отечественная»¹². Большинство документов сборника были опубликованы впервые.

Появился ряд работ как мемуарного, так и исследовательского характера, написанных непосредственными участниками изучаемых событий, которые в предыдущие десятилетия по идеологическим соображениям не имели

возможности высказать свою точку зрения¹³.

На современном этапе развития историографии темы, основными чертами которого стали ослабление идеологического диктата в науке и введение в научный оборот новых рассекреченных документов, у историков появляется возможность приступить к освещению не изученных ранее аспектов партизанского движения в годы Великой Отечественной войны и смежных с ним проблем (оккупационная политика нацистской Германии и ее союзников, агитационно-пропагандистская деятельность оккупационной администрации, проявление коллаборационизма и др.). Среди новейших исследований следует особо выделить работы Н. Д. Козлова, посвященные анализу общественного сознания граждан СССР в годы войны¹⁴. Вполне очевидно, что успехи и неудачи советского сопротивления оккупационным властям во многом зависели от отношения к нему населения, его умонастроений и сознания. В этой связи вопросы, поставленные Н. Д. Козловым, чрезвычайно важны для правильного понимания многих аспектов истории партизанского движения и его последующего изучения.

Среди работ, специально посвященных партизанскому движению, значительный интерес представляет коллективная монография «Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»¹⁵. В ней помещен подробный историографический очерк Н. Ф. Азяского. Проанализировав многочисленные исследования по данной проблематике, автор выявил недостаточно изученные вопросы и определил перспективы дальнейших исследований истории партизанского движения¹⁶.

Организация партизанского движения, боевые действия, состав и снабжение партизанских отрядов нашли свое отражение в работе В. А. Спиридонова «Лесные солдаты. Партизанская война на Северо-Западе СССР: 1941–1944»¹⁷. Однако стремление автора опровергнуть исторические мифы советского периода приводит его к определенной тенденциозности в подборе и освещении фактов, переоценке неудач и провалов, которые действительно имели место, и недооценке конкретных достижений партизан.

Различным аспектам партизанской войны посвящены исследования Н. А. Ломагина, В. И. Боярского, А. К. Белова и др.¹⁸ В. Н. Андриянов и А. Ю. Попов обратили внимание на участие органов НКВД в организации и руководстве партизанским движением¹⁹.

Историография партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны является составной частью общесоюзной (русской) историографии этой проблемы. Она прошла те же периоды, ей присущи те же черты и особенности, что и русской историографии.

В 1950–1980-е гг. вышли в свет воспоминания участников партизанской войны в Карелии и Советском Заполярье²⁰. Они представляют из себя как отдельные книги, так и небольшие по объему публикации в периодической печати. Мемуары являются важным источником для изучения проблемы, так как содержат богатый фактический материал по различным аспектам партизанского движения на Севере. Был опубликован целый ряд сборников документов и материалов по

Великой Отечественной войне на Европейском Севере, в которых содержались материалы и о партизанах Карельского фронта²¹

В историографии Карелии периода Великой Отечественной войны также значительное место отводилось изучению истории партизанского движения на оккупированной территории республики. Литература по этой теме довольно обширна. Боевая деятельность партизан освещалась как в общих трудах по истории Великой Отечественной войны и истории Карелии, так и в специальных работах и статьях, в многочисленных журнальных и газетных публикациях²². Среди трудов, посвященных данной проблематике, следует выделить исследования А. И. Смирнова, К. А. Морозова, А. А. Шпак, докторскую диссертацию П. Р. Швердалкина²³. Основное внимание историки уделяли раскрытию своеобразия и трудностей деятельности советских патриотов в тылу противника на Европейском Севере, специфике этой борьбы в Карелии и Заполярье.

С другой стороны, большинство исследований и мемуаров по истории партизанского движения в Карелии, которые вышли в свет в 1950-е – первой половине 1980-х гг., несли на себе отпечаток идеологизированности и политизированности. Основной упор в них был сделан на показе патриотизма, героизма и мужества партизан, а также роли партийных органов в организации партизанского движения. Партийно-государственная цензура принуждала авторов изображать только положительные, победоносные стороны партизанского движения, опуская при этом тяжелые и трагические. К. В. Гнетнев в книге «Тайны лесной войны. Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах» в этой связи отмечает: «Известен случай, когда из рукописи книги комиссара партизанского отряда Г. А. Герасимова «Партизанские километры» издательством была изъята целая глава о чудовищно трудном летнем походе 1942 года партизанского отряда «Вперед». Ситуация сложилась так, что при возвращении в свой тыл до линии боевого охранения наших войск из всего отряда сумел доползти в полубессознательном состоянии только один партизан»²⁴.

Официальная политика 1950-х – начала 1980-х гг., требовавшая отражать только положительные факты в изображении как партизанского движения в военный период, так и в целом истории Великой Отечественной войны, неизбежно приводила не только к возникновению научной цензуры, но и к появлению самоцензуры и у авторов научных работ, и у самих ветеранов, пишущих мемуары. К. В. Гнетнев пишет: «В июне 2005 года бывший разведчик отряда «Боевые друзья» И. А. Комиссаров прямо заявил мне в беседе: «Мы не дали Д. Я. Гусарову написать всю правду о походе бригады летом 42-го в его романе «За чертой милосердия». Так и сказали: «Брось, Дима. Не надо. Все равно не пропустят». Сам писатель отметил это обстоятельство в дневниковой записи от 10 октября 1970 года: «Партизаны охотно и много рассказывают об этом походе, но у меня сложилось впечатление, что они не хотят, чтобы об этом походе была написана вся правда»²⁵.

Нельзя не согласиться с тезисом К. В. Гнетнева, который он формулирует в книге «Тайны лесной войны...»: «Стремление «наложить гянец» или, напротив,

затуманить, заболтать те или иные факты истории доводило до откровенных глупостей. В первом варианте рукописи книги «За линией Карельского фронта» ее автор первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и член Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянов утверждал, что в вещевом мешке каждого партизана, уходящего на задание в тыл врага, непременно был томик «Краткого курса истории ВКП(б)» И. В. Сталина. Большого труда партизанам стоило убедить автора в необходимости снять это нелепое утверждение. Летом 2005 года бывший политрук партизанского отряда «Железняк» С. П. Татаурщиков рассказывал мне об этом эпизоде: «Еле убедил. Говорю: – Ну не было такого, Геннадий Николаевич! Ведь каждая иголлка на счету. Я даже свой кольт в походы перестал носить, а вы с историей партии...» А ведь генерал Куприянов, в числе других, руководил партизанским движением, считался авторитетом в истории войны на территории Карелии и лучше многих знал предмет, о котором писал²⁶.

Практически все научные исследования 1950-х – начала 1980-х гг., связанные с карельскими партизанами, были написаны под влиянием официальной политики и базировались на Записке ЦК КП(б) Карело-Финской ССР «Об участии карело-финского народа в Великой Отечественной войне»²⁷, которая была подписана секретарем ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприяновым 3 августа 1944 г. В большинстве работ мы не найдем анализа серьезных недостатков и ошибок в партизанском движении Карелии. Правда, в начале 1980-х гг. был опубликован роман-хроника бывшего партизана известного карельского писателя Д. Я. Гусарова «За чертой милосердия»²⁸, где раскрывается горькая правда о походе бригады Григорьева в тыл противника в 1942 г. Но эта правдивая книга носила характер художественной прозы и в большей части была посвящена показу мужества и самоотверженности карельских партизан в борьбе против финских оккупантов.

Произошедшие в стране коренные изменения в 1980–1990-х гг. открыли новые возможности для изучения темы партизанского движения. Появились новые документы и материалы²⁹, которые показывают, что многие вопросы не изучены, а отдельные аспекты требуют пересмотра. Жизнь в настоящее время заставляет исследователей искать историческую правду, что предполагает в том числе и переосмысление событий военных лет. Вместе с тем появилась новая проблема: на наш взгляд, российская общественность не готова к тому, чтобы узнать жестокую правду о партизанах и их действиях, к тому же этого порой не хотят знать и оставшиеся в живых участники тех событий.

Из публикаций последних лет, посвященных истории партизанского движения в Карелии, в которых предпринята попытка осветить слабо изученные до настоящего времени вопросы, следует выделить следующие издания. В 2005 г. в свет вышел сборник научных статей и материалов «Партизанская война в Карелии»³⁰, подготовленный Военно-историческим обществом Республики Карелия. Авторы сборника – карельские ученые, краеведы, журналисты, введя в научный оборот многие неизвестные ранее архивные документы, привлекая финскую литературу по истории партизанского движения, которая весьма обширна, но практически недоступна для российского читателя, сосредоточили свое внимание на

исследовании «белых пятен» в истории партизанской войны в Карелии в 1941–1944 гг.: роли органов НКВД в организации партизанского движения в Карелии, численности потерь партизан Карельского фронта, рейдах карельских партизан на финскую территорию в период войны и др.

В 2005 г. в Петрозаводском госуниверситете О. И. Кулагиным была защищена кандидатская диссертация «Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы (1941–1944 гг.)»³¹. В ней автор предпринял попытку выявить влияние и взаимообусловленность объективных (физико-географические, демографические и экономические условия региона) и субъективных (организационно-тактическое оформление, материально-техническое обеспечение, идеологическая и агентурная работа) факторов на процесс развития партизанского движения на Карельском фронте. Положительным моментом диссертации является то, что О. И. Кулагин ввел в научный оборот большое количество неопубликованных ранее архивных документов из фондов центральных и местных государственных и ведомственных архивов.

В 2007 г. известный карельский писатель-документалист К. В. Гнетнев опубликовал книгу «Тайны лесной войны. Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах»³². Ценность данной публикации состоит в том, что в ней автор собрал доверительные рассказы партизан Карельского фронта, свободные от цензурного прессы. Воспоминания партизан, наряду с уже известными сюжетами партизанской жизни, затрагивают и острые «непопулярные» для обсуждения темы: бессмысленные приказы и чрезмерная жесткость командования, расстрелы своих бойцов за совершенные ими проступки, добивание раненых и др.

История партизанского движения в Карелии в период военных действий между СССР и Финляндией в 1941–1944 гг. продолжает оставаться в центре внимания исследователей не только в России³³, но и в Финляндии³⁴. Важно отметить, что сегодня переведены с финского языка на русский и изданы труды А. Лайне³⁵, Х. Сеппяля, Э. Пиэтола, Т. Вихавайнена, М. Йокипии³⁶ и других, посвященные различным аспектам советско-финляндских отношений в годы Второй мировой войны. Эти публикации значительно расширяют наши знания о военной истории России, Карелии и Финляндии, дают возможность познакомиться с финляндской точкой зрения на узловые проблемы войны на Севере, на политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в военный период. Определенное внимание в этих исследованиях уделяется и партизанскому движению на Европейском Севере в 1941–1944 гг. Однако стоит выделить и основной недостаток финляндской историографии исследуемой проблемы: за редким исключением финляндские авторы опираются только на финноязычные источники и слабо используют документы российских архивов.

Кроме того, говоря о финляндской историографии партизанского движения необходимо подчеркнуть, что в настоящий период из всего спектра партизанской тематики, прежде всего, исследуется один аспект – деятельность советских партизан на территории Финляндии против гражданского населения и последствия этой

деятельности³⁷. В 1999 г. в Финляндии даже создали общественную организацию «Гражданское население – ветераны войны-продолжения», которую возглавила финская писательница Тююне Мартикайнен. Организация представляет интересы финского мирного гражданского населения, пострадавшего от советских партизан. Она стремится привлечь внимание общественности к рейдам советских партизан в тыл Финляндии, в результате чего, по ее оценкам, погибло 176 мирных граждан³⁸.

По мнению ряда финляндских организаций и отдельных политических и общественных деятелей, действия советских партизан в Финляндии могут рассматриваться как военные преступления, подпадающие под положения Гаагской конвенции и не имеющие срока давности. В Финляндии высказывались даже требования предать суду тех, кто повинен в неблагоприятных действиях против мирного населения. Некоторые финские организации обращались в МИД и прокуратуру Финляндии с требованием расследовать деятельность советских партизан.

Большой общественный резонанс в Финляндии и в Карелии получила книга Вейкко Эркиля «Замалчиваемая война. Нападения советских партизан на финские деревни», вышедшая в Хельсинки в 1999 г.³⁹ Данная работа – результат расследования, проведенного автором в 1995–1998 гг. За это время В. Эркиля совершил 34 поездки в Россию, встретился с 19 бывшими партизанами, участвовавшими в рейдах на территорию Финляндии, из которых наиболее важными свидетелями считал бойца отряда «Большевик» Валентина Смирнова, командира группы Николая Дмитриенко, руководителя разведки отряда «Большевик Заполярья» Анатолия Голубева и медсестер Валентину Дерябину и Хельгу Лобух, а также оставшихся в живых командиров карельских партизанских отрядов «Большевик Заполярья» и «Большевик» – Александра Смирнова и Георгия Калашникова.

В своей книге В. Эркиля утверждает, что партизаны убили 147 мирных финляндских жителей. Основной причиной нападения партизан на гражданские объекты, по его мнению, был страх не выполнить задание⁴⁰. При этом он цитирует слова командира отряда «Полярник» Д. Подоплека: «Если бы мы вернулись, не выполнив задания, то пошли бы под трибунал» и Александра Смирнова: «Наше правительство с утра до вечера требовало смерти врагу»⁴¹.

Вторая возможная причина, по мнению В. Эркиля, заключалась в том, что с помощью террора партизан против мирных финляндских жителей советское правительство стремилось запугать Финляндию и таким образом заставить ее выйти из войны⁴².

В 2007 г. в издательстве «Компания РИФ» вышла книга карельских исследователей Г. В. Чумакова и А. Н. Ремизова «Бригада. История 1-й партизанской бригады Карельского фронта»⁴³. Авторы на основе анализа и обобщения как известных, так и не вводившихся ранее в научный оборот документов и материалов воссоздали картину формирования, боевой деятельности и повседневной жизни этого самого крупного на Европейском Севере партизанского соединения.

Исследование содержит ряд приложений, в которые включены ранее не известные архивные источники.

Очень важно, что авторы представили свою точку зрения на причины жестокого отношения советских партизан к гражданскому населению Финляндии. Они пишут: «Во-первых, в первый год войны партизаны старались не вступать ни в какие контакты с местным финским населением. Правила действий разведывательно-диверсионных групп в глубоком вражеском тылу требовали сохранения скрытности. Вместе с тем сложности с продовольствием, вызванные продолжительностью таких рейдов, толкали партизан на заходы в малые отдаленные населенные пункты. Других источников пополнения запасов у них не было. Это неизбежно создавало конфликтные ситуации, которые нередко заканчивались для мирных жителей трагично.

Во-вторых, многие жители приграничной полосы Финляндии имели боевое оружие, которое получили от властей для самообороны. Поэтому в глазах партизан они переставали быть просто мирными гражданами и воспринимались как безусловные враги...

В-третьих, в условиях бескомпромиссной ожесточенной войны под воздействием целенаправленной пропаганды у советских людей формировался образ коварного и жестокого врага, не заслуживающего никакой пощады... Призыв «Убей немца!» в условиях Карельского фронта трансформировался в лозунг «Убей белофинна!».

В-четвертых, с лета 1943 года действия партизан против мирных жителей в приграничной полосе Финляндии вытекали из установки руководства партизанского движения Карельского фронта на создание невыносимых условий жизни и хозяйственной деятельности, используя для этого любые средства...

В-пятых, в 1942–1943 годах в связи с острой нехваткой личного состава в партизанских отрядах Карельского фронта, вызванной большими потерями в ходе боевых действий, в качестве пополнения стали прибывать люди из лагерей и тюрем. Они рассматривали партизанские отряды как своего рода «штрафные роты», а пребывание в них как вынужденное, чтобы искупить свою вину кровью. Такие партизаны готовы были, не задумываясь, выполнять любые приказы командиров.

В-шестых, в рейдах против мирных поселений в составе партизанских отрядов принимали участие финны и саамы, жившие в СССР. Нередко они относились к своим соплеменникам даже более непримиримо, чем остальные партизаны»⁴⁴.

Всесторонне исследуя данную проблему и не оправдывая имевшие место действия советских партизан по уничтожению мирного населения, рискнем высказать следующее. Если поначалу партизаны, совершая рейды на территорию Финляндии, не уничтожали мирное население, то вскоре они были вынуждены это делать, чтобы спастись самим, так как финские граждане докладывали о партизанах военным властям, которые в свою очередь принимали меры по их уничтожению. Мы сожалеем и скорбим о всех жертвах войны.

Одновременно следует отметить и противоположные примеры. Еще в 1941 г.

бойцы партизанского отряда «Вперед» отказывались уничтожать машины с ранеными солдатами противника, поскольку это, по их мнению, являлось нарушением международного права⁴⁵.

Об этом же говорит в своих воспоминаниях, приведенных в книге К. В. Гнетнева «Тайны лесной войны», и Д. С. Александров, который в период войны в этом партизанском отряде был пулеметчиком, командиром отделения, политруком взвода и комиссаром. Он отмечает, что в одном из походов в глубокий тыл противника отряд начал голодать и в поисках продовольствия зашел на финскую территорию. После пополнения запасов встал вопрос: что делать с финнами, которые находились на хуторе, оставлять их в живых было опасно. Командир отряда «Вперед» К. В. Бондюк отдал приказ расстрелять финнов. Д. С. Александров отказался. Комиссар отряда В. И. Поташев и заместитель командира по разведке Н. М. Щербаков потребовали от командира расстрелять Д. С. Александрова за невыполнение приказа. Но Бондюк не согласился с ними⁴⁶.

Д. С. Александров вспоминает: «Мы вернулись в наш тыл, и осенью, как это было принято, состоялось большое совещание командного состава всех партизанских отрядов по итогам летнего сезона. В Беломорск поехали командир Кирилл Васильевич Бондюк, комиссар Василий Илларионович Поташев и секретарь отрядной парторганизации Михаил Павлович Пивоев. Обычно к этим совещаниям готовились и согласовывали наградные листы на партизан по итогам летних походов. И вот Бондюк согласовывает с командованием мою кандидатуру. Комиссар Поташев возражает: «Нет, он будет расстрелян. Нельзя!» Тогда Бондюк собственноручно написал резолюцию: «Представить Александрова к ордену Красного Знамени». Вернулись они после совещания из Беломорска, и мне Пивоев рассказывает:

– Слушай, уже к штабу подходили, вот-вот уже войдем в двери, а наградные листы в полевой сумке комиссара Поташева. Он их оттуда вытащил и твой наградной лист в ключья изорвал: «Этому не быть! Он будет расстрелян за невыполнение приказа».

Но на совещании комсостава партизанских отрядов Карельского фронта дело повернулось неожиданным образом. Бондюка и Поташева буквально разнесли за дикий случай расстрела мирных жителей населенного пункта. Мне Пивоев рассказывал, что критика была очень жесткой, причем как со стороны высшего командования, так и от командиров других партизанских отрядов. Может быть, поэтому вопрос о моем расстреле или наоборот – о награждении орденом – больше никогда и не поднимался⁴⁷.

Этот факт, приведенный Д. С. Александровым, еще раз доказывает, что вопрос о жертвах среди финского гражданского населения, который усиленно поднимают некоторые историки, писатели и организации в Финляндии, является более сложным, чем это официально преподносится общественному мнению в соседней стране. Именно об этой острой проблеме пишут С. Г. Веригин и Г. В. Чумаков в статье «Советские партизаны в Финляндии в 1941–1944 годах», опубликованной в 2009 г. в специальном выпуске «Вторая мировая война: история без купюр»

журнала «Международная жизнь»⁴⁸.

На наш взгляд, проблемы партизанского движения в Карелии в военный период ни в коем случае нельзя политизировать, их необходимо рассматривать в исторической плоскости с привлечением ученых России, Финляндии и Германии, способствуя тем самым укреплению российско-финляндско-германских отношений. 27–29 сентября 2002 г. в г. Соданкюля (Финляндия) проходил международный семинар-примирение «Мир – единственная наша возможность»⁴⁹, в котором приняли участие историки, юристы, судмедэксперты и другие специалисты из России, Финляндии, Швеции и Польши. Все искали пути примирения в таком сложном вопросе, как результаты деятельности советских партизан на территории Финляндии в 1941–1944 гг.

Представляется важной инициатива Исторического общества Финляндии исследовать силами историков России и Финляндии действия советских партизан в 1941–1944 гг. Планируется, что с финской стороны совместную исследовательскую работу мог бы возглавить известный профессор Охто Маннинен. Хочется выразить надежду, что результаты совместных исследований позволят ответить на многие волнующие нас вопросы и будут способствовать укреплению и развитию двусторонних отношений.

Отмечая несомненные достижения в исследовании партизанской тематики, следует констатировать тот факт, что, к сожалению, в Карелии до настоящего времени нет комплексного обобщающего научного труда, специально посвященного партизанскому движению в республике в 1941–1944 гг. При подготовке будущего издания по этой теме следует опираться не только на достижения отечественной историографии, но и учитывать точку зрения финляндских исследователей.

В дальнейших исследованиях данной проблемы необходимо остановиться на слабо изученных аспектах партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны. В работах, посвященных партизанской тематике на Европейском Севере, следует учитывать специфические особенности партизанского движения в данном регионе.

Во-первых, это отсутствие поддержки со стороны местного населения. На оккупированной территории республики проживало немногим более 86 тыс. человек, в основном женщины, старики, дети, которые, естественно, не могли участвовать в вооруженной борьбе. При этом тысячи советских граждан находились в местах принудительного содержания. Из многих населенных пунктов жители были перевезены в Петрозаводск и заключены в концлагеря. Причиной такого принудительного переселения, как отмечалось в одном из отчетов Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), являлось партизанское движение, которое стало настолько «оживленным», что оккупанты «приняли меры по эвакуации населения». В таких условиях нельзя было рассчитывать на создание, пополнение и снабжение партизанских отрядов с помощью жителей оккупированных районов⁵⁰.

Во-вторых, длительная стабильность линии фронта позволила противнику

оттянуть с переднего края обороны значительные силы, укрепить старые и создать новые гарнизоны, усилить охрану коммуникаций, что значительно затруднило проход партизанских отрядов во вражеский тыл и их боевые действия⁵¹. Партизаны лишались главного – возможности проведения быстрых, скрытных и внезапных операций.

В-третьих, известные трудности представлял для партизан и суровый климат – длинная снежная зима с сильными морозами, летом частые дожди, постоянная сырость, белые ночи, кроме того, бездорожье, леса и болота, многочисленные озера и реки⁵².

Одна из проблем партизанской войны в Карелии состояла также и в том, что не всегда существовала взаимосвязь боевой деятельности партизанских отрядов с боевыми действиями частей Карельского фронта. Так, 26 августа 1944 г. штаб партизанского движения Карельского фронта дал приказ командиру партизанского полка майору Юдину выйти в тыл противника в составе партизанских отрядов «Боевой клич», «Ленинградец», «Мстители». Данных об обстановке в тылу противника и расположении его войск в намеченном месте перехода командир полка не получил, поскольку штаб партизанского движения ими не располагал. Кроме того, штаб не согласовал вопрос о рейде полка Юдина с командованием Красной Армии. 31 августа 1944 г. полк достиг намеченного места сосредоточения – в 6 км от передовой линии обороны 32-й отдельной лыжной бригады. Командование бригады, не зная о рейде, приняло их за диверсионный отряд противника и отдало приказ об окружении и уничтожении. После долгих разбирательств была внесена ясность в сложившуюся ситуацию, 2 сентября инцидент был разрешен, командование армии отдало приказ не разоружать партизанский полк, а задержанные командиры были отпущены⁵³.

Слабо изученной проблемой в отечественной историографии остаются вопросы, связанные с финским противодействием партизанскому движению в 1941–1944 гг. Расширение партизанской войны в Карелии с 1942 г. заставило финское военное командование принять дополнительные меры противодействия. В справке 2-го отдела Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) «Агентурная обстановка на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР на 1 августа 1942 г.» отмечается, что для борьбы с партизанами созданы специальные части, которые носят название «контрпартизанские» и получают централизованное руководство из штаба войсковых частей. Представление о контрпартизанских частях дает в своих показаниях военнопленный капрал Коснинен, захваченный в плен партизанами на ухтинском направлении⁵⁴.

При изучении проблем партизанской войны в Карелии естественно встает вопрос об эффективности партизанских действий. Следует признать, что она не всегда была на должном уровне. Многие боевые задачи на первоначальном этапе войны выполнены не были. В организации партизанской деятельности имелись серьезные недостатки. Плохо велась разведка, допускалась несогласованность действий руководства 4-го отдела НКВД Карело-Финской ССР и военного командования Карельского фронта в условиях быстро меняющейся обстановки,

отсутствовала надежная связь с партизанскими отрядами, командный и рядовой состав недостаточно был обучен военному делу⁵⁵.

Так, по данным военной контрразведки в первой половине 1944 г. отряды «Большевик Заполярья» и «Красный Мурман» совершили три выхода в тыл противника, отряды «Красный Онежец» и «Железняк» – четыре выхода, не уничтожив при этом ни одного солдата противника и не выполнив ни одного боевого задания. Тогда же ни одного задания не выполнил отряд «Красный партизан». Партизанский отряд «Ленинградец» за три месяца 1944 г. не сделал ни одного выхода в тыл противника. В течение июля и первой декады августа 1944 г. все 19 партизанских отрядов проводили боевые операции в тылу противника на различных участках Карельского фронта. Однако, как свидетельствуют архивные документы НКВД, достигнутые успехи были незначительны, а часть отрядов действовала безуспешно⁵⁶.

С учетом изложенного выше встает вопрос: насколько соответствуют доклады штаба партизанского движения Карельского фронта в ЦШПД в Москву о потерях, нанесенных противнику в период войны, истинным потерям финских войск от ударов карельских партизан. Проводя сравнение потерь, которые, по данным штаба партизанского движения Карельского фронта, нанесли карельские партизаны финским войскам в период войны, с данными армейского командования Карельского фронта, приходишь к выводу, что некоторые цифры в отчетах штаба являются явно завышенными. Впрочем, это было характерно и для финской стороны. Так, финское командование в одном из служебных документов, составленном в ноябре 1942 г., оценивало потери партизанской бригады А. И. Григорьева в летнем походе 1942 г. в 588 убитых и 24 попавших в плен⁵⁷. Однако, согласно советским документам, известно, что в поход бригада вышла в составе 648 человек, возвратилось в наш тыл 178 человек⁵⁸. Так что и финны завышали потери карельских партизан.

Не до конца изученным является вопрос о потерях партизан Карельского фронта в период войны. Партизанскую войну в Карелии трудно сравнить с чем-либо по трудности и жестокости. По статистике, за три года войны каждый второй партизан погиб, умер от истощения или ран, пропал без вести в лесах и болотах, подорвал здоровье непосильными нагрузками и был отчислен из строя⁵⁹. Партизан отряда «Боевые друзья» И. А. Комиссаров вспоминает: «Нам эта победа досталась очень большой ценой. В нашем партизанском отряде «Боевые друзья» за год потери убитыми и ранеными достигали 30 человек, то есть треть численности. Иначе говоря, каждый третий боец отряда в течение года выходил из строя. Что касается меня, то я каждый год получал тяжелое ранение»⁶⁰.

Основные потери в личном составе партизаны понесли в начале Великой Отечественной войны, помогая действующей армии в отражении атак противника. В последующие годы (1942–1944) наиболее значительные потери партизан были связаны, прежде всего, с просчетами и ошибками командования, как это случилось с походом бригады И. А. Григорьева летом 1942 г.

Этот героический и одновременно трагический поход, который сами

партизаны называли «голодным», хорошо показан в романе-хронике карельского партизана-писателя Д. Я. Гусарова «За чертой милосердия»⁶¹, а также в книге Г. В. Чумакова и А. Н. Ремизова «Бригада. История 1-й партизанской бригады Карельского фронта»⁶².

За время похода бригада прошла по лесам и болотам свыше 700 км, имела 26 столкновений с противником. По советским официальным данным, в боях с партизанами финны потеряли убитыми свыше 750 человек и ранеными до 1200 человек (однако надо иметь в виду, что в финских источниках даются другие – намного меньшие – цифры потерь своих войск). Но и партизаны понесли тяжелый урон. По отчетам, составленным сразу после похода, потери составили: убитые – 213 человек, умершие от голода – 85 человек, пропавшие без вести – 156 человек, утонувшие – 7 человек, расстрелянные по приговору тройки – 9 человек, перешел к финнам – 1 человек. Таким образом, не вернулось из рейда 470 партизан. В наш тыл вышло всего 178 человек, в том числе 53 раненых⁶³.

Ни одна из боевых задач, поставленных в приказе штаба партизанского движения перед бригадой, не была выполнена. Но в этом нет вины участников партизанского похода. Партизаны сделали все, что могли, и даже больше того, что позволяли сложившиеся во время похода обстоятельства. Основная ответственность за неудачи и потери этого рейда лежит как на штабе партизанского движения под руководством комбрига С. Я. Вершинина, так и на командовании Карельского фронта в лице члена Военного совета фронта Г. Н. Куприянова. Именно они поставили перед бригадой заведомо неосуществимые задачи, разработали план операции без учета конкретной обстановки и не смогли организовать обеспечение, прежде всего продовольственное, в ходе рейда бригады.

Слабо изученной стороной партизанского движения в Карелии (это можно отнести и к другим регионам страны) является вопрос о том, как и какими методами в условиях военного времени поддерживалась дисциплина и порядок в партизанских отрядах. К. В. Гнетнев в «Тайнах лесной войны» пишет: «Командир партизанского отряда, комиссар и заместитель по разведке в походных условиях, во время выполнения боевого задания в тылу врага составляли так называемую тройку военно-полевого суда. Она имела право применять высшую меру наказания, установленную в государстве за тяжчайшие преступления, – иными словами, собственным решением расстрелять любого бойца за тот или иной проступок. И отдельные командиры в партизанских отрядах правом этим активно пользовались. Достаточно сказать, что за время 57-суточного похода первой партизанской бригады по решению тройки было расстреляно девять бойцов»⁶⁴.

Говоря о перспективах дальнейшего изучения проблем партизанского движения, следует иметь в виду что, масштаб и результативность партизанского движения в Карелии в период войны трудно сравнивать с партизанской войной в Белоруссии, Брянской, Смоленской и других областях страны. Однако, в целом, партизанскую войну в Карелии в 1941–1944 гг. нельзя отнести к незначительному явлению и не оценить ее вклад в общий военный успех Карельского фронта. В сложных климатических и природных условиях Севера, будучи вооруженными и

экипированными хуже, чем финские и немецкие солдаты, не имея возможности использовать дороги, без поддержки артиллерии и авиации, при отсутствии на оккупированной территории баз боевого и продуктового снабжения карельские партизаны показали себя грозной силой и внесли свой весомый вклад в общую победу над противником.

¹ *Волин Б.* Всенародная борьба против гитлеровской Германии. М., 1942; В тылу врага. Очерки, дневники, записки об участии комсомола в партизанской борьбе. М., 1943; *Ковпак С. А.* От Путивля до Карпат. М., 1944; *Миц И. И.* Партизанская война. М., 1941; *Сидельский Р.* Борьба советских партизан против фашистских захватчиков. М., 1944; и др.

² *Кравченко И. С.* Борьба белорусских партизан против немецко-фашистских оккупантов. Минск, 1950; *Шевардалкин П. Р.* Ленинградские партизаны. Л., 1947; и др.

³ Непокоренная земля Псковская. 1941–1945. Документы и материалы. Псков, 1964; Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1945 гг. Документы и материалы. Смоленск, 1962; Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов. Брянск, 1962; Подвиги народных мстителей. Партизанское движение в Калининской области. Документы и материалы. М., 1966; и др.

⁴ *Ваушпасов С. А.* Партизанская хроника. Минск, 1971; *Гнедиш Т. К.* Воля к жизни. Воспоминания партизана. М., 1960; *Дедюля И. П.* Партизанский фронт. М., 1975; *Козлов И. В.* Верен до конца. М., 1973; На защите Невской твердыни. Воспоминания ленинградских партизан. Л., 1965.

⁵ Война в тылу врага: о некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. I. М., 1974; Опыт партизанской борьбы советского народа в годы Великой Отечественной войны и народов Европы в годы Второй мировой войны. М., 1964; Партия во главе народной борьбы в тылу врага. 1941–1944. М., 1976; Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1963; и др.

⁶ *Макаров Н. И.* Непокоренная земля Российская. М., 1976; *Петров Ю. П.* Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. Л., 1973; *Пономаренко П. К.* Непокоренные (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). М., 1975; *Юденков А. Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории. 1941–1944. М., 1971; *Якубовский Н. А.* В тылу врага (Помощь страны партизанам Белоруссии). Минск, 1979; и др.

⁷ *Логунова Т. А.* Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск 1941–1945. М., 1985; *Каревский А. Ф.* Борьба советского народа против фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны. Историография проблемы. М., 1982; и др.

⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестка дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. II. 1930–1939. М., 2001; Т. III. 1940–1952. М., 2001.

⁹ Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и

- материалы. М., 2004; Военный Совет при Народном комиссариате обороны СССР. 1938, 1940: Документы и материалы. М., 2006; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 – июнь 1941. М., 2008.
- ¹⁰ *Ржеишевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004; *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. СПб., М., 2003; он же: Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945. М., 2007; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008.
- ¹¹ Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы. Изд. 2-е. М., 2005.
- ¹² Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т.20 (9). М., 1999.
- ¹³ *Пятницкий В. И.* Разведшкола № 005. М., 2005; *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996; он же: Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2005; *Старинов И. Г.* Записки диверсанта. М., 1999; он же: История партизанского движения. М., 2005; и др.
- ¹⁴ *Козлов Н. Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. СПб., 1995.
- ¹⁵ Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2001.
- ¹⁶ Там же. С. 23.
- ¹⁷ *Стиридонов В. А.* Лесные солдаты. Партизанская война на Северо-Западе СССР: 1941–1944. М., 2009.
- ¹⁸ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб., 2002; Кн. 2. СПб., 2002; *Боярский В. И.* Партизаны и армия. История утерянных возможностей. Минск, 2003; *Белов А. К.* Искусство партизанской войны. М., 2003; и др.
- ¹⁹ *Андрианов В. Н.* Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990; *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003; он же: Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004.
- ²⁰ *Герасимов Г. А.* Партизанские километры. Воспоминания. Петрозаводск, 1965; *Королев М. Ф.* В лесах Калевалы. Вологда, 1960; Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1967; *Подоплекин Д. А.* Бой ведет «Полярник». Записки командира партизанского отряда. Архангельск, 1977; и др.
- ²¹ Карелия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: документы и материалы. Петрозаводск, 1975; За родную Карелию. Партизаны и подпольщики. Воспоминания, документы. Петрозаводск, 1990; и др.
- ²² См., например: Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-ист. очерк. М., 1984; *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983; *Куприянов Г. Н.* За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1982; и др.
- ²³ *Смирнов А. И.* Из деятельности партийных организаций Карелии по организации и руководству партизанским движением на территории республики в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС: Сб. ст. Петрозаводск, 1963;

- Морозов К. А.* Партийное руководство партизанским движением на территории Карелии // Из истории партийных организаций Северо-Запада РСФСР (1941–1945 гг.): Сб. ст. Петрозаводск, 1976; *Шеввердалкин П. Р.* Коммунистическая партия – организатор борьбы советского народа в тылу немецко-фашистской группы армий «Север» (июнь 1941 – октябрь 1944 гг.). Докт. дис. Л., 1962; *Шнак А. А.* Подвиг юности: Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне. 4-е доп. и испр. изд. Петрозаводск, 1984.
- ²⁴ *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007. С. 4.
- ²⁵ Там же. С. 4–5.
- ²⁶ Там же. С. 5.
- ²⁷ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по республике Карелия (архив УФСБ РФ по РК), фонд литерных дел (флд). № 1. Л. 128–140.
- ²⁸ *Гусаров Д.* За чертой милосердия. Петрозаводск, 1983.
- ²⁹ См., например: *Куприянов Г. Н.* Война на севере // Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф.3435. (Рукопись.)
- ³⁰ Партизанская война в Карелии: Сборник статей и материалов. Петрозаводск, 2005.
- ³¹ *Кулагин О. И.* Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы (1941–1944 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005.
- ³² *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007.
- ³³ *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Некоторые особенности партизанского движения в Карелии в 1941–1944 гг. // Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и материалов / Военно-ист. об-во; отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005. С. 6–30; *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта. Петрозаводск, 2007; *Кулагин О. И.* Организация связи в партизанских отрядах Карельского фронта в период Великой Отечественной войны // Партизанская война в Карелии. С. 31–43; и др.
- ³⁴ См., например: *Seppälä H.* Neuvostopartaasaanit toisessa maailmansodassa. Helsinki, 1971; *Martikainen T.* Partisaanien siviiliuhrit. Värisuora; Kemi, 2002; и др.
- ³⁵ *Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны. // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1930-е годы. Петрозаводск, 1998. С.223–250; Он же. Гражданское население Восточной Карелии под финской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 42; Он же. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941–1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: (проблемы социальной экономики и политики, 60-е годы XIX–XX вв.). Петрозаводск, 1995. С. 99–106; Он же. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941–1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 17–22.
- ³⁶ *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 4–5; № 6; *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии // Север. 1990. № 12; *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000; *Йокитии М.* Финляндия на пути к войне: Исследование о военном

сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999.

³⁷ См., например: *Erkkilä V. Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin.* Helsinki, 1999; Martikainen T. Partisaanien siviiliuhritt. Värisuora, Kemi, 2002; и др.

³⁸ STT – Juha Raippalinna. Partisaanisodassa surmattiin 176 siviiliä // *Warkauden lehti.* 2002. 16. tammi Kuuta.

³⁹ *Erkkilä V. Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin.* Helsinki, 1999

⁴⁰ Ibid. S. 20, 54.

⁴¹ Ibid. S. 109, 224.

⁴² Ibid. S. 224, 266.

⁴³ *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта. Петрозаводск, 2007.

⁴⁴ Там же. С. 90–91.

⁴⁵ *Авдеев С. С.* Первый партизанский год: По материалам НКВД // Карелия. 2002. 11 июля. С. 12.

⁴⁶ *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007. С. 261.

⁴⁷ Там же. С. 262.

⁴⁸ *Веригин С. Г., Чумаков Г. В.* Советские партизаны в Финляндии в 1941–1944 годах // Вторая мировая война: история без купюр. Международная жизнь. 2009. С. 179–201.

⁴⁹ *Rauha on ainoa mahdollisuudemme. Partisaanisodan kansainvalinen sovitusseminaari.* Sodankylä, 2002.

⁵⁰ Там же. С. 645.

⁵¹ Там же. С. 649.

⁵² Там же. С. 645.

⁵³ Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 82–84.

⁵⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 22–27; *Попов А.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 268–274.

⁵⁵ *Авдеев С. С.* Первый партизанский год: По материалам НКВД. С. 12.

⁵⁶ Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, Д. 1. Ч. 4, Л. 25, 43, 67; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Особенности партизанского движения в Карелии в 1941–1944 гг. С. 27.

⁵⁷ Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Ф. 8. Оп. 13. Д. 257. Л. 36–37.

⁵⁸ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 40. Л. 75–76.

⁵⁹ *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны... С. 9.

⁶⁰ Там же. С. 271.

⁶¹ *Гусаров Д.* За чертой милосердия. Петрозаводск, 1983.

⁶² *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта.

⁶³ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 40. Л. 75; *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Первая партизанская бригада. С. 80.

⁶⁴ Там же. С. 246.

Е. В. Петров

Санкт-Петербургский государственный университет

Историческая наука русского зарубежья в США в первой половине XX века*

Зарубежная и отечественная историография не в полной мере определяет количественные и качественные характеристики русского академического зарубежья¹. Авторы публикаций, касающихся выезда из страны научных кадров, оперируют разнородными и противоречивыми экспертными оценками². В сложившейся системе международных отношений проблема отъезда научных кадров из страны, как правило, трактуется с точки зрения теории академической мобильности. Общеевропейские нормы и традиции признают за фактом эмиграции учёных базовый принцип экстерриториальности. Ведённые в научный оборот документы свидетельствуют не столько о масштабности явления, сколько о его глобальном характере. На наш взгляд, принципиально важно подвести итоги в изучении эмигрантской статистики, но ещё важнее, как нам представляется, уточнить саму историю складывания и развития на Западе феномена, именуемого «исторической наукой русского зарубежья». Изучение творческого наследия русских историков-эмигрантов продиктовано не столько извечной историей непростых взаимоотношений диаспоры и метрополии, сколько потребностью извлечения из них уроков. Важно иметь в виду, что историческая память русского зарубежья далеко не безобидное «историографическое явление»³. «Кто пишет историю, тот формирует нацию». Замечание вдвойне актуально для отечественной науки последнего десятилетия, которая вынуждена вернуться к проблематике эмигрантских исследований, начиная с идеи «православного возрождения» и требования «покаяния», обращения внимания к «проклятым вопросам субэтносос и судьбам российского федерализма», не говоря уже об идее «единства и неделимости русской культуры».

В современной публицистике историков-эмигрантов возносят, их статус поднимают чуть ли не до положения национальных героев, хотя ещё вчера

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00632 а/Ф

большинство из них квалифицировались не иначе как «фальсификаторы истории». Отечественная историография на протяжении последних двух десятилетий пытается переосмыслить картину рассеяния русских учёных за рубежом. Прага вполне заслуженно считается «столицей науки и образования русского зарубежья». Но было бы несправедливо не замечать заокеанский центр русской эмиграции, который к началу 1930–х гг. всё больше дирижировал деятельностью пражских коллег. В любом начинании исторической науки русского зарубежья можно отыскать «американский след», если не американских друзей, то американские деньги⁴.

В противовес расхожим взглядам на историческую науку русского зарубежья в Европе, почитавшейся чуть ли не «русским Оксфордом» в изгнании, признание американского центра исторической науки русской эмиграции, в качестве самостоятельного и равноправного, так и не состоялось. Обобщение профессионального и академического опыта работы русских профессоров в университетах США, является принципиально важным вопросом для отечественного эмигрантоведения, как в плане поиска оптимальных инструментов регулирования двухсторонних академических контактов, так и в плане налаживания более конструктивных отношений с соотечественниками за рубежом⁵.

Изучение профессиональной деятельности русских учёных-эмигрантов позволяет восстановить незаслуженно забытые имена; вписать творческие судьбы в контекст национальной памяти и более внимательно отнестись к изучению последующих «волн» эмиграции. Нам представлялось важным обратить внимание на общественную и просветительскую деятельность русских историков-эмигрантов с момента организации первых историко-научных обществ в начале XX века, до интеграции членов «русской академической группы» в западное университетское сообщество на рубеже 1950–60-х годов прошлого века.

Источники

Объективно и беспристрастно характеризовать процессы складывания в США профессионального сообщества русских историков-эмигрантов позволяют документы многочисленных фондов отечественных и зарубежных архивохранилищ. Русскими коллекциями эмигрантского происхождения в Америке располагают свыше 40 учреждений. Наиболее важные из них сосредоточены в Гуверском и Бахметевском архивах. Для некоторых коллекций и групп документов русского происхождения в Гуверском институте войны, революции и мира изданы подробные описания на уровне отдельных дел. Собрание Б. И. Николаевского, издано как оттиск из Библиотечной исследовательской информационной сети (RLIN) и доступно в виде микрофильмов⁶. В Гуверском архиве хранятся депозиты журнала «Russian Review», личные фонды П. Н. Милокова, В. А. Маклакова, Н. В. Вольского, Д. С. Мореншильда, Д. Буняна, С. Л. Войцеховского, Д. Чавчавадзе. Материалы «Гувера» позволяют понять и оценить роль русских

историков-эмигрантов в деле собирания материалов зарубежной архивной россики, определить их миссию в развитии информационно-славистических ресурсов и университетских стандартов лингвострановедческих знаний в области русистики.

Эмигрантскими материалами, свидетельствующими о формировании в начале XX века в Нью-Йорке русской научной диаспоры, располагает Бахметевский архив⁷. В разное время на ответственное хранение в архив Колумбийского университета были переданы личные коллекции В. Г. Симховича, С. А. Корфа, Д. Н. Федотова-Уайта, М. Т. Флоринского, И. Н. Шумилина, К. Ф. Штеппы, А. Ц. Ермолинского, Н. П. Вакара. Среди документов: данные академических биографий, черновики лекций, учебные и рабочие тетради, неопубликованные рукописи, мемуары, переписка. Достаточно информативны материалы архива посла временного правительства в США Б. А. Бахметева. Они свидетельствуют о взаимоотношениях Б. А. Бахметева с теми, кто задавал тон в исторической науке российской эмиграции. В личном фонде Г. В. Вернадского хранятся рукописные материалы⁸. Данная коллекция обстоятельно изучалась Н. Н. Болховитиновым, Г. М. Бонгардом-Левиным, И. В. Тункиной и В. Н. Козляковым и др.⁹ Материалы фондов М. М. Карповича, М. А. Алданова, Б. И. Николаевского свидетельствуют о многочисленных инициативах русских профессоров в деле описания зарубежной архивной россики, старинных восточнославянских рукописей и книг, находящихся в фондах ведущих библиотек Европы и Америки.

О взаимоотношениях русских историков-эмигрантов с зарубежными коллегами можно судить по материалам, хранящимся в университетских библиотеках. В архиве университета Иллинойс (University archive, University Library, University Illinois at Urbana–Champaign) обращают на себя внимания документы личного фонда Ф. А. Мозли, главного распорядителя русских исследовательских программ в послевоенное время. В библиотеке Чикагского университета (Chicago Historical Society Library, Department of special Collections, University of Chicago Library) среди материалов исторического общества находятся «бумаги» С. Харпера, хорошо знавшего русских профессоров в Чикаго и в Нью-Йорке. В Хоутонской библиотеке Гарварда помимо личных фондов М. М. Карповича, Н. П. Вакара и Г. В. Флоровского хранятся административные документы «Русского исследовательского центра»¹⁰. Библиотека Висконсинского университета располагает эпистолярным собранием академика М. И. Ростовцева и профессора А. А. Васильева¹¹. Крупные центры по изучению истории иммиграции располагаются в университете Миннесоты (Immigration History Research Center, University of Minnesota), Мичиганском университете (Center for Russian and East European studies, Lane Hall, University of Michigan, Ann Arbor, Michigan, Directory of recent Soviet Émigrés) и Калифорнийском (Bancroft Library, University of California, Berkeley, Oral History Collection, California–Russian–Émigré series). В Йеле, в архивных бумагах «университетского назначения» имеются официальные документы о профессиональной деятельности М. И. Ростовцева, Г. В. Вернадского,

С. Г. Пушкарева, Н. И. Ульянова.

Самостоятельными центрами хранения специфических материалов, свидетельствующих об организации научной жизни и быта русских учёных в США, являются многочисленные архивы и музеи диаспоры. К их числу можно отнести архивы эмигрантских общественных организаций и фондов; архивы русской православной церкви; архивы и коллекции частных лиц, всего более 120 крупных и мелких «коллекций»¹². Значительное место в них занимают личные фонды, частные коллекции, мемуары и периодика. Особый интерес представляют документы, образовавшиеся в результате деятельности «Русско-американского исторического общества», «Историко-родословного общества», общества «Наука», «Просвещение», «Знамение», «Самообразование», «Общества русских горожан», «Русского клуба в Нью-Йорке», «Общества друзей русской культуры», музея общества «Родина», музея русской культуры в Сан-Франциско, Толстовского фонда и мн. др.

На рубеже 1990-х гг. архивные службы Российской Федерации стали целенаправленно проводить работу по выявлению и собиранию материалов русского зарубежья. Большинство источников, касающихся профессиональных судеб учёных русско-американского мира, сосредоточено в Государственном архиве Российской Федерации. Это личные фонды П. А. Остроухова, Г. В. Вернадского, С. Г. Пушкарева, Н. Н. Головина, Д. Н. Вергуна, П. Н. Милюкова¹³ и фонды эмигрантских организаций: Русско-американской национальной лиги; коллекции М. Мухина о помощи Американской методистской миссии в Чехословакии русским студентам эмигрантам и др.¹⁴. В Государственной библиотеке общественно-политической литературы в Москве, ИНИОН и ГПИБ имеются подшивки за различные годы коллекций русских газет и журналов, печатавшихся в США в первой половине XX в.. Большинство новых поступлений эмигрантских материалов в ГАРФ связано с возвращением личных архивов представителей второй волны, так называемых «перемещённых лиц». Об обстоятельствах въезда русских эмигрантов в 1940–50-е гг. в США и атмосфере тех лет свидетельствуют документы, хранящиеся в личном фонде К. Ф. Штеппы¹⁵.

Ценными источниками по истории эмигрантской исторической науки располагает Архив Российской Академии наук. В нём содержатся личные фонды М. М. Ковалевского, А. В. Флоровского и В. И. Вернадского, включая письма Г. В. Вернадского к отцу¹⁶. В начале 1990-х гг. к основным архивным фондам, свидетельствующим о профессиональной и академической деятельности русских историков в эмиграции, добавились специализированные собрания отделов русского зарубежья во ВГБИЛ (фонды Н. М. Зёрнова), ИНИОН (фонды С. Н. Прокоповича), БАН (коллекция Л. Зандера) РГБ, РНБ и др. В Государственной публичной исторической библиотеке на базе коллекции Я. М. Лисового был сформирован отдел-фонд русского зарубежья¹⁷. В Архиве русского зарубежья Дома-музея Марины Цветаевой хранятся личные фонды М. А. Алданова, П. Н. Милюкова, Г. В. Адамовича.

В распоряжении историков, по словам М. И. Раева, нет такого документального

«фильма», который бы зафиксировал трудности, радости и достижения «зарубежной России». «Почувствовать атмосферу эпохи» помогают источники мемуарного и эпистолярного жанра. «В защиту себя и своих дел» (*Pro domo sua*) публиковались воспоминания С. М. Волконского, М. М. Ковалевского, В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера Г. В. Вернадского, С. Г. Пушкирева, В. В. Зеньковского, М. Вишняка, П. А. Сорокина, Н. С. Арсеньева и др. Под руководством Т. Эммонса (Стэнфордский университет) в настоящий момент ведется работа по созданию сводного каталога мемуаров русской эмиграции¹⁸. Уместно говорить о ценности для потомков воспоминаний американских коллег и учеников русских историков. Среди выпускников американских университетов, издавших должное учителям, следует упомянуть публикации Р. Пайпса, М. Малиа, М. И. Раева, Н. В. Рязановского, Ф. Каземзаде и др. Наиболее яркие фрагменты эпистолярного наследия М. И. Ростовцева, А. А. Васильева, М. М. Карповича, Г. В. Вернадского стали достоянием целой серии публикаций¹⁹. Открытыми для специалистов остаётся корреспонденция М. М. Карповича, Г. В. Вернадского, Д. Н. Федотова-Уайта, М. Т. Флоринского, Б. И. Николаевского, Е. Ф. Максимовича, С. Г. Пушкирева, Н. А. Троицкого, Н. И. Ульянова, К. Ф. Штеппы, Н. П. Вакара и др. Она позволяет уточнить условия быта и положения русских беженцев в годы Второй мировой войны. Наличие разнообразных архивных документов дает возможность рассматривать опыт научно-педагогической, археографической и редакционно-издательской работы русских учёных в США как наиболее значимый в культуре диаспоры и, вместе с тем, так и оставшийся за рамками комплексных исторических обобщений.

Историография проблемы

Историографическую основу изучения «профессиональных судеб» учёных «русско-американского мира» заложили в начале 1920-х гг. представители русского зарубежья в Европе. «Русским европейцам» по праву принадлежит заслуга в том, что они не замкнулись, не изолировались от иных эмигрантских центров, а в тяжелейших условиях занялись упорядочиванием и регистрацией «научных плодов деятельности» коллег по профессиональному цеху. Одним из первых, кто подал пример начинанию, был, по общему мнению, профессор А. А. Кизеветтер²⁰. Его труды в данном направлении в большей мере носили библиографическую направленность. Обозначенная, пусть даже в самом общем виде, традиция «историографической рефлексии», впоследствии была продолжена в 1930–1940 гг. стараниями А. В. Флоровского, И. И. Гапановича, Г. В. Вернадского, Т. С. Варшер²¹. Работы вышеперечисленных авторов убеждают нас в том, что русское зарубежье в Европе воспринимало коллег по эмигрантскому историческому цеху на американском континенте, как старших и наиболее ярких представителей русской дореволюционной исторической науки. Её традиции были продолжены в послевоенной Америке Л. Ф. Магеровским, Г. В. Флоровским, С. Г. Пушкиревым, А. Долгошевым, Н. А. Троицким,

М. И. Раевым, С. А. Зеньковским, Н. А. Жернаковой и др. Современные оценки творчества историков русско-американского мира во многом базируются на информационно-архивном поле «русских европейцев».

В США профессиональные судьбы русских историков-эмигрантов чаще всего изучаются в контексте общей истории развития американской славистики²². Американцы признают эклектичную природу славистических знаний, как и тот факт, что преподавание славистических дисциплин являлось «русской профессией» в Америке²³. В США по-разному оценивают тот факт, что эмигранты составляют значительную часть профессионалов, занимающихся русской историей. Одни, как, например, К. Мэннинг, приветствуют это «пополнение» и настаивают на том, чтобы оно было активно использовано американской славистикой. Другие считают, что «эмигрант не может быть хорошим историком по истории своей страны». «Человек, который эмигрировал по политическим убеждениям или в силу происхождения, не является достаточно объективным, чтобы читать курс истории своей страны». У. Чемберлин полагал, что эмиграция не в состоянии объективно анализировать процессы развития в Советской России. Р. Вильямс, вообще, готов был отрицать специфику этой историографии, видя в ней часть потока русской дореволюционной эмиграции, уходящей корнями в XIX век.

В годы, так называемого «этнического ренессанса», было проведено несколько конференций по истории русской диаспоры. В ходе дискуссий, посвященных проблеме взаимовлияний, подчеркивалось, что роль русских историков изучена слабо, хотя вклад ученых выходцев из России как абсолютно, так и пропорционально другим эмигрантам весьма значителен. 15 эмигрантов из России были выбраны в Национальную Академию наук, что превышало всё число избранных из других этнических групп. Благодаря трудам А. Фергюсона, Ч. Гальперина, М. Раева, Э. Казинца, В. Залевски, Д. Рэйли, А. Дюби, А. Рибера, Э. Скаруфи была предпринята попытка, вписать достижения исторической науки российской эмиграции в контекст американской «национальной памяти»²⁴.

В советской историографии первые отзывы на труды историков «русского зарубежья» появились в 1930-е гг. Они были не столько историческими исследованиями, сколько публицистическими откликами «на злободневные вопросы идеологической борьбы». В межвоенный период эмигрантская проблематика была вычеркнута из сферы интересов советской исторической науки как не имеющая реального содержания. Позже, многие отечественные специалисты в своих трудах давали отчетливо понять, что эмиграцию, как явление, можно не замечать или даже игнорировать, но она периодически напоминает о себе. М. В. Нечкина на XII Конгрессе исторических наук по адресу русских историков-эмигрантов заметила, что «в идеологических битвах историков, могут быть убитые, но они часто воскресают». В целом же, в литературе преобладала точка зрения на то, что «историческая память эмиграции» не представляла научного интереса для развития общественных наук в СССР. Будущим исследователям вопроса предстояло либо опровергнуть, либо исчерпывающе документализировать подобную точку зрения, но уже в 1950–60-е гг. стало ясно,

что творчество историков-эмигрантов невозможно вычеркнуть из истории самой исторической науки.

В 1960-е гг. заметно активизировались контакты советских ученых с зарубежными славистами, этнографами, лингвистами, фольклористами. Работы В. Т. Пашуто, В. В. Комина, Г. Ф. Барихновского, Л. К. Шкаренкова характеризуют стремление советской литературы пересмотреть однозначные и категоричные оценки неприятия эмигрантской проблематики. Если в предыдущие десятилетия история эмигрантской исторической науки рассматривалась советской историографией крайне мало, то для рубежа 1980–90-х гг. можно говорить об определенных подвижках в изучении темы. Творческое наследие историков-эмигрантов оказалось современным и соответствующим духу времени. Перечислим темы, которые оставались в центре внимания эмигрантской науки: «идея общечеловеческих ценностей» (М. М. Карпович); «возрождение православной традиции» (Г. В. Флоровский и Г. П. Федотов); «единство и неделимость русской культуры» (П. и Г. Струве); «история малых наций и проблема российского федерализма» (С. А. Корф); «Происхождение украинского сепаратизма» (Н. И. Ульянов); «пушкиниана» и «казакиада» как эталоны национальной гордости (С. Г. Пушкарев); «проблемы экономической модернизации» (М. Т. Флоринский); «евразийская» интерпретация отечественной истории (Г. В. Вернадский) и т.д.

В новейшей отечественной историографии феномен исторической памяти русского зарубежья остается малоизученным. Последние работы, посвященные достижениям русских историков-эмигрантов, традиционно построены на анализе европейских материалов. Книги М. Г. Вандакской, Ю. Н. Емельянова, С. А. Александрова познакомили читателя с её лидерами в Париже, Праге, Белграде. До сих пор в литературе никто не подчеркнул мимолетность «Пражского феномена» и поразительную устойчивость российской научной диаспоры в США.

Изучение исторической памяти русской диаспоры постепенно становится проблемным полем новейшей историографии. Уточняется организационная основа и роль эмигрантских фондов помощи, центров, программ, учреждений, обществ, народных университетов, печатных изданий и музеев в распространении исторических знаний. Складывается библиография по изучению творческого наследия М. И. Ростовцева, А. А. Васильева, Г. В. Вернадского, М. М. Карповича, Н. И. Ульянова и др.²⁵ Подобного рода материалы позволяют реконструировать общеисторическую картину профессиональной адаптации русских историков-эмигрантов, определить основные черты, присущие развитию исторической науки русского зарубежья в Европе и Америке. В меньшей мере исследовательским интересом затронуты профессиональные судьбы рядовых учёных, кто повседневной деятельностью согревал «очаг русской культуры за рубежом». Остаются малоизученными персоналии: А. Н. Авинов, В. И. Алексеев, Д. Бунян, А. Д. Билимович, Г. О. Биншток, Э. И. Бикерман, П. А. Будберг, Д. Н. Вергун, М. З. Винокуров, С. Г. Войцеховский, Н. П. Вакар, А. А. Даллин, А. А. Гольденвейзер, И. М. Гольдштейн, Д. А. Джапаридзе, Л. Л. Домгерр, С. А. Зеньковский,

С. Г. Елисеев, А. А. Кайранский, А. Д. Калмыков, Г. В. Ланцев, Г. Ланц, А. А. Лобанов-Ростовский, А. Г. Мазур, Л. Ф. Магеровский, А. А. Малозёмов, Н. Н. Мартинович, О. А. Маслеников, Д. С. фон Мореншильд, В. В. Мияковский, Н. В. Первушин, В. П. Петров, Р. Н. Родионов, Н. В. Рязановский, Л. И. Страховский, М. Т. Флоринский, А. Л. Фовицкий, К. Ф. Штеппа, Д. Н. Федотова-Уайт, Ю. Л. Фишер, И. Н. Шумилин, А. П. Щербатов, С. О. Якобсон и др. Перечень попавших в фокус исторического внимания персоналий не является исчерпывающим. Мы надеемся, что будущему поколению исследователей представится возможность расширить круг био-биографических данных по материалам и документам, хранящимся в отечественных и зарубежных архивохранилищах. Первые начинания в этом направлении можно отнести на счёт В. Т. Пашуто, Н. Эйдельмана, Г. М. Бонгарда-Левина, Н. Н. Болховитинова, В. Н. Козлякова и др.

Анализ источников и историографической ситуации со всей очевидностью свидетельствует о разрыве, сложившемся в практике исторических исследований вопроса, между накопленным архивным материалом и степенью его обобщения в исторической литературе. Собранные к настоящему времени документы позволяют не только ввести в научный оборот новые архивные данные из истории становления профессионального сообщества русских историков-эмигрантов, но и переосмыслить в целом процесс взаимовлияния различных центров исторической науки российской эмиграции, дополнив существующую историографию вопроса.

Русские историки-эмигранты и американская русистика в 1905-1920 гг.

Приглашение в американские университеты для чтения лекций на рубеже XIX–XX века получали М. М. Ковалевский, С. М. Волконский, П. Н. Милюков, А. В. Бабин, Л. Винер, А. Гурвич, В. Г. Симхович, П. Г. Виноградов, М. Я. Острогорский и др. Всё это свидетельствовало о высокой репутации русских специалистов. Большинство кандидатов, претендовавших в начале века на вакансии в системе преподавания славистических дисциплин, были русские по происхождению. Многим из них потомки обязаны сохранностью уникальных исторических документов: эмигрантских библиотек, воспоминаний и мемуаров, эпистолярного наследия и материалов, которые в разное время были вывезены из России.

Основным местом сосредоточения интеллектуальных сил русской академической эмиграции на восточном побережье США в начале XX века являлся Гарвард. Открывшееся здесь в 1904 г. славистическое отделение послужило прототипом для создания аналогичных структур в других университетах. В разное время в престижном заведении Америки преподавали Л. Винер, М. М. Карпович, М. И. Ростовцев, А. А. Васильев, Л. И. Страховский, П. Сорокин, Н. Тимашев, Н. П. Вакар и др. Отличительной чертой Гарвардской школы являлось стремление разрабатывать «русскую тему» в традициях лингвострановедения. В Калифорнийском университете тон задавали - А. С. Каун, Г. З. Патрик, Г. В. Лантцев. Их деятельность принесла славянскому отделению репутацию

ведущего на западном побережье США интеллектуального центра в области изучения истории российско-американских отношений и русской литературы. Устойчивые академические позиции в Колумбийском университете занимали В. Г. Симхович, М. Т. Флоринский, А. Ц. Ермолинский и др. Для Колумбийского университета была свойственна специализация в области изучения особенностей российского исторического процесса. В Чикагском университете в начале века лекции по истории российской государственности читали М. М. Ковалевский, П. Н. Милуков, И. А. Гурвич. Благодаря опыту и знаниям русской научной диаспоры, бывшая романтическая традиция изучения славянского мира в США со временем уступила место серьезным академическим исследованиям, которые помогли преодолеть стереотипы восприятия России как «колосса, слепленного из снега, льда и крови, держащегося на кнуте и страхе», а самих русских как «агрессивных китайцев». Складывались различные направления славистических исследований. Устанавливались непосредственные связи и контакты между западными экспертами и русскими специалистами (примеры взаимоотношений Симховича и Липпмана, Крейна и Милукова, Харпера и Ковалевского, Кулиджа и Карповича, Голдера и Вернадского). Их мнению и оценкам доверяли западные эксперты. Целая плеяда специалистов в лице А. В. Бабина, Л. Винера, Ф. А. Голдера, А. Ц. Ермолинского, Г. З. Винокурова, Р. Н. Родионова сыграла видную роль в деле собирания материалов зарубежной архивной россики в США.

Источники свидетельствуют, что февральские события 1917 г. в России встряхнули русскую колонию, которая «растревожилась, загудела, стала читать и организовываться». Прогрессирующая американская система образования в своем развитии не предусматривала интереса к вопросу сохранности этнических традиций национальных меньшинств. Для отстаивания своих интересов эмигранты вынуждены были открывать русские школы и университеты, пытаясь сохранить культурные традиции и память об исторической родине. Много внимания историки-эмигранты уделяли вопросу просвещения русских колонистов. В начале 1920-х гг. в Америке сформировалась устойчивая система русских научных и учебных организаций. В 1919 г. был открыт Русский Народный Университет в Нью-Йорке (Russian Collegiate Institute in New York City). Не меньшую инициативу в деле обучения эмигрантов проявлял русский народный университет в Чикаго (Russian People's University). В профессорско-преподавательском составе этих учебных заведений значились М. И. Ростовцев, М. М. Карпович, А. Л. Фовицкий, Л. Винер, А. С. Каун, Г. З. Патрик. По примеру Нью-Йорка и Чикаго открылся Русский Народный Университет в Филадельфии. Мода распространилась и на другие штаты, однако большинство из вновь созданных структур просуществовало недолго. Поддержку образовательных программ осуществляли многочисленные фонды и комитеты помощи русской молодежи для получения образования за границей (American Committee for the Education of Russian Youth)²⁶. Они дорожили мнением и рекомендациями П. Г. Виноградова, П. Н. Милукова, М. И. Ростовцева, М. М. Карповича. Рост общего числа эмигрантских объединений в 1905–1920 гг. свидетельствовал о новом качестве в организации русской диаспоры в США, её всевозрастающей профессиональной консолидации.

В 1905–1920 гг. в Америке сформировалась устойчивая система русских научных и учебных заведений. Большинство из них концентрировалось в Новой Англии. Организационной основой российской научной диаспоры являлись академические группы, объединившиеся в Союз академических организаций. Практически все академические силы русской эмиграции в США были связаны, с крупнейшими научными центрами Америки, в том числе с Институтом международного образования в Нью-Йорке, Смитсоновским институтом, Институтом Карнеги и др.

Таким образом, академическая и профессиональная деятельность русских историков-эмигрантов в США в начале XX века предопределяла процесс становления лингвострановедческих знаний в области славистики, русистики, русистики. Больше других в этом плане американская традиция обязана деятельности М. М. Ковалевского, С. М. Волконского, П. Н. Милюкова, А. В. Бабина, Л. Винера, В. Г. Симховича, Г. З. Винокурова, А. Ц. Ермолинского, А. И. Гурвича и др.

Консолидация учёных-эмигрантов в профессиональное сообщество во многом была обусловлена общим процессом самоорганизации эмигрантских культурно-просветительских структур. Наиболее заметным в данном отношении была деятельность общества «Наука» организованного в 1905 г. События в России 1917 г. предопределили востребованность в американских университетах специалистов славистического профиля и положили начало складыванию в Америке устойчивой когорты русских профессоров-эмигрантов.

Профессиональная адаптация русских историков-эмигрантов в американских университетах в 1920–1939 гг.

Исторический материал со всей очевидностью свидетельствует, что эмиграция русских специалистов стабилизировалась к концу 1930-х гг. Быстрыми темпами складывающийся в 1920–30-е гг. рынок интеллектуального труда в области славистических знаний привёл к тому, что русские профессора в большей мере были востребованы не столько для обслуживания «мемориального сознания» диаспоры, сколько для заполнения открывшихся вакансий в американских университетах. После десятилетнего периода адаптации к русским историкам-эмигрантам пришло признание и успех. Их начали приглашать в национальные ассоциации, присваивать звания «Emeritus» – заслуженный, принимать в почетные члены местных академий и ассоциаций. В США, по опубликованным данным, в начале 1930-х гг. насчитывалось до 200 русских ученых. После Октябрьской революции в Америке оказались: М. И. Ростовцев, А. А. Васильев, Л. И. Страховский, П. С. Пороховщиков, Н. Н. Мартинович, А. И. Назаров, Д. Н. Федотов-Уайт, А. Л. Фовицкий, Г. В. Лантцев, С. Г. Елисейев, А. Г. Мазур, С. А. Корф, М. З. Винокуров, Н. Родионов, Г. А. Новосильцев, Д. Д. Тунеев и др. В начале 1920-х годов в местах присутствия русской диаспоры создавались профессиональные объединения интеллигенции («Общество Изучения Русской

Эмиграции», «Общество друзей русской культуры»). Многие эмигранты свято верили в то, что основной задачей и национальной миссией диаспоры было поддержание русской культуры. В одной из юбилейных речей председатель Пушкинского Общества в Америке Б. Брасоль отметил: «Долгом считаю теперь же засвидетельствовать, что все то полезное, что было сделано Обществом, всецело обязано отзывчивости и неизменной жертвенности его членов и друзей, видимо, чувствовавших, что в самом его бытии заложено некое чистое нравственное начало, которое необходимо бережно хранить. Как залог подлинной русскости, составляющей внешнюю форму и внутреннее содержание нашего национального достоинства»²⁷.

Единогласно центра, объединяющего русскую научную диаспору в США не было. Но в Америке, как и во всех крупнейших странах русского рассеяния, всевозможные союзы и общества предпринимали неоднократные попытки к единению. Вскоре разрозненные академические группы специалистов, объединились в Союз русских академических организаций. Деятельность членов русской академической группы не ограничивалась только научными программами. Огромную часть времени и сил они отдавали организации и налаживанию работы структур, связанных с делами эмигрантов. В конечном итоге русской диаспоре удалось создать собственную систему образования, включавшую большое число учебных заведений различного типа. В сентябре 1929 г. в Нью-Йорке проходил Педагогический съезд русской эмиграции, который сформировал педагогическое бюро во главе с историком А. Л. Фовицким. Активную позицию в деле поддержки научных инициатив и русских учебных заведений за границей играли гуманитарные и благотворительные фонды диаспоры.

Основная деятельность русских профессоров протекала всё же в организационных структурах американской университетской системы образования. Успешному процессу адаптации профессоров-эмигрантов в США во многом содействовали открывшиеся вакансии в университетах по славистическим дисциплинам. Крупные центры образования и науки в США оказались в 1920–30-ые гг. особенно чувствительными к новым веяниям в изучении российской истории. Традиционно заметным было присутствие русских историков-эмигрантов первой волны в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском, Йельском, Калифорнийском, Стэнфордском университетах.

Явное лидерство в кругах исторической науки русского зарубежья принадлежало академику М. И. Ростовцеву. Он пользовался огромным влиянием и заслуженным авторитетом. «Известно, какой огромный круг знакомств и связей был у него в самых разнообразных кругах эмиграции, сколько времени он отдавал личным встречам и ещё больше переписке». В 1922 г. при содействии М. И. Ростовцева был создан Американский комитет для образования русской молодежи в изгнании и Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. По инициативе М. И. Ростовцева и не без его хлопот американские университеты подписали контракты с А. А. Васильевым, М. М. Карповичем, Г. В. Вернадским, Л. И. Страховским, Н. П. Толлем и др. В 1927 г. Гарвард пригласил

преподавать русскую историю М. М. Карповича. Его 30-летняя деятельность на поприще подготовки американских славистов высоко оценивается американскими коллегами. Таким образом, профессиональные знания и педагогический опыт русских гуманитариев высоко котировались в интеллектуальной столице Америки в 1920–30-ые гг. Крупный академический центр русского зарубежья складывается в межвоенный период на западе Америки в штате Калифорния. Он пополнялся за счёт представителей Харбинской эмиграции²⁸. В данном регионе главенствующую роль играли два кампуса: Калифорнийский (Сан-Франциско, Беркли, Лос-Анжелес) и Стэнфордский (Гуверская библиотека). Если профессора в Сан-Франциско специализировались в большей мере на лингвистике, истории русской литературы и истории международных отношений (А. А. Лобанов-Ростовский), то «Гувер» всё внимание уделял собиранию коллекций и материалов архивной россики. Данное направление укрепились с приходом Ф. А. Голдера, который симпатизировал соотечественникам. Стэнфорд неоднократно посещают Н. Н. Головин, А. Ф. Керенский, Г. В. Вернадский и др.

С переездом М. И. Ростовцева в Нью-Хейвен в 1925 г., Йельский университет становится местом пристанища целой плеяды специалистов: Г. В. Вернадского, Н. П. Толля, позже С. Г. Пушкарёва, Н. И. Ульянова и др. М. И. Ростовцев дважды избирался президентом Американской исторической ассоциации. Позиции русских в Йельском университете значительно укрепились, после того как при поддержке Ростовцева в Нью-Хейвен был приглашён Г. В. Вернадский. 31 марта 1933 г. он получил американское гражданство. Не заставило себя ждать и приглашение учёного в 1933 г. на очередной съезд американских историков. В 1938 г. Г. В. Вернадский принял участие в работе американской исторической ассоциации. Именно на ней, в Чикаго, впервые среди американских историков-славистов был решен вопрос об объединении и издании журнала «Slavic Review». Архивные материалы свидетельствуют, что Г. В. Вернадский был в числе тех, кому поручили курировать издание. Решение было принято путем письменного опроса 300 членов ассоциации. При непосредственном участии Г. В. Вернадского были приглашены преподавать в американские университеты Н. П. Толль, С. Г. Пушкарев, Н. О. Лосский, В. В. Набоков. Вернадский и Карпович вполне заслуженно считаются отцами-основателями современной американской школы русской историографии. Своей многолетней деятельностью они сумели прославить славистические школы Гарварда и Йеля. В Нью-Йоркских музеях, колледжах и библиотеках работали А. Н. Авинов, Н. Н. Мартинович, И. М. Гольдштейн, В. И. Йохельсон, А. А. Гольденвейзер и др. В 1923 году в Колумбийский университет был приглашён в качестве профессора русской истории барон С. А. Корф²⁹. Со времён Симховича, здесь много внимания уделялось вопросам изучения экономических отношений и русской общинного землепользования. В последующие годы к этой школе приобщился М. Т. Флоринский. Русским историкам-эмигрантам удалось заложить в Колумбийском университете исследовательские традиции, которые превратили его в послевоенное время в один из крупных центров американской русистики.

Американский опыт русских историков свидетельствовал о высокой мобильности отечественной дореволюционной исторической науки. Многие из них сменили статус и гражданство, им доверяли высокие академические посты, они читали лекции, издавали книги. Характеризуя научно-педагогическую деятельность русских профессоров в университетах США в межвоенный период, необходимо отметить, что фундаментальные и прикладные исследования уже осуществлялись по программам американских университетов. Они всё больше отдалялись от интересов русской диаспоры.

Изучение «русской темы» в 1920–30-е гг. в США было напрямую связано с представителями русского зарубежья: историками, философами, экономистами, общественными и партийными деятелями, ставших после вынужденной эмиграции из России ведущими «специалистами» в американских университетах. К 1936 г. история России изучалась более чем в 30 американских университетах и колледжах. В Колумбийском, Гарвардском и Калифорнийском университетах защищалась треть всех диссертаций. Отказавшись во многом от интуитивного постижения «теллургических сил революции», эксперты занялись штудированием её исторических предпосылок. М. И. Ростовцев, А. А. Васильев, Г. В. Лантцев, М. Т. Флоринский, М. М. Карпович, Г. В. Вернадский, в течение многих лет своими трудами вписывали блестящие странички в историю университетов Запада, подготовив за межвоенный период новое поколение американских славистов. К предвоенным годам М. М. Карпович и Г. В. Вернадский занимали прочные позиции в американской академической среде. На очередной конференции Американской исторической ассоциации в 1939 г. с их непосредственным участием обсуждался вопрос о необходимости учреждения профессиональной славистической ассоциации.

Таким образом, наряду с европейским центром исторической науки русского зарубежья в 1920–30-е гг. складывался не менее крупный и по-своему специфичный американский центр. Его главное и существенное отличие, состояло в том, что за океаном развитие профессиональной карьеры русских историков-эмигрантов в большей степени протекало в организационных рамках американской университетской науки. Феномен русского зарубежья в Европе был скоротечен и к 1930-м гг. эмигрантские общества и организации утратили свои позиции. Многочисленные поездки в Европу Ростовцева, Васильева, Вернадского, Карповича, Головина, Сорокина свидетельствовали о попытках сохранить преемственность и взаимосвязь традиций русского зарубежья. «Русские историки-эмигранты стремились занять свое место в мировой науке, принимая участие в международном научном общении и движении»³⁰. Востребованность русских учёных в большей мере была связана не с деятельностью в диаспоре, и нужно это признать как должное, а с кадровыми потребностями нарождающейся науки – советоведения. Её становление проходило под явственно сказывавшимся воздействием эмигрантов «первой волны». Новой вехой, ознаменовавшей рост интереса в США к русским делам и обострившим спрос на специалистов в русском вопросе явились события 1939–1945 гг.

Русские историки-эмигранты в годы Второй мировой войны

Вторая мировая война «парализовала академическую жизнь европейских столиц», увеличив число «беженцев» за океан. На рубеже 1940-х гг. представители «старой эмиграции» вынуждены были эвакуироваться в США. Американские университеты, с быстрым развитием в них славистических знаний, в 1940-е гг., стали одним из центров притяжения русских эмигрантов. Изучение России на отделениях славистики были возведены в ранг не только университетских и военных ведомств, но и государственных программ, достигнув беспрецедентных масштабов к 1943 г. В этот период специалисты из университетских славистических кругов консультировали правительственные структуры по вопросам политики, читали на специализированных курсах лекции офицерскому корпусу. Одна за другой появляются крупные исследовательские структуры и программы, возникает спрос на литературу советоведческого плана. Изменения в жизни русской научной диаспоры заключались не только в смене целого поколения исследователей, но и в методике анализа изучения советской действительности, переходе от славистического направления, ко всё более чётко обозначившейся советоведческой науке. Стараниями историков-эмигрантов в Америке появилась целая серия учебной литературы по истории России, которая унифицировала славистические знания и образовательные стандарты. Благодаря деятельности русских историков-эмигрантов первой волны в Америке сложилась школа, претендующая на лидерство в мировой славистике. Н. П. Толль и А. Долгошев (работали в Славянском отделе библиотеки Йельского университета). В Гарварде среди русских эмигрантов заметными фигурами были М. М. Карпович, Л. И. Страховский, А. А. Васильев, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев, Н. П. Вакар и др. Показательна динамика роста интереса американской общественности и профессиональных кругов к «русской тематике»³¹.

За время войны сменилось поколение историков русского зарубежья. Былые европейские центры русской эмиграции Берлин–Париж–Прага теряли прежнее значение на фоне розданных перед войной аффидевитов-приглашений. Менялись и направления исторических исследований. Волею судьбы на вершине пирамиды американской советологии в 1940–50-е гг. оказались: В. А. Рязановский, Б. И. Николаевский, Р. О. Якобсон, Д. Ю. Далин, Н. И. Ульянов и др. Многие из новых эмигрантов играли заметную роль в реорганизации былых департаментов славистики. Заметное влияние на процесс складывания в рамках американской славистики самостоятельного советологического направления оказали «русские европейцы» и «русские харбинцы», представители «старой эмиграции», вынужденные во время войны с 1942 по 1945 гг. эвакуироваться в США. В этот период Д. Н. Вергун занял должность профессора университета в Хьюстоне, Б. С. Ижболдин начал преподавать на экономическом отделении Сейнт-Луиского университета; лекции по истории государства и права в Корнельском университете читал М. Г. Шефтель, в Военно-Морской школе при Колорадском университете преподавал В. П. Петров. Позиции «Гувера» как центра хранения материалов

архивной россики заметно усилились после того, как в 1940 г. на постоянное место работы сюда перешёл Б. И. Николаевский.

В экстремальных условиях войны среди эмигрантов возрос интерес к церковной истории. В Америке работала плеяда православных историков-богословов. Их усилиям были обозначены подходы, позволившие говорить о складывании нового направления в изучении истории церкви как института, духовенства как сословия, духовной школы как элемента общественной мысли России. В 1940–50-е гг. Г. П. Федотов, Г. В. Флоровский, В. И. Алексеев смогли изменить сложившуюся в послевоенный период конъюнктуру приоритетных направлений славистических исследований, когда политическая история с ее традиционно позитивистскими взглядами и либеральными ценностями явно доминировала над другими разделами славистического знания. Среди видных ученых-эмигрантов, сумевших основать в США школу восточно-европейской фольклористики, можно назвать Р. О. Якобсона и Д. И. Чижевского. Многообразие эмигрантских школ и направлений свидетельствовало лишь об одном, что они всерьез взялись за предмет исследования в таких масштабах, какие и не представлялись возможными старой эмиграции.

Формальным признаком укрепившихся позиций российской научной диаспоры в США в годы войны, можно считать рост общего числа журналов, посвященных изучению России. Вслед за эмигрантским потоком в военный период переместился из Европы в США и центр русских издательств и книг. Увеличившийся масштаб и размах россиеведческих исследований в США требовал систематизации опыта, дальнейшего развития критики и библиографии. Единственным в мире русским генеалогическим изданием за рубежом был журнал «Новик». Журнал воспринял традиции дореволюционной «Летописи Историко-Родословного Общества». Он публиковался известным генеалогом и знатоком истории русского дворянства Л. М. Савеловым-Савелковым. По его инициативе в октябре 1937 г. в Нью-Йорке было создано «Русское Историко-Родословное Общество». С 1938 г. печатным органом РИРО являлся «Новик». На волне всеобщего интереса к русским делам в Америке Дмитрий фон Мореншильдт добился в 1941 г. финансовой поддержки в США для открытия журнала «Русское обозрение» на английском языке («Russian Review»). Практически одновременно с англоязычным «Russian Review» возникли «Ukrainian Quarterly» (проф. Н. Чубатый) и «Armenian Review» (Рубен Дартинян). Третью сотрудников журнала «Slavonic and East European Review» (1941–1945) состояла из русских историков-эмигрантов. В 1942 г. эмигранты-меньшевики, переехавшие из Европы в Америку, выпускают в Нью-Йорке журнал «Социалистический вестник». Самым популярным печатным органом русской эмиграции в США и за её пределами был «Новый журнал». Своим успехом журнал во многом был обязан редактору М. М. Карповичу. Таким образом, русские историки-эмигранты приложили немало энергии и сил для организации славистической периодики в США.

Унаследовав традиции русской академической группы, историки-эмигранты в годы Второй мировой войны боролись с русофобией на Западе, «с теми кто,

старательно отлучал Россию от Европы, называя русских варварами, гуннами, туранцами, неспособными к европейскому саморазвитию и самотворчеству». За долгие годы профессиональной деятельности русских историков в Гарвардском, Йельском, Колумбийском, Чикагском и Калифорнийском университетах сложились профессиональные династии Рязановских, Далиных, Зеньковских, Магеровских и др. Подготовка специалистов в области советологии опиралась на давние традиции сотрудничества славистов США с русскими историками-эмигрантами, оставившими в межвоенный период о себе самые лестные отзывы со стороны американских коллег. Послевоенное время внесло определенные коррективы в развитие университетских департаментов славистики. В этот период качественно изменился состав русской эмиграции. Это было связано с появлением эмигрантов второй волны.

К вопросу преемственности традиций исторической науки русского зарубежья в 1945–1960 гг.

С окончанием Второй мировой войны открылась новая страница в истории русской диаспоры. Центр русской эмиграции окончательно сместился за океан. После Второй мировой войны США стали главным центром русской и советской эмиграции. Если до войны в Европе было сконцентрировано около 80 % эмигрантов, то теперь оставалось лишь 30%. Американская акция по вызову в США русских беженцев и ученых была инициирована в 1946–1950 гг. В её основе лежало благоприятное впечатление американских университетских кругов от работы русских эмигрантов первой волны. Русские американцы пытались помочь своим европейским коллегам, как и в предвоенный период, перебраться в США, но многим из новых эмигрантов, прежде чем попасть в Америку пришлось пройти лагерь для «перемещённых лиц» в Европе³². После 1946 г. из разоренной Европы началось массовое переселение «перемещённых лиц» в заокеанские государства, главным образом, в США и Канаду. Большинство из учёных-эмигрантов консолидировалось вокруг УНРРА-университета и его правопреемника в США Русской академической группы (The Association of Russian-American Scholars in USA), созданной в 1948 г.

Русские историки-эмигранты «первой волны» помогали отстаивать интересы репатриантов перед американскими властями. Тем самым, отстаивая право эмиграции говорить от имени России. В послевоенный период в развитии американской славистики наступает организационный подъем, который привел не только к дифференциации славистических знаний, но и появлению узкопрофессиональных и одновременно комплексных исследований СССР, собравших большинство специалистов гуманитариев из числа русской эмиграции. Гарвардский университет, благодаря усилиям Карповича, сохранял роль ведущего центра американской славистики. Его выпускниками являлись М. И. Раев, Н. В. Рязановский, С. А. Зеньковский, Ф. Каземзаде. Штат преподавателей Гарварда пополнился за счёт Р. О. Якобсона, Ю. П. Иваска, Д. И. Чижевского Л. И. Страховского,

Г. В. Флоровского. Традиции М. И. Ростовцева, Г. В. Вернадского, Н. П. Толля в Йельском университете сохранялись в послевоенный период усилиями С. Г. Пушкарева, Н. И. Ульянова, А. Долгошева. В 1957 г. профессиональное сообщество историков отметило 30-летний юбилей преподавательской деятельности в университетах США М. М. Карповича и Г. В. Вернадского. В Колумбийском университете на историческом и славистическом отделениях преподавали Э. И. Бикерман, Г. В. Флоровский, Л. Л. Домгерр. Конкуренцию Гарварду в плане подготовки специалистов по России представлял «Русский институт», созданный в 1946 г. на базе Колумбийского университета (впоследствии Институт перспективных исследований по Советскому Союзу имени Аверелла Гарримана). Русские специалисты в Гарварде, «Гувере» и «Гарримане» задавали тон в послевоенных исследовательских проектах. Сильное влияние русских эмигрантов испытали славистические структуры Калифорнийского и Стэнфордского университетов. В разное время в Беркли, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско преподавали А. Г. Мазур, Г. В. Ланцев, О. А. Маслеников, С. Карлинский, Г. Струве, А. Д. Билимович, Г. К. Гинс, В. А. Рязановский. Следствием активной деятельности русских эмигрантов в Калифорнийском университете стало открытие в 1950 г. Института славянских исследований. Прочные академические позиции в американских университетах занимали Н. П. Вакар, В. П. Петров, Д. А. Джапаридзе, М. Г. Шефтель, Н. А. Троицкий и др. К голосу новой русской эмиграции в США стали прислушиваться, ее услугами стали пользоваться академические учреждения, общественные и религиозные организации. Многие из них участвовали в создании Американской ассоциации содействия славянским исследованиям³³. С 1950 г. Вернадскому регулярно доверяли наблюдение за выборами главного редактора журнала «Slavic Review», печатного органа AAASS.

После 1945 г. центр политической и академической деятельности русских эмигрантов окончательно сместился из Европы в США. Новая эмиграция принесла с собой свой опыт, иные навыки, совершенно новые настроения. Всё яснее определялись глубокие изменения в жизни зарубежной России, постепенно адаптирующейся к профессиональной деятельности в организационных рамках западной университетской науки. С началом холодной войны изменился общий тон славистических исследований в США. В общественном мнении и правительственной политике Запада все больше проявлялись русофобские настроения. К 1950-м гг. окончательно развеялись оптимистические иллюзии русских сверхпатриотов из числа старой эмиграции. Америка сделала ставку на консолидацию всех антисоветских сил русского зарубежья.

В течение 1950–60-х гг. русские историки-эмигранты стали неотъемлемой частью университетской общественности западных стран. Пытаясь сохранить историческую память русского зарубежья, они сосредоточились на архивной и культурной работе, ссылаясь на то, что «политика разъединяет эмиграцию, а наука и культура объединяет». Достаточно активно в 1950-е гг. в Америке развивались русские коллекции и архивы. Диаспора всемерно поддерживала инициативу

американских библиотек в деле описания восточнославянских рукописей и книг. Историки-архивисты в эмиграции подключились в послевоенное время к поиску и комплектованию американскими архивами и библиотеками документальных материалов по истории России. Архивные службы в этот период предприняли широкую программу розыска документов по советской и российской истории, разбросанных в США по многим архивам и библиотекам. Взамен уничтоженных в годы войны архивов и журналов эмигранты начали собирать и издавать новые. В 1950-е гг. американскими университетами реализовывался «меньшевистский проект» для сбора материалов по истории российской социал-демократии. После известной «потери» эмигрантами Русского Зарубежного Исторического Архива в Праге русским американцам удалось создать в 1951 г. крупнейшее по значению и объёму в США хранилище архивных материалов, документирующих российское прошлое – Бахметевский архив. Его куратором являлся Л. Ф. Магеровский. Свидетельством повышенного внимания диаспоры к своему прошлому можно считать открытие в 1948 г. П. Ф. Константиновым Музея русской культуры в Сан-Франциско, в 1954 г. В. П. Стеллецким архива-музея при культурно-просветительном обществе «Родина». В 1950 г. В. В. Мияковский основал в Нью-Йорке музей-архив им. Д. Антановича.

Русская научная диаспора в США имела традиционно сильные позиции и поддержку в 1950-е гг. среди департаментов славистики Йельского, Гарвардского, Колумбийского, Калифорнийского, Корнельского университетов. Научное творчество русских историков-эмигрантов в США определялось двойственным положением. С одной стороны, их очевидная принадлежность к науке русского зарубежья и с другой, всевозрастающая зависимость от академических норм и ценностей западной науки. Общая ситуация в исторической науке российской эмиграции в 1950–60-е гг. характеризовалась естественной сменой поколений. Принадлежность первой и второй волны к дореволюционной исторической науке обеспечила преемственность научных традиций, интересов и методов исследований. С уходом второй эмиграции с общественной сцены заканчивается история русского зарубежья и его исторической миссии в жизни диаспоры. Если говорить о месте, занимаемом эмигрантской литературой в современной американской историографии, то следует признать, что её влияние достигло апогея в 1960-е гг. Роль и авторитет в американской русистике таких личностей как А. Даллин, Н. Рязановский, А. Рабинович, А. Улам, М. Раев, М. Левин, С. О. Якобсон не требует комментария. Время покажет, суждено ли представителям последующих «волн» русской эмиграции удержать традиции, заложенные классиками исторической науки русского зарубежья.

Заключение

Анализ документального материала и опубликованных источников позволяет сделать вывод о том, что процесс формирования профессионального сообщества русских историков-эмигрантов в Европе и Америке имел свои замкнутые

циклы и фазы развития. Он основывался на адресной поддержке гуманитарных фондов и благотворительных организаций, при помощи которых в начале XX века создавались историко-научные общества и учреждения русской диаспоры. На рубеже 1920–30-х гг. большинство историков-эмигрантов консолидировалось вокруг русской академической группы, которая повсеместно вела культурно-просветительскую работу в диаспоре и активно содействовала открытию русских народных университетов.

Установленный факт существования и регулярного притока русских учёных является свидетельством включённости дореволюционной отечественной исторической науки в систему международных научных связей. На рубеже XIX–XX вв. американский континент начинает активно осваиваться миссионерами русской исторической науки в лице А. В. Бабина, М. М. Ковалевского, С. М. Волконского, Л. Винера, П. Н. Милюкова, М. Я. Острогорского, А. Гурвича, В. Г. Симховича, А. Ц. Ермолинского и др. Наиболее отчётливо признаки становления русской научной диаспоры проявились в 1920–30-е гг. Анализ документальных источников подтверждает, что в межвоенный период возникли центры средоточия профессионального общения русских историков-эмигрантов в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Калифорнии, установился постоянный контакт с местной университетской средой, наметились формы научного сотрудничества с «Американской исторической ассоциацией» и другими учёными организациями страны пребывания. Русские историки-эмигранты не ограничились в своей деятельности рамками эмигрантского сообщества, став со временем участниками более широких дискуссий и научных процессов, развивавшихся в Западной Европе и Соединенных Штатах. Лидеры исторической науки русского зарубежья в США М. И. Ростовцев, А. А. Васильев, Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, Д. Н. Федотов-Уайт, М. Т. Флоринский к 1939 г. полностью сосредоточились на преподавательской деятельности в университетах США, воспитав плеяду профессиональных специалистов по истории России. Анализ исторического материала, свидетельствующего о профессиональной и академической деятельности историков-эмигрантов в годы войны, позволяет говорить о том, что в этот период окончательно формируется американский центр исторической науки российской эмиграции. Качественно новой чертой профессиональной деятельности русских историков-эмигрантов в это время стало их активное участие в создании серии русских эмигрантских журналов: «Новик» (Савелов-Савелков), «Русское обозрение» (фон Мореншильд), «Новый журнал» (Карпович) и др. Во второй половине 1940-х гг. в американской славистической среде стараниями профессоров-эмигрантов были широко распространены идеи русской дореволюционной исторической науки, что морально подготовило и обеспечило принятие новой волны эмигрантов в послевоенной Америке.

Послевоенный этап в развитии профессионального сообщества русских историков-эмигрантов в США позволяет говорить о том, что в 1940–60-е гг. процесс иммиграции учёных стабилизировался в большей мере за счёт «перемещённых лиц». В отличие от «русских европейцев» 1920–30-х гг., сумевших сохранить

«Россию вне России», профессиональная и академическая деятельность «русских американцев» в 1940–60 гг. протекала в рамках организационных структур американской системы образования. Она была в меньшей мере связана с традициями русского зарубежья и в большей мере оказалась подверженной процессам ассимиляции и аккультурации.

Таким образом, в 1950-е годы в Америке сложился специфический центр исторической науки российской эмиграции, костяк которой составляли представители первой и второй «волны» эмиграции. Академическая и профессиональная деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX столетия балансировала между нормативными процессами, традиционными для развития русского зарубежья, и специфическими процессами адаптации русских историков-эмигрантов в системе академических институтов США.

Большую часть жизни историки-эмигранты провели на чужбине, в условиях непредвиденных и далеких от обычной жизни и работы. «Приходилось заниматься не тем, чем хотелось, а чем оказывалось возможным». Многие из них сами прекрасно понимали весь трагизм ситуации, с прискорбием констатировали, что «от родной матери, даже если она смертельно больна, порядочные люди не уезжают». «Всё мило, всё хорошо, и деньги платят большие, а душу воротит»⁴. Мы не стремились к нравственной оценке их выбора. Вопрос в другом, смогут ли очередные представители исторической науки российской эмиграции в лице А. Янова, Ю. Фельштинского, С. Хрущёва, Б. Литвака, Г. Иоффе сохранить традиции и накопленный опыт русского зарубежья. Ограничимся констатацией факта – историческая наука российской эмиграции за полстолетия существования в Америке доказала свою состоятельность, сумев сохранить национальную историческую память в иной, достаточно жесткой англосаксонской культурной среде, заставив считаться со своим мнением как отечественную так и западную интеллектуальную элиту в XX веке.

¹ Интеллектуальная эмиграция и безопасность // Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панариной; Моск. Центр Карнеги. - М., 2000; *Полоскова Т.* Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты. - М., 2002; Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. ст. Под ред. Ю. А. Полякова и Г. Я. Тарле. М., 2001.

² См.: *Егоров С. В.* Российская научная диаспора // Вестник РАН. 1997. Т.67. №1. С. 15–20; *Некипелова Е.* Эмиграция и «утечка умов» в зеркале статистики // Вопросы статистики. 1995. №95. С. 90–94; Миграция специалистов России: проблемы и пути регулирования. М., 1994; *Филипов Ю. Д.* Эмиграция. СПб., 1906; *Курчевский В. О.* русской эмиграции в Америку. Либава, 1914.

³ *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб, 2008. С. 365.

⁴ Stanford Slavic Studies. 1995. Vol. 9. С. 14.

- ⁵ См.: «Серия материалов семинара для зарубежных соотечественников
- ⁶ См. также: *Anna M. Bourgina, Michael Jakobson. Guide to the Boris Nikolaevsky Collection in Hoover Institute Archive.* – Stanford, 1989.
- ⁷ См.: Columbia University Oral History Collection, Rare book & special Collections division. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Russia in the twentieth century: The catalogue of the Bakhmeteff archive of Russia & East European History & Culture / The Rare Book & Manuscripts Library, Columbia Univ. Boston (Mass.), 1987.
- ⁸ Columbia University, Butler Library, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive (BAR), George Vernadsky Papers. – Box 4–11; 17–81; 103–106; 148–170.
- ⁹ *Болховитинов Н. Н. Жизнь и деятельность Г. В. Вернадского (1887–1973) и его архив // Slavic Research Center Occasional Papers. Sapporo, Slavic Research Center, Hokkaido University. 2002. №82; Письма М. И. Ростовцева Г. В. Вернадскому (Публикация Г. М. Бонгард–Левина, И. В. Тункиной) // Скифский роман / Под общ. ред. Г. М. Бонгард–Левина. М., 1997. С. 516–530; Козляков В. Н. Обзор коллекции документов Г. В. Вернадского в Бахметевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С.395–444.*
- ¹⁰ Administrative records, 1947 // Harvard University Archives. Russian Research Center.
- ¹¹ University of Wisconsin. Division of Archives. College of Letters and Science. Department of History. General Correspondence A. A. Vasiliev. Series №7/16/16. Box 17. Материалы переписки М. И. Ростовцева и А. А. Васильева хранящиеся в Мадисоне изучал Г. М. Бонгард–Левин.
- ¹² *Александров Е. А. Русское культурно-историческое наследие в США. (Музеи, коллекции и парки-заповедники) // Русский американец. Обзорный выпуск. 1995. №20. С. 125–145.*
- ¹³ ГАРФ. – Ф. Р – 9586. Материалы переписки П. А. Остроухова с разными лицами и учреждениями; Ф.1137. Вернадский Г. В. Оп.1. 640 ед. хр.; Ф. Р–5891. Пушкирев С. Г. Оп.1. 439 ед.хр.; Ф. Р–7527. Головин Н. Н. Оп.1. 23 ед.хр.; Ф. Р–6121. Вергун Д. Н. Оп.1. 73 ед.хр.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р–5799. Оп.1. 184 ед.хр., 1881– 1920; Ф. Р–6132. Оп.1. 14 ед.хр.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф.10082. Штеппа К. Ф. Оп.1. 50 ед хр.
- ¹⁶ АРАН. Ф.603. Оп.1. Ед.хр.126. Воспоминания М. М. Ковалевского «Моя жизнь»; Ф.1609. Оп.1. Д.18. Флоровский А. В. Рукопись: Русская историческая наука в эмиграции (1921–1926) 25 ноября 1927 г.; Ф.518. Оп.3. Д.311. Вернадский Г. В. Письма родителям, г. Нью-Хейвен.
- ¹⁷ См.: Коллекция Я. М. Лисового. Опыт реконструкции. М., 1997.
- ¹⁸ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ. кн., журн. и газ. публ., изд. за рубежом в 1917–1991 гг. В 4 т. Т.1. М., 2003.
- ¹⁹ См.: *Бонгард–Левин Г. М. Письма М. И.Ростовцева в Гарвардский университет (1937–1938) // Вестн. древ. истории. 1994. №1; Письма М. И. Ростовцева к И. И. Бейкерману (1927–1944) // Вестн. древ. истории. 1995. №4. С. 180–203; Эпистолярное наследие М. И. Ростовцева // Скифский роман / Под общ. ред. Г. М. Бонгард–Левина. М., 1997. С. 369–569; Письма П. Н. Милюкова – М. М. Карповичу. Публ. М. Раева //*

Новый Журнал. 1997. Кн.208. С. 136–157; Письма М. Карповича – Г. Вернадскому. Публикация, предисловие и комментарии М. Раева // Новый Журнал. 1992. Кн. 188. С. 259–296.

²⁰ АРАН. Ф.1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 125; Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

²¹ См.: *Флоровский А. В.* Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда РАОЗГ в Софии 14–21 сентября 1932. Ч. 1. С. 467–484; *Gapanovich I. I.* Russian Historiography outside Russia. An Introduction to the Study of Russian History. Peking, 1935; *Вернадский Г.* Русская историография. М., 1998.

²² *Рибер А.*; Рибер А. Д. Изучение истории России в США // Исторические записки. 2000. № 3(121). С. 65–105.

²³ См.: *Kerner R. J.* Slavonic studies in America // The Slavonic review. 1924. Vol. III. № 8. P. 24.

²⁴ См.: Essays in Russian History. A Collection Dedicated to George Vemadsky / Ed. by A.D.Ferguson and A.Levin. Hamden, Conn., 1964; *Halperin Ch. Y.* Russia and Stepp: George Vemadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden, 1985. Bd. 36. S. 55–194; *Raeff M.* Russia Abroad. N. Y., 1990; *Раев М. М.* Карпович – русский историк в Америке // Новый Журнал. 1995. Кн. 200. С. 244–249; *Kasinec E. Alexis V. Babin (1866–1930): A Biographical Note* // Slavic Books and Bookmen: Papers and Essays. N.Y., 1984. P. 73–77; *Raleigh D. J.* Preface // A Russian Civil War Dairy: Alexis Babine in Saratov, 1917–1922. Durham and London., 1988; *Dubie A.* Frank Golder: An Adventure of a Historian in Quest of Russian History. Bolder.Colo., 1989; *Scaruffi E.* Avrahm Yarmolinsky: The Early Years // Public Service News. 1990. № 1. P. 18–20.

²⁵ См.: Скифский роман / Под общ. ред. Г. М.Бонгард–Левина. М., 1997; *Басаргина Е. Ю. А. А.Васильев и Русский археологический институт в Константинополе* // Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. В. П. Борисова. М., 1993. С. 127–135; *Куклина И. В. А. А.Васильев: «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки* // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 313–338; *Корзун В. П. Г. В. Вернадский – историк русской исторической науки (продолжающаяся традиция или новый взгляд?)* // Вестник Омского университета. 1996. №1; *Соничева Н. Е.* Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) // Историки России XVIII–XX веков. Вып.2. М., 1995. С. 107–116; *Теребов О. В.* Историк М. М. Карпович (1888–1959) // США ЭПИ. 1997. № 9. С. 72–83; *Базанов П. Н. Н. И. Ульянов* // Вече: альманах русской философии и культуры. СПб., 1999. С. 170–182.

²⁶ Б. А.Бахметев и М. М. Карпович играли главную роль в создании Гуманитарного фонда (Humanities Fund of New York City). Через гуманитарный фонд дотировалась помощь деятелям русской науки и культуры. Кулаевский фонд занимался поддержкой русских учебных заведений в деле обучения и образования эмигрантской молодежи. Активно действовал Фонд помощи русским писателям и учёным в Нью-Йорке (Fund for Relief of Men of Letters and Scientistists of Russia) и Русский студенческий фонд (Russian Student Fund).

²⁷ Юбилейный Сборник Общества им. А. С. Пушкина в Америке. Пушкинское общество в Америке. 1955. С. 5.

²⁸ См.: *Поздняков И. А.* Из Китая в Америку: историко-антропологический взгляд на русскую эмиграцию (1920–1950 гг.). СПб., 2007.

²⁹ См.: *Петров Е. В., Павлов А. В.* Барон С. А. Корф (1876–1924) – профессор Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе // *Вестник филиала Северо-Западной академии государственной службы в г. Выборге (научные труды и материалы)*. Выборг, 2010. С. 134–156.

³⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

³¹ Согласно данным А. П. Колмана на 1942 г. общее число университетов, где изучалась и преподавалась русская история, язык и литература было не меньше 20. В 1945 г. их число возросло до 100. По данным О. А. Масленикова, почти 180 американских колледжей и университетов культивировали русские программы как языковые, так и страноведческого порядка. К 1945 г., согласно цифрам К. А. Маннинга, в США насчитывалось около 147 школ и колледжей прямо либо косвенно вовлеченных в изучение и преподавание курсов русской направленности, её истории и культуры.

³² См.: Переписка Б. И. Николаевского и Н. А. Троицкого // ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1–4.

³³ American Association for Advancement Slavic Studies (AAASS).

³⁴ BAR. Ms.Coll., N. P.Vakar Papers. – Box 2. Notebook 2. Diary 1939–1940.

С. Г. Кащенко, М. А. Маркова

Санкт-Петербургский государственный университет

Отечественная историография истории населения Петербурга и подстоличной губернии в XVIII веке*

Демографическая ситуация в столице Российской империи с самого начала ее истории вызывала пристальное внимание в правительственных кругах, что было обусловлено политическими, экономическими и военными аспектами развития региона. Как следствие, она нашла отражение уже в работах первых отечественных исследователей петровского времени.

Одной из самых заметных фигур в истории отечественной географии и статистики начала XVIII в. по праву считается «великий рачитель и любитель наук» обер-секретарь Сената Иван Кириллович Кирилов (1695–1737).

В 1711 г. (или 1712 г.) Кирилов начал свою службу в Москве в канцелярии Сената в качестве неокладного подьячего, а уже в 1715 г. – был переведен в Петербург, где, благодаря своим способностям, стал быстро продвигаться по служебной лестнице. В 1721 г. он становится секретарем, а с 1727 г. – обер-секретарем Сената.

Здесь, в Сенате, Кирилов получил доступ к важнейшим документам, экономическим, военным, демографическим, географическим и другим учетным данным, поступающим из центральных и местных государственных учреждений в Сенатский архив и содержащим богатую статистическую информацию. Испытывая глубокий интерес к истории, географии и «экономии» Российской империи, он стал готовить фундаментальную работу, содержащую географическое, экономическое и статистическое описание современного ему состояния государства. Эта работа была закончена к 1727 г. и стала фактически первым экономико-географическим исследованием Российской империи, относящимся к первой четверти XVIII века и базировавшемся на комплексе официальных сведений, имевшихся в Сенате.

Следует, однако, помнить о том, что задачей И. К. Кирилова, который имел возможность непосредственного общения с императором и сам не на словах принимал участие в государственных делах, было показать блестящие итоги

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-00422а

деятельности Петра I, сумевшего превратить Россию в процветающую державу.

Эта работа была впервые опубликована известным русским историком М. П. Погодиным только в 1831 г., под названием «Цветущее состояние Всероссийского государства»¹.

Первая четверть XVIII в. была временем осуществления реформ в системе административно-территориального управления в России. В конце 1708 г. были сформированы 8 губерний, сменивших традиционные уезды и волости, которые включали города, с окружающими их землями, разряды и приказы. Реформирование продолжалось в 1710–1713 гг., 1714 и 1717 гг. Наконец, весной 1719 г. губернии были разделены на провинции, в которые вошли дистрикты.

К моменту написания работы Кирилова произошло упразднение дистриктов, а провинции разделили на уезды. После этой реформы в стране насчитывалось 14 губерний. Таким образом, Кирилов зафиксировал ситуацию, сложившуюся в административной системе России к концу жизни Петра I.

Для нас наибольший интерес представляет «Книга первая, в которой описаны губернии и провинции, в них: города, гварнизоны, артиллерии, канцелярии, канторы, управители с подчиненными, епархи, монастыри, церкви, число душ и расположенные полки, и доходы, как оные ныне состоят. Собрана в Высоком Сенате. Совершена 1727 февраля <...> дня. Губерней Санкт-Петербургской, Московской, Смоленской, Киевской, Воронежской, Рижской, Ревельской <...>».

Здесь содержится информация «О Санкт-Петербурхе ж и обо всех городех как провинциальных, так и приписных...»². Кирилов опубликовал сведения о численности чиновников всех уровней в коллегиях, канцеляриях и конторах, Сенате и Синоде, а также числе войск в гарнизоне и «полках в Санкт-Петербурхе», мастеров, подмастерьев, учеников и рядовых в главном Адмиралтействе, количестве адмиралов, офицеров и матросов флота. Автор подробно остановился на описании находящихся в столице Преображенском и Семеновском гвардейских и 4-х пехотных гарнизонных полков. Для историков, изучающих промышленность столицы, представляет интерес перечень мастеровых петербургских заводов. Среди них Кирилов выделяет военные предприятия, сыгравшие важную роль в Северной войне (артиллерийский, адмиралтейские и пороховые заводы)³.

Таким образом, статистические данные, приведенные Кириловым, дают представление о начальном периоде зарождения и развития военных предприятий в окрестностях столицы.

Аналогичная информация содержится в описании «Санкт-Петербурхской губернии». Здесь отдельно выделены данные о Кронштадте и морском форте Кроншлоте, Шлютельбурхе (Шлиссельбурге), Копорье, Ямбурхе (Ямбурге), Нарве и Ивангороде (два города, расположенные на границе губернии, на реке Нарове, «Нарва. Старинная фортеция с каменным строением...Ивангород, каменной, з башнями на другой стороне Неровы реки»)⁴.

В поле зрения автора попали гарнизоны крепостей, полки, «расположенные платежом подушных денег» в Архангелогородской губернии. При описании Шлютельбурха, «города на устье Невском близ Ладожского озера», рассмотрен русский гарнизон во главе с комендантом полковником Степаном Бужениновым.

Информация о различных категориях населения сведена в специальную «Табель о Санкт-Петербурхе». Таким образом, Кирилов фактически впервые в отечественной статистике представил данные в виде серии сопоставимых таблиц, что открыло новые возможности для этой быстро развивающейся науки.

Работа Кирилова является не только оригинальным статистическим исследованием, но и историческим источником, позволяющим судить о ситуации, сложившейся на отвоєванных в ходе Северной войны территориях в первой четверти XVIII в.

В 60–70-е гг. XVIII в. в связи с развитием промышленности и торговли появилась потребность в накоплении учетно-статистических данных, их изучении и осмыслении, что, в свою очередь, привлекло внимание к вопросам учета населения в России. Проблема сбора сведений, отвечающих требованиям науки, затрагивалась в ряде работ крупных европейских ученых, находившихся на русской государственной службе. Статус столичного города определил и особый интерес исследователей к изучению населения Санкт-Петербурга.

К началу 60-х гг. XVIII в. в системе учета населения наметился определенный перелом. Была сделана попытка привлечь к сбору и обработке данных текущего учета ученых Академии наук.

Так, указ Екатерины II от 11 февраля 1764 г. обязал священников всех городских приходов, как православных, так и иноверческих, присылать в Академию наук сведения о рождениях, браках и смертях по образцам бланков, разработанных А. Л. Шлецером. Однако в полной мере воспользоваться результатами данного начинания сам Шлецер не смог из-за скорого отъезда из России.

Существенный вклад в развитие русской статистической науки, в том числе и в развитие знаний о народонаселении, внес математик Вольфганг Людвиг (Логин Юрьевич) Крафт (1743–1814). Являясь с 1771 г. ординарным академиком Российской Академии наук, ученый в своих сочинениях сформулировал требования, предъявляемые к данным статистикой населения, разработал показатели плодovitости, вывел формулу для вычисления показателей роста численности населения.

Важную роль в изучении населения Санкт-Петербурга сыграло сочинение Крафта⁵, посвященное общей характеристике движения населения в городе в 60–80 гг. XVIII в.

В своем «Опыте о таблицах браков, рождений, смертей в городе Санкт-Петербурге за 17-летний период, с 1764 по 1780 гг., предшествующем основному изложению результатов, которые будут получены из приходских таблиц, если они будут распространены на все губернии России» он остановился, в частности, на краткой характеристике источников. Крафт отметил, что его исследование основано на сводных таблицах, обобщающих информацию о браках, рождениях и смертях, поступившую из приходских храмов всех вероисповеданий, расположенных в столице.

Используя сводные материалы церковного и полицейского учета за 1764–1780 гг., он рассмотрел вопросы, связанные с определением общей численности населения Санкт-Петербурга, доли иностранцев среди жителей столицы, динамикой

рождаемости и смертности в указанный период, соотношением повторных браков у мужчин и женщин.

Общая численность населения Санкт-Петербурга в 1764–1780 гг. была определена им в 164052 человека. Интересно то, каким образом Крафт произвел этот расчет: число жителей в 1784 г., полученное по итогам ревизии, было сопоставлено с числом рождений за 1784 г., оказалось, что 1 рождение приходилось на 31 горожанина. Имея данные о числе рождений в 1764–1780 гг., он, исходя из этой пропорции, получил среднее число жителей в указанный период.

Вычислив соотношение смертей, рождений и браков православного и иноверческого населения (на 74 рождения у православных приходилось 10 рождений иноверцев, на 73 брака православных – 10 браков иноверцев, на 63 смерти православных – 10 смертей иноверцев), ученый определил, что в общей численности населения Санкт-Петербурга иностранцы составляли 20500 человек.

Выводы Крафта имели большое значение для последующих историко-демографических исследований XIX в. Так, некоторые из полученных им показателей заимствовались из этой работы при характеристике демографических процессов предшествующего столетия, например, при получения соотношения повторных браков у мужчин и женщин, определении числа рождений и смертей в 60–80-х гг. XVIII века⁶.

Большое внимание статистике населения уделял один из основоположников «государствоведения» в России Б. Ф. И. Герман. Он впервые в русской научной литературе поставил вопрос о необходимости проведения всеобщей переписи населения.

Ученый затронул и некоторые проблемы демографического развития Петербурга. В 1788 г. было опубликовано его исследование «Доклад о рождениях, браках и смертях в некоторых провинциях и городах России»⁷. В этой работе освещена краткая история организации церковного учета населения. Излагая историю появления сводных таблиц движения населения, составленных по метрическим книгам, Герман отметил, что сопоставляя и интерпретируя ежегодные данные о рождениях, браках и смертях, следует учитывать возраст жителей, их достаток и условия проживания.

Используя сводные документы церковного учета, Герман изучил динамику рождаемости, брачности и смертности за 1777–1780 и 1783 гг., ежемесячное распределение смертей и возрастной состав умерших за 1780 г., общую численность населения и составил прогноз прироста населения в 1780-е гг.

Отметим, что демографическая проблематика присутствует практически во всех «описаниях» Санкт-Петербурга этого и последующего периодов. В этом жанре была написана работа академика И. Г. Георги «Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом»⁸.

Во второй главе этой работы рассматриваются вопросы, связанные с численностью, национальным и социальным составом, естественным и механическим движением населения столицы. Здесь же были приведены данные

Управы благочиния о численности и составе горожан в 1750 г., а также сведения о столичном населении по итогам IV ревизии (данные к августу 1784 г.). Движение населения было рассмотрено Георги за четверть века, с 1764 по 1790 гг.

Он отметил затруднения, возникающие при определении общей численности населения, как при ревизском учете, так и в случае «особых счислений», осуществляемых между ревизиями Управой благочиния. Причину трудностей Георги увидел в высокой мобильности воинских команд, сезонном притоке и оттоке из Петербурга рабочих людей. Сопоставив списки Управы благочиния за зимние и летние месяцы 1788–1790 и 1792 гг., ученый пришел к выводу, что в зимние месяцы численность населения столицы всегда больше⁹.

Рассматривая вопросы движения населения, Георги подверг сомнению данные об умерших, аргументируя такую оценку следующим образом: «во всех больших городах в сложности нескольких лет больше людей умирает, нежели рождается, а по здешним спискам совершенно противное тому явление, что пространству и положению Санкт-Петербурга совсем не соответствует». Такое несоответствие, по мнению автора, происходит из-за недоучета детской смертности, а также смертности среди беднейших слоев населения города. Напротив, регистрацию рождений в приходских метриках он считал весьма полной, не приводя, однако, при этом никаких аргументов¹⁰.

Данные о населении Санкт-Петербурга с 1770-х гг. стали публиковаться и в периодических изданиях. Как правило, это были краткие сообщения о естественном движении населения столицы, содержащие итоговые данные о рождениях, браках и смертях, произошедших в определенный год¹¹.

Первое медико-топографическое описание Санкт-Петербурга, появившееся в начале XIX в., было составлено Г. Л. Аттенгофером¹². Сочинение имело практические цели. По мнению автора, эта работа должна была послужить справочным пособием для практикующих врачей, прибывших в Россию из-за границы. В ней описывались климат города, нравы жителей, условия жизни различных городских слоев, положение в сфере здравоохранения и опеки малоимущих.

Отдельная глава была посвящена движению народонаселения, приводились данные об общей численности населения Санкт-Петербурга с 1750 по 1813 гг., о сезонной миграции, сведения о ежегодном числе браков, рождений и смертей в 1800–1804 и 1812 гг. Рождаемость характеризовалась такими показателями, как доля незаконных рождений в общем числе случаев, число мертворождений, доля многоплодных рождений. Отмечались различия в плодовитости русских женщин и иностранок.

Описывая смертность, автор изучил вопросы, связанные с младенческой смертностью, определил месяцы, за которые наблюдалось наибольшее число смертей, проанализировал их причины.

В специальной главе рассматривались основные болезни, господствующие в городе (она была написана на основании шестилетнего медицинского опыта Аттенгофера). Не были обойдены вниманием детские болезни, заболевания, характерные для различных социальных групп, эпидемии.

Между тем, следует отметить, что автор только вскользь коснулся сюжетов, связанных с характеристикой источников информации. Вероятно, Аттенгофер опирался, прежде всего, на официальные данные, собранные полицией. Так, приведенные в его сочинении цифры незаконных рождений и мертворождений за 1802, 1803, 1805, 1806, 1808 гг. полностью совпадают с цифрами издания министерства внутренних дел¹³. Информация о браках имеет незначительные расхождения¹⁴, итоги рождений совпадают за 1800–1801, 1803–1809 годы¹⁵.

Возможно, выводы о распространенности многоплодных рождений были сделаны им на основании собственной врачебной практики и, следовательно, небольшого числа наблюдений. Необходимо отметить, что ни в одном последующем сочинении нельзя встретить таких расходящихся с традиционными оценок. Так, например, Аттенгофер полагал, что одна тройня приходится на 300 родов среди русского населения¹⁶, что находится в противоречии с другими источниками¹⁷.

Есть в работе и интересные демографические наблюдения. Оценивая размеры внебрачной рождаемости в городе, Аттенгофер полагал, что цифры несколько завышены, так как в число незаконнорожденных, зарегистрированных в Петербурге, входила часть детей крестьянок, прибывших в Воспитательный дом из соседних деревень для рождения ребенка.

В то же время в сочинении оговаривалось, что точный расчет численности населения столицы затруднен «бесперывным приливом и отливом народа из внутренних и заграничных областей»¹⁸.

В 30-е годы XIX в. проблемы учета населения вновь привлекли пристальное внимание правительства и ученых. В 1833 г. в указе императора Николая I от 16 июня о начале очередной ревизии был поставлен вопрос о необходимости проведения всеобщей переписи населения. Годом позже были созданы губернские статистические комитеты, которые должны были взять под контроль учет текущего населения, осуществляемый духовенством. Произошедшие изменения привели к увеличению числа исследований, затрагивающих демографическую проблематику.

В 1836 г. министерство внутренних дел опубликовало «Статистические сведения о Санкт-Петербурге»¹⁹, подготовленные А. П. Заблоцким-Десятовским. Глава 5 была посвящена характеристике общей численности и социального состава населения, а глава 6 – движению населения.

Характеризуя динамику численности столичного населения в XVIII–XIX вв., автор указывал, что получить удовлетворительную информацию за 1-ю пол. XVIII в. не представляется возможным, так как материалы ревизского учета ими не были обнаружены, а метрические книги «велись неисправно до времен Екатерины II». Работа снабжена обширным приложением, в котором содержатся таблицы, характеризующие естественное движение населения в 1764–1833 гг., уровень внебрачной рождаемости в 1820–1831 гг., причины насильственной смерти. В отдельной таблице были представлены сведения за 1791–1820 гг. о повторных браках лиц, ранее разведенных.

Ежегодное число рождений, смертей и браков за 1764–1785 гг. было заимствовано из трудов Крафта и Германа, сведения за последующие годы получены на основании перечневых метрических ведомостей.

Опираясь на данные по Родильному госпиталю Санкт-Петербургского воспитательного дома, исследователь рассчитал соотношение мертворождений и нормальных рождений по каждому полу отдельно, долю многоплодных родов, а также соотношение преждевременных и нормальных родов. Таким образом, им был использован обширный и разнообразный материал, который, однако, не подвергался критическому анализу.

Во 2-й пол. XIX в. произошли качественные изменения в способах сбора и обработки информации о населении. Развитие статистической науки привело к появлению новых источников о населении, ими стали материалы переписи современного типа. Развитие земской статистики в России положило основу для тщательного изучения демографических процессов в сельской местности.

Наряду с общими обзорами появились специальные исследования, посвященные отдельным аспектам естественного движения населения. Общие процессы усовершенствования знаний о населении России отразились на литературе, посвященной населению Санкт-Петербурга и губернии. Как правило, предметом исследования являлось современное для авторов состояние столичного населения. Исключение составляет работа П. Н. Петрова²⁰ о Петербурге XVIII в. В предисловии автор особо подчеркнул, что его исследование основано на первичных архивных материалах и представляет собой своеобразную летопись жизни города, в которой факты изложены в хронологической последовательности. Анализируя предшествующую литературу, автор дает оценку и своей работе, отмечая, что он обратился к первичным материалам, а не сводным официальным данным, на которых основывались его предшественники. Важно отметить мнение Петрова о том, что «исповедные росписи столичных приходов и метрики занимают, при отсутствии других материалов, видное место <...> в разработке»²¹. Внимание к первичным материалам обусловило значительные отступления источниковедческого характера, помещенные в текст работы.

Действительно, одним из важнейших источников по истории народонаселения России являются исповедные росписи, которые, по мнению Петрова, были введены при Анне Иоанновне в 1737 г. Требование переписывать население всех домов, расположенных в приходе, в том числе принадлежащих иностранцам, обеспечило полноту информации, зафиксированной в исповедных росписях. Строгие меры, предусмотренные для нерадивых священников, по мнению автора, являлись залогом достоверности сведений. Исходя из вышесказанного, Петров полагал, что исповедные росписи – это «драгоценный для опытного исследователя» материал по истории населения столицы 30–40-х гг. XVIII в.

Свое исследование автор осуществил по документам 1762 г. Исповедные росписи были привлечены Петровым для того, чтобы выяснить численность населения Петербурга к моменту воцарения Екатерины II. Автор обработал документы 39 православных приходов. Расчет общей численности населения

по первичным, а не по сводным документам, проводился им намеренно, так как исследователь полагал, что цифры официальных данных чрезвычайно завышены.

На основании исповедных росписей Петров изучил соотношение полов у различных категорий православного населения, определил его плотность в различных частях Петербурга.

Отметив, что он не может доверять точности сведений о неправославном населении, собираемых полицией, так как они «всегда стояли вне условий контроля», Петров оценил численность неправославного населения в 0,1 от численности православного населения. По его расчетам численность населения Петербурга в 1762 г. составляла около 60 тыс. человек.

Интересен и опыт работы Петрова с метрическими книгами 1762 г. В сочинении приведены данные о числе браков, рождений и смертей по каждому из 39 приходов. К опубликованным итогам были сделаны комментарии. Отсутствие данных о смертности в военных приходах он объяснял практикой фиксации смертности нижних военных чинов в метриках Сухопутного и Морского госпиталей. При таком подходе он считал, что далее уже не надо «нисколько не сомневаться в подлинности суммы», то есть в верности данных об общей смертности.

Итоги рождений и смертей за 1762 г. Петров сравнил с итогами 1761 г., при этом отсутствие серьезных расхождений в цифрах он считал доказательством достоверности источников. Рассматривая данные о родившихся и умерших, приведенные в работе Крафта, исследователь подверг сомнению только сведения о неправославном населении, так как по православному населению резких колебаний числа рождений и смертей не наблюдалось.

Оценив общие итоги движения населения в 70-е гг. XVIII в., обобщающие сведения обо всех вероисповеданиях, Петров полагал, что учет родившихся и умерших был «в предшествующие годы вероятно не свободен от ошибок, при которых благодаря какому-либо пропуску, оказывался чересчур малым процент перевеса родившихся над умершими». После 1777 г., по мнению автора, «опубликование итогов движения населения в столице пошло правильно», хотя он не приводит каких-либо доказательств этого утверждения.

Относительно информационных возможностей метрических книг в работе отмечено, что причины смерти в метрических книгах «за старое время» вообще не указаны, или указаны в таких терминах, «из которых трудно видеть свойство болезни». Сегодня нам остается только предполагать, документам какого периода дана такая характеристика.

В сочинении Петрова рассмотрены некоторые сюжеты, связанные с введением в России ревизского учета. Так, автор полагал, что в первую ревизию правительство столкнулось со значительными трудностями при учете купцов, которые были переведены из Москвы в Петербург. Им описан ход второй ревизии в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии.

Несомненными достоинствами исследования являются обширные источниковедческие разыскания автора, а также глубокий анализ предшествующей литературы.

Все специальные работы по демографии, появившиеся в 1870–1890 гг., посвящены смертности населения Санкт-Петербурга, что соответствует общей картине развития демографических знаний в России. В XIX в. именно данная составляющая естественного движения населения была наиболее хорошо изучена.

Итак, обзор литературы XIX в., в которой затрагивались вопросы демографического характера, показал, что со временем круг привлекаемых источников расширился, наряду с общими работами, появлялись исследования специального характера, в первую очередь по смертности населения. Специальных работ, посвященных изучению источников текущего учета населения Санкт-Петербургской губернии, не существовало. Давая такую характеристику предшествующим исследованиям, следует подчеркнуть, что речь идет именно о документах по Санкт-Петербургской губернии, потому что в ряде работ была дана общая оценка источникам текущего учета населения в России²².

С 1860-х гг. в руках исследователей оказался обширный статистический материал, полученный в ходе переписей населения Санкт-Петербурга. По результатам переписей был создан ряд аналитических работ, в которых оценивались методы организации переписей, профессиональная подготовка персонала, а также были сделаны предварительные оценки полноты и достоверности полученных данных.

В начале XX в. тематика демографических исследований постепенно расширяется, разрабатываются теоретические вопросы истории учета населения в России.

На этот период приходится начало научной деятельности целого ряда выдающихся ученых, внесших значительный вклад в развитие отечественной демографии в советское время. Одним из них был С. А. Новосельский, главной темой научного творчества которого являлось демографическое развитие Петрограда – Ленинграда.

В 1920-е гг. происходит дальнейшее развитие отечественной демографии. В 1922 г. вышел «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии», в котором приводятся данные о движении населения за 1764–1921 гг., анализируется динамика численности городского населения на основании переписей 1869, 1881, 1890, 1897, 1900 и 1910 гг.

В 1930 г. создается Демографический институт АН СССР в Ленинграде. Однако в 1934 г. это учреждение было расформировано и с этого времени идет постепенное свертывание демографических исследований в стране.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, появляются научные сочинения, не утратившие своей актуальности до настоящего времени. Так, в 1941 г. А. И. Гозулов публикует исследование о местных переписях населения дореволюционной России, в котором важное внимание уделяется анализу петербургских переписей населения²³. До настоящего времени это практически единственное исследование, объектом которого являются местные переписи населения как научное и общественное явление. Проследив эволюцию программ переписей, автор оценил достоверность опубликованных данных и выделил блок вопросов, информация по которым была получена со значительными дефектами.

Новый подъем в изучении населения произошел в 50-е гг. В 1955 г. вышло в свет коллективное исследование «Очерки истории Ленинграда». Советских историков в первую очередь интересовали социально-экономические процессы, поэтому демографические сюжеты освещены скупо. Однако появление такой книги имело большое значение для своего времени, так как началось обсуждение ряда тем, замалчивавшихся ранее. Был рассмотрен вопрос о национальном составе населения столицы, о роли иностранцев в жизни города.

В 1957 г. было опубликовано исследование С. П. Луппова «История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века»²⁴, затрагивающее вопросы миграционных процессов в Петербурге петровского времени. Автор дал приблизительную оценку численности населения столицы в начале XVIII в.

Сводные документы ревизского учета населения Ингерманландии за 1732 и 1766 гг. были введены в научный оборот С. М. Троицким²⁵. Автор на основании материалов, хранящихся в фонде Сената Российского государственного архива древних актов, описал историю проведения ревизии в Ингерманландии 1732 г., а также проанализировал итоговые документы.

По результатам ревизии была составлена ведомость о населении Копорского, Шлиссельбургского и Ямбургского уездов от 31 декабря 1732 г., которая содержала данные о численности дворов и жителей с распределением их по национальностям и времени поселения в Ингерманландии, а также по возрастам. Троицкий отметил, что сведения о населении Санкт-Петербургского уезда отсутствуют в ведомости, в ней также не была представлена информация о дворцовых крестьянах – т. н. «переведенцах». На основании документа, появившегося в ходе проверки результатов ревизии в 1733 г., исследователь сделал вывод о недоучете беглых в ведомости от 12 декабря 1732 г.

Стремясь восполнить недостающую информацию, он привлек данные 40-х гг. XVIII в. о численности дворов и жителей мужского пола в Копорском, Петербургском, Шлиссельбургском и Ямбургском уездах.

Обобщив информацию всех документов, Троицкий сделал вывод о том, что общая численность населения Ингерманландии в 1730-е гг. превышала 60 тысяч человек.

Анализируя развитие помещичьего землевладения в регионе во 2-й половине XVIII в., он привел данные о численности податного населения Санкт-Петербургской губернии, полученные в ходе III ревизии.

Информация об общей численности населения Санкт-Петербургской губернии, представленная в работе Троицкого, имеет очень важное значение для анализа интенсивности миграционных процессов в регионе. В то же время, эти сведения необходимы в исследованиях, основанных на выборочном методе, составной частью которого является определение репрезентативности выборки.

В 1970-е гг. появились работы по истории отдельных социальных групп Петербурга, в которых затрагивались вопросы семьи и быта.

Важное место в историографии занимают работы ленинградской исследовательницы Лидии Николаевны Семеновой (1937–1993). В фокусе

ее научных интересов постоянно находились вопросы, связанные с историей Петербурга XVIII в., в том числе его народонаселения.

В статье «Источник о первой переписи наличного городского населения (Переписные книги Петербурга 1737 г.)» давался детальный источниковедческий анализ документов, отложившихся в ходе проведения переписи, рассматривалась сохранность и информационные возможности ее материалов²⁶.

Монография «Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века» содержала анализ демографической ситуации в рассматриваемый период. Особое место в книге заняли сюжеты, связанные с историей семьи²⁷.

Эти вопросы разрабатывались и в последующих исследованиях²⁸. Семейное положение мастеровых было изучено на основании формулярных списков мастеровых Охтенского и Петербургского порохового завода за 1755–56, 1772, 1787 и 1797 гг., а также формулярных списков мастеровых строительного ведомства за 1793, 1795–96 гг. В работе проанализирована сохранность источников и дана краткая характеристика их информационных возможностей.

Семенова определила долю холостого населения среди мастеровых, число семей, в которых жены оставались в деревнях, проживая отдельно от мужа, число детей мужского пола, социальный статус жены до брака.

По мнению исследовательницы, тяжелые условия жизни сказались на значительной доле холостого населения, которая колебалась от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ от числа всех работающих, при этом она отмечала, что возраст большей части холостых мужчин приходился на 30–49 лет. Значительное число жен мастеровых проживало отдельно от мужей, в деревнях «за помещиком», поэтому среди семейных мастеровых значительную часть составляли бездетные. Автор отмечала, что семьи казенных мастеровых-строителей формировались иначе, чем семьи мастеровых военного ведомства.

Последняя работа Л. Н. Семеновой²⁹ была посвящена изучению быта и населения Петербурга XVIII в. Книга вышла в свет в 1998 г., уже после смерти автора. Особое внимание историко-демографическим проблемам города было уделено в первой главе монографии «Население Петербурга: численность и национальный состав». Автор справедливо отметила, что «сведения о численности городского населения в первые годы существования Петербурга неполны и случайны. Зато интересны и порой весьма необычны были способы их получения»³⁰. Для определения общей численности населения города в начальные годы его истории Семенова использовала как известные к этому времени данные о численности населения столицы, введенные в научный оборот С. П. Лупповым³¹, так и архивные материалы, хранившиеся в РГИА³². Среди обработанных Л. Н. Семеновой источников были «Исповедальная ведомость Синода на 1737 г.», данные Второй ревизии, ведомости генерал-полицмейстера (1750 г.).

В те же годы вышли две статьи Т. М. Александровой³³, посвященные массовым источникам по истории петербургской семьи XVIII – начала XX в. Автор определила круг вопросов, которые, по ее мнению, можно решить на основании ревизских сказок, посемейных списков, обывательских книг,

формулярных списков служащих, документов сословных учреждений, личных дел рабочих. К сожалению, в работах не анализируется сохранность документов, не предлагаются какие-либо методы их обработки.

Более поздние статьи Л. И. Бройтман, Е. И. Красновой и О. Е. Кошелевой³⁴ обращают внимание исследователей на первичные материалы переписи дворов в Санкт-Петербурге за 1717–1718 гг. В работах анализируются возможности этого источника при изучении социального состава горожан, семейной структуры непривилегированного населения города 1-й четверти XVIII в.

Накануне 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга авторский коллектив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук подготовил и опубликовал капитальное издание, посвященное истории столицы³⁵. В книге освещаются вопросы управления и городского хозяйства, градостроительство, повседневная жизнь, развитие культурной и общественной жизни города. Анализ демографических процессов в XVIII–XX вв. проводился на основании обширного круга исследований, посвященных данной проблематике.

Таким образом, обзор существующей литературы показывает, что в настоящее время существует значительное число исследований, в которых затрагиваются вопросы истории населения Санкт-Петербурга и губернии в XVIII в. Однако целый ряд проблем демографической истории столицы еще не нашел должного освещения. Так, практически не изучены возрастной состав населения столицы, особенности брачного поведения различных социальных групп, слабо исследованы вопросы, связанные с возрастной структурой смертности. Сельское население Санкт-Петербургской губернии и население уездных центров изучено тоже весьма слабо.

Как правило, в работах использовались сводные документы административного и церковного учета населения. Источниковедческий анализ этих материалов осуществлялся не в полном объеме, крайне редко привлекались первичные документы: метрические книги, ревизские сказки, исповедные росписи.

¹ Как сам автор озаглавил свою работу, осталось неизвестным.

² *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 35.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ *Krafft L.* Essai sur les Tables des mariages, des naissances, des morts de la Ville de St.Petersburg, dans la periode de 17ans, depuis 1764 jusqu'à 1780: precède d'une exposition generale de l'utilité qu'auroient de pareilles Tables, si elles s' étendoient sur des Gouvernemens entiers de la Russie // Acta Academiae scientiarum imperialis petropolitanae.Pars prior. 1782. St.Petersburg, 1786. P. 3–66.

⁶ Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836. С. 134, 135, 166.

⁷ *Hermann M. B. F.* Memoire sur les naissances, mariages est morts dans quelques provinces est villes de la Russie // Nova Acta Academiae scientiarum imperialis petropolitanae. IV. 1786. SPb., 1788. P. 59–88.

-
- ⁸ *Георги И. Г.* Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оною, с планом. СПб., 1996.
- ⁹ Там же. С. 149.
- ¹⁰ Там же. С. 150.
- ¹¹ Собрание новостей. 1776. Январь. С. 65.
- ¹² *Аттенгофер Г. Л.* Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга главного и столичного города Российской империи. СПб., 1820.
- ¹³ Там же. С. 120; Таблицы к статистическим сведениям о Санкт-Петербурге. СПб., 1836. Таблица 41.
- ¹⁴ *Аттенгофер Г. Л.* Медико-топографическое описание С. 121; Таблицы к статистическим сведениям... Таблица 30.
- ¹⁵ *Аттенгофер Г. Л.* Медико-топографическое описание С. 120; Таблицы к статистическим сведениям... Таблица 35.
- ¹⁶ *Аттенгофер Г. Л.* Медико-топографическое описание... С. 134.
- ¹⁷ Там же. С. 137.
- ¹⁸ Там же. С. 115.
- ¹⁹ Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836.
- ²⁰ *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления, по учреждениям, о губерниях. 1703–1782. СПб., 1885.
- ²¹ Там же. С. 28.
- ²² *Журавский Д. П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846; *Фон-Бушен А. Б.* Об устройстве источников статистики населения в России // Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1864. Кн. 3.
- ²³ *Гозулов А. И.* Местные переписи населения до революции // Ученые записки Ростовского-на-Дону финансово-экономического института. Ростов-на-Дону, 1941. Вып. 1.
- ²⁴ *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.-Л., 1957.
- ²⁵ *Троицкий С. М.* О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 109–127.
- ²⁶ *Семенова Л. Н.* Источник о первой переписи наличного городского населения (Переписные книги Петербурга 1737 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 3. Л., 1970. С. 268–279.
- ²⁷ *Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974.
- ²⁸ *Семенова Л. Н.* О семьях мастеровых Петербурга в XVIII в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 175–189.
- ²⁹ *Семенова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998.
- ³⁰ Там же. С. 5.
- ³¹ См.: *Луппов С. П.* История строительства Петербурга ...
- ³² Перепись Полицмейстерской канцелярии 1837 г. (РГИА. Ф. 1601. Оп. 1. Д. 710).

³³ *Александрова Т. М.* К изучению структуры и численности семей Петербурга и Петербургской губернии XVIII – начала XX в. (опыт поиска источников в Ленинградском государственном историческом архиве) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии института этнографии АН СССР 1972–1973. 23–26 июля 1974 г. Л., 1974. С. 130–134.; *Она же.* Виды массовых архивных источников для исследования семейного быта населения Петербурга XVIII – начала XX в. (по материалам ЛГИА) // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 155–176.

³⁴ *Бройтман Л. И., Краснова Е. И.* Население Санкт-Петербурга по материалам переписи дворов 1717 г. // Петербургские чтения (Научная конференция, посвященная 290-летию Санкт-Петербурга. 24–28 мая 1993 года. Тезисы докладов). СПб., 1993. С. 69–72; *Кошелева О. Е.* «Петербургский житель, крестьянин имярек». Крестьянство в составе населения Санкт-Петербурга петровского времени // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 230–244.

³⁵ Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб., 2003.

Вопросы историографии и источниковедения истории
России XVIII- XIX веков

I

А. А. Бурыкин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

**Новое в интерпретации находок
из лагеря русских полярных мореходов XVII века
на Восточном Таймыре**

В 1940–1941 годах на острове Фаддея (северном) и в заливе Симса на Восточном побережье Таймыра гидрографами были найдены остатки лагеря русских полярных мореходов XVII века. В 1945 г. места находок изучались А. П. Окладниковым, который проводил в местах находок на острове Фаддея и на берегу залива Симса археологические раскопки. Результаты археологических исследований и материалы коллекций были опубликованы¹, в 70-е годы XX в. новые находки на острове Фаддея были сделаны В. А. Троицким. Все эти материалы в разное время привлекали внимание историков, географов и этнографов. В 2001 г. в Москве издана книга Л. М. Свердлова "Таймырская загадка", посвященная этой находке².

Как на момент публикации, так и в настоящее время среди исследователей не существует единства в определении направления плавания мореходов, лагерь которых был найден на острове Фаддея, а избушка и останки трех человек – на берегу залива Симса. Большинство ученых полагают, что мореходы плыли из устья Енисея к востоку, однако некоторые авторы (М. И. Белов, В. А. Троицкий) считали, что мореходы плыли из устья Лены на запад. На основании находки «клада», составляющего значительный по объему комплекс монет XVI–XVII веков, лагерь мореходов датировался временем около 1617 г., а само плавание приурочивалось ко времени запрещения Мангазейского морского хода (1610 и 1616–1619 гг.) – впрочем, сторонники версии о плавании мореходов с Лены на запад датируют находки временем около 1640 г. (В. А. Троицкий) или 1686 г. (М. И. Белов)³. Сразу надо сказать о том, что высказывающиеся в литературе разными авторами версии о том, что плавание мореходов осуществлялось на двух кочах, потерпевших аварии в разных местах (С. В. Обручев, В. А. Троицкий) или даже трех кочах (Л. М. Свердлов) маловероятны – находки, сделанные гидрографами и археологами, однозначно составляют единый комплекс.

Все вещественные находки из лагеря полярных мореходов хранятся в Музее Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург). Эти материалы в разное время привлекали внимание историков, географов и этнографов, хотя последующие годы не дали каких-либо новых существенных результатов в интерпретации находок.

Факт существования лагеря полярных мореходов XVII века за 60 лет со времени первых известий о находке гидрографов не только дал в руки ученых богатые вещевые материалы, но и оброс разнообразными историческими гипотезами. До сих пор неясно, откуда и куда плыли погибшие мореходы – с запада, то есть с Енисея, на восток – и опять же неясно, в неизведанные края или на реку Лену, о которой могли донестись слухи, или же они плыли с востока, из устья Лены, на запад – в Мангазею или в Архангельск? Когда мореходы потерпели крушение у острова Фаддея – сразу после 1617 года, как об этом говорит нам находка «казны», монетного клада, разделенного в отношении три к четырем, или позже, в 1640-е годы, как считал В. А. Троицкий, или в конце XVII века, как полагал М. И. Белов? Что появилось раньше – склад пушнины и охотничьего снаряжения на берегу острова Фаддея или избушка в заливе Симса? В этой избушке были обнаружены останки трех участников экспедиции – двух поморов-мужчин и одной женщины из коренного населения Сибири: как полагают на основании изучения костюма, украшений и некоторых других предметов, это была нганасанка, ненка или тундровая энка. Какова судьба остальных участников этого плавания, которым могли принадлежать оставленные вещи? В разных трудах на некоторые из этих вопросов даются разные, подчас диаметрально противоположные ответы.

На некоторые из таких вопросов попытался дать ответ в своем новом труде и Л. М. Свердлов, автор последней по времени книги, посвященной находкам на Восточном Таймыре. Стоит сразу же указать как на большое достоинство новой книги Л. М. Свердлова, то, что она написана с хорошим знанием предмета и с учетом большого количества современной научной литературы, посвященной этим находкам⁴, и это обстоятельство позволяет относиться к ней как к серьезной исследовательской работе. Бесспорно, автор имеет широкий исторический и географический кругозор, что помогает ему в работе и делает его книгу весьма занимательным чтением как для специалистов-историков и географов, так и для широкого круга краеведов или любителей приключенческой литературы.

Основной предмет внимания Л. М. Свердлова заключен не столько в самих предметах, принадлежавших мореходам и найденных гидрографами и археологами, сколько в установлении целей и задач, маршрута и предполагаемого времени морской экспедиции, лагерь которой был обнаружен через 300 с лишним лет после гибели ее участников, и такой подход является достаточно новым в изучении обсуждаемой проблемы. Автор не случайно сосредоточил свое внимание не только на обстоятельствах, при которых был закрыт Мангазейский морской ход и времени этого события – 29 ноября 1619 года (с чем обычно связывалось это плавание мореходов), сколько на обстоятельствах и времени получения сведений о реке Лене. Он приводит точную дату получения русскими

людьми первых известий о реке Лене, которая известна из документов – это 28 июня 1621 года, но при этом допускает, что о ней могло быть известно и ранее⁵. По мысли автора, эти два события и послужили причиной плавания мореходов с запада, из устья Енисея, на восток, то есть на Лену. Новым, во всяком случае, мало известным, следует признать и сообщение о том, что где-то после 1616 года в районе устья Енисея потерпело крушение какое-то иностранное судно⁶ – и эта проблема, обозначенная автором, ждет своего разрешения. Однако, как нам представляется, в книге Л. М. Свердлова есть некоторые просчеты и заблуждения, касающиеся этнографических реалий и интерпретации географических названий в исторических источниках.

Предположение автора о том, что у берегов Таймыра погибли не один, а два коча – один у острова Фаддея, другой у берегов залива Симса⁷, пока может рассматриваться лишь как очень смелая гипотеза. Анализ вещественных материалов показал, что все найденные на острове Фаддея и на берегу залива Симса предметы однозначно составляют единый комплекс. В развитие своей гипотезы Л. М. Свердлову приходится допускать, что на каждом из кочей находилась женщина-самоетка (части женского костюма, украшения и предметы женского рукоделия найдены в обеих точках находок, а останки женщины из коренного населения найдены в избушке в заливе Симса). Это, конечно, возможно – но, признаем, значительно менее вероятно, нежели традиционная версия о едином источнике предметов на острове Фаддея и в заливе Симса. На этом фоне связь находки зимовья и предметов вооружения на острове Большой Бегичев в начале XX века с третьим судном той же самой экспедиции⁸, следы пребывания которой обнаружены в двух указанных выше местах, выглядит едва ли не домыслом. Во всяком случае, для таких утверждений нет никаких оснований: отметим, что и судьба предметов, которые видел Н. Бегичев на острове, носящем ныне его имя, к большому сожалению неизвестна.

Л. М. Свердлов считает, что мореходы, погибшие на восточном Таймыре, плыли с востока на запад, и конкретно – на реку Лену, к якутам и тунгусам – в этом его убеждают находки серебряных изделий, а серебро является и по сей день любимым металлом этих народов⁹. Аргументация автора, надо признать, весьма изящна и нова, однако спорна – популярность серебряных украшений у якутов и тунгусов (эвенков и эвенов) севера Якутии, как представляется, должна относиться к более позднему времени, нежели начало XVII века: во всяком случае, распространение серебряных изделий у жителей бассейна Лены в XVII веке пока не подтверждено должным образом ни вещественными находками, ни документальными источниками.

Утверждение о том, что река с названием Catonga или Catowga, встречающееся у Дж. Логана и В. Перслоу, это не Нижняя Тунгуска, а река Хатанга, что существенно меняет географические представления названных английских авторов о Таймыре и прилегающих к нему территориях, на самом деле весьма и весьма спорно. Далее автор вскользь отмечает, что эвенки в своих песнях называют Катангой Нижнюю Тунгуску¹⁰ – но он не учитывает того, что эвенки называли эту

реку Катангой всегда, и они так называют ее на своем языке и до сих пор, при этом не только в песнях. Следовательно, то, что англичане под этим названием могли узнать о реке Хатанге, является если не прямо ошибочным утверждением, то, во всяком случае, весьма гипотетическим. По правде говоря, такие случаи в интерпретации исторической топонимики Сибири не единичны, однако же, едва ли стоит умножать их число при наличии бесспорных фактов приурочения ономастических единиц к известным географическим объектам.

Л. М. Свердлов полагает, что огнестрельное оружие стало ненужным мореходам из-за того, что у них отсутствовал порох¹¹. Это не совсем так – на острове Фаддея в «складе» найдены остатки бочонка с порохом. Что же касается погнутого ствола пищали, то мы думаем, что ствол одной из пищалей был изогнут по той причине, что сама пищаль из-за отсутствия других предметов использовалась как рычаг при безуспешных попытках снять коч с мели – потому-то она и была оставлена на острове, непосредственно вблизи места кораблекрушения.

Как хорошо известно, среди найденных предметов: принадлежавших мореходам, был обнаружен значительный по объему клад серебряных монет, очевидно, составлявший общую казну участников морской экспедиции. Казна была поделена на две неравные части и укрыта в двух местах вместе с другим имуществом мореходов на острове Фаддея и в заливе Симса. Казна полярных мореходов, насчитывающая в общей сложности 3557 серебряных монет от Ивана III до Михаила Романова (3414 копейки и 143 «денги»), как установил Г. И. Спасский еще в 1940-е годы, по самым поздним монетам датируется 1617 годом. Эта дата рассматривается как время отправления владельцев казны в их последнее плавание, а сама экспедиция традиционно привязывается по времени к закрытию Мангазейского морского хода, т. е. к 1619 г.¹²

Сам по себе состав монет из казны полярных мореходов может и должен быть подвергнут дальнейшему изучению. В ходе его исследования в 1940-е годы было установлено время чеканки монет по периодам правления тех или иных царствующих особ, однако самое происхождение монет, то есть монетные дворы, где были отчеканены монеты, составившие казну (Москва, Новгород, Псков, Тверь)¹³, остается без определения, хотя оно принципиально важно для изучения условий формирования этой казны. Территориально наиболее интересным для сравнения с казной таймырских мореходов, несмотря на удаленность находок и вероятную хронологическую разницу во времени сокрытия, является клад с серебряными русскими монетами XVI–XVII веков, который был найден в селе Аяк на берегу реки Дип в бассейне Зеи¹⁴, однако пока не известно, сохранен ли этот клад до настоящего времени.

Состав монет, обнаруженных в заливе Симса и на острове Фаддея, представлен в двух таблицах:

Таблица 1.
Состав монет («Копейки»)

Царствование (время чеканки)	Общее число	Находки в заливе Симса		Находки на острове Фаддея	
		Кол-ство	% от общего числа	Кол-ство	% от общего числа
Иван III	1	1	100	–	0
Иван IV – великий князь	329	175	53,2	154	46,8
Иван IV – царь	714	396	55,5	318	44,5
Федор Иоаннович	651	395	60,7	256	39,3
Борис Годунов	930	507	54,5	423	45,5
Лжедмитрий I	136	89	65,4	47	34,6
Василий Шуйский	332	197	59,3	135	40,7
Интервенция	86	49	57,0	37	43,0
Михаил Романов	158	93	58,9	65	41,1
Без определения	77	56	72,7	21	27,3
Всего	3414	1958	57,4	1456	42,6

Таблица 2.
Состав монет («Денги»)

Царствование (время чеканки)	Общее число	Находки в заливе Симса	Находки на острове Фаддея
Иван IV – великий князь	82	74	8
Иван IV – царь	46	42	4
Федор Иоаннович*	15	14	1
Всего	143	130	13

* После правления Федора Иоанновича «денги» не чеканились.

На основании распределения монет разного времени чеканки по местам находок монет уже давно было установлено, что перед нами две части одного и того же клада, составляющего казну полярных мореходов, и эта казна преднамеренно была разделена на две неравные части – примерно в соотношении 4 : 3. Значительное преобладание «денег» в той части казны, которая найдена в заливе Симса, ранее объяснялось предположением, что обитатели избушки на берегу рассчитывали использовать более мелкие монеты для обмена с местным населением.

Мы попытаемся дать объяснение количественному распределению монет в двух частях казны и, с учетом состава предметов, найденных на острове Фаддея и в заливе Симса, постараемся определить состав участников этого плавания и, насколько возможно, проследить их судьбу.

В избушке в заливе Симса были найдены останки трех человек: двух мужчин-европейцев и одной женщины – судя по антропологическим данным и в особенности по костюму, представительницы самодийских народов, то есть ненки, нганасанки или энки. Если считать, что казна была разделена пропорционально количеству участников плавания, то, очевидно, общее число их было равно 7 или 14 (последняя цифра близка к команде коча, известной по документам XVII века). Женщина-самоедка была по существу равноправным участником похода (а вместе с частями традиционного западносибирского женского костюма найдены и остатки сарафана, а это значит, что его владелица состояла при мореходах длительное время, если имела русское платье), и, видимо, она должна была иметь право на свою долю в казне.

Попробуем рассчитать, чему могла быть равна доля спутницы мореходов, разделившей с ними их трагическую судьбу. При равных долях 7 участников из всего количества найденных монет на каждого приходится около 508 монет. Если допустить, что женщине была выделена половина доли, тогда ее часть будет составлять примерно 273 монеты – обратим внимание, что общее число найденных «денег» составляет чуть меньше половины этого количества. Если принять число участников похода равным 14, а долю женщины – за половину доли мужчины¹⁵, то получится, что самоедка-спутница мореходов должна была иметь в собственности около 131 монеты – а эта цифра предельно близка общему количеству найденных в заливе Симса «денег» (74 монеты), то есть мелких монет, и монет, оставшихся без нумизматического определения, то есть стертых и изношенных монет (56 монет). Очевидно, только этим и может объясняться столь большое количество «денег» в части казны, найденной в заливе Симса, и заметное количественное преобладание стертых монет в этой части клада – обратим внимание еще раз, что именно эти две группы монет (и только они) нарушают однородное пропорциональное распределение всех монет в обеих частях казны мореходов. При этих расчетах получается, что женщина-самоедка, взятая, как водилось среди казаков и промышленных людей «в жоги и для толмачества», имела право только на половину доли участника экспедиции, и к тому же была в известной мере обманута своими спутниками-поморами – не иначе мореходы

решили так: самоедка так или иначе не пойдет со своей долей денег на рынок или в лавку, все равно навесит на одежду или обменяет родственницам для того же самого – так для этого и денежки, и сбитые монеты хороши будут...

Любопытно, что если казна мореходов была поделена на две части в некоей сложной пропорции, то ценные предметы, очевидно, взятые участниками экспедиции в плавание как товар и также разделенные между двумя группами людей, четко делятся в пропорции 1 : 2, при этом большая часть предметов, как и большая часть казны, были найдены в заливе Симса.

Среди предметов, принадлежащих мореходам на правах личных вещей или предназначенных для меновой торговли с местным населением, в двух местах, где находились разные группы мореходов, были найдены 9 нательных крестов (3 на острове Фаддея и 6 в заливе Симса) и 3 наперсных креста (1 на острове Фаддея и 2 в заливе Симса). Совершенно ясно, что это не могли быть собственные нательные кресты участников экспедиции, которые с ними не могли бы расстаться и не могли бы положить их в укрытия вместе с другими вещами. Среди найденных вещей нет таких предметов, которые указывали бы на то, что в морской экспедиции принимал участие кто-то из лиц духовного звания, в чьи обязанности входило бы обращение местных жителей в православную веру. Едва ли такие обязанности мог взять на себя и руководитель экспедиции, останки которого, как вполне возможно, тоже были найдены в избушке в заливе Симса. Вместе с тем трудно будет всерьез утверждать, что нательные и наперсные кресты оказались у мореходов после того, как отчаянные люди где-то ограбили церковь, церковную лавку или кого-то из лиц духовного звания. Откуда же у профессиональных мореходов, занимавшихся охотничьим промыслом и торговыми делами, могли в таком количестве взяться кресты, и тем более – наперсные кресты?

Надо полагать, что кресты, как нательные, так и наперсные, были изготовлены или приобретены участниками экспедиции для обмена или меновой торговли с местными жителями. Хотя это и может показаться странным, но коренные жители Севера и Сибири, обращаемые в христианство, распорядились культовыми предметами и атрибутами далеко не так, как мы можем думать исходя из нашего собственного культурного опыта. У нас есть свидетельства того, что новокрещенные коренные жители Сибири носили полученные ими православные нательные кресты не так, как мы могли бы думать – на шнурке под одеждой; они носили эти кресты напоказ на одежде, точно так же, как они носили традиционные украшения. В начале XIX века Ф. Ф. Матюшкин отметил, что чукотский старшина (окрещенный не ранее чем в 1810-е годы) носил поверх кухлянки два образа и четыре креста¹⁶. Можно думать, что нательные кресты, соизмеримые по размерам с металлическими подвесками-украшениями, по эстетическим представлениям народов Севера Сибири или по ассоциации с традиционными амулетами-охранителями, как и металлические подвески, должны были носиться в некотором множестве.

Как это ни странно, но те кресты, которые были восприняты авторитетными интерпретаторами таймырских находок как наперсные, и которые воспринимаются

нами как наперсные, вполне могли и не являться таковыми в сибирской реальности начала XVII века. Недавно Ханты-Мансийский музей приобрел крест, полученный в 1919 году при крещении Татьяной Сергеевной Молдановой, ханты по национальности. Размеры этого креста – 6,7 на 4,5 см¹⁷. Крест такого размера в нашем сознании ассоциируется с наперсными крестами, но в данном случае такой крест выполнял в обряде крещения и в применении (постоянном или временном ношении) функции личного нательного креста. Очевидно, мореходы, имевшие некоторый опыт в меновой торговле, знали запросы своих партнеров по торговым операциям, имели у себя в запасе как нательные кресты обычного размера, так и кресты большего размера, которые и были приняты археологами XX века за наперсные кресты, ассоциирующиеся с атрибутом лиц духовного звания.

Отмеченная аналогия заставляет сделать одно оригинальное предположение относительно возможного исходного пункта погибшей экспедиции. В качестве постоянного места обитания русских мореходов, откуда они отправились в свое последнее плавание, назывались города русского Севера от Архангельска до Мангазеи. Если кресты большого размера, найденные среди вещей мореходов, имеют сходство с крестами, распространенными у хантов, то не так уж невероятно то, что местом проживания мореходов и областью их торговых операций, давшим им опыт общения с коренными жителями, был Обь-Иртышский Север – например, Тобольск, а вовсе не лежащая к востоку от устья Оби Мангазея, и тем более не западные территории, как то Архангельск или Кольский полуостров¹⁸. К сожалению, мы лишены возможности проверить высказанное предположение по архивным документам большинства западносибирских городов, поскольку все архивы в Тобольске уничтожены многократными пожарами.

На основании количества монет, относящихся ко времени правления одной и той же царствующей особы, нам представляется возможным рассчитать ожидаемую вероятность пропорционального представления монет времени того или иного правителя, и сравнивая ее с числом реально найденных монет, можно попытаться установить примерное время формирования основной части казны мореходов, чей лагерь был обнаружен на берегах Северного Ледовитого океана¹⁹.

В казне мореходов представлены монеты от Ивана III (всего одна, ныне утрачена) до Михаила Романова, таким образом, в ней присутствуют монеты за 84 года – с 1533 по 1617 годы. Таким образом, на каждый из годов этого периода в казне приходится примерно 39,7 монеты. Принимая во внимание продолжительность царствования того или иного правителя или длительность исторического периода, можно проследить, насколько соответствует теоретической вероятности число монет того или иного времени, реально представленное в казне мореходов. Результаты этих расчетов приведены в таблице 3.

То, что количество монет времени Ивана Грозного в казне мореходов примерно вдвое ниже предполагаемого, объясняется тем, что монеты этого времени попадали в казну лишь спорадически и она была сформирована значительно позже царствования Ивана IV. Количество монет времени Федора Иоанновича в казне мореходов оказывается на 25% выше рассчитанного среднего числа для

периода правления этого царя, правившего в продолжение 13 лет. Количество монет времен Бориса Годунова и Лжедмитрия I, правивших и чеканивших свою монету соответственно в течение 7 лет и 1 года, составляет 334, 7% и 342, 6% от ожидаемого – то есть почти втрое выше рассчитанного среднего количества для времени их правления: как ни парадоксально, но 7 лет правления Бориса Годунова и год царствования Лжедмитрия I (Григория Отрепьева) знаменуются в казне мореходов одинаковым и весьма значительным преобладанием количества монет этого времени над их ожидаемым числом.

Таблица 3.

Ожидаемая величина и реальное количество монет в казне мореходов с учетом распределения монет по продолжительности правления царствующих особ

Правители	Годы царствования	Число лет	Общее число монет	Ожидаемое число монет	Разница с ожидаемым в %
Иван III			(1)		
Иван IV – великий князь	1533–1546	13	329	516,7	-63,7%
Иван IV – царь	1547–1584	37	714	1468,9	-48,6%
Федор Иоаннович	1584–1598 январь	13	651	516,7	+125,9%
Борис Годунов	1598–1605 апрель	7	930	277,9	+334,7%
Лжедмитрий I	1605–1606	1	136	39,7	+342,6%
Василий Шуйский	1606 май– 1610	4	332	158,8	+209,1%
Интервенция	1610–1612	2	86	79,4	+108,31%
Михаил Романов	1612–1617	7	158	277,9	-56,8%
Без определения			77		

Далее в распределении монет по сравнению с ожидаемыми пропорциями начинаются странности, которые на первый взгляд выглядят малопонятными и противоречащими обычному распределению монет в кладах и любых монетных комплексах, согласно которым более поздние монеты численно преобладают над более ранними²⁰. Количество монет времени Василия Шуйского, правившего 4 года, уже не более чем в три раза, а только примерно вдвое выше рассчитанного ожидаемого количества монет этого царя. Число монет периода интервенции 1610–

1612 годов оказывается лишь незначительно выше рассчитанного ожидаемого, а число монет Михаила Федоровича Романова, относящихся к самому последнему периоду времени формирования казны – почти в два раза ниже среднего. Исследователи пытались объяснить столь незначительное количество монет времени Михаила Федоровича в казне мореходов и полагали, что поздние монеты 1610–1617 годов на момент формирования казны попадали в Поморье и Сибирь в недостаточном количестве, чем и обуславливается их незначительное число в составе казны мореходов. Мы постараемся дать этому факту иное объяснение, которое будет увязываться с общей динамикой пропорций реального наличия монет того или иного правителя в казне мореходов и ожидаемого вероятного их количества.

По нашему мнению, динамика распределения количества монет относительно среднегодовой величины в определенной мере отражает состояние торговых дел компании мореходов, которым принадлежала казна. Капитал мореходов начал формироваться при Федоре Иоанновиче, и во время правления Федора Иоанновича дела у хозяев казны шли неплохо – их прибыль оценивается в 25 процентов от оборота. Время правления Бориса Годунова и Лжедмитрия для них было временем процветания, при котором доходы от промысла и от торговых операций составляли 230–240 процентов, и даже политическая смута не препятствовала благоприятному ведению коммерческих дел. После 1606 года, при царе Василии Шуйском дела торговой компании пошли несколько хуже, прибыль сократилась до 108 процентов. Время польской интервенции 1610–1612 годов могло дать хозяевам казны почти нулевой баланс, а время правления Михаила Федоровича обернулось для торговой компании мореходов и промышленников настоящим кризисом – за последние пять лет в казну поступило пропорционально меньше монет, чем за предшествующий менее продолжительный период 1610–1612 годов. Основываясь на этих расчетах, можно полагать, что именно неудачная коммерческая конъюнктура последних пяти-семи лет и стала тем обстоятельством, которое побудило мореходов предпринять рискованное плавание в район восточного Таймыра – в плавание, которое закончилось для них трагически. Как было установлено на основании антропологического изучения костных останков, найденных в избушке на берегу залива Симса, останки одного из погибших принадлежат мужчине 50–55 лет. Возможно: что это был глава экспедиции – и тогда он вполне мог начать свою деятельность примерно за 30 лет до рокового плавания в район Таймыра, как раз во время царствования Федора Иоанновича.

В связи со сказанным нам хотелось бы обратить внимание, что в известныхкладах, соотносящихся по времени сформирования с казной мореходов, состав монет по периодам чеканки оказывается иным и существенно отличается от состава рассматриваемой казны именно в количестве монет позднейших периодов²¹. В любом случае монеты из таймырской казны в наши дни требуют внимания специалистов-нумизматов и нуждаются в дальнейшем исследовании, которое обещает очень интересные и важные результаты.

Мы в настоящей работе предлагаем следующую версию развития событий на острове Фаддея и в заливе Симса²². Примерно в 1619–1620 гг. во время навигации (летом или ранней осенью) коч с командой в 7 человек (число принимается для простоты расчетов, но по количеству некоторых найденных предметов оно может быть равно и 14, тогда казна делится как 6 : 8), шедший от устья Оби и далее от устья Енисея на восток, сел на мель или был затерт льдами у острова Фаддея. При безуспешных попытках снять его с мели мореходы погнули ствол одной пищали (найдена на берегу острова Фаддея). Имуущество промышленно-торговой экспедиции (пушнина, стрелы, порох, детали для ловушек на песцов, часть личных вещей), однозначно указывающее на цели плавания мореходов, было выгружено на остров и укрыто. Поскольку с коча был снят такой легкий груз, как меха, и одновременно с ними – стрелы и насторожки ловушек, есть основания догадываться, что мореходы не столько стремились разгрузить коч, сколько постарались убрать с судна охотничье снаряжение и добычу; вероятно, вследствие того, что они не имели разрешения на морские походы и на промысел и явно не желали попадаться на глаза представителям местной власти. При отсутствии на судне тех предметов, которые явно выдавали в них торговцев и промышленников, занимающихся добычей пушнины, они могли бы сойти за охотников на морского зверя, занесенных штормом или льдами далеко на восток от районов промысла²³. Как показывает распределение монет, участники экспедиции разделились в отношении, близком к $\frac{3}{4}$, при этом в составе отряда была женщина-аборигенка (тундровая энка, нганасанка или, возможно, ненка – однозначно это была ненка, если мореходы вышли в плавание из устья Оби), выполнявшая роль толмача (найденны части ее костюма и ее останки). Очевидно, именно ее денежная доля в «денгах» (самых мелких монетах) и стертых монетах, оставшихся без хронологического определения, объясняет преобладание таких монет в заливе Симса. Следовательно, участников похода было 7 (это принимается как рабочая гипотеза) или 14 (в этом случае своих хозяев находят нательные кресты и навигационные приборы, а денежные доли могут быть пересчитаны). Скорее всего, три человека остались на острове около аварийного коча (им была оставлена их часть общей казны), а четверо, в их числе женщина, дошли до залива Симса и построили избушку. В начале зимы коч был унесен дрейфующими льдами в море и те, кто остался на острове, пропали без вести вместе с ним (остатки коча не обнаружены, но на острове Фаддея найдены части лодки). Четверо, в том числе женщина, дошли до залива Симса и соорудили избушку. Промысловое оружие – стрелы, а также бочонок с порохом - осталось на острове: с собой было взято оборонительное оружие, необходимое для защиты от белых медведей (нож-пальма и рогатина, найденные непосредственно возле избушки и, следовательно, положенные наготове) и по крайней мере одна пищаль. С наступлением зимы один из членов отряда, который имел при себе единственную исправную пищаль, ушел на поиски людей, оставив часть вещей (в заливе Симса найдено 14 пуль, но не найдено самого оружия) и бесследно исчез в тундре. В течение какого-то времени оставшиеся в избушке люди питались мясом добываемых песцов (найденно

множество песчаных черепков со следами вскрытия для того, чтобы извлечь мозг). На некотором удалении от избушки был найден предмет, похожий на тупую стрелу-томар – видимо, эта стрела была потеряна при последнем выходе на охоту, однако выглядит странным то, что охотничьи или боевые луки не были найдены ни на острове Фаддея, ни в заливе Симса. Останки троих людей были найдены среди развалин избушки. Последние дни обитателей одинокой избушки были трагичны: одна человеческая кость была найдена в котле или около котла (в ней повышенное содержание меди). Видимо, женщина-самоедка умерла последней – ей принадлежат больше половины найденных останков и они количественно преобладают над останками мужчин-поморов. После того, как все люди умерли, избушка была разворочена белыми медведями. Если принимать число участников плавания равным 14, то получается, что вместе с судном пропали без вести в море 6 человек, а в тундре – пятеро, но построенная избушка едва ли могла вместить 8 человек.

В заключение нам хотелось бы представить еще две гипотезы, относящиеся к интерпретации таймырских находок.

Одна из этих гипотез касается судьбы мореходов, оставшихся на аварийном коче близ острова Фаддея. Вполне возможно, что этот коч был унесен льдами далее на восток – к Новосибирским островам, и тогда мореходы, отправившиеся в свой дерзкий поход, были бы первыми русскими людьми, кто ступил на промерзлую землю острова Котельный. Как известно из сочинений путешественников начала XIX века – М. М. Геденштрома, впервые описавшего находки Якова Санникова на острове Котельном, и Ф. П. Врангеля, который воспроизвел перечень находок в своем описании путешествия по Восточной Сибири и Ледовитому океану²⁴, в это время на Новосибирских островах были обнаружены следы пребывания людей, которым по праву могла бы принадлежать честь открытия этих островов.

М. М. Геденштром писал: «На западном берегу сего острова [Котельный. – А. Б.] найдена тогда же могила неизвестного человека, от которого остались только несколько разбросанных костей: вероятно, тело было вырыто белым медведем. По найденным тут вещам: кресту, стрелам, форме для литья пуль, ношеным котам и несколько мочалам (sic! – А. Б.) судить можно о том, что покойник был Архангельский промышленник, заброшенный сюда с товарищами бурей на пути их в Шпицберген. Древнее днище судовое, неподалеку от сего места, подтверждает сию догадку»²⁵. В других источниках отмечается, что при вскрытии могилы промышленника были найдены батас [якутское название ножа-пальмы. – А. Б.], две железные стрелы, калип [форма для литья пуль. – А. Б.], пила, две уды, огниво и кремь, и «желтой меди кастрюля»²⁶. Существует версия, что остров Котельный был назван «ввиду обнаружения на острове старинного медного котла»²⁷, хотя по другой версии этот остров получил наименование из-за того, что его первооткрыватели – спутники Ивана Ляхова забыли там медный котел²⁸.

Помимо старого корабельного днища, найденного «близ устья Царевой реки»²⁹ (современная река Балыктах), которому, видимо, на момент его обнаружения вполне

могло быть более 100 лет, среди находок из могилы на острове Котельный наше внимание привлекают два предмета – «желтой меди кастрюля», напоминающая нам о тех котлах, которые были найдены гидрографами на острове Фаддея (с чего и начались находки на месте лагеря мореходов), и калип – форма для литья пуль³⁰. В XVII–XVIII веках не было еще стандарта на калибр огнестрельного оружия, и, понятно, для каждого ружья требовалась своя форма для отливки пули. Возникает вопрос: почему такой, без сомнения, ценный предмет, как форма для отливки пули, был положен в могилу промышленника, а не унесен тем, кому досталась его пищаль? Ответ на этот вопрос один – значит, форма для отливки пищальных пуль стала ненужной из-за того, что сама пищаль была утрачена. А это обстоятельство заставляет вспомнить, что на острове Фаддея были найдены две пищали, одна из которых была приведена в негодность вследствие погнутого ствола и оставлена, а вторая, найденная в 1971 году В. А. Троицким, возможно, просто потеряна. То, что огнестрельное оружие у людей, похоронивших своего спутника на острове Котельном, было, но утратилось, и принадлежности к нему стали им ненужными, находит еще одно подтверждение. Вблизи вскрытой им могилы Яков Санников видел крест с надписью, которая была сделана на прикрепленной к нему пластинке, отлитой из свинца. Очевидно, запас свинца был использован для изготовления этой пластинки после того, как люди с острова Котельный перестали испытывать нужду в свинце для пуль и дроби – и это опять-таки возможно только по той причине, что они потеряли огнестрельное оружие. Может быть, они потеряли его как раз на острове Фаддея? И медный котел был положен в могилу их спутника по той причине, что запас котлов, часть которых также была оставлена на острове Фаддея, явно утерять свою товарную ценность по сравнению с необходимостью выжить? Правда, по описанию найденной Санниковым могилы, она казалась ему довольно свежей и около нее лежала еще не сгнившая щепка – однако не вполне ясно, сколько времени эта щепка могла сохраняться в относительно свежем виде в условиях холодного климата острова Котельный.

Вторая гипотеза касается состава и места отправления экспедиции, участники которой высадились на остров Фаддея и разбили свой последний лагерь на берегу залива Симса. Почти все сторонники наиболее реалистической гипотезы, согласно которой участники экспедиции плыли с запада на Восток, молчаливо полагают, что мореходы вышли в свое последнее плавание из устья Енисея. Мы располагаем относительно поздними для XVII века свидетельствами о попытках плаваний из устья Енисея в сторону устья Лены – так, Н. Г. Спафарий в описании своего путешествия по Сибири писал: «А из устья Енисейского многажды хотели на кочах ехать к Лене реке, и не могли, оттого что льды великие ходят по морю и разбивают кочи»³¹. В топонимике Енисейского Севера сохранилось до наших дней название «Крестовское зимовье» – это зимовье располагалось вблизи памятного креста с указаниями имен мореходов, ходивших на кочах до реки Пясины и без вести пропавших в море³², однако при этом остается неизвестным, что же появилось раньше – само зимовье или памятный крест, давший ему название. Таким образом, «Енисейская версия» маршрута мореходов, несмотря на свою

реалистичность, пока обосновывается только такими сообщениями, которые либо вообще ничего не говорят о трагических исходах плаваний, либо не имеют даты и указывают маршрут плавания пропавшей экспедиции не вполне определенно.

Что касается «Обской версии», основания для которой появились у нас исходя из наличия у мореходов «наперсных» крестов, то она достаточно неожиданно находит датированное подтверждение в источниках по истории арктического мореплавания первой четверти XVII века. Ф. П. Литке в своей книге «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый Океан...» в историческом обзоре плаваний в Западной Арктике приводит следующий факт: в 1625 году голландский мореплаватель Корнелий Босман встретил в Карском море русских мореходов. Очевидно, в ответ на расспросы голландца об условиях морского плавания к востоку от устья Оби, мореходы рассказали ему, что «несколько лет назад» отряд из трех судов отправился морем на восток, из них одно, «претерпев великие опасности», вернулось через год, а два других пропали без вести³³. Для 1625 года, которым датируются эти сведения, «Несколько лет назад» – это в том числе и 1619 год, то есть год, которым датируется выход интересующей нас торгово-промышленной экспедиции в свое последнее плавание. Таким образом, у нас открываются некоторые возможности не только объединять находки на восточном побережье Таймыра, сделанные в 1940–1945 годах, и свидетельства о находках на острове Котельном, относящиеся к началу XIX века, в единый исторический комплекс, но и связать эти находки с сообщением К. Босмана об исчезновении двух русских судов с командами где-то в Северном Ледовитом океане к востоку от устья Оби за несколько лет до 1625 года, то есть примерно в 1619 году – следовательно, или накануне закрытия Мангазейского морского хода, или вскоре после его закрытия. Бесспорно положительной характеристикой данной гипотезы будет являться то, что она не требует передатировок времени стоянок мореходов, обнаруженных на острове Фаддея и в заливе Симса по сравнению с теми датировками, которые были сделаны при публикациях найденного вещественного материала.

¹ См.: *Окладников А. П.* Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.–Л., 1948; Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.–Л., 1951.

² *Свердлов Л. М.* Таймырская загадка. М., [Б.и.], 2001. См. Бурькин А.А. Таймырская загадка // ЯЛИК (Языки. Литература. История. Культура), № 51, 2002, октябрь. С. 23.

³ См.: История открытия и освоения Северного Морского пути. Т. 1. М.–Л., 1956; *Белов М. И.* По следам полярных экспедиций. Л., 1977.

⁴ См. нашу рецензию на эту книгу: *Бурькин А. А.* Таймырская загадка // ЯЛИК (Языки. Литература, История. Культура), N 51, 2002, июнь. С. 23.

⁵ *Свердлов Л. М.* Таймырская загадка. М., [Б.и.], 2001. С. 84.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 35, 129.

⁸ Там же. С. 130.

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 97, 100.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² См. *Бурыкин А. А.* Два клада с казной полярных мореходов XVII века с Восточного Таймыра: проблемы интерпретации // Клады. Состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 248–251.

¹³ Из литературы, посвященной кладам, соотносительным по времени с казной мореходов, см.: *Хухарев В. В.* Тверские клады: состав и хронология // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 175–179; *Тимошина Н. Н.* Клады монет XV–XVII вв. на территории Ивановского края // Там же. С. 183–185.

¹⁴ Сообщение об этом кладе см.: *Сапунов Б. С.* Экспедиция 2000 г. в бассейн Зеи (записки археолога) // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 3. Благовещенск, 2001. С. 9.

¹⁵ Возможны и иные варианты дележа казны, допускающие, что глава экспедиции имел право на две доли: или что одна лишняя доля полагалась владельцу коча в соответствии с севернорусским обычаем выделять лишний пай или долю добычи на основное средство ее добычи, переходившую в собственность его хозяина.

¹⁶ *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедицией, состоящей под начальством флота лейтенанта фон Врангеля. 2-е издание, М., 1948. С. 308.

¹⁷ См.: *Андриенко Л. С.* Особенности комплектования этнографической коллекции в отдаленных северных регионах // Этнографическое единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2002. С. 137–138.

¹⁸ Даже помимо этого предположения, разумеется, нуждающегося в дополнительных доказательствах, проблема личных православных крестов, которые имели распространение среди коренных жителей Севера Сибири в XVII – начале XX вв., превращается в интересную проблему этнографических предметов и их роли и места в религиозных и эстетических представлениях, и эта проблема требует специального внимания.

¹⁹ Понятно, что такой метод расчета вероятности количества монет одного и того же правителя в монетном комплексе не дает абсолютно надежных данных. Мы не располагаем точными сведениями об абсолютном количестве монет, отчеканенных монетными дворами в правление того или иного царя. Тем не менее, если предполагать одинаковую интенсивность работы монетных дворов как некую постоянную величину, у нас появляется возможность сравнивать различные датированные монетные клады друг с другом и тем самым пытаться устанавливать обстоятельства формирования изучаемых кладов.

²⁰ Эта закономерность может нарушаться только по причинам прекращения или резкого уменьшения объема чеканки монет в какой-то определенный период

времени – например: как это имело место с чеканкой монет в СССР с 1957 по 1960 год, накануне обмена денежных знаков и монеты, состоявшегося 1 января 1961 года. Монеты чеканки 1958 года составляют большую редкость, а монеты чеканки 1959 и 1960 годов, как кажется, отсутствуют совсем. Однако в аналогичных случаях закономерность будет нарушаться во всех выявляемых монетных комплексах без исключения – от потерянного кошелька до нумизматического собрания любого музея, так что любая неоднородность состава монетных комплексов, представляющих один и тот же период, должна объясняться историей данного монетного комплекса в отдельности.

²¹ См., например: *Мокерова Е. Ю.* Клад 1614 г. из деревни Лобановка // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 185–191. Пока это самый близкий к интересующему нас времени клад, материалы по которому оказались доступны нам в публикациях.

²² См. также: *Окладникова Е. А., Бурькин А. А.* Комплекс предметов и жилище русских полярных мореходов XVII в. на острове Фаддея и заливе Симса (новые перспективы интерпретации) // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов Екатеринбург - Ханты-Мансийск, 2002. С. 326–328.

²³ Среди находок в заливе Симса был обнаружен документ с заголовком «Жалованная грамота», который был спрятан в ножнах от ножа; кроме заголовка, более ничего в этом документе прочитать не удалось. У нас есть серьезнейшие основания считать эту «грамоту» фальшивой: как явствует из известных нам материалов по делопроизводству XVII века, жалованные грамоты могли выдаваться от лица царствующей особы и адресовались весьма высокопоставленным лицам, к каковым, разумеется, заурядные сибирские промышленники и торговцы никак не могли относиться. Кроме того, подлинные жалованные грамоты, известные нам по архивным материалам и публикациям документов XVII века, не имели подобных заголовков.

²⁴ *Врангель Ф. П.* Указ соч. С. 91–92, 93–94.

²⁵ *Геденитром М. М.* Отрывки о Сибири. СПб., 1830. С. 128.

²⁶ *Иванов В. Л.* Архипелаг двух морей. М., 1979. С. 18. См. *Ф. П. Врангель.* Указ соч.

²⁷ Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917. Якутск, 2002. С. 120.

²⁸ *Иванов В. Л.* Архипелаг двух морей. С. 13.

²⁹ *Врангель Ф. П.* Указ. соч. С. 94.

³⁰ Заметим, что батас (пальма) был найден в числе оружия, оставленного для обороны от медведей, и возле избушки в заливе Симса. Случайно ли такое совпадение и не слишком ли много совпадений среди найденных в разных местах предметов для того, чтобы они были случайными?

³¹ *Спафарий Н. Г.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 71.

³² *Васильева С. П.* Топонимическая картина мира Приенисейского Севера // Материалы XXXII международной филологической конференции. 11–14 марта 2003 года, Санкт-Петербург. Язык и ментальность. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2003.

³³ *Литке Ф. П.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый Океан на военном бриге “Новая Земля” в 1821–1824 гг. 2-е издание, М., 1948. С. 59.

Д. И. Жеребятьев

МГУ им. М. В. Ломоносова

В. А. Простов

Председатель Приходского Совета храма Всемилоственного Спаса
б. Скорбященского монастыря

Формирование источникового комплекса для построения виртуальной интерактивной реконструкции Скорбященского монастыря

Современная Москва в течение последнего века претерпела существенные изменения. С её карты исчезли многие монастыри, храмы, дворянские усадьбы, парки и т. д. В начале XX века в городе насчитывалось 25 монастырей (не считая общин). Из них 15 мужских и 10 женских. В XIX веке в пределах современной Москвы возникли 4 новых монастыря, в их числе был Скорбященский женский монастырь – наиболее поздний по времени своего основания монастырь Москвы. История распорядилась с ним сурово: как и ряд других монастырей, он был разрушен в годы советской власти.

Несмотря на то, что многие монастыри уничтожены, безвозвратно утрачено церковное имущество, всё активнее поднимается вопрос о необходимости реконструкции исчезнувших монастырских строений и реставрации сохранившихся церквей.

До последнего времени реконструкция нередко проводилась на бумаге в виде зарисовок, чертежей или настольных макетов, которые приближённо отображали общий вид недошедших до нас памятников истории и культуры (при этом автор реконструкции не претендовал на точность и аутентичность реконструируемого объекта). Последнее десятилетие предоставило исследователям новые технологии и методики реконструкции.

В статье мы рассмотрим методику трёхмерного моделирования, позволяющую визуально восстановить на основании сохранившихся исторических источников весь комплекс церковных построек, ландшафт и растительный покров, провести пространственный анализ местности, параллельно создавая в программной оболочке чертежи, которые могут использоваться для реставрационной деятельности.

Сам процесс виртуальной исторической реконструкции условно был поделён нами на следующие этапы, которых мы будем придерживаться в ходе исследования:

1. Подбор и анализ источниковой базы;
2. Подбор программного обеспечения реконструкции;
3. Обработка описательного и изобразительного материала в трёхмерных редакторах:
 - а) реконструкция ландшафта и растительного покрова монастыря;
 - б) построение трёхмерных моделей монастырских построек;
4. Интеграция трёхмерных моделей в трёхмерный «движок» (3d Engines), публикация окончательной реконструкции монастырского комплекса в Интернете с возможностью интерактивного просмотра проекта в 3d среде.

В качестве временного среза реконструкции мы выбрали 1909 г., время существования монастыря при первой игуменье Евпраксии; после 1909 г. монастырь начинает активно перестраиваться.

Цель данной статьи заключается в описании начальных шагов виртуальной исторической реконструкции Скорбященского монастыря – сбора и анализа источниковой базы. Чуть меньшее внимание мы уделяем техническим аспектам, которые более подробно будут описаны в последующих публикациях.

Конечной целью нашего исследования является разработка виртуальной исторической реконструкции монастыря с возможностью просмотра трёхмерной модели монастырского комплекса в интерактивном режиме через Интернет.

Из истории монастыря

Историю монастыря можно вести с середины XIX века. Местность, на которой впоследствии расположится Скорбященский монастырь, была избрана еще в XVI веке святым Василием Блаженным для уединения и молитв.

С конца XVIII в. здесь находилось владение тайной советницы боярыни Надежды Васильевны Шепелевой (15 авг. 1761 – 12 июня 1834), урожденной Энгельгардт, служившее для нее домом уединения и молитвы. До 1812 г. владение Шепелевой и вся местность именовалась Новым Сущевым. На территории усадьбы боярыни располагался Васильевский пруд, к которому по преданию приходил святой.

Так как Н. В. Шепелева была бездетной, имение в Новом Сущеве она решила завещать сыну своего племянника Сергею Владимировичу Голицыну. Когда в 1837 г. возникла необходимость переноса Алексеевского монастыря на новое место, т. к. на старом вскоре начали строить храм Христа Спасителя, митрополит Московский Филарет захотел перенести его к Тихвинской церкви в Сущёве, то есть туда, где впоследствии возник Скорбященский монастырь. Этого не произошло лишь из-за ошибки: архимандрит Даниловского монастыря Гавриил, которому было поручено осмотреть новое место, перепутал указанную церковь с Тихвинской в Красном селе. Туда в результате и перевели Алексеевскую обитель.

Однако митрополит Филарет тогда же предрёк: «А там в той местности, в Сущёве будет монастырь в своё время. И вот, по прошествии почти двадцати лет после перенесению Алексеевского монастыря в Красное село, стали обнаруживаться некоторые признаки, указывающие на желание приснопамятного Владыки иметь в сей местности иноческую обитель»¹.

Из-за несовершеннолетия нового владельца усадьбы и отсутствия его отца, В. С. Голицына, вследствие военных компаний на Кавказе в конце 40-х годов XIX века на летнее время земли с большим парком в придачу сдавались в аренду под разные развлекательные заведения: так, некоторое время здесь размещался Немецкий клуб, потом сад Тиволи Карла Раппо.

За время службы В. С. Голицын, будучи наместником Кавказа, проживал вместе со своей семьёй в имении Владибудучи. После того как князь оставил военную службу в 1850 г. в чине тайного советника, он переехал с семьёй в Москву в бывшую городскую усадьбу Н. В. Шепелевой, в которой сразу после переезда проводит капитальный ремонт строений усадьбы, частично меняет фасад дома².

В «Атласе столичного города Москвы» А. Хотеева 1852–1853 гг. квартал Сущёвской части 3 участка под № 525, 526 (нов. 552) и 557 (нов. 604), на котором в последствии возникнет комплекс Скорбященского монастыря, первоначально принадлежал разным хозяевам. Территория квартала была поделена на 3 части: две принадлежали семье Голицыных, а другая – семье Рябининых. В первой части усадьбы Голицыных располагался огород с домами работников (крепостных) и служебные постройки, во второй – господская усадьба со служебными постройками и приусадебным парком. Усадьба Рябининых была менее благоустроена, на ней располагались четыре деревянные одноэтажные жилые строения и две хозяйственные постройки. В 1859 г. усадьба была продана А. Голицыной.

Неподдающаяся излечению продолжительная болезнь супруги князя П. Н. Голицыной и дальность расстояния приходской Тихвинской церкви в Сущёве от княжеского дома, заставили хлопотать об устройстве церкви в своем доме, чтобы доставить больной духовное утешение. Вскоре началась Крымская война, к участию в которой был привлечён сам князь Владимир в звании Командующего Московским ополчением (1855–1856 гг.) и его сыновья.

По завещанию территория усадьбы принадлежала старшему сыну Владимира Голицына Сергею. В связи с участием в Крымской войне Сергей изъявил желание продать усадьбу и предложил её приобрести своей сестре Александре, которая дала согласие на покупку.

В это тревожное время, когда на войне были муж и сыновья, больная княгиня П. Н. Голицына составляет прошение на имя Московского митрополита Филарета (1782–1867) о разрешении строительства церкви в доме её дочери Александры: «Посему Ваше Высокопреосвященство, Милостивейшего Архипастыря, всепокорнейше прошу, по преклонным летам и болезненному состоянию моему, исходатайствовать у Святейшаго Синода разрешение на устройство, в доме дочери моей просимой Церкви, с дозволением иметь оную пожизненно; и о сем моем прошении учинить Милостивейшее Архипастырское решение»³.

Прошение П. Н. Голицыной было удовлетворено. Указом государя императора

Александра II из Святейшего Синода от 13 марта 1856 г.⁴ было дано разрешение на устройство домового церкви во имя Божией Матери «Всех Скорбящих Радости» в доме княжны Александры Владимировны Голицыной. Об этом разрешении митрополит известил больную княгиню 21 марта 1856 года: «В следствии прошения Вашего, по представлению моему, Св. Синодом положено и Высочайше утверждено: устроить Вам пожизненно домовую церковь во имя Божией Матери, радости всех Скорбящих в доме дочери Вашей Княжны Александры Владимировны. Извещая Вас о сем, молю Господа и Пречистую Матерь Его, да будет Вам сей благодатный дар в истинное утешение и действительную помощь ко спасению»⁵.

Начались строительные работы, которые велись с благословения митрополита под наблюдением наместника Лавры архимандрита Антония. Почти все мастера: столяры, резчики, позолотчики, живописцы и др. были из Троицкой Сергиевой Лавры, или указаны наместником Лавры Антонием. Домовая церковь была построена в восточной части княжеского дома и по своим размерам была достаточно невелика. Такое описание вида домашней церкви приводит протоирей И. Сперанский: «Вышина церкви внутри одна сажень два аршина пять вершков; ширина три сажени один аршин пять с половиною вершков; длина алтаря две сажени... Иконостас одноярусный, деревянный украшен простою резьбою, которая местами позолочена»⁶.

18 октября 1856 г. домовая церковь во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радости» была освящена митрополитом. Для осуществления службы приглашались священники и певчие, чьё пение улаждало слух больной княгини.

Вскоре после возвращения с Крымской войны в 1861 г. князь В. С. Голицын умер. Супруга очень тяжело перенесла смерть мужа и вынуждена была по совету врачей для успокоения души и нервов оставить свою усадьбу и переехать жить на квартиру, а после уехать из Москвы. Одним из важных вопросов после отъезда Параскевы Николаевны из усадьбы стал следующий: на чьё попечение оставить домашнюю церковь.

Основным условием существования домового церкви является сам факт жизни просителя, после кончины которого необходимо было бы упразднить саму церковь и все принадлежности передать приходскому храму, в данном случае Тихвинской церкви.

После смерти князя усадьба остается в полном распоряжении его дочери Александры⁷. По совету митрополита Филарета княжна Александра 14 февраля 1862 г. подаёт прошение об учреждении в доме Голицыных на Новослободской улице, общества сестер милосердия⁸. Это решение княжны, изъявившей желание создать приют для иногородних монахинь, и больницу, которой Александра присвоила имя Филаретовской, в честь митрополита Филарета, стало «первым камнем», заложенным в фундамент будущего Скорбященского монастыря.

Государь Император Александр II через определение Святейшего Синода одобрил решение княжны⁹. На обеспечение существования упомянутых заведений, Александра пожертвовала часть своего недвижимого имущества,

а также деньги (2,7 тыс. рублей в акциях Ярославской железной дороги) в пользу Троице-Сергиевой Лавры. 19 апреля согласно указу Святейшего Синода церковный дом и прочие строения, равно как и земля, по описи были введены в собственность Лавры.

16 мая 1863 г. княжной А. В. Голицыной была составлена дарственная, по которой «дом и прилежащие к нему строения и землю огородную, более 10-ти десятин, пожертвовать Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, дабы предполагаемое богоугодное заведение состояло в заведении духовного начальства и под наблюдением Лавры, по вере её в благодатную помощь Преподобных Отец Сергия и Никона, а ей, Княжне, для жительства оставить половину дома в западной части от церкви пожизненно; восточную часть дома – нижний и верхний этажи – занять приютом и больницей»¹⁰.

Часть средств на основании упомянутых учреждений были пожертвованы княгиней М. А. Куракиной в 1868 г. на строительство и переоборудование одного из флигелей для Филаретовской больницы, за что Лаврским Учреждённым Собором княгине была вынесена благодарность и предоставлено свидетельство права распоряжения флигелем больницы с целью её благоустройства бесплатно в течение 14 лет до ноября 1881 г.¹¹ Сама княжна Александра Голицына тоже неоднократно оказывала приюту и больнице дополнительную помощь в виде облигаций разных компаний в 1864 г., 1876 г.¹²

Позднее территория усадьбы была перепрофилирована под новые нужды. Существование достаточного количества жилых и хозяйственных строений не потребовали дополнительного строительства, изменения касались в большинстве случаев переоборудования помещений.

Торжественное открытие приюта состоялось 11 ноября 1865 г. В открытии приюта приняли участие многие знатные лица Москвы: наместник Лавры архимандрит Антоний, граф Шереметьев, княгиня Ольга Долгорукая, граф В. Н. Мусин-Пушкин, граф В. Н. Гудовичь, генеральша А. Ф. Рябина, князь С. М. Голицын, игуменья Костромского Анастасьина монастыря Мария¹³.

Участие представителей Костромского Анастасьина монастыря в открытии приюта не случайно. Он был одним из лидеров среди монастырей в социальном служении и просветительской деятельности.

Для работы больницы был набран персонал, состоявший из одного врача, «достаточного» числа штата сестёр милосердия. Количество персонала приюта доходило до 50 человек¹⁴. У всех созданных заведений существовал свой устав, который был одобрен митрополитом¹⁵.

В 1889 г. княжна Александра Владимировна Голицына обратилась к Епархиальному Начальству с прошением о преобразовании общества сестер милосердия в монастырь с наименованием его: «Всех скорбящих радости».

В прошении своем княжна А. В. Голицына заявила, что материальное обеспечение монастыря будет заключаться в следующем:

«1. Во владение монастыря поступит пожертвованный ею для приюта дом со всеми необходимыми службами, ценность коих не менее 50 000 р.;

2. Домовая церковь, благолепно украшенная и снабженная всеми

церковнобогослужебными принадлежностями;

3. Западную часть дома со всеми комнатами до самой церкви она, княжна Голицына оставляет пожизненно за собой, с тем, чтобы она могла распоряжаться частью дома, равно и принадлежащими к ней службами, без всякого стеснения от монастырского Начальства; а после ее смерти и эта часть дома поступит в собственность монастыря;

4. Пожертвованная ею в пользу приюта и ныне состоящая в его владении земля при доме также будет передана монастырю. Земли этой имеется более 10 десятин и стоимость ее не менее 312000 р.;

5. Во владение монастыря поступят пожертвованный капитал ею на содержание домово́й церкви в 18 акциях Московско-Ярославской железной дороги, по 150 р. и десять 5 % облигаций Московского Городского Кредитного Общества на сумму 10000 рублей;

6. Княжна Голицына обязуется при учреждении монастыря пожертвовать в его пользу 20000 р. Деньги эти составят неприкосновенный капитал, из них 15000 будут отчислены на монастырь, а 5000 будут храниться, как обеспечение Священнослужителям. Кроме этого княжна дает в обеспечении монастыря приобретенную ею землю в Московском уезде от 60 до 70 десятин, из коих 40 десятин покрыты лесом»¹⁶.

Также княгиня выразила желание, чтобы учрежденный монастырь доставлял приют и содержание пищею монахиням-сборщицам иногородних монастырей.

Немалую помощь оказала в основании монастыря некая благотельница, на средства которой был построен храм Всемило́стивого Спаса. Ещё в мае 1899 г. около монастыря от имени неизвестного человека, представившего себя посланцем некоей благотельницы, были предложены материальные средства, которые могли быть употреблены на строительство монастыря.

Такое описание этому событию приводит в своей книге протоирей Иоанн Сперанский: «<...> в 1889 году, в начале мая приходит неизвестный прилично одетый человек, спрашивает старшую монахиню Евпраксию, которая в это время была на огороде; увидавши ее, он сказал, что есть благодетель, который желает построить здесь храм, так как ему, благодетелю, известно, что подано прошение об открытии монастыря. Монахине Евпраксии слышанное казалось не вполне вероятным, но все-таки она сказала ему, что точно прошение об открытии монастыря подано, но нечего до сих пор еще неизвестно, будет ли оно удовлетворено. Получивши ответ, спрашивающий ушел. Через некоторое время является неизвестный снова и приносит с собою чертежи и план для будущего храма»¹⁷. Неизвестной благотельницей была купчиха А. А. Смирнова, тайная монахиня Рафаила.

По решению Святейшего Синода от 6 сентября 1889 г., приют для иногородних монахинь-сборщиц был преобразован в монастырь «Всех скорбящих радости», и все денежные средства и имущество, отданное княжной на содержание приюта и больницы Троице-Сергиевой Лавре, были переданы новообразованному монастырю.

Торжественное открытие монастыря состоялось 16 (29) сентября 1890 г. На

открытии присутствовали митрополит Московский и Коломенский Иоанникий, основательница монастыря княжна Александра Голицына, купчиха Акилина Алексеевна Смирнова, генерал-лейтенант Сергей Михайлович Духовский и другие лица.

К этому времени монастырь «Всех скорбящих радости» включал в себя: деревянный дом на каменном фундаменте для помещения священника и диакона, каменный двухэтажный корпус для временного помещения просфорни и монашествующих, корпус каменный двухэтажный для настоятельницы монастыря и монашествующих, и сам дом княжны с домовою церковью и близлежащими постройками (каменной кухней, сараем для дров и т. д.), который после смерти основательницы должен был отойти в собственность монастыря.

Сам процесс открытия монастыря говорит скорее о том, что это не было спонтанным действием, многое было уже продумано, чертежи строений готовы, дело стояло только за документальным оформлением.

Немаловажную роль в истории монастыря сыграли его настоятельницы. За весь период существования их было всего две: игуменья Евпраксия (1890–1909) и игуменья Нина (1909–1918). Начиная со времени основания монастыря, он подвергался крупным перестройкам: возводились храмы, монашеские кельи, служебные постройки. Инициаторами строительных работ, проводившихся в монастыре, были игуменьи, с предложения которых возводилась та или иная постройка.

Одним из первых строений, возведённых после его основания при содействии игуменьи и купчихи А. А. Смирновой, стал храм Всемилоственного Спаса. Храм был построен по проекту архитектора И. В. Владимирова.

Работы по устройству соборного храма продолжались два с половиной года и уже к 1893 г. были завершены. 22 апреля 1893 г. умерла храмостроительница А. А. Смирнова. Ещё перед смертью она пожелала, чтобы её похоронили рядом с храмом, что было и исполнено благодаря обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву и министру внутренних дел И. Н. Дурново. На месте её погребения, рядом с храмом, возвели памятник-часовню. В честь храмостроительницы в ноябре 1893 г. был заложен храм Архангела Рафаила с трапезной.

Хотя строительство храма Архангела Рафаила началось ещё в ноябре 1893 г., закончить его удалось только к августу 1900 г. Он был выстроен на деньги потомственного почётного гражданина г. Москвы, купца Ивана Ефимовича Ефимова. Как пишет протоиерей Иоанн Сперанский: «Одновременно с кладкою ограды и св. врат производилась постройка каменного с подвальным этажом корпуса, с устройством в верхнем этаже, в восточной стороне, храма в честь Св. Архангела Рафаила <...>, а нижний подвальный этаж назначался для кухни, хлебопекарни, квасной и помещения для монашествующих. По окончанию постройки корпуса, подвальный этаж, по причине слишком значительного углубления его в землю без всякого под кирпичные стены бута, оказался совершенно неудобным для помещения монашествующих, вследствие большой

сырости и появления в осеннее и весеннее время подпочвенной воды в камерах духового отопления и под всем полом подвального этажа»¹⁸. По открытии в монастыре гимназии, в здании поместилось третье Епархиальное училище (временно), Архангельский храм окончательно сделался училищным¹⁹.

Параллельно по чертежу монастырских строений 10 июля 1893 г. возводились и другие постройки: два здания келий, кельи для привратниц, сторожка и чуть позднее – монастырские стены.

Впоследствии, уже к 1894 г., на территории монастыря, благодаря стараниям настоятельницы монастыря Евпраксии, открылось кладбище для захоронения москвичей. На нем на средства И. Е. Ефимова в 1894–1910 гг. был возведён кладбищенский храм Трёх Святителей. До 1930 г. на этом кладбище было похоронено более двух тысяч человек, среди них сын Федора Шаляпина Игорь, известный адвокат Ф. Н. Плевако, историк Д. Н. Иловайский, мыслитель Н. Ф. Федоров, дрессировщик А. Л. Дуров, а также и сама основательница монастыря Александра Голицына, умершая в 1900 г., и др.

В 1900 г. при монастыре была открыта женская одноклассная церковно-приходская школа, а также построены два каменных двухэтажных корпуса²⁰, в одном из которых расположилась монастырская трапезная, кухни и кельи, а в другом, близ кладбищенских ворот, помещения для монахинь, следящих за порядком на кладбище.

Несмотря на то, что был построен отдельный корпус для трапезной, кухни и келий, места не хватало, поэтому в 1905 г. было принято решение начать строительство отдельного двухэтажного каменного здания трапезной, которое было завершено к 1907 г.

Спустя год после смерти игуменьи Евпраксии, в 1910 г., началась активная перестройка монастыря, архитектурный облик монастыря был существенно изменён: снесена женская одноклассная церковно-приходская школа, обновлен соборный храм (1910 г.), часть ветхих и маловместительных строений снесены и заменены каменными корпусами, также были снесены одноэтажные монашеские кельи и на их месте построена трёхэтажная женская гимназия, открытая в 1912 г. В этом здании в 1916 г. были открыты высшие женские Богословско-педагогические курсы – один из первых в дореволюционной России женский богословский институт. Монастырь к 1917 г. становится крупным центром женского православного образования.

Революционные события прервали историю монастыря.

Советская власть с первых дней своего существования начала борьбу с религией. Судьба монастырей, таким образом, была предрешена...

20 января 1918 г. был принят декрет об отделении Церкви от государства, после чего начинается изъятие капиталов, земель, зданий у монастырей. Скорбященский монастырь, как и многие другие, закрыли в 1918 г. После этого часть монахинь под давлением властей покинула монастырь, оставшиеся образовали пошивочную артель, просуществовавшую до 1929 г. С 1923 г. власти запретили использовать кладбище под захоронения, оно было закрыто.

Установка лидеров большевиков на антирелигиозную борьбу была ярко

выражена в ленинском письме «Членам Политбюро. Строго секретно» от 19 марта 1922 г.: «...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»²¹.

Изъятие церковных ценностей в храмах бывшего Скорбященского монастыря началось 31 марта 1922 г в 10 часов утра, а 2 апреля 1922 г. оно завершилось. Было изъято 19 пудов серебра, около 6 пудов золотых и серебряных изделий.

Закрыть разом все церкви, оставшиеся в монастыре, власти не решились, а остановились на политике постепенного изживания. Мощным орудием в руках властей стала деятельность Комиссии по разгрузке г. Москвы, функционирование которой осуществлялось на основании инструкции Народного Комиссариата Внутренних Дел и Народного Комиссариата Юстиции от 19-го июня 1923 года (С.У. 1923 г.№ 72)²². По итогам осмотра церкви Скорбященского монастыря 13 декабря 1928 г. было принято постановление о целесообразности использования помещения церкви б. Скорбященского монастыря по Новослободской улице для Техникума Промысловой кооперации, которое было передано 15 января 1929 г. на рассмотрение Президиуму Московского Губернского Исполнительного комитета Советов Р. К. и К. Д.²³

По решению Президиума²⁴ церковь б. Скорбященского монастыря закрыли, а предметы культа было решено передать ближайшей группе верующих по описи, на случай жалобы верующих была предусмотрена процедура обжалования решения Президиума во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Данное решение, по мнению властей, являлось обоснованным, т. к. «на расстоянии пяти минут ходьбы от б. Скорбященского монастыря находится функционирующая приходская церковь, т. н. Тихвинская в Тихвинском пер. и т. н. церковь Софии на Сушевском валу, куда может перейти группа верующих без всякого ущерба для себя, в случае закрытия б. монастыря»²⁵.

Со стороны прихожан и монахинь направлялись жалобы в ВЦИК, делались неоднократные попытки отстоять церковь, но они не увенчались успехом²⁶.

Передача здания церкви б. Скорбященского монастыря состоялась 13 марта 1929 г. Реквизированное имущество было передано группе верующих, но уже на других правах: фактически его владельцем становилось государство, перед которым номинальные владельцы несли материальную и уголовную ответственность. Составленный инспектором Адмотдела Моссовета А. Н. Новиковым акт о ликвидации соборной церкви Скорбященского монастыря определил реквизированное имущество церкви передать представителю музейного п/отдела МОНО (Московского Отдела Народного Образования) А. А. Глазунову для передачи в музейный фонд. Изъяты были не только церковные принадлежности, такие как фелонь, епитрахиль, золотой набедренный первой половины XIX в., ризы и др., но и весь церковный иконостас²⁷. Сразу после закрытия собора была начата его перестройка: все убранство интерьера было вывезено, живопись

замазана, снесены главы куполов и колокольня. На такую перестройку строения и переоборудование здания для учебных целей со стороны Техникума Промысловой Кооперации было потрачено 150 тыс. рублей.

В 1929 г. Президиумом Московского Совета Депутатов было принято постановление, по которому планировалось провести снос всех храмов Скорбященского монастыря, кроме соборного²⁸. С целью выполнения данного постановления среди членов общины, большая часть которых была представлена монахинями, меньшая прихожанами, начинаются чистки, в результате которых часть верующих была заключена в Бутырскую тюрьму и расстреляна на Бутовском полигоне в течение последующих лет²⁹, другая отправлена в ссылку в Казахстан или Северный край.

К исполнению постановления Президиума – сносу зданий приступили не сразу.

В 1929–1930 гг. монастырское кладбище было окончательно закрыто, и на основании плана земельного участка бывшего Скорбященского монастыря под № 54 по Новослободской улице, принадлежавшего Красно-Пресненскому районному клубу работников комхозяйства, начали перестройку кладбища, в результате часть территории кладбища стала парковой зоной, могильные плиты скрыты.

В 1930-е был снесён храм Трёх Святителей и Тихвинской иконы Божьей Матери. Территория, на которой располагалось здание церкви Трёх Святителей, до сегодняшнего времени служит местом проведения праздников. Здесь устанавливается новогодняя елка.

Кладбище монастыря вместе с каменной монастырской оградой было окончательно разрушено в 30-х гг., на его территории после зачистки могильных плит, частичного перезахоронения (всего было перезахоронено 5 человек) и асфальтирования дорожек был разбит Детский парк № 1, по Суцевскому валу построены дома жилым строительным товариществом «Жиркость».

В 1970-е годы здание бывшего женского богословского института надстраивается до пятиэтажного, а с севера пристраивается новый корпус. Вскоре здание было передано Отряду охраны № 15 ГУВД.

В 1976 г. храм Всех Скорбящих радости был передан Московскому государственному станкостроительному институту («Станкин»), который первоначально планировал перепрофилировать здание под учебные нужды, а после 1979 г. здание хотели разобрать. Вмешательство общественности, в частности, скульптора Н. В. Томского остановило уничтожение собора. Гибель же церкви Архангела Рафаила была предопределена, храм был снесён в 1978 г.

В 1992 г. после распада СССР начался процесс возврата изъятого властью церковного имущества. В 1995 г. церкви было возвращено только здание трапезной, где временно разместился храм Всемилового Спаса, ранее там располагался спортзал. Территория монастыря и вся его инфраструктура со времени закрытия до начала процесса возврата отнятых у церкви строений, претерпела сильные изменения. К настоящему времени сохранился соборный

храм во имя Всемилоостивого Спаса, лишённый глав и колокольни, с замурованным входом с улицы (новый вход прорублен сбоку), часовня над могилой инокини Рафаилы, один из корпусов келий (трапезная), изменённое до неузнаваемости здание гимназии и фундамент с подвалом разрушенного храма Трёх Святителей. За последние 10 лет была безвозвратно утеряна в ходе строительных работ часть сохранившейся каменной ограды монастыря.

Обильная источниковая база, о которой пойдёт речь ниже, и сохранившиеся строения монастыря, дают нам возможность, анализируя весь материал, обсуждать возможности реконструкции не только отдельных строений, но и всего процесса изменения застройки монастыря более чем за столетний период существования, с целью пространственного анализа, восстановления внешнего и внутреннего облика исчезнувшего памятника культуры и архитектуры, который в настоящее время не совсем утерян и существует возможность его возродить: как виртуально, с использованием технологий трёхмерного моделирования, так и реально – на основании сохранившихся в архивах чертежей строений.

Анализ источниковой базы

Подбор и анализ источниковой базы реконструкции является одним из начальных этапов работы. На этом этапе задача, которую мы ставим перед собой, сводится не только к поиску и анализу изобразительного материала (планов, чертежей, рисунков, фотографий и т. д.), но и к анализу описательной информации, которая позволяет дополнить недостаток изобразительной.

Подчас для исторически достоверной реконструкции той или иной постройки приходится проследивать весь процесс изменения монастырской застройки, анализировать причины, повлиявшие на необходимость продолжения строительных работ, дабы восстановить наиболее точно интерьер строений. В большинстве случаев, при недостатке информации об одной из построек, на момент конкретно взятого временного среза состояния монастыря, облик которого мы собираемся воссоздать, информация заимствуется из более поздних источников, упоминающих о данном строении, после чего при помощи метода «временного вычета», делается вычет всех изменений, произошедших с объектом и материалом, и проводится ретроспекция состояния объекта на реконструируемое время. В качестве временного среза реконструкции мы выбрали 1909 год – год, после которого монастырь начинает активно перестраиваться.

Источников по истории монастыря сохранилось достаточное количество, что позволяет нам говорить о возможности его достоверной реконструкции:

I. Письменные источники (документы переписки княжны и игуменьи с митрополитом, описи строений монастыря 1914 и 1915 гг., акты, указы, донесения).

II. Изобразительные источники (планы усадьбы Голицыных, Скорбященского монастыря, чертежи строений, фотографии монастыря XIX–XX вв.).

Рассмотрим содержание каждой из указанных групп источников по отдельности.

I. Наиболее значимой составной частью источниковой базы виртуальной реконструкции являются письменные источники, позволяющие точно восстановить последовательность изменения застройки усадьбы Голицыных и в последующем монастыря в период с 1855 г. до 1918 г., а также верифицировать изобразительные источники, проверить их на наличие ошибок. В эту группу мы относим:

1. Прошения (княгини П. Н. Голицыной, А. В. Голицыной, игуменьи Евпраксии в Учреждённый Собор Троице-Сергиевой Лавры, на имя митрополита и т.д.);

2. Заявления (А. В. Голицыной в Учреждённый Собор Троице-Сергиевой Лавры);

3. Донесения (игуменьи Евпраксии в Московскую Духовную Консисторию, митрополита Московского и Коломенского Филарета Святейшему Правительствующему Синоду и т. д.);

4. Доклады (Московской Духовной Консистории митрополиту Филарету, Святейшего Правительствующего Синода митрополиту Иннокентию, Московской городской Управы московскому градоначальнику 22 августа 1909 г. и т.д.);

5. Свидетельства (Учреждённого Собора Троице-Сергиевой Лавры о благодарности благотворительницам – княжне А. В. Голицыной и М. А. Куракиной, Московской Городской Управы Строительного Отделения уполномоченному Собора Троице-Сергиевой Лавры Иеромонаху Памве);

6. Акты (Акт епархиального архитектора С. В. Крыгина о готовности храма 11 октября 1890 г.³⁰);

7. Описи и описания строений (опись строений усадьбы Рябининых, опись монастырских строений 1914 г.);

8. Указы (Святейшего Правительствующего Синода, Московской Духовной Консистории заведующей Московским Скорбященским монастырём Евпраксии, митрополиту Филарету);

9. Протоколы (доклада губернатору Московского Губернского Правления по Строительному Отделению 1893 г.);

10. Определения (Московской Городской Управы 10 сентября 1909 г. № 1323);

11. Письма (митрополита Московского и Коломенского Филарета П. Н. Голицыной³¹);

Наиболее содержательными и информативными для решения задачи виртуальной реконструкции монастыря являются такие виды источников как прошения, доклады и описи. Так, *прошения* содержат сведения, характеризующие почти все изменения, произошедшие в усадьбе Голицыных и монастыре. В них затрагиваются вопросы основания, строительства или перестройки тех или иных учреждений в усадьбе и в монастыре: домовая церковь³², приюта для иногородних монахинь и Филаретовской больницы³³, монастыря «Всех скорбящих радости», а также перестройки монастырских строений (например, двухэтажных каменных корпусов, монашеских келий, деревянных хозяйственных построек и т. д.)³⁴.

В прошении содержится не просто констатация факта необходимости

постройки того или иного здания и испрашивается разрешение на его строительство у вышестоящих инстанций, но и приводится описание самих строений, их состояние (хорошее, ветхое, не достаточно освещённое, холодное) и приводятся причины необходимости сноса или перестройки. Здесь же встречается информация и о назначении построек, материале строительства (дерево, кирпич), предполагаемых затратах, обговариваются вопросы поиска материала для строительства. Например, в прошении игуменьи Евпраксии на имя митрополита Московского и Коломенского Владимира 1903 г. помимо прочего затрагивается вопрос о материале, предполагаемых затратах на строительство, приводятся конкретные предложения о возможности использования старого материала на постройку деревянных строений с целью экономии средств: «...а деревянный материал от разобранных флигелей употребить на постройку сторожки на каменном фундаменте, при вратах монастыря по Вадковскому переулку, для молочной и помещения для сестёр, которые несут послушание при скотном дворе»³⁵.

Доклады содержат в себе чуть меньше информации, чем прошения, они менее детальны, официальны. К примеру, доклад, сделанный Учреждённым собором Лавры Московскому и Коломенскому митрополиту Иннокентию 1870 г., содержит в себе сведения о юридических сторонах оформления собственности княжны Голицыной на имя Троице-Сергиевой Лавры, состоянии приюта для иногородних монахинь, оборудовании Филаретовской больницы, численности медперсонала, питании, правилах поведения и т. д.³⁶

Описи (описание строений) подробно освещают состояние монастырской застройки. Данный вид документов прилагался в качестве легенды к планам монастырских владений. Так, к плану владений Скорбященского монастыря 1914 г. в этом же году 15 сентября была составлена опись владений, включающая в себя перечень строений монастыря³⁷.

При обращении ко всему комплексу источников, включая указы Его Императорского Величества Самодержца Российского из Московской Духовной Консистерии³⁸, протоколы докладов Московскому губернатору Московского Губернского Правления по Строительному Отделению³⁹ и др. материалам, у нас появляется возможность восстановить точную картину основания, открытия, освящения монастырских строений и ответить на вопросы, возникающие в процессе построения любой виртуальной исторической реконструкции: что построено, когда, из какого материала, узнать место расположения строения, сопоставить полученную из описательных источников информацию с комплексом изобразительных (в данном случае – планом), найти подтверждения или «нестыковки», для того чтобы в итоге получить целостный образ объекта, который собираемся реконструировать.

II. Комплекс *изобразительных* источников по значимости не уступает источникам письменным, при этом изобразительные источники содержат информацию, о которой нет упоминаний в материалах письменных. Письменные источники практически не дают точной пространственной информации; обычно в документах, посвящённых перестройке монастырских строений, отмечается, на

месте каких зданий будет построено то или иное строение или даётся размытая ориентация места нахождения постройки (например, о месте расположения деревянной сторожки на каменном фундаменте отмечено лишь следующее: «<...> при воротах монастыря по Вадковскому переулку»)»⁴⁰.

Комплекс изобразительных источников состоит из следующих групп:

1. Планы

а) Планы Москвы (общие),

б) Специализированные планы реконструкции монастыря.

2. Чертежи.

3. Фотографии (XIX–XXI вв.).

Итак, обратимся к первой группе изобразительных источников (*планы*).

Рис. 1. Новое Сущево из Атласа столичного города Москвы А. Хотеева 1852–1853 гг.

а) Самым ранним планом, который может быть привлечён в качестве исторического источника для виртуальной реконструкции Скорбященского монастыря, является «Атлас столичного города Москвы», составленный по указанию обер-полицмейстера Лужина топографом Алексеем Хотевым в 1852–1853 гг. Атлас подробно отражает состояние застройки г. Москвы в середине XIX века, в частности усадьбу Голицыных. «Атлас столичного города Москвы» был издан с утверждения военного генерал-губернатора графа А. А. Закревского.

Это наиболее подробный из дошедших с тех времен планов, с тщательно отмеченными на нём каменными и деревянными строениями, церквями, водоемами и парками. Атлас состоит из 63 листов, расположенных по 17

«полицейским частям» города. Масштаб карт составил 1:3360 (в одном дюйме 40 сажен), что позволило создателю плана показать мельчайшие объекты. В частности, анализируя план, мы можем проследить на нём состояние усадьбы князей Голицыных, расположенной у Бутырской заставы. На плане усадьбы отмечены не только каменные и деревянные постройки, но даже парковые дорожки усадьбы, которые сохранились до нашего времени.

На момент составления «Атласа столичного города Москвы» усадьба Голицыных находилась в состоянии перестройки, которая проводилась князем Владимиром Голицыным. Позднейшие планы, такие как «план г. Москвы А. Суворина» 1862 г., план «окрестностей Москвы 1880 г.», «Нивелирный план города Москвы 1888 года», «План Москвы с пригородами 1904 г.», «План Москвы с пригородами от товарищества Суворина 1912 г.», отображают усадьбу Голицына менее точно, чем «Атлас столичного города Москвы» А. Хотеева. Усадьба Голицыных нанесена в общих чертах: показан сам квартал с двумя строениями – Монастырский главный храм во имя Спаса Нерукотворного (на планах значится как «Ц. Скорб. Б. М.») и храм Св. архангела Рафаила (на планах, начиная с плана 1904 г., значится как «Скорбященск. жен. мон.»).

В планах Москвы, составленных после революции, начиная с плана города, приведённого в справочнике «Вся Москва в кармане» 1924 г., в квартале, на территории расположения монастырского комплекса, не отображено ни одного здания из принадлежавших монастырю. Лишь позднее в справочнике «Вся Москва 1930 года» квартал будет отмечен в качестве парковой зоны, а на «Довоенном плане Москвы 1940 г.» на месте расположения монастырского комплекса отмечен детпарк (Детский парк №1).

Не менее важным источником для реконструкции территории монастыря становятся и современные *спутниковые карты*, такие как карты Google Map. Взятая нами спутниковая карта в границах улиц Новослободской, Вадковского переулка, Тихвинской, Сушевского вала будет использована как основная карта для реконструкции территории монастыря, наряду со «специализированными планами» реконструкции монастыря. Речь о методике использования спутниковой карты для задачи пространственной реконструкции территории будет ниже.

б) Наиболее полными и достоверно отображающими постройки исследуемой территории считаются *«специализированные планы» реконструкции монастыря*. Эти планы подчас фиксируют состояние застройки не на конкретный временной период, а скорее на перспективу, выступают в качестве планов реконструкции. Поэтому в ходе изучения данных планов большое значение приобретает работа с описательными источниками с целью проверки существования постройки, обозначенной на плане.

Подчас в ходе их анализа заметно, что далеко не все они выполнены в соответствующем масштабе, многие постройки монастыря обозначены схематично, как например, на плане владений Скорбященского монастыря 1890 г. (хотя при этом, как ни странно, обозначена метрика в саженях, дающая привязку к масштабу, но при подробном сопоставлении планов выявляются отдельные разночтения).

В ходе перестройки монастыря планы неоднократно перерабатывались и

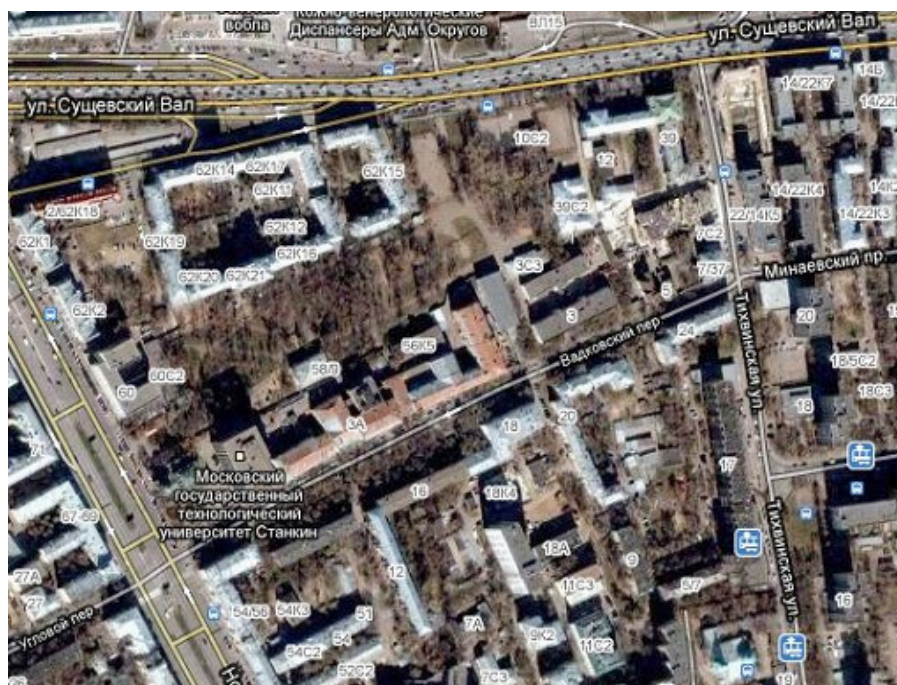

Рис. 2. Спутниковая карта Google Мар в границах улиц Новослободской, Вадковского переулка, Тихвинской, Суцеского вала

дополнялись. Так произошло с первым планом 1890 г., к которому в этом же году был составлен дополнительный под названием «План владению части монастыря «Всех Скорбящих Радости», с обозначенным храмом Всемилоостивого Спаса и близлежащими строениями. 10 июля 1893 года был составлен новый план монастыря, автором которого являлся архитектор И. Владимиров. Хотя храм уже начал возводиться, было решено заново перепланировать расположение каменной ограды и близлежащих деревянных построек, построить два двухэтажных каменных жилых корпуса. Уже к 24 сентября план монастыря опять был заново переделан – в связи со смертью основательницы храма купчихи А. А. Смирновой (тайной монахини Рафаилы). На плане появился надгробный памятник, храм Архангела Рафаила с трапезной в подвальном помещении, монашескими кельями и каменной сторожкой.

К сожалению, не все постройки, которые относятся к выбранному нами временному срезу реконструкции, были обозначены на перечисленных планах; многие строения обозначены схематично (как, например, дом священнослужителя на плане монастыря 1890 г.), другие просто не обозначены.

В ходе подбора источниковой базы для реконструкции временного среза

застройки монастыря мы столкнулись с полным отсутствием планов за 1894–1908 гг. В итоге расположение монастырских строений, возникших в это время: двухэтажного каменного дома на кладбище, церкви во имя Трёх Святителей, Тихвинского храма, здания трапезной и других хозяйственных построек приходится восстанавливать на основании анализа позднейших планов монастыря: 1912 г., части владения Скорбященского монастыря 1912 г. и 1914 г.

В ходе анализа планов следует учитывать отдельные ошибки, которые могут встретиться в источниках данного вида. План владений Скорбященского монастыря 1912 г. и дополнения к нему части владения Скорбященского монастыря 1912 г. являются неполными и приводят только половину построек монастыря вдоль Вадковского переулка и Новослободской улицы. Поэтому для пространственной реконструкции всех строений нам приходится оперировать планом 1914 г. Его особенностью является то, что, хотя он отображает всю территорию Скорбященского монастыря, но является тоже неполным, о чём свидетельствуют описательные источники.

В ходе анализа видно, что автор, составлявший план, был не слишком грамотен. Сразу бросается в глаза двойная нумерация построек: римскими и арабскими цифрами. Вначале нумерация идёт римскими цифрами и доходит в легенде плана до номера «XIV», после чего продолжается арабскими цифрами с 20 до 29. Из них на плане из числа выпавшего интервала цифр легенды с XV до XIX встречаются постройки, отмеченные римскими цифрами XVIII и XIX, в легенде плана их нет. Причины различной нумерации построек римскими и арабскими цифрами, пропуск изображения строений на плане, могут быть различными, но наиболее вероятной и правдоподобной из них является скорее недостаточное внимание и грамотность составителя плана Скорбященского монастыря. Часть построек, отображённых на плане, остаются пронумерованными, в ходе анализа описательной информации и сопоставления данного плана с ранним (полным) планом монастыря 1890 г. выясняется, что на плане не отмечены две постройки, существовавшие на территории монастыря Всех скорбящих радости на момент 1909 г.: Тихвинская церковь, расположенная на кладбище, и деревянная хозяйственная постройка.

Поэтому в итоге реконструкции временного среза нам приходится собирать картину монастыря из разных фрагментов планов и дополнений к ним, постоянно обращаясь к описательной информации. В ходе проведения источниковедческого анализа планов, нам удалось восстановить картину застройки Скорбященского монастыря на 1909 г.

Чертежи как изобразительный источник играют значительную роль в источниковой базе виртуальной реконструкции. Если план как источник позволяет нам определить пространственную ориентацию объекта, то чертёж отображает строение визуально в различных ракурсах, масштаб строения чертежа более точен, чем данные плана.

Среди чертежей монастырских строений большая часть находится в архивах ЦГИА Москвы. Ф.54. Оп. 181, ЦИАМ. Ф.54. Оп. 147. и др. По монастырским

строениям сохранились: чертежи храма Всех Скорбящих Радости с колокольней,

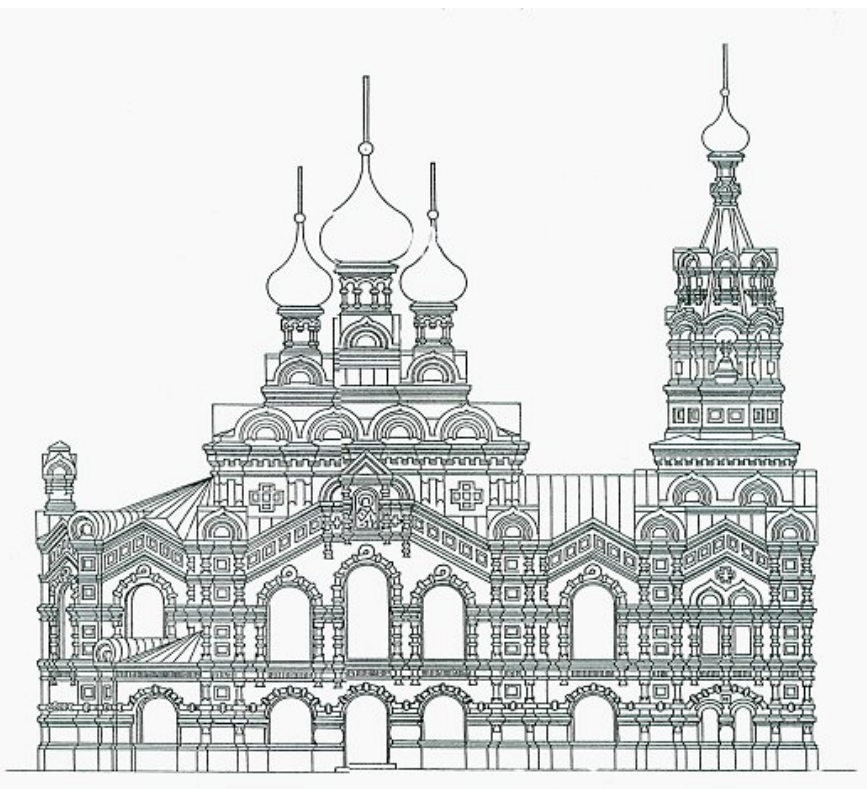

Рис.3. Храм Всемилоостивого Спаса с колокольней. Вид с севера

монашеских келий, храмов Архангела Рафаила, Трёх Святителей, Тихвинского, деревянного дома священнослужителя, двухэтажного каменного корпуса.

К сожалению, отсутствует информация по части деревянных хозяйственных построек и зданию трапезной. Составлять чертежи по хозяйственным постройкам, таким как деревянный сарай, коровник не было смысла, они были типовыми. Так, если проследивать эволюцию данных строений с XVIII до начала XX в., можно отметить, что строения не сильно подверглись изменению: постройки по-прежнему строились деревянными клетями, крыши крыли когда соломой, когда дранкой. Иное дело – со зданием трапезной. К сожалению, чертёжей по данному строению сохранилось немного, в основном это чертежи комнат трапезной до перестройки и после, возникшие в связи с внутренней перепланировкой здания в советское время под нужды новых владельцев. Здание трапезной сохранилось до наших дней. В ходе реставрационных работ, которые в настоящее время

проводятся в здании, по результатам обмеров был создан чертёж до реставрации и после нее, который мы также можем привлечь к источниковой базе реконструкции.

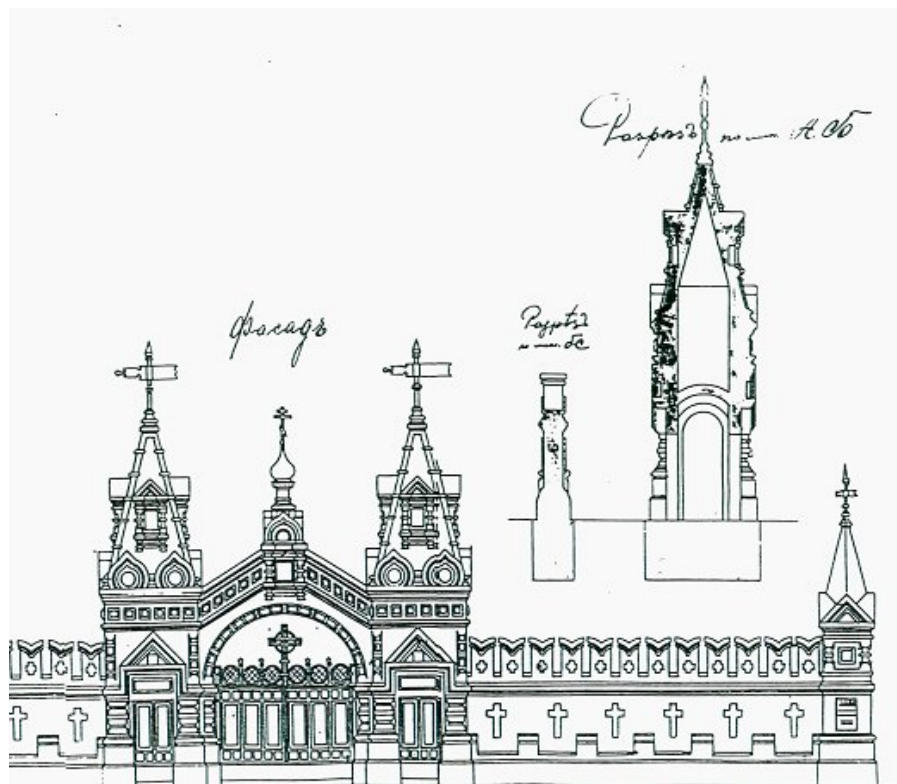

Рис. 4. Ограда монастыря по плану 10 июля 1893 г арх. И. Владимирова

Источниковая база по *фотографиям* Скорбященского монастыря на данный момент небольшая. Имеющиеся фотографии условно можно подразделить на следующие группы:

- а) Фотографии улиц – 25 дореволюционных и послереволюционных (улицы Новослободская, Долгоруковская, Тихвинская, Лесная и др.).
- б) Храмов – 10 дореволюционных (храма Всемилоостивого Спаса и архангела Рафаила) и более 100 фотографий храма Всемилоостивого Спаса (современных).
- в) Интерьера – 4 (храма Всемилоостивого Спаса и архангела Рафаила и актового зала училища).
- г) Училищного корпуса – 1 (со стороны улицы Новослободской).
- д) Каменно-деревянного монастырского дома с кухней (бывший дом А. В. Голицыной) – 1.
- е) Кладбища монастыря – 23 (могильных плит и надгробных памятников).
- ж) Здания трапезной – 100 фотографий до реставрации и в процессе

реставрации.

з) Строений, возникших после сноса или перестройки монастыря – 4.

Особенностью данного вида источников является реалистичность, фиксирующая вид объекта в конкретный момент, окружающую среду, состояние постройки, её составных частей и материала.

Если большинство сохранившихся источников иллюстративной информации, (планы, чертежи) только дополняются фотографиями строений монастыря и имеющаяся информация лишь конкретизируется, то фотографии монастырского кладбища и отдельных могильных плит во многом являются уникальным источником. Планы, чертежи, описания не оставили упоминаний о расположении могильных плит и надгробных памятников; обращение к фотоматериалам позволяет нам с достаточной точностью провести их виртуальную реконструкцию.

Виртуальная реконструкция монастырского комплекса

Сначала следует познакомиться с компьютерными программы, которые позволят нам решить поставленные задачи. Условно можно выделить три группы программ, которые мы будем использовать для виртуальной реконструкции монастырского комплекса:

2d редакторы (графические редакторы),

3d редакторы (трёхмерные),

3d движки (3d Engines).

1) *2d редакторы (графические редакторы)* – программы (или пакеты программ), позволяющие создавать и редактировать двумерные изображения с помощью компьютера⁴¹. Данные программы были выбраны нами для осуществления следующих задач: создание и редактирование планов, чертежей, текстур (материалов) для трёхмерных моделей. В качестве наиболее распространённых программ используемых для задач виртуальной реконструкции выделяют: Adobe Photoshop, Corel Draw, GNU Image Manipulation Program и др.

2) *3d редакторы*. Существует большое количество программ, которые применяются для визуализации, построения трёхмерных моделей и их обработки. Основными являются: Autodesk 3ds Max, Autodesk Maya, ArchiCAD, Milk Shape, Nevercenter Silo, ZBrush и т.д. Трёхмерные редакторы позволяют визуализировать реконструируемый объект объемно. При этом представить полученные результаты широкому кругу пользователей можно только посредством отдельных снятых картинок реконструкции (скриншотов) или видеофрагментов; самостоятельно дать возможность осмотреть реконструируемый объект в интерактивном режиме⁴² разработчик не может.

3) *3d движки* (англ. 3d Engines) – компьютерные программы, создающие имитацию реальности окружающего пространства, в которое помещаются созданные в трёхмерных редакторах объекты (модели), наделённые сущностными свойствами отдельно для одушевлённых и неодушевлённых объектов. Из свойств, присваиваемых виртуальным моделям, можно выделить следующие категории:

длина, ширина, высота, вес, скорость (для одушевлённых объектов – анимация), прочность и др.

Наиболее распространёнными трёхмерными движками, применяемыми научными центрами для разработки виртуальных исторических реконструкций, являются программы: Virtual Tools, Quest 3D, Nebula Device, Torque Game Engine, 3D Game Studio и др. Данные программы позволяют представить реконструкцию в виртуальной реальности, по которой пользователь может свободно перемещаться, с целью её осмотра, посредством встроенной информационной системы (виртуальной системы обучения), осуществлять доступ к описательной, изобразительной и видео информации, интегрированной в виртуальное пространство. Часть трёхмерных движков имеет возможность интеграции проекта в Интернет, что даёт пользователю возможность просмотреть виртуальную реконструкцию в окне веб-браузера (Explorer, Mozilla, Opera), запустив виртуальную среду и не устанавливая программу на компьютер.

Процесс реконструкции временного среза построек монастыря на 1909 г. первоначально осуществлялся нами в двухмерной проекции в программе Adobe Photoshop. Целью данного этапа работы являлось создание плана монастыря 1909 г. на основе архивных данных; этот план будет использоваться для реконструкции трёхмерной модели ландшафта вместе с растительным покровом и размещения моделей построек монастыря.

Для выполнения поставленной задачи вначале мы составили перечень строений монастыря. В ходе реконструкции временного среза основными источниками для нас выступили планы 1852–1853, 1890, 1893, 1912 и 1914 гг., а также опись монастырских строений 1914 г., из которой на основании дошедшего до нас материала о перестройке монастыря мы делали отдельные вычеты на 1909 г. Наличие описи строений монастыря 1914 г. в источниковой базе позволило нам нивелировать все неточности сведений в планах (путаницу автора плана в нумерации и идентификации зданий, пропуск отдельных мелких строений на плане, расположенных на территории монастырского кладбища) и восстановить перечень строений монастыря. Воспользовавшись данными описи и проанализировав процесс реконструкции монастырского комплекса, мы сделали отдельные вычеты и составили перечень построек Скорбященского монастыря на 1909 г., состоящий из 33 позиций.

Для построения виртуальной реконструкции монастыря обязательной составляющей является наличие топографической или спутниковой карты, позволяющей исследователю изначально задать правильный масштаб виртуальной реконструкции. В ходе работы с топографической или спутниковой картой проводится нанесение всех строений, расположенных на момент временного среза реконструкции на территории монастыря. На основании построенного плана в последующем будет задан масштаб реконструируемого нами пространства в виртуальной реальности. План будет выступать в роли основного образующего элемента. На его основании мы проведем построение трёхмерной модели

ландшафта, на котором будут размещаться трёхмерные модели монастырских построек.

Для построения плана временного среза реконструкции нами была взята спутниковая карта Google Map в границах улиц: Новослободской, Вадковского переулка, Тихвинской, Сушевского вала, на нее мы проецировали строения Скорбященского монастыря, существовавшие (по архивным источникам) в 1909 г.

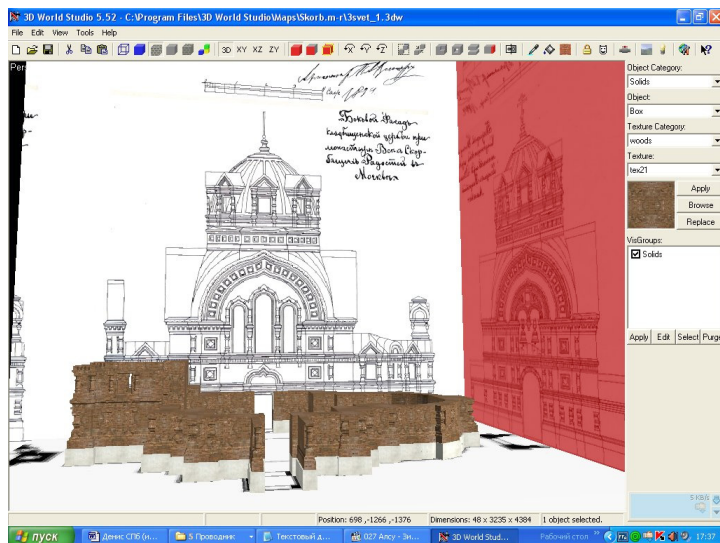

Рис. 8. Реконструкция храма в трёхмерном редакторе 3D World Studio

В ходе анализа археологических данных⁴³, данных описи, планов в программе Adobe Photoshop производилось нанесение строений на спутниковую карту Google Map. Первоначально со спутниковой картой были сопоставлены и приведены в единый масштаб планы 1852–1853, 1890, 1893, 1912 и 1914 гг., после чего, исходя из указаний источников (например, места размещения, формы, размера), производилось построение и размещение контуров зданий. Имея данные чертежей построек, информацию о площади, указанную в описи, и данные планов (пространственную информацию расположения) нанести конкретную постройку в правильном масштабе не составляло труда. К сожалению, такая подробная информация сохранилась не по всем строениям.

В результате процесса реконструкции застройки монастыря на 1909 г. нами был составлен совмещенный с современными реалиями план. Следующим этапом работы будет перенесение данного плана в виртуальную реальность, построение на его основе ландшафта вместе с растительным покровом, который частично сохранился на территории, благодаря тому, что после прекращения существования монастыря, территория имела статус городского парка (городской детский парк №1). В качестве первых объектов для виртуальной реконструкции будут выступать монастырские строения, по которым сохранились чертежи.

Результаты реконструкции будут представлены в сети Интернет, возможности программы позволяют сделать проект доступным в интерактивном режиме, так что сам процесс реконструкции монастыря можно будет наблюдать через Интернет.

- ¹ *Сперанский И.* Историческое описание Московскаго женскаго общежительнаго «Всех скорбящих Радости» монастыря. М., 1915, С. 12.
- ² Там же.
- ³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 436. Д. 5. Л. 1, 1–об.
- ⁴ Там же. Л. 16, 16–об, 17.
- ⁵ Там же. Л. 18.
- ⁶ *Сперанский И.* Историческое описание... С. 17.
- ⁷ *Простов В. А.* Долг нашей памяти // Церковный вестник № 13–14 (410–411), С. 13.
- ⁸ РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д. 9814. Л. 1, 1 об., 2, 2–об.
- ⁹ Там же. Л. 64, 64–об.
- ¹⁰ Там же. Д. 9815. Л. 12
- ¹¹ Там же. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 9815, Л. 83, 83–об.
- ¹² Там же. Л. 24.; ЦГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д. 12256, Л. 1, 1–об.
- ¹³ *Сперанский И.* Историческое описание... С. 20–21.
- ¹⁴ Там же. С. 21.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 9815. Л. 12.
- ¹⁶ *Сперанский И.* Историческое описание... С. 22–23.
- ¹⁷ Там же. С. 30.
- ¹⁸ Там же. С. 39.
- ¹⁹ *Паламарчук П.* Сорок сороков. Кремль и монастыри. Т. 1. М: ОАО «КНИГА И БИЗНЕС», 1992, С. 358.
- ²⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 408. Д. 5. Л. 1–9.
- ²¹ Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997, С. 143.
- ²² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 8053. Л. 178, 179.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Оп.19. Д. 366. Л. 203.
- ²⁶ ЦГАОРСС. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 91. Л. 226.
- ²⁷ Там же. Л. 228, 228 об.
- ²⁸ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 220. Л. 27, 28
- ²⁹ База данных «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета // www.pstbi.ru
- ³⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 386. Д. 1. Л. 14
- ³¹ Там же. Оп. 436. Д. 5. Л. 18.
- ³² Там же. Ф. 203. Оп. 436. Д. 5. Л. 1, 1–об., 5.

³³ ЦГАДА. Ф.1204. Оп. 1. Д. 9815. Л. 1–2–об.

³⁴ ЦГИАМ. Ф. 203. Оп. 407. Д. 5. Л.1–2.

³⁵ Там же. Оп. 408. Д. 5. Л. 1, 1–об.

³⁶ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 9815. Л. 12–19.

³⁷ К сожалению, при сопоставлении описи владений и плана монастыря 1914 г. числовая нумерация строений, отмеченных в описи, и нумерация монастырских построек не совпадает.

³⁸ ЦГИАМ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 270. Л. 106, 106–об., Л. 140; ЦГИАМ. Ф. 203. Оп. 436. Д. 5. Л. 16–17.

³⁹ ЦГИАМ. Ф. 54. Оп. 181. Д. 1421. Л. 255, 255–об.

⁴⁰ Там же. Ф. 203. Оп. 408. Д. 5. Л. 1.

⁴¹ Графический редактор / <http://ru.wikipedia.org/wiki/> Графические редакторы.

⁴² Интерактивность в виртуальном пространстве – это система доступа к информации, подразумевающая возможность пользователя перемещаться и реагировать на события в 3-х мерной среде, получая их по схеме «запрос-ответ», что иначе можно назвать языком общения пользователя и виртуальной обучающей системы. В данном случае, говоря о системе интерактивности в виртуальном пространстве, мы подразумеваем факт перемещения в виртуальном мире и способ доступа и получения информации посредством окон, панелей в трёхмерном пространстве.

⁴³ Часть строений монастыря сохранились: храм Всемилоственного Спаса, часовня над могилой инокини Рафаилы (А. А. Смирновой), здание трапезной, другие дошли в изменённом состоянии (здание Богословского женского института). По иным сохранились фрагменты фундамента, которое позволяет определить место нахождения объекта и нанести его на карту (храм Трёх Святителей и частично монастырскую ограду).

К. Б. Назаренко

Санкт-Петербургский государственный университет

**Морское ведомство России в 1905–1921 гг.:
некоторые итоги изучения**

Русское морское ведомство подошло к 1905 г. как сложившийся и развитой административный аппарат, занимавший свое место в ряду других государственных учреждений. Предыдущие столетия он был особенно тесно связан с правящей династией благодаря тому, что во главе флота стояли великие князья – генерал-адмиралы. Поражения русско-японской войны нанесли колоссальный удар по престижу морского ведомства. Восстания на флоте во время Первой российской революции поставили вопрос о лояльности личного состава. Морское ведомство вступило в новую эпоху своего существования. Необходимо признать, что по сравнению со структурами управления других великих морских держав, отечественное морское ведомство не являлось особенно отсталым¹.

Морское офицерство России давно уже являлось сложившейся корпорацией. Его материальное положение было вполне достойным. Оклады офицеров флота превышали оклады гражданских чиновников, не говоря уже о рабочих или лицах таких «интеллигентных профессий» как учителя или почтово-телеграфные служащие, и позволяли офицеру поддерживать образ жизни, принятый в «обществе». Морское офицерство, сохранившее во время мировой войны свой кадровый состав, предпочитало не замечать пропасти, которая постепенно отделяла кают-компанию от кубриков. Кадровые офицеры не привыкли задумываться над социально-политическими вопросами и совершенно растерялись перед взрывом беспричинной, как им казалось, ярости матросов во время Февральской революции. Воздействие на общественное мнение убийств офицеров матросами в 1917 г. было особенно велико, ведь число павших от рук своих подчиненных было вполне сопоставимо с количеством офицеров, погибших в боях 1914–1917 гг. Позднее кровотокающая память об этих событиях поддерживалась офицерами-эмигрантами, которые создали крепкие и дееспособные организации за границей. Эти расправы стали символом того зла, которое несла, в их представлении, революция, а руководство ими задним числом

уверенно приписывали большевикам. Благодаря большому количеству мемуаров, оставленных моряками-эмигрантами и сравнительно небольшому количеству воспоминаний, принадлежащих перу бывших офицеров, служивших в РККФ, складывается впечатление о почти поголовном отказе старого командного состава флота служить большевикам. В действительности же офицеры флота в большом числе «силою вещей» поступали на советскую военную службу. В рядах Красного флота к марту 1921 г. служили как минимум 50% адмиралов и генералов морского ведомства, свыше $\frac{2}{3}$ строевых штаб-офицеров, более 70% строевых обер-офицеров, более 85% инженер-механиков². Большинство их занимали должности в штабах и бездействующих соединениях. Потери морского офицества за годы Гражданской войны могут составлять максимум несколько сот человек «по обе стороны баррикады». Даже если предположить, что средний профессиональный уровень командного состава РККФ за годы Гражданской войны несколько понизился, прежде всего, за счет выдвижения в его ряды бывших матросов, то этот недостаток вполне компенсировался увеличением удельного веса командного состава в Красном флоте по сравнению с дореволюционным. Значительная часть таких офицеров, все же в конечном итоге оказалась в эмиграции, но не была склонна афишировать советский эпизод своей биографии. После окончания Гражданской войны командный состав мирного времени был сформирован почти исключительно из бывших офицеров.

Говоря о положении матросов предреволюционного русского флота, следует отметить, что денежные оклады матросов-специалистов, а тем более унтер-офицеров и старшин были вполне сопоставимы с зарплатой квалифицированных рабочих, значительно превышая оклады нижних чинов сухопутной армии. На обмундирование и питание матросов также отпускалось больше средств, чем на обмундирование и питание солдат. В общем, материальное положение рядовых моряков в вооруженных силах было привилегированным³.

Причины революционности матросов были сложными и неоднозначными. Разумеется, «фундаментом» их бунтарских настроений явились социально-экономические и политические интересы социальных групп, выходцами из которых были моряки (рабочих и крестьян). Вместе с тем, на настроениях моряков с большой силой сказались еще несколько факторов. Главным было недовольство условиями службы, причем не материальной стороной дела, а моральными унижениями. Культурный уровень матросов после отмены крепостного права значительно вырос, и те порядки, с которыми мирились рядовые моряки эпохи Крымской войны, стали до глубины души возмущать их внуков. Воспитательные меры, действенные в предшествующую эпоху, уже не достигали цели. Усталость от многолетней однообразной службы на крупных кораблях во время Первой мировой войны сказывалась на эмоциональном состоянии моряков. Невозможность выделиться, совершить подвиг, повысить свой социальный статус на бездействующем флоте была очевидной и гнетущей. Устаревшая дисциплинарная практика и организация корабельной службы дореволюционного русского флота только усугубляла ситуацию. Для большинства не слишком

политически развитых матросов важен был протест против любой существующей власти. В условиях 1917 г. большевики, левые эсеры и анархисты, конечно, имели больше шансов использовать эти настроения, чем другие политические силы. Особенно привлекательными были не столько антивоенные лозунги большевиков, сколько идея борьбы со всяческими привилегиями, такими как офицерские погоны, кают-компании, дополнительные выплаты сверхсрочным служащим и т. д.

Весной-летом 1917 г. происходит быстрый рост демократических, выборных органов на флотах. Комитеты и съезды организовывали не только матросы, но и инженеры Морской строительной части, и канцелярские служащие. Матросы, подражая рабочим, ставили в это время вопрос об улучшении их денежного довольствия, хотя по сравнению с положением солдат сухопутной армии, материальное положение моряков было значительно лучше.

После победоносной революции, наиболее убежденные сторонники большевиков первыми покидали корабли, чтобы поддержать новую власть на местах. Теперь сравнительная легкость нелегальной агитации на кораблях оборачивалась против большевиков, а усталость от военной службы и нежелание значительной части матросов принимать участие в Гражданской войне провоцировали политический протест. Эти обстоятельства привели к антибольшевистским выступлениям на Балтике в 1918 и 1921 гг. Во время Кронштадтского восстания, оказалось, что даже большой процент коммунистов в экипажах кораблей не являлся гарантией от антибольшевистского мятежа⁴.

Стечение целого ряда обстоятельств поставило матросов Балтийского флота «на острие главного удара» революции. Не случайно в массовом сознании Октябрьская революция ассоциируется с образом матроса в бушлате, перепосанного пулеметными лентами⁵. Вооруженная сила стала настолько важна и самостоятельна в своем политическом выборе в революционную эпоху, что должна попасть под пристальное и недоверчивое внимание гражданских властей. Гибель А. М. Щастного показала, что вооруженные силы должны либо полностью подчиниться высшей власти, став при этом объектом политических чисток, либо сами брать власть и возносить на высшие государственные посты своих ставленников.

Советской власти предстояло определиться в отношении к офицерам. Казалось бы, предстояла кардинальная смена личного состава центральных учреждений, полная их ломка и создание на их месте чего-то принципиально нового. Однако советские руководители повели себя очень конструктивно. Начинаются переговоры с адмиралом Д. Н. Вердеревским о принятии им управления Морским министерством. Только после его отказа фактическим наркомом по морским делам становится П. Е. Дыбенко, но управляющим министерством все равно назначается адмирал М. В. Иванов. Надо отметить, что мало кто из руководства морского ведомства принял участие в первых попытках пассивного сопротивления советской власти (в саботаже чиновников), а морские учебные заведения не были замешаны в юнкерском мятеже 27–29 октября 1917 г. Факты свидетельствуют, что сложилось своеобразное перемирие между революционными матросами

и руководством ведомства, когда самой острой формой протеста против новой власти становился уход в отставку.

Ранней весной 1918 г. определилось отношение высшего руководства Советской России к «старым специалистам», в нашем случае – к офицерам флота. Был взят курс на привлечение их на службу Республике Советов. От них требовали беспрекословной лояльности, а не публичных покаяний. Количественные данные показывают, что большинство кадровых офицеров старого флота пошло во время Гражданской войны на службу в РККФ, при этом руководствуясь как патриотическими идеями, так и материальной заинтересованностью. Впрочем, в «верхах» мало кто сомневался в необходимости поставить «специалистов» в приемлемые материальные и моральные условия. Уже в декабре 1917 г. начинается пересмотр окладов содержания командного состава флота в сторону увеличения. Важно отметить, что советское правительство, вводя новые оклады денежного содержания в начале 1918 г., постаралось не ущемить флотских офицеров. Материальное положение подавляющего большинства из них не ухудшилось, а, по сравнению с началом осени 1917 г., улучшилось. Во время Гражданской войны материальное положение моряков, как офицеров, так и матросов, конечно, ухудшалось, но этот процесс шел параллельно с усилением хозяйственной разрухи и военных тягот для всего населения Советской России. Больше всего по бывшим офицерам било лишение привычного бытового обслуживания на кораблях, сопровождавшееся насмешками матросов по поводу неумения «господ» обслуживать себя. Постепенно командному составу РККФ были возвращены традиционные привилегии (освобождение от физических работ, особое питание, пользование кают-компанией) и, наконец, в декабре 1921 г., знаки различия⁶. Этот процесс подталкивался самими бывшими офицерами, которые решительно ставили перед командованием флота и политическим руководством страны вопрос о восстановлении авторитета командного состава⁷.

Сами «старые специалисты» в большинстве своем стремились уклониться от активного участия в Гражданской войне. Они предпочитали осесть в штабах или на невоюющем Балтийском флоте, не рвались на речные флотилии. Рабочие и крестьяне в черных бушлатах и бескозырках с глубоким подозрением, а иногда и с ненавистью смотрели на специалистов, на синих кителях которых были слишком ясно видны следы от споротых погон. В этом чувстве слилась и память о прежних обидах, и разочарование от сознания того, что снова на командных и штабных должностях «сидят» вчерашние господа. Недоброжелательная атмосфера, а иногда и травля бывших офицеров в РККФ в годы Гражданской войны шла не сверху, а снизу. В то же время официально созданный институт политического контроля над командным составом – комиссары, не были поставлены в исключительное положение. Уровень их материального обеспечения и фактические полномочия были довольно скромными, а если вспыхивали конфликты между комиссаром и начальником учреждения, высшее руководство флота зачастую становилось на сторону начальника, а не комиссара. Новый удар по «красным командирам» нанесла демобилизация флота по окончании Гражданской войны. Документы

показывают, что в ходе ее были уволены в запас или ушли сами практически все выдвинувшиеся на командные посты из матросов. Постепенное вытеснение бывших офицеров с командирских мостиков и из штабов началось позднее, с середины 20-х гг., когда подросли выпускники военно-учебных заведений Красного Флота⁸.

С точки зрения внутренней логики реорганизация морского ведомства в 1905–1921 гг. распадается на ряд периодов. Первый период приходится на 1905–1916 гг. Его можно разделить на три этапа⁹. Первый этап приходится на 1905–1906 гг., когда под влиянием Первой российской революции происходят важные изменения структуры центрального военно-морского управления: создание Морского Генерального штаба, восстановление поста морского министра и появление должности товарища морского министра. 1905–1906 гг. были периодом разработки принципиальной схемы организации морского ведомства в целом и его составных частей.

В этот период в морском ведомстве трудилась комиссия под председательством К. К. Ратника, изучался иностранный опыт. В 1905–1908 гг. были осуществлены первые, весьма скромные, преобразования структуры морского управления: введен пост товарища морского министра, выделен из ГМШ Морской Генеральный штаб и учреждена Канцелярия морского министра. В конце первого периода, в январе–феврале 1908 г. на совещании высших руководителей министерства план реорганизации, предлагавшийся морским министром И. М. Диковым, был принят. В записках и проектах, созданных за эти три года были сформулированы те идеи, которые отвергались, видоизменялись и проводились в жизнь позднее.

В рамках этого периода делается попытка создать орган координации деятельности военного и морского ведомств – появляется Совет государственной обороны (8 июня 1905 г.)¹⁰. Подавляющее большинство его членов представляли сухопутную армию. Фактически СГО так и не превратился в эффективный орган координации деятельности военного и морского ведомств и прекратил свою деятельность в июле 1908 г.¹¹ В результате, взаимоотношения морского и сухопутного ведомств вернулись к тому положению, в котором они были до войны с Японией.

В эти годы было выдвинуто несколько проектов реорганизации русского Морского министерства по немецкому образцу, авторами которых были А. Ф. Гейден, Л. А. Брусилов и И. М. Диков. Сопrotивление плану разделить управление морским ведомством на три независимые части стоило А. А. Бирилеву поста министра, так как сам император в определенной степени разделял взгляды, изложенные в проекте А. Ф. Гейдена.

Второй этап приходится на 1908–1909 гг. В это время были сделаны первые попытки воссоздания флота, определена принципиальная схема реорганизации, намечен план других преобразований, как-то – реформа Морского корпуса, создание школ юнг, формирование частей морской пехоты, учреждение института палубных офицеров. К концу лета 1908 г. были готовы «Положение об управлении Морским министерством» и «Наказы» его подразделениям. Однако неожиданная

отставка И. М. Дикова вызвала остановку в проведении разработанных проектов в жизнь. Вероятно, если бы он остался на своем посту, морское ведомство было бы реорганизовано уже в начале 1909 г. Сам министр, несмотря на преклонный возраст, был достаточно деятелен. С приходом нового морского министра – С. А. Воеводского разработка проектов началась заново. Вопросы организации ведомства продолжали обсуждаться десятками комиссиями и совещаниями, в десятках записок, докладов и проектов. В этот период вновь был поднят вопрос о воссоздании морской пехоты и начало работу особое совещание, посвященное данной проблеме. Наконец, ставится и такой второстепенный вопрос, как введение мелочной регламентации делопроизводства, причем опять обращаются к немецкому опыту. Понадобилось назначение комиссии Государственного совета, чтобы поставить на повестку дня вопрос о реальном реформировании ведомства.

Третий этап приходится на 1910–1916 гг. Он, в свою очередь, распадается на две стадии. В первой из них, в 1910–1911 гг. наконец-то было окончательно определено место морского и военного ведомств в системе государственного управления, произошла реорганизация структуры самого Морского министерства. Были отвергнуты проекты разделения министерства на три автономные части и предложения усложнить структуру центрального аппарата за счет создания новых отделов и раздробления их функций. Надежды МГШ занять руководящее положение в министерстве не оправдались. За основу были взяты существовавшие «Положение» и «Наказ», разработанные в предшествующий период. Недостаток финансирования сказался и здесь: введенные в октябре 1911 г. временные штаты министерства укладывались в старую сумму, отпускавшуюся на центральный аппарат до преобразования. Содержанием второй стадии стало постепенное введение новых штатов, завершившееся всего за несколько недель до Февральской революции, а также создание органов оперативного управления флотом (ВМУ, МШС)¹².

После окончания войны с Японией в центральный аппарат пришло несколько десятков молодых честолюбивых офицеров, которые группировались вокруг МГШ. Они считали себя носителями передовых взглядов и полагали, что радикальное следование предлагаемым ими рецептам приведет к возрождению флота и возвращению России ранга великой морской державы. При этом они, как правило, не видели прямой связи между экономической базой и военной мощью страны, игнорировали объективные условия геополитического положения России и назревающую революцию. Эти «младотурки» МГШ обладали весьма высокой самооценкой, которая не всегда была беспочвенной. Следует особо подчеркнуть, что не существовало жесткой зависимости между взглядами на внешнюю и внутреннюю политику и проблемы военного строительства. Проанглийская и прогерманская ориентация, либеральные и консервативные взгляды, различные позиции по реорганизации морского ведомства могли сочетаться в голове конкретного морского офицера самым причудливым образом.

Следует отметить, что в течение всего первого периода сотрудники русского МГШ стремились заниматься не только флотскими проблемами. Как заметил

Б. М. Шапошников о Генеральном штабе Австро-Венгерской армии, «перед [Первой] мировой войной мы уже считаемся с фактом, когда «мозг армии» выявил стремление вылезть из черепной коробки армии и переместиться в голову всего государственного организма»¹³. Еще сильнее эта тенденция проявлялась на родине современной штабной службы – в Германии, а также и в «Азиатской Германии» – Японии. Почти все сотрудники МГШ были новичками в береговых учреждениях флота. Отсюда их горячность, невыдержанность, убежденность, что именно они знают верную дорогу, которая выведет русский флот к славе и могуществу. Подобные амбиции сохранили те «старые специалисты», которые оказались в руководстве РККФ во время и после Гражданской войны¹⁴.

Морское ведомство между Русско-японской и Первой мировой войнами развило весьма бурную и плодотворную деятельность. Что касается роли МГШ, то, по нашему мнению, она была, в целом, положительной. Однако, оценивая «органическую» деятельность штаба, нельзя забывать о той саморекламе, которой с успехом занимались сотрудники МГШ как во время существования своего подразделения, так и после его ликвидации, уже в советское время. В результате в историографии сложился приукрашенный образ штаба, представавшего как средоточие военной мудрости и образец целесообразной организации. Светлый образ МГШ создавался за счет других подразделений министерства, особенно ГМШ, которые представляли средоточием «допусимских порядков», воплощением косности и отсталости. Одним из «фирменных методов» создания благоприятного впечатления от деятельности МГШ уже после революции стало представление объективных сдвигов в технике и тактике как заслуга сотрудников МГШ. Ошибки и просчеты, которые, конечно, имели место, коренились не столько в деятельности самого ведомства, его отдельных руководителей, а в глубоком и многоаспектном кризисе, поразившем Российскую империю¹⁵.

Второй период приходится на февраль 1917 – декабрь 1918 гг.¹⁶ В это время происходит постоянный рост политического влияния военно-морского флота. Характерной чертой этого процесса было то, что офицерство, как правило, выступающее от имени вооруженных сил, стучевалось, а матросы заговорили во весь голос через своих представителей в выборных органах, прежде всего, в Центробалте. В первые месяцы после Октября (до отъезда правительства в Москву) основной вооруженной силой, на которую опиралась Советская власть, были матросы. Их лидеры (П. Е. Дыбенко и др.) претендовали на особое политическое влияние. Как показывает история роспуска Учредительного собрания и борьба вокруг полномочий Законодательного совета Морского ведомства, выборные органы руководства флотом и отдельные лидеры матросов в конце 1917 – начале 1918 гг. не только претендовали на особое положение в государственной машине, но и добились его¹⁷. Представляется, что одной из существенных причин переезда советского правительства из Петрограда в Москву стало стремление отдалиться от чрезмерно политически активного и влиятельного личного состава Балтийского флота¹⁸.

Центральные органы управления флотом в 1917 г. продолжали жить своей тихой канцелярской жизнью: самым животрепещущим вопросом, обсуждавшемся «под шпиром» стала проблема замены мужского канцелярского труда женским и реорганизация ГМШ.

Руководители Советской России пытались искать принципиально новые подходы к решению тех или иных проблем государственного строительства, но не отрицали и традиционных способов. Попытка построить вооруженные силы на совершенно новых основаниях чистой идейности и полной добровольности провалилась. Собственно, список видных большевиков, которые увлеклись этой красивой идеей, был не столь длинен – Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко. Насколько можно судить, П. Е. Дыбенко был гораздо больше готов к сотрудничеству со «старыми специалистами», чем Н. В. Крыленко. Немецкое наступление в феврале 1918 г. стало толчком к началу строительства вооруженных сил на регулярных началах. Назначение Л. Д. Троцкого наркомом по военным и морским делам и устранение от руководства армией и флотом Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко стало важной вехой на этом пути. Курс руководства большевиков на строительство регулярных армии и флота оказался одной из причин их разрыва с левыми эсерами и анархистами летом 1918 г. Появившиеся на волне демократизации вооруженных сил органы, претендовавшие на значительную власть и независимость от руководства ведомством, пришли в противоречие с необходимостью централизации и дисциплины и были легко упразднены, несмотря на то, что формально их ликвидация была узурпацией власти Всероссийского флотского съезда. Такая же судьба постигла выборные организации чиновников, а в конце 1918 г. и судовые комитеты.

Овладение старым государственным аппаратом со стороны новой власти потребовало усиления «властной вертикали». Эпоха выборных учреждений постепенно ушла в прошлое, что было характерно не только для морского ведомства или для вооруженных сил, а вообще для всей системы власти в Советской России. Как отмечал известный английский историк Э. Карр, «рабочий контроль последовательно выполнил две задачи. Он сломал старый порядок, враждебный революции и, будучи доведенным до своего логического завершения, продемонстрировал, помимо возможности противоречия, необходимость новых форм контроля, более жесткого и централизованного»¹⁹. Если учесть, что под «рабочим контролем» Э. Карр понимал разнообразные формы участия выборных органов в управлении предприятиями и учреждениями, то останется только согласиться с ним и отметить применимость его вывода не только к гражданской сфере, но и к вооруженным силам.

К лету 1918 г. был решен принципиальный вопрос – на какой основе строить вооруженные силы Советской России – на принципах народного ополчения с выборным командным составом или на основе регулярности, с назначаемыми командирами, с привлечением «старых» военных специалистов, на основе традиционной дисциплины. Позднее продолжались дискуссии по частным аспектам военного строительства, но принципиальные решения весны 1918 г. остались неизменными.

По мере нарастания тенденций к усилению «регулярности» в руководстве флотом, новые люди, ставшие у руля, быстро перенимали традиции учреждений, в которые они пришли работать. Базой этой преемственности стал флотский патриотизм, присущий рядовым матросам в не меньшей мере, чем бывшим офицерам. Характерно, что один из первых приказов ВМК в январе 1918 г. был посвящен организации архивного дела на флоте, а в марте того же года существенно расширили штаты Центрального архива морского ведомства. Это произошло на фоне общего сокращения аппарата ведомства. Было бы формализмом считать, что после того, как постановлением СНК 22 февраля 1918 г. учреждается Народный комиссариат по морским делам, а ВМК становится его коллегией, «была завершена ликвидация буржуазного аппарата и созданы прочные основы нового, советского военно-морского аппарата»²⁰. Невозможно провести четкую черту между «старым» и «новым» аппаратом, во всяком случае, в морском ведомстве. Своеобразным символом такой преемственности стало производство по постановлению Первого флотского съезда М. В. Иванова в контр-адмиралы, Ф. Ф. Раскольникова – в лейтенанты, И. И. Вахрамеева – в мичманы.

В 1918 г. начались эксперименты по усовершенствованию государственного аппарата. Зачастую опыты такого рода ставились людьми, не имевшими административного опыта, и поэтому результаты не впечатляли. Открылось поле для реализации самых разных проектов реорганизаций, которые были созданы еще задолго до революции, но по разным причинам лежали под сукном. Среди проектов весны – лета 1918 г. были и планы полной ликвидации параллелизма в государственном аппарате, предполагавшие слияние всех медицинских, строительных, авиационных органов в особые центральные учреждения. Особое место в череде этих планов занимает идея превращения советского морского ведомства в сколок с британского, что позволяло сделать Л. Д. Троцкого «первым лордом Адмиралтейства» и удачно вписать традиционную структуру управления флотом в новые политические реалии. Фоном всех реорганизаций 1918 г. было сокращение центрального аппарата, что устанавливало очень жесткие рамки организационному творчеству.

В 1918 г. центральный аппарат морского ведомства все больше замыкался в канцелярской работе, не имевшей прямого отношения к разгоравшейся Гражданской войне. Это было связано не только с логикой бюрократической работы ради самой работы, но и с тем, что офицеры штаба не горели желанием принимать участия в конфликте, который казался им братоубийственной междоусобицей. Перебои со связью, импровизированный характер речных флотилий, к которым трудно было применить рецепты «военно-морской науки», давал возможность генштабистам замкнуться в канцелярской «башне из слоновой кости» и дожидаться исхода внутреннего конфликта в стране.

Третий период охватывает 1919–1921 гг. и подразделяется на два этапа. Первый (1919 – осень 1920 гг.) приходится на разгар Гражданской войны и советско-польскую войну. На рубеже 1918–1919 гг. поле деятельности морского ведомства расширилось. Уход со сцены немецкого флота, освобождение Украины от немцев

и австрийцев, появление перспектив возрождения Черноморского флота, начало наступления Красной Армии на востоке с выходом к великим сибирским рекам должно было оживить деятельность морских штабов. Темпы реорганизаций увеличились, что вряд ли положительно отразилось на действующих речных и морских силах. С одной стороны, на флоте продолжается укрепление субординации, начатое еще весной 1918 г. МО РСФСР состоял из фактического командующего ВМФ (В. М. Альфатер) и комиссара при нем (Ф. Ф. Раскольников), так что в морском ведомстве было воссоздано единоначалие в том его варианте, который только и мог быть реализован в условиях тогдашней Советской России. В Красной Армии высшее военное руководство сохранило (хотя в значительной степени на бумаге) гораздо больше черт коллегиальности: в составе РСФСР числилось по 10–15 человек.

Появление летом 1919 г. должности командующего всеми морскими, озерными и речными силами Республики означало окончательный отказ от рудиментов коллегиального управления флотом. Сформирование Штаба коморси (впоследствии – Штаба всех морских сил Республики) привело к постепенному затуханию деятельности МГШ, который отдал новому органу «право первородства». Создание, а затем упразднение МО РСФСР, реорганизация МГШ, которая едва была проведена, как тут же начала пересматриваться, создание штаба коморси, постоянные попытки сокращения штатов не способствовали продуктивной деятельности. В результате этих событий МГШ потерял работоспособность, и на смену ему пришел Штаб коморси (впоследствии – Штаб всех морских сил Республики). Была достигнута та же степень единства управления ведомством, как и перед Первой мировой войной. Постепенно в конце 1918–1919 гг. упорядочили систему управления действующими речными и морскими силами, создали РСВ флотов и флотилий, главную роль в которых играли командующие, а «политические члены» – второстепенную.

Если говорить об организации взаимодействия флота и сухопутной армии, то ее механизм в 1919 г. был, на первый взгляд, скопирован с дореволюционных образцов. ВМУ при ПШ РСФСР, а затем и Штаб коморси стали аналогом МШС образца 1916 г. Однако в 1919 г. был сделан важный шаг, на который не решились за три года до этого: был взят курс на ликвидацию МГШ и превращение полевого органа – Штаба коморси, а позднее Штаба всех морских сил, в единый орган оперативного руководства. МГШ оставалось только одно: превратиться в орган управления тылом и постепенно исчезнуть.

В 1919 г. делаются попытки создать в морском ведомстве новые структуры, идея которых была заимствована из сухопутной армии. Речь идет о ВВМИ. Это был вполне дееспособный орган, возглавляемый опытным и авторитетным начальником С. В. Зарубаевым. Особых причин для ликвидации ВВМИ осенью 1919 г. не было, но свою роль сыграло упразднение сухопутного аналога ВВМИ – ВВИ.

Основным содержанием второго этапа (осень 1920–1921 гг.) преобразований была борьба руководства морского ведомства против перспективы слияния его

с Наркоматом по военным делам и против перевода флота на территориально-милиционный принцип комплектования. Самая серьезная попытка «защититься» от армии была предпринята в морском ведомстве осенью 1920 – весной 1921 г. Тогда развернулась деятельность многочисленных комиссий, которые в один голос твердили о неприменимости милиционной системы к флоту, недопустимости организационного слияния морского и сухопутного руководства. Даже видные сухопутные военачальники, такие как А. А. Брусилов, поддерживали моряков в данном вопросе. Комиссары из числа матросов, входившие в состав этих комиссий, полностью солидаризовались со «старыми» специалистами по вопросу о самостоятельном существовании флота. Для того чтобы защитить организационную самостоятельность, изобретались различные варианты «трудового использования» морского ведомства, прежде всего, передачи ему морского транспорта, рыболовства и пр. Эти идеи лежали в русле взглядов Л. Д. Троцкого на «милитаризацию труда», которые как раз поздней осенью 1920 г. он высказывал в рамках «дискуссии о профсоюзах». В это время вновь возникла идея копирования британских органов управления флотом, вплоть до названия-кальки – Главное управление Всероссийского Адмиралтейства²¹.

Борьба против распространения территориально-милиционной системы на флот завершилась успешно, но слияние военного и морского ведомств остановить не удалось. Принципиальное решение об объединении аппаратов военного и морского ведомства было принято политическим руководством страны, при активном сопротивлении моряков и пассивном – сухопутных военачальников. В результате появился уникальный для того времени аппарат руководства вооруженными силами, объединявший все три вида вооруженных сил – армию, флот и авиацию – в одном ведомстве. Результат этой реформы не остался статичным – впоследствии вплоть до Великой Отечественной войны соотношение полномочий отдельных частей аппарата управления вооруженными силами пересматривалось каждые 3–4 года²².

Существенную роль в развитии аппарата морского ведомства играли его руководители (морские министры, члены ВМК, члены МО РВСР, помглавкоморы) и их ближайшие помощники – начальники важнейших подразделений центрального аппарата (прежде всего, начальники Морского генштаба, Главного морского штаба, Канцелярии морского министерства, Морского штаба Республики) и лица, снискавшие авторитет своими научными трудами (Б. Б. Жерве, М. А. Петров и др.). Личные отношения между этими людьми оказывали важное влияние на деятельность управленческих структур. Так, дружба С. П. Дюшена и С. А. Воеводского привела к усугублению конфликта между МГШ и ГМШ в 1909–1910 гг. Уважение, которое питали лидеры революционных матросов к Д. Н. Вердеревскому, М. В. Иванову и А. С. Максиму дал шанс сделать менее болезненным овладение аппаратом морского ведомства в ноябре-декабре 1917 г. Хорошие отношения, которые В. М. Альтфатеру удалось наладить с Л. Д. Троцким и Ф. Ф. Раскольниковым, способствовали сохранению морским ведомством своей административной автономии и сферы компетенции в 1918 г.²³ Неприязнь между

Н. А. Игнатьевым и А. В. Немитцем влияла на кадровые решения в ведомстве в 20-е гг. С другой стороны, личные отношения между руководителями были, в определенной степени, функцией от их взглядов на проблемы военно-морского строительства. Специфический комплекс взглядов, культивировавшийся в МГШ, спланировал офицеров, разделявших их, и отгораживал от тех сослуживцев, которые стояли на других позициях.

Следует сделать несколько общих выводов относительно закономерностей развития аппарата управления. Эти закономерности проявились в изучаемую эпоху в том, что внутренние механизмы действия административного аппарата оставались неизменными, независимыми от социального строя, так же, как и принципы строительства регулярных вооруженных сил – иерархичность, дисциплина, субординация, разделение обязанностей.

Можно обрисовать траекторию развития центрального морского аппарата, не прерывающуюся несмотря на социальную революцию 1917 г. Идеи относительно усовершенствования органов управления, сформулированные после русско-японской войны, продолжали бытовать в НКМД в начале 20-х гг. Ряд дореволюционных проектов послужил основой модернизации центрального аппарата ведомства в 1918–1921 гг.

Аппарат морского ведомства эволюционировал по спирали – от единой Канцелярии морского министерства 60-х гг. XIX в., через более разветвленную «систему 1885 г.», к развитому и дифференцированному аппарату, сформировавшемуся к 1911 г. – вновь к единому Управлению морских сил РККА середины 20-х гг. Базисом, на котором происходило это развитие, был рост или сокращение корабельного состава флота.

Существовала серьезная кадровая преемственность в управленческом аппарате. Даже серьезнейшие социальные сдвиги 1917 г. не смогли упразднить ее.

Объектом подражания становился тот флот, который считался наиболее могущественными в данный период – до 1914 г. в роли «идеала» для русских моряков выступал флот и морское ведомство Германии, а после 1918 г. – флот и морское ведомство Великобритании. Осознание самоценности отечественного опыта административного строительства являлось трудным и медленным процессом.

¹ См.: *Vitte A. G., фон.* Очерк устройства управления флотом в России и иностранных государствах. СПб., 1907; *Назаренко К. Б.* Морские ведомства великих держав в начале XX в. // *Российская государственность: История и современность.* СПб., 2003. С.303–313.

² Уточнить эти цифры можно будет только после создания полной базы данных персоналий служащих морского ведомства. Подробнее см.: *Березовский Н. Ю.* Военспецы на службе в красном флоте // *Военно-исторический журнал.* 1996. № 2. С. 55–62; *Морозов С. Д.* Офицерство российского флота в 1897–1917 гг.: численность и состав // *Клио.* 2005. № 2 (29). С.229–231; *Назаренко К. Б.* К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. //

Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2: История. Выпуск 4. 2007. Декабрь. С.105–117.

³ См. *Назаренко К. Б.* Материальное обеспечение офицеров и матросов русского флота накануне и во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Сер. гуманитарные науки. 2010. Вып. 5(85). С. 109–120.

⁴ Подробнее см.: *Елизаров М. А.* Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны (февраль 1917 – март 1921 гг.): Дисс. . . . доктора ист. наук. СПб., 2007; *Назаренко К. Б.* К вопросу о политических настроениях матросов отечественного военно-морского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2: История. 2010. Выпуск 1. С.3–13.

⁵ Хотя сами революционные матросы в воспоминаниях отрицали такой способ их ношения (см., напр.: *Баранов С. Н.* Ветер с Балтики. М., 1967.)

⁶ *Назаренко К. Б.* Отражение политической борьбы в форме моряков (1917 – 1924 гг.) // Аудио-визуальное пространство культуры: Труды научно-теоретической конференции. СПб., 2005; *Он же.* Первая форма Красного флота: неосуществлённый проект 1919 года // Гангут. 2007. №43. С.138–146.

⁷ См.: *Братющенко Ю. В.* Кооперативное обслуживание моряков в 1918–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. Интернет-приложение: [Электронный документ]. (<http://www.mil.ru>) Проверено 25.03.2009; *Назаренко К. Б.* Материальное обеспечение красных моряков в конце 1917–1918 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер.2: История. 2010. Вып.2. С.3–13.

⁸ РГА ВМФ. Ф. р-187. Оп. 1. Д. 509. Л. 4–5.; Ф. р-5. Оп. 1. Д. 82. Л. 22–29 об. и др. Подробнее см.: *Назаренко К. Б.* К вопросу о политическом выборе офицеров русского флота в 1917 г. // Историография и источниковедение истории России. Сборник научных статей. Выпуск 5. СПб., 2009. С. 419–430;

⁹ О первом периоде см.: *Симошенко В. Г.* Морской Генеральный штаб русского флота (1906–1917 гг.) Дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1976; *Назаренко К. Б.* Реорганизация морского управления в России в 1905–1914 гг. // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 270–275; *Он же.* «Мозг» флота России: от Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006; *Он же.* Морское министерство России: 1906–1914. СПб.: Гангут, 2010.

¹⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т.1. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 204.

¹¹ Формально СГО был упразднен в августе 1909 г. (Там же. С. 205.)

¹² *Назаренко К. Б.* Морское министерство и «Особый порядок военного законодательства» в 1907–1914 гг. // Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград. 1703–2002. Университетские петербургские чтения. СПб., 2002. С. 297–301.

¹³ *Шапошников Б. М.* Мозг армии. М., 1927. С. 9.

¹⁴ См.: *Назаренко К. Б.* К вопросу о взглядах офицеров Морского Генерального штаба России на внешнеполитические проблемы и строительство флота перед первой мировой войной // Чтения по военной истории: Сб. статей. СПб., 2005. С.342–344.

¹⁵ *Назаренко К. Б.* К вопросу об оценке деятельности русского флота и морского ведомства начала XX в. в отечественной историографии // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конференции, посвящённой 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 191–192.

¹⁶ Об этом см.: *Назаренко К. Б.* Флот, революция, власть в России (1917–1921 гг.). М.: Квадрига, 2010.

¹⁷ *Гаркавенко Д. А.* Социальный состав матросов русского флота // История СССР. 1968. № 5. С.40–56; *Назаренко К. Б.* К вопросу о политических настроениях матросов отечественного военно-морского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2: История. 2010. Вып. 1. С.3–13.

¹⁸ *Березовский Н. Ю.* Центральные органы Красного флота в период становления // Морской сборник. 1989. № 2. С. 12–17; *Войтиков С. С.* Развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 – марте 1918 г. // Вопросы истории. 2007. № 10. С.3–12; *Назаренко К. Б.* К вопросу о выборе места дислокации центральных органов управления морским ведомством Советской России (1917–1921 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Сер. гуманитарные науки. 2010. Вып. 3(83). С. 333–339.

¹⁹ *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. Большевицкая революция. 1917–1923. Т. 2. М., 1990. С. 712.

²⁰ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / Сост.: *В.И. Ачкасов, А. В. Басов, А. И. Сумин и др.* М., 1988. С. 49.

²¹ *Назаренко К. Б.* Центральные органы управления военно-морским флотом Советской России и попытка введения территориально-милиционной системы комплектования флота (осень 1920 г.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2(82). С. 236–243.

²² *Назаренко К. Б.* К вопросу о принципах организационного строительства Красного флота в начале 20-х годов // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 136–144.

²³ *Назаренко К. Б.* «Первый лорд большевицкого адмиралтейства»: Судьба Ф. Ф. Раскольниковова // Вестник филиала Северо-Западной академии государственной службы в г.Выборге (научные труды и материалы). Выборг, 2010. С. 213–225.

Летенкова О. Э.

Санкт-Петербургский университет

Педагогические журналы второй половины XIX века

Образование, как социальный институт появляется в России вследствие грандиозных петровских реформ, вырастает не столько из потребностей общества, сколько из необходимости решения тех задач, которые этому обществу были поставлены волей царя-реформатора. Таким образом, с самого возникновения государственной системы образования закладывается разрыв и противоречие – между реальными потребностями общественной жизни и государственной необходимостью. С особенной остротой эти проблемы проявились в XIX – начале XX века. На этом же этапе идет процесс становления национальной школы – ее традиций и особенностей.

П. Ф. Каптерев, характеризуя этапы развития русского педагогического самосознания, говорит о «государственном периоде» в истории российской педагогики, хронологические рамки которого – первая половина XIX века. Взяв заведывание делом народного образования в свои руки, государство признало, что «образование должно служить государственным интересам»¹.

Для получения полной и объективной картины истории российской школы важным представляется не только анализ официальных статистических данных и правительственных постановлений, но и изучение тех мнений, предложений, реакций, которые возникали в пространстве между официальной политикой государства в области образования и реальной жизнью учащихся и учащихся.

Во многом заполнить лауну в истории российской педагогической теории и практики XIX века возможно с помощью анализа такого ранее практически не задействованного источника, как педагогические журналы. Российские педагогические журналы охватывают обширнейший материал – и с точки зрения географии (от столичных до провинциальных), и по характеру публикуемых материалов (официальных и неофициальных), представляют чрезвычайно пеструю палитру мнений, направлений, убеждений. Издателями дореволюционных педагогических журналов были Министерство народного просвещения, Главное управление военно-учебными заведениями, Синод, учебные заведения разных ведомств, городские думы, земства, учительские союзы, педагогические общества и культурно-просветительские объединения, съезды, выставки, частные лица.

Русская педагогическая журналистика, развиваясь практически параллельно и одновременно со становлением образования, как государственного института отражала и впитывала те разнообразные явления, которыми жила российская школа. Специфика журналистики – это быстрая и непосредственная реакция на ту или иную педагогическую и общественно-политическую ситуацию, и, соответственно, исследователю предоставляется возможность пронаблюдать историю педагогики в ее живом виде – в момент «творения».

Помимо многочисленных статистических данных, на страницах этих изданий содержится богатейший материал для воссоздания живой и полнокровной картины истории российской школы: дискуссии по проблемам, которые представлялись тогдашним педагогам и просто заинтересованным лицам наиболее актуальными, биографические очерки, зарисовки из жизни провинциального земского училища и столичной гимназии, и многое другое.

К сожалению, педагогические российские журналы никогда не становились предметом специального обобщающего исследования. О них, разумеется, упоминали все издания справочного характера, посвященные проблемам истории педагогики и журналистики, но эти упоминания ограничиваются простым перечислением с указанием выходных данных и обобщенными стандартными характеристиками некоторых изданий.

Наиболее компетентной и обстоятельной работой по российским педагогическим журналам до 1917 г., до сих пор является библиографический обзор, выполненный в 1937 г. известным российским библиотечным деятелем и книговедом Н. Н. Абловым². Обзор стал основным библиографическим пособием при написании нашей статьи.

К сожалению, историография того или иного периодического издания, как правило, и ограничивается упоминание его в указателе Аблова. Предметом специального разбора становились лишь немногие крупные издания, как например «Журнал министерства народного просвещения».

Впервые на страницах российских периодических изданий о педагогических проблемах заговорили еще в конце XVIII века. Обращение к этой тематике связано с деятельностью Н. И. Новикова. Из редактируемого им педагогического раздела в «Прибавлении к Московским ведомостям», публиковавшегося в 1783–84 гг., вырос первый в России детский журнал – «Детское чтение для сердца и разума».

Журналы, специально посвященные педагогической тематике, в России стали выходить лишь в XIX веке. Первоначально число их было невелико. В библиографическом обзоре Аблова с 1803 по 1857 указано лишь десять изданий. При этом с 1818 по 1820, в 1826, 1828 и с 1830 по 1831 год не выходило ни одного педагогического журнала.

Первая половина XIX века не является особенно притягательной темой для историков отечественной педагогики. Обращаясь к ней, они ограничивались перечислением официальных указов, описанием системы образования, и подборками цифр, отражающих количество учебных заведений разных типов и число учащихся, обучавшихся в них. Материалы для этого брались в числе прочих источников и из педагогических журналов того времени.

Краткий обзор педагогических журналов первой половины XIX века был представлен в работе «Педагогические журналы первой половины XIX века

как исторический источник»³, в которой была предпринята попытка показать на ограниченном заявленными хронологическими рамками материале, каким образом можно работать с педагогическими журналами. В этой работе, ограничимся указанием на то, что большая часть журналов, издание которых началось в это время, просуществовали относительно недолго. Исключение составили журналы, пользующиеся государственной поддержкой, среди которых первое место, безусловно, занимает «Журнал министерства народного просвещения» без перерывов выходивший ежемесячно с 1834 по 1917 год. За более чем 70-летнюю историю сменилось несколько редакторов, среди которых совершенно особое место занимал «учитель русских учителей» К. Д. Ушинский. С его деятельностью связан один из самых интересных периодов существования журнала. Оценка «Журнала министерства народного просвещения» в литературе, посвященной истории российского образования, всегда была двойственной. Отмечая тот факт, что журнал так и не стал органом живой педагогической мысли, исследователи признают, что для истории народного образования журнал имеет большое значение. Советские исследователи, в еще большей степени были склонны скептически оценивать деятельность журнала. Таков, например, общий смысл статьи, помещенной в 1927 году в журнале «На путях к новой школе»⁴. Отмечая весьма высокий уровень «серьезных, имеющих научное значение статей по истории, философии, искусству, психологии и литературе»⁵, автор обращает внимание на недопустимо малое для педагогического журнала количество статей педагогического характера. Причина, по его мнению, кроется в том, «что в области воспитательных и образовательных проблем чиновничий журнал старательно отгораживался от всего свежего, смелого и нового, а повторять до бесконечности свои благонамеренные азы и ему самому, по-видимому, было скучно»⁶. Отсюда – неутешительные результаты: содержанием журнала становились либо сухие статистические отчеты, либо «поразительные по своему умственному убожеству советы учителям и учительницам»⁷.

Оживление педагогической мысли в 1850–60-х гг. привело к увеличению числа статей педагогического содержания в литературно-политических журналах («Современник», «Отечественные записки» и др.) и к подъёму собственно педагогической журналистики. Органом передовой общественно-педагогической мысли стал «Журнал для воспитания» под ред. А. А. Чумикова (с 1860 г. – «Воспитание»), печатавший статьи К. Д. Ушинского, Редкина, Н. Х. Весселя, Н. А. Добролюбова и др. Такие журналы, как «Русский педагогический вестник» Н. А. Вышнеградского, «Учитель» Весселя и И. И. Паульсона, «Народная школа» Ф. Н. Медникова, «Ясная Поляна» Л. Н. Толстого поднимали важные научно-педагогические вопросы русской школы. Начали издаваться первые журналы по дошкольному воспитанию («Детский сад») и методике преподавания отдельных предметов («Филологические записки»). Важную роль в борьбе за демократизацию просвещения сыграли публикация в июле 1856 г. в журнале Морского ведомства «Морской сборник» статьи Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», редакторство Ушинского в 1860–61 гг. в ЖМНП и Весселя в 1864–82 гг. в «Педагогическом сборнике», органе Главного управления военно-учебными заведениями.

Во второй половине 1870-х–80-е гг. дифференциация педагогических журналов продолжалась. Появились: «Семья и школа», пропагандировавший систему начального воспитания Ф. Фребеля, «Педагогическая летопись» под редакцией К. А. Сент-Илера, развивавший педагогические идеи Пирогова и Ушинского, «Русский начальный учитель», «Русский филологический вестник» с педагогическим отделом, «Естествознание и география», «Журнал элементарной математики» и др. Важными вехами в истории педагогической журналистики стал издание журнала «Женское образование» (впоследствии – «Образование») и первого критико-библиографического педагогического журнала «Педагогический музей». Выходивший с 1876 по 1878 гг. по инициативе замечательного педагога, ученого, общественного деятеля Павла Игнатьевича Рогова, этот журнал был посвящен обзору книг и учебников, а также педагогических журналов как русских, так и иностранных. Прекращение деятельности «Педагогического музея» довольно часто связывают с той волной консервативных настроений в российском обществе, выразителем, а отчасти и вдохновителем которой был М. Н. Катков. В то же время в своих собственных материалах, публиковавшихся на страницах «Московских ведомостей», Катков неоднократно высказывался по поводу наиболее актуальных проблем тогдашней жизни российского общества, к числу которых, безусловно относились и те, о которых писала педагогическая журналистика. Высказывания эти зачастую чрезвычайно резки, но всегда любопытны.

В 1890–1900-е гг. активизация деятельности земских и воскресных школ, развитие профессионального образования, рост сети внешкольных учреждений и другие вопросы народного образования получили отражение в педагогических журналах. Начали издаваться два крупнейших журнала: «Вестник воспитания» и «Русская школа», разрабатывавшие вопросы теории и истории педагогики, экспериментальной педагогики, психологии и содержавшие хронику народного образования в России и за рубежом. В связи с развитием в России специального образования появился журнал «Техническое образование». По данным Н. Н. Аблова, в 1905–07 гг. возникло 34 педагогических журнала (8 – в Петербурге, 8 – в Москве, 18 – в провинции), из которых менее года просуществовало 17, от года до двух лет – 13. В числе новых были журнал «Для народного учителя», близкий к педагогическим взглядам Л. Н. Толстого, журнал «Свободное воспитание» И. И. Горбунова-Посадова, справочно-библиографическое издание «Вестник народного образования». В ряде журналов освещались вопросы методики преподавания отдельных предметов: «Родной язык в школе», «Математический вестник» и др. Издавалась педагогическая периодика по отдельным проблемам педагогики и народного образования: «Профессиональное образование», «Книжки педагогической психологии».

Расширилось число официальных педагогических изданий, помимо ЖМНП выходили местные издания учебных округов и дирекций народных училищ. Циркуляры ряда учебных округов содержали неофициальную часть. Издавались «Педагогический вестник Московского учебного округа» (1911–17

гг.); «Начальное обучение» (1901–17 гг.) и «Вестник образования и воспитания» (1914–16 гг., Казанский учебный округ); «Вестник Оренбургского учебного округа» (1912–15 гг.); «Домашнее и школьное обучение» (1911–15 гг.; Варшавский учебный округ); «Народное образование в Виленском учебном округе» (1901–15 гг.); к циркулярам по управлению Кавказским учебным округом давались в виде приложения отдельные педагогические статьи. Под редакцией директоров народных училищ выходили «Известия по народному образованию Воронежской губернии» (1912–16 гг.), «Кубанская школа» (Екатеринослав, 1906 г., № 1–8), «Оренбургские педагогические записки» (1907–10 гг.). В работе общественно-педагогических журналов участвовали видные педагоги и по традиции, восходящей ещё к 1860-м гг., – учителя народных школ. В общей сложности с 1803 по 1916 в России издавался (в разное время) 251 педагогический журнал.

1917 г. внес свои коррективы во все сферы жизни российского общества, в том числе и в педагогическую журналистику. Кратковременный всплеск (с 1917 по 1924 гг. выпускалось свыше 300 изданий), сменился закрытием наиболее серьезных и популярных – «Вестника воспитания», «Русской школы», «Журнала Министерства народного просвещения» и др. Осознание того обстоятельства, что это нанесло большой урон развитию педагогической мысли пришло уже во второй половине 60-х.

Как уже отмечалось, серьезных аналитических работ по журналам XIX века, написанных до 1917 года практически не встречается. Для историков XIX века – эти журналы являлись не историческими источниками, а элементами живой жизни – со своей спецификой и особенностями. Периодически на страницах различных изданий появлялись обзоры, темой которых становились журналы, появившиеся на свет в том или ином году, или отражение той или иной педагогической проблемы на страницах печати за определенный период⁸.

Такие обзоры, сами по себе являясь объектами исследования, дают замечательный материал и для изучения педагогических журналов – предоставляя исследователям информацию, которая, можно сказать, прошла первичную обработку.

Как образец чрезвычайно добросовестного и тщательного отношения к такой работе можно привести серию обзоров сотрудника одного из самых авторитетных российских педагогических журналов – «Русская школа» – Василия Зеленко. В указателе Аблова эта фамилия чаще иных встречается в разделе литературы, посвященной тому или иному журналу.

Так даже в непростой для России военный 1915 год, на протяжении всех 12 номеров журнала редакция под рубрикой «Из обзора педагогических журналов» публиковала работы Зеленко. Объектом его пристального внимания становились печатные издания разные по своей направленности, объему, географии. Так, в первых номерах это провинциальные – «Педагогический журнал для учащихся народных школ Полтавской губернии», «Кубанская школа» и «Кавказская школа», далее – «Техническое и Коммерческое образование», отдел «Известий Московской городской думы – Народное образование», издание справочного

характера «Вестник Народного образования» и чрезвычайно разносторонний московский «Народный учитель». Рецензент не ограничивается простым перечнем опубликованных в журнале материалов и их разбором, но каждый раз поднимает вопрос о причинах появления журнала, останавливается на тех задачах, которые как главные определяет для себя редакция («Вся деятельность редакции нового органа объединяется вполне правильной формулой, заключающей в себе «посильное содействие освобождению школы и воспитанию наших детей от рутины и мертвящего формализма» в духе идеалов и заветов «великих педагогов»⁹; «очень желательно было бы узнать, почему в программу редакция включила «садоводство, огородничество и полеводство», и что она намерена давать своим читателям в данной области»¹⁰), не забывая при этом проследить, как удавалось их решать. («Благодаря правильному и глубокому пониманию своих задач, журнал «Технического и Коммерческого образования» к разрабатываемым вопросам даже чисто специального характера умеет подойти с общественной стороны и осветить так, что значительная часть статей и заметок представляет интерес для всех, интересующихся вопросами образования»¹¹. «Твердая уверенность первой редакции в необходимости предпринятого издания и убеждение новых руководителей «Летописи» в том, что журнал «с успехом занял свое скромно-намеченное положение», – черты похвальные, но все же никогда не следует забывать и евангельской истины, которая гласит, что «вера без дел мертва есть». А с этой стороны у «Летописи» вышло не все стройно и убедительно»¹²). Зеленко поднимает вопрос об актуальности разбираемых журналом сюжетов, («его (журнала – *О. Л.*) прямая обязанность употребить все усилия, чтобы проникнуть в каждый дом»¹³) пристрастно останавливается на вопросах рецензирования.

В равной степени ощущается высокая степень компетентности Зеленко, как в вопросах педагогического, так и журналистского характера. Так, при обзоре «Педагогического журнала для учащихся народных школ Полтавской губернии» – земского органа печати, рецензент позволяет себе «несколько замечаний о способах создания таких органов, их типе и наиболее целесообразных возможностях осуществления»¹⁴. Останавливаясь на вопросах рецензирования, Зеленко предлагает вместо широко распространенных перепечаток организовать рассылку наиболее примечательных изданий учащим – подписчикам и читателям журнала, чтобы приучать их к серьезной работе с текстом.

Эти статьи могут стать хорошим компасом для путешествия по бескрайним страницам российской педагогической журналистики, но это взгляд не историка – а современника, причем современника страстного, заинтересованного в том, чтобы в той области, которой он занимается – области русского образования – происходили перемены к лучшему. Статьи Зеленко – это не историография, он ставит и успешно решает другие задачи, акцентируя внимание свое и читателя на вопросах актуальных для своего времени. Хотя в то же время благодаря широте знаний и высокой компетенции автора в них содержатся и весьма успешные элементы обобщений. Так в том же 1915 г. в мартовском номере «Русской Школы» была опубликована большая статья «Вопросы просвещения в отражении

педагогических журналов»¹⁵, в которой автор более развернуто и обстоятельно развивает свои идеи относительно актуальных задач и возможных перспектив развития российской школы, фрагменты которых рассыпаны по работам, посвященным обзорам отдельных журналов.

Существенное облегчение в работе с педагогическими изданиями приносят погодные и систематические указатели (например, многочисленные указатели к «Журналу Министерства Народного Просвещения»), но, к сожалению, ими были снабжены далеко не все журналы.

Работа по описанию и систематизации российских периодических изданий велась на протяжении всего XIX века. В результате кропотливого и тщательного труда десятков исследователей был проделан огромный объем работы. В появившихся в результате этого труда справочниках, можем найти некоторую библиографическую информацию и по интересующим нас журналам. Капитальным трудом в этой области явилась книга Н. М. Лисовского «Русская периодическая печать, 1703–1900 гг.» (Пг., 1915), где в целом отражено 2883 издания (2394 – до 1895 г. и 489 – за 1895–1900 гг.). С появлением этой работы, писали исследователи, отпала необходимость обращения к разрозненным неполным годовым спискам и возникла возможность дальнейшего углубленного изучения истории и статистики русской периодической печати за длительный период. Время с 1900 по 1917 год охвачено другим справочником – «Библиография периодических изданий России 1901–1916»¹⁶.

Единственной обобщающей работой, посвященной специально педагогическим журналам, опубликованной до революции, стала историческая справка «Педагогические журналы в России», помещенная в журнале «Земство и народное образование» в 1914 году¹⁷. Справка представляет собой список журналов, составленный в хронологическом порядке по карточному каталогу библиотеки Академии Наук. В следующих номерах редакция собиралась представить более развернутый обзор, но первая мировая война, а затем революция внесли свои коррективы.

Советская школа создавалась в полемике со школой царской России, и о многом из прежнего наследия вспоминалось лишь в отрицательном контексте. Так в 1927 г. в журнале «На путях к новой школе» была опубликована статья «Дореволюционные педагогические журналы»¹⁸, автор которой подверг критическому разбору содержание русских педагогических журналов последних предшествовавших революции десятилетий. Общий тон статьи весьма скептический.

В дальнейшем, за редким исключением, российские педагогические журналы так и не стали предметом исследования, посвященного именно им. Весьма скудная информация о них включалась в обобщающие издания по истории журналистики и педагогике. Как правило, это было простое перечисление названий, сопровождающееся традиционными характеристиками. О ряде журналов говорилось, как о проповедниках передовых для своего времени педагогических идей (например, идеи воспитывающего обучения и всеобщего элементарного

образования), иные называются органами, отражающими официальную точку зрения, а, следовательно – реакционными. В таком стиле выдержана, например, статья «Журналы педагогические», размещенная во втором томе четырехтомной «Педагогической энциклопедии» под ред. И. А. Каирова, вышедшей с 1964 по 1968 год¹⁹. Интересно отметить, что в «Российской педагогической энциклопедии» более позднего года издания отмечается, что «закрытие в конце 1917 наиболее серьезных и популярных журналов – «Вестника воспитания», «Русской школы», «Журнала Министерства народного просвещения» и др. – нанесло большой урон развитию педагогической мысли»²⁰.

Не остались без внимания и журналистские опыты К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого²¹.

Отсутствие обобщающих работ по педагогической журналистике лишь отчасти компенсировалось статьями, посвященными деятельности отдельных, наиболее значимых журналов. Выполнены они были на разном уровне, отличаются различными подходами, обусловленными разными смысловыми и ценностными установками авторов, глубиной разработки, но, как правило, все они не выходят за рамки описания одного издания и более или менее удачной попытки сочетать рассмотрение его содержания с анализом исторической обстановки, журналистской или педагогической ситуации).

В этом отношении подобные обзоры в какой-то степени развивают традицию обзоров педагогических журналов, принятую в журналистике (в первую очередь в той же педагогической) второй половины XIX века.

Наиболее компетентной и обстоятельной работой о российских педагогических журналах до 1917 г. остается библиографический обзор, выполненный еще в 1937 году известным российским библиотечным деятелем и книговедом Н. Н. Абловым²², о котором мы уже упоминали. В эту работу были включены педагогические журналы и повременные издания, вышедшие в России с 1803 по 1916 гг. – 244 издания, и указатели к педагогическим журналам – 71 наименование. Каждое упомянутое издание сопровождается небольшой аннотацией, в которой помимо выходных данных «указывается политическое направление журнала, указывается, на какие вопросы данный орган обращал преимущественное внимание, дается краткая характеристика органа»²³. В указатель включены пять таблиц, распределяющих педагогические журналы: по времени появления и периодам издания, по месту издания, по издателям, по отраслям народного образования и специальным вопросам, по направлениям. Разумеется, содержание и стилистика «кратких характеристик» находится порой в весьма жесткой зависимости от времени создания работы Аблова. Так, совершенно уничижительных эпитетов удостоены все журналы по «церковно-школьной педагогике»: проводники идей «удушения русского начального обучения путем церковно-приходских школ»²⁴, «церковное знамя наступившей реакции»²⁵, созданные «для «натаскивания батюшек»²⁶ по осуществлению в школе церковно-монархической политики. Несмотря на эти политические оценки, в целом работа представляет собой прекрасное подспорье для желающего обратиться к изучению этой темы. Таковой она и задумывалась.

В кратком вступлении от редакции говорится, что данный обзор «может быть полезен научным работникам и аспирантам, исследовательским работникам, как в области истории русской педагогики, так и по вопросам теории педагогики»²⁷.

В какой-то степени Николай Николаевич оказался сам в историографическом забвении. Единственная статья, посвященная жизни и деятельности этого замечательного советского библиографа, была опубликована к столетию со дня его рождения в 1982 году²⁸. Она начинается с цитаты из работы 1973 года библиографоведа М. В. Машковой, в которой Н. Н. Аблов назван в числе незаслуженно забытых ученых. Кроме констатации грустного факта, что в отношении Аблова с 1973 по 1982 год мало что изменилось, и цитаты из Пушкина о том, что «мы ленивы и нелюбопытны», и эта статья ничего нового не добавила к характеристике Н. Н. Аблова.

С одной стороны, такое положение дел, несколько не изменившееся и за последние более чем 30 лет, вполне понятно. Библиография и книговедение – не самые захватывающие отрасли научного знания, и человек, который всю свою жизнь посвятил классификации и каталогам (библиографическое описание) априори вызывает не самые волнующие ассоциации – этакий книжный червь, полностью оторванный от действительности. Да и многотомные подшивки журналов более чем столетней давности не кажутся чем-то чрезмерно увлекательным. С другой стороны, возможно именно сейчас как противодействие потоку совершенно обезличенной, механистичной информации настала пора обратиться к таким биографиям и таким источникам.

Подводя итоги, можно сказать что, педагогические журналы первой половины XIX века являются ценным, но, к сожалению, мало используемым источником по истории русского образования. О педагогических журналах редко писали, не анализировали их как исторический источник.

Внимательное изучение позволило бы не только получить более глубокую картину педагогической ситуации позапрошлого столетия, но и под новым углом взглянуть на многие нынешние проблемы. Изучение этих изданий может дать дополнительный материал к разысканиям биографического плана. В 1859 году в воспоминаниях об Е. О. Гугеле, его друг и коллега П. Гурьев писал: «История русской педагогики бедна именами, и кто хорошо знаком с нею, того несколько это не удивляет; зато тем более мы должны дорожить каждым именем, выходящим из уровня позлащенной посредственности»²⁹. Эти слова по-прежнему актуальны.

¹ *Каттерев П. Ф.* История русской педагогики. Пг., 1915. С. XII.

² *Аблов Н. Н.* Педагогическая периодическая печать (1803–1916 гг.). Библиографический обзор / под редакцией Е. И. Медынского. М., 1937.

³ *Летенкова О. Э.* Педагогические журналы первой половины XIX века как исторический источник // *Историография и источниковедение отечественной истории: Сборник научных статей (Выпуск 4)*. СПб., 2008. С. 163–177.

⁴ *Петрова В.* Журнал министерства народного просвещения. // *На путях к новой школе*. 1927. № 10. С. 94–98.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Там же.

⁸ См. например: *Е. Г. (Гаршин Е.)* Обзор русских педагогических журналов за 1889 г. // Русская школа 1890. № 1. *Он же.* Обзорные педагогических журналов, иностранных и русских // Русская школа. 1881. № 2.; *Зеленко В. А.* Вопросы просвещения в отражении педагогических журналов // Русская школа. 1915. № 3. С. 43–75.

⁹ *Зеленко В.* Кавказская школа за 1913 и отчасти за 1914 год // Русская школа. 1915. № 2. С. 51.

¹⁰ *Зеленко В.* «Кубанская школа» № 1–5 за 1914 год // Русская школа. 1915. № 2. С. 49.

¹¹ *Зеленко В.* «Техническое и Коммерческое образование» № 1–8 за 1914 год. // Русская школа. 1915. № 4 С. 41.

¹² *Зеленко В.* Летопись Средней школы. № 1–7 за 1915 г. // Русская школа. 1915. № 5–6. С. 54.

¹³ *Зеленко В.* Педагогический журнал для учащихся народных школ Полтавской губернии № 1–4 за 1914 год // Русская школа. 1915. № 1. С. 52.

¹⁴ Там же. С. 51.

¹⁵ *Зеленко В. А.* Вопросы просвещения... С. 43–75.

¹⁶ *Беляева Л. А.* и др. Библиография периодических изданий России 1901–1916 . В 4-х тт. Л., 1958–1961.

¹⁷ Педагогические журналы в России. (Историческая справка.) // Земство и народное образование. 1914. № 1. С.30–32.

¹⁸ *Иоанисиани В.* Дореволюционные педагогические журналы. // На путях к новой школе. 1927. № 10. С. 98–102.

¹⁹ Педагогическая энциклопедия. / Гл. ред. И. А. Каиров. Т. 1–4. М., 1964–1968 гг.

²⁰ Российская педагогическая энциклопедия в 2-х томах. / Гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 1. М., 1993. С. 311.

²¹ *Вейкшан В. А.* Педагогический журнал Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» // Советская педагогика. 1962. № 3; Советская педагогика 1978. № 9.

²² *Аблов Н. Н.* Педагогическая периодическая печать (1803–1916 гг.)...

²³ Там же. С. 5.

²⁴ Там же. С. 58–59.

²⁵ Там же. С. 68.

²⁶ Там же. С. 94.

²⁷ Там же. С. 5.

²⁸ *Ратнер А. В.* «Редкостный книжник...» (К 100-летию со дня рождения Н. Н. Аблова). С.48–59.

²⁹ *Гурьев П.* Воспоминания об Егоре Осиповиче Гугеле. // Русский педагогический вестник. 1859. № 3–4. С. 208.

Э. В. Летенков

Санкт-Петербургский государственный университет

Библиографические журналы об отечественной периодической печати («Книжный вестник». 1860 г.)

Воспринимая периодические издания как составную неотъемлемую часть литературы (словесности) российские библиографы не оставляли их без своего внимания. Уже в библиографических списках XVIII столетия (в обзорах и заметках, время от времени помещавшихся в самой периодике) им постоянно отводится место, соизмеримое с общим количеством российских газет, журналов, ведомостей, альманахов, месяцесловов и календарей. Соотношение количества изданий и отзывов о них меняется, на первый взгляд, парадоксальным образом – чем меньше периодических изданий, тем подробнее о них пишут. Это можно объяснить не только особенностями тогдашней газетно-журнальной стилистики – ее витиеватостью и многословием¹ – но причинами более глубокими. Периодическая печать обретает статус общественного явления, становится социально значимой. Это не может не привлекать внимания библиографов, как бы призванных наблюдать за течением литературного процесса и любыми изменениями в нем.

С появлением профессиональных библиографических журналов это внимание становится постоянным, постепенно вырабатываются основные критерии оценок вновь выходящих и продолжающихся изданий. Таким образом происходит не только констатация объективных процессов развития периодической печати, но и попытка (с помощью оценок и комментариев) влиять на него в направлении, кажущемся специалистам правильным.

Цель настоящего обзора состоит в том, чтобы выявить конкретные проявления этого сложного процесса (указателей содержания библиографических журналов не существует²), определить формы, состав и значимость этих публикаций для читателя современного им и нынешнего.

Зарождение библиографической журналистики в 70-е годы XVIII столетия Н. В. Здобнов связывал с быстрым ростом периодической печати и ее широким общественным значением. Это обстоятельство, как и «интерес к России в Западной

Европе», по мнению историка библиографии, «были причиной появления первого в России библиографического журнала (1772)»³.

Начать обозрение мы хотим не с него, а с «Книжного вестника»⁴ как журнала, уже имевшего предшественников и, быть может, потому воплотившего в себе наиболее удачно и полно чаяния отечественных библиографов того времени.

В дальнейшем предполагается расширить обзор, охватив по возможности все библиографические издания XIX – начала XX века, поскольку в них содержится богатейший материал по истории российской периодики, до сих пор слабо изученный и не систематизированный, как, впрочем, и сами библиографические журналы.

«Книжный вестник» имел подзаголовок – «журнал русской литературной деятельности, книжной торговли, книгопечатания и т. п.». На практике это выразилось в том, что в журнале помещались: перечни новых книг, отзывы о них или краткое изложение содержания (кстати сказать, написаны они весьма профессионально даже по сегодняшним меркам. В них отсутствует цеховая комплиментарность – если что-то не нравилось рецензенту, он так и писал:

«163. Радуга. Стихотворения. П. Гусева. Спб. 1860, тип. П. А. Кулиша. 8°, 80. Ц. 40 к.

Очень плохие стихотворения; около 60.

164. Стихотворения Я. Ж. Спб., тип. Почт. Департ. 1859. 12°, 188.

Такого же свойства. Этюды ученика, который едва ли когда-нибудь научится»⁵).

Публиковались на его страницах общие статьи о литературе, ее новостях и явлениях, статьи о книжной торговле; объявления.

Для выходящего два раза в месяц, тетрадями в 1 или 2 листа издания программа достаточно обширная. Непонятно, почему автору статьи «Библиограф» и его предшественники» в журнале «Русская старина» показалось, что «главное значение журнала было чисто справочное»⁶.

Интересовала журнал и периодическая печать.

В марте 1860 года, обращаясь к читателям, редакция «Книжного Вестника» уведомила о своих планах по отношению к ней и о невозможности осуществить задуманное в полном объеме и сразу. «Мы сначала предполагали наряду с книгами перечислять и журнальные статьи, по мере выхода в свет №№ журналов. Но, приступив к этому делу, встретили разные препятствия и трудности, к преодолению которых нужно принять особенные меры. Потому на нынешний год мы решились ограничиться только перечнем самих журналов, с кратким их описанием, в котором мы постараемся дать читателям точное понятие о программе журналов, об общем характере и достоинстве их статей, и т. п., причем укажем цену и место подписки, а также приведем исторические сведения о возникновении и развитии каждого журнала. Такой перечень будет служить как бы введением к журнальной библиографии, которой мы дадим место в Кн. Вестнике с будущего года»⁷.

По этому объяснению мы видим, что еще не выработана четкая программа – наряду с пониманием необходимости составлять некие перечисления журнальных статей (такие опыты уже были и в других изданиях, в частности в «Журнале

министерства народного просвещения», сюда попали и элементы книготорговой рекламы: цена и место подписки. Сложная интеллектуальная задача «дать читателям точное понятие о программе журналов, об общем характере и достоинстве их статей» соседствует с решением начать писать исторический очерк развития отечественной периодики – давать «исторические сведения о возникновении и развитии каждого журнала». Написание исторического очерка тоже требует серьезных умственных затрат, но, во-первых, такие опыты тоже уже были – очерки Н. А. Полевого в «Московском телеграфе», к примеру, а, во-вторых, «понятие о программе» и оценка «характера и достоинства статей» – это и есть попытка руководства текущим литературным процессом. Очевидно, что, по крайней мере пока, таких сил у редакции не было. Но было ощущение значимости и необходимости подобной работы, причем безотлагательной, поэтому издатели журнала начинают с определенной подготовки к ее выполнению, а основательно предполагают взяться за нее «с будущего года».

Обратим внимание на новый термин, появившийся в заявлении редакции – «журнальная библиография». В таком значении: не библиография в журнале, а именно *журнальная библиография*, как нам кажется, он появляется впервые в отечественной литературе.

Еще за два года до этого в «Литературе русской библиографии...» Г. Н. Геннади, разумея «значение библиографии в обширном смысле, как *книговедение*, или *книгознание* и по смыслу ее названия, как *книгоописание*»⁸, нигде в работе, подводящей «итог всему предшествующему периоду русской библиографии»⁹ и вольно или невольно намечающей ее перспективы, не говорится о *журнальной библиографии*.

Что же, по мнению редакции «Книжного вестника», включает в себя введение к журнальной библиографии? Напомним, что, в понимании авторов, сама журнальная библиография есть не что иное, как перечисление журнальных статей. В каком порядке, руководствуясь какой системой, предполагалось выстраивать это перечисление – не сказано.

Итак, введение представляется состоящим из:

1. Перечня журналов (о других видах периодических изданий речи нет);
2. Их описания, которое должно состоять из:
 - a) точного понятия о программе журнала;
 - b) общей оценки характера и достоинства статей;
 - c) указания цены и места подписки;
 - d) исторических сведений о возникновении и развитии каждого журнала.

Журнал, брал на себя миссию дать «точное понятие о программе» и оценку характера и достоинства статей, отказываясь от строго академического, беспристрастного отношения к библиографии, привнося (или только собираясь это сделать) в журнальную библиографию элементы оценочные, т. е. субъективные. Судя по содержанию опубликованного материала, так оно и происходило. Более того, иногда редакция считала возможным давать рекомендации и публиковать свое понимание социальной роли журналистики в целом и отдельных журналов,

в частности. Так, в статье «Обозрение повременных юридических изданий за прошлый год»¹⁰ она таким образом характеризует современную обстановку в России и определяет задачи юридического журнала: «Важно и высоко значение подобного издания, особенно у нас в настоящее время, когда литература явилась деятелем в указании средств к улучшению различных сторон нашего юридического быта. Обширна задача юридического журнала и неисчерпаема сфера его деятельности в виду общих изменений сословных отношений, коренных преобразований суда, полиции, в виду создания адвокатуры. В разъяснении этих-то живых интересов настоящего времени, в приговорах общества к новому и лучшему порядку вещей, в строгом указании истинных путей улучшения и состоит высокая задача русского юридического журнала в настоящее время: в этом и заключается основание общего участия к нему всего русского образованного мира. Сверх того русский юридический журнал с одной стороны должен содействовать к исправлению некоторых недостатков нашего юридического образования, с другой к пополнению ничем необъяснимых пробелов в нашей юридической литературе. Он должен указать и лучшие способы и пределы высшего юридического образования»¹¹. Именно с этих столь высоких требований и рассматривается деятельность «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемого Н. В. Калачевым»¹² и «Журнала Министерства юстиции»¹³.

В другой статье – «Заметки о книжной торговле в России» – автор, не замечая, что вступает в некоторое противоречие с содержанием предыдущей, дает свое определение журнала. «Журнал, – пишет он, – как свидетельствует самое название, есть книга дня, картина, отголосок современности, следовательно, нечто преходящее, случайное, временное; это беседа о наших обыденных потребностях общежития, в которой не преподаются никакие положительные знания, стоящие выше времени и места, служащие надежнейшей опорой всякой человеческой деятельности, слагающиеся в то, что составляет единственное прочное бессмертное стяжание человечества – науку. Журнал – это воспитатель, гувернер, знакомый, приятель наш, но не учитель, не серьезный товарищ и опора в труде и в жизни. Он говорит обо всем, и потому говорит поверхностно, вообще, старается связать в общем представлении все стороны и отправления нашей жизни, применяясь преимущественно к интересам нравственным, гражданским и политическим, насколько эти интересы связаны с нашим общественным бытом, и с вопросами дня»¹⁴.

Весьма знаменательна и интересна эта попытка позиционировать составляющие литературного потока – книги (разделяя их по адресату и содержанию), журналы (попытавшись объяснить отличие их от книг и проводя разделение еще тоньше – среди самих журналов автор различает «маленькие журналы» и «журналы большие»). Такое понимание определено не только интересами книгопродавца, но духом времени в целом. Как современник, испытав на себе влияние периодической печати, но силою привходящих обстоятельств вынужденный ратовать за продвижение на рынок книг, а не монополизировавших общественное

сознание журналов, он, тем не менее, признает, что «журналы наши, и большие и маленькие (и первые еще больше последних, хотя и многочисленнейших и не имеющих значения того, что называется монополией), вынесли на плечах своих весь успех общественных вопросов последних лет, умели привлечь к ним народное внимание и чрез то возбудили в нашем обществе такую охоту к чтению и образованию, какой в нем кажется никогда еще не проявлялось. Это заслуга историческая»¹⁵. Зародившаяся охота к чтению не носит отвлеченного характера, она обусловлена требованием времени. «С изменением обстоятельств (надеемся – к лучшему) образ действия литературы нашей должен измениться <...>: журналов для публики нашей уже мало, – она требует уже книг, всяких книг <...>, нужнейших ей»¹⁶.

Нам кажется, что в этом случае можно говорить о фиксации на страницах библиографического журнала изменения восприятия современниками социальной роли периодики. В частности, журнал перестает быть поденной записью, хроникой, дневником, окончательно уходя от образцов XVIII – начала XIX века, к пользе и увеселению служивших. Такие попытки в истории русской журналистики уже были – достаточно вспомнить имена Новикова, Карамзина, Полевого, Булгарина, Греча, Каченовского, Белинского, их работу в журналистике.

В. Г. Белинский сравнивал журнал с кафедрой... Но аудитория, располагавшаяся перед ней, была слишком малочисленной, к тому же часть ее вовсе не понимала смысла обращенных к ней слов. В 50-е – начале 60-х гг. XIX в. положение начинает заметно меняться. «Говорят, война встряхнула наш общественный строй... Так или не так, но последнее время действительно заявило много новых начал; многие предрассудки, заблуждения и предубеждения пошатнулись, пожалуй, так, что никогда уже не станут на прежнее место», – замечает журнал в одной из статей¹⁷.

Констатируя эти перемены, «Книжный вестник» обращается к теме, тесно связанной с ними – к размышлениям о читательской аудитории, ее вкусах и «средствах чтения». Живописно начало статьи, дающее современному исследователю не статистику, не выводы, а ощущение эпохи, без которого выхолащивается многое и из статистических данных, и из умозрительных обобщений. «Читать Москва, говоря о большинстве, еще вообще ленива, но едва ли где-нибудь с таким участием, с таким жаром читают, как в Москве...»¹⁸, – замечает автор. «Большинство, – продолжает он, – любит слушать, особенно женщины, немногие из молодежи имеют страсть читать вслух; люди пожилые и серьезные ограничиваются газетами, которые они читают или в трактирах, между делом, в присутствиях, вечером в клубах, реже дома за утренним чаем... В великосветские кружки очень еще недавно стали проникать русские журналы, да и до сих пор у многих они лежат почти все время не разрезанными, сдаются переплетчикам и ставятся в шкапы... <...> Часто в таких кружках приходится слышать жалобы на объем и толщину наших журналов, вырезают особенно интересное, переплетают, и потом уже читают. Таких превращений было не мало с Отечественными Записками, именно с теми их номерами, в которых был помещен Обломов, которого казалось уж как-то совестно не прочесть... <...>. Но

это черты общие, великосветские, великосветскость везде одинакова, и в Москве, и в Петербурге, пожалуй, и в Иркутске...»¹⁹.

Явления общественной жизни, публично зафиксированные, требуют какого-то отношения к себе от общества, или от его части – согласия или отрицания, поправок, дополнений, т. е. движения, действия, не обязательно физического – письма в редакцию, публичного выступления, но умственного, для себя. В этом-то и скрыто не декларируемое значение периодической печати в целом, в нашем случае в этом и состоит заслуга «Книжного Вестника» перед современниками – фиксация явлений литературно-общественной жизни, побуждение к движению, к действию.

Это – ценные свидетельства современника, не измененные размышлениями при написании мемуаров, а живые впечатления вчерашнего дня. Они закрепляют в общественной памяти не только формальные моменты, о которых мы можем узнать и в современных справочниках, но говорят о причинах, их вызвавших, о возможных следствиях, о реакции общества на то или иное событие. И в этом исследователь может найти или подтверждение своим догадкам и предположениям, или, при необходимости, скорректировать их.

Спустившись ниже по социальной лестнице, автор приводит нас в трактир, объясняя это тем, что «во многих трактирах *машина* (подобие музыкального автомата – Э. Л.) и журналы служат как бы приманкой публики»²⁰. Понятно, что трактирщик отдает предпочтение машине – «под машину русский человек и съест больше и выпьет больше, а журналы – вещь бездоходная, большая часть читающих скромный народ – разве чайку спросит. За то едва ли где сыщутся такие рьяные читатели, как по трактирам; они терпеливы, долго ждут <...>. Не даром на всех *книгоедов* в претензии трактирщици, и не совсем любезно их принимают: и место занимают, и мало доходу от них, а не иметь журналов нельзя: много спрашивают *просмотреть*, многие привыкли взглянуть, что есть... и эти-то многие просматривающие и окупают журнал»²¹.

Вряд ли комментарий может что-либо добавить к сказанному. Здесь нарисована целая картина, говорящая гораздо больше, чем только о бытовании трактиров. Здесь несколькими штрихами обозначены типы читателей и с точки зрения социальной, и – с интеллектуальной, здесь чувствуется время, которое заставляет трактирщика заниматься невыгодным делом – выписывать журналы...

«Делая перечень всех приютов чтения в Москве», автор не оставил без внимания и биржу, считая что, как в заграничных, так и здесь, должны были бы быть необходимые сведения для промышленного и торгующего человека, т. е. специальные периодические издания. Правда, он не находит их. Но, пользуясь случаем, дает интересную характеристику тем, присутствие которых считает возможным. Вот как он пишет об этом, опять апеллируя к неразрывной связи, установившейся не так давно и потому так остро ощущаемой между периодическими изданиями и переживаемым обществом временем: «Движение последнего времени не могло не вызвать периодических изданий и газет, собственно служащих промышленным и торговым целям, – издания, и издания дельные

большую часть, не замедлили явиться»²². Не без юмора характеризуются эти издания – «первое место между ними бесспорно принадлежит Промышленному Вестнику, как по полноте, так и по полезности и разнообразию его содержания; к нему, для приведения в ясность большую часть темных дел наших акционерных обществ, с нынешнего года присоединилась газета Акционер; Журнал Акционер уже прежде издавался с подобною же целью, давно уже известны Экономический Указатель с Экономистом, прославился и хорошей целью и дороговизною Посредник, явился и уже исчез Промышленный Листок, появился Экономический при новой газете Современность <...>»²³.

С № 3–6 начинается обещанная публикация содержания журналов (С. 38–39). Расписана пятая книга «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемого Николаем Калачовым». Содержание публикации пока отличается от декларированного в первом номере – в ней нет ничего, кроме дословной перепечатки оглавления, правда, без указания страниц (позже появятся и эти указания). Более того – она помещена под рубрикой «Объявления», что означало, во-первых, ее платность, во-вторых, что редакция ответственности за ее содержание не несет. Так было и позже: роспись помещалась то до объявлений, то в качестве их, хотя уже со следующего номера возникает специальная рубрика для подобного рода материалов – «Содержание журналов 1860 года».

В течение 1860 г. таким образом был составлен своеобразный библиографический указатель (последние номера некоторых изданий были рассмотрены уже в следующем, 1861 году). Представление о его содержании дает составленная нами таблица.

Таблица 1. Роспись содержания периодических изданий за 1860 г.

№	Название издания	Адрес росписи
1	Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым	Кн. 5 (№ 3-6);
2	Библиотека для чтения	4 книги (№ 9);
3	Вестник промышленности	6 книг (№ 11-12); Кн. 7 (№ 13-14); Кн. 8 (№ 15); Кн. 9 (№ 16); Кн. 10 (№ 17-18); Кн. 11 (№ 19-20); Кн. 12 (№ 22).
4	Военный сборник	5 книг (№ 7-8); Кн. 6 (№ 10); Кн. 7 (№ 11-12); Кн. 8 (№ 15); Кн. 10 (№ 17-18); Кн. 11 (№ 19-20); Кн. 12 (№ 22).
5	Журнал Министерства внутренних дел	Кн. 7 (№ 15); Кн. 8 (№ 16); Кн. 9 (№ 19-20); Кн. 10 (№ 21); Кн. 11 (№ 22).

6	Журнал Министерства государственных имуществ	4 книги (№ 10); Кн. 8 (№ 15); Кн. 9 (№ 17-18); Кн. 10 (№ 19-20); Кн. 11 (№ 21); Кн. 12 (№ 23-24).
7	Журнал Министерства народного просвещения	Ч. CV, 3 книги (№ 7-8); Кн. 4 (№ 11-12); Кн. 5 (№ 13-14); Кн. 6, 7 (№ 15); Кн. 8 (№ 16); Кн. 9 (№ 17-18); Кн. 10 (№ 19-20); Кн. 11 (№ 22).
8	Журнал Министерства юстиции	5 книг (№ 9); Кн. 6 (№ 11-12); Кн. 7 (№ 13-14); Кн. 8, 9 (№ 16); Кн. 10 (№ 17-18); Кн. 11 (№ 21); Кн. 12 (№ 22).
9	Записки императорского Общества сельского хозяйства Южной России	Кн. 1 (№ 11-12); Кн. 2 (№ 17-18).
10	Записки Кавказского Общества сельского хозяйства	2 книги (№ 11-12); Кн. 3 (№ 17-18).
11	Записки Казанского экономического общества	Вып. 1 (№ 13-14).
12	Инженерный журнал	2 книги (№ 10); Кн. 3 (№ 133-14); Кн. 4 (№ 15); Кн. 5 (№ 19-20); Кн. 6 (№ 22).
13	Морской сборник	7 книг (№ 11-12); Кн. 9 (№ 15); Кн. 10 (№ 16); Кн. 11 (№ 17-18); Кн. 12 (№ 21); Кн. 13 (№ 22).
14	Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год	№ 16.
15	Русский вестник	Кн. 1-13 (№ 13-14); Кн. 14-16 (№ 16); Кн. 18 (№ 17-18); Кн. 19 (№ 19-20); Кн. 20 (№ 21).
16	Сельское хозяйство	6 книг (№ 11-12); Кн. 7 (№ 13-14); Кн. 8 (№ 15); Кн. 9 (№ 16); Кн. 10 (№ 17-18); Кн. 11 (№ 19-20); Кн. 12 (№ 22).
17	Современник	Кн. 1-7 (№ 13-14); Кн. 8, 9 (№ 16); Кн. 10 (№ 19-20); Кн. 11 (№ 22); Кн. 12 (№ 23-24).
18	Строитель, механик и технолог	Кн. 1-6 (№ 13-14); Кн. 7, 8 (№ 15); Кн. 9 (№ 17-18); Кн. 10 (№ 19-20); Кн. 11 (№ 21); Кн. 12 (№ 22).
19	Труды императорского Вольного экономического общества	5 книг (№ 9); Кн. 7 (№ 13-14); Кн. 8 (№ 15); Кн. 9 (№ 16); Кн. 10 (№ 17-18); Кн. 11 (№ 21); Кн. 12 (№ 22).
20	Экономист	Кн. 1-3 (№ 17-18).

Здесь издания расположены по алфавиту; в самом журнале их размещение в росписях было случайным. Объяснить именно такой выбор из нескольких сотен газет и журналов сейчас уже трудно. Если справедливо наше замечание о платности объявлений, возможно, что на такой «выбор» влияло финансовое положение периодики, как правило, не блестящее.

Объяснение может быть и другим. Несмотря на отсутствие денег на рекламу, пропагандировать свои издания редакции заставляло осознание своей значимости и необходимости, востребованности в ближайшем будущем, желание принять активное участие в событиях, приближение которых общество уже чувствовало.

В одном из обещаний модернизации «Книжного вестника» сказано среди прочего, что в следующем, 1861 году, «в конце каждого № будут печатаемы оглавления *всех* важнейших журналов и сборников, по мере выхода в свет их книжек»²⁴. Может быть, в текущем году производился своеобразный отбор этих важнейших, по мнению редакции, изданий?

Наше современное восприятие противится именно такому выбору. Не во всем мы с ним согласны. Но, во-первых, если мы хотим познакомиться с положением дел в 1860 году, то должны уважать тот выбор, а не основываться на своем восприятии, а, во-вторых, можно предположить, что и тогда он не был окончательным.

Так или иначе, но и в этом случае «Книжный вестник» предоставляет нам уникальную возможность – при необходимости посмотреть, о чем одновременно писали разные издания.

Помочь в определении «правильности» редакционного выбора способна работа В. И. Межова, начатая публикацией в 9 номере журнала – «Список повременных изданий (журналов и газет), выходящих в России в 1860 году». Начиная его, точнее сказать – продолжая²⁵, В. И. Межов «старался дать своим спискам значение возможно полных (хотя и в кратких чертах) материалов для будущей разработки нашей журнальной литературы»²⁶. По существу в ней воплощен план создания *журнальной библиографии*, о которой «Книжный вестник» писал в начале своего существования. В «Списке...» присутствуют все пункты, перечисленные в программе журнальной библиографии. Более того, в них наличествуют авторские характеристики и замечания, не всегда лестные для периодики. Но коль скоро они опубликованы без комментариев, следовательно, это – позиция редакции. Невольно возникает мысль о том, не заимствована ли сама идея журнальной библиографии из аналогичных предыдущих публикаций Межова?!

Редакция, не забыв о своих планах создания журнальной библиографии, лишь добавила: «Не имея никаких исключительных связей ни с одним журнальным кружком, Редакция Книжного Вестника надеется сохранить в этом случае должное беспристрастие, хотя не ручается за безошибочность, невозможную в подобном деле ни для отдельного, ни для собирательного лица. Как список, так и обзорение будут служить введением в постоянную журнальную летопись, которой будет дано место в Книжном Вестнике и в которую будут заноситься важнейшие явления и обстоятельства, возникающие в журнальном мире»²⁷. Не изменила ли

редакция своих планов, отказавшись от создания журнальной библиографии и взявшись за составление журнальной летописи? Скорее всего, теперь журнальная библиография виделась составной частью журнальной летописи.

В «Список...» включены издания на русском и других языках, выходившие в России (исключая Польшу и Финляндию), издания, прекратившиеся в 1859 и 1860 годах, и издания, намеченные к выходу в 1861 году. Нашли место в списке и несколько сборников. Всего 341 позиция. Автор сообщает о названии, объеме, периодичности, указывает фамилию редактора, условия подписки, иногда дает обширные сведения по истории издания, одним словом, пытается представить исчерпывающую информацию обо всех выходящих журналах и газетах. Все это очень похоже на черновой план будущей работы Н. М. Лисовского «Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики». Пг., 1915 г.). В предисловии к ней Н. М. Лисовский среди прочих указывает и труд В. И. Межова: «6). Повременные издания в России в 1860 и 1861 годах. В. И. Межов. Спб., 1861. [К этой работе см. *его же* дополнения за 1862–1864 г. Спб., 1864]»²⁸. Несомненно, обращался он и к другим аналогичным публикациям В. И. Межова, посвященным периоду 1856–1859 гг. Но этим фактом значение оригинальной публикации В. И. Межова не умаляется, а, напротив, только увеличивается и по-прежнему сохраняет свою самостоятельность. В ней, помимо позже растиражированных, теперь общеизвестных данных, остались уникальные, не часто или вовсе неиспользуемые современными исследователями. Мы имеем в виду комментарии, которыми снабжены некоторые отдельные справки. Они важны, как нам кажется, для характеристики интересов времени и самих изданий. Обратимся к некоторым из них, относящимся к расписанным «Книжным Вестником» и включенным в нашу таблицу изданиям²⁹.

Говоря о «Библиотеке для чтения», В. И. Межов не случайно подробно излагает ее историю. Это не только экскурс в прошлое, но и указание на существование связи прошлого с настоящим. Программа журнала, оставаясь прежней, дополнилась темами современными. «С 1858 года в Библиотеке для Чтения помещаются статьи по крестьянскому вопросу, а с 1859 г. в нее введен политический отдел», – указывает В. И. Межов³⁰.

Сориентировать общество в выборе чтения – одна из задач «Списка...», поэтому-то и появляются слова: с 1856 г. журнал «занял одно из первых мест между современными русскими журналами»³¹, место, какое он занимал и в первый период своего существования, под редакцией О. И. Сеньковского.

Не потеряли своей значимости и официальные, но популярные журналы – «Военный сборник» и «Морской сборник». Характеризуя первый, В. И. Межов указывает на статью г. Сестрэнцевича–Кучука в «Русском инвалиде» 1859 года (№ 76) «Несколько слов о журнале «Военный Сборник», за 1858 г., в которой тот нападает на обличительный характер журнала»³². Казалось бы, при чем тут статья почти двухгодичной давности, стоит ли о ней вспоминать в работе, претендующей на вневременной характер (вспомним слова В. И. Межова из введения к «Списку...» о том, что одна из его задач – сбор «материалов для будущей разработки нашей журнальной литературы»).

Издание, в котором публикуется работа, характеризуется как «повременное», а это означает, что, наряду с задачами будущего, оно призвано давать ответы и на вопросы современные (повременные – соотносящиеся со временем, в котором издается), поэтому-то и обращается внимание на *полемический характер официального издания*. Само по себе сочетание оригинальное, а в обстановке 60-х годов, в обстановке напряженного общественного сознания – указание значимое.

На наш взгляд, не менее важным для подписчиков и потенциальных читателей является и наблюдение о постепенном удешевлении «Морского сборника» за счет постоянного увеличения его объема без изменения стоимости. «До подобной изумительной дешевизны, – пишет В. И. Межов, – кажется не доходило еще ни одно периодическое издание. С 1857 до настоящего времени «Морской Сборник» издается в таком же объеме, как Современник, Отечественные Записки и другие лучшие наши журналы»³³. Поставив в один ряд с лучшими журналами и «Морской сборник», сравнив их, пусть только по объему, автор вольно или невольно переносит и на него эту характеристику – «лучшие наши журналы».

История «Журнала Министерства внутренних дел»³⁴, обстоятельно рассказанная В. И. Межовым, показывает, как постепенно расширяется программа, улучшается содержание, увеличивается внимание министерства и правительства в целом к нему, естественно, не без пользы для читателей.

Положительной оценки удостоен и «Журнал Министерства государственных имуществ», который «становится с каждым годом занимательнее и дельнее, г. Безобразов и, в особенности, настоящий редактор подняли его на ноги и неуклонно ведут по пути усовершенствований и современных требований науки и общества»³⁵.

Катковский «Русский вестник», о котором в позднейшей историографии вспоминали только для того, чтобы обругать и издание, и издателя, у В. И. Межова как современника оценен иначе. «С самого начала своего издания, т. е. с 1856 г., – пишет он, – «Русский Вестник» победоносно завоевал себе одно из первых мест в ряду наших лучших ежемесячных изданий. Успех его был до того велик, что редакция должна была приступить ко 2-му изданию 1-х 6-ти книжек 1856 года. Издаваемый М. Катковым <...> «Р. В.», как нельзя лучше, понял современные требования образованного большинства публики и явился красноречивым истолкователем ее стремлений»³⁶.

Приведенные мнения В. И. Межова (правда, иногда заимствованные им из редакционных рекламных статей о подписке) достаточно красноречиво, на наш взгляд, свидетельствуют о различном отношении к периодическим изданиям современников и поздних исследователей. Они также являются подтверждением того, что для росписи издания выбирались не случайно, а по определенному плану, основой которого было значение журнала или газеты, его основная тематика.

В этой связи интересно посмотреть на структуру изданий России 1860 года. Таковую возможность нам предоставляет все тот же «Список...», в конце которого приведены обобщающие данные, сведенные нами в таблицы. (См. Таблицы 2 и 3).

Особых различий между двумя годами мы не обнаружим, и это естественно

– слишком мал временной интервал для изменений крупных. Но, тем не менее, мы можем обратить внимание на рост числа изданий, посвященных сельскому хозяйству, промышленности, политической экономии, правведению. Здесь же отметим, что публикации на эти или близкие им темы стали чаще появляться в изданиях, обозначенных В. И. Межовым как «энциклопедические», к которым он причислил и губернские ведомости, имея в виду не столько энциклопедичность в истинном значении этого слова, сколько всезнание, т. е. стремление писать обо всем.

Помимо абсолютных показателей, выраженных в процентах, есть и такие, которые в данном случае не могут быть учтены в процентах. Так, в группе «Технология и сельское хозяйство» отмечено, что в течение года прекратили свое существование 3 издания, а возникло 4. Проценты показывают только разницу между ними, т. е. единицу. На самом же деле появилось четыре новых издания. Резонно предположить, что они привнесли с собой нечто новое – новое содержание, новые подходы к освещению тем прежних.

Таким образом, возвращаясь к определению критериев выбора периодических изданий «Книжным вестником» для росписи их содержания, мы можем еще раз подтвердить, что выбор этот не был случайным, что он сознательно или интуитивно отражал движение журнальной литературы.

Изменения коснулись и периодичности. Печать становится более мобильной. Интересно, что происходит это не за счет увеличения числа ежедневных изданий (их количество остается прежним), а за счет изданий еженедельных – за год их становится больше почти на 12 процентов. Объяснимо это тем, что еженедельники, обладая большей оперативностью, чем ежемесячники, вместе с тем лишены суетливости, свойственной ежедневным изданиям. Кстати сказать, что в России, по крайней мере, во второй половине XIX и в начале XX вв., как свидетельствует статистика, именно еженедельники пользовались особой популярностью у читателей.

Таблица 2. Число периодических изданий по содержанию

Содержание	1860 год	% от общего	1859 год	% от общего	Примечание
Энциклопедические повременные издания, в т. ч. и губ. ведомости	142	46,60	132	45,36	Вновь выходящих – 13 прекратившихся – 3
Технология и сельское хозяйство	23	7,39	22	7,56	Вновь выходящих – 4 прекратившихся – 3
Богословие	18	5,78	13	4,46	
Медицина	16	5,14	14	4,81	Вновь выходящих – 3 прекратившиеся – 1
Естественные науки	16	5,14	17	5,84	

Содержание	1860 год	% от общего	1859 год	% от общего	Примечание
Педагогика, детское чтение	14	4,50	13	4,46	
Мануфактура, торговля и горное дело	14	4,50	13	4,46	
История	13	4,18	14	4,81	Вновь выходящий – 1 прекратившихся – 2
Искусство и рукоделья	13	4,18	16	5,49	Вновь выходящих – 2 прекратившихся – 5
Правоведение	8	2,57	6	2,06	
Беллетристика	8	2,57	8	2,74	
География, этнография, статистика	7	2,25	7	2,40	Вновь выходящее – 1 прекратившееся – 1
Военные и морские науки	6			2,06	
Библиография, история литературы и критика	5	1,60	4	1,37	
Политическая экономия	3	0,96	2	0,68	
Математика	3	0,96	2	0,68	
Языкознание	2	0,64	2	0,68	Вновь выходящее – 1 прекратившееся – 1
Всего:	311 *	100,94	291	100	Вновь выходящих – 25 Прекратившихся – 16

* В тексте В. И. Межов везде указывает цифру 310. Она же упоминается у Е. Н. Винер. Но подсчет данных по всем группам дает – 311.

Таблица 3. Число периодических изданий по срокам выхода

Периодичность	1860 год	% от общего	1859 год	% от общего	Примечание
Еженедельных	99	33,79	89	30,79	Вновь выходящих – 13 прекратившихся – 3
Ежемесячных	64	21,84	65	22,49	Вновь выходящих – 18 прекратившихся – 7
6 раз в год	16	5,46	15	5,19	
Ежедневных	12	4,09	12	4,15	
2 раза в месяц	12	4,09	12	4,15	Вновь выходящих – 2 прекратившихся – 2
4 раза в год	9	3,07	10	3,46	Вновь выходящих – 1 прекратившихся – 2
3 раза в неделю	7	2,39	7	2,42	

По 1-му разу и более в год	67*	22,87	68	23,52	Вновь выходящих – 1 прекратившихся – 2
2 раза в неделю	3	1,02	2	0,69	
4 раза в неделю	2	0,68	7	2,42	
3 раза в месяц	2	0,68	2	0,69	
Всего:	293	100	289	100	Вновь выходящих – 35 Прекратившихся – 16

* В журнале указано ошибочное значение (6). Восстановлено по отдельному изданию.

«Список...» В. И. Межова, публиковавшийся с 9 по 21 номер журнала³⁷, заслуживает особого разговора. Здесь лишь добавим, что в 1860 году он сыграл не малую роль в популярности «Книжного Вестника» и, несомненно, способствовал приближению отечественной периодики к читателю, помогал ему осуществлять осознанный выбор.

Заканчивая обзор, добавим, что замечания о повременной печати встречаются на страницах журнала не только в статьях, специально посвященных ей. Мы можем найти их в объявлениях, в заявлениях от редакции, в рассказах о деятельности библиотек, книжной торговле и даже в разделе «Библиография», хотя он, казалось бы, не предназначался для этого. Так, уже в «Библиографии за январь 1860 года», в подразделе «История народного просвещения, педагогика, детские книги» редакция сообщает о том, что «из выходящих в нынешнем году детских журналов» она успела «рассмотреть только некоторые», и может «поименовать, рекомендуя родителям и воспитателям: Журнал для Детей, Собеседник и Подснежник. Самое лучшее выписывать для детей все три эти журнала, ибо каждый из них имеет свое особенное достоинство»³⁸. В этом же разделе указаны и периодические издания, которые представляют собой некий переходный от неповременной к повременной печати тип – к примеру, Кавказский календарь, Адрес-календарь Оренбургского края, Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Интересно, что включены они в подраздел «История»³⁹. В другом подразделе – «Сельское хозяйство, промышленность и технология» дано указание на Записки Лебедянского общества сельского хозяйства за 1859 год⁴⁰.

В практике журналистики XIX и начала XX вв. частой была перепечатка газетных и журнальных публикаций либо в виде отдельных оттисков, либо в виде книг и брошюр, объединявших несколько тематически связанных выступлений. Как правило, они малотиражны, их трудно выявить. Указания на них мы также можем найти в «Книжном вестнике». В январском выпуске аннотирована брошюра Е. Грумм-Гржимайло «О свеклосахарной промышленности и развитии ее в России», содержание которой извлечено из Трудов имп. Вольного экономического общества. Характеризуя книгу, редакция отмечает, что брошюра представляет обзор «развития свеклосахарной промышленности в России, ее современного состояния, ее систем и ее влияния на благосостояние крестьян»⁴¹.

Не ускользали от внимания авторов библиографии даже брошюры, составленные из газетных выступлений: «Несколько слов по поводу статей о сельских лечебницах и священниках – врачах их». Из № 22 и 23 Московской

медицинской газеты; «Русский торговый флот, в особенности Балтийский, его состояние, развитие и будущность. Ст. Вольдемара. (Из Спб. Ведомостей. № 10 и 11, 1860 г.)»⁴².

Это еще раз подтверждает мысль о том, что библиографические журналы прошлого наполнены интересными и полезными для современных исследований материалами, до сих пор малоизученными.

Удалось ли «Книжному вестнику» на своих страницах создать журнальную библиографию в 1860 году? В том объеме и единстве, какими они виделись при начале работы, это не получилось. Очевидно потому, что это дело не одного года, тем более первого для периодического издания, когда, прежде всего, было необходимо решить много срочных организационных вопросов, наладить регулярный выпуск самого журнала. Но прочные основы ее были заложены, разработаны планы осуществления, и редакция приступила к их осуществлению. Как развивались события дальше – тема других публикаций. В завершение этой мы помещаем составленное нами оглавление журнала за 1860 год – первую попытку создать указатель к библиографическому журналу. Публикация даты цензурного разрешения показывает, каким трудным с точки зрения организационной был для редакции первый год существования журнала.

Содержание журнала «Книжный Вестник» за 1860 год.

№ 1–2:

- 1) От редакции,
- 2) Библиография за Январь,
- 3) Обзорные повременных юридических изданий за прошлый год,
- 4) Заметки о книжной торговле в России,
- 5) Объявления.

Цензурное разрешение от 22 апреля 1860 г.

№ 3–6:

- 1) Библиография за Февраль и Март,
- 2) Обзорные повременных юридических изданий за прошлый год (окончание),
- 3) Ъ и Ь с издательской и типографской точки зрения,
- 4) О средствах чтения в Москве и о Московской лубочной литературе,
- 5) Список провинциальных книгопродавцев,
- 6) Объявления.

Цензурное разрешение от 7 мая 1860 г.

№ 7–8:

- 1) Библиография за Апрель,
- 2) Обзорные повременных юридических изданий за прошлый год (статья вторая),
- 3) Поправка к статье о Ъ, Ь и Й,

- 4) Смесь,
- 5) Содержание журналов 1860 г.

Цензурное разрешение от 18 мая 1860 г.

№ 9:

- 1) Библиография за первую половину Мая,
- 2) Список периодических изданий (журналов и газет), выходящих в России в 1860 году,
- 3) Заметки о книжной торговле в России,
- 4) Содержание журналов 1860 г.,
- 5) Объявление.

Цензурное разрешение от 30 мая 1860 г.

№ 10:

- 1) Библиография за вторую половину Мая,
- 2) Список периодических изданий (журналов и газет), выходящих в России в 1860 году,
- 3) Заметки о книжной торговле в России,
- 4) О пересылке книг и журналов,
- 5) Объявления: о содержании журналов 1860 г. и от Книжного магазина Сеньковского.

Цензурное разрешение от 14 июня 1860 г.

№ 11–12:

- 1) Библиография за июнь,
- 2) Список периодических изданий (журналов и газет), вышедших в России в 1860 году,
- 3) Таинственные подвиги некоторых книгопродавцев, преимущественно московских,
- 4) Нечто о продаже Евангелия, киевском книгопродавце Литове и других,
- 5) Дешевые журналы во Франции,
- 6) Русские ученые и писатели, умершие в 1859 году,
- 7) Объявления: о содержании журналов 1860 г. и о новых книгах.

Цензурное разрешение от 7 июля 1860 г.

№ 13–14:

- 1) Библиография за Июль,
- 2) Список периодических изданий (журналов и газет), вышедших в России в 1860 году,
- 3) Таинственные подвиги некоторых издателей и книгопродавцев,
- 4) Товарищество «Общественная Польза»,
- 5) Заметка на ответ г. Литова,
- 6) От Редактора Инженерного Журнала,

7) Объявления: о содержании журналов 1860 г. и о новых книгах.
Цензурное разрешение от 15 августа 1860 г.

№ 15:

- 1) Библиография за первую половину августа,
- 2) Список периодических изданий (журналов и газет), выходивших в России в 1860 году,
- 3) Деньги и Слава, великолепная энциклопедическая мысль,
- 4) О книжном деле в Саратове,
- 5) Смесь,
- 6) Объявления: о содержании журналов 1860 г. и о новых книгах.

Цензурное разрешение от 15 сентября 1860 г.

№ 16:

- 1) Библиография за вторую половину августа,
- 2) Список периодических изданий (журналов и газет), выходивших в России в 1860 году,
- 3) Энциклопедический Словарь,
- 4) Книжная торговля в Москве и распространение ее по ярмаркам,
- 5) Некрологи писателей,
- 6) Объявления: о содержании журналов 1860 г. и о новых книгах.

Цензурное разрешение от 5 октября 1860 г.

№ 17–18:

- 1) Библиография за сентябрь,
- 2) Список периодических изданий (журналов и газет), выходивших в России в 1860 году,
- 3) Предположение об учреждении провинциальных публичных библиотек,
- 4) Книжное дело в Воронеже,
- 5) Содержание журналов 1860 г.

Цензурное разрешение от 24 октября 1860 г.

№ 19–20:

- 1) Библиография за октябрь,
- 2) Список периодических изданий (журналов и газет), выходивших в России в 1860 году,
- 3) Некролог,
- 4) Устройство новой читальной залы в Императорской Публичной Библиотеке,
- 5) Книжное дело в Воронеже,
- 6) Книжные новости из Москвы,
- 7) Об устройстве библиотек,
- 8) Содержание журналов 1860 г.,
- 9) Объявления.

Цензурное разрешение от 24 ноября 1860 г.

№ 21:

- 1) Библиография за первую половину ноября,
- 2) Список периодических изданий (журналов и газет), выходявших в России в 1860 году,
- 3) О библиотеках Казанской губ. гимназии,
- 4) Содержание журналов 1860 г.,
- 5) Объявления.

Цензурное разрешение от 9 декабря 1860 г.

№ 22:

- 1) Библиография за вторую половину ноября,
- 2) Еще о чтении в Москве,
- 3) Список книжных магазинов и лавок в С.-Петербурге,
- 4) Письмо к редактору,
- 5) Содержание журналов 1860 г.,
- 6) Объявления.

Цензурное разрешение от 29 декабря 1860 г.

№ 23–24:

- 1) Библиография за декабрь,
- 2) Ведомость типографиям в Спб. к декабрю 1860 г.,
- 3) Ведомость библиотекам для чтения в Спб.,
- 4) Из Харькова,
- 5) Какие сведения можно вынести из книжного магазина Кожанчикова,
- 6) Прекратившиеся журналы,
- 7) Некрологи,
- 8) От редакции,
- 9) Поправки,
- 10) Содержание журналов 1860 г.,
- 11) Объявления.

Цензурное разрешение от 23 января 1861 г.

¹ Вот, к примеру, как начитается один из обзоров: «Журналы и газеты, поглощая деятельность большей части лучших наших литераторов, определяют общий характер отечественной литературы, знаменуют ее движение, жизнь и успехи. Прибавлять ли, что почти все гг. редакторы периодических изданий наших – люди умные, многосведущие, более или менее, но замечательно даровитые. Мы не берем на себя обязанности представить читателю подробный отчет о составе и достоинстве разнообразных статей каждого из наших журналов: для этого потребовалась бы не брошюра, а целая книга. Между тем, мы думаем, что все вообще журналы наши

очень и очень хороши, да и не могут быть дурными: потому что всякая статья, назначаемая для напечатания в журнал, подвергается предварительно строгому суду редактора, а иногда переделке, или, по крайней мере, обработке, так что, являясь в свет, почти всегда уже отличается либо занимательностью содержания, либо большим или меньшим, изяществом изложения, - и вот почему публика наша предпочтительно любит журналы и имеет к ним более доверия, нежели к отдельным брошюрам и книгам, особенно - если на заглавном листе последних не встречается известного, любимого имени» и т. д. и т. п.». (*Л. Брандт*. Несколько слов о периодических изданиях русских. СПб., 1842. С. I-II).

Примерно также, только гораздо талантливее, у Белинского, и у других - это общий стиль того времени...

² Исключением является азбучный указатель к «Библиографическим запискам» (М., 1864; приложен к 11 и 12 № «Русского архива» этого года).

³ *Здобнов Н. В.* История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955. С. 86. («Начало библиографической журналистики в России положили Г. Л. Х. Бакмейстер своим журналом «Russische Bibliothek zur Kenntniß des gegenwertigen Zustandes der Literatur in Russland» (Русская библиотека для познания современного состояния русской литературы) и Н. И. Новиков изданием «Санктпетербургских ученых ведомостей». Бакмейстер (1730-1806) издавал свой журнал в 1772-1789 гг. в Петербурге на немецком языке при поддержке со стороны рижского книгопродавца Гарткноха (на титуле значится: St. Petersburg, Riga und Leipzig) главным образом с целью популяризации за границей русской книги и русской науки». Там же. С. 88.)

⁴ *Лисовский Н. М.* (Библиография русской периодической печати, 1703-1900 гг.: Материалы для истории русской журналистики. СПб., 1915. С. 160-161) об этом журнале дает такую справку:

«647. а) Книжный Вестник. Журнал русской литературной деятельности, книжной торговли, книгопечатания и т. п. 1860. СПб. Два раза в месяц. 4°. - Издатель-редактор Ю. М. Богушевич.

- б) Тоже. Журнал книжно-литературной деятельности в России. 1861-1867. СПб. Два раза в месяц. 8°. - Издатели-редакторы: Ю. М. Богушевич (1861 г. №№ 1-8), Н. А. Сеньковский (с 9 № 1861 г.). Затем журнал издавался: с 16 № 1864 г. при книжной торговле Сеньковского и К°, с 1866 г. при книжной торговле Беккера и К° (бывшей Сеньковского и К°); в это время редакторами были: с 16 № 1864 г. П. А. Ефремов, с 22 № 1865 Я. А. Ростовцов.

В 1867 г. вышли только №№ 1-13».

Не совсем понятно, почему Н. М. Лисовский отделяет номера, вышедшие в 1860 г., от последующих. Ничего не сказано об этом и в единственном монографическом исследовании журнала (Винер Е. Н. Библиографический журнал «Книжный вестник» (1860-1867) / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1950. 210 с.), автор которой делит историю журнала на четыре периода, определяемые сменой редакторов: Ю. М. Богушевич, Н. А. Сеньковский, П. А. Ефремов и Н. С. Курочкин (последний официально редактором утвержден не был).

⁵ Книжный вестник. 1860. № 3–6. С. 26.

⁶ «Библиограф» и его предшественники // Русская старина. 1889. Т. LXI. № 2. С. 405.

⁷ От редакции // Книжный вестник. 1860. № 1–2. С. 1.

⁸ Геннади Г. Литература русской библиографии: Опись библиографических книг и статей, изданных в России. СПб., 1858. С. 3.

⁹ Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826–1880). М., 1981. С. 64.

¹⁰ А. Г. Обзорение повременных юридических изданий за прошлый год // Книжный вестник. 1860. № 1–2. С. 9–12; № 3–6. С. 29–32; № 7–8. С. 49–52.

¹¹ Там же. № 1–2. С. 9–10.

¹² «596. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Ник. Вас. Калачовым. 1859 (6 книг), 1860/61 (5 книг). СПб. Неопределенно. 8°. Книги архива выходили в свет: 1859 г. кн. 1-я (без прилож.) – в 1858 г., прилож. к кн. 1-й – в 1859 г., кн. 2, 3 и 4-я – в 1859 г., кн. 5-я – в 1860 г. и кн. 6-я – в 1861 г.; 1860/61 г. кн. 1-я – в 1860 г., кн. 2-я в 1861 г., кн. 3 и 4-я – в 1862 г. и кн. 5-я – в 1863 г. Служит как бы продолжением издававшегося с 1850 г. Архива историко-юридич. сведений (см. № 494). При „Архиве исторических и практич. сведений“ издавался Юридический Вестник, продолжавший впоследствии выходить самостоятельно (см. № 672)». (Справка Н. М. Лисовского).

¹³ «603. Журнал Министерства Юстиции. 1859–1868. СПб. Ежемесячно. 8°. (В 1859 г. с июля месяца т. I и II, в остальные годы по 4 тома). – Начал выходить под редакцию А. М. Троицкого, затем редакторами были: С. Романовский и А. М. Троицкий (1864), А. П. Чебышев-Дмитриев (с 1865 г.).

Далее: Судебный журнал, 1869–1870, 1873–1876. (См. год 1869)». (Справка Н. М. Лисовского).

¹⁴ Книжный вестник. 1860. № 1–2. С. 14.

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. № 9. С. 67.

¹⁸ «Из Москвы». О средствах чтения в Москве и московской лубочной литературе // Книжный вестник. 1860. № 3–6. С. 33.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 35.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Книжный вестник. 1860. № 19–20. С. 213.

²⁵ «Предлагаемый список «повременных изданий в России составляет продолжение таковых же списков, начатых мною еще с 1856 года. (Списки 1856 и 1857 гг. помещены в конце Библиографии тех же годов, вышедшей в прошедшем году в Москве; 1858 и 1859 – в «Библиографических Записках» 1858 и 1859 гг.)» (В. И. Межов. Список периодических изданий (журналов и газет), выходящих в России в 1860 году // Книжный вестник. 1860. № 9. С. 61).

²⁶ Книжный вестник. 1860. № 9. С. 61.

²⁷ Там же.

²⁸ *Лисовский Н. М.* (Библиография русской периодической печати...). С. III.

²⁹ На них было обращено внимание в книге Е. Н. Винер. Библиографический журнал «Книжный Вестник». С. 31. Автор приводит выдержки из комментариев В. И. Межова по поводу «Русского вестника», «Северной пчелы», «Московского вестника» и «Современника», упоминает о похвальной самохарактеристике «Отечественных записок» и заключает этот абзац такими словами: «Это – беглые замечания, но все же элементы оценки в них, без сомнения, наличествуют, свидетельствуя о либеральных взглядах автора». Под автором подразумевается В. И. Межов. Но нас в данном случае интересует не столько его мировоззрение, сколько оценка им (а, значит, и определенной частью тогдашнего общества) тех или иных изданий.

³⁰ Книжный вестник. 1860. № 16. С. 167.

³¹ Там же. С. 167–168.

³² См.: Там же. № 11–12. С. 101.

³³ Там же. С. 102.

³⁴ Там же. № 16. С. 171–172.

³⁵ Там же. С. 171.

³⁶ Там же. С. 170.

³⁷ Список периодических изданий (журналов и газет), выходящих в России в 1860 г. // Книжный вестник. 1860. № 9. С. 61–67; № 10. С. 76–78; № 11–12. С. 93–102; № 13–14. С. 118–130; № 15. С. 152–154; № 16. С. 167–176; № 17–18. С. 194–202; № 19–20. С. 217–226; № 21. С. 240–244.

³⁸ Книжный вестник. 1860. № 1–2. С. 4.

³⁹ Там же. № 3–6. С. 22.

⁴⁰ Там же. С. 23.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 24–25.

М. А. Смирнова

Санкт-Петербургский государственный университет

Мемуарные произведения Н. А. Лейкина: история создания и изучения

В отечественной и зарубежной истории есть немало персонажей, за которыми в научной, художественной и публицистической литературе закрепилось понятие «мемуарист». Эти личности, помимо более или менее успешной литературной, общественной, государственной, военной или другой деятельности, стали известны благодаря созданным ими автобиографическим произведениям. Как правило, тексты подобных жизнеописаний – мемуаров и дневников – либо охватывают большой временной период, либо вследствие участия автора в описываемых событиях содержат ряд ценных сведений, не отраженных в других источниках. Наконец, эти произведения полно передают атмосферу прошлого – «дух и цвет времени»¹. В отечественной истории такими мемуаристами именуют А. Т. Болотова, Ф. Ф. Вигеля, А. Я. Панаеву, А. Р. Кугеля, С. Ю. Витте, А. Ф. Кони, И. В. Одоевцеву и многих других.

Однако были и такие авторы мемуаров, которые вошли в историю благодаря своим заслугам в другой области. Интерес к изучению их биографий достаточно высок, в то же время их мемуарным произведениям как жанру литературы и как историческому источнику уделяют меньше внимания. Ярким примером этому может служить мемуарное наследие Н. А. Лейкина.

Николай Александрович Лейкин (1841–1906), писатель-юморист, журналист, редактор-издатель журнала «Осколки» (1882–1906), был знаменит при жизни и принадлежал «к числу активно читаемых» авторов². После смерти писателя его имя стало упоминаться реже. Вот отзыв современника о литераторе спустя три года после его смерти: «Н. А. Лейкин, написав много, в то же время, можно сказать, не написал ничего, что бы дало ему право на бессмертие»³.

Биография и творческое наследие Лейкина неоднократно были предметом описания и изучения в современной ему журналистике и литературоведении XX – начала XXI вв.⁴ При жизни писателя его многочисленные рассказы и сценки часто становились объектом рецензий и отзывов. На творчество Н. А. Лейкина

существовали полярные взгляды – одни критики считали его произведения не заслуживающими внимания, несерьезными и пустыми, написанными на потребу публике. Но были и те, кто сумел увидеть в лейкинском юморе нечто большее. Особенно высокую оценку заслужили его ранние произведения «Апраксинцы» и «Биржевые артельщики», написанные в духе демократической литературы 1860-х гг. Положительно оценивались в печати и редкие для писателя романы и повести («Христова невеста», «Кусок хлеба» и др.). Тексты и персонажи очерков Н. А. Лейкина также часто удостаивались похвалы читателей и были чрезвычайно востребованы в кругах читающей публики из купцов и мещан. Вот отзыв литератора Н. М. Ежова, высказанный в частном письме Н. А. Лейкину о популярности персонажей его очерков «Наши заграницей»: «Эта парочка приобрела такой огромный успех, что нынешним летом (1899 г. – М. С.), где бы мне не случилось быть, я слышал о ней разговоры»⁵. Но все же мнение Н. К. Михайловского о творчестве писателя наиболее характерно для критики рубежа XIX–XX вв.: Лейкин со временем утратил свой талант⁶.

В то же время мемуарные произведения Лейкина не рассматривались как часть его творческого наследия. Поэтому редко можно встретить понятие «мемуарист» применительно к его личности.

Необходимо отметить, что Н. А. Лейкин, как на то указывает метрическое свидетельство, родился в семье Санкт-Петербургского 3-й гильдии купца А. И. Лейкина⁷ и сам состоял петербургским 2-й гильдии купцом, а в 1884 г. был зачислен в потомственное почетное гражданство по г. Санкт-Петербургу. Помимо издания юмористического журнала «Осколки», Н. А. Лейкин имел магазин и книжный склад в Гостином дворе⁸. С 1881 г. мемуарист состоял выборным от петербургского купеческого сословия и гласным Петербургской городской думы, а также членом Исполнительного комитета по устройству школ в Петербурге, попечителем многих благотворительных заведений и др.⁹ То, что Лейкин был купцом и в своих произведениях зафиксировал быт данного сословия, придает им особое значение, поскольку мемуары и художественные произведения, созданные петербургскими купцами, – явление редкое. Интересно отметить, что как автор таких зарисовок, которые «заслуживают полного внимания», Лейкин был отмечен самими представителями торгового сословия еще в начале своей литературной деятельности – в 1865 г.¹⁰ Из мемуарных произведений петербургских купцов воспоминания Лейкина, пожалуй, являются наиболее известными и чаще других привлекаемыми исследователями в качестве источника, о чем ниже пойдет речь в статье.

Мемуарное наследие Н. А. Лейкина представлено незаконченным произведением «Мои воспоминания» и «Товарищескими воспоминаниями о П. И. Якушкине». К ним примыкают несколько автобиографических заметок: краткая 1883 г. и более пространные 1889, 1895 и 1903 гг., а также недатированные. С первой из них имеют сходство по форме и обстоятельствам появления его многочисленные записи автобиографического характера в альбомах современников¹¹. В данной статье они не рассматриваются, поскольку не относятся

к мемуарным произведениям. Отдельного рассмотрения по тем же причинам требуют дневники, отложившиеся в личном фонде Лейкина в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), а также последняя, предсмертная тетрадь его дневника в Рукописном отделе Института русской литературы (РО ИРЛИ)¹². Безусловно, дневники являются наиболее близкой к мемуарам разновидностью исторических источников и вместе с ними составляют группу, условно называемую как «мемуары, дневники, письма»¹³. В то же время ряд принципиальных различий в обстоятельствах появления и целях ведения дневника не позволяют включать их в мемуарные произведения. Наконец, Лейкин является автором большого числа рассказов, многие из которых создавались им на основе личных наблюдений и воспоминаний, являясь мемуарными по своей сути (на это Лейкин неоднократно указывал в «Моих воспоминаниях»). Все же эти рассказы не могут рассматриваться в качестве предмета данной статьи, хотя их текст во многом дополняет содержание воспоминаний и автобиографических заметок Лейкина.

Центральным произведением в мемуарном наследии Н. А. Лейкина, безусловно, являются «Мои воспоминания». Мемуарист начал работу над ними незадолго до смерти, успев описать только свои детские и юношеские годы и события до середины 1860-х гг. Дневниковые записи Лейкина за декабрь 1905 г. содержат указания на время их написания. Так, описывая работу над корректурой произведения для «Исторического вестника», мемуарист 4 декабря сделал запись: «Воспоминания написал года два тому назад и теперь можно в них упомянуть о том, что нельзя было сказать при цензурных условиях того времени»¹⁴. Автор не объяснил причины и мотивы написания своих воспоминаний. Можно предположить, что с помощью мемуарного произведения он стремился зафиксировать все, что мог вспомнить о своей жизни в мельчайших подробностях, будь то детство в купеческой семье, школьные годы или начало литературной деятельности. Воспоминания Лейкина можно отнести к мемуарам классической формы. Характерной их особенностью является подробное описание событий собственной жизни в соответствии с их хронологией. Выбранной форме отвечает структура мемуаров. Текст разделен на главы (при этом автор руководствовался временным принципом), внутри глав материал расположен по сюжетам (например, описание школьных лет, семейных праздников и т. д.). Для мемуаров характерен безупречный литературный стиль, события изложены подробно – создается впечатление, что автор хотел составить основательное описание всей своей жизни. Сюжеты их разнообразны: на первом плане повествования представлены факты из биографии автора, вместе с которыми освещены такие моменты, как облик города, быт торговцев Гостиного двора 1860-х годов, литературная жизнь столицы.

Сложнее вычленировать источниковую основу мемуаров. Судя по часто упоминаемым выражениям при описании фактов («помню», «вспоминается мне» и т. д.), главным источником стали личные воспоминания. Особенно это касается описания периода взрослой жизни и тех событий, свидетелем и действующим

лицом которых автор являлся. Другое дело – сюжеты, связанные с историей семьи, или события, в которых мемуарист не принимал участия или не был их очевидцем. Тогда можно выявить в тексте мемуаров использование рассказов других лиц, материалов периодических изданий, публицистики и даже официальных документов. Так, описание истории семьи Лейкина было составлено им на основе устных рассказов родителей, но для освещения этого же сюжета он обратился и к Справочной книге Петербургской купеческой управы¹⁵. Очевидно, речь идет о копии свидетельства Петербургской купеческой управы, выданной мемуаристу 24 мая 1882 г. «вследствие прошения», с упоминанием всех членов рода Лейкиных и сроков их пребывания в столичном купечестве, которая сохранилась среди бумаг архива писателя в РО ИРЛИ¹⁶. В то же время автор подчеркнул, что мемуары были задуманы им как способ сохранить и воссоздать ушедшие события с помощью воспоминаний, подчеркнув тем самым их первостепенное значение. Показательно замечание мемуариста о свойствах своей памяти: «события детства я лучше помню, чем события в дни юности и даже зрелых лет»¹⁷. Оно свидетельствует о понимании автором ценности и значения его впечатлений и воспоминаний в сравнении со свидетельствами, приведенными в других источниках.

Воспоминания Н. А. Лейкина издавались неоднократно и часто привлекались исследователями. Публикация глав в «Историческом вестнике» началась еще при жизни автора, в начале 1906 г., и была продолжена после смерти мемуариста его вдовой П. Н. Лейкиной¹⁸. Очевидно, Лейкин писал воспоминания, рассчитывая на скорейшее их издание. Об этом свидетельствует примечание редактора «Исторического вестника» к их последней части: «Неожиданная кончина Н. А. Лейкина прервала начатые им воспоминания на самом интересном периоде его жизни и литературной деятельности. В бумагах покойного оказалась еще одна глава, которую мы и печатаем»¹⁹. На это же указывает и запись в дневнике писателя, сделанная 11 декабря 1905 г., где он сетовал на снижение подписки на «Осколки»: «Чем я буду жить? Остается только то, что успел нажить раньше про черный день. А уже есть привычка жить хорошо. Впрочем, я успел пристроить мои «Воспоминания» в «Исторический Вестник» и сегодня прочел уже принесенные 1 ½ листа корректуры для № 1. Прочел и сделал кое-какие вставки»²⁰. Сохранилось письмо жены писателя, П. Н. Лейкиной, редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому, в котором она сообщила о находке после смерти мужа черновика очередной главы его воспоминаний и предложила опубликовать ее²¹.

Через год, в 1907 г., воспоминания Лейкина вышли отдельным изданием вместе с его перепиской и биографической статьей²². Спустя столетие вновь возник интерес к данному произведению – в 2003 г. мемуары были перепечатаны в сборнике «Петербургское купечество в XIX веке» с комментариями А. М. Конечного²³. В 2003–2004 гг. текст воспоминаний был помещен в журнале «История Петербурга»²⁴.

Помимо полных публикаций текста, перепечатывались и отдельные фрагменты мемуаров Н. А. Лейкина. В 1957 г. отрывок из данного произведения был включен в сборник воспоминаний о М. Е. Салтыкове-Щедрине²⁵. Составители

заимствовали из издания 1907 г. небольшой фрагмент мемуаров, в котором Лейкин описывал визит Салтыкова-Щедрина в 1864 г. и начало своего сотрудничества в «Современнике». Текст был снабжен краткой биографической справкой о Лейкине, прокомментированы и уточнены отдельные упоминаемые им события, имеются указания на ошибки и неточности. В 1975 г. сборник был переиздан в двух томах с дополнениями, однако в публикуемый текст изменения не были внесены²⁶.

В 1971 г. небольшой фрагмент произведения, посвященный встрече мемуариста с М. Е. Салтыковым-Щедриным и Н. А. Некрасовым, был помещен в сборнике «Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников»²⁷. Текст печатался по изданию 1907 г. (при этом составители указали и первое издание) и был снабжен комментариями, в которых отмечались ошибки мемуариста.

Однако Н. А. Лейкин пробовал себя в жанре мемуарной литературы еще до работы над «Моими воспоминаниями». В 1884 г. были опубликованы «Товарищеские воспоминания» Лейкина о П. И. Якушкине, поэте-шестидесятнике, близком знакомом мемуариста по общей работе в «Искре» В. С. Курочкина²⁸. Многие описываемые автором сюжеты из биографии Якушкина присутствуют и в «Товарищеских воспоминаниях», и в «Моих воспоминаниях». В то же время ряд серьезных текстологических различий не позволяет считать первое произведение фрагментом второго – «Товарищеские воспоминания» могли послужить одним из источников, с которыми работал мемуарист при создании «Моих воспоминаний».

Значительное место в мемуарном наследии Лейкина принадлежит автобиографическим заметкам. Данные произведения имеют ряд общих особенностей по форме, композиции, стилю и языку: небольшого объема (от полстраницы до нескольких листов), порядок изложения событий продиктован хронологией, можно отметить общие речевые обороты и логику повествования. По содержанию автобиографии также схожи – в большинстве текстов мемуарист повествовал о своей жизни в детстве и юности, до начала профессиональных занятий литературой, и только в одной коснулся этих сюжетов лишь вскользь, обратив внимание на основные моменты своей литературной карьеры, о чем пойдет речь ниже.

Сохранились как рукописные тексты, так и опубликованные автобиографии Лейкина. Всего известно одиннадцать источников. В архиве писателя в РО ИРЛИ хранится пять автобиографических заметок, объединенных в одну единицу хранения²⁹, а также две заметки в архиве С. А. Венгерова, одна – в собрании П. Я. Дашкова, еще одна – в собрании П. В. Быкова. Две заметки были опубликованы. Большинство текстов не датировано, многие не озаглавлены. Чтобы различать их между собой, в данной статье они условно названы либо по принадлежности к тому или иному авторскому собранию, либо по месту публикации, а четыре произведения из архива Лейкина в РО ИРЛИ пронумерованы в порядке их расположения внутри архивной единицы.

Прежде всего, стоит обратиться к автобиографическим произведениям Н. А. Лейкина, посвященным более ранним событиям его жизни.

Первая датированная автобиографическая заметка была написана мемуаристом в 1883 г., когда он был уже довольно известным писателем и начинающим редактором-издателем «Осколков». Запись была сделана в альбоме М. И. Семевского, издателя-редактора журнала «Русская старина», 12 ноября 1883 г. Спустя пять лет, в 1887 г., Семевский издал свой альбом под заглавием «Знакомые». В нем в том числе была опубликована указанная заметка Лейкина³⁰. В небольшой по объему записи (менее страницы) автор вкратце обозначил основные вехи своей жизни: где и когда родился, в каком учебном заведении получил образование, когда начал заниматься литературой и когда стал издавать журнал «Осколки». Вероятнее всего, непосредственным поводом к записи послужила личная просьба М. И. Семевского.

В 1889 г. Лейкиным была сделана еще одна запись в альбоме Семевского. В сравнении с предыдущей данная автобиографическая заметка более пространна, события жизни мемуариста от рождения до середины 1860-х гг. описаны детальнее³¹.

1903 годом датируется вторая опубликованная автобиографическая заметка Лейкина. Она появилась на страницах иллюстрированного литературного ежемесячного журнала «Беседа» (журнал ранее издавался под названием «Почтальон») и сопровождалась портретом с автографом писателя³². В сравнении с первой заметкой, данная более обширна и разнообразна по сюжетам. Придерживаясь избранной ранее схемы, Лейкин писал о своем рождении (интересно, что в заметке 1883 г. он в качестве даты рождения привел 8 декабря 1841 г., а в публикации 1903 г. – ночь с 7 на 8 декабря 1841 г.³³), обучении в Реформатском училище и литературном дебюте в 1860 г. В то же время о начале издания им «Осколков» автор не упомянул – в заметке изложены события до начала 70-х годов XIX в. включительно.

Близка по содержанию к уже упомянутым заметка, озаглавленная автором как «Биография Н. А. Лейкина». Автограф произведения хранится в архиве писателя в РО ИРЛИ³⁴. Краткое описание истории рода, детских лет, обучения, работы в кладовой отца и первых шагов на литературном поприще представлено Лейкиным от третьего лица. Все приведенные в данном произведении факты отражены в «Моих воспоминаниях» и в некоторых других автобиографических заметках, однако текстуальные совпадения отсутствуют.

Автобиографическая заметка, написанная Н. А. Лейкиным для «Словаря русских писателей» С. А. Венгерова, известна в двух списках. Более ранняя рукопись находится в собрании Венгерова в РО ИРЛИ и является черновым автографом мемуариста³⁵. Поздняя копия сохранилась в составе архива Лейкина в РО ИРЛИ и условно озаглавлена в тексте данной статьи «Автобиографическая заметка [1]», рукопись представляет собой копию, выполненную рукой неустановленного лица на 3 листах с оборотами³⁶. Текстологический анализ показал, что второй список является копией первой рукописи. В заметке для «Словаря» присутствуют фрагменты, вычеркнутые рукой автора, тогда как в «Автобиографическую заметку [1]» они не попали.

На обстоятельства создания данных произведений проливает свет переписка Лейкина с Венгеровым. В декабре 1895 г. мемуарист переслал составителю «Словаря» свои автобиографические сведения, «какие мог припомнить и написать в одну ночь», и сопроводил замечанием: «Биографические сведения посылаю, даже не успев прочитать написанное. С рукописи снимите копию, а подлинник верните мне обратно, ибо написать вторично для себя куда как трудно»³⁷. Ответ Венгерова, датированный 1895 г., указывает на предназначение присланного материала: «Очень Вам благодарен за присланное. Этого более чем достаточно для Энциклопедического сл[оваря]³⁸, где мы поневоле должны быть очень кратки. Для моего-то словаря я бы рад был и более обстоятельной биограф[ической] записке, но времени до Л. еще лет десять и я всегда успею взять с Вас дополнительные сведения»³⁹. Спустя месяц Лейкин повторил просьбу⁴⁰ – по всей видимости, Венгеров тянул с возвращением рукописи. Скорее всего, составитель «Словаря» так и не выполнил свое обещание и прислал только копию. Именно этим может объясняться то, что в составе архива Лейкина сохранилась позднейшая копия, выполненная другой рукой, а автограф заметки попал в собрание Венгерова.

В комплексе с данным произведением необходимо рассмотреть автобиографическую заметку Лейкина из собрания П. Я. Дашкова⁴¹. Из всех сохранившихся автобиографий писателя данная – самая значительная по объему и детальности жизнеописания. По композиции она вместе с заметкой для словаря Венгерова наиболее близка «Моим воспоминаниям»: описана жизнь автора от рождения до середины 1860-х гг., когда он оставил должность в конторе Первого страхового от огня общества и целиком посвятил себя литературной деятельности. Сюжеты трех произведений также перекликаются: рождение, семья, обучение, досуг, служба, первые пробы пера. Имеется даже ряд текстуальных совпадений в отдельных фрагментах текста мемуарных и автобиографических произведений.

Близка к первой по своему содержанию третья неозаглавленная автобиография Н. А. Лейкина – «Автобиографическая заметка [3]»⁴². В небольшой по объему (менее листа), написанной рукой автора заметке отражены его происхождение и образование. Язык произведения не отличается лаконичностью, а сама заметка производит впечатление неоконченной. Повествование доведено до учения мемуариста в Реформатском училище. Как и в случае с первой заметкой, данная имеет ряд сюжетных совпадений с «Моими воспоминаниями», но в то же время содержит и уникальные, не обозначенные автором в других мемуарных произведениях, факты – например, его желание поступить на восточный факультет Петербургского университета и отношение родных к этому.

К данному комплексу примыкает четвертая неозаглавленная заметка из фондов РО ИРЛИ – «Автобиографическая заметка [4]»⁴³. Автограф небольшого по объему произведения содержит авторские исправления и, как и предыдущие, не имеет указаний на время составления. Предметом описания стали история рода Лейкиных, семья автора, его обучение в пансионате Беляевых и Реформатском училище, первые литературные произведения – набор сюжетов не оригинален.

Наконец, интересна еще одна автобиографическая заметка Лейкина в составе собрания П. В. Быкова в РО ИРЛИ⁴⁴. Рукопись представляет собой черновой автограф. События в заметке изложены кратко, обозначены лишь факты или сюжеты, зачастую с нарушением хронологии. Возможно, рукопись является наброском для какого-то более пространныго произведения.

Отдельно следует рассмотреть «Автобиографическую заметку [2]» в РО ИРЛИ⁴⁵ – по описываемым сюжетам она отличается о других автобиографических произведений Лейкина. Объемом в тетрадный лист, собственноручно написанная автором с правкой его же рукой, заметка имеет указание на время создания. Перечисляя свои литературные произведения, Лейкин отметил, что его «капитальное произведение «Апраксинцы» выдержало ныне три отдельных издания⁴⁶. Третье отдельное издание «Апраксинцев» было предпринято в 1886 г., из чего следует, что данная заметка появилась уже после 1886 г. Содержание автобиографического повествования составляет довольно краткое перечисление основных художественных произведений автора, журналистской и издательской работы. Также имеется указание на дату рождения и образование мемуариста.

Текстологический анализ всех заметок указывает на большой объем заимствований в текстах. По крайней мере, переключается набор сюжетов и их расположение. Возможно, в этом проявился стиль работы Лейкина-беллетриста. Сведения из его переписки подтверждают данное предположение. В письме к С. А. Венгеру от 30 января 1896 г. мемуарист вывел формулу своей работы над автобиографическими заметками, заключающуюся в постоянной доработке уже написанного: «трудно всякий раз составлять сведения о себе, а у меня их частенько просят. Да и хочу я приделать конец к рукописи»⁴⁷.

Мемуарное наследие Н. А. Лейкина изучено недостаточно. Отсутствует комплексное источниковедческое исследование мемуарных произведений писателя, а большинство автобиографических заметок и вовсе не введено в научный оборот. По мнению А. В. Мыслякова, автобиографические источники публикуются эпизодически, оттого и входят в научный оборот менее системно⁴⁸. По сравнению с ними воспоминания Лейкина изучены в большей степени, что во многом было определено их изданием. Как исторический источник они привлекались в исследованиях по истории русской литературы второй половины XIX – начала XX вв., в работах по истории столичного предпринимательства и купечества и, наконец, в монографиях и статьях по истории Петербурга. Чтобы определить характер работы исследователей с мемуарными произведениями Лейкина, стоит подробнее остановиться на каждой группе.

Во-первых, необходимо проследить, насколько мемуарные произведения Лейкина отражены в каталогах и справочниках, поскольку, как известно, именно выявление источников является первым этапом исторического исследования.

Первый указатель мемуарной литературы, включивший в себя воспоминания Лейкина, – «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий» С. Р. Минцлова. В нем в ряду многочисленных произведений указаны «Мои воспоминания» писателя в их втором издании 1907 г.⁴⁹

В указателе опубликованных воспоминаний и дневников, изданном под редакцией П. А. Зайончковского, отражены два мемуарных произведения купца. Во-первых, – «Мои воспоминания», для которых указаны все существующие на тот момент издания (1906 и 1907 гг.). Во вторых, – автобиографическая заметка 1903 г., опубликованная в журнале «Беседа»⁵⁰.

Мемуарные произведения Лейкина привлекались как источник по биографии самого автора. Сразу после смерти писателя в статье анонимного автора (N. N.) в книге «Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке» были приведены замечания о ценности воспоминаний и дневников⁵¹. Важно отметить, что для обозначения и воспоминаний, и дневников, N. N. использовал обобщающий термин «мемуары». В то же время критика мемуарных свидетельств в статье отсутствует: «В личных воспоминаниях своих Н. А. очень подробно и обстоятельно рассказывает о своих литературных дебютах, и нам нет надобности останавливаться на них в обрисовке личности Н. А. как писателя»⁵². Автор предпринял попытку продолжить повествование о жизни Лейкина, начатое последним в воспоминаниях. Среди материалов биографии Лейкина «Мои воспоминания» и «Товарищеские воспоминания» фигурируют в «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова⁵³; отдельные сведения из воспоминаний о происхождении, обучении и юности мемуариста черпал А. М. Скабичевский для составления биографической справки⁵⁴.

Исследователь литературного творчества Лейкина В. Б. Катаев привлек текст воспоминаний писателя при анализе начального этапа его творчества – первой половины 1860-х гг., прежде всего, уточнил обстоятельства знакомства мемуариста с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным⁵⁵.

Воспоминания Н. А. Лейкина неоднократно использовались в работах по истории русской литературы. В частности, отмечалась ценность их сведений для изучения биографий русских писателей 1860-х гг. Прежде всего, данные воспоминания привлекались в связи с фигурированием в них имени Некрасова. Н. С. Ашукин, составитель летописи жизни и творчества Некрасова, обратился к данным воспоминаний Лейкина для уточнения дат и обстоятельств сотрудничества Некрасова с последним. Так, был подтвержден факт визита Салтыкова-Щедрина к Лейкину по поручению поэта в феврале 1864 г. и ответный визит, когда мемуарист принес Некрасову свою повесть «Биржевые артельщики» для публикации в журнале «Современник»⁵⁶. Позднее Г. В. Краснов дал характеристику воспоминаний Лейкина в ряду остальных мемуарных произведений, посвященных Некрасову: мемуарист отмечал особую роль писателя в воспитании нового поколения литераторов⁵⁷. Для воссоздания литературного портрета Салтыкова-Щедрина мемуары Лейкина привлекались С. А. Макашиным в статье «О живом Щедрине»⁵⁸.

Имя и произведения Лейкина часто упоминаются при обращении к биографии А. П. Чехова, особенно начального периода творчества писателя – в 1880-е гг. он был постоянным сотрудником журнала «Осколки», издаваемого Лейкиным. Сохранилась переписка писателей, письма Чехова к Лейкину неоднократно

опубликовались, а впервые увидели свет в издании «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». Исследователями творчества Чехова неоднократно подчеркивалось значение опубликованных в данном издании сведений для детального воссоздания условий и характера работы Чехова в «Осколках». В то же время большее внимание было уделено именно эпистолярным, а не мемуарным произведениям. «В книге о Лейкине самое ценное – эти письма Чехова», – отметил А. А. Измайлов в статье, посвященной взаимоотношению двух писателей⁵⁹. И тут же сделал замечание о ценности воспоминаний Лейкина как источника, изображавшего становление «среднего» писателя 1860-х гг.: «Сами по себе воспоминания [Лейкина] интересны. Это его первые шаги. Любопытно сравнить, как начинал средний писатель в 60-х годах и большой – в 80-х»⁶⁰. Подобный интерес именно к переписке Лейкина в составе издания 1907 г. прослеживается и в ряде других работ⁶¹. А. П. Чудаков, анализируя истоки лейкинского (а затем и чеховского) юмора, обращался к тексту воспоминаний писателя. Так, следуя за показаниями источника, исследователь обратил внимание на подражание раннего Лейкина рассказам Е. Гребенки⁶².

В новейшей литературе по истории петербургского купечества мемуарам Лейкина как источнику также уделено определенное внимание. Интерес к истории петербургского купечества возник в конце 80-х гг. XX в. и не прекращается до сих пор. Выходят в свет исследования, различные по тематике, применяемым методам и привлекаемым источникам. К подобным работам следует отнести монографию А. И. Османова «Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX века» и его же докторскую диссертацию, рассматривающую социально-экономическое положение столичного купечества в аналогичный период⁶³. В своих выводах автор опирался на широкий круг источников, среди которых были и мемуары петербургских купцов. Воспоминания «знатока столичной жизни» Лейкина цитировались Османовым по изданию 2003 г.⁶⁴ Исследователь дал общую для многих работ оценку данного мемуарного произведения для изучения столичного делового мира: «чрезвычайно интересными представляются мемуары Н. А. Лейкина, рисующие поведение купцов в быту и при осуществлении коммерческих операций»⁶⁵.

Воспоминания Лейкина нашли отражение в статье М. Н. Барышникова и К. К. Вишнякова-Вишневецкого, посвященной роли семейного фактора в российском предпринимательстве. Авторы сослались на предпоследнее издание данных источников, предпринятое А. М. Конечным в 2003 г. По мемуарам они проследили историю семейного дела рода Лейкиных, а также использовали свидетельства о голландских торговцах в Петербурге 1860-х гг.⁶⁶

К мемуарам Лейкина обращались в связи с изучением истории иностранного (особенно голландского) предпринимательства в Петербурге. В монографии К. К. Вишнякова-Вишневецкого приведены фрагменты воспоминаний, в которых мемуарист образно описывал иностранных купцов в Санкт-Петербурге и их участие в операциях заграничной торговли: «Яркие характеристики иностранного предпринимательства в Петербурге оставил в своих воспоминаниях

Н. А. Лейкин»⁶⁷. В тексте монографии Вишняковым-Вишневецким приведены отдельные свидетельства воспоминаний Лейкина, сопровождаемые комментариями⁶⁸.

Мемуарные произведения Н. А. Лейкина привлекались в исследованиях по истории быта, культуры и менталитета купечества. Исследование перечисленных сюжетов в последнее время стало актуальным направлением в изучении петербургского купеческого сословия. Обращаясь к данным темам, историки зачастую привлекали сведения тех или иных мемуаров и дневников петербургских купцов, в том числе и Лейкина.

Во многом на анализе мемуаров Лейкина построена статья А. М. Конечного «Быт петербургского купечества»⁶⁹. Она предваряла уже упоминавшуюся публикацию данных мемуаров. Исследование представляет собой описание различных сторон жизни петербургских купеческих семей, основанное на свидетельствах современников, данных из путеводителей и описаний Санкт-Петербурга. Автор отметил исключительное значение мемуаров выходцев из купеческих семей Г. Т. Полилова (Северцева) и Н. А. Лейкина («ценнейшие источники по быту купечества»⁷⁰), привел краткие сведения из биографии мемуаристов. Иллюстрируя свое повествование красочными цитатами из воспоминаний Лейкина, Конечный отметил: «Н. А. Лейкин в своих воспоминаниях в мельчайших подробностях воссоздает быт небогатой купеческой семьи конца 1840-х – начала 1860-х гг., а такие и составляли основную массу сословия»⁷¹.

Мемуары Лейкина присутствуют в монографии М. В. Брянцева, посвященной культуре русского купечества. В этом труде рассмотрены такие важные вопросы, как воспитание, образование, формирование самосознания русского купца. Источниковая база представлена художественной литературой (как отражение общественных представлений о культуре купечества), мемуарами и дневниками купцов (как отражение взглядов купцов на свое сословие). Брянцев цитировал фрагменты воспоминаний, иллюстрирующие сюжеты из детства и юности автора (обучение, увлечение чтением, быт семьи), провел параллели между свидетельствами разных источников, сделал замечания относительно достоверности их показаний⁷². Важно наблюдение исследователя о том, что занятия Лейкина литературой не является исключительным примером для купеческих семей второй половины XIX в. – купеческие сыновья активно пополняли ряды интеллигенции⁷³.

«Мои воспоминания» Лейкина послужили источником в ряде последних исследований по истории воспитания и образования в петербургских купеческих семьях⁷⁴.

Одному из актуальных в современной историографии направлений – гендерной истории – посвящена монография В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой «Мир русской женщины»⁷⁵. Рассматривая положение женщины в России, авторы обратились и к мемуарным произведениям, написанным мужчинами. Так, воспоминания Лейкина послужили источником для реконструкции быта купеческой семьи середины XIX в., в особенности роли женщины в ней. Авторами

цитировались фрагменты о воспитании мемуариста матерью и домашнем обучении грамоте⁷⁶.

Мемуары Лейкина привлекались и как источник в работах по истории Санкт-Петербурга. А. М. Конечный, освещая историю петербургских трактиров, опирался на воспоминания Лейкина при описании излюбленных писателями 1860-х гг. ресторанов и прочих подобных заведений⁷⁷. Обращаясь к другому сюжету – описанию петербургских дач, исследователь ссылаясь на воспоминания и очерк «Наше дачное прозябание» Н. А. Лейкина, черпая из этих источников сведения о традициях купеческой дачной жизни⁷⁸. Любопытно, что Конечный цитировал воспоминания не по осуществленной им тремя годами ранее публикации, а ссылаясь на издание 1907 г.

А. Ф. Векслер, изучавший сюжеты из истории Реформатского училища, привлек сведения из воспоминаний его воспитанников, в том числе Лейкина⁷⁹. Исследователь привел отзывы мемуариста об учителях русского языка Л. А. Нувеле и Н. С. Васильеве, сопоставив показания Лейкина с мнением других учеников. В то же время Векслером допущена неточность в датировке воспоминаний: он утверждает, что данное описание училища было создано Лейкиным «еще в середине XIX века»⁸⁰. Как показано выше, мемуарист начал работу над своими воспоминаниями уже в XX в.

Отметил значение беллетристических и мемуарных произведений Лейкина для изучения истории Петербурга и С. Н. Полторака в предисловии к публикации воспоминаний писателя. Обозначив вкратце основные издания источника, историк подчеркнул актуальность его публикации в журнале – «написанное талантливым петербургским писателем того стоит»⁸¹.

Таким образом, Н. А. Лейкин был не только плодовитым писателем, но и плодовитым мемуаристом. Его мемуарное наследие включает в себя объемное произведение «Из моих воспоминаний», небольшие «Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине», а также несколько автобиографических заметок. Воспоминания писателя выдержали не одно издание и привлекаются исследователями как источник. Автобиографические заметки большей частью не опубликованы и не вводились в научный оборот. В целом мемуарные произведения Лейкина – богатый и уникальный по содержанию материал – заслуживают более пристального внимания исследователей.

¹ Андреева О. В. Мемуары как историко-книгovedческий источник // Книга и книжное дело на рубеже тысячелетий: 8-ая науч. конф. по проблемам книгovedения: Тезисы докладов. М., 1996. С. 128.

² Рейтблат А. И. Читательская аудитория // Книга в России, 1895-1917 / Под общ. ред. И. И. Фроловой. СПб., 2008. С. 639.

³ [Соколов А. А.] Из моих воспоминаний (театральных, литературных и общественных): Записки А. А. Соколова // Московский листок. Илл. приавление. 1909. № 17. С. 15.

⁴ Стоит отметить *словарные статьи*: Тихомиров С. В. Лейкин Н. А. // Русские писатели: Биобиблиографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. М., 1990. Т. 1: А–Л. С. 404–406; Катаев В. Б. Лейкин Николай Александрович // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 308–310; *некрологи*: Г[линский] Б. [Б.] Памяти Николая Александровича Лейкина: [Некролог] // Исторический вестник. 1906. № 2. С. 614–618; Н. А. Лейкин: Некролог // Родная нива. 1906. № 2. С. 23–24; Н. А. Лейкин: [Некролог] // Нива. 1906. № 3. С. 46–48; Я[синский] И. [И.] Памяти Н. А. Лейкина // Беседа. 1906. № 2. С. 125–128; Глинский Б. Б. Н. А. Лейкин // Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых: Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб., 1914. С. 131–144; *отзывы о литературной деятельности*: Введенский А. Современные литературные деятели: Николай Александрович Лейкин // Исторический вестник. 1890. № 6. С. 634–643; Михневич В. [О.] Наши знакомые: Фельетонный словарь современников: 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. СПб., 1884. С. 125–126; Салтыков-Щедрин М. Е. Повести, рассказы и драматические сочинения Н. А. Лейкина. 2 тома. СПб. 1871: [Рец.] // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. / Гл. ред. С. А. Макашин. М., 1970. Т. 9: Критика и публицистика (1868–1883). С. 421–425, а также многочисленные рецензии на произведения Н. А. Лейкина.

⁵ Ежов Н. М. Письмо Н. А. Лейкину: 24 дек. 1899 // ОР РНБ. Ф. 248 (Дернов А. А.). Д. 183. Л. 8 об.

⁶ Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений Н. К. Михайловского / Под ред. Е. Е. Колосова. 2-е изд. СПб., 1913. Т. 10. Стлб. 1061.

⁷ Метрическое свидетельство Н. А. Лейкина // РО ИРЛИ. Ф. 149 (Лейкин Н. А.). Д. 85. Л. 1.

⁸ Барышников М. Н., Барышникова Т. Е. Женщины-предприниматели и благотворительное дело в Петербурге в начале XX века // Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга: Очерки истории: Сб. статей. СПб., 2003. Вып. 2. С. 48.

⁹ Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: Исторический справочник. СПб., 2000. С. 262.

¹⁰ [Ушаков А. С.] Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны: Сб., изд. под ред. русского купца. М., 1865. [Вып. 1]. С. [1].

¹¹ Например, краткая автобиографическая заметка в альбоме В. Б. Бертенсона: Дума за думой: Памятная книга на каждый день: [Альбом В. Б. Бертенсона] // ОР РНБ. Ф. 66 (Бертенсон В. Б.). Д. 1. Л. 160.

¹² Лейкин Н. А. Дневники // РГАЛИ. Ф. 289 (Лейкин Н. А.). Оп. 3. Д. 1–4; Лейкин Н. А. Дневник: 1 мар. – 4 дек. 1905 // РО ИРЛИ. Ф. 149. Д. 74. См. также опубликованные фрагменты дневников.

¹³ См. классификацию мемуарных источников: Деревнина Л. И. О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963. № 4. Современную классификацию мемуарных источников см.: Источниковедение: История. Теория. Метод. Источники российской

истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская и др. М., 1998. С. 466–468.

¹⁴ Лейкин Н. А. Дневник: 1 мар. – 4 дек. 1905. Л. 30 об.

¹⁵ Лейкин Н. А. Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке / Вступит. статья, сост. и примеч. А. М. Конечного. СПб., 2003. С. 124–125.

¹⁶ Свидетельство Н. А. Лейкину о пребывании его рода в купечестве с 1781 г. // РО ИРЛИ. Ф. 149. Д. 86.

¹⁷ Лейкин Н. А. Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке... С. 151.

¹⁸ Лейкин Н. А. Мои воспоминания // Исторический вестник. 1906. № 1. С. 152–180; № 2. С. 493–522; № 3. С. 849–882; № 4. С. 100–109.

¹⁹ Там же. 1906. № 4. С. 100.

²⁰ Лейкин Н. А. Дневник: 1 мар. – 4 дек. 1905. Л. 32–32 об.

²¹ Лейкина П. Н. Письмо С. Н. Шубинскому 18 мар. 1906 // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Оп. 1. Д. 105. Л. 178.

²² Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907.

²³ Лейкин Н. А. Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке... С. 121–256.

²⁴ Лейкин Н. А. Мои воспоминания // История Петербурга. 2003. № 1. С. 8–13; № 2. С. 6–10; № 3. С. 5–7; № 4. С. 30–35; № 5. С. 12–15; № 6. С. 11–16; 2004. № 1. С. 3–7; № 2. С. 75–82; № 3. С. 3–9; № 4. С. 3–7.

²⁵ Лейкин Н. А. Из «Моих воспоминаний» // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников / Под общ. ред. С. Н. Голубова, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина и др. М., 1957. С. 68–70.

²⁶ Лейкин Н. А. Из «Моих воспоминаний» // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Под общ. ред. В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского и др. М., 1975. Т. 1. С. 208–210.

²⁷ Лейкин Н. А. Из «Моих воспоминаний» // Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников / Вступит. статья Г. В. Краснова; подгот. текста и примеч. Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1971. С. 204–206.

²⁸ [Лейкин Н. А.] Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине Н. А. Лейкина // [Якушкин П. И.] Сочинения Павла Якушкина. СПб., 1884. LXVIII–LXXXIV.

²⁹ Лейкин Н. А. Автобиографии // РО ИРЛИ. Ф. 149. Д. 84.

³⁰ Лейкин Н. А. [Автобиографическая заметка 1883 г.] // Знакомые: Альбом М. И. Семевского: Книга автографических собственноручных заметок 850 лиц: Воспоминания. Стихотворения. Эпиграммы. Шутки. Подписи: 1867–1888. СПб., 1888. С. 202. Рукопись – РО ИРЛИ. Ф. 274 (Семевский М. И.). Оп. 2. Д. 396. Л. 45.

³¹ Лейкин Н. А. [Автобиографическая заметка 1889 г.] // РО ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 2. Д. 398. Л. 146 об.

³² Лейкин Н. А. Автобиографическая заметка [1903 г.] // Беседа. 1903. № 6. Стлб. 279–281.

³³ Лейкин Н. А. [Автобиографическая заметка 1883 г.]. С. 202; Он же. Автобиографическая заметка [1903 г.]. Стлб. 279.

³⁴ [Лейкин Н. А.] Биография Н. А. Лейкина // РО ИРЛИ. Ф. 149. Д. 84. Л. 7.

³⁵ [Лейкин Н. А. Автобиографическая заметка для «Словаря русских писателей»

- С. А. Венгерова] // Там же. Ф. 377 (Венгеров С. А.). Оп. 7. Д. 2119. Л. 5-6 об.
- ³⁶ [Лейкин Н. А. Автобиографическая заметка 1] // Там же. Ф. 149. Д. 84. Л. 1–3 об.
- ³⁷ Лейкин Н. А. Письмо С. А. Венгеру 20 дек. 1895 // Там же. Ф. 377. Оп. 7. Д. 2119. Л. 3.
- ³⁸ Речь идет о статье С. А. Венгерова о Н. А. Лейкине в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (*Венгеров С. [А.] Николай Александрович Лейкин // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.-А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 17а: Ледье–Лопарев. С. 499*).
- ³⁹ Венгеров С. А. Письмо Н. А. Лейкину [1895] // ОР РНБ. Ф. 248 (Дернов А. А.). Д. 42. Л. 5.
- ⁴⁰ Лейкин Н. А. Письмо С. А. Венгеру 30 янв. 1896 // РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. Д. 1324. Л. 7.
- ⁴¹ Лейкин Н. А. Николай Александрович Лейкин: [Автобиографическая заметка] // Там же. Ф. 93 (Дашков П. Я.). Оп. 3. Д. 716.
- ⁴² [Лейкин Н. А. Автобиографическая заметка 3] // Там же. Ф. 149. Д. 84. Л. 5.
- ⁴³ [Лейкин Н. А. Автобиографическая заметка 4] // Там же. Л. 9–9 об.
- ⁴⁴ Лейкин Н. А. Биографические сведения // Там же. Ф. 273 (Быков П. В.). Оп. 2. Д. 92.
- ⁴⁵ [Лейкин Н. А. Автобиографическая заметка 2] // Там же. Ф. 149. Д. 84. Л. 4–4 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 4.
- ⁴⁷ Лейкин Н. А. Письмо С. А. Венгеру 30 янв. 1896. Л. 7.
- ⁴⁸ Мысляков А. В. О Венгеровском «Автобиографическом собрании» и о данном указателе к нему // Русская интеллигенция: Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотир. указ.: В 2 т. / Под ред. В. А. Мыслякова. СПб., 2001. Т. 1: А–Л. С. 3.
- ⁴⁹ Минцлов С. Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1912. Вып. 2–3. С. 111.
- ⁵⁰ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указ. книг и публикаций в журналах: В 5 т. / Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1980. Т. 3. Ч. 2: 1857–1894. С. 248, 264.
- ⁵¹ N. N. Безобидный юморист // Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. С. 191–260.
- ⁵² Там же. С. 197–198.
- ⁵³ Лейкин, Николай Александрович // [Венгеров С. А.] Источники словаря русских писателей. Пг., 1914. Т. 3: Карамышев–Ломоносов. С. 426
- ⁵⁴ Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы: 1848-1908 гг. 7-е изд. СПб., 1909. С. 328–330.
- ⁵⁵ Катаев В. Б. Лейкинский вариант: (из истории русской юмористики XIX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1981. № 1. С. 21–31.
- ⁵⁶ Аиукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л., 1935. С. 293–294.
- ⁵⁷ Краснов Г. В. Глазами современников // Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. С. 18.
- ⁵⁸ Макашин С. А. О живом Щедрине // М. Е. Салтыков в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 5–42.
- ⁵⁹ И[змайлов] А. Чехов и Лейкин // Новая иллюстрация. 1907. № 16. С. 123.
- ⁶⁰ Там же. С. 126.

-
- ⁶¹ См., напр.: *Айзеншток И.* Поэт-демократ Леонид Николаевич Трефолов: 1839–1905. Ярославль, 1954.
- ⁶² *Чудаков А. [П.]* Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М., 1986. С. 102.
- ⁶³ *Османов А. И.* Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX века. СПб., 2005; *Он же.* Социально-экономическое положение петербургского купечества в последней четверти XVIII – начале XX века: Дис. ... докт. ист. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2006.
- ⁶⁴ *Османов А. И.* Петербургское купечество... С. 42, 303.
- ⁶⁵ *Османов А. И.* Социально-экономическое положение петербургского купечества... С. 63–64.
- ⁶⁶ *Барышников М. Н., Вишняков-Вишневецкий К. К.* Семейный фактор в развитии российского предпринимательства в XIX – начале XX века // ЭКО. 2004. № 7. С. 177–189.
- ⁶⁷ *Вишняков-Вишневецкий К. К.* Иностранцы в структуре Санкт-Петербургского предпринимательства во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2004. С. 85.
- ⁶⁸ Там же. С. 44, 85, 159, 176, 235.
- ⁶⁹ *Конечный А. М.* Быт петербургского купечества // Петербургское купечество в XIX веке. С. 5–42.
- ⁷⁰ Там же. С. 11.
- ⁷¹ Там же. С. 12.
- ⁷² *Брянцев М. В.* Культура русского купечества (воспитание и образование). Брянск, 1999. С. 9, 41, 45, 67, 70, 84, 103, 104, 115, 133, 151, 152, 157, 184.
- ⁷³ Там же. С. 41, 45.
- ⁷⁴ *Смирнова М. А.* Воспитание и образование в петербургских купеческих семьях: (по материалам мемуаров) // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России: Тезисы докладов 9-й международной межвузовской конф. аспирантов и студентов (6-7 мая 2008 года). Выборг, 2008. С. 45–49 и др.
- ⁷⁵ *Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б.* Мир русской женщины: Семья, профессия, домашний уклад: XVIII – начало XX века. М., 2009.
- ⁷⁶ Там же. С. 88.
- ⁷⁷ [*Конечный А. М.*] «Трактирные заведения» как факт быта и литературной жизни старого Петербурга // Петербургские трактиры и рестораны / Сост. А. М. Конечный. СПб., 2006. С. 36–37.
- ⁷⁸ *Конечный А. [М.]* Петербургские дачи // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 448–450.
- ⁷⁹ *Векслер А. Ф.* Преподаватели русского языка в немецкой школе и их воспитанники // Старый Петербург: Поиски, находки, открытия: Сб. статей / Сост. Е. И. Краснова. СПб., 2009. С. 97–116.
- ⁸⁰ Там же. С. 98.
- ⁸¹ *Полторац С. Н.* [Предисловие] // История Петербурга. 2003. № 1. С. 8.

И. В. Кобак

Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение писем в литературоведческих работах (1980–2000-е гг.)

Частная переписка до настоящего времени является одной из малоизученных тем в отечественной историографии. Разработка теоретических вопросов, связанных с анализом письма как исторического источника, началась с 1940-х гг.¹ Однако интерес к личной переписке, в особенности к письмам выдающихся писателей, возник еще в середине XIX века. Эпистолярное наследие рассматривалось не только как источник биографических сведений о том или ином писателе, но и как дополнение к литературному наследию. Доказательством этому служат публикации писем, которые появлялись в печати как в литературных и исторических журналах, так и отдельными сборниками (например, «Первое собрание писем И. С. Тургенева»²). Эти публикации были предназначены для широких кругов читающей публики. Впоследствии, в советское время, письма включались в полные собрания сочинений писателей. Вероятно, в связи с постоянным интересом к переписке известных писателей письма рассматриваются и изучаются не только с исторической, но и с литературоведческой точки зрения. Одна из наиболее ранних работ такого рода – статья В. Е. Евгеньева-Максимова, исследователя творчества Н. А. Некрасова³. Подъем интереса к литературоведческим вопросам изучения частной переписки начался в 1980-е гг. С этого времени целый ряд литературоведческих исследований был посвящен письму как литературному жанру, а также переписке как источнику изучения истории русского языка и литературы.

На наш взгляд, для полноценного изучения переписки как исторического источника необходимо учитывать эти исследования и выводы, сделанные литературоведами, так как изучение переписки невозможно без анализа структуры писем, речевых особенностей, эпистолярного этикета той или иной эпохи, а эти вопросы лучше исследованы в литературоведческих работах, нежели в исторических. Поэтому необходимо свести воедино имеющиеся в данных исследованиях подходы к изучению переписки, выявив те аспекты, которые

имеют значение для изучения писем как исторического источника.

Литературоведческие исследования, посвященные частной переписке, можно условно разделить на следующие группы.

1. Изучение эпистолярного жанра в творчестве того или иного писателя. Это стало темой ряда диссертационных исследований. Так, Е. Е. Дмитриева посвятила свою диссертацию эпистолярному жанру в творчестве А. С. Пушкина⁴, Н. В. Шевцова – в творчестве Ф. М. Достоевского⁵, О. И. Матвеева – переписке Н. В. Станкевича⁶.

2. Изучение переписки как литературного явления в разные эпохи. Больше всего работ посвящено переписке второй половины XVIII – начала XIX вв., так как именно в этот период, как ни в какой другой, письма являлись фактом литературы. К этой группе следует отнести монографию американского исследователя У. М. Тодда, изучавшего переписку «арзамасского кружка»⁷. Можно также выделить статью Г. П. Макогоненко⁸, посвященную письмам русских писателей XVIII в., диссертационные исследования П. Е. Бухаркина⁹, Н. В. Логуновой¹⁰ и др.

3. Изучение структурных и речевых особенностей частного письма. Эти исследования опираются на различные комплексы писем и ставят своей целью проанализировать общие особенности эпистолярного жанра. Таковы, например, работы Н. И. Белуновой¹¹, источниковой базой для которых послужила переписка творческой интеллигенции конца XIX – начала XX вв. Немногочисленны работы, посвященные эпистолярному этикету в русской корреспонденции. Помимо упомянутой только что монографии Н. И. Белуновой, этому вопросу посвящена также статья Л. А. Глинкиной¹². Организации текста частных писем посвящены работы Н. Беттузия¹³, диссертации З. М. Данкер¹⁴, Л. В. Нижниковой¹⁵. Письма как источник изучения истории русского языка рассмотрела в своей статье Е. Г. Видинеева¹⁶.

Среди многих проблем, на наш взгляд, нужно выделить следующие вопросы, представляющие интерес в контексте изучения письма как исторического источника: эволюция жанра писем, классификация писем, структура текста частного письма, эпистолярный этикет.

Эволюция жанра писем.

До середины XVIII в. частная переписка, по-видимому, была немногочисленной и подвергалась влиянию нормативных образцов писем. Об этом свидетельствует бытование различных «письмовников», содержащих формы обращения к разным лицам в соответствии с «Табелью о рангах», рекомендуемое начало и окончание письма, образцы писем рекомендательных, просительных, дружеских, утешительных, пригласительных, поздравительных и т. п. Как отмечают исследователи переписки XVIII в., русская эпистолярная традиция в собственном смысле слова начинается с М. В. Ломоносова. В его письмах А. П. Сумарокову и другим писателям вырабатывался новый литературный язык прозы. М. В. Ломоносов был первым русским автором, чьи письма были собраны и изданы. На его дружеские письма ссылались другие писатели¹⁷.

Как отмечает в своем исследовании П. Е. Бухаркин, переписка М. В. Ломоносова приближалась по сути к литературному творчеству: автор тщательно работал над текстом писем (об этом свидетельствуют сохранившиеся черновики), добиваясь максимальной ясности и выразительности текста. Письма, таким образом, становились «творческой лабораторией» писателя¹⁸.

Взаимное проникновение частного письма и литературного творчества продолжалось всю вторую половину XVIII в. Важным фактором этого процесса стал отказ от традиционного обращения письма к одному адресату. То есть формально письмо имело одного адресата, но автор при написании письма зачастую знал и рассчитывал, что его прочтет не один человек, а целый круг друзей и знакомых. Таким образом, частное письмо приближалось к литературному или публицистическому произведению, что необходимо учитывать при анализе письма. П. Е. Бухаркин и Г. П. Макогоненко в указанных работах приводят в качестве примера письма из Франции Д. И. Фонвизина к П. И. Панину. Поскольку автор рассчитывал на ознакомление с письмами не только самого Панина, но и близких ему лиц, они оказывались обращенными к целому кругу читателей, то есть приобрели характер литературного жанра. Основой композиции этих писем служили размышления о Франции, в них присутствовала политическая проблематика. А впоследствии письма из Франции Фонвизин включил в подготовленное им собрание своих сочинений¹⁹.

Одновременно с приобретением перепиской характера литературного жанра происходил и обратный процесс – проникновение письма в литературу. В прозе 1760–1770-х гг. распространилась имитация писем частных людей. Становятся популярны романы и другие литературные произведения в письмах. В качестве примера можно привести «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, в которых молодой писатель изложил свои впечатления от путешествия по Европе в эпистолярной форме. Этот прием активно использовался в литературе и публицистике и в XIX в. («Философические письма» П. Я. Чаадаева, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и др.). Такая популярность объясняется эффектом документальности, искренности, присущим частному письму²⁰.

Следующий этап в развитии эпистолярного жанра приходится на конец XVIII – первую половину XIX вв. (до 60-х гг. XIX в.) В подробном исследовании У. М. Тодда, посвященном особенностям переписки в этот период, представлены основные черты эпистолярной культуры этого времени. В данный период особенное распространение получил жанр дружеского письма. Это было тесно связано с обновлением литературных вкусов и с изменениями, происходящими в языке. В русской литературе появился сентиментализм, характеризующийся интересом к человеку и культом дружбы. В языке писатели-реформаторы стремились освободиться от тяжеловесности и запутанности, характерной для XVIII в. В этих условиях на русскую почву переносится западная эпистолярная традиция. Выразителями этой новой тенденции стали писатели, принадлежавшие к литературному обществу «Арзамас». Общество «Арзамас» возникло как

реакция на литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811–1816 гг.), возглавляемое А. С. Шишковым. Консерватор Шишков вел полемику против сентиментализма, языковых реформ, выступал в защиту русского языка, не «испорченного» французским влиянием.

Дружеская переписка стала для «арзамасцев» лабораторией проведения языковых экспериментов. Их письма ходили по рукам и обсуждались в литературном кругу не меньше, чем литературные произведения, а затем тщательно сохранялись. До нас дошли отдельные крупные собрания писем (архивы П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина, братьев Тургеневых). П. А. Вяземский подготовил многие письма «арзамасцев» к изданию. Имеются сведения об упорной работе над письмом – например, черновики писем А. С. Пушкина.²¹

По мнению У. М. Тодда, для писем «арзамасцев» характерно неприятие эпистолярных формул, политематичность, имитация непосредственного разговора с его спонтанностью и свободой содержания, стилевая избыточность (т. е. свободное сочетание русской разговорной речи, церковнославянского языка, канцелярского стиля, заимствований из иностранных языков, прежде всего, из французского).

Итак, в начале XIX в. письма «арзамасцев» представляли собой важный этап в развитии эпистолярной культуры. Отношение к письму как к литературному факту сохранилось до середины XIX в. Не случайно вскоре после смерти А. С. Пушкина встал вопрос о публикации его писем. А с середины XIX в. публикация писем выдающихся писателей стала массовой.

Новый этап в развитии эпистолярного жанра наступает в 1860-е гг. Отличие от писем предыдущего периода обозначил В. Е. Евгеньев-Максимов, исследователь переписки Н. А. Некрасова: «Говоря общими словами, письма представителей дворянского периода нашей литературы, в частности, плеяды 40-х гг., много обширнее по объему и значительнее по содержанию, чем письма литературных представителей 60-х гг. Это и естественно: люди 40-х гг. были, главным образом, людьми слова и растекались в словах даже тогда, когда не были заняты художественным словотворчеством; шестидесятники – люди дела по преимуществу – презирали разговоры, как в устной, так и в письменной форме, и их литературная деятельность, преследовавшая определенные практические цели, ничего общего с разговорами не имела; всяческие же излишества – в беседах ли, в письмах ли – они склонны были трактовать как никудышнюю болтовню. Нелюбовь шестидесятников к «нежным» и «умным» разговорам, наложив определенный отпечаток на их письма, придала последним характер практической деловитости, обусловила их сухость и немногословность»²². К сказанному можно добавить, что после проведения либеральных реформ 60-х гг. XIX в. и появления возможности относительно свободно выражать свои мысли произошел бурный всплеск развития периодической печати. Это в известной мере избавило людей от необходимости обсуждать в личной переписке то, что могло быть теперь выражено публично. Письма напоминают теперь не столько литературные произведения и философские трактаты, сколько деловые «телефонные звонки»,

несущие в основном информативную функцию. Кроме того, увеличиваются объемы переписки. Как отмечает в своей статье Т. Г. Кучина²³, во второй половине XIX в. ведение переписки перестает быть прерогативой узкого круга высокообразованных людей дворянского происхождения. Увлечение перепиской охватывает широкие слои буржуазии, интеллигенции, разночинцев. Отчасти на эпистолярную культуру данного периода влияет более ранняя традиция дворянской переписки, для которой характерно бережное хранение семейных архивов, отношение к письму как к способу передачи духовного наследия потомству. Но все же в переписке второй половины XIX в. преобладают новые тенденции – утилитарность переписки, большая краткость и монотематичность писем. В. Е. Евгеньев-Максимов отмечал, анализируя переписку Н. А. Некрасова: «<...> Некрасов в большей мере шестидесятник, чем человек 40-х гг. В соответствии с этим, и письма его ближе подходят к типу писем шестидесятников, чем к письмам представителей предшествовавшего им поколения: они обычно немногословны, суховаты, часто говорят о деле, мало напоминая «нежные» и «умные» разговоры и застольную непринужденную болтовню, которую так любили Тургенев и его друзья»²⁴.

Итак, на протяжении второй половины XVIII–XIX вв. эпистолярный жанр прошел значительную эволюцию. Принадлежность письма (переписки) к тому или иному периоду во многом определяет источниковедческий анализ писем. Так, информационный потенциал писем членов арзамасского кружка исключительно высок. Но при этом значение, которое придавалось переписке корреспондентами, ее социальная роль сближали письма с литературными или публицистическими произведениями, что необходимо учитывать при анализе содержащихся в письмах сведений.

Классификация и систематизация писем.

При систематизации отдельных писем в основу могут быть положены различные принципы в зависимости от поставленной исследователем задачи. Систематизация помогает выявить отдельные признаки письма, важные для конкретного исследования. Так, в статье М. Л. Гаспарова²⁵, который исследовал поэтику писем В. Я. Брюсова и соотносил их с его литературным творчеством, выделены следующие критерии систематизации писем.

1. *По объему.* Письма делятся на малые и большие. Отличие малого письма в том, что пишущий предполагает уложить свои мысли в определенное число строк. Фактически объем малого письма может быть разным – клочок бумаги, открытка, почтовый лист с двух сторон; важно, что автор письма осваивает этот объем применительно к своему почерку и ограничивается им. Большое письмо расплывчато: не ограничиваясь в объеме, оно переходит с листа на лист.

2. *По содержанию.* Письма могут быть монотематическими и политематическими, причем вторые встречаются в переписке В. Я. Брюсова чаще. Автор отмечает, что политематичность и даже некоторая несвязность письма, когда одна мысль следует за другой без всякого перехода – это привилегия именно эпистолярного жанра.

3. *По форме подачи.* Автор выделяет эпический (рассказ о событиях), лирический (выражение чувств и ощущений) и прагматический (просьбы, поручения, вопросы) способы подачи эпистолярного материала, при этом отмечая, что большинство писем содержит в себе все три формы. Традиционно письмо строилось следующим образом: сначала шли выражения теплых чувств к адресату (лирическая форма), затем – эпический элемент, а в конце письма содержались просьбы и поручения.

4. *По построению.* Письма могли быть монологическими и диалогическими. Монологическое письмо автор писал по собственному побуждению, и строил его в соответствии с этим побуждением. Диалогическое письмо представляло собой отклик на послание корреспондента, поэтому порядок высказываний в нем определялся не внутренней логикой, а задавался письмом, на которое посылался ответ.

Наряду с систематизацией, в литературоведческих исследованиях также предпринимались попытки классификации писем, т. е. их разделения на основании существенного признака, который определяет форму, структуру и стилистические особенности писем. Общепринятой классификации писем пока не существует. В литературоведческих исследованиях были предложены некоторые критерии классификации.

Н. И. Белунова рассматривает письма в их функциональном аспекте и выделяет следующие типы писем.

1. официально-деловые, являющиеся документами делового общения, например, переписка между организациями;
2. научные, или профессионально ориентированные, например, переписка ученых, связанная с их научными интересами;
3. публицистические, например, в редакции газет или открытые письма, предназначенные для публикации;
4. художественные, представляющие собой литературные произведения;
5. бытовые;
6. частные неофициальные письма, в том числе дружеские и интимно-дружеские²⁶.

Однако нужно отметить, что официально-деловые, публицистические и художественные письма вообще вряд ли можно с полным правом отнести к эпистолярному жанру. Кроме того, данная классификация страдает неопределенностью: остается непонятным, по каким критериям бытовое письмо отличается от частного неофициального письма, какие особенности принципиально отличают профессионально ориентированное письмо от других разновидностей.

Л. В. Нижникова отмечает, что главным фактором, определяющим структуру, содержание и стиль письма, являются взаимоотношения корреспондентов. По мнению данного исследователя, личная переписка может отражать деловые, коллегиально-дружеские и интимно-дружеские отношения. Каждому из этих уровней отношений соответствует своя структура, «обрамление» письма,

лексический и синтаксический уровни²⁷. Нельзя не согласиться с автором в том, что характер взаимоотношений автора и адресата играет определяющую роль в построении текста письма. Предложенная Л. И. Нижниковой классификация интересна, но не охватывает всех возможных отношений между автором и адресатом: к примеру, в нее не включены родственные отношения и, следовательно, не проанализированы особенности структуры текста семейной переписки.

Структура текста писем.

Изучению этого вопроса, как уже было сказано, посвящен целый ряд исследований. Н. И. Белунова в своем исследовании выдвигает на первый план диалогичность письма как основную особенность, отличающую письмо от других типов текста²⁸. Хотя по форме письмо является монологом, оно одновременно является актом общения и поэтому сохраняет тесную связь с диалогом. На это также указывает в своей статье Н. Бетгузия²⁹. Даже в том случае, если письмо было единичным и в результате него не завязалась переписка, оно всегда предполагает определенную реакцию адресата, мысли, чувства или действия адресата после его прочтения.

Особенно подробно Н. И. Белунова останавливается на синтаксических средствах, с помощью которых реализуется диалогичность письма. Она подразделяет эти средства на адресатные (сообщающие об адресате) и адресантные (сообщающие об авторе). К адресатным синтаксическим средствам относятся:

1. обращение, которое призвано не только назвать адресата, но и выразить отношение к нему автора, задать тон всему письму;
2. вопросительные предложения, требующие реакции адресата;
3. побудительные высказывания, которые могут представлять собой просьбу, совет, приглашение, предложение, предостережение и т.д.;
4. оценочные и эмоционально-оценочные высказывания (например, объяснение в любви);
5. высказывания с вводными словами и оборотами («поверьте», «представьте» и т.п.).

Наряду с адресатными средствами, в установлении контакта играют важную роль и адресантные средства. Когда автор письма так или иначе говорит о себе, он все равно при этом ориентируется на адресата, рассчитывает быть услышанным, поэтому адресантные средства тоже являются признаком диалогизации. К ним относятся:

1. любые высказывания с местоимением «я», выражение внутренних состояний, чувств автора;
2. оценка автором себя и своей речи;
3. подпись, которая в письмах зачастую бывает распространенной, включает в себя не только имя автора, но и выражение чувств, различные эпитеты, установку на получение ответа и т.п.

Несмотря на то, что формы приветствий и обращений зачастую являются устойчивыми, выработанными эпистолярным этикетом, выбор этих форм

обусловлен не только индивидуальным вкусом, но, главным образом, отношениями между автором и адресатом, и может показать роль письма в общении корреспондентов, их оценку своего эпистолярного общения и т.п.

В качестве другой важной особенности письма Н. И. Белунова выделяет политематичность письма. Хотя нужно отметить, что эта особенность относится главным образом к дружеской переписке, которая и находится в центре внимания данного исследователя. Л. В. Нижникова отмечает, что частно-деловые письма, в отличие от дружеских и интимно-дружеских, обычно монотематичны³⁰. Кроме того, политематичность не была свойственна частным письмам на всем протяжении истории. Так, для писем XVIII в. была характерна как раз монотематичность (об этом свидетельствуют письма М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова). Члены кружка «Арзамас» отдавали предпочтение менее четкой композиции письма³¹. Для их переписки характерна стилистическая и композиционная свобода, имитация живого непосредственного разговора. В устном диалоге же всегда присутствует некоторая несвязность, непоследовательность, быстрый переход от одной темы к другой, «свернутость» информации. Именно так с начала XIX в. письма становятся в основном политематичными. Во второй половине XIX в., как уже было сказано, письма эволюционируют, все чаще приобретают характер утилитарности, сиюминутной необходимости, и для писем вновь становится характерна монотематичность.

С политематичностью связана также такая особенность дружеских писем, как стилистическая неоднородность. В одном и том же письме могут сочетаться элементы литературно-художественного, научного, публицистического и разговорного стиля. Особенно эта «стилевая избыточность», как уже было показано, характерна для писем «арзамасцев». Кроме того, в письмах активно использовались иностранные языки, прежде всего французский. Обращение к французскому языку в XVIII в. было отчасти вынужденным. В первой половине XIX в., в то время как эпистолярный жанр развивался, вырабатывались его нормы и традиции, французский язык, будучи языком тогдашней культурной, салонной беседы, продолжал традиционно занимать значительное место в эпистолярной культуре.

Эпистолярный этикет.

Во второй половине XVIII в. благодаря существованию «письмовников» сложились определенные эпистолярные традиции: трафаретные приветствия, концовки и подписи, формы этикета при выражении благодарности, поздравления, пожелания, просьбы и другие стереотипные фразы. Как уже было сказано, в конце XVIII – начале XIX вв. в эпистолярном жанре происходят изменения. Появляется жанр дружеского письма, которое испытало на себе влияние языковых реформ, было приближено к разговорному языку и свободно от трафаретов. Надо отметить, что сказанное относится к письмам образованных людей, чей эпистолярный этикет испытывал влияние со стороны художественной литературы. В письмах крестьян традиционный стиль делового письма устойчиво сохранился даже во

второй половине XIX в. Это объясняется, прежде всего, тем, что многие из них были неграмотными и сами не писали писем, а за плату диктовали их чиновникам, которые укладывали предполагаемое содержание в рамки традиционной формы делового письма. Даже грамотные крестьяне, имея дело с письмами такого же рода, сами следовали традиции при их написании. Аналогичная картина встречается и в письмах купцов³². Но и в дворянских письмах XIX в. эпистолярный этикет не был единым и неизменным. Он определялся вкусами автора, его индивидуальной эпистолярной манерой и отношениями с адресатом. В наибольшей степени эпистолярному этикету было подвержено «обрамление письма», т.е. обращение и подпись, в то время как основная, содержательная часть письма была более свободной. Л. А. Глинкина в своей статье выделяет три типа «обрамления письма».

1. Устойчивые, строгие этикетные формы. Они характерны преимущественно для конца XVIII – первой половины XIX вв., а также для деловых писем, для писем родителям и старшим. Эти формы поддерживались письмовниками того времени. Они содержали обращения и подписи с обязательным выражением почтения и добрых чувств по отношению к адресату.

2. Нарочитое отступление от образцов, обращения и концовки свободной структуры, часто в шуточной форме. Такое обрамление характерно для дружеских и интимно-дружеских писем XIX в., в особенности для писем «арзамасцев». В их письмах можно встретить такие, к примеру, варианты обрамления: «Пиши и будь здоров как бык», «Прощай, Фока. Обнимаю тебя, твой друг Демьян», «Мой дражайший и лысейший Василий». Было распространено дружеское обращение к адресату по фамилии («Милый Панаев»), а также употребление иноязычных концовок – на французском, английском, итальянском и даже на латыни. Достаточно вспомнить, что Евгений Онегин «знал довольно по-латыни», чтоб «в конце письма поставить *vale*». Эти нестандартные, творческие обращения и концовки устанавливали тон всего письма, «климат» общения, понятный только автору и адресату, выражали личное отношение к конкретному адресату и создавались с ориентацией на него.

3. Принятые, устоявшиеся этикетные формы, но упрощенные по сравнению с существовавшими в первой половине XIX в. формами. Они характерны в основном для писем друзей, знакомых, коллег во второй половине XIX в. Обращение обычно включало в себя имя адресата и эпитет: «почтенный», «любезный», «дорогой» и т.п. В отличие от предыдущего типа, эпитеты в данном случае не столько служат выражением личного отношения к адресату, сколько являются данью эпистолярной традиции. То же относится и к заключительной части письма, подпись сопровождается оборотами: «Душевно Вам преданный», «Будьте здоровы, жму Вашу руку», «Остаюсь любящий Вас» и т.п.³³

Л. А. Глинкина подчеркивает, что данные типы обрамлений условны, они сосуществовали на протяжении всего XIX века у одних и тех же авторов. Тем не менее, порой именно этикетные формы становятся своеобразным ключом к пониманию отношений между автором и адресатом и позволяют исследователю правильно интерпретировать заключенную в письме информацию.

Подведя итоги существующим в литературоведческих исследованиях подходам к изучению частной переписки, можно сделать следующие выводы. Эпистолярный жанр прошел за вторую половину XVIII–XIX вв. значительную эволюцию. Поэтому при изучении переписки как исторического источника необходимо учитывать существовавшую в то время эпистолярную традицию, для того чтобы объективно оценить информационный потенциал письма. Пока что нельзя говорить о существовании общепринятой классификации писем. Главным фактором, определяющим структуру, содержание и язык письма, этикетные формы, употребляемые в письме, являются отношения автора и адресата. Письмо – это речевое действие, которое всегда подразумевает определенного адресата. В письме автор выражает себя как личность и одновременно дает информацию об адресате, своих взаимоотношениях с ним. Раскрытие сути этих отношений является центральной задачей изучения писем.

¹ *Кобак И. В.* Изучение писем как исторического источника в отечественной историографии (40-е гг. XX в. – начало XXI вв.) // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. научных статей. СПб., 2009. Вып. 5.

² Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840–1883 гг. СПб, 1884.

³ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Н. А. Некрасов в его переписке // Некрасов Н. А. Собрание сочинений. М.; Л., 1930. Т. V. Письма 1840–1877.

⁴ *Дмитриева Е. Е.* Эпистолярный жанр в творчестве А. С. Пушкина: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1986.

⁵ *Шевцова Н. В.* Эпистолярный жанр в наследии Ф. М. Достоевского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Магнитог. гос. ун-т. Магнитогорск., 2004.

⁶ *Матвеева О. И.* Переписка Н. В. Станкевича как явление литературы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Сам. гос. пед. ун-т. Самара, 2004.

⁷ *Тодд У. М.* Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994.

⁸ *Макогоненко Г. П.* Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980.

⁹ *Бухаркин П. Е.* Письма русских писателей XVIII в. и развитие прозы (1740-е–1780-е гг.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1982.

¹⁰ *Логунова Н. В.* Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Ростов н/Д., 1999.

¹¹ *Белунова Н. И.* Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX вв. Жанр и текст писем. СПб., 2000; *Она же.* Элитарная речевая культура и ее основные особенности (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX вв.). СПб., 2009.

¹² *Глинкина Л. А.* «Весь Ваш без церемоний...» (речевой этикет в частных письмах XIX в.) // Русская речь. 1985. № 1.

¹³ *Беттузия Н.* Особенности структуры текста русской корреспонденции: Автореф.

-
- дисс. ... канд. филол. наук / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 1984. Она же. Особенности текстов эпистолярного жанра // Русский язык за рубежом. 1984. № 3.
- ¹⁴ Данкер З. М. Функционально-семантическая организация текста частного письма (ситуация установления контакта): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1992.
- ¹⁵ Нижникова Л. В. Письмо как тип текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Одес. Гос. ун-т. Одесса, 1991.
- ¹⁶ Видинеева Е. Г. Частные письма как источник изучения истории русского языка // Вопросы истории русского языка: Межвуз. сб. научных трудов. М., 1988.
- ¹⁷ Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр... С. 27.
- ¹⁸ Бухаркин П. Е. Письма русских писателей XVIII в.... С. 7.
- ¹⁹ Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII в. ... С. 33.
- ²⁰ Там же. С. 39-40.
- ²¹ Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр... С. 62.
- ²² Евгеньев-Максимов В. Е. Н. А. Некрасов в его переписке... С. 7.
- ²³ Кучина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX–начала XX вв. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы. М., 1984. С. 40.
- ²⁴ Евгеньев-Максимов В. Е. Н. А. Некрасов в его переписке... С. 9.
- ²⁵ Гаспаров М. Л. Эпистолярное творчество В. Я. Брюсова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991. Кн. 1. С. 16.
- ²⁶ Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции... С. 37–38.
- ²⁷ Нижникова Л. В. Письмо как тип текста... С. 8–11.
- ²⁸ Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции... С. 45.
- ²⁹ Беттузия Н. Особенности текстов эпистолярного жанра... С. 81.
- ³⁰ Нижникова Л. В. Письмо как тип текста... С. 15.
- ³¹ Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр... С. 133.
- ³² Видинеева Е. Г. Частные письма как источник изучения истории русского языка... С. 21.
- ³³ Глинкина Л. А. «Весь Ваш без церемоний...»... С. 41–44.

Е. В. Ламзина

Санкт-Петербургский государственный университет

О пятилетнем плане Археографической комиссии

Интерес к старинным рукописям проявлялся в России с давних пор, но до XIX в. собиранием исторических источников занимались преимущественно частные лица, только в 1834 г. указом Николая I была утверждена Археографическая комиссия – учреждение, задача которого состояла в том, чтобы собирать рукописи и готовить их к изданию.

До 1917 г. деятельность Археографической комиссии осуществлялась плодотворно и равномерно, а после революции процесс был нарушен, перед страной стояли другие задачи, интерес к гуманитарным наукам ослаб. Что касается исторической науки, то приоритетными направлениями исследований стало изучение развития социального движения в России, история становления рабочего класса, проблемы, связанные с хозяйственной деятельностью государства. Сотрудники Археографической комиссии пытались приспособиться к новым условиям.

23 марта 1929 г. в Археографическую комиссию поступило письмо¹ от Государственной плановой комиссии (Совет Труда и Оборона), в котором доводилось до сведения, что Госплан СССР заканчивает работу над перспективным планом народного хозяйства. Этот план впоследствии, после утверждения Совнаркомом, должен был лечь в основу доклада правительства предстоящему Съезду Советов. В письме сообщалось, что одна из частей плана, а именно развитие научно-исследовательских учреждений, не может быть разработана. Организации, занимающиеся научно-исследовательской деятельностью, не предоставили перспективные планы своего развития, а те материалы, которые были предоставлены, было трудно связать воедино из-за больших разночтений. В письме в достаточно категоричной форме указывалось, что необходимо предоставить правильно оформленные материалы, где развитие науки и исследовательской деятельности стояли бы на видном месте, иначе был бы нанесен вред не только науке, но и социалистическому строительству в целом. Далее в письме приведены инструкции о том, как именно должен выглядеть перспективный план и какие вопросы он должен отражать. Всего было выделено

четыре вопроса:

1. Основные показатели роста научных кадров, в особенности контингента молодых ученых, проблемы научной смены.

2. Необходимая сеть научно-исследовательских институтов: основные черты организации и необходимые средства.

3. Особо выделить строительство научных учреждений, т. к. для этого необходимы большие средства.

4. Нужды научной общественности, необходимость в повышении материального благосостояния ученых, вопросы организации научных исследований общественными учреждениями.

В Госплане СССР не сомневались, что в каждом учреждении есть достаточно материалов, позволяющих осветить круг данных вопросов, и просили предоставить своего представителя для помощи в обработке материалов и сведения этих материалов в единый всесоюзный план. Уже через несколько дней (письмо от 4 апреля) работа над пятилетним планом в Археографической комиссии была объявлена ближайшей существенной задачей.

27 апреля 1929 г. «План работ Археографической комиссии Академии Наук СССР на 1930–1934 гг.» был закончен, а через два дня его представили в Секретариат Академии наук. План работ Комиссии занимает три печатных машинописных листа, содержит приложение, которое называется «Сметные предположения Археографической Комиссии АН СССР на 1929/30–1933/34 сметн. годы»². Документ подписан Председателем Археографической комиссии, Сергеем Федоровичем Платоновым и Ученым секретарем, Александром Игнатьевичем Андреевым.

Согласно пятилетнему плану Археографическая Комиссия АН ставила перед собой следующие задачи:

1. Изучение и научное издание исторических источников, относящихся к народностям СССР.

2. Разбор и научное описание этих источников.

3. Собираание этих источников.

Далее следует отчет об исследовательских работах, которые проводились в Археографической комиссии, в каких направлениях велась научная деятельность.

Во-первых, в Комиссии отметили, что самые ценные и необходимые исторические источники связаны с хозяйственным и социальным развитием черносошного крестьянства, а также вотчинным и помещичьим хозяйством в связи с проявляемым интересом к истории крестьянского населения. Комиссия ставила перед собой оба вопроса, особо отмечая второй, как наиболее спорный и изучаемый с особым вниманием. XVI и XVII века – первый период, который был намечен к исследованию, т. к. в это время завершился переход от феодальных отношений к отношениям нового времени. Была определена основная линия процесса изучения, а для дальнейшей работы было необходимо привлечь материалы по монастырским архивам, накопленным в Москве и Ленинграде, хранящимся в АН. В первую очередь нужно было исследовать материалы Кирилло-

Белозерского монастыря, находившиеся в Комиссии по изданию Памятников древнерусской литературы и недоступные исследователям на тот момент, а также Спасо-Прилуцкого, Тихвинского, Александро-Свирского, Антониева Сийского монастырей³. Наиболее интересные результаты следовало напечатать в очередных томах «Русской Исторической Библиотеки».

Во-вторых, задача, связанная с разбором и описанием исторических источников, подразумевала выделение определенного временного периода в истории России и круга вопросов, который был наиболее интересен на тот момент. В первую очередь, это развитие хозяйства России XVIII–XIX вв. В этом направлении в Археографической комиссии велись некоторые работы, например, обследование хозяйственного анкетного материала 60 гг. XVIII в. (в плане не указывается подробно, что это за материал), составлялась карта торговых путей, ярмарок и торгов XVIII в.

В-третьих, так как интерес, в основном, проявлялся к источникам хозяйственной деятельности, то Комиссия обратила внимание на такой исторический источник как Таможенные книги. Но здесь возникла следующая проблема: обильный материал было невозможно издать целиком, а поскольку источник специфический, то издания отдельных Таможенных книг не принесли бы пользы читателю, это массовый источник, было необходимо проработать сотни книг. Было предложено следующее решение: сотрудники сделали выборку из Таможенных и свели их в наглядные таблицы. Предпочтение при этом отдали таможене Тихвинского монастыря, организованной на пересечении торговых путей из Новгорода, Пскова, Стокгольма, Олонецкого края и Москвы. Затем собирались приступить к изучению таможи Архангельска.

В-четвертых, проводились этнографические исследования. В 1929 г. было запланировано издание сборника материалов XVI–XIX в. о лопарях, в последующие годы намеревались подготовить сборники о карелах, коми-зырянах и якутах.

Археографическая комиссия предложила издание других источников русской истории, в основном памятников летописания, в первую очередь Никоновской летописи.

Изучение летописей являлось одной из неперенных задач Комиссии, поэтому издание капитального труда русского историка, академика А. А. Шахматова «Полное собрание русских летописей» – один из самых серьезных проектов. На очереди стояли издававшиеся Комиссией ранее «Памятники Русского Законодательства», в которых намечалось кроме Русской Правды и Судебников переиздание «Новоторгового Устава», важнейшего памятника торговой политики XVII в., также составление историко-географических карт Севера, связанное с изданием Сборника грамот Коллегии Экономии. Начатые в 1928 г. работы по подготовке переписки М. В. Ломоносова должны были закончиться, они составили бы восьмой том его «Сочинений».

Наконец, планировалось продолжить издание «Летописи занятий Археографической Комиссии», в котором по-прежнему печатались бы небольшие

исследования и заметки, касавшиеся издаваемых Комиссией материалов, статьи по вспомогательным историческим дисциплинам, отдельные документы, описания и обзоры, хранившиеся в Археографической комиссии и иных хранилищах рукописей и документов.

Работы по научному описанию и исследованию документов, намеченные на пятилетие, согласно плану должны были составить продолжение уже начатых в предыдущие годы. При этом научное описание охватило бы прежде всего те коллекции Комиссии, в которых можно было найти наибольшее количество нужных для издания материалов, таких как некоторые частные (Ключевского, Семевского, Модзалевского) и монастырские коллекции Комиссии, а также других академических учреждений, в которых находились подобные коллекции.

Кроме того, Археографическая комиссия намеревалась продолжить свою деятельность, связанную с собиранием исторических материалов, при этом, согласно выработанным академической Комиссией о рукописных фондах предположениями о наиболее правильном распределении между академическими учреждениями материалов, в ней должны были остаться только те рукописные материалы, которые являлись предметом ее научно-издательской работы. Прочие материалы следовало передать в Библиотеку и другие хранилища Академии наук, в свою очередь Археографическая комиссия надеялась получить от них необходимые документы.

Для успешного выполнения пятилетнего плана Археографической комиссии было необходимо следующее:

1) Усиление личного состава Археографической Комиссии по крайней мере тремя штатными научными сотрудниками I разряда и тремя II разряда.

2) Увеличение научных кредитов Археографической Комиссии втрое, т. е. не меньше 1 000 р. в месяц.

3) Увеличение количества листов, которые отпускаются на издания Археографической Комиссии, до 100 в год.

4) Увеличение средств на экспедиционные и коллекторские поездки сотрудников Археографической Комиссии до 2 000 р. в год.

5) Увеличение количества аспирантов, не менее трех аспирантов вместо одного.

6) Ассигнование специальных средств на приобретение картонов для хранения в них документов, на работы по переплету и реставрации рукописей и документов, на канцелярское оборудование.

Сметные предположения Археографической Комиссии АН СССР на 1929/30–1933/34 подписаны Сергеем Федоровичем Платоновым и Александром Игнатьевичем Андреевым. В нее включено 7 параграфов: заработная плата служащих и аспирантов, канцелярские и хозяйственные расходы, путевое довольствие, оборудование и инструменты, специальные операционные расходы (введено по предложению Михаила Николаевича Покровского) и разные расходы. В смете приведены данные последовательно по годам с 1928/1929 до 1933/1934 гг.

Таблица 1. Сметные предположения (в руб.)⁴

№ п/п	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33	1933/34
Зар. плата служащих и аспирантов	12 180	24 120	24 120	24 120	24 120	24 120
Канц. и хоз. расходы	380	500	500	500	500	500
Путевое дов.	–	900	900	1 200	1 200	1 200
Оборудование и инструменты	–	2 000	2 000	2 000	2 000	2 000
Специальные операционные расходы	4 400	12 000 (20 000)	12 000 (20 000)	12 000 (20 000)	14 400	14 400
Разные расходы	800	1 700	2 000	2 000	2 200	2 200
Итого	17 760	61 220	61 220	61 820	44 420	44 420

Можно заметить, что согласно предложениям к 1933/34 гг. почти по всем параграфам финансирование следовало существенно увеличить. В общей сложности, с 17 760 р. которые поступали в распоряжение Комиссии в 1928/1929 гг. к 1933/1934 гг. предлагалось дойти до 44 420 р., т. е. разница составляет около 150%. Заработная плата сотрудников должна была возрасти почти в два раза (на 98%), что, как видно из приведенной выше таблицы, следовало реализовать уже в следующем году. Канцелярские и хозяйственные расходы предполагалось увеличить на 32%. Уже в следующем году (1929/1930 гг.) планировалось ввести две графы: «путевое довольствие» и «оборудование и инструменты», под путевым довольствием, скорее всего, подразумеваются командировочные расходы. Расходы на путевое довольствие предлагалось ввести со следующего года и постепенно увеличить с 900 р. на 33% до 1 200 р. Что касается расходов на оборудование и инструменты, то 2 000 р. в год должно было хватить на все четыре года. В следующем параграфе «специальные операционные расходы» за три года есть приписка в 20 000 р., причем их тоже нужно считать, иначе сумма денег по столбцам не сходится с графой «Итого». В общей сложности, эти расходы планировалось увеличить на 173%. Наконец, остальные «разные» расходы должны были увеличиться на 175%.

В плане отражены проблемы финансирования деятельности Археографической комиссии: ученые призывали поддержать историческую науку, тем более, что направления для исследований были схожи с популярными в то время вопросами хозяйства и истории развития рабочего класса.

20 марта 1930 г. Секретариат Академии Наук потребовал предоставить сведения о составе Археографической комиссии. 25 марта был подготовлен отчет, в составе Комиссии числилось 9 человек⁵. Отчет содержал список сотрудников со

сведениями о зарплате и адресом прописки.

- 1) Председатель, академик, Сакулин Павел Никитич – 225 р.
- 2) Зам. председателя, Томсинский Семен Григорьевич – 225 р.
- 3) Ученый секретарь, Греков Борис Дмитриевич – 225 р.
- 4) Научный сотрудник I-го разряда, Акимов Петр Васильевич – 175 р.
- 5) Научный сотрудник I-го разряда, Чаев Николай Сергеевич – 175 р.
- 6) Научный сотрудник I-го разряда, Семенов Александр Игнатьевич – 175 р.
- 7) Технический секретарь, Булгаков Александр Сергеевич – 125 р.
- 8) Курьер, Богатова Серафима Владимировна – 50 р.
- 9) Курьер, Карпова Дарья Антоновна – 50 р.

Сведения даны за II квартал 1929/30 г. Всего за этот квартал было истрчено 2 833 р. На оплату сотрудников – 1 200 р., на научные расходы – 1 368 р., на библиотечные – 195 р., на канцелярские – 20 р. и на хозяйственные расходы – 50 р. В правом нижнем углу вставлена приписка о том, что большая часть этих расходов истрчена на оплату сверхштатных сотрудников, привлеченных дополнительно, т. к. штата Комиссии для работы недостаточно.

Скорее всего, в первом, третьем и четвертом кварталах расходы Археографической комиссии составили примерно такую же сумму. Можно предположить, что за 1929/1930 год расходы комиссии составили примерно:

4 800 р.	–	оплата сотрудников
5 472 р.	–	научные расходы
780 р.	–	библиотечные расходы
80 р.	–	канцелярские расходы
200 р.	–	хозяйственные расходы
11 332 р.	–	общие расходы

Со сметой Пятилетнего плана Археографической комиссии отчет за 1929/1930 г. совпадает по трем параграфам: зарплата сотрудников (4 800 р.), канцелярские и хозяйственные расходы (280 р.) и специальные операционные расходы, куда, скорее всего, следует отнести научные и библиотечные расходы (1 563 р.).

Таблица 2. Фактические и планируемые расходы

Виды расходов	По плану:	По факту:
Зарплата сотрудников	+98%	-61%
Канц. и хоз. расходы	+32%	-26%
Спец. расходы	+173%	-97%

В архиве Академии наук хранятся записки с указаниями по поводу этого плана, черновики с многочисленными пометками. Для полноценной работы не хватало финансирования, не хватало и штатных сотрудников. По смете,

приложенной к пятилетнему плану, предлагалось все расходы увеличить почти в два раза, особенно зарплату сотрудников. Но после Архивной истории, когда штат сменился, бюджет был существенно уменьшен.

1929 г. оказался переломным в работе Археографической комиссии. Он стал предпоследним годом работы в этом составе.

Комиссия внесла огромный вклад в развитие науки. Многие исторические источники стали доступны именно благодаря ее работе. В период с 1930 до 1956 гг. Археографическая комиссия не существовала, но все же она была восстановлена и успешно продолжает работу в наши дни.

¹ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1213 (О пятилетнем плане Археографической комиссии). Л. 1об.

² Там же. Л. 16, 16об, 17.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 36.

И. Н.Карташова
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Собрание народных картинок на сюжет сказки «О рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина

Рынок литературы для народа во второй половине XIX в. – начале XX в. был представлен двумя типами. Помимо дешевых изданий и лубочных книг, сюжет сказки «О рыбаке и рыбке» входил в устный фольклорный репертуар посредством народных картинок.

Лубочные картинки на сюжет сказки «О рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина московские предприниматели начали выпускать с конца 50-х гг. XIX в. Первая гравюра создана в 1857 г. в металлографии П. Н. Шарапова¹, который долгое время был монополистом в области издательства лубочной литературы.

Исследователь С. Клепиков приводит описание двенадцати изданий картинок на сюжет пушкинской «О рыбаке и рыбке», попутно замечая, что из сказок А. С. Пушкина «наибольшим успехом пользовались «Сказка о попе и работнике его Балде» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Первая была известна в пяти композициях (ранняя – 1857 г.), вторая в десяти (ранняя – 1857 г.)»². О популярности гравюры на сюжет сказки «О рыбаке и рыбке» свидетельствует также тот факт, что Шарапов в том же 1857 г. переиздал ее.

Народные картинки на сюжет сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке» выпускались впоследствии Комитетом грамотности императорского Московского общества сельского хозяйства (в 1867 г.), А. В. Морозовым и его наследниками – В. и И. А. Морозовыми (в 1869, 1870, 1897 и 1902 гг. в Москве), М. И. Шаминым (в 1869 и 1879 гг. в Москве), П. И. Ореховым (в 1879 г. в Москве) и П. В. Пурецким (в 1889 г. в Москве).

Сами по себе эти народные картинки представляют собой сочетание двух кодов – вербального и изобразительного: пушкинского текста и иллюстрирующего его изображения. К примеру, на гравюре Шарапова изображены двенадцать эпизодов (три ряда по четыре эпизода) и под каждой картинкой помещен оригинальный пушкинский текст, который с помощью изобразительного ряда лучше закреплялся в памяти. Приведенное описание гравюры Шарапова дает

общее представление об изобразительном и вербальном способах передачи пушкинского текста. В каждой из народных картинок текст сказки «О рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина процитирован с разной степенью полноты. Из описанных С. Клепиковым народных картинок только две содержат практически весь текст пушкинской сказки. Это «Сказка о рыбаке и рыбке» (Грав., кр. водка. М.: Металлогр. П. Н. Шарапова, 1857 г.) и «Сказка о рыбаке и рыбке» (Хрмлтр. М.: Типо-литография П. И. Орехова, 1879 г.). В пяти других изданиях³ даются отдельные цитаты из сказки А. С. Пушкина – от одной до шести строк под каждым изображением.

Определим, как полно передается в лубочных картинках текст сказки – от этого может зависеть степень влияния пушкинских образов на народную традицию.

Там, где пушкинский текст представлен цитатами (а не передан практически целиком), не делается акцент на троекратности закидывания невода, не дается мотивация старика, когда он отпускает рыбку потому, что она умеет говорить по-человечески, не передается ласковый ответ старика рыбке. Нет рассказа о «великом чуде» старухе.

Только в одной лубочной картинке (Клепиков, № 5) дается единичное описание бушующей стихии: «Видит, на море черная буря». В остальных текстах ни разу не используется этот прием передачи настроения рыбки через картины моря. Кроме того, ни на одной лубочной картинке не приведено описание наряда старухи столбовой дворянки. Лубочные авторы были знакомы с русской фольклорной традицией: пейзаж в повествовании не играет большой роли, либо же полностью опускается, а портретных характеристик героев в русском фольклоре нет. Поэтому при передаче текста пушкинской сказки такие описания были выпущены.

Нет передачи эпизода прихода старика к рыбке, вызова ее и их диалога. То есть ни разу не упоминается, что старик произносит просьбу жены с поклоном, просит смилостивиться и что на прощание рыбка благословляет его, обещая исполнить просьбу.

При требовании царского чина старуха угрожает старику:

... говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле.

Этой детали, отражающей отношение высокомерной барыни к своему мужу, народные картинки не знают. Кроме того, опущено, что новоиспеченная царица на старика даже «не взглянула».

Любопытен и тот факт, что среди подписей опущена строка: «И была б у меня на посылках <...>» (или «<...> И была бы у ней на посылках»). Часто нет упоминания о том, что: старик «Долго у моря ждал <...> ответа <...>».

Также следует отметить, что финал сказки – старик видит землянку и старуху у разбитого корыта – представлен не во всех изданиях. Только пять из них содержат данный эпизод – это «Сказка о рыбаке и рыбке» (Грав., кр. водка. М.: Металлогр. П.Н. Шарапова, 1857 г.), «Сказка о рыбаке и рыбке» (Хрмлтр. М.:

Издание Комитета грамотности императорского Московского общества сельского хозяйства, 1867 г.), «Сказка о рыбаке и рыбке» (Литогр. картинка. М., литогр. А. В. Морозова. 1870 г.), «Сказка о рыбаке и рыбке» (Хрмлтр. М.: Типо-литография П. И. Орехова, 1879 г.) и «Сказка о рыбаке и золотой рыбке» (Хрмлтр. М.: Литогр. П. В. Пурецкого, 1889 г.). Поэтому если устные народные варианты, содержащие сцену возвращения старухи к разбитому корыту, и восходят к лубочной картинке, то только к этим из всех перечисленных выше изданий.

Отдельно рассмотрим картинку «Сказка о рыбаке и золотой рыбке» (Хрмлтр. М.: Литогр. П. В. Пурецкого, 1889 г.), где при каждом из семи эпизодов дается вольный пересказ пушкинской сказки.

Во многом текст повторяет пушкинскую сказку – есть упоминание о синем море и занятиях стариков, хотя и выпущено описание того, чем же именно (каким орудием) ловил рыбу старик. Однако здесь совершенно не делается акцента на бедности стариков (они живут в ветхой землянке); опускается момент троекратного закидывания невода (сетей), а сразу говорится о третьем улове – золотой рыбке.

Описание не передает удивление и испуг старика при поимке рыбки, не цитируются и те пушкинские стихи, в которых объясняется, почему именно он отпустил золотую рыбку. Далее отсутствует рассказ старика о произошедшем старухе, а при ее ответе выпущена вся брань, с которой в пушкинской сказке она набрасывается на мужа. Кроме того, первые два ее требования объединены в одно. Таким образом, в рассматриваемой лубочной картинке исчезает ирония и сарказм старухи («хоть бы взял ты с нее корыто»); первое требование – это как бы проверка возможностей рыбки, в отличие от желания новой избы.

Переходя сразу к описанию положения старухи-дворянки, лубочный автор выпускает целый ряд важных в пушкинской сказке моментов: описание богатой избы, ругань и требование старухой избы и дворянства, приход старика на море, состояние моря (а через это и настроения рыбки), обращение рыбака к золотой рыбке («смилуйся, государыня рыбка») и ответ ее («не печалься, ступай себе с богом»), описание наряда старухи-дворянки, обращение ее не только со слугами, но и с мужем. Такие моменты кажутся для народной картинке не столь важными, или же – как, например, описание наряда старухи – не соответствующими сказочной традиции.

Лубочный автор опускает целый ряд пушкинских деталей и не обрисовывает царственное положение старухи. Последнее требование передается тоже чуть иначе: не «хочу быть владычицей морскою, чтобы жить мне в Окияне-море, чтоб служила мне рыбка золотая и была б у меня на посылках», а просто «быть ей владычицей морской, да чтобы ей сама рыбка и служила», чем притупляется заносчивость героини.

В лубочной сказке передано негодование старика по отношению к требованию зарвавшейся жены. Однако вновь опущены слова рыбки при прощании со стариком, ее благословение.

Финал пушкинской сказки передан лубочным автором довольно близко к

тексту Пушкина: «ничего не ответила рыбка, юркнула и уплыла вглубь синего моря, не дождался старик ее, воротился назад и видит свою старую землянку, на пороге видит старуху, а перед ней ее разбитое корыто». Ср. у Пушкина:

Не дождался, к старухе воротился –
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

Подводя итоги, отметим, что все рассмотренные лубочные картинки с разной степенью подробности воспроизводят пушкинский текст – в стихах или в прозе, наглядно иллюстрируя его с помощью изобразительного ряда. При этом лубочные авторы оказываются знакомыми с русской фольклорной традицией. Те моменты литературной пушкинской сказки, которые выходят за рамки традиции, оказываются в народной картинке опущенными. Это не характерные для русского фольклора описания наряда старухи-дворянки или картин волнующегося моря. Кроме того, концовка пушкинской сказки отображена далеко не во всех текстах. Лубочные авторы, вероятно, были знакомы с сюжетом о наказании жадности; они не акцентируют внимания на финальном наказании, которое и так предусматривается народной устной традицией.

¹ А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке / Науч. описание, коммент. и вступ. ст. С. Клепикова. М., 1949. С. 39.

² Там же. С. 9.

³ У С. Клепикова они даны под номерами 2, 3, 4, 5 и 6.

Иощенко А. С.

Санкт-Петербургский государственный университет

**Отражение педагогических воззрений
Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо
в российском законодательстве эпохи Екатерины II**

В течение своего правления Екатерина II неоднократно обращалась к проблеме развития системы учебных заведений в Российской империи. В отечественном законодательстве этого периода педагогическим вопросам отведена важная роль.

«Генеральное Учреждение о воспитании обоего пола юношества», утвержденное Екатериной II 12 марта 1764 г., стало первым документом ее царствования, посвященным развитию образовательной системы. В течение полутора десятилетий «Генеральное Учреждение...» являлось определяющим для государственной политики, проводимой в области образования. Идеи, выраженные в нем, легли в основу вновь созданных или измененных уставов ряда воспитательных заведений, таких как Академия Художеств и Воспитательное училище при ней, Воспитательное общество благородных девиц, Московский Воспитательный Дом, Коммерческое училище, Сухопутный шляхетный кадетский корпус.

Автором «Генерального Учреждения...» стал ближайший советник Екатерины II И. И. Бецкой. Увлеченный педагогическими воззрениями Просвещения, лично знавший Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Ф.-М. Гримма, Бецкой использовал идеи просветителей при составлении официальной государственной доктрины образовательной системы.

Большинство педагогических идей эпохи Просвещения были разработаны в конце XVII века Джоном Локком и изложены им в книге «Мысли о воспитании». Согласно его взглядам, «первое место в воспитании отводится добродетели и нравственности, второе – практической мудрости или способности размышлять над всеми проблемами жизни, третье – хорошему поведению и хорошим манерам, четвертое – знаниям и образованию»¹. «Физическое воспитание должно строиться на принципе закаливания тела и простоты жизни; телесные наказания изгоняются»².

В «Генеральном Учреждении...» утверждается, что главным является нравственное, а не умственное, развитие воспитанника, и преподавателю необходимо служить достойным примером своему ученику. Воспитание ребенка, согласно документу, должно проходить в изоляции от общества, а при выборе занятий для воспитанника следует, прежде всего, рассмотреть его наклонности.

Прослеживается совпадение взглядов И. И. Бецкого с педагогическими воззрениями Дж. Локка.

И. И. Бецкой «Генеральное Учреждение...»	Дж. Локк «Мысли о воспитании»
«Искусство доказало, что один только украшенный или просвещенный науками разум не дает еще доброго и прямого гражданина <...> корень всему злу и добру Воспитание» ³ .	Ст. 93. «<...> если даже он напичкан ученостью, которая, при дурном направлении, делает его еще более нахальным и невыносимым в обществе. Благовоспитанность придает блеск его остальным хорошим качествам» ⁴ .
Воспитателям необходимо быть «таким, чтобы воспитывающееся юношество любило их и почитало, и во всем добрый от них пример получало» ⁵ .	Ст. 89. «<...> пример воспитателя должен побуждать ребенка к тем действиям, которых тот добивается от него» ⁶ .
Задачи воспитания: «научить пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению от всяких предрозостей, <...> одним словом, всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию и которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшением» ⁷ .	Ст. 94. «Великая задача воспитателя выработать поведение и образовать душу; укоренить в питомце хорошие привычки и начала добродетели и мудрости; сообщить ему мало-по-малу понятие о человечестве и внушить любовь и стремление к тому, что прекрасно и достойно похвалы, а также дать ему силу, бодрость и усердие в преследовании этих целей» ⁸ .
«<...> прежде, нежели отрока обучать какому художеству, ремеслу или науке, надлежит рассмотреть его склонности» ⁹ .	Ст. 202. «Из ручных ремесел следует выбрать подходящие в качестве развлечения для тех, чье главное занятие связано с книгами и учением. При этом выборе нужно сообразовываться с возрастом и наклонностями данного человека и, привлекая его к делу, избегать принуждения» ¹⁰ .

Следует отметить, что Бецкой не заимствует слепо идеи Локка. Примером осмысления им выводов Локка является мысль о необходимости изоляции детей от общества. Английский просветитель выступает за домашнее воспитание, тогда как в «Генеральном Учреждении...» говорится о необходимости создания сети

закрытых образовательных учреждений: «Нет совсем иного способа, как завести воспитательные училища для обоого пола детей, которых принимать отнюдь не старее как по пятому и по шестому году»¹¹. Согласно Статье № 70 книги Локка «Мысли о воспитании»: «Ведь эта смелость и живость, которую подростки приобретают среди своих школьных товарищей, обычно представляет такую смесь грубости и дурно направленной самоуверенности, что им приходится отучиваться от этих непристойных и неблагородных способов пробиваться в жизни и смывать с себя всю приобретенную окраску»¹².

После Дж. Локка новый этап в развитии педагогической доктрины Просвещения связан с деятельностью Ж.-Ж. Руссо, воззрения которого на проблемы образования и воспитания наиболее полно выражены в романе «Эмиль, или о воспитании». В начале книги Руссо оговаривает, что он «пишет на основании не чужих идей, а своих собственных»¹³, несмотря на то, что Локк прежде уже занимался изучением «искусства образовывать людей»¹⁴. Руссо выделял три этапа воспитания: воспитание природой, воспитание вещами и воспитание человеком. «Воспитание природой включает развитие внутренних органов и способностей ребенка. Воспитание вещами – приобретение опыта благодаря предметам внешнего мира, которые влияют на нас. Воспитание человеком заключается в наставнике, который учит ребенка пользоваться своим внутренним развитием»¹⁵.

Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или о воспитании»	И. И. Бецкой «Краткое наставление...»
«Для ребенка, только что родившегося, нужна и кормилица, только что родившая <...> Кормилица должна быть также здорова и чувствами, как телом» ¹⁶ .	Ст. 2. «Для новорожденного младенца полезно молоко женщины, недавно родившей» ¹⁷ . Ст. 3. «Кормилиц выбирать, сколько возможно, здоровых, добронравных, без притворства веселых» ¹⁸ .
«Я все-таки убежден, что нет ни малейшей необходимости качать детей и что этот обычай часто бывает для них гибельным» ¹⁹ .	Ст. 16. «Весьма вредно качать их для того, чтоб засыпить: сей обычай вовсе отрешить должно» ²⁰ .
Ребенка «пусть <...> не носят на одной руке чаще, чем на другой; пусть не приучают одну руку скорее протягивать или чаще пускать в дело, чем другую» ²¹ .	Ст. 7. «Что к пользе служить, ничего презирать не должно; того для упомянуть можно, что кормилицам не всегда носить детей не левой руке, но на той и на другой» ²² .
«Выяснено, что детская каша особенно здоровая пища. Кипяченое молоко и сырая мука производят много желудочных нечистот и мало пригодны для нашего желудка» ²³ .	Ч.2. Ст. 29 «Кашка из муки для них очень груба: надлежит воспретить употребление оной» ²⁴ .

Бецкой был знаком с романом Руссо, положения из которого он использовал при составлении опубликованного в 1766 г. «Краткого наставления, выбранного

из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юности»²⁵. Этот документ являлся пособием для воспитателей образовательных учреждений, созданных в России в 1760–1770 гг. Ряд статей «Краткого наставления...» представляют собой перевод французского текста Руссо, что видно из приведенного сравнения.

Примеры заимствований, сделанных Бецким из сочинения Руссо, можно продолжить. Он не уточняет в тексте «Краткого наставления...» имени автора, чьи идеи воспроизводит, но в то же время открыто ссылается на Локка, чьи мысли также использует в данном документе. Эту ситуацию можно объяснить тем, что в России Екатерина II официально запретила издание романа Руссо «Эмиль, или о воспитании».

Российские законодательные документы 1760–1770 гг., посвященные вопросам образования, несут значительный отпечаток идеологии Просвещения, а именно, они являются отражением педагогических воззрений просветителей Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, подтверждением этому служат примеры сравнений, приведенных ранее.

¹ Dictionnaire européen des Lumières. Paris, 1997. P. 371.

² Ibid.

³ Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоого пола. СПб., 1774. Т. 2. Приложения. С. 2.

⁴ Локк Дж. Сочинения. М., 1988. Т. 3. С. 483.

⁵ Учреждения и уставы... С. 3.

⁶ Локк Дж. Указ. соч. С. 481.

⁷ Учреждения и уставы... С. 3.

⁸ Локк Дж. Указ. соч. С. 486.

⁹ Учреждения и уставы... С. 3.

¹⁰ Локк Дж. Указ. соч. С. 597.

¹¹ Учреждения и уставы... С. 3.

¹² Локк Дж. Указ. соч. С. 459.

¹³ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. М., 1981. Т. 1. С. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Dictionnaire européen... P. 372.

¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 56.

¹⁷ Краткое наставление... С. 1050.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 61.

²⁰ Краткое наставление... С. 1051.

²¹ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 63.

²² Краткое наставление... С. 1050.

²³ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 65.

²⁴ Краткое наставление... С. 1052.

²⁵ Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими

примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества // ПСЗ. СПб.,
1830. Т. 17. 12. 785. С. 1050.

А. А. Дудина

Санкт-Петербургский государственный университет

**Газета «Скандинавский листок» как источник
по истории экономических отношений в годы Первой мировой
войны.**

Русская торгово-промышленная газета «Скандинавский листок», издавалась в Стокгольме с 1 апреля 1915 по 31 декабря 1918 года¹. Изначально, газета ставила перед собой две цели – содействие начавшемуся в условиях прекращения торговых отношений с Германией русско-скандинавскому (а в первую очередь – русско-шведскому) экономическому сближению и обеспечение актуальной информацией русского населения Швеции. Обе задачи прямо декларировались в редакционной статье первого номера газеты: «Скандинавский Листок, как торгово-промышленная газета не будет иметь никакой определенной политической программы, а будет исключительно содействовать укреплению зарождающихся торговых отношений между Россией и Скандинавскими Государствами»⁴. Что же касается второй задачи – информационного обеспечения наших соотечественников, то «Положение русских в этом отношении было здесь действительно незавидно: русские газеты получают из Петрограда на 5–6 день, а здешними газетами, за незнанием языка, пользоваться не могли, и вот жили в полном неведении всего, что творится на Божьем свете. В обыкновенное время жить без газет тоже прямо невозможно, а тем более в переживаемое нами теперь бурное время, когда каждый день и даже каждый час происходят мировые события первостепенной важности»⁶. Между тем, число русских жителей одного лишь Стокгольма, по сведениям издателей, достигало пятнадцати тысяч человек⁷.

Таким образом, с самого начала издания «Скандинавский листок» ставил перед собой достаточно локальные цели, а учитывая уже упоминавшийся факт, что редакция провозглашала свою газету печатным органом, не имеющим какой-либо политической направленности («мы будем высоко держать знамя нашей газеты с надписью – «Без политической окраски»»⁹), тематика газеты должна была быть достаточно узкой и не выходить за рамки обозначенных вопросов. И. Н. Новикова,

автор единственной статьи, специально посвященной изучению «Скандинавского листка» как исторического источника делит материалы, размещавшиеся на страницах газеты, всего на 4 группы:

- 1) официальные шведские сообщения об экспорте и импорте;
- 2) публикации очерков развития скандинавской и российской промышленности, торговли и мореходства, обзоры текущего экономического развития Швеции и России;
- 3) скандинавская торгово-промышленная и финансовая хроника и экономические новости из других стран;
- 4) рекламные объявления¹⁰.

Однако, подобное деление, по ряду причин является не очень удобным. Во-первых, указанные группы очень широки и не дают представления о том, какие конкретно статьи печатались в издании. Во-вторых, многие публикации «Скандинавского листка» не могут быть отнесены ни в одну из перечисленных групп. В-третьих, не учитываются рубрики, с той или иной степенью постоянства появлявшиеся в газете. Несмотря на кажущуюся узкую направленность, «Скандинавский листок» зачастую обращался к самым разнообразным вопросам, а проблемы, затрагиваемые в газете, были шире изначально предполагавшейся тематики издания.

Для удобства анализа содержания газеты была составлена база данных, в которую включены все материалы, напечатанные в «Скандинавском листке» в первый год издания (апрель 1915 – апрель 1916 года). Они разделены по крупным разделам, а в них выделены более узкие темы¹¹. Из наиболее существенных можно выделить такие разделы: «Война», «Международные отношения», «Власть и политика».

Для характеристики «Скандинавского листка» как источника по истории экономических отношений в годы Первой мировой войны в настоящей работе будут рассмотрены статьи из раздела «Экономика». Из 1878 материалов, опубликованных за этот период в газете, 830 – посвящены экономическим вопросам самой разнообразной направленности. Экономические материалы можно разделить на 13 тематических подгрупп. В каждой из них будет рассмотрена одна из наиболее характерных статей.

К первой подгруппе можно отнести *Обищие статьи* (38), затрагивающие в целом экономическое положение или конкретные проблемы в сфере экономики в отдельных странах – Германии, Австрии, Великобритании, США, Дании, Швеции, Италии, Нидерландах, Румынии, Польше, Швейцарии, Финляндии, реже России. Например, в № 45 помещена статья «Влияние войны на экономическое положение Голландии», в № 23 – «Экономическое положение Италии» и т. п.

К одним из наиболее интересных материалов в данной подгруппе можно отнести статью «Экономическое положение держав согласия»¹². В ней проводится пересказ статьи «известного экономиста» Эдгара Креммо (Edgar Cremmond) из французской «Quartelu Review». Она привлекла внимание редакторов, так как «Финансовые и экономические вопросы являются ныне самыми злободневными»¹³. В статье сделана попытка ответить на вопрос, сможет ли Франция и дальше (на август 1915 г.) нести бремя военных расходов – ведь в условиях затяжной войны расходы на военные нужды будут только увеличиваться.

По мнению автора, благодаря существующему в стране золотому запасу (самому большому в Европе), Франция и дальше сможет успешно продолжать воевать с Германским блоком¹⁴. По подсчетам автора, существенно облегчит ситуацию и осуществленный недавно заем у населения страны¹⁵. После этих оптимистичных выводов рассказывается о проблемах, существующих во Франции. В связи с войной, вложенные за границей капиталы (в России и Турции) не приносят ожидаемой прибыли, и, как следствие, Франции стало нечем платить США за военные поставки. Однако выход был найден – в Англию было отправлено золото, взамен которого был получен кредит в три раза превышающий его стоимость, и появилась возможность оплачивать военные поставки¹⁶. Остальные, не менее существенные проблемы – оккупация промышленных департаментов, отсутствие рабочих на заводах в связи с мобилизацией, разрушение Бельгии («представляет собой руину») – упоминаются вскользь¹⁸. Несмотря на их существование, делается очень благоприятный прогноз – «При таких условиях, как бы тяжело война ни отразилась на благосостоянии наших союзников – Франции и Бельгии – все же эти страны еще очень долго могут нести на своих плечах все тяготы войны, и противопоставить германским угрозам свою финансовую мощь»¹⁹.

Подобные выводы должны были вселять оптимизм в читателей «Скандинавского листка». Скорее всего, именно поэтому статья Креммо была пересказана редакцией, а имя «известного экономиста» должно было придать ей еще большую значимость.

Одна из самых многочисленных подгрупп – *Торговля (162)*. Из экономических проблем, ей, пожалуй, уделялось наибольшее внимание. В основном, статьи в этой подгруппе касались либо общих проблем внешней торговли России, либо торговли ее с отдельными зарубежными странами. Из этих материалов можно почерпнуть информацию о торговле России со Швецией, Великобританией, Германией, Францией, странами Латинской Америки, Испанией, Швейцарией, Австрией, Финляндией, Японией, Бразилией, США, Египтом, Норвегией. Реже помещались статьи о торговле иностранных государств друг с другом, но подобные материалы также присутствовали. Например, в № 108 была напечатана статья «Торговля Голландии пищевыми продуктами с Великобританией и Германией», или в № 93 – «Китай как поставщик пароходов для Европы».

В № 44 помещена заметка о торговых отношениях России с Японией²⁰. Несмотря на ведущуюся на Дальнем Востоке подготовку к русско-японскому торговому сближению, «условия переживаемого времени лишают эти усилия реальной почвы» – русский экспорт сократился, а японский – носит случайный характер. Надеяться на реальное усиление товарообмена можно только к концу войны²².

Значительное число материалов «Скандинавского листка» было посвящено *Товарным рынкам (183)*. Это связано с тем, что статьи данной подгруппы должны были приносить практическую пользу – они давали конкретную информацию коммерсантам, в основном тем, кто собирался торговать с Россией. С № 86 постоянно появляются статьи под названием «Ryska varumarknaden» («Русский

торговый рынок»). В них говорилось о товарах, которые можно закупать в России, давался обзор различных рынков: «Нефтяной рынок в России» (№ 76), «Московский суконный рынок» (№ 78) и т. п. Уделялось внимание и иностранным товарным рынкам – Германии, Великобритании («Лесной рынок в Англии», № 76), Польши, Японии, Италии («Нужда в медикаментах в Италии», № 89), Швеции, а также Европы и мира в целом.

Некоторые статьи носили практико-аналитический характер. Так статья «На фармацевтическом рынке»²³ освещала проблемы в торговле фармацевтическими товарами между Россией, Швецией и Данией. В России существовала огромная потребность в медикаментах, но вывозить их из Швеции не представлялось возможным – в развитой химической промышленности фармацевтическая отрасль не доминировала, к тому же, она была ориентирована в основном на внутренний, шведский рынок. Раньше Россия вывозила немецкие медикаменты из Швеции, но в связи с многочисленными запретами и данный вариант был невозможен. Общий вывод таков – в настоящее время (август 1915 г.) ждать крупных закупок медикаментов в Швеции не приходится²⁴.

В некоторых статьях рассказывалось о российских *Ярмарках* (11), таких как Ивановская и Нижегородская. В № 62 помещены сведения о торговле на проходившей в сентябре 1915 года Нижегородской ярмарке²⁵. Кратко рассказывалось о том, какими товарами торгуют, что из них еще есть в наличии, а что уже невозможно закупить. Подробнее говорилось о торговле мануфактурой, галантереей, чаем, сахаром, железными изделиями. В конце была отмечена одна из характерных особенностей ярмарки – наличие оборотных средств²⁶.

Большое внимание «Скандинавский листок» уделял *Финансам и валюте* (99). В условиях войны финансовые вопросы и проблемы курсов валют были особенно актуальны. В первую очередь, внимание уделялось курсу рубля и финансовому положению России. Общемировая финансовая ситуация и положение отдельных государств также находили отражение на страницах «Скандинавского листка». Многие из статей данной подгруппы посвящены кредитам и займам в России и других странах.

В № 59 была помещена статья «Спрос на русские деньги за границей»²⁷. «Кредитными учреждениями Петрограда получен целый ряд сведений от своих заграничных корреспондентов относительно заметного в настоящее время крупного спроса на бумажные рубли за границей, в особенности в Швеции и Германии»²⁸. Отмечалось, что курс рубля по отношению к немецкой марке практически вышел на довоенный уровень. Автор статьи связывал это с тем, что на оккупированных немцами территориях Польши, Литвы и Прибалтийского края население по-прежнему расплачивается рублем, как между собой, так и с германскими властями. Отмечалось также, что русские деньги поступают не только непосредственно в Германию, но и перепродаются туда Швецией³⁰.

Проблема повышения *Цен* (16) на товары также была в поле зрения «Скандинавского листка». Этот вопрос являлся острым, как в России, так и во всем мире. В статьях этого раздела рассматривались как общемировые тенденции,

так и ценовая нестабильность в России, Германии, Австрии, Великобритании и Италии. Например, пространная статья «Война и колебание товарных цен»³¹ рассматривала проблемы ценообразования на разные товары во всем мире. Сначала назывались общие причины колебания цен: требования армии и флота, экономия, спекулянты – в результате, зачастую повышение цен не соответствовало реальному положению вещей³³. Далее, анализировались ценовые зависимости стран друг от друга. Например, зависимость цен на хлеб в США, Германии и России³⁵, или зависимость цен на металлы в Германии, США, Англии, Индии, Франции³⁶.

В газете можно было найти информацию о уже существовавших и создававшихся в то время *Банках* (28). 22 статьи посвящены российским банкам (Петроградский международный коммерческий банк (№ 4), Сельскохозяйственный промысловый банк (№ 86) и др.). Есть статьи об иностранных банках, например, в № 94 – «Деятельность иностранных эмиссионных банков» и т. п.

«Банки и банковое дело в Швеции»³⁷ – одна из наиболее интересных статей исторического характера. «Ввиду же возникших теперь больших сношений России со Швецией, интересно познакомиться с историей и постановкой в Швеции банкового дела»³⁸. История шведских банков начата с описания Пальмструсского банка, первого в Швеции. Он был основан в 1656 г. и имел два отдела – меняльную контору и ссудную кассу. В 1861 г. он даже выпустил свои банкноты, но из-за неумелого ведения дел прекратил платежи, несмотря на поддержку правительства. Его место занял Правительственный Банк (1668 г.), ныне Государственный Банк Швеции, которому в 1701 г. было дано право выпускать банкноты. Подробно рассказывается, чем занимался банк на протяжении своей деятельности. В статье упоминаются и частные банки, появившиеся в конце XVIII века как в Стокгольме, так и в провинции, и быстро прекращавшие свое существование. Только после королевского декрета 1824 г. о порядке учреждения частных банков появляются первые «солидные» банки. В статье описываются условия их создания. Также рассказано о том, как право эмиссии банкнот от частных банков постепенно переходило к Государственному Банку. Его структура и правление описаны очень подробно, в отличие от частных банков – о них предполагалось рассказать в следующих номерах, но продолжения так и не последовало³⁹.

Разнообразные *Экономические организации и объединения* (56), торговые организации, советы и их деятельность постоянно были объектом внимания «Скандинавского листка». Публиковались материалы о совместных обществах, таких как Общество сближения России с Америкой (№ 9), Русско-американская торговая палата (№ 21), Русско-итальянская торговая палата (№ 28), Русско-английская торговая палата (№ 51) и мн. др. Иногда помещались статьи об иностранных торговых объединениях – таких как Финляндская экспортно-импортная контора (№ 80), Ввозной трест в Швейцарии (№ 93) и пр. Упомянуты и Всеобщий шведский экспортный союз (№ 7, 107). Что касается русских экономических организаций, то, например, в № 56 рассказывалось о Российской экспортной палате о заседании комитета палаты, на котором обсуждалась ее

деятельность после окончания войны. «Собрание высказалось в том смысле, что деятельность палаты должна быть направлена на ознакомление союзных стран с экономическими и производительными силами России и на развитие непосредственных торговых сношений с дружественными нам державами, без участия германских посредников». В общих фразах обозначены и меры, которые Экспортная палата предполагает предпринять для этих целей.

Из статей о развитии *Промышленности* (60) больше всего внимания уделялось Швеции и России. Так, в № 10, 12, 13, 14 была размещена пространная статья «Промышленность Швеции и экспорт». Но были и материалы о различных отраслях промышленности в Германии, США, Франции, Дании, Швейцарии, Болгарии, Японии. В № 47 была опубликована статья «Состояние английской промышленности за последнее время». В ней рассказано о проблемах в промышленной сфере Англии, связанных с войной – нехватке рабочих, и, как следствие, сокращении выпускаемой продукции, особенно в металлургии. Отмечено и несколько положительных моментов – увеличение заработной платы, сокращение числа безработных и оживление в текстильной и шерстяной промышленности.

Помимо общих статей, касающихся развития промышленности, в «Скандинавском листке» помещались статьи об отдельных *Промышленных предприятиях* (9); семь из них рассказывают о русских предприятиях, две – о шведских. Так, в № 1 сообщается о том, заказы на какие изделия поступили в Продамет.

В газете уделялось внимание и проблемам, связанным с добычей *Сырья* (32). Многие статьи были посвящены добыче нефти, каменного угля, металлов и руды. Также рассматривалось положение с таким сырьем, как лес, хлопок, пенька и др. Очень актуальной в военное время была проблема добычи меди. В № 63 этому вопросу посвящена небольшая статья, в которой приводятся данные «Мертон и К^о» (Лондон). Согласно им, мировое производство меди по сравнению с 1913 г. сократилось на 10%; однако, в Австрии увеличилась на 6%, а в Германии на 20%. Статью сопровождают статистические данные, характеризующие производство меди в Германии, Австрии, на Кубе, в Африке, США, Испании, Португалии, Мексике, Австралии.

Наконец, ряд статей был посвящен *Сельскому хозяйству* (18). Большая часть этих статей посвящена оценке урожая в России и в мире: «Урожай хлебов в России» (№ 108), «Мировой урожай хлебов в 1915 г.» (№ 106) или прогнозированию его: «Виды в Англии на новый урожай» (№ 32). В № 53 рассказано про обсуждение вопроса о реализации урожая 1915 г. В заметке приведены оценки размеров урожая и сделан вывод о том, что недостатка в подвижном составе для его перевозки не будет.

Практически в каждом номере «Скандинавского листка» публиковались текущие Вексельные курсы в Петрограде, Париже, Лондоне, Амстердаме, Гельсингфорсе, Нью-Йорке, Берлине, Вене.

Таким образом, на страницах «Скандинавского листка» рассматривались самые разнообразные вопросы, связанные с различными аспектами развития экономики во всем мире.

Издание до сих пор является малоизученным, хотя обладает богатым источниковым потенциалом по истории не только русско-шведских отношений, но и проблемам экономики и международных отношений в годы Первой мировой войны.

¹ Bibliografisk beskrivning för SKANDINAWSKIJ LISTOK (1915): Svenska dagstidningar 1900—2009 // Nya Lundstedt, tidningar i Kungl. biblioteket – Sveriges nationalbibliotek: [Электронный документ] (http://tidning.kb.se/nld/ny/tidning_all.asp?tidnid=1981). Проверено 09.05.2010.

² Стокгольм 1-го апреля 1915 года // Скандинавский листок. № 1. С. 1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Стокгольм, 8 апреля 1915 года // Там же. № 2. С. 1–2.

⁶ Новикова И. Н. Торгово-промышленная газета «Скандинавский листок» как источник для изучения российско-шведских экономических отношений периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной Международной научной конференции (10–11 апреля 2007 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. – СПб.: РХГА, 2008. С. 240–241.

⁷ Отметим, что предлагаемая классификация не была создана заранее, а опирается на уже имеющийся материал; в процессе дальнейшего заполнения базы данных она может быть дополнена и усовершенствована. Классификация материалов намеренно не была составлена исходя из рубрик, существовавших в «Скандинавском листке» – для характеристики тематической направленности газеты их использовать трудно – из 1878 записей в базе данных только в 1008 поле «рубрика» заполнено. Остальные материалы редакторы газеты не относили ни к одной из них. А материалы, помещенные в самих рубриках, очень разнородны и часто относятся хотя и к схожим, но разным темам.

⁸ Экономическое положение держав согласия // Скандинавский листок. 1915. № 59. С. 1–2.

⁹ Там же. С. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 2.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Русско-японские торговые отношения // Там же. № 44. С. 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ На фармацевтическом рынке // Там же. № 51. С. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ С Нижегородской ярмарки // Там же. № 62. С. 4.

-
- 20 Там же.
- 21 Спрос на русские деньги за границей // Там же. № 59. С.3.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Война и колебание цен // Там же. № 60. С. 1–2.
- 25 Там же. С. 1.
- 26 Там же.
- 27 Там же. С. 2.
- 28 Банки и банковое дело в Швеции // Там же. № 15. С. 3.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 В Российской Экспортной Палате // Там же. № 56. С. 3.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Состояние английской промышленности за последнее время // Там же. № 47. С. 2.
- 35 Поступления заказов в «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» // Там же. № 1. С. 4.
- 36 Мировая добыча меди в 1914 г. // Там же. № 63. С. 4.
- 37 Там же.
- 38 К вопросу о реализации урожая // Там же. № 53. С. 3.
- 39 По данным № 25, на 20 июля 1915 г.

Вопросы историографии и источниковедения истории
России XVIII- XIX веков

II

К. Б. Худякова

Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о собирании и издании мемуаров женщин об Отечественной войне 1812 года

Мемуары женщин об Отечественной войне 1812 года – группа источников, в создании которых в большинстве случаев принимали участие не только участники описываемых событий, но и те, кто собирал и публиковал данные мемуары. На это ясно указывают комментарии к публикациям в «Русском вестнике» за 1880 год¹, в «Московских ведомостях» за 1872 год² или, в случае с мемуарами А. И. Васильчиковой, напрямую указано, что мемуары были записаны ее сыном А. А. Васильчиковым³.

Учитывая то, что те, кто собирал воспоминания женщин для их дальнейшей публикации, не могли не повлиять на текст мемуаров, важными для изучения истории появления этих мемуаров становится обращение к самим собирателям и публикаторам. Известны трое: Татьяна Толычева, Т. Н.⁴ и А. А. Васильчиков. О последнем известно лишь то, что он записал мемуары своей матери А. И. Васильчиковой⁵.

Стоит отметить, что в некоторых случаях нет прямых указаний на то, что кто-то побуждал мемуаристок записать свои воспоминания, однако вероятность этого остается достаточно высокой. Можно предположить, что кто-то содействовал бывшей крепостной господ Соймоновых в написании и публикации ее мемуаров в «Русском архиве»⁶. Во-первых, мала вероятность того, что эта крестьянка была достаточно грамотной для подобной литературной деятельности; во-вторых, вряд ли она самостоятельно пришла к мысли об издании своих мемуаров в каком-либо журнале.

Т. Толычева сообщила читателю о том, какую цель она преследовала, начав сбор воспоминаний о 1812 годе, в своем предисловии к мемуарам Глафиры Климовны Рожковой, опубликованных в «Московских ведомостях»: «Теперь осталось так мало свидетелей Двенадцатого года, что надо принимать встречу с одним из них как *une bonne fortune* (счастье – *фр.*), по французскому выражению. Их рассказы большею частью однообразны, редко можно указать на выдающийся факт, но нам

дорога малейшая подробность, относящаяся к кровавой эпохе наполеоновского нашествия, и мы поставили себе долгом записывать все, что слышим от ее современников»⁷. О том, что малейшие подробности о войне необходимо было сохранить, Т. Толычева писала и в предисловии к подборке мемуаров жителей Смоленска, опубликованной к шестидесятилетию Отечественной войны в журнале «Русский вестник»⁸.

Схожая причина, побудившая к сбору воспоминаний о 1812 году, указана и во вступительном слове автора под псевдонимом «Т. Н.» к серии мемуаров, опубликованных в «Московских ведомостях» в 1872 году: «между тем число очевидцев занятия Москвы французами теперь уже очень незначительно, и малейшие сведения о том времени тем для нас дороже, что через несколько лет не останется, вероятно, ни одного свидетеля самой драматической и самой славной страницы нашей истории. Вот почему я собирал тщательно все подробности, дошедшие до меня, и, в ожидании других рассказов, если мне удастся их слышать, передаю те, которые уже записал. <...> Я принимал не без разбора предлагаемые мне рассказы, я записывал их со всей возможной добросовестностью, но легко может быть, что после стольких лет память немного изменила моим рассказчикам, и что в переданные ими факты вкралась ошибка. Все, что относится к двенадцатому году, принадлежит истории и подлежит критике, и я приму с благодарностью всякое замечание, сделанное по поводу моего труда»⁹. Интересно то, что данная вступительная статья слово в слово совпадает с введением к книге «Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе», изданной через год после выхода статьи в газете¹⁰. И в генеральном алфавитном каталоге Российской национальной библиотеки, и на корешке самой книги автор указан как «Т. Толычева», но вступительная статья, идентичная слову публикатора из «Московских ведомостей», подписана «Н. Т.». Этот псевдоним содержит те же две буквы, что и «Т. Н.», а если учитывать вероятность того, что за этими буквами могут стоять имя и фамилия, которые могут меняться местами, то можно предположить, что эти псевдонимы идентичны. В данном случае логичным является предположение, что «Т. Н.» и «Татьяна Толычева» являются вымышленными именами одного лица, несмотря даже на то, что повествование от имени Т. Н. велось в мужском лице, а от имени Т. Толычевой – в женском.

Еще одним подтверждением того, что оба псевдонима скрывают одного и того же автора, может служить то, что в книге «Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе» содержатся мемуары, которые были опубликованы и в «Московских ведомостях» – «Занятие французами Девичьего монастыря»¹¹. Однако тексту мемуаров в книге предшествует небольшая статья от публикатора, в которой сообщалось, что рассказ этот он «слышал от монахини Девичьего монастыря матери Антонины (в миру Аграфены)»¹². В такой же краткой по объему вступительной статье к мемуарам А. А. Назаровой Т. Н. писал: «Я передаю с ее слов следующий рассказ. Некоторые забытые ею подробности я узнал от старушки, которая жила в Рождественском монастыре во время нашествия неприятеля; и я позволил себе пополнить ими воспоминания Александры Алексеевны [Назаровой]»¹³. Из этого

можно сделать вывод, что с текстами мемуаров обращались довольно вольно, а влияние составителя на текст было значительным.

Удалось узнать настоящие фамилию и имя «Татьяны Толычевой» – Новосильцова Екатерина Владимировна. Ее авторству принадлежит и ряд книг о православии и его истории¹⁴. Стоит отметить, что и опубликованные ею мемуары зачастую касались темы монастырей, так как многие из мемуаристок являлись либо богаделками при монастырях (например, Глафира Климовна Рожкова¹⁵), либо находились в каком-либо монастыре в момент нападения французов (например, Анна Алексеевна Назарова жила во время нашествия Наполеона в Рождественском монастыре¹⁶). Автор занималась и беллетристикой и выпустила одну из своих книг под названием «Рассказ старушки о двенадцатом годе»¹⁷, которую сама предназначала для чтения детям и простому народу. Т. Толычева сообщала в предисловии, что, смешав историю и бытовые подробности, она старалась сделать книгу максимально интересной для своих читателей¹⁸. Маловероятно, что данная книга была целью Т. Толычевой при сборе рассказов очевидцев 1812 года. Но сама автор сообщила читателю, что повествование ее героини основано на рассказах женщин, которые она собрала: «я не позволила себе вложить в ее уста единого вымышленного слова. Собирая рассказы очевидцев о 12-м годе, мне пришлось слышать много интересных эпизодов, которые, по своей отрывочности, не нашли места в моем издании. Теперь же я старалась извлечь пользу из тех, которые могли быть сгруппированы без натяжки, чтобы составить из них похождение отдельного лица. Таким образом, моя старушка – ни что иное, как нить, связывающая между собой истинные факты»¹⁹.

Все изложенное выше позволяет предположить, что автор, подписавший свои публикации «Татьяна Толычева» и «Т. Н.» – одно и то же лицо.

¹ 1812 год в Смоленске // Русский вестник. 1880. № 11. С. 206.

² Рассказ очевидцев о двенадцатом годе: Занятие французами Девичьего монастыря // Московские ведомости. 1872. № 21. С. 2.

³ Воспоминания А.И. Васильчиковой о 1812 годе // Русский вестник. 1912. № 9.

⁴ Рассказ очевидцев о двенадцатом годе: Занятие французами Девичьего монастыря // Московские ведомости. 1872. № 21. С. 2.

⁵ Воспоминания А.И. Васильчиковой о 1812 годе // Русский вестник. 1912. № 9. С. 133.

⁶ Рассказ о 1812 годе бывшей крепостной Соймоновых // Русский архив. 1871. № 6. С. 198–217.

⁷ Рассказ о двенадцатом годе Глафиры Климовны Рожковой, живущей в Покровской богадельне // Московские ведомости. 1884. № 37. С. 2.

⁸ 1812 год в Смоленске. С. 199–208.

⁹ Рассказ очевидцев о двенадцатом годе: Занятие французами Девичьего монастыря. С. 2.

¹⁰ Толычева Т. Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе. М., 1873.

¹¹ Занятие французами Девичьего монастыря // Там же. С. 5.

¹² Там же.

¹³ *Назарова А. А.* В Рождественском монастыре // Там же. С. 115.

¹⁴ Новосильцова Е. В. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 21: Нибелунги — Нэффцер. С. 294.

¹⁵ Рассказ о двенадцатом годе Глафиры Климовны Рожковой, живущей в Покровской богадельне. С. 2.

¹⁶ *Назарова А. А.* В Рождественском монастыре. С. 115.

¹⁷ *Толычева Т.* Рассказ старушки о двенадцатом годе. М., 1878.

¹⁸ Там же. С. 3.

¹⁹ Там же.

С. А. Семенов

Санкт-Петербургский государственный университет

**«Воспоминания» П.Н. Милюкова:
источники мемуарного текста**

Анализ источников «Воспоминаний» П. Н. Милюкова позволяет ответить на ряд важных вопросов: какими источниками мог пользоваться мемуарист, какую роль они сыграли в составлении текста, в какой степени они влияли на автора и как именно он подходил к их анализу. Ответы на указанные вопросы, наряду с исследованием особенностей структуры мемуарного текста, во многом позволяют проследить путь «Воспоминаний» от замысла через работу над источниками и текстом до результата, который может быть прочтен и воспринят современным читателем. Далее рассматривается роль мемуаров А. А. Кизеветтера, И. В. Гессена, М. Палеолога, Дж. Бьюкенена и В. Н. Коковцова в формировании текста «Воспоминаний» П. Н. Милюкова.

Мемуары А. А. Кизеветтера

Имена П. Н. Милюкова и А. А. Кизеветтера стали упоминаться в одном контексте благодаря книге М. Г. Вандалковской¹. Формальное основание для этого – внешне сходный жизненный путь: историки из Московского университета, деятели кадетской партии, авторы воспоминаний, написанных в эмиграции. Однако сами историки, вероятно, осознавали различие между собой не меньше, чем сходство. А. А. Кизеветтер подчеркивал, что с уходом в политику П. Н. Милюкова наука потеряла замечательного ученого, в свою очередь и П. Н. Милюков упрекал А. А. Кизеветтера за уход в политику во вред истории². Да и результаты их политической деятельности кажутся несравнимыми. Это немало сказалось на тех проблемах, которые вышли на первый план в их мемуарах. Если А. А. Кизеветтер сделал акцент на описании времени, московской жизни и круга лиц, связанных, главным образом, с университетом и научной деятельностью³, то в «Воспоминаниях» П. Н. Милюкова последние фигурируют лишь как элементы его биографии. Таким образом, кроме возникающего и без детального изучения

вывода, что для П. Н. Милюкова (по крайней мере, в мемуарах) эти проблемы не выходили на первый план, появляется и другой вывод: у П. Н. Милюкова просто не было необходимости вводить читателя в круг русских историков рубежа веков, немало известный, в том числе и благодаря мемуарам А. А. Кизеветтера, задолго до того вышедшим. И пара весьма дружественных отсылок к этим воспоминаниям⁴ также говорит о роли второго фактора. Тем более, что отдельные вопросы – преподавание в Московском университете в 1870–80-е годы (которые не застал А. А. Кизеветтер), личные контакты с П. Г. Виноградовым и В. О. Ключевским – П. Н. Милюков представил читателю в самом развернутом виде.

Итак, возвратимся к самим текстам. Издание, с которым работал П. Н. Милюков, без сомнения, единственная на тот момент публикация мемуаров А. А. Кизеветтера, осуществленная в 1929 году в Праге⁵. Современный читатель также может познакомиться с позднейшим переизданием с комментариями М. Г. Вандалковской⁶. Автор описывает события почти того же периода, что и П. Н. Милюков – 1884–1914 годы⁷. Дальнейшее время А. А. Кизеветтер в свои мемуары не включает, называя последующий период слишком болезненным. Возможно, сказались также нежелание публиковать сведения о живущих в эмиграции личностях, равно как и явный недостаток временной дистанции.

Трудно сказать, что единственная прямая цитата из мемуаров А. А. Кизеветтера, которую П. Н. Милюков включил в текст «Воспоминаний», много добавляет к уже сделанным выводам. Она, учитывая ее объем и назначение, кажется несколько забавной. Вероятно, не без иронии на нее смотрел и П. Н. Милюков, когда цитировал эту страницу из воспоминаний А. А. Кизеветтера – «чересчур для меня лестную и по-кизеветтеровски красочную, – но, сколько знаю, единственную, сохранившую живую память о начале моей профессорской карьеры»⁸. Вот этот текст: «Лекции Милюкова производили... сильное впечатление именно тем, что перед нами был лектор, введивший нас в текущую работу своей лаборатории, и кипучесть этой исследовательской работы заражала и одушевляла внимательных слушателей. Лектор был молод и еще далеко не был искушен в публичных выступлениях всякого рода. Даже небольшая аудитория специального состава волновала его... Молодой лектор сумел сблизиться с нами, и скоро мы стали посещать его на дому. Эти посещения были не только приятны по непринужденности завязывавшихся приятельских отношений, но и весьма поучительны. Тут уже воочию развертывалась перед нами картина кипучей работы ученого, с головой ушедшего в свою науку. Его скромная квартира походила на лавочку букиниста. <...> В этой обстановке мы просиживали вечера за приятными и интересными беседами»⁹.

Отдавая должное этой красочной зарисовке А. А. Кизеветтера, которая, по видимому, так понравилась обоим мемуаристам, стоит отметить, что это была все же только беглая зарисовка: в описываемый период А. А. Кизеветтер постоянным членом семинаров П. Н. Милюкова не был¹⁰. Впрочем, у него было немало возможностей составить представление о стиле работы П. Н. Милюкова позже, когда они познакомились ближе и стали соратниками по партии. В заключение еще раз можно подчеркнуть, что и те, и другие мемуары проникнуты взаимной

дружественностью и написаны людьми, сферы интересов и круги общения которых в значительной степени пересекались.

Мемуары И. В. Гессена

Мемуары И. В. Гессена были опубликованы в 1937 году в заключительном полутоме «Архива русской революции»¹¹ – сборника документов, писем и мемуаров участников и просто очевидцев политической борьбы в России в начале XX века, который И. В. Гессен издавал с 1921 года.

Мемуары И. В. Гессена, по его собственному утверждению, составлялись в два приема: три с половиной года в ссылке (которая окончилась в 1889 году) и после эмиграции в 1919 году в Сортавале¹². Авторское предисловие датировано 1935–1936 гг.¹³ В результате тексты, показавшиеся и самому И. В. Гессену весьма различными, были объединены и составили публикацию в «Архиве русской революции». Воспоминания охватывают период с детства И. В. Гессена – 1865 год – до пересечения финской границы зимой 1919 года. И. В. Гессен был одним из соратников П. Н. Милюкова – депутатом II Государственной думы, видным деятелем партии кадетов и, совместно с П. Н. Милюковым, редактором газеты «Речь».

И. В. Гессен дает достаточно подробную и, нельзя не отметить, весьма лестную, хотя и не лишённую критических нот, характеристику П. Н. Милюкова¹⁴ – ее можно считать одной из первых небольших биографий мемуариста. Близость к лидеру кадетов и постоянное сотрудничество сделали его внимательным и доброжелательным свидетелем, сообщаям многочисленные факты. Однако в формировании «Воспоминаний» П. Н. Милюкова эти сведения сыграли весьма специфическую роль. Из пяти ссылок на мемуары И. В. Гессена три были ссылками на фразы самого П. Н. Милюкова, зафиксированные И. В. Гессеном: «И. В. Гессен по этому поводу приводит мою фразу: «Если я дам пятак, общество готово будет принять его за рубль, а вы дадите рубль, и его за пятак не примут». Едва ли я мог говорить в таком циническом тоне со Столыпиным»¹⁵.

Можно заметить, что И. В. Гессен выступает как своеобразный летописец «крылатых фраз» П. Н. Милюкова, причем последний, как видно из второй цитаты, не вполне уверен в их точности («Едва ли я мог говорить в таком циническом тоне со Столыпиным»¹⁶). Все упоминаемые фразы не поддаются проверке, зато их литературное достоинство нельзя подвергнуть сомнению. Так что исследователю в этих случаях остается мириться с мыслью о своеобразном «соавторстве» И. В. Гессена и П. Н. Милюкова. Другие ценные сведения П. Н. Милюков почерпнул из мемуаров И. В. Гессена о внутрипартийной жизни и об откликах на его деятельность в журнальных и литературных кругах¹⁷.

Мемуары М. Палеолога и Дж. Бьюкенена

Отдельную группу источников составили для П. Н. Милюкова мемуары иностранцев – французского посла в Санкт-Петербурге Мориса Палеолога и его

английского коллеги Джорджа Бьюкенена. Не цитируя этих авторов напрямую, П. Н. Милюков показывает роль, которую данные тексты сыграли в написании «Воспоминаний»: «Я должен здесь снова обратиться к появившимся позже источникам, особенно к воспоминаниям английского посла сэра Джорджа Бьюкенена и французского Мориса Палеолога. Без них я не мог бы распутать той сложной ткани влияний, которая привела к последнему фазису моей дипломатической борьбы и сыграла роль в моем уходе из правительства. Дневник Палеолога особенно важен. Дипломат старой школы, хорошо осведомленный о России, и в то же время талантливый писатель, владеющий пером, Палеолог экспансивнее своего сдержанного коллеги, его настроения более гибки и красочны и лучше отражают, день за днем, получаемые им впечатления о русской революции. Он предвидит, что французская печать и общественное мнение отнесутся с энтузиазмом к перевороту, – и не одобряет эту излишнюю экспансивность. Сам он полон мрачных предчувствий»¹⁸.

На русском языке дневник Мориса Палеолога, посла Франции в Санкт-Петербурге с января 1914 года, был опубликован «Государственным издательством» в 1923 году¹⁹. Перевод с французского был выполнен Д. Протопоповым и Ф. Ге. Обширное предисловие М. Павловича (М. П. Вельтмана) стремится убедить читателя в массе позднейших приписок и подчисток, наполнивших дневник Мориса Палеолога наряду с первоначальным бесценным для исследователей материалом. Как следствие этого и весьма неполная публикация текста. Основные недостатки данного издания вскрыли авторы другой публикации дневника Мориса Палеолога на русском языке – московское издательство «Захаров»²⁰. Они утверждают, что прежде дневники печатались с большими пропусками, в русский текст включались отдельные фразы, отсутствующие в оригинале. В итоге, как указывают авторы нового перевода, в предыдущих публикациях, начиная с 1923 года, 40% текста было изъято. Не исправляя неточностей в цитатах и фактах, издатели стремились «сохранить аутентичность текста, по которому иностранцы знакомились с Россией»²¹. Поэтому новый перевод был выполнен на основе трехтомного издания: *Maurice Paleologue, La Russie Des Tsars pendant la Grande Guerre Paris, Library Plon, 1922* с уточнениями по лондонскому изданию 1924 года.

Возможно, с публикацией «Государственного издательства» 1923 года был знаком П. Н. Милюков, хотя с большей вероятностью можно предполагать, что он воспользовался оригинальным французским или американским изданием (*An Ambassador's Memoirs by Maurice Paléologue (Last French Ambassador to the Russian Court) /Translated by F. A. Holt. New York: George H. Doran Company, 1925*). Во всяком случае, ссылку П. Н. Милюков давал на французский оригинал²². Последнее, вероятно, лишило его возможности узнать, что «мемуары Палеолога вполне разоблачают ту позорную унижительную роль, которую в качестве министра России играл Милюков, державшийся по отношению к французскому представителю не как министр независимой страны, а как министр мароккского султана или тунисского бея» (из предисловия М. Павловича)²³. Представленный в русском издании текст, нужно признать, давал основания

для таких утверждений М. Павловича. Без сомнения, П. Н. Милюков занимает одно из первых мест в дневнике Мориса Палеолога, но так ли много ценных сведений он мог оттуда почерпнуть? Главный интерес могли представлять точные датировки М. Палеолога, содержание переговоров, хотя собственные фразы, воспроизведенные английским мемуаристом, вряд ли оказались для него ценными. Сама же роль П. Н. Милюкова, какой она представлялась иностранным читателям, выглядела достаточно лестной.

Мемуары Джорджа Бьюкенена вышли в свет тоже в 1923 году и сразу были переведены на русский язык²⁴. На русском языке они также были «подвергнуты лишь незначительным сокращениям»²⁵, что не помешало, однако, уместить два тома в один. Последнее русское переиздание было выполнено в переводе Т. В. Китаиной²⁶. Изложение охватывает 1876–1922 годы и включает описание англо-русских и общеевропейских отношений во время и накануне Первой мировой войны.

Мемуары В. Н. Коковцова

Наиболее цитируемый П. Н. Милюковым источник – мемуары Владимира Николаевича Коковцова, изданные в 1933 году в Париже под названием «Из моего прошлого: Воспоминания (1903–1919)». Их хронологические рамки, понятные из названия, – это время, когда В. Н. Коковцов занимал должности государственного секретаря, министра финансов и председателя правительства. Заканчивает этот период эмиграция через Финляндию во Францию. Главное, что интересовало мемуариста, – царская семья, правительство, внешняя и внутренняя экономическая деятельность российского правительства. Деятельность П. Н. Милюкова затронута в них лишь бегло: можно насчитать всего 13 его упоминаний на протяжении двух томов мемуаров В. Н. Коковцова. Лидера кадетов он характеризует как представителя сил, чуждых созиданию, впрочем, недостаточно опасных: думскому представительству он, как не трудно заметить, большого значения не придавал.

Взаимоотношения этих политических деятелей можно проследить по одному из эпизодов, описанному В. Н. Коковцовым и несколько иначе интерпретированному П. Н. Милюковым. Первый проект «министерства доверия», подготовленный А. Ф. Треповым, был показан В. Н. Коковцову Николаем П. В. Н. Коковцов воспроизвел его по памяти²⁷ (вслед за ним тот же список приводит и П. Н. Милюков²⁸). Согласно В. Н. Коковцову, именно его заслугой был провал проекта «министерства доверия»²⁹. П. Н. Милюков, познакомившись с текстом В. Н. Коковцова, мог представить эту картину несколько иначе: «Самое предьявление царем списка Трепова (хотя и без имени автора) Коковцову было со стороны Николая II довольно коварным шагом. Он, конечно, знал о разногласиях по поводу судьбы Думы, знал противоположные взгляды Трепова и Коковцова и хотел их столкнуть, оставляя себе свободу решения»³⁰. В этих выводах П. Н. Милюков опирался на воспоминания о собственных встречах с А. Ф. Треповым

и рассказах о его контактах с ведущими кадетами. Что же до его оценки роли В. Н. Коковцова в судьбе «министерства доверия», то он даже не желал о ней говорить.

Мемуары В. Н. Коковцова оказали огромное влияние на процесс написания «Воспоминаний» П. Н. Милюкова. Этот источник он упоминает и цитирует чаще всего, несмотря на то что воззрения В. Н. Коковцова никоим образом не могли совпадать с воззрениями лидера кадетов. Фраза «по показанию Коковцова» была повторена П. Н. Милюковым неоднократно, а два значительных сюжета начала века³¹ представлены в виде пересказа и цитат из мемуаров В. Н. Коковцова. Стоит внимательнее изучить причины обращения П. Н. Милюкова к этому источнику и особенности его работы.

При первом упоминании В. Н. Коковцова П. Н. Милюков называет его «испуганным бюрократом»³², а при следующем – углубляется в личную характеристику В. Н. Коковцова и роли его мемуаров: «В сущности, и сам В. Н. Коковцов, в эмиграции, издал два тома воспоминаний, которые, по отношению к царю и его ближайшему окружению, могли бы служить настоящим обвинительным актом. Но когда я в восьми фельетонах «Последних новостей» извлек оттуда документальные данные для этого обвинительного акта, аккуратный и добросовестный бюрократ, верный служитель неограниченной монархии, был как будто удивлен и недоволен: он вовсе не хотел этого! Он только добросовестно свидетельствовал»³³. Далее П. Н. Милюков убеждает читателя, что В. Н. Коковцов никогда не претендовал на звание «политика» и ограничивался репутацией «честного бухгалтера»³⁴ на посту министра финансов, охраняя казну от различных покушений.

Вот как П. Н. Милюков объясняет выбор данного источника: «Но тут я должен снова прибегнуть к помощи того же источника, который помог мне восстановить картину подготовки роспуска Первой Думы, – к воспоминаниям В. Н. Коковцова. До наших оппозиционных кругов сведения о том, что происходило на самом «верху», доходили в виде слухов, более или менее глухих и неполных.

Под рукой обиженного царского служаки (Коковцов был очень чувствителен к обидам) они превращаются в осязательные факты, освещающие самые темные закоулки того, что на тогдашнем эзоповском языке называлось «тайнами мадридского двора»³⁵.

Таким образом, П. Н. Милюков указывал на большую информированность В. Н. Коковцова, говорил о нем как о «добросовестном» свидетеле и старался опираться на факты, приведенные в его воспоминаниях. Характерно, что П. Н. Милюков, не злоупотребляющий в «Воспоминаниях» цитатами из устной речи, привел немало цитат, перекочевавших из мемуаров В. Н. Коковцова. Понимая, сколь сомнительна их точность, автор все же обращался к ним снова и снова. Вот авторское объяснение этого цитирования, с которым можно согласиться далеко не во всем: «В. Н. Коковцов всегда приводит в своих «Воспоминаниях» подлинные слова царя в кавычках, но они тоже, обычно, принимают в его изложении тягучесть и стиль, свойственные этому мемуаристу. Однако, в существе сказанного царем нельзя сомневаться: здесь слишком ярко

высказано, к чему сам царь стремится и какой совет он хотел бы получить от своего собеседника»³⁶. Далеко не только «тягучесть и стиль» слов Николая II (в пересказе В. Н. Коковцова) могла навести П. Н. Милюкова на мысль, что на точность цитат не стоило и рассчитывать: большинство описанных диалогов просто не предполагали протоколирования или малейших записей, а материалы личного архива В. Н. Коковцов в эмиграцию увезти не смог³⁷. Все они неизбежно должны были преломиться в памяти и В. Н. Коковцова. Каковы же тогда мотивы столь многократного включения П. Н. Милюковым этого текста в собственную публикацию? Почему было недостаточно извлечь лишь «документальные данные для этого обвинительного акта»³⁸, как мемуарист делал ранее? Ответ, вероятно, лежит скорее в плоскости литературы, чем истории. П. Н. Милюков не вполне заслуженно осуждает «тягучесть и стиль» В. Н. Коковцова, так как большинство из тех самых фраз, которые придают динамику и драматизм многим сюжетам его «Воспоминаний», полностью заимствованы у В. Н. Коковцова. Именно ради этого литературного эффекта они появляются. Вне зависимости от того, были ли это слова императора или формулировки В. Н. Коковцова, такие цитаты привлекают внимание читателя и, в большинстве своем, хорошо запоминаются.

Итак, в заключение можно сказать, что мемуары В. Н. Коковцова оказали решающее влияние на изложение многих сюжетов в «Воспоминаниях» П. Н. Милюкова: они пополнили фактический материал и помогли придать тексту литературную выразительность. П. Н. Милюков смог успешно переработать книгу В. Н. Коковцова, стоявшего на совершенно иных позициях. Сопоставление этих двух текстов еще больше подчеркивает те специфические выводы и оценки, которые П. Н. Милюков делал, опираясь фактически на тот же самый материал.

Выводы

Необходимо сделать некоторые общие замечания о причинах обращения П. Н. Милюкова к описанными источникам. О жанровых и политических предпочтениях П. Н. Милюкова можно сказать, что они представляются весьма очевидными: в случаях, когда мемуарист не может опереться исключительно на собственную память и данные личного архива, он пользуется мемуарами современников – главным образом дружественно к нему настроенных и поддерживавших его политическую линию. Исключение составляет В. Н. Коковцов, о котором П. Н. Милюков писал: «Он не усмотрел в моей «изысканной вежливости» того оттенка уважения лично к нему, как к политическому деятелю, которым я отдавал ему дань, несмотря на все различия наших политических ролей и наших личностей»³⁹. Другим сколько-нибудь значимым оппонентам П. Н. Милюкова в тексте мемуаров места не нашлось.

Если же говорить о случаях использовании мемуаристом цитат, то они имеют различные основания. Во-первых, обращение к мемуарам других лиц предполагало их большую информированность, и П. Н. Милюков действительно указывает те случаи, когда лишь много лет спустя при чтении мемуаров ему

удалось разобраться в хитросплетениях придворных интриг (применительно к мемуарам В. Н. Коковцова, М. Палеолога и Дж. Бьюкенена). Однако гораздо более частым мотивом для цитирования тех или иных источников выступали сугубо литературные соображения: даже ясно осознавая неточность высказываний, приводимых И. В. Гессеном и В. Н. Коковцовым, П. Н. Милюков все же использует их. Таким образом, цитирование почти всегда выступает в мемуарах П. Н. Милюкова как литературный прием, а не как элемент исследования. Однако нельзя забывать, что цитирование не является единственным способом отослать читателя к источнику и порой мемуарист действительно раскрывает подробности своей исследовательской работы, которой в значительной мере было написание «Воспоминаний». В процессе трансформации источников в текст мемуаров можно проследить те специфические выводы и оценки, которые П. Н. Милюков делает исключительно на основании собственных воспоминаний и собственного видения исторического процесса.

¹ *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.

² *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 / Вступ. ст. и коммент. М. Г. Вандалковской. М., [1997]. С. 13–14.

³ Ценность мемуаров А. А. Кизеветтера П. Н. Милюков отметил как раз в этом аспекте: «<...> я оставил позади дружеский кружок молодых русских историков, так мило описанный А. А. Кизеветтером» (*Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 254.).

⁴ *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 135–136.

⁵ *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. Прага, 1929.

⁶ *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 / Вступ. ст. и коммент. М. Г. Вандалковской. М., [1997].

⁷ На обложке автор обозначил годы 1981–1914, чему не вполне соответствует содержание. Впрочем, учитывая литературные отступления в прошлое, которые делает мемуарист, начальную дату изложения можно и вовсе не принимать во внимание.

⁸ *Милюков П. Н.* Воспоминания... Т. 1. С. 135.

⁹ Там же. С. 135–136; Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий... С. 87.

¹⁰ *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков... С. 49.

¹¹ *Гессен И. В.* В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937.

¹² Там же. С. 5.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ *Гессен И. В.* В двух веках: Жизненный отчет... С. 199–205.

¹⁵ *Милюков П. Н.* Воспоминания... Т. 1. С. 385. См. другие цитаты: Т. 1. С. 247; Т. 2. С. 183.

¹⁶ Там же. С. 385.

¹⁷ Там же. С. 264.

-
- ¹⁸ Миллюков П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 346–347.
- ¹⁹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923.
- ²⁰ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003.
- ²¹ Там же. С. 2.
- ²² Миллюков П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 346.
- ²³ Павлович М. Предисловие к русскому изданию // Палеолог М. Царская Россия накануне революции... С. 5.
- ²⁴ Sir George Buchanan, My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Vol. II. London, New York, 1923; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Пер. с англ. С. А. Алексеева и А. И. Рубена; Предисл. В. Гурко-Кряжина. М., 1924.
- ²⁵ Там же. С. 20.
- ²⁶ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: Воспоминания английского дипломата, 1910–1918. М., 2006.
- ²⁷ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания (1903–1919): В 2 т. Париж, 1933. Т. 1. С. 197.
- ²⁸ Миллюков П. Н. Воспоминания... Т. 1. С. 381.
- ²⁹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого... Т. 1. С. 198–199.
- ³⁰ Миллюков П. Н. Воспоминания... Т. 1. С. 381.
- ³¹ Главы «Конфликт между министрами вне Думы («Министерство доверия» или роспуск?)», «Развязка двух конфликтов (Роспуск Первой Думы» в первом томе «Воспоминаний» и «Der Mohr kann gehen (Убийство Столыпина)» во втором.
- ³² Миллюков П. Н. Воспоминания... Т. 1. С. 373.
- ³³ Там же. С. 376.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Миллюков П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 89.
- ³⁶ Там же. Т. 1. С. 382.
- ³⁷ Коковцов В. Н. Из моего прошлого... Т. 1. С. 197.
- ³⁸ Там же. С. 376.
- ³⁹ Миллюков П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 104. Хотя в другом случае, как сказано выше, П. Н. Миллюков утверждал, что именно «политиком» В. Н. Коковцова назвать было нельзя.

Л. Н. Сухоруков

Санкт-Петербургский государственный университет

Одна неделя из жизни певца Мариинского театра (по материалам расходных книг Ф.И. Стравинского).

Биография Ф. И. Стравинского.

Фёдор Игнатьевич Стравинский (1843–1902) – замечательный артист, оперный певец и художник, посвятивший последние двадцать шесть лет своей жизни Мариинскому театру. Его артистическая деятельность являлась эпохой в истории русского оперного театра. А его последователем стал ещё один замечательный оперный певец – Фёдор Иванович Шаляпин. Имя Фёдора Игнатьевича Стравинского сейчас не столь широко известно. Но фамилия Стравинский известна по всему миру благодаря деятельности его сына – Игоря Стравинского, одного из самых знаменитых композиторов XX века.

Ф. И. Стравинский родился 8 июня 1843 года в усадьбе Новый двор Речицкого уезда в семье агронома Игнатия Игнатьевича Стравинского и его жены Александры Ивановны Стравинской, урождённой Скороходовой. Игнатий Игнатьевич управлял поместьями в Черниговской и Полтавской губерниях. Фёдор начал своё образование в Мозырском дворянском училище, позже в Нежинской гимназии, а с 1861 по 1865 – в Мозырской гимназии. Там он и проявил свой артистический талант, участвуя в театральных постановках и водевилях. Позже он поступает на юридический факультет императорского Новороссийского университета, но из-за нехватки средств ему приходится переводиться сначала в Киевский университет, затем в Нежинский лицей. Учась на юриста, Фёдор не расстаётся с музыкой и театром: в Киеве он первый раз выходит на сцену как певец-солист (о чём свидетельствует соответствующая приписка к афише, сделанная его рукой), и, конечно, продолжает играть в любительском студенческом театре.

Фёдор неплохо пел, но и не хуже рисовал. Он долго не мог выбрать путь своей дальнейшей карьеры: стать профессиональным художником или певцом. В конце концов, любовь к музыке взяла верх, и он приехал в Петербург, поступил в Консерваторию. Он учился у знаменитого певца-баритона итальянской оперы

Камилло Эверарди. Эверарди помог Фёдору довести голос до совершенства. После окончания консерватории Стравинский в 1873 году получает приглашение на работу в тогда ещё молодой Киевский оперный театр. Там он проработал до 1876 года, создав за это время многие образы, ставшие потом знаменитыми, например, Дона Базилио из оперы Россини «Севильский цирюльник», Спарафучилле из оперы Верди «Риголетто» и некоторые другие.

В 1876 году Стравинского пригласили в труппу Мариинского театра. 5 мая 1876 года он подписал свой первый контракт с Дирекцией императорских театров сроком до 1 мая 1877 года. До 1902 года он ежегодно подписывал новые контракты. За 26 лет работы на сцене Мариинского театра он завоевал огромную любовь петербургской публики, его заслуги были отмечены в 1898 году орденом святого Станислава III степени, а в 1901 году пышно был отпразднован 25-летний юбилей творческой деятельности певца. Не только великолепным вокалом Стравинский привлекал публику, но и актёрской игрой, созданием полноценного образа. Чтобы этого достичь, он изучал всё, что связано с его новым персонажем. Он брал книги в своей библиотеке или покупал, если таковой не находилось (в итоге он смог собрать одну из самых крупных библиотек в Петербурге). Затем он зарисовывал тот образ, что представлял. Только потом он разучивал партию и сам накладывал грим. В итоге получался наиболее реалистичный образ.

Стравинский был женат на Анне Кирилловне Скороходовой, за время их долгой и счастливой семейной жизни родились четыре сына: Роман (1875–1897), Юрий (1878–1941), Игорь (1882–1971) и Гурий (1884–1917). Потомки Стравинского стали талантливыми архитекторами, художниками, инженерами и музыкантами. Сейчас Стравинские, в основном, живут в США, а в Петербурге живёт правнучка певца Елена Алексеевна Стравинская, у неё хранится часть личного архива певца.

Фёдор Игнатьевич большую часть своей жизни прожил в Петербурге, в доме № 6 по Крюкову каналу. После его смерти осталось большое количество документов, обширная библиотека, коллекция картин и гравюр, вырезки из газет, личная переписка, фотографии, рисунки и расходные книги. Последним и посвящена эта публикация.

Историография.

Артистическая деятельность Стравинского живо интересовала музыкальных критиков того времени. Очень интересную и эмоциональную статью написал известный российский и советский критик и друг семьи Стравинских Эдуард Александрович Старк. Статья впервые была опубликована в приложении к «Ежегоднику императорских театров» в 1905 году, а позже вошла в книгу «Петербургская опера и её мастера»¹ того же автора. В этой статье содержится краткая биография певца и подробное описание его самых интересных ролей. Статья написано очень живо, это позволяет нам окунуться в атмосферу оперного театра, представить Стравинского на сцене.

Интерес к Стравинскому вновь проявился во второй половине XX века. В 1951 году опубликована книга из серии «Замечательные русские музыканты» с биографией и краткой характеристикой творчества певца².

Русским оперным театром интересовался замечательный литературовед и музыковед Абрам Акимович Гозенпуд, написавший семитомный труд по истории русского и советского оперного театра «от истоков» до 1941 года. Имя Стравинского упоминается в двух книгах³.

Издание, полностью посвящённое Фёдору Игнатьевичу, вышло в 1972 году⁴. В него вошли статьи: «Ф. И. Стравинский – человек и художник» А. А. Гозенпуда с общей характеристикой творчества, статья А. Раскина о рисунках Стравинского. Также в книге опубликована статья внучки певца Ксении Юрьевны Стравинской, в которой она вспоминает, что говорили о её деде. Кроме того, в книге опубликована часть переписки Стравинского, некоторые его рисунки, фотографии, а также список ролей и основные даты жизни и творчества.

Расходные книги певца ранее не исследовались как источник для изучения повседневной его жизни. Однако они рассматривались как источник при более подробном изучении первых лет жизни композитора Игоря Стравинского (кроме воспоминаний самого композитора, других свидетельств нет). Виктор Петрович Варунц проделал огромную работу по изучению книг, выборке из них информации, имеющей отношение к Игорю, и публикации отрывков. В вышедшем в 1998 году первом томе издания⁵, задуманного как полное собрание писем и документов на русском языке, имеющих отношение к И.Ф.Стравинскому, кроме выдержек из расходных книг опубликована статья Елены Алексеевны Стравинской, предваряющая их. В ней говорится о ценности книг как источника по изучению первых лет жизни композитора, характеризуется оформление книг.

Статьи о Ф. И. Стравинском содержатся в энциклопедиях и словарях: «Отечественные певцы» А. М. Пружанского, Вокально-энциклопедическом словаре, Большой Советской энциклопедии, словаре Брокгауза и Ефрона, музыкальном словаре Г. Римана, и других.

Расходные книги Ф.И. Стравинского.

Расходные книги – уникальный документ. Нет больше подобных расходных книг, которые принадлежали бы столь известной личности и вряд ли найдётся расходная книга, написанная столь скрупулёзно.

Во время учёбы в Нежинском лицее Стравинский вёл запись расходов на польском языке в записной книжке. Изучение этой записной книжки поможет узнать о жизни простого студента того времени, о ее условиях: плате за обучение, питании и другом. Позже книги заказывались специально и велись регулярно. Сохранились три книги, охватывающие период с 1877 по 1902 год. Первая велась с 1877 года по декабрь 1885 года, она включает 564 страницы. Вторая – с января 1886 года по август 1893 года. Существует перерыв в записи расходов с сентября 1893 года по декабрь 1896 года. Где записи велись в этот период и почему они

прервались, неизвестно. Возможно, одна книга с записями не сохранилась. Третья сохранившаяся книга велась с января 1897 года до смерти Фёдора Игнатьевича 21 ноября 1902 года. Запись расходов доведена до конца года его женой, Анной Кирилловной. Все эти книги хранятся в личном архиве правнучки певца Елены Алексеевны Стравинской.

Все три книги по структуре одинаковы, листы размера 20x29 сантиметров, толщиной каждая примерно 3,5 сантиметра. Состоят они из трёх разделов: доходы, расходы, сбережения. Все записи велись по одному образцу. Страницы расчерчены на пять колонок. Первые две колонки – это дата записи. В первую занесены год и месяц, во вторую – число. В свободном месте первой колонки в начале каждого месяца поперёк записано, какая сумма расходуется. Третья колонка – собственно запись (Елена Алексеевна в своей статье⁶, рассказывающей о характеристике расходных книг как источника для изучения первых лет жизни композитора Игоря Стравинского, предлагает запись в этой колонке обозначить словом «сюжет»). Каждый сюжет содержит информацию о характере дохода, расхода или сбережения. Сюжет также может содержать некую дополнительную информацию, содержащую большое количество имён и мест: кому предназначалась покупка, чьему швейцару было дано на чай, докуда довозил Стравинского извозчик, у кого была куплена та или иная вещь или кому продана и т. д. Среди сюжетов встречаются записи о событиях, произошедших в семье: радостные события обведены по линейке красными чернилами, трагические – чёрным. Статьи доходов и расходов короткие, заполнялись примерно по две-три страницы в год. Основной доход – жалование от Дирекции Императорских театров. В записях о жаловании подробно записано количество спектаклей, в которых Стравинский принимал участие, а также некоторые подробности текущего контракта. Например, открываем запись за 8 января 1880 года: «Жалованье от Дирекции Имп. театров за одиннадцать спектаклей, спетых в декабре 79 г. по контракту с 1 мая 1879 г. по 1 мая 82 г., по 120 руб. [за спектакль] = 1320 р.» Статьи сбережений, в основном, содержат записи о суммах, которые Стравинский регулярно вносил в Учётный Ссудный банк. Статьи расходов самые длинные, за неделю заполнялось примерно чуть меньше страницы, а в год – 30 страниц и более. В статье расходов указывалось название товара или услуги, за которые уплачены деньги, иногда указывалась цель покупки. Правда, не о всех тратах написано в книгах: в начале месяца Стравинский выдавал некоторую сумму жене на расходы, а когда повзрослели дети, он выдавал им «жалования» – деньги на карманные расходы – и отчёта не просил.

Изучив все статьи, извлекая информацию о людях, местах, товарах и услугах можно восстановить течение повседневной жизни певца, круг его общения, увлечения и перемещения.

С какой целью велась запись доходов и расходов? В первую очередь, чтобы контролировать количество денег, знать, что потрачено и что отложено – чтобы всегда были деньги на самое необходимое. Конечно, со временем Стравинский не

испытывал нужды в деньгах – жалование, особенно к концу карьеры было очень высоким. Но оно зависело от количества спектаклей, в которых он принимал участие, следовательно, вне сезона или не очень удачное время жалование могло сильно сократиться.

Кроме того, запись расходов – своеобразный реестр купленных предметов. Например, 27 сентября 1877 года Фёдор Игнатьевич купил письменный стол. Рядом с соответствующей записью в расходной книге есть приписка более быстрым почерком: «За которым работаю и до сих пор. 31 окт. 1893 г.». Скорее всего, Стравинскому стало интересно, сколько ему служит этот письменный стол. Он открыл расходную книгу, нашёл соответствующую запись и сделал к ней пометку. Таким образом, с помощью книг Стравинский всегда знал, когда и что он купил или продал.

Личный архив Стравинского.

Самую значительную часть архива составляла библиотека. Благодаря пометкам в расходных книгах мы знаем, когда была совершена первая покупка книг для домашней библиотеки. За 15 ноября 1877 года в расходной книге читаем: «В подарок Нюте: сочинения Некрасова (все) – 7 р. 20 к., сочинен. в стихах Шевченко «Кобзар» – 3 р. и Крылова басни – 1 р. [всего] 11 [р.] 20 [к.]». Сбоку, в первом столбце подчёркнутая надпись «книги», чуть выше другими чернилами надпись «1-я покупка». Далее записи о покупке книг появляются регулярно до 1885 года, когда для этой цели была заведена отдельная записная книга. Библиотека Стравинского не пережила Первую мировую войну, гражданскую войну и ленинградскую блокаду.

Кроме книг Стравинский собирал гравюры, которые были нужны ему во время работы с ролями и не только (всего он собрал около 4600 гравюр). В 1927 году потомки Стравинского передали гравюры в Публичную библиотеку, был создан фонд Стравинского в Отделе эстампов.

Альбом с портретными зарисовками Стравинского в ролях передан в фонды театрального музея, там же хранятся некоторые фотографии.

Большинство фотографий в образах хранится в личном архиве правнучки певица Елены Алексеевны Стравинской. Здесь же, как упоминалось ранее, хранятся расходные книги. Кроме них там находятся некоторые любопытные документы: лист, на котором Стравинский собственноручно составил список исполненных им ролей; вырезки из газет и целые газеты, в которых красным карандашом отмечены интервью со Стравинским и статьи о нём; письма; несколько дагерротипов с изображениями предков Стравинского; некоторые записки с подсчётами для расходных книг, листы из календаря, на которых надписано, какое событие произошло в это время. К сожалению, архив не разобран и не структурирован, поэтому неизвестно, какие ещё документы там хранятся.

Переписка Стравинского со многими известными людьми (например, с Н. А. Римским-Корсаковым) хранится в фонде Стравинского в рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинском Доме).

Расходы 17–23 октября 1877 года

Откроем записи расходов в приходно-расходных книгах за любую самую обыкновенную неделю и посмотрим, на что тратились деньги в этот период и какие события можно восстановить по записям. В этот период, судя по записям в статье доходов, расходовалось жалование в 700 рублей, полученное 8 октября 1877 года, а также некоторые сбережения.

Таблица 1.

Записи расходов за 17–23 октября 1877 г.

Число	Сюжет
17	Пиджак и жилет толстого, серого (тёмного) трико; (двубортный зимний костюм) у Долматова
	Битнеру за оперы с пением и ф.-п. «Carmen» J. Bizet (6 р.), Timbre d'Argent* C. Saint-Saëns (7 р.), «Тень воеводы» Гросмана (5 р.)
	Кружева и тесьма 2 р. 15 к., чернила для метки белья 75 к., стёкол к лампам два 40 к., извош. за 2 ч. 1 р. 50 к., артельщ. шт. и шм. 15 к.
18	Битнеру за оперу с пением «Ромео и Джульетта» – Гуно
	Извозчики 1 р. 20 к., за платье и в кружку (2-ой кварт.) 60 к.
19	Портному (в Рогнеде)
20	Стирка белья 3 р. 50 к., извозчики 75 к.
21	Извозчики 85 к., стрижка 40 к., портному и кучеру в т. 35 к.
22	Дантисту Кольбе за новый прибор Нюте**
	Фаберже за приделку застёжки к фермуару
	Извозчики 1 р. 40 к., артельщикам с жардиньерками 40 к., мастерице от Маляверн 20 к., расход во 2 м симф. к. 80 к.
23	Извозчики к Могилатовым (день их выезда в деревню)

* «Серебряный колокольчик» – опера К. Сен-Санса.

** Так Стравинский называл свою жену.

Обращают на себя внимание подробные записи о покупке нот в музыкальном магазине Битнера. Стравинский покупал ноты не просто так: оперы «Кармен», «Серебряный колокольчик» и «Ромео и Джульетта» появились на западной оперной сцене сравнительно недавно: в 1874, 1877 и 1867 годах соответственно. Поскольку люди, знавшие Стравинского, говорили, что он всегда следил за новыми изданиями, можем сказать, что вышеперечисленные издания – недавно вышедшие в России (или недавно вышедшие переиздания). А опера «Тень воеводы» Гросмана была впервые поставлена на сцене Мариинского театра с участием Стравинского 14 декабря 1877 года. Скорее всего, с покупкой нотных партий 17 октября и началась его работа над оперой. Значит, по записям в расходных книгах мы можем узнать о том, какие оперы и когда выходили в Петербурге, а также можем увидеть, когда артист начинал работу над новой ролью.

Почти каждый день Стравинский ездил на извозчике, но, к сожалению, в расходных книгах не всегда отражено, куда. Иногда в записи фигурирует фамилия, и не всегда удаётся выяснить, какие люди скрываются за этой фамилией, и где они жили. Исследование расходных книг, по моему представлению, должно включать в себя изучение всех фамилий, появляющихся на их страницах, выяснение связи владельцев фамилий со Стравинским, выяснение их места жительства и прочее.

О многих событиях в повседневной жизни Стравинского можно лишь догадываться по записям в расходных книгах. Чтобы восстановить эти события, нужен очень точный и скрупулёзный анализ каждой записи. В итоге может получиться подробная «хроника повседневности» Стравинского.

Заключение

Мы рассмотрели биографию Ф. И. Стравинского, его архив, увидели, что представляют собой расходные книги и поближе рассмотрели записи за одну неделю.

Дальнейшее исследование может пойти несколькими путями. Во-первых, изучение самих расходных книг: связи Стравинского, его перемещения, повседневные дела. Во-вторых, можно рассмотреть проблему шире: найти аналогичные расходные книги за этот период и исследовать их в сравнении. В-третьих, можно подробнее изучить личный архив Стравинских, чтобы определить, какие в нем существуют документы, касающиеся семьи Фёдора Игнатьевича.

Все три перечисленные проблемы не изучены.

¹ Старк (Зигфрид) Э. А. Петербургская опера и её мастера: 1890–1910. Л.; М., 1940. С. 190–226.

² *Богданов-Березовский В. В.* Фёдор Стравинский. М.; Л., 1951.

³ *Гозенпуд А. А.* Русский оперный театр XIX века: 1873–1889. Л., 1973. С. 35–38; *Гозенпуд А. А.* Русский оперный театр на рубеже XIX и XX веков и Ф. И. Шаляпин: 1890–1904. Л., 1974. С. 45–46, 88.

⁴ *Стравинский Ф. И.* Статьи, письма, воспоминания. Л., 1972.

⁵ *Стравинский И. Ф.* Переписка с русскими корреспондентами: материалы к биографии. М.: Композитор, 1998. Т. 1.

⁶ *Стравинская Е. А.* Расходные книги Ф. И. Стравинского // *Стравинский И. Ф.* Переписка с русскими корреспондентами: Материалы к биографии. М.: Композитор, 1998. Т. 1.

П. Ю. Мажара

Санкт-Петербургского государственного университета

Мемуары и дневники чинов Северо-Западной армии как исторический источник: источниковедческий анализ.

В статье показаны характерные особенности и черты различных групп мемуаров военных чинов Северо-Западной армии. Деление мемуаров по уровню положения их авторов в армии обусловлено специфическими особенностями, присущими каждой группе. Для генералов характерен более широкий, общий взгляд на проблему. Для солдат характерно большее внимание к бытовым деталям, очень часто они посвящены какому-то отдельному эпизоду из жизни армии. Мемуары старших офицеров в этом смысле занимают «среднюю» позицию. Впрочем, естественно, существует немало исключений, тем более что в условиях гражданской войны в соответствии с должностями чинов была определенная беспорядочность.

Особая социальная роль, широкие командно-административные возможности делали генералов особо значимыми фигурами в белом движении. Их личностные качества, способность к управлению людьми оказывали решающее влияние на ход событий. Командующий Северо-Западной армией, человек с которым она прежде всего ассоциируется, генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич своих собственных воспоминаний не оставил. Но остались мемуары его соратников, в том числе командовавших Северо-Западной армией, дневниковые записи его друга В. К. Пилкина.

Уже в 1920 г., в Берлине выходят мемуары Александра Павловича Родзянко, помощника командующего Северо-Западной армией¹. Участие в белом движении на Северо-Западе России было наиболее исторически значимым периодом в его жизни. Родзянко не желал потеряться в тени своего недруга генерала Юденича, ему было необходимо оставить для потомков свою версию событий. «Воспоминания о Северо-Западной армии» не остались незамеченными и были введены в научный оборот ещё в 1920-е гг.²

Временной отрезок, представленный в мемуарах, захватывает почти весь период существования белой армии на Северо-Западе (конец 1918 г. – самое

начало 1920 г). Изложение материала ведётся по хронологическому принципу, последовательно.

Текст воспоминаний создавался вскоре после описываемых событий. В распоряжении автора было немало документов Северо-Западной армии, многие из которых он опубликовал в приложении к основному тексту. Есть в книге ссылка на ещё более раннюю работу о Северо-Западном правительстве³.

В воспоминаниях прослеживается весь ход военных действий с точки зрения человека, принимавшего ключевые решения в армии. Таким образом, мы можем судить о степени информированности командования Северо-Западной армии, а соответственно и о том, насколько хорошо армия управлялась. Родзянко много ездил по линии фронта и в своей книге полемизировал с Кузьминым-Караваевым, Карташевым и Суворовым, утверждавшими, что армия плохо контролировалась⁴. Внутренняя борьба в военных кругах, политические игры, интриги внутри белого движения на северо-западе, отсутствие единства в армии подробно описываются автором. Можно сказать, что эта борьба продолжается и на страницах мемуаров. Например, автор всячески открещивается от связей с присяжным поверенным Н. Н. Ивановым из Ревеля, воспринимавшимся современниками как одиозная личность. Иванов агитировал за Родзянко в апреле 1919 г., когда решался вопрос о командующем Северным корпусом⁵, а в мае издавал листовки от имени Родзянко. Сам Иванов в своих воспоминаниях приводит совсем иную интерпретацию событий. По его словам, расхождение между ним и Родзянко возникло лишь после назначения последнего командующим Северным корпусом (25 мая), когда штаб корпуса настоял на разрыве с Ивановым, агитационные материалы издавались по взаимной договоренности, но Родзянко решил убрать с них свое имя. Приехав в Гдов, где они печатались, он аккуратно обрезал свое имя на всех листовках⁶. Иванов занимался общественно-политической деятельностью под прикрытием «батьки» Станислава-Марики Никодимовича Булак-Балаховича, командовавшего отрядом в Северном корпусе, перешедшем со стороны красных в ноябре 1918 г. Отношения Родзянко с Булак-Балаховичем складывались также непросто. Родзянко отдаёт должное военному таланту Булак-Балаховича, но пишет, что негативно относится к «партизанщине» вообще⁷. «Батяка» вёл свою собственную политическую игру, ориентируясь на эстонцев. Именно Родзянко выступил инициатором его отстранения с занимаемой должности, а также не раз ходатайствовал перед Юденичем о разжаловании Булак-Балаховича⁸. Как уже было сказано выше, и с генералом Юденичем Родзянко находился в жесткой конфронтации. Когда его назначили помощником главнокомандующего (2 октября 1919), Родзянко устроил скандал⁹. Естественно, что эффективно вместе работать два руководителя армии не смогли: возникали трудности в обмене информацией между ними, действовали они несогласованно¹⁰.

С самого своего возникновения Северо-Западная армия была тесно связана с иностранными государствами. После взятия красными Пскова осенью 1918 г. Северный корпус был вынужден отступить на территорию Эстонии и поступить под командование эстонского главнокомандующего Йохана Лайдонера. Корпусу

была необходима и помощь Антанты. Взаимоотношения армии с эстонцами, с союзниками нашли отражение в воспоминаниях Родзянко. Автору присуще характерное для белых чувство обиды на союзников. Он упрекает англичан (Балтийское море входило в зону их интересов) за опоздание с обещанными поставками, за то, что большое количество орудий пришло без замков, комплекты английского обмундирования были неполными, а английские танки пришлось чинить¹¹. Англичанам Родзянко противопоставляет американцев, которые точно в сроки, согласно обещаниям, поставляли продовольствие¹². Критикует автор и действия союзнической эскадры в Финском заливе за несогласованность с белой армией.¹³

В несогласованности действий Родзянко упрекает и эстонские войска¹⁴. Между ними и белыми военными формированиями были даже случаи столкновений¹⁵. Родзянко описывает грабительскую оккупационную политику эстонцев, вызывавшую негативное отношение местного населения не только к эстонцам, но и к белым¹⁶. Негативно относится автор воспоминаний и к движению за независимость финнов-ингерманландцев, поддержанное Эстонией¹⁷. Впрочем, Родзянко с уважением говорит о генерале И. Лайдонере, назначившем 25 мая 1919 г. Родзянко командиром Северного корпуса. Также он отмечает несовместимость лозунга белых – «Единая Неделимая Россия» – с требованием независимости Эстонии. «<...> Лозунг «Великая, Единая, Неделимая» окончательно отшатнул от нас эстонцев, на которых мы волей-неволей должны были опираться, и лишил этим армию твёрдой базы»¹⁸.

Итак, воспоминания А. П. Родзянко хронологически охватывают почти весь период существования Северо-Западной армии и освещают практически все стороны её деятельности. Однако встаёт вопрос, насколько мы можем доверять этому источнику. Родзянко в каких-то фактах мог быть не точен: так, например, есть ошибки в приводимых им численных данных о составе Северо-Западной армии¹⁹. Нужно учитывать и конфликты Родзянко с Юденичем и другими чинами Северо-Западной армии: так, неясно, чья версия, Иванова или Родзянко, о взаимоотношениях между ними больше соответствует действительности. Таким образом, факты, приводимые Родзянко, нередко требуют проверки. Тем не менее, источник даёт яркое представление о работе командующего армией, о тех трудностях, интригах, с которыми ему приходилось сталкиваться, и которые он сам подчас создавал.

Другой ключевой фигурой в белом движении на Северо-Западе был Владимир Константинович Пилкин, близкий друг Н. Н. Юденича, его надежная опора в белой борьбе.²⁰ Он вёл дневниковые записи непосредственно во время гражданской войны, что делает этот источник особенно ценным.

Дневники Пилкин вёл в течение большей части своей жизни. В распоряжении исследователей на сегодняшний день имеются 19 тетрадей (всего их было гораздо больше). 5 из них были изданы в 2005 г. Охватываемые промежутки времени: 7 октября – 8 ноября 1918 г., 1 января – 11 мая 1919 г., 19 октября 1919 г. – 18 января 1920 г., 4 марта – 5 ноября 1920 г. Тетради с записями между 11 мая 1919 г. и

19 октября 1919 г., к сожалению, утрачены. Дневники Пилкин вёл, по-видимому, прежде всего для себя и жены²¹. Непубличный характер источника давал возможность его автору быть достаточно откровенным. Но со временем контр-адмирал, по-видимому, понял, что его дневник имеет историческую значимость, и приступил к его правке²². Таким образом, были вырезаны части текста. По свидетельству дочери Владимира Константиновича, Веры Владимировны Пилкиной, отец хотел сжечь свой дневник, но она умолила его не делать этого, это ещё раз указывает на то, что записи не предназначались для посторонних глаз. Видный деятель НТС, историк-эмигрант Николай Николаевич Рутыч-Рутченко узнал в 1950 г. (уже после смерти Пилкина) о существовании дневника от генерала Евгения Васильевича Масловского. В середине 1980-х гг. историк обратился к В.К. Пилкиной, но та не стала показывать ему дневник, исполняя тем волю отца. В. К. Пилкина умерла 9 апреля 1993 г. В 2002 г. её наследники передали дневники с разрешением на публикацию Рутыч-Рутченко. Он опубликовал часть дневника с комментариями и передал его в Москву, в Библиотеку-фонд «Русское Зарубежье».

Хронологические рамки опубликованного и анализируемого фрагмента дневника были указаны выше: 1918–1920 гг. со значительным пропуском с мая по октябрь 1919 г.

Пилкин не цитирует в своих дневниках каких-либо документов, он лишь записывает происходящие вокруг события, свои личные разговоры с людьми, свои мнения. Интересны передаваемые в дневнике слухи, характеризующие эпоху. Так, В. К. Пилкин в течение долгого времени полагал, что А. И. Гучков, лидер партии «Союз 17 октября», участник белого движения, расстрелян большевиками²³.

Записи, относящиеся к 1918 г., не касаются истории Северо-Западной армии как таковой. Записи с 1 января 1919 г. по 11 мая 1919 г., после которых идёт значительный хронологический пробел, отображают период, когда Н. Н. Юденич вместе с В. К. Пилкиным ещё не перебрались в Эстонию. Роль Николая Николаевича Юденича тогда носила дипломатический характер, он сумел достичь признания Антантой и Александром Васильевичем Колчаком формирований на северо-западе и себя в качестве лидера этих формирований. В это время он также пытался договориться с финнами о создании военных формирований эмигрантов-офицеров, находившихся на территории Финляндии, и о совместных боевых действиях против большевиков. В. К. Пилкин в этот период играл видную роль среди эмигрантов в Гельсингфорсе, его дневники воссоздают картину эмигрантской среды. Возобновляется изложение материала с 19 октября 1919 г. Осеннее наступление Юденича достигает своих наибольших успехов. В этот день переезжает из Нарвы штаб армии, в тои числе и В. К. Пилкин. В дневнике изображены картины освобожденной от большевиков Гатчины, которые, впрочем, отличаются некоторой поверхностностью, т. к. специально Пилкин обстановкой на занятых территориях не интересовался. Зато контр-адмирал занимался глубокой разведкой в Петрограде, именно через него осуществлялась связь с адмиралом Михаилом Коронатовичем Бахиревым, одним из петроградских заговорщиков. Упоминания о весточках от него есть на страницах дневника²⁴.

Однако вскоре белые начали терпеть поражения, оправиться от которых на северо-западе им уже не пришлось. Конец Северо-Западной армии, её ликвидация на территории Эстонии подробно освещаются на страницах дневника одного из членов «Ликвидационной комиссии» В. К. Пилкина. Он дает подробное описание последнего заседания Северо-Западного правительства, на котором, по сути, последнее было ликвидировано, хотя и был выбран заместитель правительства (человек, берущий на себя всю полноту власти) и его помощник (В. Горн и И. Евсеев)²⁵. Подробно освещена в дневнике история тральщика «Китобой», одного из немногих судов флота Северо-Западной армии. Существовала угроза, что англичане заберут себе тральщик или передадут эстонцам (если бы произошло последнее, Пилкин затопил бы судно)²⁶. Контр-адмирал мечтал, что судно ещё послужит делу борьбы с большевизмом, по его инициативе «Китобой» без уведомления эстонцев покинул Ревель 15 февраля 1920 г. и отправился продолжать борьбу в Крыму. Из-за дипломатических и финансовых трудностей тральщик достиг Севастополя лишь 14 ноября, когда войска Петра Николаевича Врангеля уже эвакуировались. Тем не менее, «Китобой» достиг своей цели. На протяжении всего долгого путешествия судна Пилкин принимал самое деятельное участие в его судьбе, что нашло отражение на страницах его дневника.

Записи в дневнике Пилкин обычно делал ежедневно, что даёт возможность исследователю широко привлекать этот источник для датировки событий.

Записи в дневнике отличаются искренностью и откровенностью. К нему вполне можно применить формулу Сигизмунда Натановича Валка, употреблявшуюся им в частных разговорах: «это довольно чистосердечно написано»²⁷. Многочисленные слухи, зафиксированные в дневнике, нередко не соответствуют действительности, но зато слухи позволяют почувствовать атмосферу тех лет, а заодно показывают, насколько хорошо информировалось командование Северо-Западной армии.

Другой генерал-северозападник, Михаил Владимирович Ярославцев публиковал мемуарные статьи в основном в журнале «Служба Связи Ливенцев и Северозападников», выходившем в Данциге. Статьи вышли в 1930–31, 1932 и 1938 гг. На сегодняшний день статьи переизданы в России²⁸.

Хронологические рамки воспоминаний: май 1919 г. (статья «Керстово – Копорье – Воронино»), 5 августа – 1 декабря 1919 г. (статья «Вторая стрелковая дивизия в боях под Петроградом»), 14 ноября 1919 г. – 22 января 1922 г. (статья «Последние дни Северо-Западной армии»). Основным источником информации для Ярославцева его собственная память, он пишет о военных действиях частей, которые находились под его непосредственным командованием. К моменту написания статей вышло уже немало воспоминаний северозападников, автор уточняет и исправляет ошибки в некоторых из них. Так, он исправляет топонимические ошибки В. Андреева, опубликовавшего воспоминания в № 3 «Службы связи Ливенцев и северо-западников». Есть у Ярославцева косвенные ссылки на «Воспоминания о Северо-Западной армии» А. П. Родзянко²⁹.

В статье «Керстово – Копорье – Воронино (май 1919 г.)» Ярославцев описывает военные действия Островского полка под своим командованием по занятию

территории по линии, указанной в заглавии. Приводятся данные о численности войск: как Островского полка, так и противника (данные о противнике не во всех случаях). Подробно описан ход боевых действий. Приводятся данные о захваченных трофеях, пленных, орудиях. Данные по потерям в точных цифрах не указываются.

Схожа по структуре и содержанию статья «Вторая стрелковая дивизия в боях под Петроградом (5 августа – 1 декабря 1919 г.)». Здесь описываются боевые действия уже более крупного подконтрольного Ярославцеву военного формирования в период позиционной войны (до начала октябрьского наступления) и в период похода на Петроград с последующим отступлением на территорию Эстонии. И здесь приводятся данные о численности войск, о захваченных пленными и ценностях. Данными о потерях Ярославцев не располагает, хотя указывает, что ряды его дивизии «сильно поредели»³⁰.

Статья «Последние дни Северо-Западной армии» посвящена иным сюжетам: должностные преступления в тыловых учреждениях. Приводятся конкретные данные, выявленные в ходе работы следственно-ревизионной комиссии под председательством М.В. Ярославцева. Автор указывает, что на день завершения статьи (28 декабря 1932 г.), материалы комиссии хранятся в архиве прокурора эстонской республики. У самого Ярославцева имелись, по-видимому, копии этих материалов³¹.

Мемуарные статьи М. В. Ярославцева являются важным источником по истории Северо-Западной армии. Они основаны на хорошо знакомом автору документальном материале и дают историку новую ценную информацию, хотя, безусловно, некоторые данные нужно проверять, в частности, данные о численности войск Красной Армии.

Менее доступно мемуарное наследие Бориса Сергеевича Пермикина (иное написание – Перемикин, иногда Перемыкин, Пермыкин). Рукопись его мемуаров «Из моих записок» хранится в Институте Гердера, в Марбурге. Права на издание рукописи сейчас принадлежат редактору журнала «Михайлов день» Сергею Геннадьевичу Зирину³². Остаётся надеяться, что текст в скором времени будет опубликован полностью. Зириным уже опубликован небольшой отрывок из воспоминаний³³. Также существует небольшая (объём около 3-х страниц) статья Пермикина «О Северо-Западной армии», опубликованная в журнале «Часовой» в июне 1958 г. (№ 391)³⁴. Появилась она спустя 40 лет после описываемых событий, большого количества новой фактической информации статья не даёт. Сегодня эта статья доступна широкому читателю благодаря её публикации в сборнике «Белая борьба на Северо-Западе России»³⁵.

Основная цель очерка «О Северо-Западной армии» доказать, что симпатии российского населения Северо-Запада находились целиком и полностью на стороне белых. Соответственно традиционного для мемуаров повествовательного изложения событий, чётких хронологических рамок в сочинении Пермикина нет. Автор приводит факты, необходимые ему для доказательства своей мысли, а также приводит в заключение свои соображения о причинах поражения армии.

Привлекать дополнительные источники для написания мемуарной статьи генералу явно не требовалось.

Следует признать, что вывод Пермикина о симпатиях населения к белым, субъективен. Всё же более достоверной представляется точка зрения другого мемуариста, полковника Александра Сергеевича Гершельмана, писавшего о многочисленных наблюдавшихся им переходах как со стороны красных к белым, так и наоборот³⁶.

Более высокую информативную ценность носит краткий рассказ Пермикина о его командовании рейдом на Талабские острова. Факты, приводимые автором, важны для реконструкции этого эпизода из жизни белой армии. Эту работу в небольшой статье проделал историк Ю. П. Мальцев³⁷. Мальцев выражает сомнения по поводу участия Пермикина в рейде, но указывает на поразительное совпадение данных, приводимых Пермикиным с данными, содержащимися в показаниях Ф. А. Бронина, участника рейда, которые он дал в 1941 г. НКВД (после присоединения Эстонии к СССР)³⁸.

Хотя мемуары Пермикина были опубликованы спустя много лет после описываемых событий, невелики по размеру и не содержат большого количества новой информации, тем не менее, несомненный интерес представляет взгляд на происшедшие события одного из ключевых их участников. Важность статьи Пермикина для реконструкции Талабского рейда была убедительно показана Ю. П. Мальцевым.

Опубликованный С. Г. Зириным в 2009 г. отрывок из рукописи «Из моих записок» озаглавлен публикатором «Начало Белой Борьбы на Северо-Западе России»³⁹. В нём рассказывается о том, как Б. С. Пермикин пришел в белое движение,⁴⁰ описывается его рейд на Талабские острова. Завершается отрывок событиями начала 1919 г., когда Северный корпус был дислоцирован в Ревеле, а командные позиции занял А. П. Родзянко. Рассказ о рейде на Талабские острова в основном совпадает с рассказом, изложенным Пермикиным печатно в 1958 г. Имеются лишь незначительные расхождения (коммунистка-агитаторша в печатном рассказе 1958 г. – невестка рыбака⁴¹, в опубликованном Зириным отрывке – дочь⁴²). Более подробно описаны обстоятельства ухода Талабского отряда с островов. Остаётся ждать выхода полного текста мемуаров, в надежде, что они прольют свет и на многие другие сюжеты из истории Северо-Западной армии.

Выше уже упоминались мемуары полковника Александра Сергеевича Гершельмана (1893–1977). А.С. Гершельман в эмиграции немало писал, работал в журнале «Военная быль». Его мемуарное наследие довольно обширно и сегодня активно публикуется. Главный интерес для наших задач представляют его воспоминания «В рядах добровольческой Северо-западной армии: Вооруженная борьба с III–м интернационалом». Сам Гершельман не публиковал их, написав исключительно для чтения в собственной семье, поэтому исследователи получили доступ к ним только в конце 1990-х гг.⁴³. В 2003 году воспоминания Гершельмана

были перепечатаны в сборнике «Белая борьба на Северо-Западе России»⁴⁴. Есть и другие работы Гершельмана мемуарного характера⁴⁵, возможно, будут опубликованы и новые для исследователей работы, хранящиеся в архиве его семьи. Мемуары Гершельмана «В рядах Северо-Западной армии» – это, прежде всего, личные воспоминания автора, он пишет только о том, что происходило непосредственно с ним, стремится избегать каких-либо обобщений. Основным источником, соответственно, была для него собственная память. Хотя использовал Гершельман и некоторые дополнительные источники, хранившиеся в его личном архиве. Особенно интересны приводимые им выдержки из захваченного дневника красноармейца. Гершельман даёт сперва картину боя со своей стороны, белой, а затем приводит взгляд с другой стороны, красной. Таким образом получается более сложная и неоднозначная картина происходивших событий. Мемуары очень подробны, изобилуют точными деталями. Эта точность, необычная для жанра воспоминаний, наводит на мысль, что автор порою сознательно или неосознанно додумывал некоторые детали. Во всяком случае, очевидно, что часто встречающаяся прямая речь в мемуарах есть элемент литературного творчества, воображения автора.

Хронологические рамки мемуаров Гершельмана соответствуют времени пребывания автора в рядах белой армии: май 1919 г. – декабрь 1919 г. Подробное описание происходивших вокруг автора событий доходит до 5 ноября 1919 г., т. е. до дня ранения мемуариста, после которого он был выведен из строя.

В мемуарах мы можем проследить весь боевой путь полковника: от командования взводом до командования батареями. Его мемуары содержат подробнейшее описание боёв с точки зрения командующего артиллерийской батареей. Это ценнейший источник для реконструкции сражений Северо-Западной армии. Особенно интересны те картины, для создания которых помимо собственных воспоминаний Гершельман использует захваченный им у убитого красноармейца дневник. Это сражение за деревню Сабицы (Лужский район) в 10-х числах сентября 1919 г. и сражения за деревни Аксентьево, Спас, Новые Краколы в 20-х числах сентября⁴⁶.

Интересны свидетельства Гершельмана о деятельности ультраправого «Союза верных», в котором он состоял, действовавшего полулегально даже в стане белых. Лидер союза Николай Евгеньевич Марков 2-й⁴⁷ действовал в армии под именем штабс-капитана Чернякова. Редактируемая им под этим именем газета «Белый крест» была закрыта генерал-лейтенантом А. П. Родзянко. Гершельман и другие члены союза (численность этой организации из воспоминаний Гершельмана неясна) занимались на фронте уничтожением шедших из тыла пропагандистских материалов либерального направления и распространением вместо них Марковской пропаганды. К заявлениям Гершельмана о том, что монархическая пропаганда была более эффективной⁴⁸, следует относиться осторожно, тем не менее, эта страница воспоминаний представляется важной и хорошо иллюстрирующей отсутствие идеологического единства в белом движении на Северо-Западе России.

Помимо столкновений идеологического характера описывает автор и столкновения, связанные с материальными вопросами, вопросами быта армии⁴⁹.

Интересен взгляд полковника Гершельмана на командующих армией Николая Николаевича Юденича и Александра Павловича Родзянко. Если Юденича «ни один солдат не видел», то Родзянко у Гершельмана «неутомимо шел с авангардом»⁵⁰, «пер вперед, натываясь на нашу разведку, и тогда начинал ругаться, что медленно идут»⁵¹.

Полярные образы генералов обрисованы достаточно шаблонно, портрет Родзянко идеализирован, Юденич изображен карикатурно. В реальности оба этих человека были намного сложнее. Тем не менее, интересен взгляд Гершельмана, человека, сражавшегося на передовой, на командование, внутри которого шла жесткая борьба за лидерство.

Помимо портретов главнокомандующих есть в мемуарах Гершельмана и немало портретов людей, занимавших менее значимые посты в Северо-Западной армии. Крайне негативно характеризует автор «бабку» Станислава-Марию Никодимовича Булак-Балаховича, одного из наиболее одиозных людей в белом движении. В изображении Гершельмана «он человек низкой нравственности, нечестный и в политике оппортунист, он жесток, любит расстреливать собственноручно, не жалея в случае проступка и своих людей. Он весьма склонен к грабежу, но здесь на это смотрят снисходительно»⁵².

Воспоминания Гершельмана – один из наиболее ценных источников мемуарного характера по истории Северо-Западной армии. В своих мемуарах Гершельман критичен, они помогают историку разобраться в причинах поражения белого дела на Северо-Западе.

Нельзя обойти вниманием воспоминания полковников Северо-Западной армии, командовавших т. н. «Ливенским отрядом» (впоследствии развёрнутым в 5-ю Ливенскую дивизию), одной из лучших частей Северо-Западной армии. Речь пойдет о мемуарном наследии Светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена (1873–1937) и Климента Ивановича Дыдорова (1885–1938). Ливен сформировал «Либавский добровольческий стрелковый отряд» («Ливенский отряд»)⁵³ в январе 1919 г., отряд участвовал в отвоевании Латвии у большевиков. 24 мая в лесном бою у станции Роденпойс был тяжело ранен князь Ливен. Командование отрядом принял капитан Дыдоров. 9 июля 1919 г. пришёл приказ генерала Н. Н. Юденича о переброске всех частей корпуса на Нарвский фронт⁵⁴. Отряд перебрался в Эстонию. Остальные же русские части, сформированные в Латвии, сделать это отказались, из них будет сформирована Западная Добровольческая армия генерала Павла Рафаиловича Бермондт-Авалова (другой вариант написания – Бермонт). Добровольческий стрелковый отряд был переформирован в 5-ю (Ливенскую) дивизию. Состояние здоровья Ливена по-прежнему оставляло желать лучшего, поэтому фактическим командующим был К. И. Дыдоров. Светлейший князь Ливен в начале осени 1919 г. был отправлен Юденичем для лечения в Лондон и Париж. Вплоть до 1925 г. Ливен не мог найти себе место в Европе и переезжал из страны в страну, поддерживаемый Юденичем. После

того как несколько проектов Светлейшего князя потерпели крах, он вернулся в Латвию, в родное имение Межотне, от которого, правда, после национализации остался лишь небольшой хутор⁵⁵. Делом жизни Ливена в эмиграции стало издание документов и воспоминаний по истории белого дела. Вместе с генералом Алексеем Александровичем фон Лампе и герцогом Георгием Николаевичем Лейхтенбергским Ливен по предложению барона Петра Николаевича Врангеля сумел основать серию «Белое дело». В 1929 г. в честь десятилетия взятия Риги стараниями Светлейшего князя Ливена на пожертвования была выпущена «Памятка Ливенца», в которой были опубликованы воспоминания самого князя, Дыдорова и многих других ливенцев⁵⁶. В конце того же года вышел первый номер журнала «Служба Связи Ливенцев» (со 2-го номера – «Служба Связи Ливенцев и Северозападников»), редактором нового издания стал князь Ливен⁵⁷. Последний, восьмой номер журнала вышел в 1936 г. В 3-м томе «Белого дела» (1927 г.), издаваемого фон Лампе, Ливен поместил воспоминания под названием «В Южной Прибалтике», посвященные событиям гражданской войны в этом регионе и своему личному в них участию⁵⁸. В «Памятке Ливенца» 1929 г. были опубликованы новые мемуарные статьи автора, посвященные участию ливенцев в боевых действиях в Латвии и на Нарвском фронте. Статья «Основание отряда», посвященная созданию ливенского отряда уже публиковалась ранее в Архиве Русской Революции (Т. II, 1922 г.), но тогда без согласия автора и анонимно под названием «Из секретного доклада: О причинах неудачи борьбы с большевиками на Северо-Западном фронте»⁵⁹. В «Памятке Ливенца» был опубликован более полный, доработанный вариант статьи⁶⁰. Помимо этой статьи были опубликованы отрывки из военного дневника Ливена под названием «От Гольдигена до Митавы» за период с 11 по 26 марта 1919 г., а также статья «Ливенцы и Северо-Западная армия». Все эти статьи были перепечатаны в наше время в сборнике «Белая борьба на Северо-Западе России» (М., 2003)⁶¹.

Мемуарная статья Ливена «В южной Прибалтике» повествует о всём периоде участия князя в гражданской войне с начала 1918 г. до конца 1919 г., а также содержит некоторые общие соображения об особенностях войны в условиях Прибалтики, тех трудностях, с которыми столкнулось здесь «Белое дело».

Ливен к концу 1920-х гг. (текст был завершён в марте 1927 г.) был хорошо знаком с существующей мемуарной литературой, как русской (мемуары полковника К. К. Смирнова, генерала А. П. Родзянко), так и иноязычной. Среди иноязычных Ливен выделяет такие книги: Goltz Rüdiger von der. Meine Sendung im Finland und im Baltikum. Leipzig, 1920. (Гольц Рюдигер фон дер Моя миссия в Финляндии и Балтике) и L'aventure allemande en Lettonie par le Lieut.-Col. Du Parquet (Дю Парке, подполк. Немецкая авантюра в Латвии). Ссылается автор в своих мемуарах и на некоторые внешнеполитические документы, например, на особое соглашение о военном сотрудничестве между Германией и Латвией от 29 декабря 1918 г.⁶².

Подробно описывает Ливен историю с переводом его войск из Латвии в Эстонию⁶³. Как военный Ливен не мог ослушаться приказа, хотя и признавал, что приказ «шёл вразрез со всеми прежде полученными приказаниями и указаниями,

расстраивал всю сложную, только что налаженную, систему пополнения частей»⁶⁴, а потому относился с пониманием к тем, кто приказу не подчинился, в частности к П. Р. Бермондт-Авалову.

В «Памятке Ливенца» (1929 г.) было опубликовано несколько мемуарных статей Ливена. Мы не будем здесь рассматривать статьи, посвященные войне в Латвии, и остановимся на статье «Ливенцы и Северо-Западная армия». Хронологически в ней охвачен период с 31 августа 1919 г., когда князь Ливен прибыл на пароходе «Princess Marguerite» в Гунгебург, до начала 1920 г., когда Северо-Западная армия переживала свои последние дни. В целом, следует отметить, что чего-либо принципиально нового в изложении событий на Нарвском фронте по сравнению с работой «В Южной Прибалтике» эта статья не вносит.

Поскольку в Эстонии, в Гунгебурге (современная Нарва-Йэсуу) Ливен прожил всего месяц, а затем в начале сентября уехал в Европу лечиться, то события белой борьбы ливенцев в рядах Северо-Западной армии он описывает вкратце, с чужих рассказов. Поэтому в этом вопросе больший интерес представляют другие мемуары, в частности того же К. И. Дыдорова.

Соратник Ливена, Климент Иванович Дыдоров активно участвовал в образовании добровольческих отрядов в Латвии и 15 ноября 1918 г. принял командование русской сводной ротой в составе Рижского Отряда Охраны Балтийского Края, созданного для защиты Латвии от большевиков. 8 марта 1919 г. рота Дыдорова влилась в Либавский добровольческий стрелковый отряд Светлейшего князя Анатолия-Леонида Павловича Ливена,

Дыдоров в эмиграции немало писал в журнал «Служба связи Ливенцев и Северозападников». Опубликовал он там и несколько работ мемуарного характера. В предшествующем журналу издании «Памятка Ливенца. 1919–1929.» (Рига, 1929) Дыдоров опубликовал статью «Формирование русского отряда [в Латвии]». Также он опубликовал в качестве продолжения статьи «Освобождение Риги от большевиков 22 мая 1919 г.» (Служба связи Ливенцев и Северозападников. Декабрь 1930. № 3.) и «Ливенцы в Северо-Западной армии»⁶⁵.

Мемуарная статья К. И. Дыдорова «Ливенцы в Северо-Западной армии» невелика по объёму – 4 печатные страницы. В основном его мемуары посвящены последним месяцам существования Северо-Западной армии, её агонии, а также обстоятельствам, связанным с переездом Дыдорова из Эстонии в Латвию.

Хронологическими рамками воспоминаний можно считать временные границы службы Дыдорова в рядах армии и пребывания на территории Эстонии: июль 1919 г. – март 1920 г. Но строго хронологического изложения событий в статье Дыдорова нет. Основным источником информации для Дыдорова была его собственная память, хотя он, безусловно, был знаком и с некоторыми документами по армии и с имевшейся к 1930-м гг. мемуарной литературой. В частности, он рекомендует книгу ротмистра Дмитрия Дмитриевича Кузьмина-Караваева «Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода» (Гельсингфорс, 1920), в которой, по словам Дыдорова, верно изложены перипетии его столкновений с англичанами⁶⁶.

Из текста воспоминаний можно сделать вывод, что внутри армии «было много интриг, много неприятностей»⁶⁷. Подробно описывает Дыдоров личные обстоятельства своего переезда из Эстонии в Латвию⁶⁸. Это описание представляет безусловный интерес для характеристики положения русских эмигрантов в новообразованных странах Прибалтики.

О ранней истории армии мемуары полковника Константина Константиновича Смирнова. Известные нам биографические сведения довольно скудны. Исследователи пока не пытались подробно реконструировать его биографию, это ещё предстоит сделать. К. К. Смирнов оставил после себя мемуары «Начало Северо-Западной армии», которые были написаны в 1925 г. и опубликованы в 1-ом томе альманаха «Белое дело» (Берлин, 1926 г.)⁶⁹. Издание сопровождается картой Пскова и его окрестностей. Мемуары Смирнова – самый подробный и обстоятельный мемуарный источник, посвященный раннему этапу формирования белой армии на Северо-западе России. Основным источником для К. К. Смирнова была его собственная память, во всех описываемых событиях автор принимал личное участие, что делает мемуары особенно ценными. В мемуарах Смирнова немало портретов офицеров, стоявших у истоков белого движения на Северо-западе, бытовых зарисовок из жизни оккупированного Пскова. Всё это делает рассказ более ярким, даёт лучшее представление об истории белого дела на Северо-западе России.

Число выявленных мемуаров солдат и нижних чинов намного больше, чем число мемуаров генералов и старших чинов, но при этом, как правило, мемуары солдат меньше по объёму и посвящены какой-нибудь частной проблеме.

В «Памятке Ливенца» были опубликовано немало мемуаров нижних чинов и солдат штаб-лейтенанта Курта Браца, штабс-капитана Николая Будберга, подпоручика Г. Гана, поручика Георгия Галактионова, старшего унтер-офицера Анатолия Енша, капитана фон Зауэра, штабс-капитана И. Коноплина, солдата Д. Котомкина, капитана Георгия Цельмина, мемуары, подписанные фамилией Павлов.

Общее для всех мемуаров – подробное изложение военных действий, в которых принимал участие сам мемуарист. Исключение здесь составляют только мемуары Павлова. Как правило, описывается какая-нибудь конкретная операция, в которой участвовал мемуарист, описывается именно с позиций человека, находившегося в самой гуще событий.

В «Службе связи Ливенцев и Северозападников» продолжали публиковаться мемуары, в том числе солдат и младших чинов. За недолгие годы существования журнала князю Ливену и его соратникам удалось создать свою мемуарную традицию, подробнейшим образом описав боевой путь своего отряда, выросшего в дивизию. Многие из тех, кто начали публиковать свои заметки у Ливена, и в дальнейшем не оставляли перо.

Так, А. А. Северин на страницах журнала «Часовой» опубликовал несколько мемуарных статей. Статьи эти носили юбилейный характер: в сентябре 1954 г. вышла статья «К истории белого движения. К 35-летию основания Ливенского

отряда»⁷⁰, а в июне 1958 г. статья «Памяти Северо-Западной армии»⁷¹. Сегодня обе статьи переизданы С. В. Волковым⁷². Впрочем, следует отметить, что каких-либо специальных сведений, носящих именно мемуарный характер, в статьях Северина нет. Он приводит общие сведения об обстоятельствах возникновения отряда Ливена, политической, дипломатической обстановке в Латвии той поры, во многом повторяя статьи самого Ливена и Дыдорова. Во второй же статье, «Памяти Северо-Западной армии», Северин пишет о событиях, в которых он сам не принимал участия и очевидцем которых он не был. Он описывает период возникновения Северной армии в 1918 г. Его статья вызвала отповедь со стороны Б. С. Пермикина.

В журнале «Часовой» было опубликовано ещё несколько статей, описывавших белое движение на Северо-Западе России. В № 539 за май 1971 г. – статья барона Г. А. Кистера «История Талабского батальона»⁷³.

Следует отметить, что небольшой текст изобилует историческими ошибками. Неверно датируется рейд Б. С. Пермикина на Талабские острова, указывается, что в рейде участвовали оба брата Пермикина, что неверно. Впервые на ряд ошибок в тексте воспоминаний указал исследователь Ю. П. Мальцев. Историк справедливо призывает подходить к тексту Кистера с большой осторожностью⁷⁴.

Мемуары талабчан собирал в эмиграции служивший в Северо-Западной армии писатель Леонид Федорович Зуров. Некоторые из них были опубликованы в 2003 г. Мемуары эти представляют большой интерес для исследователей и позволяют более точно реконструировать события рейда на острова и возникновения Талабского батальона⁷⁵.

Солдатские мемуары за редким исключением помогают лучше понять, что представляла из себя бытовая жизнь армии, уяснить конкретные детали отдельных боёв, понять, как выглядела жизнь обычного человека на войне.

Подводя итоги, отметим, что если мемуары генералитета посвящены, как правило, общему ходу боевых действий на Северо-Западе России, вопросам общей стратегии, нередко политическим сюжетам, то для мемуаров солдат и нижних чинов характерно обращение к сюжетам «микроистории», конкретным событиям, подчас и малозначительным на общем фоне истории белого движения. Мемуары старших офицерских чинов представляют в известном смысле некую «среднюю линию», в которой сочетаются характерные черты 2 вышеназванных групп.

Генералы и старшие офицерские чины в эмиграции нередко имели больше возможностей для работы с документами, относящимися к истории армии, с литературой, вышедшей по истории Северо-Западной армии. Поэтому их мемуары часто имеют документальную основу. Для солдатских сочинений использование документов – редкое явление.

Ставить вопрос о достоверности источников, относящихся к той или иной группе, некорректно. Здесь всё зависит от конкретного источника, конкретной личности мемуариста. Обобщения в данном случае неуместны.

Мемуары генералитета, старших офицерских чинов и мемуары солдат

и нижних чинов выгодно дополняют друг друга, позволяя увидеть то, как отображалась в исторической памяти участников гражданской войны история событий на Северо-Западе как на «макроуровне», так и на «микроуровне».

¹ *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921 (Год на обложке указан ошибочно). В современной России они неоднократно переиздавались: *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000.; *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / Сост., научн. ред. и комментарии С. В. Волкова. М., 2003. С. 188–316. Предпочтение, впрочем, следует отдать первому изданию, т. к. в нём помимо основного текста есть приложение с историческими документами.

² *Корнатовский Н. А.* Борьба за Красный Петроград (1919). Л., 1929. 1-е изд. С. 33.

³ *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. С. 271. Здесь и далее ссылки даются по первому изданию. Название работы – Образование Северо-Западного правительства: Объяснения членов Политического совещания при Главнокомандующем Северо-Западным фронтом В. Д. Кузьмина-Караваева, А. В. Карташева и М. Н. Суворова. Гельсингфорс, 1919.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ *Иванов Н. Н.* О событиях под Петроградом в 1919 году. Записки Н. Н. Иванова, бывшего члена северо-западного правительства // Архив гражданской войны. Берлин, [1923]. Вып. 1. С. 12. Отрывки из мемуаров Иванова были опубликованы в СССР П. Е. Щеголевым в 1927 г. (*Иванов Н. Н.* О событиях под Петроградом в 1919 году // Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров: В. С. Горн, М. С. Маргулис, Г. Кирдецов, Н. Н. Иванов / Под ред. П. Е. Щеголева. Репринтное издание. Л., 1991. С. 247–249).

⁷ *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии.. С. 53–54.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Там же. С. 104–108.

¹⁰ Там же. С. 119–120.

¹¹ Там же. С. 127.

¹² Там же. Впрочем, если англичане снабжали армию безвозмездно, то американцы предоставляли продовольствие в кредит (*Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. СПб., 1999. С. 305–307).

¹³ *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии.. С. 127.

¹⁴ Там же. С. 79.

¹⁵ Там же. С. 78.

¹⁶ Там же. С. 54, 81.

¹⁷ Там же. С. 42.

¹⁸ Там же. С. 122.

¹⁹ В исправленном виде они приведены в приложении к книге: *Гершельман А. С.*, полковник. В рядах добровольческой Северо-Западной армии: Вооруженная борьба с III Интернационалом. 1919 год / Главный ред. А. С. Кручинин. М., 1997. Вып. 2.

С. 79–81.

²⁰ *Рутыч-Рутченко Н. Н.* Контр-адмирал В. К. Пилкин и его дневник // *Пилкин В. К.*, адмирал. В белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920 / Публикация Н. Н. Рутыча-Рутченко. М., 2005. С. 17.

²¹ Там же. С. 27.

²² Точной информации о том, кто редактировал текст дневника, у нас нет. Но наиболее вероятной представляется именно эта точка зрения, которой придерживаются издатели дневника. (*Емелин А. Ю.* Дневники контр-адмирала В. К. Пилкина ... С. 57; *Рутыч-Рутченко Н. Н.* Контр-адмирал В. К. Пилкин... С.27).

²³ *Пилкин В. К.*, адмирал. В белой борьбе... С. 33–34, 112.

²⁴ Более подробно о М. К. Бахиреве Пилкин написал в очерке «Два адмирала» (*Пилкин В. К.*, адмирал. Два адмирала // *Пилкин В. К.*, адмирал. В белой борьбе... С. 481–497).

²⁵ *Пилкин В. К.*, адмирал. В белой борьбе... С. 240.

²⁶ Там же. С. 278.

²⁷ *Ганелин Р. Ш.* Советские историки: О чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х гг. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006. С. 121.

²⁸ *Ярославцев М. В.* Керстово – Копорье – Воронино (май 1919 г.) // Служба связи Ливенцев и Северозападников. № 3. Ноябрь 1930 г. С. 27–29. Вторая часть статьи опубликована под другим названием: *Ярославцев М. В.* Дальнейшее наступление и отход // Служба связи Ливенцев и Северозападников. № 5. Октябрь 1931 г. С. 22–26; *Ярославцев М. В.* Вторая стрелковая дивизия в боях под Петроградом // Служба связи Ливенцев и Северозападников. № 6. Сентябрь 1932 г. С. 11–20. Сегодня все 3 статьи переизданы: Белое движение на Северо-Западе России. М., 2003. (альманах «Белая гвардия», № 7). Статья «Керстово – Копорье – Воронино (май 1919 г.)» опубликована также в сборнике: Белая борьба на Северо-Западе России / Сост., научн. ред. и комментарии С. В. Волкова. М., 2003. С. 326–329.

²⁹ *Ярославцев М. В.* Вторая стрелковая дивизия... // Белое движение на Северо-Западе России. М., 2003. С. 158.

³⁰ Там же. С. 160.

³¹ *Ярославцев М. В.* Последние дни... // Белое движение на Северо-Западе России. М., 2003. С. 182.

³² *Зирин С. Г.* Генерал-лейтенант Б. С. Пермикин. Из моих записок // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников: Материалы 3-ей международной научно-исторической конференции в г. Пскове / Сост. Н. А. Горбачев. Псков, 2009. С. 7.

³³ Там же. С. 7–19.

³⁴ *Волков С. В.* Комментарии // Белая борьба... С. 684.

³⁵ *Пермикин Б.* О Северо-Западной армии // Белая борьба... С. 575–578.

³⁶ *Гершельман А. [С].* В рядах добровольческой Северо-Западной армии // Белая борьба... С. 339.

³⁷ *Мальцев Ю. П.* К истории белого рейда на Талабские острова // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников: Материалы 2-ой международной научно-

исторической конференции в г. Пскове / Сост. О. А. Калкин, Н.А. Горбачев. Псков, 2005. С. 9–16.

³⁸ Там же. С. 12. Свою точку зрения по этому вопросу я высказал в статье: *Мажара П. Ю.* К биографии белого генерала Б. С. Пермикина // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России: Тезисы докладов научной международной межвузовской конференции аспирантов и студентов (12–13 мая 2009 г.): Филиал Северо-Западной академии государственной службы в г. Выборге / Отв. ред. В. В. Шишкин. Выборг, 2009. С. 34–37.

³⁹ *Зирин С. Г.* Генерал-лейтенант Б. С. Пермикин... С. 7.

⁴⁰ Никаких подробностей, связанных с переходом сначала его самого, а затем брата от белых к красным не приводится.

⁴¹ *Пермикин Б. С.* О Северо-Западной армии... С. 576.

⁴² *Зирин С. Г.* Генерал-лейтенант Б. С. Пермикин... С. 10.

⁴³ *Гершельман А. С.*, полковник. В рядах добровольческой Северо-Западной армии: Вооруженная борьба с III Интернационалом. 1919 год / Главный ред. А. С. Кручинин. М., 1997–98. В 2-х вып.

⁴⁴ *Гершельман А. [С.]* В рядах Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / Сост., научн. ред. и комментарии С. В. Волкова. М., 2003. С. 329–441. Здесь и далее ссылки будут даваться по последнему изданию.

⁴⁵ *Гершельман А. С.*, полковник. Тюрьма и сума // Михайлов день 1-й: Журнал Исторической России. 2005. №1. С. 288–312; Гершельман А. С. Эмиграция // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А. А. Иванов, С. Г. Зирин. М., 2008. С. 489–624.

⁴⁶ *Гершельман А. С.* В рядах... // Белая борьба... С. 391–392, 399.

⁴⁷ В Государственной Думе III созыва было 2 депутата Маркова, поэтому к фамилии Николая Евгеньевича прикрепилось наименование 2-й (*Иванов А. А.* Политическая деятельность Н. Е. Маркова в годы Гражданской войны и эмиграции (1918–1930-е гг.) // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников: Материалы 3-ей международной научно-исторической конференции... С. 26).

⁴⁸ *Гершельман А. С.* В рядах... С. 333.

⁴⁹ Там же. С. 394.

⁵⁰ Там же. С. 419.

⁵¹ Там же. С. 418.

⁵² Там же. С. 330.

⁵³ *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии... С. 13–16.

⁵⁴ *Рутыч[-Рутченко] Н. Н.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 259.

⁵⁵ Там же. С. 263.

⁵⁶ Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

⁵⁷ Служба связи Ливенцев. № 1. Декабрь 1929 г.

⁵⁸ *Ливен А. П.*, князь. В южной Прибалтике // Белое дело: Летопись белой борьбы: Материалы, собранные и разобранные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном, под ред. А. А. фон Лампе / ред. А.

А. фон Лампе. Берлин, 1927. Т. 3. С. 180–196.

⁵⁹ Архив русской революции. Т. 2 / Сост. И. В. Гессен. Репринтное издание. М., 1991. С. 176–209.

⁶⁰ Волков С. В. Комментарии... С. 643.

⁶¹ Белая борьба... С. 11–56, 72–79, 441–456.

⁶² Ливен А. П., князь. В южной Прибалтике ... С. 190.

⁶³ Там же. С. 204–206.

⁶⁴ Там же. С. 205.

⁶⁵ Волков С. В. Комментарии... С. 652, 654, 683.

⁶⁶ Дыдоров К. И. Ливенцы в Северо-Западной армии // Белая борьба... С. 565.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 567–568.

⁶⁹ Смирнов К. К. Начало Северо-Западной армии // Белое дело: Летопись белой борьбы: Материалы, собранные и разобранные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном, под ред. А. А. фон Лампе / Ред. А. А. фон Лампе. Берлин, 1926. Т. 1. С. 193–244.

⁷⁰ Часовой. № 345. Сентябрь 1954 г.

⁷¹ Часовой. № 388. Июнь 1958 г.

⁷² Белая борьба... С. 67–72, 178–186.

⁷³ Часовой. № 539. Май 1971 г.

⁷⁴ Мальцев Ю. П. К истории... С. 14–15.

⁷⁵ Белое движение на Северо-Западе России. М., 2003. (альманах «Белая гвардия», № 7). С. 10–15.

А. Е. Жуков

Санкт-Петербургский государственный университет

Списки «Временника русского по степеням», хранящиеся в Санкт-Петербурге

«Временник русский по степеням» (далее – ВРС) – памятник русской книжности первой половины XVII в., по жанру представляющий историческую компиляцию. Описаны события от пришествия Рюрика до времени Ивана Грозного и его сына Федора¹. До нас ВРС дошел в ряде списков, начиная с 30-х гг. XVII в. П. Г. Васенко указал на два списка памятника: Q. IV. 144, Q. XVII. 72. Оба списка находятся в рукописном собрании РНБ². П. Г. Васенко ставил задачу разыскать «домакарьевскую» редакцию Степенной книги. Исследователь обращался к указаниям на возможные списки этой редакции в «русской исторической литературе»³. Он обнаружил ценные сведения в письме И. П. Сахарова М. Н. Погодину, в котором говорилось о «Степенной книге без житий и слов». И. П. Сахаров предполагал, что этот текст являлся первоначальным для Степенной книги. Однако обнаружить эту рукопись П. Г. Васенко не смог. Исследователь предположил, что речь идет не о первоначальном виде Степенной книги, а о сокращении. Такими сокращенными вариантами он считал указанные выше списки⁴. П. Г. Васенко не определял Временник как памятник русской летописной традиции.

А. Н. Насонов обнаружил в ГИМ, в собрании И. Е. Забелина список этого памятника и предложил называть его Забелинским летописцем. Исследователь указывает на один из источников памятника: Казанский летописец. Именно на подробном известии о взятии Казани или о пожаре в Москве кончался основной летописный текст, как считает А. Н. Насонов⁵. Он также предложил датировать его временем патриарха Иова, поскольку в списке духовных владык Иов упомянут последним⁶. Отмечая важность памятника для изучения позднего русского летописания, А. Н. Насонов пишет о монархических настроениях составителя, антибоярской направленности памятника, а также о ценности Временника для изучения истории русского централизованного государства⁷. Отмечает он также любопытные ранние известия – о том, что Александр Невский «повеле

бусурман изгнати от многих градов», а также о том, что Сретенская половина Ростова была присоединена еще при Иване Калите к Москве⁸. Позднее Насонов дал характеристику списка ГИМ, Музейского собрания 1473. На Л. 2 и 12–140 рукопись содержит фрагмент рассматриваемого текста⁹.

Три списка были введены М. Н. Тихомировым: ГИМ, собрание А. Д. Черткова 431, музейское собрание 2972, собрание Е. В. Барсова 1789. Исследователь привел их описание. Известия памятника за XIV–XVI вв. М. Н. Тихомиров считает компилятивными, отмечая среди них ряд ценных. Имеются в виду известия о переведении Даниилом Московским рязанского князя Константина в Москву, свадьбе Василия Темного и Марии Ярославны, а под 1533 годом – о чуде саконы св. Варвары. Исследователь пишет: «Летописец заслуживает внимания как тип позднего исторического сочинения XVII в., обработанного в виде летописи»¹⁰. Исследователь предложил название «Временник по степеням», а также указал на составление памятника в Москве¹¹.

Ряд списков был обнаружен А. В. Сириновым. Это списки ГИМ, собрание Вахрамеева 239, собрание А. С. Уварова 928, собрание П. И. Щукина 171–172, РГАДА. Ф. 357 (собрание Саровской пустыни), РНБ F. IV. 253, БАН 16. 8. 14¹². Кроме указания на данные рукописи, исследователь пишет, что памятник был составлен на основе краткой редакции Степенной книги, причем дополнительные известия брались из летописи или хронографа. Так, именно из хронографа были взяты известия в списке БАН 16. 8. 14. Состав этих известий в различных списках не стабилен, из чего А. В. Сиринов делает вывод о том, что Временник – редакция Степенной книги. Впрочем, ниже он пишет: «Указание на преемственность относительно Степенной книги видно только в заглавии. В остальном временник относится скорее к летописному жанру»¹³. А. В. Сиринов указывает на то, что в четырех списках присутствует сказание Паисия Ярославова о Каменном монастыре и Житие Дионисия Зобниновского, составленное Симоном Азарьиным. Деятельность этих авторов связана с Троице-Сергиевым монастырем, и возможно, именно там, по мнению исследователя, был составлен и переписывался Русский временник по степеням¹⁴.

Как видим, А. В. Сиринов впервые охарактеризовал связь ВРС и Степенной книги (далее – СК). Однако исследователь не дает однозначного ответа на вопрос о жанровой принадлежности ВРС, сначала называет его редакцией СК, потом указывает на его принадлежность скорее к летописному жанру.

А. В. Сиринов предложил деление списков на группы, основываясь на характере заключительных статей различных списков ВРС. Он отмечает, что в списках БАН 16.8.14, РНБ F.IV.253, ГИМ собр. П. И. Щукина 171–172 рассказывается о крещении митрополитом Макарием сыновей Ивана Грозного и текст завершается словами «им же всем един приемник бысть от святых купели преосвященный Макарий митрополит всеа Руси», после чего следует погодная запись до смерти царевича Дмитрия. В списках РНБ Q.IV.144, Q.XVII.72, ГИМ Увар. 928 и Вахрамеев 239 окончание иное. Там после фрагмента о крещении детей Ивана IV написано: «Второму же лету наставшу от Рожества царевичю Ивану, о

нем же сугубо хотя». Во всех списках этой группы, кроме Q.IV.144 далее идет текст об Иване Новом и известие о кончине Федора Ивановича. Поскольку этих известий нет в Q.IV.144, А. В. Сиренов признает его архетипным для последней группы¹⁵.

ВРС остается неизученным памятником, потенциал которого как источника не выяснен до сих пор. В настоящей работе мы представим некоторые наблюдения над списками ВРС, хранящимися в Петербурге.

Был обнаружен древнейший список Временника – Погод. 1407. Он датируется 20–30-ми гг. XVII в. Список когда-то содержал полный текст, но впоследствии ряд листов выпал. На листах есть нумерация второй половины XVIII в., в которой присутствуют лакуны¹⁶.

В ходе изучения списков ВРС, хранящихся в Санкт-Петербурге, мы разделили списки памятника на два вида. Первая группа представлена списками Q.IV.144, БАН 16.8.14, Погод. 1407, F.IV.253. Вторая в петербургских книгохранилищах представлена списком Q.XVII.72. Различия между ними весьма существенны, что позволяет говорить о двух различных редакциях ВРС¹⁷. Списки первой группы мы будем в дальнейшем называть краткой редакцией (ВРС кр.), список Q.XVII.72 – пространной (ВРС пр.).

Список Q.XVII.72 содержит некоторые фрагменты, которых нет в списках краткой редакции. В первую очередь, речь идет о расширении текста «Повести о Темир-Аксаке».

В Q.XVII.72 текст повести больше по объему примерно на два листа. Однако вряд ли мы имеем дело с пропуском листа в общем протографе списков краткой редакции, поскольку фрагменты, добавленные в Q.XVII.72, обладают сюжетной завершенностью. В списках краткой редакции перед нами также полноценный текст, и оснований предполагать пропуски нет. Скорее всего, оба фрагмента были вставлены в «Повесть о Темир-Аксаке» в пространной редакции ВРС. Приведем их в таблице ниже:

Таблица 1. Сравнение редакций

Q.XVII.72	Q.IV.144
Темир же Аксакъ стоя на едином месте дни 15, мысля окоянный, неукротимыи от кровопролития, како бы ему разорити крестиянство руския земля, яко же вторыи Ботыи царь. Благоверныи же великии князь Василии Димитреевичь, слышав того хвалящася погубити православную веру и руце ныне бо воздевь со слезами к Богу моляся и глаголя: «О, Господи создателю и защитниче нашъ, призри Господи от свягата жилища своего у виждь безбожнаго	*фрагмент отсутствует*

Q.XVII.72	Q.IV.144
<p>сего варвара, и иже с ним сущих дерзнувших хулити святое имя твое и пречистыя твоя матерее, заступницы нашае, пресвятыя Богородицы. Низложи их, Господи Боже нашъ и, гордым противляся, стани Господи в помощь рабомъ своим. Призри на ны, смиренныя рабы своя, да не поносит нас врах нашъ. Твоя бо держава бесприкладна и царство неразруσιμο. Слышиши словеса сия варвара сего, избави нас, и град наш, и вся грады ото окаяннаго сего и безбожнаго злочестиваго царя Темирь Аксака». И в то час посла князь великии вестника ко боголюбивому митрополиту Киприяну, да повелит по всему граду народом постомъ и молитвами со слезами призывати Бога на помощь. И слышав сия, святитель скоро призывает весь священнический чин и заповеда по всему граду молебны пети, и кому же дети своих духовных учити и постъ, и молитву имети к Богу со слезами и со усердием. Сам же не отступаше от церкви по вся дни и часы, и молитвы Господеви приносить за князя и за всех людей. (л. 132-132 об.)</p>	
<p>и возвратися ко Орде, и восхитишася быстрее путнаго шествия, и отоидоша вспять без успехаво своя, и возметошася, и восколебашася, яко же некими гоними быша, не мы бо их гонихом, но Богъ милосердыи прогони их невидимою своею силою, молитвами пречистыя его матерее, скорыя нашае в бедах помошницы и молитвами великих святителии и чудотворец и архиереи Петра и Алексея, и преподобнаго Сергия Чюдотворца, посла бо на них Богъ</p>	<p>никим же гоним, а земли русстей отнюд не прикоснуса, ни вреди ея, гоним ибо бяху Божию невидимою силою и заступлением владычица нашае Богородица и молитвами Божиихъ угодникъ, новыхъ чудотворецъ русскихъ и всехъ святыхъ. (л. 135)</p>

Q.XVII.72	Q.IV.144
<p>боязнь и трепет, яко да окаменятся, яко же и при Езикии царе, и при Исаии пророце. Прииде ратию на Иерусалимъ Инахирим, царь асирииский, зело хваляся в гордости велицей и на Бога вседержителя хулныя глаголы воздвизая и испущая. Царь же Иезекеи болен бе, но обаче помолися со слезами Богови. Купно же и со пророком Исаиемъ, и со всеми людьми, и услыша Богъ молитву ихъ, паче же Давида, раба своего. И посла Богъ ангела своего, мню же великаго архистратига Михаила, и убившу ношью аггелъ господень от полка ассирииска 185000. На утрия же воставше, обретоша трупия мертва лежаща царь же Инахирим, и боявся со оставники своими скоро убежати в Ниневию, и тамо от своих детеи убиен бысть. И тако и ныне Господь Богъ устраши Темирь Аксака и прогна невидимою силою елико бо хочет и может, избавил еси нас от враг наших, от меча и кровопролития, не наши бо воинства пронаша, сыны измаиловы, но рука Господня крепка и мышца его высока гневом Божиимъ гоними бяху, отоидоша отнюду же и приидоша, и сеть их сокрушися, и мы избавлении быхомъ. Помощь наша сотворшаго небо и землю. (л. 137-137 об.)</p>	

Сложно сказать, был этот текст отредактирован в ВРС, или составитель пространной редакции использовал текст, отредактированный в источнике. Текст ВРС или его источника в этом фрагменте складывался из соединения различных кусков повести о Темир-Аксаке в СК с возможным привлечением других редакций. Так, о стоянии Темир-Аксака под Рязанью мы читаем в СК на Л. 501 об.¹⁸, а молитву Василия, текст которой, в целом, похоже на моление Василия в указанном фрагменте – на Л. 496.¹⁹ Однако текст ВРС лишь в некоторых моментах сближается с СК. По всей видимости, составитель ВРС или составитель его источника опирался на текст, отличный от СК.

Второй фрагмент читается в СК на Л. 506, однако кроме СК он присутствует в других источниках. Текст ВРС пр. и здесь имеет ряд существенных отличий от соответствующего текста в СК. Так, в СК отсутствует первая часть фрагмента: «и возвратися ко Орде, и восхитишася быстрее путнаго шествия, и отоидоша вспяшь без успеха во своя, и возметошася, и восколебашася, яко же некими гоними быша, не мы бо их гонимом, но Богъ милосердый прогони их невидимою своею силою, молитвами пречистыя его матерее, скорыя нашея в бедах помозицы и молитвами великих святителей и чудотворец и архиереи Петра и Алексея, и преподобнаго Сергия Чюдотворца, посла бо на них Богъ боязнь и трепет, яко да окаменятся, яко же и при Езикеи царе, и при Исаии пророце»²⁰. Примечательно, что в этом фрагменте текст ВРС кр. ближе к соответствующему в СК: «И никимъ же гонимъ, а земли Рустей отнюдь не прикоснуса, ни вреди ея и быстро бежаху ко Орде, отнюду же приидоша, и яко предо очима зряху некое многое зело воинство, грядущее на нихъ с Руси. Не мы бо ихъ гонимомъ, но поистине рещи, гоними бяху Божию непобедимою силою, и еже по нас предстательствомъ и заступлениемъ Владычица наша Богородица и молитвами великихъ Божиихъ угодниковъ, новыхъ чудотворцевъ рускиихъ и всехъ святыхъ»²¹. Текст ВРС кр. несколько сокращен, но явно заимствован из СК.

Итак, по всей видимости, составитель младшего извода ВРС прибегал к источнику, отличному от СК, но находящемуся с ней во взаимосвязи, когда добавлял известия в «Повесть о Темир-Аксаке». В результате текст повести существенно расширен. Возможно, правкой по другому источнику и следует объяснять ту нестабильность текста, которая наблюдается в тексте «Повести о Темир-Аксаке» в двух изводах ВРС.

Существенное различие двух редакций наблюдается в употреблении царской и княжеской титулатуры, а также в наименовании князей. В таблице ниже приведены разночтения этой группы:

Таблица 2. Различие двух редакций в употреблении царской и княжеской титулатуры

№	Л.	Q.XVII.72	Q.IV.144
1	26	Смерть князя	О смерти Игорева
2	27	*И по повелению ея* вринуша их живых	*-*нет
3	27об	О горе-горе нам аще и *князя Игоря* убиша	*Игоря*
4	28	Идеже убисте мужа моего *великаго князя Игоря*	*-*нет

№	Л.	Q.XVII.72	Q.IV.144
5	28	Нача державствовати в Руси *великий князь* Святослав Игоревич	*-*нет
6	37	Князь же *великий* со многими людьми вскоре прииде к Киеву	*-*нет
7	46 об	Слышав же Владимир Божия смотрения	Слышав же блаженный Владимир Божия смотрения
8	50	*царевне* Анне	*-*нет
9	50	Царьскому их достоинству, *достойному величия*	*-*нет
10	56	Ярослав великий *князь*	*-*нет
11	64	И украси ю *вельми* князь Владимир	*-*велики
12	66об	Сеи блаженный Владимир имеяше у себя мужи	Имеяше у себя велики князь Владимир мужи
13	68	Сын его *князь* Борис	*-*нет
14	69об	Государь великий князь Борис	Господине княже
15	77	Родися Ярославу *сын князь* Изяслав	*-*нет
16	77об	Родися *великому князю Ярославу сынъ князь* Светослав	*-*нет
17	77об	Преставися *князь* Мстислав	*-*князь
18	81	А сынове его *князь* Глеб и *князь* Олег	*-*нет *-*нет
19	81об	Убиен бысть *князь* Ярополкъ Изяславичь	*-*нет
20	81об	Сего сынове *князь* Владимир Мономах и *князь* Ростислав	*-*нет

№	Л.	Q.XVII.72	Q.IV.144
21	82об	В дарех присла ему диадиму *царскую*	*-*нет
22	82об	Венчан же тогда бысть в Киеве тем венцем *князь Владимир Мономах*	*-*нет
23	83	Держа великое княжение *в Киеве* брат его, Вячеслав Владимерович	*-*нет
24	84	Преставися князь Георгии Владимерович Долгоруки	Преставися велики князь Георгии Владимирич Долгоруки
25	88об	О победе на половцы и о пострижении Рюрикове,*князя* киевского	*-*нет
26	89	Рюрик Ростиславичь, внук Мстиславль Манамаша *князь великий*	*-*нет
27	89	Сват его Всеволод даде ему Киев	*-*князь великий
28	90	Восприем великое княжение Владимерское *князь* Георгии	*-*Георгии
29	90об	Князь же Константин пребысть *на великом княжении* в Володимери	*-*нет
30	94	И старейшаго сына *князя* Всеволода вне града убиша	*-*нет
31	95	Покры *всемиловивьи Господь* Бог от *безбожнаго царя* Батыя	*-*нет *-*нет
32	95	*велики и преподобны* Александро Невский, *князь* Андреи, *князь Константин*	*-*нет
33	97	Великаго князя и *новаго страстотерпца* Михаила	*-*нет

№	Л.	Q.XVII.72	Q.IV.144
34	99об	Бесчисленное множество римлян побиша и самому кралеву *великий князь Александр* печать на лице возложи	*-*нет
35	100об	Просяше сына его, блаженнаго *князя* Александра	*-*нет
36	114	Родися великому князю Димитрию сын *князь* Василеи	*-*нет
37	119	И ложну клятву с лукавствием глаголаша, яко *царь* ничтоже требует от граждан своих	*-*нет
38	119	Князи же суждалстие не разумеша льстивых словесъ *безбожнаго царя и его вельмож*	*-*нет
39	129	Послушаи меня, *государю*	*господи*
40	130	Темиръ же *царь*	*-*нет
41	131	Сугубою скорбию озлобити хотя *росинское царство*	*-*нет
42	140	Преставися князь *великий* Михаил Александрович Тверский	*-*нет
43	142	*князь* Витофт *литовский* взя Одоев	*-*нет *-*нет
44	147	Князь велики *Василии Московский* слыша измену	*-* нет
45	148	Поиде Василеи *Косои* с Костромы со многою силою к Москве	*Юрьевич*
46	148об	Князь Василеи *Димитревич*	
47	151	И преже сотвори велиокму князю *Василью Московскому*	*-*нет
48	151об	Родися сын *князь* Иван	*-*нет
49	154	Благослови великаго князя на великое княжение *к Москве*	*-*нет
50	172	Быша у брата великаго князя *у князя* Андрея Меньшаго	*-*нет

Приведенные чтения Q.IV.144 отражают употребление княжеской титулатуры в краткой редакции ВРС. Как мы видим, в ряде случаев во второй редакции вставляется слово «князь» там, где оно отсутствует не только в списках первой редакции, но и в источниках (как будет показано в последующей работе, таковыми были в первую очередь Степенная книга краткой редакции Чудовского вида и Хронограф 1512 года). Список Q.XVII.72 датируется 50-ми – 60-ми годами XVII в. Это расцвет правления Алексея Михайловича, эпохи, когда берет начало формирование российской абсолютной монархии. Источники ВРС, а соответственно и краткая его редакция, отражают не только титулатуру более раннего периода, но и исторические реалии конца XVI – начала XVII в. Возможно, эти особенности терминологии более раннего периода были непонятны книжнику середины XVII в. Так, в примере 18 Борис Владимирович назван «государем великим князем». Такая конструкция едва ли может быть применима к Борису вообще, поскольку, как известно, этот князь никогда не занимал великокняжеский престол. Термин государь оформился до середины XVII в. и встречается в СК и ВРС первой редакции. Однако в отношении Бориса титул является результатом работы составителя пространной редакции временника. Пример 41 взят из «Повести о Темир-Аксаке». Выше было сказано об ее существенных различиях в двух редакциях ВРС. Эти различия затрагивают, в том числе, и царскую титулатуру. Понятие «московское царство» появляется в XVI в. и связано с периодом после принятия Иваном Грозным соответствующего титула. Причем в сознании книжников первой половины XVII в. присутствовало понимание различий между «великим княжением» и «царством», о чем свидетельствуют, в частности, заголовки хронографов редакций 1617 и 1620 гг.²² В ВРС второй редакции эти понятия не стерлись, но несколько размыты.

Еще один характерный пример также относится к «Повести о Темир-Аксаке». В примере 30 слово «господи» заменено словом «государю». То, что составители СК и ВРС достаточно четко осознавали разницу между этими понятиями подтверждается следующим фрагментом ВРС, заимствованным из Степенной: «Месяца марта, паки архиепископъ Феофил и весь Великии Новград прислаша к великому князю Иванну Васильевичу всеа Русии бити челом о своих управлениях, и называху его государе себе, преже никотораго великаго князя государем не зываху, но господином»²³. А далее в СК приводится пояснение этого различия: «не судили ихъ велики князи отъ начала, какъ и земля ихъ стала, но судили ихъ новоградские бояре и посадники»²⁴. Фрагмент из примера 30 является обращением к царю «Баазиту Турскому». По всей видимости, во второй редакции ВРС было произведено исправление неточности в титулатуре – всемогущий царь Баазит не мог быть для подданных просто «господином», в том понимании, которое демонстрирует приведенный нами фрагмент СК. Некоторые из цитируемых чтений уточняют город, который являлся столицей великого княжения. Прочее является уточнением титула тех или иных лиц.

Вообще, для пространной редакции характерно более частое указание на

титулатуру. Большая четкость пространной редакции ВРС наблюдается в области социальной терминологии и титулатуры епископов. Однако эти примеры не столь многочисленны.

Еще одной особенностью пространной редакции является поновление текста. Составитель пытается придать ему большую выразительность, добавляя речевые обороты и определения. Мы ограничимся лишь перечнем некоторых чтений, которые указывают на поновление текста:

Таблица 3. Перечень некоторых чтений, с указанием на поновление текста

№	Л.	Q.XVII.72	Q.IV.144
1	24	И ти воеваста и *римлянскую страну*	*римлянскую землю*
2	24об	И паволоки и *различное украшение*	*различно украшенны*
3	26об	*Бе бо Олга сия вельми премудра*	*_*нет
4	27об	*и по повелению ея*	*_*нет
5	27об	Угодна ли вам, *окоянии*, честь сия	*_*нет
6	29об	И прииде во ум блаженней Ольге от *Божия промысла*	*от Бога*
7	35об	*Потом же паки* присла к ней царь Иван Цымисхий	*_*нет
8	36об	О крещении Ольги и сокрушении идоловъ	О сокрушении кумиров
9	38об	Плакахуся плачем велим *по ней тако же боляре и сановницы и вси люди плакахуся*	*_*нет
10	39об	Лютю Свенделовичю гонящу	И гонящу Лютю
11	128об	и вся восточная *пленя и погубля*	*погубля*
12	129	несоветия ради своего	несоветия своего горько
13	129об	отрочат поверженных плачущихся	пометну то плачущеся
14	130об	*от всех приимаху*	*тому подоваху*
15	173	*чтобы государь велел им з бояры поговорити*	*велель бы им государь с боляры поговорити*
16	175об	чем били есте мне челом, *чтобы я* гнев свои отложил	*_*нет
17	176об177	Четвертое шествие великаго князя в *Великий* Новгород	*_*нет

Разночтений этого типа многократно больше, чем разночтений в царской титулатуре. Кроме того, в ряде случаев список пространной редакции дает вторичное чтение, которое выглядело иначе в источнике ВРС, СК.

Пока что были установлены характерные особенности пространной редакции. Местами она более точно передает протограф. Однако чаще ее составитель поновляет текст своего источника. При этом, он привлекает другие тексты, отличные от ВРС краткой редакции и СК.

Некоторое различие двух редакций наблюдается и в области передачи известий. Так в Q.XVII.72 отсутствуют некоторые, помещенные в Q.IV.144:

«В лето 6854 у гроба Петра Чюдотворца исцеление бысть девице, руце имущее скорчени».

«Того же лето чюдотворца Петрова гроба исцеле жена, ноги скорчени имя».

«В лета 6860 Феогность митрополит постави наместника во Владимир».

«В лето 6920 году князь велики Василии Дмитриевич да князь Михаил Тверской ходили к Зелени –Салтану Тахтамышеву сыну».

Наконец, наблюдаются некоторые отличия в датах событий. Так, в Q.XVII.72 мы читаем под 6985 годом известие о поставлении церкви Благовещения, которое в Q.IV.144 обозначено под 6990 годом.

Итак, мы можем говорить о двух редакциях ВРС. Однако список, на который мы ссылались, характеризуя краткую редакцию, отличается от других, хранящихся в Петербурге. Он неполный. В Q.IV.144 отсутствует предисловие к временнику. Известия доведены только до рождения царя Федора, в то время как в других – до его смерти. Однако в некоторых случаях он лучше передает текст протографа. Так, Q.IV.144 наиболее полно передает заголовки, которые, по всей видимости, в протографе в некоторых случаях читались на полях. Только в Q.IV.144 мы встречаем заголовки «Рюрикь князь», «Олець князь», «Игорь князь»²⁵. Заголовок «О смерти Ольгине»²⁶ вставлен не перед текстом о дани на Константинополь. В Q.XVII.72 он вставлен перед известием о смерти Олега. Это свидетельствует о том, что данный заголовок первоначально помещался на полях. Кроме того, мы читаем заголовок «О сокрушении кумир». В БАН 16.8.14 такой же заголовок, но прописан он редакторским почерком на полях. В Q.XVII.72 читаем «О крещении от Ольги и сокрушении идолов». Кроме того, в Q.IV.144 нет некоторых известий, которые присутствуют в Q.XVII.72 и БАН других списках ВРС:

«Розряди Святославь сыновь своих по городом»²⁷.

«В лето 6807 преставися князь Феодор Ярославский Смоленский»²⁸.

Изменения в нем возникали стихийно, между ними не наблюдается связи, поэтому мы склонны говорить скорее не о редакции ВРС, а об одном из изводов краткой редакции.

В списках ВРС присутствует два варианта окончания. Они были рассмотрены А. В. Сириновым и обозначены при исследовании историографии ВРС. Представляется, впрочем, что они оба не отражают текста конечной части ВРС, которая изначальна. Дело в том, что список Q.IV.144 кончается незавершенной фразой: «Второму же лету наставшу от Рожества царевичу Ивану, о нем же

сугубо хотя»²⁹. На этом текст заканчивается, а в списках Погод. 1407 и Q.XVII.72 он продолжен. Более того, «Страдание Ивана Нового» не вписывается в структуру ВРС, поскольку относится к периоду правления Василия III. Составитель ВРС руководствовался хронологическим принципом расположения известий, составляя данный текст. «Страдания Ивана Нового» были заимствованы, по всей видимости, из Трефолога³⁰. В минеях четых этот текст дается в другой редакции³¹. Источник известия о смерти Федора найти не удалось. Как представляется, эти известия стали позднейшей вставкой. Возможно, в архетипе первоначально известия не обрывались на незавершенной фразе, а продолжались. Потом некоторые листы выпали или были удалены по каким-либо причинам (например, при повторном переплете). На их место вставлены новые, содержащие «Страдания Ивана Нового» и известия о смерти Федора. В таком виде этот текст переписывался. Вместе с тем, была произведена попытка отредактировать окончания ВРС. Так возник вариант в списках F.IV.253 и БАН 16.8.14. Незавершенная фраза была изъята.

В настоящее время можно говорить о двух редакциях ВРС. Представляется необходимым их дальнейшее изучение. В частности, пока не установлен источник дополнительных известий в «Повести о Темир-Аксаке» в пространной редакции ВРС. Ответить на этот и многие другие вопросы представляется необходимым в ходе дальнейшего изучения ВРС.

Приложение.

Описание списков Временника русского по степеням, хранящихся в книгохранилищах Санкт-Петербурга.

ОР РНБ. Ф. 588. собр. М. П. Погодина 1407. 20–30-е гг. XVII в. 4°. 319 л., скоропись XVII в. одного почерка. Одна нумерация листов в правом верхнем углу черными чернилами до Л. 300. Далее – нумерация простым карандашом. Нумерация не совпадает с библиотечной. Отсутствуют листы 111, 175, 224, 225, 273–296. Л. 129–134 переставлены местами и следует в порядке: 131, 130, 129, 134, 133, 132.

Филиграни: двуглавый орел с литерами LD – вид: Дианова, Костюхина 1024 (1628 г.)³².

Переплет: Императорской публичной библиотеки, конца XIX в., картон, припереплетные листы (I–II) на невержированной бумаге. На корешке – тиснение «Летописец».

Состав: Л. 1–11: «О двенадцати святых Апостол, где коиждо их проповеда слово Божие и где коиждо их умре»; Л. 12–325: «Временник русский по степеням», последнее известие – смерть царя Федора Ивановича; Л. 296–319: Сказание Паисия Ярославова о Каменном монастыре.

Маргиналии и записи: Л. 239 по нижнему полю: «сия книга глаголемая»; Л. 320–322 об. – заметки исторического характера на полях, читаются плохо, текст частично обрезан по краю поля:

Л. 320: лета 7071 царь Иван Васильевич всеа Руси з братом своим, со князем Володимиром Ондреевичем Старицким.

Лета 7073го Иван Васильевич всеа Руси еки(?) ся(?) понел соса(?) черкасскую *Марью* Темрюковну

Лета 7077 году Иван Васильевич всеа Русии громил *Великии* Новград (нрзб).

Лета 7078го сту под сеи(?) *Руской* земли силен (нрзб) и град (нрзб)

Лета 7079го попущением Божиим крымской царь пожог московско государство(?) ...

Л. 322 об.: Лета 7104 (?) царь Федор Ивановичь всеа Руси заложил (нрзб) каменой город

ОР РНБ. Ф. 550. Q.IV. 144. 30–40-е гг. XVII в. 4°. 294 л., скоропись двух почерков. Заголовки и инициалы киноварные.

Филиграни: кувшин двуручный с литерами IP – вид: Диан Кувш 453 (1635–1640); Кувшин одноручный с литерами IP/V – вид: Диан Кувш 252 (1630, 1631 гг.); кувшин одноручный с литерами D/IV – вид: Диан Кувш 192 (1631 г.), 193 (1644 г.), 194 (1625 г.); герб – вид: Диан 220 (1633 г.); одноглавый орел (не отождествлен).

Переплет: Императорской публичной библиотеки, конца XIX в., картон, припереплетные листы (I–II) на невержированной бумаге. На корешке – тиснение «Сборник».

Состав: Конволют, две части написаны скорописью разных почерков на разной бумаге. Первая часть рукописи (Л. 1–274) содержит текст ВРС, Сказания Паисия о Каменном монастыре; вторая часть рукописи (Л. 274–294) содержит «Повесть како восхити неправдою на Москве царски престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя еретика ростригу Гришку Отрепьева».

Литература: Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Федора Андреевича Толстого. Изд. К. Калайдович и П. Строев. М., 1825. (далее – Калайдович, Строев). № II. 438.

ОР РНБ. Ф. 550. Q.XVII.72. 50-е гг. XVII в. 307 л., скоропись и полуустав. Заголовки и инициалы киноварные. Нумерация листов – почерком XVIII в. в правом верхнем углу чернилами на ряде листов.

Филиграни: Голова шута – вид: Диан Голова шута 117 (1659 г.); герб, не отождествлен.

Переплет: второй половины XVII в., доски в коже со слепым тиснением, растительный орнамент, сохранилась одна застежка в зацеп, спеньки желтого металла. Кожа у корешка отошла, нижняя крышка отпадает.

Состав: Л. 1–15: оглавление; Л. 16–21: «Книга глаголемая Бытия Боже»; Л. 28–231: «Временник русский по степеням» до смерти Федора Ивановича; Л. 232–240: Сказание Паисия о Каменном монастыре. Л. 240–307: «Летаписець написань от рожества Христова о царех жыдовскихь, и греческих, и русских, и что где в котором году учинилось, и о святых его знаменях, явльшихся с небеси на землю Господем нашим Исусомь Христом, наказуя на грешных всяческии»³³.

Маргиналии и записи: Л. 13–15 по нижнему полю: «Книга, глаголемая летаписець Зараискаго города Троецкаго попа Петра Леонтьева»; Л. 27 об.:

«1699 апреля въ 3 день у старца у Иова да на 18 алтынъ»; Л. 147 об.: «Сия книга Парамона Кирилова Барашския слободы подьячего 185 года». На обклейке верхней крышки переплета – экслибрис библиотеки графа Ф. А. Толстого, инвентарный номер – 282¹¹, а под ним предыдущий инвентарный номер XVIII в. (№ 36); ниже надпись карандашом: «летописец XVII в.».

Литература: Калайдович, Строев № II 282

ОР БАН. 16.8.14. 40-е гг. XVII в. 4°. 261 л., полуустав и скоропись. Заголовки и инициалы киноварные.

Филиграни: Домик с крестом, обвитым змеей – вид: Тромонин 1127 (1638 г.); гербовая лилия в прямоугольном щите, увенчанная короной – вид: Тромонин 536, 640 (1644 г.).

Переплет: первой половины XVII в., доски в коже со слепым тиснением, растительный орнамент. Застежки утрачены, спеньки желтого металла. Обклейка крышек и припереплетные листы 1, 291 – на вержированной бумаге первой половины XVII в. **Состав:** Л. 2–9: оглавление; Л. 10–266 – «Временник русский по степеням». На Л. 261–290 – «Сказание и повесть, еже содеяся».

Маргиналии и записи: на обклейке верхней крышки: «Куплена у матроза корабельной команды у Василья Юдина сына Иванова 1751 году генваря дня». На Л. 1 скорописью XVII в.: «Сия книга, глаголемая летописец». На Л. 10–66 второй нумерации по нижнему полю полууставом владельческая запись: «Сия книга, глаголемая летописец, сиречь временник степенник безместнова попа Ивана Минина, сына попава, а потписал сам своею рукою». На Л. 26 второй нумерации маргиналия почерком, отличным от основного: «дядю» (в тексте «уя»). На Л. 55 маргиналии: «исполнена» и «сапожник» (в тексте – усмошвец). Л. 191: помета «зри» возле текста о пересылке «гостей и детеи боярских». На Л. 291 об. запись: «августа в 25 день потписал сию книгу многогрешный».

Литература: Описание рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 1. М.;Л., 1959.

Особый интерес представляет имя одного из владельцев рукописи – безместного попа Ивана Минина. Мы встречаем это имя также на л. 360 старопечатного Евангелие издания 1575 года издания (ЯМЗ–19123). В книге запись: «Церкви Димитрия Селунскаго поп Иван Минин сынъ порадел и приложил к сему Евангелию евангелиста серебряные резные позолочаные, а не прихоцкие»³⁴. Необходимо сравнить почерка двух записей. Если они окажутся сходными, мы сможем восстановить некоторые эпизоды бытования списка БАН 16.8.14.

ОР РНБ. Ф. 550. F.IV.253. XVIII в. 1°. 611 л., скоропись XVIII в одного почерка. Заголовки и инициалы киноварные. Нумерация в верхнем правом углу.

Филиграни: Pro Patria с литерами ГУБР ФСГП – вид: Участкина 698 (1760 г.); литеры ГСБ ФМВ – вид: Клепиков 207 (1765 г.). Филиграни на припереплетных листах (I–III): На л. I – филигрань: литеры AI, не отождествлена; на л. II–III – литеры ГСБ ФМВ – вид: Клепиков 207 (1765 г.).

Переплет: второй половины XVIII в., картон в коже, слепое тиснение, на корешке – тиснение «хронограф». На верхней, нижней крышках и на корешке – царапины и трещины. Местами отпадает верхний слой кожи. Л. I–III – на вержированной бумаге второй половины XVIII в.

Состав: Л. 1–21: Георгия Писида похвала к Богу; Л. 59–515: Хронограф до 1613 года; Л. 515–517: Определение Московского собора 7080 года о четвертом браке Ивана Васильевича; Л. 517–600: Временник русский по степеням; Л. 600: Летописец выбором; Л. 603: Сказка казачьих атамановъ Ивана Петрова и Бунаша Елычева, посланныхъ в Кишай, 7075 (1567) году; Л. 607–610: Родословие русских государей; Л. 610–611 – летописные отрывки.

Записи: на обклейке верхней крышки – экслибрис библиотеки графа Ф. А. Толстого, инвентарный номер – 69^{IV}; запись скорописью конца XVIII в. – «у Журавлева»?; На Л. I почерком начала XIX в.: «Изъ библиотеки села Богородскаго священника Ефрема Федорова № 224»; там же другим почерком: «Сия подарена звенигородскому купцу Матвею Стефанкову(?) и ему принадлежит».

Литература: Калайдович, Строев № IV 69

¹ Окончание текста в разных списках ВРС отличается.

² *Васенко П. Г.* «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 139–140.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 139–140.

⁵ *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 258.

⁶ Там же. С. 259.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ *Насонов А. Н.* О Тверском летописном материале в рукописях XVII в. // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 30–31.

¹⁰ *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 26.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² *Сиренов А. В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 417.

¹³ Там же. С. 417–418.

¹⁴ Там же. С. 418.

¹⁵ *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. СПб., 2010. С. 211–213.

¹⁶ См. Приложение.

¹⁷ Под понятием извода здесь подразумевается глубокое различие структуры текста, которое позволяет говорить о различных памятниках.

¹⁸ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии в трех томах / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008. Т. II: степени XI–XVII. (далее – СКДС. Т. II). С. 103.

¹⁹ Там же. С. 98.

²⁰ Q.XVII.72. Л. 137–137 об.

²¹ СКДС. С. 104.

²² В русских известиях до принятия Иваном IV царского титула в хронографах пишется «Великое княжение русское».

²³ ОР РНБ. Q.XVII.72. Л. 171.

Примечательно, что в СК этот фрагмент читается иначе: «Месяца же марта паки архиепископ Феофиль и весь Велики Новъградъ прислаша к великому князю Ивану Василиевичю и к сыну его великому князю Ивану бити челомъ о своихъ управлениихъ\ и называху ихъ государьми себе, а преже того никотораго великаго князя не зваху государемъ»(Л. 634). Возможно, для составителя ВРС представлялся странным тот факт, что новгородцы давали присягу и отцу, и сыну как государям. В начале XVII в. власть уже была единоличной в полной мере, в то время как на период составления СК, возможно, была жива память о прошлой системе управления, когда отец и сын делили некоторые полномочия.

²⁴ СКДС. С. 237.

²⁵ ОР РНБ. Q.IV.144. Л. 1 об. –4.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ ОР РНБ. Q. XVII. 72. Л. 39.

²⁸ Там же. Л. 106 об.

²⁹ ОР РНБ. Q.IV.144. Л. 250.

³⁰ См., напр.: РГБ. Ф. 304 (собрание Троице-Сергиевой лавры) 693. Л. 693.

³¹ См. напр.: РГБ. Ф. 304 (собрание Троице-Сергиевой лавры) 673. Л. 329.

³² Хотя филигрань ближе к № 1024, литеры LD на этом образце отсутствуют. Они есть на № 1025, который датируется 30-ми гг. XVII в.

³³ Текст начинается известием о рождении Иисуса Христа и доводит повествование до Алексея Михайловича.

³⁴ Кириллические издания Ростово-Ярославской земли 1493–1652: каталог / под ред. И. В. Поздеевой. Ярославль; Ростов. 2004. С. 36.

О. С. Головина

Санкт-Петербургский государственный университет

Древнерусские фрески в фотографии: новый путь представления

«Коррективой, своеобразным визуальным комментарием к словесным формулировкам могут служить свидетельства, содержащиеся в самих произведениях искусства, в которых художник – он же идеальный зритель эпохи – воспроизводит и одновременно интерпретирует произведение другого художника, иной эпохи или иной культурной среды. В этом случае может возникнуть молчаливый диалог или даже целая дискуссия об искусстве»

И. Е. Данилова¹

О представлении древнерусской иконописи средствами фотографии исследователи стали задумываться вскоре после появления последней. Значение светописи в деле сохранения памятников культуры подчеркивал П. И. Севастьянов в своём докладе, прочитанном в Академии надписей в Париже еще в 1858 г.²; а с 1890-х гг. фотография была уже постоянным спутником реставрационных работ, проводившихся в Московском Кремле, запечатлев для нас все этапы открытия древней настенной живописи Успенского собора³. Наконец, в 1905 г. в фотографическом журнале «Вся Россия» появляется статья Леонида Мищенко-Дорошенко «Фотография в деле художественного образования»⁴, на которой мы остановимся несколько более подробно. Основной темой статьи является рассмотрение возможностей фотографии в деле передачи изображений древнерусских фресок. Л. Мищенко-Дорошенко вполне обоснованно указывает на те недостатки, которыми обладает живописное копирование фресок. «Изучение деталей фресок, очень больших по размерам, не даёт понятия о связи деталей с целым зданием. В древнейших русских фресках именно особенно драгоценна

эта внутренняя связь, эта общность с архитектурой и скульптурой церковей»⁵. Кроме того, «водяные» фрески по штукатурке приходится копировать медовыми красками на холсте или бумаге, что также отрицательно скажется на достижении абсолютной тождественности, которая только и является желательной в деле копий с произведений искусства»⁶, и эта живописная копия, представляя собой единичный экземпляр, дорога и недоступна художественным училищам и широким слоям населения.

Эти рассуждения подводят читателя к мысли о том, что «необходимо, раз это стало возможным, резко изменить приёмы создания точнейших копий для общеобразовательных целей в области художественного просвещения»⁷, и потребность в этих копиях «огромна, вопиющая»⁸. Автор пишет, что «лишь наука объективная и беспристрастная, в лице фотографии, смогла поправить беду»⁹.

Известно, что этот оптимизм не оправдался в полной мере: хоть фотография и используется широко для воспроизведения древнерусских фресок, но, несмотря на значительные технические усовершенствования со времён 1905 г., только редкие фотографические снимки являются по-настоящему точными копиями фресок. С другой стороны, и техника живописного копирования фресок имеет всё те же недостатки, о которых говорилось в упомянутой статье. Её автор, Л. Мищенко-Дорошенко, не учёл того, что, как для создания живописной копии нужны талант, чуткость, терпение художника, так и для фотографической копии эти качества фотографа (будь он учёным, любителем или фотографом-художником) необходимы. Кроме того, свою роль в этом вопросе сыграло отношение к фотографии как к делу относительно простому и *автоматически* дающему тождественные воспроизведения природы: стоит только знать некоторые технические особенности процесса и выбрать объект съёмки – остальное сделает фотоаппарат. Это заблуждение в течение века сопровождало фотографическую съёмку фресковой иконописи (и сопровождает, порой, по сей день), что способствует появлению снимков, не только не передающих в точности фрески, но и искажающих их.

Только 100 лет спустя, в 2003 году, идея представления фрески с помощью фотоискусства была воплощена в жизнь на принципиально новом уровне. Речь идёт о работе фотохудожника Юрия Холдина над фотографической репрезентацией фресок Дионисия Мудрого из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. В течение 5 лет, с 1995 г., Холдин по своей инициативе совершал регулярные поездки в Ферапонтов монастырь, шаг за шагом воспроизводя на своих фотографиях живописные образы Дионисия, иконописца XV в. Результатом многолетней работы стал альбом фотографий, дополненных исследовательскими статьями, историческими справками и комментариями, – «Сквозь пелену пяти веков: сокровенная встреча с фресками Дионисия Мудрого»¹⁰. Позднее вышли проспект-каталог выставки Юрия Холдина «Фрески Руси. Дионисий. Золотой век иконописи, XIV–XV вв.»¹¹ и «Акафист Пресвятой Богородице – Дионисий иконник»¹². В начале 2006 года в Государственной Третьяковской галерее прошла первая выставка фоторабот Юрия Холдина из цикла «Фрески Руси. Дионисий.

Золотой век иконописи XIV–XV вв.». Всего состоялось 14 выставок этого цикла в разных городах России, в том числе в Петербурге, и за рубежом, в Италии.

Подход Ю. И. Холдина к репрезентации фрески вызвал полярные отзывы в искусствоведческой среде, ориентированной, в массе своей, на иную модель восприятия памятника. Дело в том, что в подавляющем большинстве книг, посвящённых древнерусскому искусству, и, в частности, иконописи, преимущество остается за словом – авторским текстом, описанием произведения, комментариям к нему. Изображение в таких изданиях подчиняется слову, становится иллюстрацией, зрительной подсказкой читателю. Конечно, если речь идёт о старых изданиях, то трудно предъявлять претензии к качеству изображаемого материала из-за несовершенства техники, но откровенно плохие иллюстрации в книгах, посвящённых древнерусскому искусству, последних лет этим оправдать нельзя. Дело не только в отсутствии денег на дорогое издание: проблема в отношении к иллюстрации как таковой. В большинстве изданий слово и изображение далеко не равноправны: приоритетным считается *рассказать* о живописи, *проиллюстрировав* свои слова, а не *представить* живопись, комментируя её и рассуждая о ней. Проблема не в процентном соотношении «текст – изображение» в книге, а в качестве того и другого: к качеству текста зачастую предъявляются гораздо более высокие требования, чем к качеству фотографии фрески или иконы и к качеству передачи этой фотографии в издании. *Это просто не считается важным.* Таким образом, живопись, следовавшая за Словом (Священным Писанием), вновь становится словом – искусствоведческим текстом. Представление древнерусских памятников остается преимущественно нарративным, словесным, а фотография самого памятника стоит в тени текста. Да и для многих специализированных изданий зрительное представление, например, фрески, тем более во всей её красочной полноте, не является целью: читателю предлагается зачастую чёрно-белая фотография, предполагающая знание оригиналов живописных произведений. В книгах, посвящённых древнерусскому искусству, которые условно можно отнести к популярным изданиям, планка подачи изобразительно материала бывает настолько низка, что становится более понятным отсутствие интереса у широких слоёв населения к древнерусскому искусству: человек, не имеющий никакого отношения к древнерусской живописи и, возможно, впервые взявший в руки книгу, ей посвящённую, в лучшем случае пролистает её до конца, вежливо согласившись с утверждением авторов относительно значимости и красоты фресок и икон. *И забудет.* Конечно, однозначно осуждать все издания подобного рода нельзя, ведь даже плохая иллюстрация всё же служит делу популяризации древнерусского наследия. Возникает вопрос: почему, когда нужно перевести с одного языка на другой стихи, то за это берётся поэт, а когда надо представить в каком-либо издании древнерусскую живопись (передать её с помощью другого языка), то этим занимается фотограф-ремесленник (в лучшем случае – хороший)? Дело не только в деньгах, тратящихся на ту или иную книгу, дело – в ответственности каждого человека, который занимается её изданием: редактора, издателя и, прежде всего,

фотографа, который должен осознавать, что он работает не просто над очередным заказом, а передаёт духовную силу древнерусского наследия множеству людей.

Холдин своим альбомом «Сквозь пелену пяти веков: сокровенная встреча с фресками Дионисия Мудрого» совершил прорыв не только в фотографии, в деле сохранения древнерусских фресок – он совершил прорыв в восприятии иконописи. Он представил древнее визуальное искусство – фреску – с помощью современного визуального искусства – фотографии. Он переводил живопись Дионисия на язык светописи как художник, и зрительное представление фрески стало центром его концепции.

В основе метода Холдина лежит передача свето-воздушного пространства и композиции. Но цвет меняется в зависимости от освещённости, времени суток. Если раньше профессиональные фотографы, занимающиеся репродукционной съёмкой, снимали фрески ночью, при искусственном освещении, то Холдин взял за основу цветовую температуру в солнечный полдень, то есть ощущение цвета во время литургии, что, безусловно, более близко к естественному восприятию, ведь на фрески смотрят днём, а не ночью с осветительными приборами. Фотографии действительно получились, в отличие от «ночных» репродукций, светлыми и ясными, удивительно точными в передаче манеры письма Дионисия.

Проект «Свет фресок Дионисия – миру» воплотился в двух основных направлениях: издательском и выставочном. Альбом «Сквозь пелену пяти веков: сокровенная встреча с фресками Дионисия Мудрого» и, в сокращённом варианте, проспект-каталог «Фрески Руси. Дионисий. Золотой век иконописи, XIV–XV вв.» созданы по оригинальной авторской задумке. Сам автор сравнивал свой альбом с кинофильмом, имеющим свой динамичный сюжет: завязку, раскрытие авторской идеи, сворачивание действия и завершение общения с образами Дионисия. В контексте новой, визуальной модели репрезентации памятника фресковой иконописи, возможно сопоставление издания Холдина с другим видом искусства, назвав их «концертом для фотографии с оркестром», где музыкой является сам образный ряд иконописца, отсылающий нас к Первообразу – Священному Писанию. «Оркестром» в данном случае выступают искусствоведческие статьи и эссе, а также историко-теологические комментарии к фресковым композициям собора Рождества Богородицы; «дирижером», конечно, сам издатель-фотограф, автор проекта Юрий Холдин.

Иное впечатление оставляло посещение выставки «Фрески Руси. Дионисий. Золотой век иконописи XIV–XV вв.» (СПб., 2006). Фотографические произведения были исполнены в большом формате на специально выбранной фотохудожником матовой бумаге; процесс печати работ контролировался Холдиным также тщательно, как и издание книги. Каждая фотография сопровождалась богословским комментарием Е. В. Даниловой (автор комментариев в книге), которые реализовывали необходимость словом направлять восприятие, чтобы изображение было увидено. Заставляют задуматься обстоятельства репрезентации образов фресковой иконописи. Выставка была помещена в Академии Художеств, в Рафаэлевском зале. Этот зал стал местом встречи культур, стилей и эпох: фрески

гения итальянского Возрождения Рафаэля, скопированные, в том числе, великим русским художником XIX века Карлом Брюлловым; итальянские копии античных статуй «Флора», «Диоскур» и «Геркул отдыхающий»; один из величайших русских иконописцев Дионисий, осмысленный и переданный в творчестве фотографа Юрия Холдина. Таким образом, в одном месте «встретились» три *восприятия, видения* различных произведений искусства. Однако есть существенные различия: если произведения Брюллова и итальянских мастеров – это копии, выполненные, соответственно, теми же средствами, что и оригиналы, т. е. с помощью живописи и валяния, то положение на выставке Дионисия – особое. Работы Холдина представляли собой творческое понимание внутреннего пространства Ферапонтова монастыря не с помощью масляной или фресковой живописи, а с помощью фотографии. Если в случае с копиями Брюллова говорить об адекватных цвете и форме можно лишь условно, то фотография по своей сути претендует на точность, факсимильность в передаче фресковой живописи и образа архитектурного пространства. Мастерство, талант и чуткость Холдина в том, что он не вырывает фреску из контекста, а передаёт пространство храма, создаёт собственную картину, не искажая Дионисия, а следуя за ним; в этом следовании автор находит и смысл, и свободу – свободу внутри канона. Ферапонтов на его фресках оживает, наполняется светом и воздухом, и мы видим кисть Дионисия, и его краски, и лёгкость линий, и время, что легло на фреску трещинами и смотрит сквозь неё глазами ангелов, святых и самого Господа. Любая удачная фотография памятника культуры – это не только талант фотографа, но и работа самого передаваемого произведения, его стремление быть понятным, *увиденным*. Фотографии Холдина – это, по сути, акт сотворчества двух художников, диалог, возникший между ними, это найденная идеальная точка соприкосновения, запечатлённая в краткий миг спуска затвора, и фотографа здесь можно сравнить с хорошим журналистом, грамотно задающим вопросы и умеющим услышать ответы, спрашивающим действительно не для того, чтобы показать подвижность ума, но потому, что ему важен ответ.

Какую автор ставит задачу – репродуцирование, «оцифровка» или передача ощущения, *«осмысление»*, как он сам не раз говорил о своих работах? Очевидно, второе. Как бы ни старался Юрий Холдин сделать своё присутствие в созданных им фотографиях фресок наименее ощутимым, мы всё равно понимаем, что это авторский взгляд, глубоко индивидуальный, и то, что Холдин представил в своих работах, *он* осмыслил, *он* пережил, *он* прочувствовал. Теперь уже мы можем понимать, чувствовать и переживать, глядя на его фотоснимки. Исказил ли фотограф композиции Дионисия, или, может быть, цвет был «неживым», или не хватало воздуха? – Нет, всего этого он избежал. Его фотографии вызывают *ощущение фресок* – это лучшее, чего смогло добиться фотоискусство в передаче фресковой живописи. Тогда возникает проблема, важная не только для иллюстраторов альбомов по древнерусскому искусству, но и для всего искусствоведения в целом: что вернее передаст идею того или иного произведения искусства и технику мастера, его исполнившего – механическая

фотофиксация или живой взгляд фотохудожника, передающий ощущение от этого произведения? Холдин показал нам, что второй путь вернее, и за ним – будущее. Он стал явлением современной культуры, и на его примере мы видим рождение нового направления в представлении памятников искусства, которое можно назвать, вслед за Холдиным, «осмысленным показом», или передачей впечатления, личного переживания. Конечно, Юрий Иванович не первый, кто по-своему интерпретировал других мастеров, и даже не первый, кто сделал это другими средствами выразительности, чем интерпретируемый автор (вспомним, к примеру, вариации Пикассо на тему «Менин» Веласкеса и «Завтрака на траве» Мане, демонтажи композиций по методу Эйзенштейна и др.), но подступал ли кто-нибудь до него к такой сложной и связанной с православной культурой теме, как древнерусское искусство, фресковая живопись? Был ли этот опыт удачным? До него – нет. Холдин первым смог это сделать. Ведь, работая с Дионисием, нельзя позволить и десятой доли тех вольностей, что позволял себе Пикассо в своих «Вариациях», иначе интерпретация станет искажением, а искажение иконописных образов может привести к богохульству. Но и в этой, казалось бы, скованности можно найти творческую свободу. Главное – за внешним увидеть внутренний смысл. Наверное, многие, читавшие о Холдине, думали о том, зачем столько времени – пять лет! – нужно было тратить на съёмку, в принципе, не такого уж огромного собора Рождества Богородицы: неужели дело только в технических сложностях профессиональной фотографии? Дело не только в этом. Зачастую современный человек *не умеет видеть*, проглатывает художественное изображение, не всматриваясь в него, не пытаясь уловить мысли и чувства автора, всё ещё спрятанные в полотне и ждущие понимания. Чтобы создать *такие* фотографии фресок Дионисия, нужно было в них *вглядываться, ими жить*, найти в себе такую тишину, в которой только и может произойти «сокровенная встреча» с древнерусским мастером, живущим в своих творениях.

29 июля 2007 года Ю. И. Холдин трагически погиб. После его смерти было организовано несколько выставок:

Мерано (Италия), организатор – Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного, 4 – 8 декабря 2007 г.;

Государственная картинная галерея им. А.А.Дейнеки. (Курск), 3 апреля – 7 мая 2008 г.;

Государственный музей архитектуры им. А.В.Щусева (Москва), 22 июля – 1 октября 2008 г.

Центральный выставочный зал "Манеж". В рамках православной выставки "Пасхальный подарок"(Москва), 28–30 марта 2009 г.

Его проект продолжает своё существование.

¹ Данилова И. Е. «Архитектура Успенского собора Аристотеля Фьорованти и принципы пространственной композиции в произведениях Дионисия» // «Искусство Средних веков и Возрождения: Древняя Русь. Италия. Живопись, архитектура, скульптура. Искусство и зритель Работы разных лет. М.: Советский художник, 1984. С. 21.

² Художественное обозрение // Светопись, 1858, № 12. С. 219–233; Новые применения фотографии // Отечественные записки. 1859, № 3. С. 17–18.

³ По материалам выступления И. С. Пармузиной на конференции «Фотография в музее», Петербург, 12–15 октября 2010 года.

⁴ Не-Белинский М. Фотография в деле художественного образования // Вся Россия. 1905, № 7. С.170–175; псевдоним Макс Не-Белинский принадлежал поручику Учебного Воздухоплавательного парка Леониду Мищенко-Дорошенко.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Там же. С. 173.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 172.

¹⁰ Холдин Ю. И. Сквозь пелену пяти веков: сокровенная встреча с фресками Дионисия Мудрого. – [Бельгия], 2002.

¹¹ Холдин Ю. И. Фрески Руси. Дионисий. Золотой век иконописи, XIV–XV вв. – М.: Фонд «Фрески Руси». – 2006. (Проект «Свет фресок Дионисия – миру»).

¹² Холдин Ю. И. Акафист Пресвятой Богородице – Дионисий иконник. – М.: Фонд «Фрески Руси». – 2007. (Проект «Свет фресок Дионисия – миру»).

Карикатура на страницах журнала *Punch*

Особенностью английского сатирического журнала *Punch*, издававшегося в Лондоне с 1841 г., является обилие карикатур, с присущими им особенностями и характерными чертами.

На страницах журнала *Punch* карикатура с первых же дней его существования занимает значимое место. Можно выделить несколько ее разновидностей. Во-первых, в каждом номере обязательно присутствовала большая карикатура, занимавшая всю страницу, или как ее называли «the big cut»¹; во-вторых, были карикатуры меньшие по размеру, занимавшие четверть страницы. Кроме того, достаточно часто совсем крохотные карикатуры сопровождали статьи, заметки, стихотворения, песни, диалоги, появлявшиеся на страницах журнала. Как правило, содержание «большой карикатуры» долго обсуждалось всеми сотрудниками *Punch*, далее вся основная работа зависела от художников². Примечательно то, что большинство карикатур принадлежало кисти двух художников, Джона Тиннела и Джона Леха, так, по подсчетам Спилманна, исследователя *Punch* XIX в., с 1841 по 1894 г., в журнале появилось 2700 «больших карикатур». Авторство распределено следующим образом³:

Таблица 1. Количество работ карикатуристов с 1841 по 1894 г.

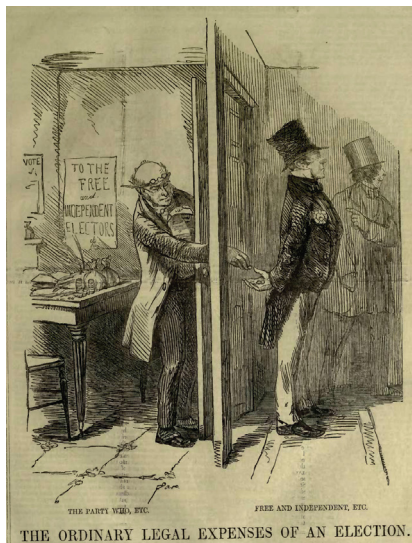
Джон Тиннел	1860
Джон Лех	720
Р. Дойл	70
Другие художники	100
Всего:	2750

Джон Лех, сын владельца кофейни в Лондоне, получивший медицинское образование при больнице Бартоломео⁴, не был профессиональным художником, но обладал даром, который сделал его самым первым и самым влиятельным художником первых десятилетий жизни *Punch*. Джон Тиннел так же не получил художественного образования, хотя был студентом Королевской Академии, но вскоре понял, что лучший учитель – практика; в 1850 г. он был приглашен в *Punch*,

став к тому времени уже опытным иллюстратором⁵.

В ходе исследования, мы обратились к анализу карикатур журнала за 1853 г. Характерной чертой карикатур *Punch* является широта их тематики, не случайно в 1910 г. была выпущена целая серия изданий, в каждом из которых публиковались карикатуры по определенной теме: общество, дети, любовь, война, путешествия, спорт⁶. Спилманн выделяет четыре смысла или четыре цели, которые содержит в себе карикатура: 1) политическое и социальное значение; 2) художественное; 3) образовательное и пропагандистское; 4) историческое⁷. Этим тоже можно объяснить разнообразие проблем, охваченных в карикатурах.

Политические карикатуры имели важное значение в журнале, так как именно этой теме чаще всего посвящены «большие карикатуры». В политических карикатурах затрагивались вопросы как внешней, так и внутренней политики. Характерной чертой этой группы является то, что в них атака совершалась непосредственно на реальных политических лидеров. Постоянными героями карикатур становились Ричард Кобден⁸, член палаты общин, разделявший пацифистские взгляды, лорд Пальмерстон⁹, проводивший агрессивную внешнюю политику, премьер-министр Рассел, премьер-министр Бенджамин Дизраэли¹⁰, министр иностранных дел и премьер-министр Абердин¹¹, обвинявшийся в вялом ведении Крымской войны.

Предметом насмешек становились различные явления политической жизни общества. Так, в карикатуре «Обычные издержки во время выборов» изображен кандидат, которому через приоткрытую дверь протягивают деньги, на стене же висит плакат: «За свободные и независимые выборы»¹². *Punch* всегда был своеобразным «колокольчиком», который звонил тогда, когда видел какие-либо погрешности в политическом устройстве, особенно хорошо это видно на карикатуре с изображением кукольных фигурок, звонящих в колокола с надписями «Казна», «Внутренняя политика», «Внешняя политика», «Администрация»¹³.

Английский мануфактурист второй половины XIX в., член палаты общин Джон Мунделла признавался, что *Punch* – это самый опасный противник, с которым может столкнуться политик, и что он в своих политических и общественных начинаниях предпочел бы иметь за своей спиной *Punch*, нежели половину представителей палаты общин¹⁴. Здесь важно подчеркнуть тот факт, что со временем, *Punch* все чаще стал следовать мнению общества, а не вести его за собой, как это было в первые годы существования. Этот факт важен для понимания журнала как источника.

По словам Спилманна, «карикатура запечатлела социальную историю нашего времени – развитие разума и его противоположностей, моду в одежде и языке, искусстве и литературе, сиюминутных капризов и манерности; другими словами, эволюцию всей нации на протяжении четверти века»¹⁵. Действительно, группа карикатур, посвященных социальным вопросам велика. Их особенностью является то, что их героями становятся представители самых различных социальных, профессиональных, возрастных групп.

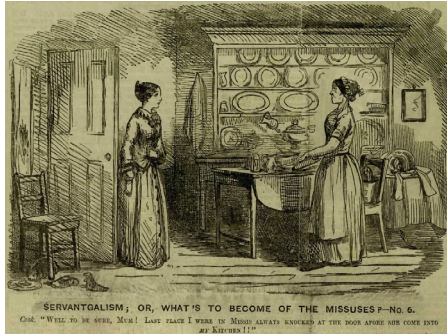
Обратимся, прежде всего, к «низам» общества. В *Punch* встречаем целую серию карикатур, посвященных уличным мальчишкам, «мальчишкам из канавы»¹⁶. К примеру, на карикатуре «Хорошая сохранность» мальчишка, зарабатывающий подметанием улиц, просит у проходящего франта медяк (самая мелкая монета). Франт отвечает, что самая мелкая монета, которую он имеет, это шесть пенсов, на что смешливый мальчик предлагает: «Что ж, сэр, я сбегаю за разменом, а вы можете поддержать мою метлу, если сомневаетесь в моей честности!»¹⁷. Еще более острой является другая карикатура, на которой мы видим даму, раздраженно говорящую:

«У меня для тебя ничего нет (дословно: У меня для тебя есть ничто). Ты всегда пристаешь ко мне, когда я перехожу улицу». Оборванный мальчишка отвечает, что поэтому он к ней каждый раз и пристаёт, что она всегда обещает дать ему это «ничто»¹⁸. Так перед глазами читателя вырастает картина жизни беднейших городских слоев.

Кареты – основное средство передвижения по Лондонским улицам середины XIX в., и журнал дает нам представление о том, как выглядели эти улицы, какие здесь царили нравы. Было три метода мощения улиц: камень, щебень и дерево; и, по мнению *Punch*, все три были плохи. На камнях трясло, щебень был грязен, в то время как дерево было постоянным источником опасности из-за своей скользкости¹⁹. Услугам, которые оказывает кучер, нет альтернатив, поэтому горожане терпят его грубость, нахальство, жадность. На карикатуре «Согласно постановлению парламента» кучер отказывается звонить в дверь, так как, по его словам, шесть пенсов

ему платят за милую, а не за то, чтобы он звонил в двери²⁰. На другой карикатуре он брезгливо отказывается брать шесть пенсов у промотавшегося молодого человека, заявляя, что они пригодятся самому пассажиру, чтобы, к примеру, помыться²¹. На карикатуре «Суровый, но лстивый», внимательный кучер распознав состоятельных клиентов заявляет: «Чем благороднее люди, тем лучше плата!»²³ (т. е. больше).

SERVANTGALISM; OR, WHAT'S TO BECOME OF THE MISSUSES?—No. 6.
Cook: "WELL, TO BE SURE, MUM! LAST PLACE I WERE IN MISS ADAMS' KITCHEN AT THE HOUR ABOVE ARE COSE INTO MY KITCHEN!"

что снобизм хозяев приводит к снобизму среди высокооплачиваемых слуг. *Punch* обращает внимание на увеличение самомнения слуг, которые не считают себя ниже своих господ; в усилении этой тенденции виноваты сами хозяева. Так, на одной из карикатур изображена кухарка, которая говорит хозяйке, заглянувшей к ней на кухню: «Что ж, мэм, на моем прежнем месте мадам всегда стучалась перед тем, как войти на мою кухню!»²⁵ На другой новая прислуга задает последний вопрос, перед тем как приступить к работе; ее интересует, куда семья ездит отдыхать, так как служанка не любит скучные места²⁶.

Слуги словно копируют образ жизни своих господ. Так, служанка выражает недовольство тем, что на кухне ей оставлен холодный обед и грозит уволиться²⁸.

SERVANTGALISM:
OR, WHAT'S TO BECOME OF THE MISSUSES?—No. 8.

*Governess (from Town). "IS HANN JENKINS AT HOME?"
*Solemn Cook. "NO; SHE HAS JUST GONE TO HER MILLINER'S."
*Governess. "THEY GIVE HER MY CARD, PLEASE, AND SAY, I OPE SHE GOT HOME SAFELY FROM THE BALL."

Излюбленные герои *Punch* это прислуга. Чарльз Грэйв называет тему отношения слуг и хозяев бесконечной, отношение же *Punch* к этому вопросу определялось широко распространенным мнением, что рабочий стоит своего нанимателя, и что те, кто предлагает низкую зарплату, не должен ждать ни уважения, ни отдачи, ни старания²⁴. Также *Punch* четко разделяет слуг-рабов и слуг-лакеев, поддерживает идею о том,

На следующей карикатуре находим занятный диалог. Домработница (из города): «Анна Джекинс (тоже домработница) дома?». Деревенская кухарка: «Нет, она пошла к своей модистке». Домработница: «Тогда передайте ей мою карточку, и скажите, что я надеюсь, что она хорошо добралась домой с бала»³¹.

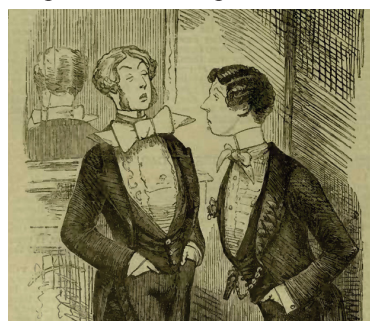
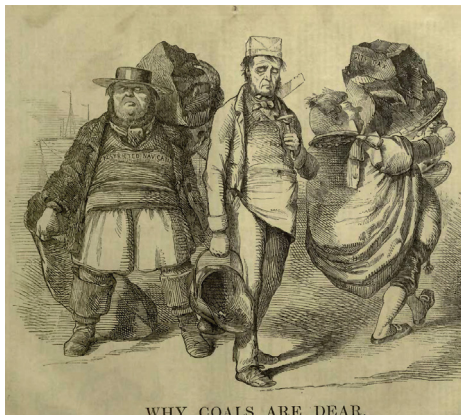
Карикатуры, героями которых становятся представители среднего класса, чаще всего изображают персонажей, задавленных налогами и другими финансовыми трудностями. Под карикатурой «Дерзкое ограбление путешественника в английском отеле»

читаем: «Несчастный джентльмен был разбит на части огромным счетом, а потом ограблен»³². На другой карикатуре видим постояльца гостиницы с длинным счетом в руках, подпись:

«Я, рассматривающий мой счет, после одной ночи нахождения в Брайтоне (город-курорт)»³³.

На карикатуре «Почему уголь дорог?» изображен опечаленный городской житель, по одну сторону от которого стоят две упитанные фигуры, одна из которых держит мешок с надписью «городские налоги», а другая с надписью «ограниченные перевозки»³⁴.

внешнее становится важнее внутреннего содержания, и что печальнее всего, эта тенденция охватывает целую прослойку молодых людей.

Другой рисунок сопровождается диалогом, в котором один из юношей восхищается бабочкой другого, а тот отвечает, что она такая большая, так как весь его интеллект был задействован на ее создание³⁶.

На другой карикатуре франт, подвергшийся нападению, готов отдать все, но умоляет

Целая группа карикатур высмеивает нравы, господствовавшие в светском обществе. На карикатуре «Раздраженный щеголь» молодой человек, выражает недовольство тем, что прислуга долго не являлась на звонок: «Звонил! Да, конечно, я звонил! Какого черта вы думаете, что я смогу убрать волосы сзади имея только одну свечу?»³⁵.

не трогать его воротничок³⁷. На другой изображен щеголь, находящийся в расстройстве от того, что он не смог найти ту, что смогла так хорошо накрахмалить его воротничок, при этом на поиски ушло шесть месяцев и большая сумма денег³⁸.

Из данной проблематики плавно вытекает тема моды. Чарльз Грэйв пишет, что в период с 1841 по 1857 г. *Punch* уделяет больше внимания одежде мужчин, чем причудам женщин. Если сравнить карикатуры с дагерротипами или семейными альбомами, то *Punch* очень правильно отражает тенденцию в изменениях одежды. Женское платье в то время изменялось в двух направлениях – удлинение и расширение в стороны. В середине 50-х гг. XIX в. настала эра кринолинов, против которых *Punch* непримиримо воевал, но, по его собственному признанию, безрезультатно. Из-за неудобств в театрах, гостиных, парках, общественном транспорте и улицах, которые доставляли модницы, их и подвергали осмеянию на страницах журнала.

Но кринолины были только самым заметным примером излишеств в одежде; осмеивалось, и полувосточное закутывание, ношение крошечных шляпок, зонтиков, вуалей для защиты от солнца.

Как отмечал Чарльз Грэйв, если говорить о прическе, то с 1847 по 1860 гг. были особенно модны локоны, кудри, волосы украшали серебряной пылью, формируя стиль «императрицы» или «принцессы Евгении».

Таким образом, поднявшись вместе с *Punch* от самого дна английского общества до его вершины, мы смогли охватить картину общественной жизни Англии второй половины XIX в. Однако, можно утверждать, что, несмотря на разнообразие персонажей карикатур, все же чаще всего внимание авторов заострено на крайностях, т. е. беднейших слоях общества или же его элите. На основе проанализированного материала, можно сделать вывод, что сюжеты политического характера преимущественно освещались в «больших карикатурах». Важно отметить, что с течением времени характер издания менялся: если первоначально *Punch* «ведет» за собой общественное мнение, то постепенно он начинает лишь фиксировать настроения общества, поддерживать это общественное мнение.

¹ Spielmann M. H. The History of «Punch». London, Paris, Melbourne. 1895. P. 59.

² Ibid., p. 169.

³ Ibid., p. 173.

⁴ Ibid., p. 420.

⁵ Ibid., p. 470.

⁶ См.: Mr. Punch life in London / Edited by J. A. Hammerton. 1910; Mr. Punch at play / Edited by J. A. Hammerton. 1910; Mr. Punch in society / Edited by J. A. Hammerton. 1910; Mr. Punch on tour / Edited by J. A. Hammerton. 1910; Mr. Punch on warpath / Edited by J. A. Hammerton. 1910; Mr. Punch with children / Edited by J. A. Hammerton. 1910; Mr. Punch book of love / Edited by J. A. Hammerton. 1910; Mr. Punch book of sport / Edited by J. A. Hammerton. 1910., etc.

-
- ⁷ Spielmann M. H. Cartoons from “Punch” London. V. 1. 1906. P. VI.
- ⁸ Who has the donkey’s ears, now! // Punch. October 29. V. 25. 1853. P. 176.
- ⁹ Pledging // Punch. January 15. V. 24. P. 25.
- ¹⁰ The distance to Downing street // Punch. August 6. V. 25. 1853. P. 55.
- ¹¹ Did it want a bit o’ Turkey, then? // Punch. December 10. V. 25. 1853. P. 238.
- ¹² The ordinary expenses of an election // Punch. March 19. V. 24. 1853. P. 115.
- ¹³ Ringing the New Year in at St. Stephen’s // Punch. January 15. V. 24. 1853. P. 28.
- ¹⁴ Spielmann M. H. Cartoons from “Punch” London. V. 1. 1906. P. VII.
- ¹⁵ Spielmann M. H. The History of “Punch”. London, Paris, Melbourne. 1895. P. 423.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 425.
- ¹⁷ Good security // Punch. March 12. V. 24. 1853. P. 110.
- ¹⁸ Lady and Boy // Punch. November 26. V. 25. 1853. P. 215.
- ¹⁹ Charles L. Graves Mr. Punch history of modern England. V. 1. 1841 – 1857. London, New York, Toronto & Melbourne. 1921. P. 141.
- ²⁰ According to the act of Parliament // Punch. August 13. V. 24. 1853. P. 70.
- ²¹ The new act // Punch. July 23. V. 25. 1853. P. 34.
- ²² Severe, but flattering // Punch. September 17. V. 25. 1853. P. 124.
- ²³ Charles L. Graves Mr. Punch history of modern England. V. 1. 1841 – 1857. London, New York, Toronto & Melbourne. 1921. P. 30.
- ²⁴ Servantgalism; or, what’s to become of the misuses? № 6. // Punch. April 9. V. 24. 1853. P. 144.
- ²⁵ Servantgalism; or, what’s to become of the misuses? № 5. // Punch. April 2. V. 24. 1853. P. 134.
- ²⁶ Servantgalism; or, what’s to become of the misuses? № 4. // Punch. March 26. V. 24. 1853. P. 130.
- ²⁷ Servantgalism; or, what’s to become of the misuses? № 8. // Punch. April 23. V. 24. 1853. P. 170.
- ²⁸ Impudent robbery of a traveler at an English hotel // Punch. September 24. V. 25. 1853. P. 129.
- ²⁹ Myself... // Punch. October 1. V. 25. 1853. P. 169.
- ³⁰ Why coals are dear? // Punch. October 22. V. 25. 1853. P. 169.
- ³¹ Irritated swell // Punch. January 22. V. 24. 1853. P. 31.
- ³² First cock swallow... // Punch. July 18. V. 25. 1853. P. 18.
- ³³ Scene – a lonely square // Punch. November 26. V. 25. 1853. P. 222.
- ³⁴ True feeling // Punch. September 24. V. 25. 1853. P. 144.
- ³⁵ Charles L. Graves Mr. Punch history of modern England. V. 1. 1841 – 1857. London, New York, Toronto & Melbourne. 1921. P. 258.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 259.
- ³⁷ An oyster’s shell and lady’s bonnet // Punch. December. 10. V. 25. 1853. P. 244.
- ³⁸ Where ignorance is bliss // Punch. December 3. V. 25. 1853. P. 232.
- ³⁹ Charles L. Graves Mr. Punch history of modern England. V. 1. 1841 – 1857. London, New York, Toronto & Melbourne. 1921. P. 262 - 263.

О. С. Ефимова

Санкт-Петербургский государственный университет

**Журнал «Рекламист» («Торговый мир»)
как исторический источник: 1909–1912 гг.**

Одесса – один из центральных портов и космополитических городов Российской Империи, всегда отличалась своим обликом от исконно русских торговых городов. Для одних Одесса выглядела по-американски, другим напоминала западноевропейские города¹.

Именно здесь, в июне 1909 г. рождается первый и единственный в своем роде для Российской Империи ежемесячный журнал «Рекламист», отдельным изучением которого ранее не занимались. «Рекламист» (позже «Торговый мир», с № 3) стал первым изданием, созданным для предпринимателей, подробно обсуждавшим проблемы создания и размещения рекламы, а также использования психологических приемов в торговле.

Как правило, о существовании данного издания, лишь упоминается², что, к сожалению, не всегда означает просмотр журнала авторами. Так, например, А. В. Бриленкова³, в списке изучаемых журналов, указывает «Рекламист» и «Торговый мир» как два отдельных издания. Ошибка могла возникнуть ввиду того, что в Русском журнальном Фонде РНБ существуют две библиографические карточки (правда, с единым шифром), обозначающие журнал «Рекламист» (1909) и «Торговый мир» (1909–1912). При этом номера 1–6 1909 г. переплетены вместе, под одной обложкой и единым шифром. Вполне возможно, что исследовательница работала с каталогами, а не с самим изданием.

Тем не менее, рассмотрение данного, уникального издания необходимо, так как именно в таких изданиях достаточно полно раскрываются будни рекламодателей.

Если говорить о западноевропейской практике, то на страницах журнала рассматривались вопросы, которые уже активно обсуждались в Европе и США. Например, в 1908 году вышла монография Уолтера Скота, посвященная психологии рекламы, положившая начало проведению систематических исследований по восприятию рекламы. В этом же году в структуре Университета Миссури (Колумбия) открылась первая в мире школа журналистики, в программу которой

был включен курс «Реклама и издательское дело», читавшийся одноклассником Гарри Трумэна, его пресс-секретарем Чарльзом Россом⁴. В России же подобные лекции начали читать, в 10-х гг. XX века в частном порядке⁵.

Первоначально издание задумывалось как некий сборник рекламных объявлений вкупе с художественными рассказами, биографиями миллионеров, историей фирм, юмором, полезной информацией, например, расписанием поездов. Предполагалось распространять журнал бесплатно в кафе, ресторанах, парикмахерских и т. п. Стоимость размещения рекламы была относительно невысокой: от 2 до 48 рублей. «Каждая страница разделена на 12 клеток и за помещение объявления в одной клетке взимается 2 рубля... На обложке вдвое»⁶. Деление происходило следующим образом: две полосы вертикально и шесть горизонтально. Первые два номера действительно соответствовали первоначальной задумке: среди разнообразной рекламы сигар, духов, крема для ботинок располагались фельетоны, забавные заметки и статьи. Так, в колонке «Слухи, нуждающиеся в подтверждении» можно было прочесть такие строки: «<...> к весне 2009 г. В Одессе закончен будет электрический трамвай» или «<...> гунны решили предпринять новый поход против Г. Думы. Европа в тревоге, ждут событий»⁹; а в разделе «Случайные объявления» прочесть почти анекдоты: «Ищу место профессора патологии; долголетний опыт самонаблюдения»¹⁰. Главный редактор П. И. Сигал-Мейлер справедливо полагал, что скучающий в очереди клиент или покупатель будет не против прочесть забавный материал, а грамотно составленная реклама сможет привлечь его внимание. Мысль, что «объявления, печатаемые в общих газетах, не всегда достигают целей»¹¹ была очень здоровой и в том отношении, что люди часто читают газету, занимаясь параллельным делом, например, за завтраком. «Читатели просматривают заголовки на каждой странице примерно в течении трех секунд... В ежедневной газете имеется так много новостей и рекламы, что большинство людей не имеют времени прочитать их»¹². В ожидании же внимание человека будет большей частью сконцентрировано на журнале, формат которого гораздо удобнее держать в руках, просматривая стоя.

Уже само появление подобного журнала, где не рекламодатель, а сама редакция «выработала такую программу рекламирования, которая несомненно ведет к успеху», и по ее утверждению «<...> детально разработана и систематически, по строго определенному плану, будет приводиться в жизнь»¹³, опровергает мысль о том, что рекламные объявления на рубеже XIX–XX веков были в новинку, а их составители весьма наивны, в отличие от современных¹⁵. Появление подобного журнала именно в Одессе, а не в столицах, свидетельствует о том, что развитие рекламы преимущественно зависит от уровня развития торговли.

Если обратиться к самой рекламе, можно увидеть, что помимо рассказа об одесских магазинах, встречается, и в достаточно большом объеме, реклама польских товаров. Например, парфюмерии Фридерика Пульса¹⁶. Присутствует и реклама Санкт-Петербургского Товарищества «НИППОН»¹⁷, которая особенно активна в газете «Новое время» в 1908 году. Рекламирование иногородних и иностранных продуктов состояло в указании адресов самих контор, а не мест

в Одессе, где можно приобрести рекламируемый товар. По всей видимости, рекламодатели рассчитывали не на рядовых, а на оптовых покупателей.

В августе 1909 года журнал приобрел новое лицо. Чуткий к своему времени П. И. Сигал-Мейлер изменил концепцию издания. Теперь оно предназначалось уже непосредственно для купцов и работников торговли. «Принимая принцип: без рекламы нет торговли, мы не только будем разъяснять теоретическое значение рекламы, но будем так же давать и практические указания, как рекламой с успехом пользоваться, когда, что и в каком виде рекламировать»¹⁹. Журнал был переименован в «Торговый мир» и перестал распространяться бесплатно. Розничная стоимость номера составляла 8 копеек, подписная цена с сентября 1909 по сентябрь 1910 – 1 рубль, с пересылкой – 1,20 р. Формат издания остается прежним – 32 страницы. К сентябрю появились приложения: «Самоучитель эсперанто» (с ним подписка стоила 1,20 без пересылки) и «Спутник купца». Годовая подписка с двумя приложениями – 2 рубля. Выросла цена на размещение объявлений. Теперь размещение на целой странице стоило 36 рублей (до этого – 24), на $\frac{1}{2}$ – 18 р, $\frac{1}{4}$ – 9 р, $\frac{1}{8}$ – 4,5 р, $\frac{1}{16}$ – 2,25 р, $\frac{1}{32}$ – 1,15р. За размещение на обложке цена удваивалась. На страницах журнала обсуждалась не только рекламная практика, в особенности возможные варианты изготовления и размещения дешевой и действенной рекламы, но и экономическое состояние Одессы, заседания Министерства финансов, роль кредитной системы в торговле, проблемы распространенной оплаты наложенным платежом, цены на различные категории товаров в разных городах, комментарии к их стоимости. Можно встретить рекомендации по обустройству магазинов, правила общения с покупателями. В декабре 1909 года открывается коммерческий отдел, который занимается сбором адресов для приложения «Спутник купца», где публиковались адреса производителей и торговых фирм, стоимость их продукции. Стоимость размещения объявлений на целой странице равнялась 40 рублям, на $\frac{1}{2}$ – 20 р, $\frac{1}{4}$ – 10 р, $\frac{1}{8}$ – 5 р.

Некоторые рекомендации весьма любопытны и свидетельствуют о бурном развитии рекламной мысли, стремлении к продуманному и эффективному ее размещению. «Но как же можно привлечь к себе покупателей? Прежде всего, знанием покупателя, его психологии. Обмануть человека можно только один раз»²². Существование подобного понимания в торговых кругах позволяет нам говорить о рекламе как о репрезентативном источнике, в котором, безусловно, несколько преувеличиваются положительные качества и функции товара и замалчиваются отрицательные, однако процент полностью недостоверной информации крайне низкий. Идея о честной рекламе зародилась в западноевропейской мысли еще в 60-е годы XIX века, ее главными идеологами стали Джон Уонамейкер и Джон Пауэрс.

Одной из самых распространенных тем для обсуждения являлась проблема бюджетного рекламирования, и на страницах издания предлагались любопытные варианты, используемые и сейчас, например, карточка-календарь²³. Впрочем, заголовки статей «Дешевая реклама»²⁴, «Доступная реклама»²⁵ говорят сами за себя.

Любопытен объем внимания к косметике и парфюмерии на страницах издания. Например, раскрывается секрет приготовления пудры. «Имеется спрос, хотя и меньший, на пудру. Для распространения имеет, конечно, громадное значение красивая упаковка и изящная этикетка»²⁸.

В марте 1910 г. закрывается литературный отдел. Но определение «общественно-литературный» уходит из названия лишь с сентября 1910 г.

Судя по всему, журнал отражал интересы частных предпринимателей, крайне болезненно реагируя на поспешное изменение их прав, и ревностно – к вниманию правительства исключительно к крупным предприятиям: «На мелкую торговлю и промышленность у нас смотрят как-то сверху вниз. Считаться с нею, ее интересами излишне и ненужно»³⁰; «Лучше поздно, чем никогда. После долгих и всеобщих ожиданий, министр торговли и промышленности сказал, наконец, свою программную речь. О мелкой торговле и промышленности не было упомянуто ни слова. Как будто у нас таковых не существует»[□]. Когда же зашел вопрос об увеличении членов Государственного Совета от торговли и промышленности, одним из главных вопросов, задаваемых изданием, стал вопрос: «за счет какого слоя торговли и купцов это число будет увеличено?»[□]. Журнал в целом пытался создать новое лицо современного российского предпринимателя, отделить его образ от образа купечества, закрепившегося в русской литературе. «И общество имеет весьма смутное представление о купечестве, как особом классе, делающем свою особую пусть маленькую, но необходимую в каждом государстве, в каждой стране работу, за малыми исключениями, общество до сих пор смотрит на купцов глазами Островского, упуская при этом из виду, что после смерти великого драматурга прошло немало времени, много воды утекло, многое в купеческой среде изменилось».

Журнал все больше и чаще обсуждает проблемы торговли, назначение министров, их речи. Еще в 1909 г. идет речь о том, что необходимы реформы промышленности и торговли. «Наша торговля и никогда не была блестящей, а в последние годы и совсем пришла в упадок и полное расстройство. Торговля качественно падает, дела ухудшаются, банкротства на каждом шагу, а число торгово-промышленных предприятий с каждым годом увеличивается». Вся речь министра торговли Сергея Ивановича Тимашева была подвергнута критике, особенно положение о защите и опеке нашей торговли. Авторы журнала, считали, что для развития последней требуется не опека, а самостоятельность и свобода. Большинство положений речи были названы туманными, пространными и непонятными. Тем не менее, следует отметить, что космополитичный характер Одессы, находил свое отражение в журнале. Издание с сочувствием относилось к иностранцам, а точнее к их капиталам, которые подвергались гонению со стороны «известной части печати». Еще с более прочувствованными интонациями оно отзывалось о положении еврейского населения: «Правовое положение евреев в России до того тяжело, что казалось бы, что далее идти в этом вопросе некуда. У евреев уже все отнято; они уже всего лишены».

Все это неудивительно: Одесса к тому времени стала ведущим экспортным портом.

Подписка на 1911 год без приложений возрасла до 3 рублей, журнал начал выходить два раза в неделю.

Вышло в свет приложение в виде буклета под названием «Руководство рекламировать», где значительная часть отведена газетной рекламе. Интересную картину рисует упомянутое издание: «В целях объявления, рекламы использовано и используется все, что только возможно. Заборы, ограждающие новые постройки, занавес театра, всевозможные программы всевозможных увеселительных заведений и обязательных собраний – все это испещривается объявлениями <...>. Газетный лист сделался своего рода бранным полем, на котором происходит борьба за покупателя».

Любопытно, что между статьями об экономике и торговле, обсуждении возможностей сотрудничества с такими странами, как Аргентина и Италия, публикуются статьи политического содержания, как например, «Возможна ли оккупация британских островов германской армией?». Регулярно встречается ирония в адрес Государственной Думы и скепсис по отношению чиновников Министерства торговли и промышленности. Особенно язвительно выглядит «Анкета о Думе», где в стихотворной форме, по ролям пародируются дебаты.

Вопросы внешней торговли и экспорта обсуждаются на страницах журнала, настойчиво предлагаются варианты взаимодействия с различными странами, подчеркивается необходимость широкого экспорта. Так, статья об Италии сетует на то, что «во всей Италии нет ни одной русской импортной конторы, как и в России нет ни одной итальянской». В Болгарию предлагают поставлять стальные изделия: топоры, рубанки, молоты, ножницы. В Турцию – ткань из Ивано-Вознесенского района. Интересна характеристика турецкого рынка: «По беглому взгляду приходится отметить, прежде всего, бедность, малокультурность и низкий уровень потребностей турецкого населения. В Турцию идет, по преимуществу, товар низкого сорта и очень дешевый по цене. Но вместе с тем, красиво отделанный и хорошо убранный <...>. Иваново-Вознесенский район с его дешевым товаром по качеству считается, по мнению знатоков мануфактурного рынка, самым подходящим поставщиком для Турции. Следует иметь в виду, что вся крупная торговля в Турции сосредоточена в руках богатых армян».

Издание не лишено скептицизма, в комментариях о недавно вышедшей биографии Джона Рокфеллера можно прочитать, что она «совершенно не разъясняет те темные дела, при помощи которых он нажил свое огромное состояние».

Углубление экономического кризиса в 1911 г. сказывается и на журнале, весьма чутком к экономике и торговле своего времени. С лета он чаще выходит не два раза в неделю, а один раз месяц. Резко ухудшается качество бумаги. Страницы наполнены статьями о вопросах кредитования: плюсах и минусах работы с кредитами, о проблемах их невозвратов. Если в начале года публикуются статьи о ложных банкротствах фирм и торговых домов, с целью незаконных манипуляций, то в середине массовые банкротства уже всерьез беспокоят редакцию. «Вопрос о кредите, о банкротствах и неплатежах не перестает волновать широкие круги

купечества. Число банкротств с каждым днем растет в ужасающей прогрессии <...>. Наступает уже не кризис, а настоящая паника. Тяжелое время переживает Россия. Экономический кризис обостряется до высшей степени. У всех опускаются руки. Нет надежды. Нет просвета. В будущем ничего не видно или мерещатся дикие ужасы».

Журнал закрывается в конце 1912 г. по невыясненным причинам, каких-либо заметок по этому поводу в редакторской колонке не публиковалось.

Подводя итоги, можно сказать, что журнал является ценным источником для изучения настроения торговых слоев в самой Одессе и отражает торговую и промышленную политику Российской империи.

¹ Предпринимательство и городская культура в России: 1841–1914 / Под ред. У. Брумфилд, Б. Ананьича и др. М., 2002. С. 244.

² Галанин С. Ф. Газетная реклама как исторический источник: По материалам казанских газет второй половины XIX века. Автореф. дис.... канд. ист. наук / КГУ. Казань, 1999; Ученова В.В. История рекламы. М., 2002 и др.

³ Бриленкова А.В. Коммерческая реклама в России (1861–1917 гг.). Дис.... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2007.

⁴ Докторов Б. З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения, судьбы творцов. М., 2008. С. 277.

⁵ Как ведут коммерческие дела американцы: Кредит, продажа, реклама, служащие: Лекция, прочитанная Л. Э. Брокман 4 и 27 февраля в Москве и 2 апреля в Харькове. М., 1913. С. 46.

⁶ Рекламист: Торгово-промышленный ежемесячный журнал с литературным отделом. Одесса, 1909, № 1. С. 1.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Там же. С. 6.

⁹ Там же. С. 1.

¹⁰ Фаулер Д. Печатная реклама. Трамплин для роста продаж. М., 2002. С. 12.

¹¹ Рекламист. 1909, № 1. С. 2.

¹² См.: Бриленкова А. В.

¹³ Рекламист. 1909, № 1. С. 7

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Торговый мир: Торгово-промышленный и литературно-общественный еженедельный журнал. Одесса, 1909. № 3. С. 2.

¹⁶ Там же. 1909. № 4. С. 10.

¹⁷ Лебедев В. Дешевая реклама // Там же. 1910. № 7. С. 9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Роз-лит. Д. Доступная реклама // Там же. № 2. С. 22.

²⁰ Домашняя фабрикация: Рецепт № 13: Дешевая косметика; Там же. 1910. № 10. С. 23.

²¹ Там же. 1910. № 2. С. 1.

²² Там же. № 4. С. 1–6.

²³ Там же. № 2. С. 1.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. 1909. № 4.

²⁶ Там же. 1911. № 2. С. 1.

²⁷ Там же. 1911. № 16–22. С. 1.

²⁸ Сартор В. Международные фирмы в Российской империи. 1800–1917 гг. // Экономическая история: Ежегодник / Под ред. Л. И. Бородкина, Ю. А. Петрова. М., 2005. С. 111.

²⁹ Руководство рекламировать. Одесса, 1911. С. 3.

³⁰ Там же. № 4.

³¹ Там же. 1910. №. 4. С. 23

³² Там же. № 1.

³³ Торговый мир. № 20–21. С. 2.

В. Г. Гаврилов

Санкт-Петербургский государственный университет

Национальная организация витязей (НОВ): Источники изучения

Молодежные и детские движения и организации возникли в XIX и развились в полной мере в XX веке. После революции 1917 г. в русском зарубежье множество организаций занималось воспитанием детей и молодежи, многие из них почти бесследно исчезли, некоторые существуют до сих пор. К числу последних относятся соколы, русские скауты-разведчики, Русское студенческое христианское движение и витязи.

Отличительной чертой Национальной организации витязей (НОВ) является ее девиз «За Русь, за веру!», а также то, что она «не является ветвью уже существующих международных мировых движений»¹, сохраняя на протяжении 75 лет полную самостоятельность.

Идея русского православного и национального движения молодежи (позже получившего имя «Витязи») возникла у уроженца Гатчины, студента Технологического института Николая Федоровича Федорова (1895–1984)².

В 1919 г. Н. Ф. Федоров становится добровольцем Северо-Западной армии генерала Юденича и отступает вместе с ней до Эстонии. В 1921 г. он – председатель «Христианского союза русской молодежи» в Ревеле и предлагает в качестве эмблемы Союза существующий поныне знак витязей – белый крест на синем фоне, в красном ромбе. В 1923 г. Христианский союз русской молодежи становится русским отделом YMCA (Young Men Christian Association).

В 1926 г. под давлением эстонских властей русский отдел был закрыт, и Николай Федорович переезжает в Париж, где продолжает работу с молодежью при YMCA. В 1927 г. весь русский отдел переходит в Русское студенческое христианское движение (РСХД)³, при котором в 1928 г. возникает первая дружина витязей. В этот период Н. Ф. Федоровым были выработаны положения, легшие в основу молодого русского движения, и в том же году первые витязи дали «торжественное обещание».

В 1934 г. парижские витязи выходят из РСХД и становятся самостоятельной организацией, во главе которой Н. Ф. Федоров оставался в течение 50 лет до конца своей жизни.

Работа НОВ стала широко развиваться во Франции, в Парижском районе и в провинции. Одновременно действовали дружины в Чехословакии, Германии, Латвии, Эстонии и Болгарии (следует отметить, что это были витязи РСХД). Летние лагеря в Манделье-Ля-Напуль на Средиземном море и в Лаффрей в Альпах собирали много русских детей и молодежи.

Во время войны во Франции весь состав старших витязей, инструкторов и руководителей, был призван в армию. Работа сосредоточилась в Париже и в местечке Тури, в ста километрах от Парижа, где был открыт центр для эвакуации детей.

С 1942 г. дружинная и отрядная работа полностью была восстановлена. В Париже действовали четыре дружины и Школа инструкторов. В это же время Отдел социальной работы оказывал жертвенную и постоянную помощь посылками, перепиской, посещениями в госпиталях, как своим военнопленным, так и русским, попавшим в немецкий плен. Объединение молодежи витязей стало вести регулярную работу, устраивало спектакли и съезды.

В эти годы для разработки Устава собиралась высшая законодательная инстанция, «Общий круг витязей», сперва в Тури в 1945 г., затем в 1955 г. в Суворовском лагере в Лаффрей, где был принят новый полный Устав НОВ. Во время войны закрылись все центры витязей в странах восточной Европы, зато скоро были восстановлены дружины в провинции. В 1954 г. возникли новые центры в Марокко и в Аргентине, в 1958 г. в Бельгии и в 1959 г. в Австралии.

В течение долгих лет в скиту Всех святых, в земле Российской просиявших, в Мурмелоне устраивались весенние лагеря, один из которых удостоился посещения А. И. Солженицына. Регулярно стали действовать зимние спортивные лагеря, сначала в Австрии, затем в Швейцарии. В Аргентине тоже был открыт свой Алексеевский лагерь в Ля Больша, а в Австралии – Серафимовский в Блекхитс, в Голубых горах. Некоторое время в Бельгии существовал летний Владимирский лагерь, потом его заменил зимний лагерь имени св. Германа Аляскинского.

С 1992 г. витязи появились в России, сначала в Петербурге, потом в Нижегородской области, на Байкале, в Подмосковье, Карелии.

История Национальной организации витязей и биография ее основателя Н. Ф. Федорова не становились еще предметом серьезного научного исследования.

Вышедшая недавно книга «Николай Федорович Федоров – основатель “Национальной Организации Витязей”»⁴ не является научной и представляет собой сборник документов и воспоминаний.

Н. Ф. Федоров и витязи упоминаются в исследовании В. Костилова «Не будем проклинать изгнание...» и мемуарах-исследовании Р. В. Полчанинова «Молодежь русского зарубежья»⁵. Витязям посвящены части работ по истории РСХД и ОРЮР (Организации российских юных разведчиков)⁶.

В числе прочих молодежных зарубежных организаций Национальная

организация витязей учтена в справочных изданиях А. В. Окоорокова («Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации: 1920–1990 гг.», «Знаки русской эмиграции (1920–1990 гг.)»), а также в «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре»⁷.

Н. Ф. Федоров и другие деятели организации фигурируют и в иных справочных изданиях. Это шеститомник «Незабытые могилы»⁸, книга И. И. Грезина «Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа»⁹. В аннотированном указателе «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках» упоминаются две статьи Н. Ф. Федорова.¹⁰

Центр организации планирует в ближайшее время выпуск книги об истории НОВ, которая будет охватывать период, начиная с 1934 г.

Основным источником изучения истории НОВ являются документы самой организации, большей частью опубликованные в ее печатных органах («Костер», «Витязь» и др.), а также вышедшие отдельными изданиями. Это разные редакции Устава, приказы по организации, пособия, статьи Н. Ф. Федорова и других руководителей. Печатные, как и некоторые рукописные, материалы организации хранятся в ее архиве в Париже на улице Лекурб, дом 91, рядом с храмом Серафима Саровского. Архив НОВ не описан и недостаточно систематизирован.

Кроме периодической печати самой организации, о деятельности НОВ писалось в различных периодических изданиях русского зарубежья (например, изучаемый нами период освещен в газетах «Возрождение», «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения» и др.).

Являются информационно насыщенным источником и документы личного происхождения (мемуары, воспоминания, письма) деятелей русского зарубежья, участвовавших в организации или наблюдавших за ее работой.

Основным программным документом является **Устав Национальной Организации Витязей**. Его разработка приписывается Н. Ф. Федорову¹¹. Предшественником Устава являются Программы витязей 1929 и 1933 гг.¹² Мне известны редакции Устава 1938 г. (видимо, уже вторая), 1945 г. (третья), 1955 г. (четвертая).¹³ Ныне действующей является 5-я или 6-я¹⁴ редакция Устава, утвержденная 12 июня 1975 г.¹⁵

Н. Ф. Федоров в предисловии к Уставу в редакции 1938 г. писал: «Он не является юридическим уставом, а скорее инструкцией для внутренней жизни и распорядка Организации. <...> Его смысл – воспитание русских национально и православно настроенных граждан, развитие их характера и подготовка их к условиям современных требований жизни, к созидательной работе, самостоятельности и ответственности, наряду с сознательной дисциплиной и волевой подтянутостью»¹⁶.

Этот Устав был принят 21 июня 1937 г.¹⁷ и утвержден Н. Ф. Федоровым 26 июня 1938 г. Он состоит из собственно Устава и двух дополнений.

В более поздние редакции вносились изменения, но основное содержание (иногда слово в слово) сохраняется до сих пор.

Другим программным документом является **Памятка**. Это официальное

издание организации выходило в свет трижды, в 1938, 1960 и 1990 гг., несколько меняя свой состав. В 1979 г. была издана «Памятка» в Австралии.

В Памятку 1938 г. входят: «Вступление» Н. Ф. Федорова, объясняющее смысл движения витязей, тексты русских гимнов, описание российского герба и флагов, жизнеописание небесных покровителей организации (свв. Александра Невского и княгини Ольги), объяснение девиза «За Русь, за веру!», молитва и гимн витязей, описание знака витязей, а также «Основные положения» (цель и состав организации, тексты обещаний и правил, управление и руководство работой).

Программное значение имеют также все произведения (приказы по организации¹⁸, статьи, предисловия и проч.) Н. Ф. Федорова, как главного идеолога организации (например, статья «Молодежь», опубликованная в журнале «Белый Крест» и перепечатанная в «Костре»¹⁹, а также статьи некоторых других руководителей (напр., С. Донскова²⁰ «Отличительная особенность Н. О. Витязей», В. Кочубея «О нашем девизе», Г. Бубновой²¹ «Как я могу служить девизу Витязей в Зарубежье?» и др.)²².

Среди **периодических изданий** можно выделить 2 направления: общеэмигрантские издания, описывавшие события из жизни НОВ, и периодические издания, выпускавшиеся (и выпускаемые) самой организацией.

К первым относятся «Вестник РСХД» (в 1927–1934 гг.), парижская газета «Возрождение» под редакцией Ю. Ф. Семенова и, возможно, некоторые другие газеты²³. В послевоенный период это «Русская мысль», «Новое русское слово», «Часовой», «Посев», «Единение», которые печатали некрологи деятелей НОВ²⁴, а также изредка статьи о прошлом витязей.

В **«Вестнике Русского Студенческого Христианского Движения»** печатались статьи о жизни витязей РСХД в разных странах (до ноября 1934 г. все витязи относились к РСХД). Так, например, в № 6–7 за 1932 г. была помещена статья за подписью И. П. «Дружина русских мальчиков “Витязь” при РСХД в Риге» (С. 30–31)²⁵.

В 1930-х гг. печатала статьи о Национальной организации витязей газета Национального союза нового поколения (НСНП, будущий НТС) «За Россию»²⁶.

О периодических изданиях самой организации в довоенный период известно мало. В конце 1920-х гг. Н. Ф. Федоров вместе с А. Ф. Шумкиной издавали журнал **«За Русь, за веру»**. В 1930-х г. вышло несколько выпусков журнала **«Витязь»**. В 1939 г. в ежемесячном приложении к газете «Православная Русь» («Детство и юность во Христе») выходил **«Отдел национальной организации “Витязь”»** под редакцией Н. Ф. Федорова²⁷.

В 1931 г. рижской дружиной витязей РСХД выпущен журнал **«За веру, за правду»**²⁸. В первой половине 1930-х гг. группа гимназистов и одновременно витязей из Даугавпилса (Латвия) издавала свой журнал **«Паломник»**²⁹.

В декабре 1945 г. вышел 1-й номер журнала **«Костер»**, который с перерывами выходит до сих пор. Впервые он стал издаваться как «Листок связи 1-й дружины НОВ» под редакцией В.В. Звегинцева. Он так писал во вступлении: «Это и связь между нами <...> это и возможность для Витязей помещать свои статьи,

рассказы своего сочинения, свои пожелания и мысли, это и есть случай печатать материал, могущий их заинтересовать»³⁰. После короткого перерыва, как «Детско-юношеский журнал Национальной Организации Витязей», «Костер» издается непосредственно Центром НОВ под личной редакцией Н. Ф. Федорова вплоть до 1964 г. (№ 41). После 4-хлетнего перерыва он становится изданием Парижского округа НОВ под редакцией князя С. С. Оболенского, занимавшего этот пост более 20 лет, и непрерывно выходит в свет с ноября 1968 г.

Содержание журнала с № 1 по № 95 расписано в № 100³¹.

В «Костре» (особенно при приближении 50-летия НОВ) печатались статьи по истории организации (в рубриках «Из жизни НОВ», «Хроника НОВ»): напр., «Список отрядов (1927–1947 г.)», «Из истории лагерей “Русь”» («Владимирский лагерь в Тури», «Алексеевский лагерь в Напульт», «Суворовский лагерь в Лаффрей»)³² и др.

С сентября 1988 г. в качестве приложения к «Костру» некоторое время выходила «**Хроника Парижского округа**».

Центром НОВ издавался «**Белый Крест**» – журнал кадров НОВ. До октября 1965 г. вышло 16 номеров.³³

До 1975 г. организацией издавался возобновленный «**Витязь**» – журнал Объединения Молодежи Витязей.

Также некоторое время издавался журнал «**У Витязей**», в котором давалась хроника жизни организации, а также часто делались публикации из архива организации.

С 1962 до середины 1980-х гг. в Брюсселе выходила «**Искра**» – детско-юношеский журнал Бельгийского округа НОВ.

В Австралии выходили издания «**Под Южным крестом**» и «**Вести витязей**» (последнее выпускается до сих пор).

Деятельность организации и Н. Ф. Федорова отражена в документах личного происхождения: это дневники П. Е. Ковалевского, протопресвитера Александра Шемана, хроника семейства Зерновых, воспоминания митрополита Антония Сурожского, митрополита Евлогия (Георгиевского), протопресвитера Александра Киселева, Г. Озерецковского, Т. П. Милютиной, Р. В. Полчанинова, письма В. Е. Рушанова.³⁴ Думаю, что это далеко не полный перечень.

Остались воспоминания и деятелей самой организации. В первую очередь, это статья Н. Ф. Федорова «Из далекого прошлого», впервые опубликованная в 16-м номере журнала «Витязь» (октябрь 1971 г.) и перепечатанная в «Костре»³⁵. Несколько отличная редакция этих воспоминаний под названием «Краткая автобиография Николая Федоровича Федорова – основателя “Национальной Организации Витязей”» опубликована в книге «Николай Федорович Федоров – основатель “Национальной Организации Витязей”»³⁶. Также его вдова И. Э. Федорова записала свои воспоминания: «Начало Национальной Организации “Витязей”» и «Еще несколько слов о прошлом Витязей»³⁷, а сын А. Н. Федоров написал «Добавления к автобиографическим воспоминаниям Н. Ф. Федорова»³⁸.

Бывший начальник дружины витязей в Риге Б. В. Плуханов в книге «РСХД в Латвии и Эстонии» вспоминает о жизни витязей в 1930-е гг.³⁹

Бывший до войны витязем в Чехословакии, а после – начальником Бельгийского округа НОВ Е. А. Жерлицын написал статью «Организация Витязей в Чехословакии до войны 1941 г.», опубликованную в брюссельской «Искре» и перепечатанную в «Костре»⁴⁰.

История витязей требует своего тщательного изучения, она хранит материалы о жизни детей и молодежи русского зарубежья во многих странах с начала эмиграции до сегодняшнего дня.

¹ Пособие для начальников отрядов и палаток. Париж; СПб, 2001. С. 7.

² См.: Николай Федорович Федоров – основатель «Национальной Организации Витязей». [Вологда], 2007.

³ Об этой организации см.: *Окороков А. В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации: 1920–1990 гг. М., 2003. С. 128–129.

⁴ [Вологда], 2004, 2-е изд. – 2007.

⁵ *Костиков В.* Не будем проклинать изгнание...: Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международн. отношения, 1990; *Полчанинов Р. В.* Молодежь русского зарубежья: Воспоминания: 1941–1951. М., 2009.

⁶ *Плуханов Б. В.* РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. [Париж,] 1993; статьи *Р. В. Полчанинова* по истории разведчества в разных изданиях; *Кудряшов Ю. В.* Российское скаутское движение. Архангельск, 2005.

⁷ [*Окороков А. В.*] Краткий исторический обзор деятельности политических организаций первой волны эмиграции // *Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окороков А. В.* Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 435–438; *Окороков А. В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации: 1920–1990 гг. М., 2003. С. 36–38; *Он же.* Знаки русской эмиграции (1920–1990). Б. м., 2005. С. 86–93; *Витязи* // *Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. СПбГУ, 2002. Т. 1: А–Ж.*

⁸ *Незабытые могилы: Росс. зарубежье: некрологи 1917–1997 / Сост. В. Н. Чуваков: В 6 т. М., 1999–2006.*

⁹ 2-е изд. М., 2009.

¹⁰ *Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ. кн., журн. и газ. публ., изд. за рубежом в 1917–1991 гг. М., 2004. Т. 3. С. 58. № 4740, 4741.*

¹¹ Национальная Организация Витязей: Памятка. [Париж, 1960.] Л. 22.

¹² Хранятся в архиве организации в машинописной копии.

¹³ Опубликована в: Национальная Организация Витязей. Л. 28–40.

¹⁴ Разночтение в самом издании Устава.

¹⁵ *Общий Устав Национальной Организации Витязей. В 2-х ч. Париж, 1976.*

¹⁶ [Устав. Париж, 1938.] С. 1.

¹⁷ См.: Там же. Вероятнее всего, опечатка, следует читать: 1938 г., т. к. странно предположить, что после того, как Устав был принят, прошел год и пять дней, пока Н. Ф. Федоров утвердил его приказом.

¹⁸ Первый приказ по НОВ от 3 ноября 1934 г. опубликован в: Костер. 1984. № 132. Июнь. С. 6. С 1978 г. по сей день приказы Главного Начальника НОВ публикуются в «Костре».

¹⁹ Костер. 1984. № 133. Сентябрь. С. 11–27. См. также: Николай Федорович Федоров – основатель «Национальной Организации Витязей». [Вологда], 2007. С. 35–53. Следует сказать, что большинство материалов Н. Ф. Федорова, представляют собой печатные публикации. Почти не сохранилось его рукописей (за исключением писем к частным лицам). Это, видимо, связано с тем, что он свои работы печатал сразу на машинке.

²⁰ Ныне епископ Женевский и Западно-Европейский Михаил.

²¹ Ныне игуменья Вознесенского монастыря Моисея на Елеоне (Иерусалим).

²² См.: Пособие для начальников отрядов и палаток. Париж; СПб., 2001.

²³ В книге: Николай Федорович Федоров – основатель «Национальной Организации Витязей». [Вологда], 2007 (С. 94–105) приводятся выдержки из русских газет Парижа середины 1930-х гг., повествующие о жизни витязей.

²⁴ См.: Незабываемые могилы: Росс. зарубежье: некрологи 1917–1997 / Сост. В. Н. Чуваков: В 6 т. М., 1999–2006.

²⁵ См.: *Плюханов Б. В.* РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. [Париж,] 1993. С. 307. Примеч. 39.

²⁶ См.: *Полчанинов Р. В.* Молодежь русского зарубежья: Воспоминания: 1941–1951. М., 2009. С. 14.

²⁷ См.: 30 лет Бельгийскому Округу Н. О. Витязей: 1958–1988 / Под ред. Ю. В. Осташкова. Брюссель, 1988. С. 3–4.

²⁸ См.: *Плюханов Б. В.* РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. [Париж,] 1993. С. 119.

²⁹ Нельзя служить Богу, не служа миру: 19 октября 2009 // Сайт Русского православного собора свв. апп. Петра и Павла в Монреале <http://peterpaul.sobor.ca/gu/?p=1964>

³⁰ См.: Костер. 1988. № 159/200. Декабрь. С. 21.

³¹ Там же. 1979. № 100. Январь. С. 33–48.

³² Там же. 1975. № 69/110. Декабрь. С. 6–8; 1984. № 132. Июнь. С. 15–28.

³³ См.: Педагогический сборник. [Париж, 1965.] Л. 1.

³⁴ *Ковалевский П. Е.* Из дневников: сентябрь 1944 года — август 1946 года // Церковь и время. 2007. № 38. С. 147–207; *Шмеман А., прот.* Дневники: 1973–1983. М.: Русский путь, 2005; За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд: (Хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Париж: УМСА-Press, 1973. С. 144; Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. [М.,] 1994. С. 492; *Киселев А. Н., прот.* Завершительный шаг: Из истории русского христианского крестьянского движения (1932–1939) // Русское Возрождение. 2002. № 81. С. 50–62; *Костиков В.* Не будем

проклинать изгнание...: Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. С. 255; *Милютина Т. П.* Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997. С. 69, 97; *Полчанинов Р. В.* Молодежь русского зарубежья: Воспоминания: 1941–1951. М., 2009. С. 14–15, 71–73, 137–138, 280, 295; Русский мир и Латвия: Альманах. Рига, 2009. Вып. XX: К 75-летию мученической кончины архиепископа Иоанна (Поммера). С. 45.

³⁵ Костер. 1984. № 132. Июнь. С. 7–14.

³⁶ Николай Федорович Федоров – основатель «Национальной Организации Витязей». [Вологда], 2007. С. 12–21.

³⁷ Костер. 1986. № 143. Апрель. С. 21–25; № 144. Июнь. С. 15–18.

³⁸ Николай Федорович Федоров... [Вологда], 2007. С. 22–34.

³⁹ *Плюханов Б. В.* РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. [Париж,] 1993. С. 46, 117–119, 159, 166–169, 173, 191, 200, 231, 238, 239, 299, 300, 302, 307, 311.

⁴⁰ Костер. 1983. № 124. Февраль. С. 41–45.

А. А. Гузанова.

Российский Институт истории искусств

Европейские музеи глазами А. Н. Бенуа: 1890–99 гг.

Александр Николаевич Бенуа вошел в историю отечественного искусства как художник, критик, историк, декоратор, сценограф – человек многих выдающихся дарований.

Будучи одним из основателей художественного объединения «Мир искусства», именно он являлся автором формообразующих принципов союза. Главным из них было обновление русского искусства посредством ознакомления его представителей с новым, наиболее интересным искусством Запада. При отборе лучших образцов такового мнение А. Н. Бенуа признавалось решающим.

В формировании художественных взглядов лидера «Мира искусства» значительную роль сыграли его зарубежные поездки, непосредственное знакомство с наследием европейской культуры, всем тем, что «до тех пор знал только по воспроизведениям в книгах и фотографиях»¹.

Первая самостоятельная поездка за границу являлась для А. Н. Бенуа наградой за окончание гимназии Карла Мая. После непродолжительных раздумий его выбор пал на Германию.

Италия отпугнула юного выпускника чрезмерным обилием шедевров. Париж пугал уже его родителей обилием соблазнов и богемных удовольствий. Германия же являлась местом проживания дальних родственников, к которым можно было обратиться за поддержкой в случае проблем, а также была родиной большинства кумиров молодого Александра Бенуа: Э. Т. Гофмана, А. Беклина, А. Менцеля, Р. Вагнера.

В начале июня 1890 г., проездом через Варшаву, Бенуа отправился навстречу новым впечатлениям и открытиям. Главные задачи этого путешествия: «увидать <...> елико возможно больше картин любимых художников с Беклином во главе» и «посетить как можно больше музеев»²

Старый музей в Берлине и Старая Пинакотекa в Мюнхене производят на него самое сильное впечатление. Позже он вспоминал: «на примерах, что содержат оба эти прекрасных музея, я и вступил в своем изучении старой живописи на путь, с

которого я уже затем не сходил. Тогда обозначились мои главные симпатии, мои главные мерилы»³.

Старый музей в Берлине, открытый для публичного посещения в 1830 г., был построен архитектором Карлом Шинкелем для размещения коллекции античности прусского короля Фридриха Вильгельма III. Воспитанный на образцах классического искусства, А. Н. Бенуа вспоминал, что был очарован зданием и красотой коллекции Старого музея, нижний этаж которого «был заполнен античными статуями»⁴.

С Берлином связана история т. н. «Мадонны Бенуа»⁵. Картина находилась у родного брата А. Бенуа, Леонтия, и происходила из дома семьи его супруги, урожденной Сапожниковой.

В 1898 г., находясь в Берлине, А. Бенуа отнес картину на экспертизу известному искусствоведу и музейному деятелю, в то время директору Королевского музея⁶ Вильгельму Боде. Затем ее показали Максу Фридендеру, также знаменитому специалисту. Оба эксперта после долгого осмотра пришли к выводу, что картина не принадлежит кисти Леонардо да Винчи, но, возможно, это произведение кого-либо из его соучеников по мастерской Андреа Верроккио. Другой профессор, сотрудник Старого музея, Мюллер Вальде, все же предложил Бенуа купить картину. Как известно, продажа не состоялась. Через восемь лет Мюллер Вальде разыскал Бенуа в Париже и бросился к нему с криком: «Теперь я твердо убежден: ваша Мадонна – Леонардо!» Он обнаружил в Британском музее рисунки да Винчи, подтверждающие подлинность авторства прославленного итальянского мастера⁷.

К Берлину, А. Н. Бенуа чувствовал «некоторую нежность. Почти каждое путешествие за границу в последующие времена непременно начиналось и кончалось Берлином – и таким образом я перебивал в нем по меньшей мере раз двадцать, и вот каждый раз я с особенным удовольствием (иногда и без всякой нужды) в нем останавливался, причем меня к этому располагали не только чудесные музеи, но и (просто) удовольствие «побегать» по улицам...»⁸.

Другой музей, особо выделяемый Бенуа, Старая Пинакотекa в Мюнхене, хотя и была открыта для публики в 1836 г., удивила его интересными экспозиционными решениями. Она отличалась от привычных музеев того времени отсутствием среди экспонатов предметов прикладного искусства, старинной мебели, предметов интерьера, т. е. представляла собой художественную галерею в современном смысле этого слова. Старая Пинакотекa являлась результатом плодотворного сотрудничества двух специалистов: архитектора Лео фон Кленце и будущего первого директора музея Иоганна фон Диллиса. Размещенная в ней коллекция произведений мастеров от средневековья до середины XVIII столетия, включала полотна А. Дюрера, Рафаэля, Тициана, Рембрандта, П. П. Рубенса. Эти мастера пользовались особой любовью А. Н. Бенуа.

Из первой самостоятельной поездки в Германию Бенуа привез большое количество фотографий наиболее впечатливших его произведений искусства. Это снимки картин «Елисейские поля» и «В игре волн» А. Беклина,

многочисленные воспроизведения работ А. Менцеля, Ф. Ленбаха, Л. Рихтера, из которых впоследствии создавались целые альбомы. На этом материале потом «действительно учились и Костя Сомов, и Валечка Нувель, и Бакст, и оба Лансере⁹, и Дима Философов, и Сережа Дягилев»¹⁰ – все те, кто в 1897 г. примет участие в формировании художественного объединения «Мир искусства».

Вечер 20 октября 1896 года А. Н. Бенуа называл одним из «роковых» дней своей жизни. Он впервые оказался в Париже – мировой художественной столице той эпохи.

Если в молодые годы Бенуа сознательно избегал поездки в Париж, то к середине 1890-х гг. он, наоборот, искал возможность посетить этот город. Такой случай ему представился – княгиня М. К. Тенишева, хранителем картин которой он числился с 1895 г., командировала его для пополнения своей коллекции в столицу Франции.

Глава воспоминаний А. Н. Бенуа, названная «Парижский угар», как нельзя более точно характеризует настроения того времени. Он без устали посещает музеи, библиотеки и антикварные лавки, но чаще всего в Париже он бывает в Лувре, где, однако, не все приводит его в восторг. Так, «порядок развески картин <...> был <...> местами нелепый <...> но хуже было то, что и лучшие картины были покрыты густым слоем грязи или потускневшего лака, сквозь который краски едва просвечивали. Между тем никакая чистка картин не допускалась – и за этим строго следил весь художественный Париж. Не дай Бог, если кто-либо из хранителей дерзал подвергнуть ту или иную картину необходимому, самому элементарному освежению! В прессе и обществе поднималась тогда настоящая буря, раздавались вопли о вандализме, чуть ли не доходившие до парламентских запросов. Одну из таких бурь вызвало как раз очищение от грязи картины Рембрандта «Ученики в Эммаусе», хотя после некоторого отсутствия она снова, но уже в более обновленном виде, предстала перед публикой. Привыкнув к более благополучному состоянию картин в немецких музеях и в нашем Эрмитаже, я с недоумением знакомился с подобным проявлением ложно понятого пиетета и слепого консерватизма!»¹¹.

Знакомство с однофамильцем, Камиллом Бенуа – знатоком искусства, композитором и критиком, дарит Александру Бенуа замечательную возможность не только посетить музей ночью, но и прогуляться по его секретным коридорам и лестницам, подвалам и чердакам, часть из которых была отдана под запасные склады. «Хорош был наш Эрмитаж <...> но все же многие шедевры хранились именно в Париже <...> только в Париже можно было полностью изучить французскую живопись <...> только здесь я мог бы проверить, говорил ли правду Р. Муттер и другие передовые историки и критики, когда они ставили на первое место тех или иных художников»¹².

Через несколько недель по прибытии в Париж, А. Бенуа отправляется в Версаль. «Я не думал, что он до того грандиозен и в то же время исполнен какой-то чудесной меланхолии»¹³. Эти чувства он отобразит в ретроспективной манере в живописной серии «Последние прогулки короля». С особой красотой Версаля художник познакомил и своих друзей. С К. Сомовым и Л. Бакстом они вместе

работали в парке над набросками с натуры.

Весной 1899 г. у А. Н. Бенуа появилась возможность познакомиться «вживую» с произведениями заочно чтимых им английских художников.

Стоит отметить, что после «пересечения» Ла-Манша и посещения Британского музея и Национальной галереи, вкусы Бенуа значительно меняются. Он вспоминал, что в начале 1890-х гг. его «великой <...> симпатией пользовались английские «прерафаэлиты» (менее всего – Д. Г. Россетти, более всего – Дж. Э. Миллес и Х. Хант)¹⁴. После поездки в Великобританию восторги Бенуа по поводу творчества Братства прерафаэлитов становятся более сдержанными. Отдавая должное их заслугам, он признает, что не разделяет подобных художественных взглядов. В статье «Англичане прошлого века», написанной в Лондоне, он несколько разочарованно отмечал, что «в творениях Мэдокса Брауна, Гента и первых опытах Миллеза, положим, очень много поэзии и души, но совершенно недостаточно хорошей живописи!»¹⁵.

Воспоминания А. Бенуа о музеях позволяют исследователю не только получить живые свидетельства современника и отметить изменения в конкретных музеях за истекший с момента написания мемуаров срок, но и почувствовать эволюцию взглядов и вкусов самого А. Н. Бенуа.

Многогранная личность мемуариста притягивает внимание, поскольку он является ярким представителем своей эпохи. С помощью текста «Воспоминаний» мы можем приблизиться к наиболее полному пониманию и осмыслению многообразия художественных явлений рубежа XIX–XX вв. В этом контексте предоставляется возможность разрешить многочисленные, зачастую спорные вопросы о рождении новых форм при слиянии национальных культур и, как следствие этого, появления нового Художника, каким и предстает перед читателем А. Н. Бенуа. Рожденный в России, иностранец по происхождению, он вобрал в себя идеи разных эпох и поколений, все ценное, что составляло основу европейской художественной культуры от классики до современности и с блеском реализовал в своем творчестве идеи наднационального искусства.

¹ Бенуа А. Н. Мои воспоминания: В 5 книгах; В 2 Т. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1990. Т. 1. С. 514.

² Там же. С. 515.

³ Там же. С. 518.

⁴ Там же. С. 424.

⁵ «Мадонной Бенуа» картину назвал Э.К.Липгардт – хранитель картинной галереи Императорского Эрмитажа. Это название прижилось, хотя сам А. Н. Бенуа предлагал другой вариант: «Мадонна из дома Сапожниковых». Так картину называли в Берлине.

⁶ Современное название – Берлинская картинная галерея.

⁷ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 1. С. 423.

⁸ Там же. Т. 2. С. 203.

⁹ Имеются в виду братья Евгений и Николай Лансере. Николай Лансере не входил в

состав художественного объединения «Мир искусства».

¹⁰ *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 519.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 138–139.

¹² Там же. С. 135.

¹³ Там же. С. 120.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 517.

¹⁵ *Бенуа А.* Англичане прошлого века // Мир искусства, 1899. Т. 2. С. 9.

Н. Л. Данилова

Санкт-Петербургский государственный университет

**Выставочные павильоны Й. Хоффмана:
Вена (1908 г.), Кельн (1914 г.), Венеция (1934 г.)**

Йозеф Хоффман является одним из ярких представителей венской архитектурной школы конца XIX – первой четверти XX вв. Ученик Отто Вагнера, активный участник Венского Сецессиона, основатель Венских мастерских и Австрийского Веркбунда, Йозеф Хоффман был одним из ведущих архитекторов Вены того времени. Наследие мастера представляет собой яркий пример изменения общих стилевых тенденций в австрийской архитектуре. Первые работы Хоффмана относятся к национальному романтизму, позже тяга архитектора к простым и функциональным формам приводит к изменению его стиля в сторону своеобразного неоклассицизма, руководствующегося рационалистическими постулатами и общими тенденциями модернизации в архитектуре начала XX в. В качестве основополагающей идеи, важной для понимания произведений архитектора следует рассматривать концепцию *Gesamtkunstwerk* – целостного произведения искусства, трактующую архитектуру как средство коммуникации между экстерьером, интерьером и даже обитателями жилища, которые, по представлению художников того времени, должны были существовать в едином стилевом контексте.

Данная статья посвящена краткому анализу проектов Й. Хоффмана, созданных специально для проведения крупномасштабных европейских выставок современного искусства между 1908–1934 гг. Автор рассматривает три наиболее крупных выставочных комплекса архитектора, относящиеся к разным историческим периодам. Павильоны Хоффмана позволяют проследить тенденции изменения принципов организации выставочного пространства в европейской архитектуре первых десятилетий XX в: венский павильон создан во время расцвета империи, кельнская выставка состоялась после начала первой мировой войны, венецианский павильон демонстрирует изменение принципов строительства в период между двумя мировыми войнами. Основопологающей целью исследования

является анализ подхода Хоффмана к организации выставочного пространства и выделение определенных этапов в изменении позиции архитектора.

Венская «Kunstschau» 1908 г. является одним из первых опытов архитектора в проектировании выставочного павильона. Крупномасштабная выставка, представлявшая работы 179 мастеров в 54 помещениях, стала знаковой встречей творческих сил Австрии. Один из крупнейших исследователей творчества Хоффмана Э. Зеклер приводит высказывание современника: «передовые художники нашего времени преподносят нам жизнь, пропитанную искусством. Передвигаясь по выставочному пространству, посетители оказываются в помещениях, отсылающих к различным бытовым реалиям, в которых проводит свою жизнь современный человек – например, кладбище, театр в саду, кафе, дом. При этом обычная пространственная реальность преподносится как реальность эстетическая»¹.

В плане здание представляет собой цепь помещений, замкнутых в квадрат с многочисленными пристройками и небольшим двориком в центре. Типологически и композиционно такое решение не является чем-то новым, внимание следует уделить скорее методам декоративной обработки поверхности, которые использует Хоффман. Этот метод можно определить как «сверхграфику», то есть попытку сделать искусство «читаемым». Эффект достигается частично при помощи традиционных форм, иконография которых понятна посетителям (например, гробница пирамидальной формы), а также при использовании символических и аллегорических обозначений (надписей, рисунков), «сверхграфичность» определяет добавочную нагрузку архитектуре как коммуникативному средству, «путеводителю» по выставке.

Иной способ организации пространства, в рамках которого происходит общение посетителя с экспонируемыми объектами, представляет собой павильон Австрии на выставке немецкого Веркбунда в Кельне (1914 г.). Немаловажно отметить серьезность задачи, стоявшей перед Хоффманом – в условиях начавшейся войны необходимо было показать, что австрийские художественные объединения продолжают активно работать и в этих условиях. Кельнская выставка стала последней австрийской экспозицией, демонстрирующей культивируемое высшими слоями общества рафинированное искусство, стремление к «дорогой простоте». Послевоенная действительность полностью меняла контекст, художникам и архитекторам приходилось отказываться от устоявшихся привычек, и приспосабливаться к реалиям новой жизни.

Павильон был создан в плодотворный период творчества мастера в рамках широко распространенных в этот период тенденций к широкому использованию классических форм и ордера. При этом трактовка Хоффмана не является привычной или заимствованной, он достигает поразительного воздействия при помощи простейших средств. Фасад состоит из тесно стоящих пилонов с каннелюрами, которые, не имея базы и капители, держат тонкий карниз и фронтоны. Классическая тектоника здесь полностью игнорируется, создается новое ощущение, «революционный классицизм» или «классическая

абстрактность»². В интерьере преобладают два цвета – черный и белый, что помогает сосредоточить внимание на экспонируемых предметах. Архитектура, отвергая свою первостепенную роль, уходит на задний план и заставляет зрителя отключиться от контекста, оказываясь один на один с экспонатом.

Эта революционная трактовка назначения «павильонной» архитектуры знаменует собой начало новой эпохи, когда простота построения пространства лишь в качестве необходимой оболочки, становится ключом к восприятию самого объекта.

Следующей ступенью является трансформация внешнего облика выставочного помещения. Как совершенно правильно замечает К. Ягер, павильон Хоффмана для Венецианской биеннале 1934 г. является предвосхищением типичного художественного пространства («Kunstbox») XX века³. Вопреки кинетике и симметрии, Хоффман изобретает до сих пор актуальную эстетику художественных выставок, которая держится на вневременной простоте концепции и экономности в использовании художественных средств.

Архитектор работает исключительно над внешним оформлением павильона, не выстраивая прямых связей с интерьером, который представляет собой стерильно белое пространство. Центральный просвет во всю высоту здания делит постройку на два симметрично расположенных фрагмента. Восприятие оживляют горизонтальные линии, покрывающие поверхность блоков. Масса боковых частей не кажется зрителю давящей или тяжелой благодаря пространственному центральному разделению и прозрачной застекленной галерее на крыше здания. Венецианский павильон является единственным из дошедших до нашего времени выставочных сооружений Хоффмана и используется до сих пор, что лишний раз подтверждает его современность и актуальность.

Таким образом, анализ развития концепции выставочного павильона на примере трех работ Й. Хоффмана первой трети XX в. позволяет говорить о том, что строительство выставочных сооружений является наглядным примером изменения роли архитектуры как непосредственного участника выставки, а рассмотренный период является революционным в использовании пространства и различных способах его интерпретации. Важным для дальнейших исследований является момент изменения представлений Йозефа Хоффмана о методах организации выставочного пространства. В течение тридцати лет подход архитектора постепенно трансформировался от *Gesamtkunstwerk*'а (где выставка начиналась еще до прямого контакта посетителя с художественным объектом) к архитектурной оболочке, которая может рассматриваться или как «коробка для искусства», или в качестве самостоятельного произведения, ресурсы которого привлекаются или игнорируются в зависимости от ситуации.

¹ *Sekler E. Josef Hoffmann: Das architektonische Werk. Salzburg; Wien, 1986. S. 116–117.*

² *Ibid. S. 160.*

³ *Jager C. Österreichische Architektur des 19. Und 20. Jahrhunderts. Wien; Graz, 2005. S. 257.*

А. А. Тетеревкова

Санкт-Петербургский государственный университет

Выставочная жизнь Санкт-Петербурга – Петрограда в начале XX века

В XIX веке художественная жизнь Санкт-Петербурга определялась волей Императорской Академии художеств. Подавляющее большинство художников находилось в зависимости от распределяемых Академией официальных заказов и от положения, отведенного им в академической иерархии. Ежегодные академические выставки фактически исчерпывали панораму выставочной жизни столицы и являлись причиной кризиса в русском искусстве, обусловленного противоречием между авторитарно установленным государственным художественным распорядком и потребностями зарождающегося рынка искусства.

В процессе развития художественного рынка и поиска новых организационных форм выставочной деятельности в начале XX века серьезная роль принадлежит С. П. Дягилеву (1872–1929 гг.), который сумел возвести в принцип сочетание эстетической цельности экспозиции с продуманной коммерческой тактикой. Организованные Дягилевым выставки «Русских и финляндских художников» (1898 г.) и журнала «Мир искусства» (1899–1903 гг.), не только послужили для современников образцами высокого вкуса, но и стали заметным шагом вперед в художественно-экспозиционной практике.

С середины 1890-х гг. С. П. Дягилев фактически возглавлял объединение «Мир искусства», ядро которого составили выпускники частной гимназии К. И. Мая: А. Н. Бенуа, Д. В. Filosofov и В. Ф. Нувель, которые стремились к синтетическому восприятию явлений культуры. Позже к ним примкнули Л. С. Бакст, Е. Е. Лансере, А. П. Нурок и К. А. Сомов. Эстетическая платформа организованного весной 1898 г. журнала «Мир искусства» основывалась на полемике с двумя основными тенденциями в русском изобразительном искусстве XIX века – академизмом и передвижничеством. Им противопоставлялась идея синтеза искусств и ретроспективизм, основанный на многообразном использовании историко-культурного опыта. Важнейшей составной частью программы мирискусников было требование индивидуальности художественного

творчества, что побуждало их привлекать к сотрудничеству видных мастеров, принадлежавших к различным направлениям.

В январе – феврале 1899 г. в музее барона Штиглица состоялась первая художественная выставка журнала, в которой участвовали Л. С. Бакст, А. Н. Бенуа, А. М. Васнецов, А. Я. Головин, К. А. Коровин, И. И. Левитан, С. В. Малютин, Ф. А. Малявин, М. В. Нестеров, В. Д. Поленов, В. В. Переплетчиков, И. Е. Репин, Ф. Э. Рушиц, К. А. Сомов, В. А. Серов и др. В 1900–1903 гг. в Петербурге состоялись ещё четыре выставки журнала (четвёртая экспонировалась и в Москве). В них в общей сложности участвовало более 60 художников, а в 1902 г. произведениями мирискусников экспонировались в русском отделе Международной выставки в Париже. В 1902–1903 гг. при деятельном участии группы в Петербурге был организован постоянный салон «Современное искусство», в котором демонстрировались ювелирные изделия, майолика, фарфор, образцы стильной мебели, декоративные панно, интерьеры. В 1903 г. при содействии Дягилева мирискусники с большим успехом участвовали в выставке русского искусства в парижском Осеннем салоне, которая затем экспонировалась в Берлине и Венеции. Данный факт отображает ту огромную роль, которую сыграл «Мир искусства» в признании русского искусства на мировом уровне.

Один из организаторов объединения «Мир искусства», художественный критик и историк искусства А. Н. Бенуа (1870–1960 гг.) утверждал, что организация первых выставок «Мира искусства» была продиктована не столько соображениями «идейного порядка», сколько «практической необходимостью»¹. Это положение Бенуа объясняет следующей ситуацией в художественной жизни России в конце XIX века: «Целому ряду молодых художников некуда было деваться. Их или вовсе не принимали на большие выставки – академическую, передвижную и акварельную, или принимали только частично, с браковкой всего того, в чём сами художники видели наиболее явственное выражение своих исканий»².

Итак, перед нами уникальный факт объединения под сенью молодой художественной организации столь разных по идейным установкам и творческим направлениям художников. Объяснение этой ситуации А. Бенуа видит в осознании необходимости разрешения глубочайшего кризиса русской художественной жизни в конце XIX века, вызванного господством в ней реалистических школ во главе с Академией художеств и Товариществом передвижных художественных выставок.

В начале XX века столичная художественная жизнь определялась двумя факторами: государственной волей, проводником которой служила консервативная Академия художеств, и деятельностью всевозможных художественных объединений (кружков и обществ), число, и влияние которых возрастало. При этом важно, что развивалась и законодательная база, относящаяся к деятельности профессиональных общественных объединений.

Важнейшей чертой художественной жизни в рассматриваемый период является то, что различные организации, как правило, становились проводниками определенных идейно-эстетических программ, которые соответствовали творческим устремлениям участников и находили отражение

в уставах, декларациях и манифестах. Наряду с этим они нередко вели учебно-образовательную, музейную, издательскую и просветительскую работу, занимались благотворительной деятельностью, устраивали публичные и закрытые клубные мероприятия.

Широкую картину выставочной жизни Петербурга в 1916 году можно представить, принимая во внимание деятельность многочисленных обществ и художественных организаций, основной целью которых часто была выставочная практика. В этот период в Петербурге действовало более двадцати различных творческих объединений, кружков и выставочных организаций. В том числе: Общество поощрения художеств (1820–1929 гг.), Товарищество передвижных художественных выставок (1879–1922 гг.), Санкт Петербургское общество художников (с 1914 – Петроградское общество художников) (1898–1918 гг.), «Мир Искусства» (1898–1924 гг.), Внепартийное общество художников (1912–1917 гг.), Еврейское общество поощрения художеств (1915–1919 гг.), Кружок «Зелёная птица» (1915–1917 гг.), Общество «Зритель» (1912–1914 гг.) и т.д. Ежегодно проводились Весенние выставки в залах Императорской Академии художеств (1897–1918 гг.).

Как правило, петербургские художественные объединения не имели собственных выставочных залов. Наряду с залами Общества Поощрения Художеств (дом на Большой Морской ул., 38) и Академии художеств выставки проводились в Музее Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штигилица (Соляной пер., 13); Таврическом дворце; залах Академии наук; залах Высших женских (Бестужевских) курсов (Сергиевская ул., ныне ул. Чайковского, 7); залах бывшей Государственной типографии (Инженерная ул., 2); особняке З. И. Юсуповой (Сумароковой-Эльстон) (Литейный пр., 42); доме Салтыкова (Дворцовая наб., 12); доме Армянской церкви (Невский пр., 42); магазине «Пассаж» (Невский пр., 48); доме Шведской церкви на Большой Конюшенной; и т.д.

Выставки устраивались в различных государственных учреждениях, частных особняках и коммерческих заведениях. Помимо этого для начала XX века характерно появление ряда салонов и художественных бюро. По существу, первой петербургской художественной галереей стало Художественное бюро Н. Е. Добычиной, которое открылось в октябре 1911 г. и ставило целью посредничество между художниками и публикой по сбыту произведений искусства. С октября 1913-го по апрель 1914 г. оно располагалось на набережной р. Мойки, 63. Здесь была открыта «Постоянная выставка современного искусства», устраивались групповые и персональные выставки. В ноябре 1914 г. бюро обосновалось на втором этаже дома Адамини (Марсово поле, 7), в подвале которого позже открылось знаменитое литературно-артистическое кабаре «Привал комедиантов». Наряду с «Постоянной выставкой» в бюро состоялись посмертная выставка Я. Ф. Ционглинского (1914 г.), большая выставка картин Н. С. Гончаровой (1914 г.), «Выставка левых течений в искусстве» (1915 г.) и «Последняя футуристическая выставка картин 0,10», выставки объединения

«Мир искусства» (1915–1917 гг.), ряд благотворительных выставок. Здесь же проводились театральные выступления, музыкальные концерты и литературные вечера.

Тот факт, что столь значительное количество помещений в рассматриваемый период активно использовалось в качестве экспозиционного пространства, говорит о широте и разнообразии выставочной деятельности накануне переломных событий 1917 г.

В декабре 1915 – январе 1916 г. состоялась «Последняя футуристическая выставка картин 0, 10 (ноль – десять)». Под условным термином «футуризм» русская пресса тех лет понимала обычно все «крайние» течения искусства, начиная кубизмом и кончая супрематизмом К. Малевича и контррельефами Татлина. На выставке доминировали супрематические работы К. Малевича (около 40 работ, в том числе «Чёрный квадрат») и его последователей – Клюна и Менькова. Экспонировались также и другие образцы беспредметного творчества.

Название «Последняя футуристическая выставка» символизировало завершение кубо-футуристического периода в русской живописи и переход к новому этапу её развития, который устроители связывали с беспредметничеством. В основу названия «ноль – десять» легла идея Малевича о сведении всех предметных форм к нулю и переходе «за ноль», развитая в его первой декларативной брошюре «От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм», выход которой был приурочен к открытию выставки. На выставке распространялась брошюра А. Е. Крученых, И. В. Клюна и К. С. Малевича «Тайные пороки академиков» с декларативным утверждением новых живописных и поэтических методов, а также листовка с декларациями Малевича, Менькова, Клюна и совместной декларацией Пуни и Богуславской, в которой провозглашалась «свобода предмета от смысла»³.

Выставка вызвала заметный общественный резонанс и стала одним из важнейших художественных событий рассматриваемого периода. Одним из оппонентов футуристов был А. Н. Бенуа, чьи регулярные выступления в прессе в начале XX века рисуют нам широкую картину художественной жизни России. Статья А. Н. Бенуа «Последняя футуристическая выставка»⁴ отличается обилием рассуждений о современном состоянии культуры. Представленные работы, манифесты, провозглашающие принципы нового искусства, оформление выставки и даже её название становятся для художника отражением глобального общечеловеческого кризиса. В известных исторических условиях слова художника, сказанные в январе 1916 г., звучат пророчески. «Как нужно понимать слово «последняя» выставка футуристов?», – спрашивает он. «Уж не признаются ли сами устроители, что пора ликвидировать дело, уж не бегут ли они сами от мороза? Или же прорицают, что вообще настали «последние» времена и что ещё до следующего сезона должен наступить «общий финал»⁵.

Таким образом, впечатления от конкретной выставки вызывают у художника рассуждения обобщённого характера, которые охватывают проблемы не только искусства и культуры, но и всей современной ему цивилизации, насквозь пронизанной ощущением кризиса старого мира. Стремление футуристов к

«исчезновению вещей», к «нулю форм», к резкому опровержению авторитетов классиков мировой культуры А. Н. Бенуа называет «знамение времени»⁶.

Богатая выставочная жизнь в Петербурге в 1910-х гг. является результатом активного развития выставочной деятельности в конце XIX – начале XX века, одну из центральных ролей в котором сыграло объединение «Мир искусства». Революция 1917 г. резко оборвала сложившиеся в этот период выставочные традиции и явилась результатом исчезновения большинства художественных объединений. Таким образом, обзоры петербургских выставок 1916 г. позволяют подвести определённые итоги целой культурной эпохи.

¹ Бенуа А. Н. Выставка «Современной живописи» // Речь. 1916. № 332. С. 2

² Там же.

³ Золотой век художественных объединений в России и СССР / Составители Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. – СПб.: Издательство Чернышева, 1992. С. 150.

⁴ Бенуа А. Н. Последняя футуристическая выставка // Речь. 1916. 9. № 8. С.2.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Е. А. Сылова

Санкт-Петербургский государственный университет

Петербург как город-музей в романе А. Белого и в современной сценической интерпретации.

Петербург является главным «героем» произведения Андрея Белого и единственным образом, избавленным автором от иронического подтекста. Петербург – это столица России, зеркало, отражающее ее сущность. Одновременно он оказывается символом, который наиболее ярко и экспрессивно содержит в себе идею грандиозных противоречий, во власти которых оказался весь человеческий род. Поэтому и город в романе живёт как бы двойной жизнью – с одной стороны, парадный блистательный Санкт-Петербург, город-музей под открытым небом, с другой – город обреченный, город-экспонат, лишённый жизненной энергии и потенциала, в котором обитают либо чиновники с мумифицированными душами, либо безликие тени города.

Сам автор писал о своем романе: «<...> подлинное место действия романа – душа некоего не данного в романе лица, переутомленного мозговою работой, а действующие лица – мысленные формы...»¹. Так случилось, что Россия, оказавшаяся между двух противоположных «миров» Запада и Востока, в XX веке стала местом «разрыва тканей»: противоречия вылезли на поверхность, проникли всюду.

Достаточно четко в романе можно выделить систему контрапунктов, которые являются своеобразными лейтмотивами – характеристиками каждого из образов в романе. Эту систему противоречий заключает в себе образ Петербурга как главного героя романа. На этих контрастах построено все произведение, они проникли как в идейную, так и в поэтическую сферу. Они взаимосвязаны между собой и порождают друг друга. Противопоставляются в романе следующие характеристики: *Восток-Запад, реальное - нереальное; земной - потусторонний мир; настоящее - прошлое; старость - молодость; линия - круг; деталь - хаос, бездна; плоскость - пространство; блеск, лоск - пыль, слякоть; зеркало - муть; центр, точка - бездна; холод - тепло, мужское - женское начало.*

Все лейтмотивы объединяет одно: источник появления этих противоречий

– нарушение равновесия, гармонии, которое происходит вследствие подмены оценочных критериев: добра и зла.

Своим романом Белый как бы подводит итог петербургского периода русской истории. Насколько прозорлив оказался автор: через десятилетие Петербург перестанет быть столицей. Белый в своём романе представляет абсолютно иное видение Петербурга, переосмысливая опыт, накопленный до него. Традиция изображения города в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского преломляется у Белого. Хрестоматийно известны экскурсии по местам литературных героев, существуют целые маршруты, например, по Петербургу Достоевского. Чтобы случилась такая экскурсия по городу Белого, надо быть отчаянным и отважным человеком – топографическая достоверность в романе отсутствует. Белый упоминает реально существующие объекты: Зимнюю канавку, Летний сад, домик Петра, Николаевский мост, Литейный, – но они становятся деталями-символами. Для него важно создать образ города, наполненного определенными местами, которые являются локусами иного мира: в Летнем саду обитают нимфы и сатиры, в Учреждении – кариатида-бородач и т. д. Для Белого Петербург – организм, сводящий с ума, здесь всегда холодно, вместо солнца всегда луна, прямые линии проспектов заполнены людской многоножкой. Все мутное, блеклое, грязное – в противовес столичной пышности, но и она рисуется в самых мрачных тонах. Так, в Летнем саду: «статуи поукрывались под досками; серые доски являли в длину свою поставленный гроб; и обстали гробы дорожки; в этих гробах приютились легкие нимфы и сатиры, чтобы снегом, дождем и морозом не изгрызал их зуб времени, потому что время точит на все железный свой зуб; а железный зуб равномерно изложет и тело, и душу, даже самые камни»². Невский проспект автор сравнивает с геенной огненной: «всюду десятки, сотни адских огненных пастей: эти пасти мучительно извергают на плиты ярко-белый свой свет; мутную мокроту изрыгают они огневою ржавчиной. И огнем изгрызан проспект»³.

Жители этого города ему под стать: все они экспонаты – безликая людская многоножка и сановники-роботы. На Невском «многотысячные рои котелков вставали как волны. С улицы покатались навстречу им лаковые цилиндры... Носы протекали во множестве: нос огромный и нос петушиный, утиный нос, куриный; и т. д...»⁴. Этот прием встречается впервые у Гоголя в «Невском проспекте» и во многом сопоставим с манерой кубистов и сюрреалистов расчленять натуру на части. Петербуржцы безлики, они вовлечены в вечное движение по прямолинейным проспектам города, который превращает их в тени.

Существам из крови и плоти Белый противопоставляет существ из камня и меди. Мифические герои наделяются разумом, являются полноценно существующими, равноправными жителями этого города. Таким образом, индивидуальная *деталь* (кариатида-бородач, Медный всадник) противопоставлена *хаосу* (циркулирующей людской многоножке).

Кариатида в отличие от «монотонно, медлительно, мертвенно» текущих котелков осознает грядущую катастрофу – ей хочется кричать от отчаяния, хочется распасться, «крываясь осколками» от безысходности.

Важнейшим жителем Петербурга является Медный Всадник – образ, рожденный поэмой Пушкина. Двойственность Петербурга отражается и в облике Медного Всадника, созданном Белым: «Металл лица двоился двусмысленным выражением...»⁵. Белый провозглашает Петра виновником тех противоречий, который разрывают плоть России: «С той чреватой поры... как он бросил коня на финляндский гранит – надвое разделилась Россия; надвое разделились и самые судьбы отечества». По Белому, единственный выход для России – это «прыжок над историей» и «великое волнение», когда повторится не только Цусимское сражение, битва на Калке, но и Куликовская битва.

Жители города – это его порождение, а их жилища – Петербург в миниатюре, блистательный, как дворцы, или убогий, трущобы на болотах. Так, например, дом главного героя Аполлона Аполлоновича Аблеухова своей идеальной чистотой напоминает музей, прямолинейные коридоры сродни улицам города, а нумерованные полочки шкафов напоминают порядок европейской столицы России. Петербург, согласно сложившейся мифологеме, – «головной» город, и Аполлон Аполлонович – головной человек. У него-то в голове (как и в городе) и поселился бред. Давно заведённый порядок не спасает его. Душа Аблеухова-старшего зазеленела, точно её продуло ветром, бушующим на невских просторах. Душа «простужена» и зазеленела почти у всех героев романа – у Дудкина, у Николая Аполлоновича – они порождения Петербурга и его создателя.

Театральный режиссёр А. Могучий точно угадывает возможную параллель с городом-музеем и ставит свой спектакль во дворе Михайловского замка, тоже музейного пространства. Он отваживается провести экскурсию по Петербургу А. Белого, предоставляя даже гидов. В самом начале зрителей размещают в кабинки по 9 человек в каждой – там они «наслаждаются» созерцанием красного занавеса, который находится прямо перед глазами, и внимают голосу артиста Александринского театра Н. Мартона (он является также исполнителем роли А. А. Аблеухова), с упоением произносящего первые строки романа. Его бархатистый голос оказывает гипнотическое действие, и зритель постепенно совершенно забывает о своем желании узнать, что же скрывает занавес. Однако через какое-то время, к удивлению всех обитателей кабинок, красные материи убирают, и перед глазами предстают изумленные глаза других посетителей этого действия, сидящих по другую сторону сцены. Художник-постановщик А. Шишкин выстраивает кабинки в две линии, одна против другой. Их разделяет лишь эта своеобразная сцена/дорога/стол метра два в ширину и метров десять в длину. На ней незамедлительно начинается действие: идет процессия, состоящая из фарфоровых кукол, католических священников, разнообразных уродов в банках и без (аллюзия на Кунсткамеру), карликов в исторических костюмах, которые тащат за собой эсминцы, кораблики и прочую технику на колесиках. Эта та «людская многоножка», о которой писал Белый – монотонная, безликая, страшная, омерзительная. Все это движется под аккомпанемент хора и оркестра, расположившихся на крышах кабинок – девушки в русских народных костюмах исполняют на разные голоса (чаще всего пронзительно-омерзительные) оды

Державина, григорианские хоралы, духовные стихи (музыкальное оформление А. Маноцкова). Им аккомпанируют одетые в спецодежду музыканты. Таким образом, за пять минут перед зрителем протекает «река времён» города Петербурга – различные его мифы и порождения. Затем ватерклозетчики, спрыгнувшие с крыш кабинок (своеобразные «демиурги», сошедшие с небес?) инсценируют основание города, высыпая тяжелые мешки с песком и поливая все это водой. Они месят своими ногами в огромных сапогах эту глинообразную массу – почву будущей столицы (думается, что песок – это еще и некая отсылка к спектаклю 1925 года, в котором в бомбе оказывался именно песок). Эта «первичная субстанция» на сцене-проспекте отсылает и к образу столицы на болоте, и к обстановке грязи и слякоти, царящей в романе (равно как и в самом городе-прототипе).

Действие идет сплошным «текстом» непрерывно. Кажется, будто кто-то поставил каждый из кадров на многократный повтор. Так, перед зрителем проходит галерея экспонатов Петербурга Белого.

Этот кроваво-красный накал страстей заканчивается взрывом – вдруг зрителей оглушает реактивный гул, кабинки разъезжаются в разные стороны, обнажая пространство Михайловского замка, которое после часового существования в сцене-кабинке кажется необъятным, однако едкий дым клубами тут же заволакивает это пространство, не давая развиваться агарофобии. А далее следует продолжение экскурсии – эпилог в замке. Зрители заходят в еще недавно отреставрированную цитадель Павла I. Там им невозможно потеряться – они идут по маршруту, который указывают заблаговременно расставленные по комнатам экскурсоводы. Это уже вторая «людская многоножка» в спектакле, которую формируют сами зрители. В каждой комнате вновь разыгрываются многократно повторяющиеся сцены – неудачная попытка самоубийства Лихутина, разговор Липанченко и Дудкина и др. В предпоследнем зале на полу расставлено несколько сотен будильников, которые по очереди дребезжат, а Николай Аполлонович пытается их выключить. В этом зале всем показывают на портрет первого революционера на троне – на портрет Петра Великого – получается своего рода «экскурсия» не только по страницам романа, но и по страницам русской истории с указанием ключевых моментов. В последнем зале на клеенке неподвижно лежат все действующие лица – они нашли покой в этом здании, которое оказалось роковым местом и для своего хозяина.

Совершив экскурсию по замку, участники снова оказываются во дворе – там сцена-проспект уже превратилась в стол, накрытый белой скатертью и гранеными стаканами с водкой. Желаящие могут помянуть персонажей? или Павла? или Россию?!

Так заканчивается спектакль А. Могучего. Неоспоримым достоинством этого своеобразного «перформанса» является то, что режиссер задействовал все чувства зрителей: спектакль воспринимается и визуально, и на слух, и на ощупь, и даже обоняние, и вкус оказываются включенными в его восприятие (едкий запах дыма в конце основной части, водка в финале). Это, безусловно, соответствует художественному синтезу романа Белого. Однако некоторые важнейшие темы оказались неосвещенными и не нашли никакого отражения в спектакле: образ

России, Медный всадник, образ Белого домино и отнюдь не пессимистичный финал романа – все это оказалось не затронутым создателями, и, естественно, выпало из общей канвы.

Сама идея спектакля в целом и характерные детали – например, коса Варвары Евграфовны или исполнение роли Шишнарфне женщиной (Татьяной Кулик) является свидетельством того, что режиссер во главу угла поставил воссоздание химерической, фантазмагорической и тревожной атмосферы этого многогранного и неоднозначного романа.

В заключение стоит отметить, что герои А. Белого находят покой за пределами Петербурга, таким образом, город-музей оказывается приятен лишь на расстоянии. Герои же А. Могучего в сценической версии романа остаются в «музее» как экспонаты. Однако и в романе, и в его интерпретации в городе начинается новый этап – уже лишь культурной столицы.

¹ Белый А. и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 35.

² *Белый А.* Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. СПб., 2004. С. 142.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Там же. С. 99.

А. А. Помитун

Юсуповский дворец
(Учреждение культуры «Санкт-Петербургский Дворец Культуры
работников просвещения»)

Опыт организации культурных программ в музейном пространстве Юсуповского дворца

Дворец князей Юсуповых на набережной реки Мойки, 94 – уникальный памятник дворянского быта, особняк и городская усадьба, ансамбль, один из немногих сохранившихся в Петербурге. С 1830 г. он принадлежал одной семье и был любимым домом в Санкт-Петербурге. Дому на Мойке изначально было суждено стать столичной резиденцией самой богатой семьи России. Дворец постигла счастливая участь, удалось избежать разграбления, тотального разрушения времен Великой Отечественной войны. В 1925 г. он был передан педагогической интеллигенции Ленинграда и стал центром ее профессионального и творческого общения. Дворец взят государством под особый надзор как памятник истории и культуры федерального значения. Благодаря осуществлению целенаправленной научно-реставрационной программы, в Юсуповском дворце в наши дни открыты для обозрения парадные апартаменты бельэтажа, анфилада залов картинной галереи, несравненный по красоте домашний театр, так называемая жилая половина родителей, комплекс бывших частных комнат Феликса Юсупова, в которых создана историко-бытовая экспозиция «Убийство Григория Распутина». Ныне деятельность осуществляется в различных направлениях, и одно из них – организация культурных программ.

Юсуповский дворец – не единственная площадка, где проходят подобные мероприятия. Большой выбор залов в «дворцовом вкусе» обусловлен востребованностью данного направления в целом, свидетельством чего может служить строительство фешенебельных зданий и ресторанов, стилизованных «под старину». Наиболее известные и престижные залы располагаются в бывших великокняжеских дворцах, особняках высших сановников имперского Петербурга, представителей дворянских фамилий.

Как правило, предлагаются две программы «классическая» и «фольклорная». Костюмированные пары, исполняющие роль владельцев особняка, приглашают гостей начать путешествие в «век минувший». Непременная часть программы – концерт классической музыки или театрализованное представление, возможна организация балльной программы, демонстрация и исполнение танцев, популярных в XIX веке. На стол подаются закуски и блюда традиционной русской и европейской кухни, звучат рояль, арфа или выступает камерный ансамбль – все это призвано оставить в памяти свидетеля яркий незабываемый образ театрализованного торжества, вызвать в сознании гостя ощущение сопричастности к русской дворянской культуре, к отечественной истории.

В этой нише особенное место занимает Юсуповский дворец, княжеская усадьба в аристократическом районе старого Петербурга. Усадьба князей Юсуповых сохранила практически нетронутыми формы и границы середины XIX столетия. За главным фасадом от набережной до улицы Декабристов простирается территория, занятая бывшими усадебными флигелями, парком, хозяйственным двором и Парадным двором, отделенным от основного усадебного пространства величественной колоннадой 70-х гг. XVIII в., возведенной по проекту Ж.-Б. Валлен-Деламота. Парадный двор делает возможным организацию мероприятий развлекательного характера, ведь ограничений в этой зоне существенно меньше: зрелищные презентации, огненное шоу, фейерверки, концерт балета на льду, концерты со сложной сценографией, требующие продолжительной подготовки (установка свето-, звукового оборудования, декораций).

При владельцах во Дворе и в саду регулярно устраивались праздники. 24 июля 1849 г. князь Борис Юсупов отпраздновал в саду свои последние именины, о чем остались воспоминания современника: «Князь вышел благодарить собравшихся и вечером увидел весь сад освещенным. Беседка в виде храма на возвышении озарялась гербом князя, и под вензелем его в транспоране блистала простая надпись: «Нашему господину и благодетелю». Звуки домашнего оркестра под навесом древ привлекали толпы гуляющих в сад и к решетке и не умолкали до позднего вечера»¹.

Также использовалась акватория реки Мойки напротив главного фасада, тем более что в непосредственной близости от Главного входа в гранитной набережной устроен спуск к воде. На старинной акварели В. С. Садовникова (1856 г.) мы можем видеть пример подобной иллюминации. В наши дни мероприятия во Дворе и на набережной могут рассматриваться как продолжение дворцового торжества или как самостоятельное событие под открытым небом на фоне грандиозной архитектурной декорации.

Ключевым местом для проведения мероприятий остается именно Дворец. Его пышное убранство говорит о придворном статусе постройки, предназначенной для проведения балов и приемов. Структура дворца изначально подразумевала организацию массовых мероприятий, и функциональность в расположении и оформлении залов занимает не последнее место. По воспоминаниям князя Феликса Юсупова, на бал порой съезжались до 2 000 гостей, и для них накрывали

столы в залах картинной галереи². В этой связи, современная практика органично вписывается в исторический контекст. Композиция дворцовых интерьеров, наличие домашнего театра, концертного зала, залов домашнего музея, сохранивших подлинное убранство, а также экспозиции «Убийство Григория Распутина» позволяет сочетать просветительскую деятельность (экскурсии, детские программы) с театрально-зрелищными мероприятиями (Гала вечер, Петербургский вечер, спектакли-променады, концерты в честь Дня Учителя, памятных дат Великой Отечественной войны и проч.), а также участвовать в значимых городских событиях и фестивалях.

Особый статус памятника истории и культуры федерального значения накладывает серьезные ограничения на деятельность, осуществляемую в стенах Дворца. Организация культурных программ – взаимодействие со всеми Службами Дворца и неукоснительное выполнение означенных ими инструкций и правил, а также ответственность за ознакомление и выполнение правил внутреннего распорядка персоналом привлеченных заказчиком компаний. Художественные интерьеры и экспозиции поделены на две зоны: зона многоцелевого использования и зона музейного использования, посещение которой в вечернее время возможно только в сопровождении экскурсовода, в иных случаях залы музейной зоны подлежат закрытию, постановке на сигнализацию и опечатыванию печатью Управления Главного хранителя. Один из элементов подготовки мероприятия – составление детальной программы, с указанием времени прибытия гостей, графика их перемещения, перечня задействованных залов и описанием действия, производимого в них. Программа выстраивается таким образом, чтобы исключить свободное передвижение гостей по залам Дворца.

Телесъемки на территории музейного объекта – наиболее трудоемкий и ответственный процесс. Съемочная бригада обязана предоставить разрешение КГИОП и Управления пожарной охраны. Монтаж любого оборудования допускается при соблюдении дистанции 0,5 м от стен, колонн, предметов интерьера во избежание механического травмирования и чрезмерного нагрева. Последнее несет угрозу покрытию искусственного мрамора и золочению, поэтому в ходе мероприятия проводится строгий контроль над температурой воздуха. Если лампы искусственного света, в просторечии именуемые «холодный свет», относительно безопасны, то лампы электрического накаливания дают ощутимый нагрев.

Как известно, для получения качественного изображения в кадре необходимо грамотно «выставить свет». Особенно сложно работать в Домашнем театре, который отличает компактность и даже теснота, насыщенность декоративными элементами, требующими бережного отношения. Перед началом работ заполняется акт сохранности интерьера, фиксируются имеющиеся сколы и повреждения. Так как съемки даже короткого эпизода длятся порой по 7–9 часов, то особая забота – присутствие многочисленного технического персонала и массовки, поэтому необходимо предусмотреть ознакомление с правилами поведения в музейных интерьерах, места отдыха и питания.

В Юсуповском дворце проходят разные по типу культурные программы. Дворцовые интерьеры более располагают к проведению театрально-зрелищных и концертных программ, но проводятся также конференции и презентации. Деловые встречи часто сопровождается установка дополнительного звукового оборудования (микрофоны, колонки, лингафонные кабины и т. п.). Не менее ответственная задача – следить за правильной установкой громоздких штативов и моноподов.

Дворец носит характер эксклюзивности, в программах пребывания групп в Петербурге Дворец выбирают в качестве места проведения завершающего гала-вечера или встречи гостей на высшем уровне, так называемых «протокольных» мероприятий при участии губернатора, членов правительства Санкт-Петербурга и Российской Федерации. Вопреки бытующему мнению, высокий статус мероприятия и присутствующих ни в коем случае не отменяет существующие нормы и правила. Обязательным пунктом программы становится знакомство с историей Дворца и его владельцев, показ художественных интерьеров и экспозиции «Убийство Григория Распутина». В таком свете театрально-зрелищные мероприятия и культурные программы имеют преимущество перед экскурсионным обслуживанием. Появляется возможность в полной мере раскрыть назначение, роль интерьера в структуре ансамбля, дать расширенное представление о жизни дворца, на время «оживить» закрытое для понимания современного обывателя пространство, а также распространить знание о русской культуре и искусстве среди россиян и иностранцев.

Важно отметить, что обилие особняков, сохранивших архитектурное убранство жилого интерьера, составляет специфику Петербурга, делает город особенным в сравнении с другими городами России, в том числе с Москвой и обогащает образ Петербурга как европейской столицы государства. Таким образом, сама деятельность по проведению мероприятий по-своему выражает концепцию «западничества», органично вписывается в представление о Петербурге как о проводнике европейской культурной традиции на русской земле.

¹ Цит. по кн.: *Зайцева Н. В.* Непарадная жизнь Юсуповского дворца. СПб., 2006. С. 8.

² *Юсупов Ф.* Мемуары. М., 2001. С. 57.

В. В. Потемкина

Санкт-Петербургский государственный университет

Духовный мир героя как объект философского исследования (на примере творчества Г. Франка 1960–1980-х гг.)

Документальный кинематограф – особое искусство, возникающее при двух минимальных условиях: достоверность и художественный взгляд, – в этом оно наиболее близко фотографии. Задачей отечественного документального кинематографа вплоть до конца 1950-х годов чаще всего считалось наблюдение за действительностью и ее объективное отображение, а такое понятие как «философская концепция» нередко отодвигалось на второй план.

1960-е гг. стали переломными, – и не только у нас: в 1961 г. режиссер Жан Руш и философ Эдгар Морен сняли картину «Хроника одного лета». Прогуливаясь по улицам Парижа, они задавали людям вопрос: «Счастливы ли вы?». Из этих ответов, складывавшихся подобно мозаике, зрителю открывалась картина эпохи. Подобный подход сами авторы назвали «Cinema verite» («Киноправда») – своеобразная реминисценция опытов Дзиги Вертова в далекие 1920-е гг. Таким образом, «метод наблюдения» совпал с интересом кинематографистов к человеку и его переживаниям (не столько его действиям, что было популярно ранее), – так появилась «новая волна» в документалистике.

Параллельно с Жаном Рушем работал советский, латвийский и израильский режиссер – Герц Франк (род. в 1926 г.). Ему также не чужды были эксперименты Вертова, к тому же, главным он считал внимание к человеку и его душе – именно к достижению этой цели были направлены все технические особенности съемки: черно-белая пленка; использование естественного освещения, звука; параллельный монтаж. Посредством возвращения к образности документального кинематографа 1920-х гг. и обращению к философской проблематике режиссер старался отойти от наводнявших экран телевизионных фильмов, фиксировавших факты и, как следствие этого, терявших всякие художественные достоинства.

Герц Франк, юрист по образованию, свою творческую деятельность на Рижской киностудии начал с фотографии и сценарной работы. Причем, нередко свои «сценарии» он выкладывал из отснятых кадров, – визуальные опыты ему были более интересны, нежели писательские.

Одна из первых самостоятельных его работ – «Полдень» (1966 г.) – десятиминутный репортаж об эстрадном концерте на стройке. Режиссер выбрал необычную точку съемки: основные камеры располагались за спинами актеров и были направлены в зрительный зал. Художнику было интереснее запечатлеть коллективный портрет рабочих, отразить эмоции людей. Для отечественной документалистики этот эксперимент был новаторским. Зритель как главный герой киноленты – тема, которую режиссер разовьет позже, в картине «Старше на десять минут» (1978 г.). В течение 10 минут скрытая камера крупным планом фиксирует лицо ребенка, сидящего в зрительном зале театра. Фильм был снят без единой монтажной склейки. Таким образом, режиссер демонстрировал, что действительность сама в состоянии формировать художественный образ, без вмешательства человека и его монтажных экспериментов. Мастеру достаточно лишь заметить этот образ и включить камеру. Она ни разу не обернется на сцену, поскольку не имеет значения, что там происходит. Сам зритель превращается в персонаж кино, его эмоции и переживания в центре внимания.

Однако, при всей симпатии к своим героям, Герц Франк никогда не идеализировал их. Как пример – фильмы «Без легенд» (1967 г.) и «След души» (1972 г.).

Первый фильм посвящен судьбе трагически погибшего экскаваторщика Бориса Коваленко. В кадре появляются крупные планы его коллег, друзей, причем, режиссер делает акцент на выражении их глаз и жестах (руки героев Франк показывает в каждой своей картине), далее появляются фотографии, обрывки писем, газетные вырезки. Сначала закадровый голос вещает о достижениях молодого ударника труда, затем, из монологов людей постепенно вырисовывается иной образ Бориса – иногда легкомысленного, несдержанного на язык, любящего покрасоваться, – то есть, совсем даже не идеального. Обыкновенного человека с хорошими и плохими чертами характера.

То же самое предстает объектом внимания и во второй картине, посвященной судьбе Эдгара Кауля – председателя колхоза, фронтовика, заслуженного человека, вместе с тем – в чем-то жесткого и непримиримого.

Режиссер никогда не дает однобокой характеристики – положительной либо отрицательной: герой – в первую очередь, неоднозначная и многогранная личность. Он работает, а на досуге – размышляет. «Дорога к счастью вьется через будни, но они никогда не повторяются. Они всегда приходят с новыми проблемами, ежеминутно требующими от человека решения: чему последовать? Рассудку? Голосу сердца? Или обоим вместе?..», – произносит Кауль в одной из финальных сцен. Задать зрителю, герою и самому себе заключительный философский вопрос – также являлось излюбленным приемом мастера.

В визуальной культуре Герц Франк всегда придавал значение естественному освещению, говорил, что телевизионный свет убивает полутона. Таинство кино режиссер видел в особенной светотени, контрастах, метафорах, если речь шла о монтаже – то исключительно ассоциативном. «Для документалиста главное – мироощущение», – говорил Франк, а затем добавлял: «Вообще все, что окрашено

политическим цветом, очень быстро стареет. Сегодня это актуально, завтра – уже нет. Документальное кино способно запечатлеть жизнь вне политической конъюнктуры»². Франку не был важен социально-политический контекст, его герой был вне времени. Сложно сказать «герой Франка», было бы правильнее – «человек Франка». Слово «герой» в данном случае кажется слишком вычурным.

Будучи юристом по образованию, в годы молодости Герц снимал уголовную хронику, – впоследствии это вылилось в полнометражные документальные фильмы – «Запретная зона» (1975 г.), «Высший суд» (1987 г.) и «Жили-были семь Симеонов» (1989 г.). За кадром вновь звучит философский вопрос: «Что привело человека к преступлению? Почему он встал на путь зла?».

В интервью Кристоферу Хьюбнеру режиссер признается, что перед тем, как приступить к работе над каждым новым фильмом, он перечитывает Библию. «Библия учит быть кратким и емким, мыслить образами»³. Но это не значит, что творчество его религиозно. Будучи далеким от проповедей, оно лишь предлагает задуматься о вечных законах Бытия. Так, название фильма «Песнь песней» (1989 г.) отсылает к ветхозаветным мотивам: Песнь песней изначально представляет собой собрание любовных гимнов Соломона к своей возлюбленной Суламифи. Франк под этим названием снял фильм о рождении ребенка, где в кадре – крупные планы лиц и руки будущих родителей. Закадрового голоса нет. «Диагноз» (1975 г.) – фильм о работе анатома, снятый для музея медицины, как бы идет в панда «Песни Песней» – гимну рождению. Однако это не учебные фильмы. В картине 1975 г. сцены вскрытия сменяются кадрами, изображающими средневековые гравюры, звучит музыка И. С. Баха. Повествование, несмотря на отталкивающие сцены, является жизнеутверждающим. Непростая работа студентов медицинского института символизирует трудный путь познания.

Каждая картина Герца Франка, при относительной простоте съемки и отсутствии технических излишеств, базируется на сложных философских категориях – бытия, материи, времени, страдания – пожалуй, эта категория, обозначенная еще Аристотелем, занимает главное место в творчестве кинематографиста. Драматическое, трагедийное восприятие мира связано со страданиями души героев. До сих пор казалось, что зафиксировать внутренние переживания и сущность человека возможно лишь в художественном кино. Франк доказал, что документалистике это тоже под силу. «Высший суд» (1987 г.) – картина о судьбе молодого человека, приговоренного к смертной казни, – это портрет самой сущности человека, выявленный посредством фиксации действительности, это образ, выкристаллизованный из диалогов, газетных вырезок, фотографий, репортажных съемок, смонтированных ассоциативно крупных планов. Найти «след души» в каждом увиденном им кадре – к этому каждый раз снова и снова стремился мастер. «Хороший документальный фильм – всегда открытие Новой Земли и новой тайны для себя и для людей», – говорил режиссер на семинаре в Вене (2003 г.), обозначая кинофильм как таинство, постепенно отрывающееся тем, кто над ним работает.

Несмотря на трагизм, каждая из картин Франка способствует катарсису, очищению души, заставляет задуматься о чем-то высоком, – этим они и светлы. Художник очень часто подходит к самой границе показа дозволенного и недозволенного, но это не вызывает отторжения, поскольку не имеет под собой цели шокировать, удовлетворить любопытство, развлечь или очернить окружающую действительность. Как и любое настоящее произведение искусства, его картины пытаются показать что-то светлое даже в самом темном уголке человеческой натуры, при этом не оправдывая человека, но предпринимая попытку дать ему шанс оправдаться. Режиссер иногда примеряет роль исповедника, давая возможность своим героям высказаться и покаяться. Возникает закономерный вопрос: не слишком ли много берет на себя автор фильма? Ответ будет отрицательным в том случае, если вспомнить цель и задачу – а именно: отражение души. Без прикрас, недосказанности и обмана.

В документальном кинематографе СССР и современном мировом кинематографе Герц Франк занимает особое место: он оказался родоначальником и адептом направления, подобного французской «новой волне» 1960-х гг., демонстрируя доминанту новых выразительных средств и особенностей метода работы: наряду с рядом репортажных картин стали выходить на экраны проблемные манифесты (в т. ч. работы Юриса Подникса, оператора и ученика Франка). Древние философские категории возродились в шестидесятые, и по сей день не утратили своей актуальности, обретая «новое дыхание» в произведениях документального кинематографа.

¹ Франк Г. Оглянись у порога. Публикации разных лет. М., 2009. С.159.

² Там же. С.82.

³ Там же. С.178.

М. С. Салманова

Санкт-Петербургский государственный университет

Творческие мастерские: Коломяги, Шувалово, Озерки в пространстве и времени.

Современный «Питерский Барбизон» раскинулся в северной части Санкт-Петербурга, там, где пока еще проходит тонкая грань между городом и деревней, в месте, где переплелись судьбы многих поколений петербуржцев. Здесь во второй половине XIX в. на берегах трех Суздальских озер возникли дачные поселки Шувалово и Озерки. Жизнь в этих поселках была насыщенной, зависимой от исторического периода, меняющейся вместе с эпохами. Здесь все складывалось иначе, чем в Гатчине, Павловске, Царском Селе, Стрельне. Причина этого вполне прозаическая – дома стоили здесь дешевле, чем в других дачных районах. Отличались Шувалово, Озерки, Коломяги и архитектурным обликом: здесь популярностью пользовались деревянные дачи «в русском вкусе», которые гармонично вписывались в природный ландшафт, в то время как в Гатчине, Павловске, Царском Селе, Стрельне в дачной архитектуре преобладали «ретроспективно-стилизаторские тенденции»².

Шувалово, Озерки, Коломяги манили к себе и имели поистине магическое влияние на тех, кто побывал здесь хотя бы раз. Не случайно эти территории именовались «шуваловской Швейцарией» и «озерковским Интерлакеном»⁵. Под их влияние попали А. Глазунов, А. Грин, А. Блок, К. Петров-Водкин. «Поэзия волшебного видения, рождающегося из обыденной жизни дачного поселка Озерки» стало основой для написания А. Блоком в Озерках 24 апреля 1906 г., пожалуй, самого известного стихотворения – «Незнакомка»⁶.

Безжалостно прошло время по этим районам, уже переставшими быть пригородами. Дома сгорали, рушились, люди их покидали, а вместе с тем начали забываться все привычные для этого района традиции: шумные рождественские и масленичные гуляния, театральные постановки и концерты, выставки.

В 1970–80-хх гг. перемены коснулись не только Шувалово, Озерков, Коломяг, но Санкт-Петербурга, Москвы, да и всей России в целом. Именно в это время многие художники уехали в Шувалово, Озерки, Коломяги. Здесь, как и прежде

было тихо, спокойно, была возможность для творчества, и как прежде дешевое жилье и особая романтика пригорода, в то время как в Ленинграде, по словам Дмитрия Каминкера, «боевые действия велись среди своих и по вертикали, и по горизонтали»⁷. Именно поэтому художники Творческого Объединения «Озерки» иногда именуют себя «внутренними эмигрантами»⁸.

Сначала художники начали осваивать Коломяги, потом Шувалово и Озерки. Таким образом, от разрушения были спасены две дюжины старых домов, но художники на этом не остановились. Зная о том, какая энергетика заключена в этих местах они решили восстановить обычаи. Снова заиграла музыка, возродились рождественские и масленичные гуляния, театральные представления, выставки, появились перформансы. Во всех этих гуляниях участвуют многочисленные соседи художников, как из старых домов, так и новых.

В 2001 г. культурно-художественный проект «Деревня художников» получил официальное признание. Старые дома, многие из которых имеют статус Частной Коллекции ГИОП, были закреплены за художниками на правах долгосрочной аренды и стали своего рода культурными центрами.

Сейчас в «Деревне Художников» можно увидеть искусство всех возможных направлений: иконопись, живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство, фотография, музыка, театр, кино. Есть здесь «Сад скульптуры» – музей под открытым небом, который можно посетить в любое время, как года, так и суток; работает керамическая лавка, галерея «Сельская Жизнь», в которой расположен кинозал, издается литературно-художественный журнал «Сельская Жизнь».

Безусловно, что за все годы творчества «Деревни художников» накопилось много «слов», появилось больше друзей, создано много работ, осуществлено много проектов, но самое главное она подошла к юбилею, празднику, к которому и была приурочена выставка «Творческие мастерские. Коломяги. Озерки. Шувалово» в Центральном выставочном зале «Манеж», организованная при поддержке Комитета по культуре ЦВЗ «Манеж», Государственным Русским музеем, Государственным музеем Городской скульптуры. Выставка проходила с 16 июля по 1 августа 2010 г.

Экспозиция представляла собой 2 раздела. На первом этаже расположился «Сад скульптуры» – попытка воссоздать атмосферу «Деревни художников». Многие посетители были очень удивлены, увидев в «Манеже» настоящую зеленую траву, по которой можно было гулять, на которой можно было лежать и любоваться, выставленными скульптурами, керамикой, инсталляциями. В галереях по бокам можно было увидеть своеобразную фотолетопись творческого объединения, найти информацию о театральных и кино мастерских, узнать, какие выставки проводились в галерее «Сельская жизнь».

На втором этаже расположились кинозал, и собственно мастерские художников, в том порядке, в каком они расположены в Шувалово, Озерках и Коломягах. Это девять мастерских таких мэтров современного искусства, как Дмитрий и Даниил Каминкеры, Лев Сморгон, Виктор Данилов (чья жизнь трагически оборвалась

в сентябре 2010 г.), Александр Позин, Дмитрий Вердияну, Валерий Бытка, Геля Писарева, Леонид Колибаба, Марина Спивак, Олег Жогин, Александр Гладкий, Вячеслав Швецов, Татьяна Николаенко, Татьяна Новоселова, Валерий Галкин, Марина Алексеева, Борис Казаков, Вадим Баронов и многих других, в том числе и молодого поколения «Деревни художников».

Каждый год летом в Коломягах, Шувалово и Озерках устраиваются грандиозные гуляния – дни «открытых дверей», мастер-классы, симпозиумы по керамике и скульптуре с участием художников из многих стран Европы и Америки, ландшафтные проекты, выставки-акции «Плот» и многое другое. Этим летом «деревня приехала в город». Практически каждый день посетители выставки могли побеседовать с художниками на творческих встречах, поучаствовать в мастер-классах (роспись керамики, создание игрушек, одежды, акварельная отмывка и многое другое), посмотреть спектакль или послушать музыку. В кинозале можно было увидеть фильмы режиссеров Бориса Казакова (участника конкурсного показа Берлинского кинофестиваля и призера фестиваля «Киношок») и Вадима Баронова, Лауреата Российских и международных кинофестивалей. Также предлагалось посетить сами мастерские в Коломягах, Озерках, Шувалово, где посетителей ждало много других акций, мастер-классов, концертов.

В итоге выставка получила множество положительных откликов, и было принято решение проводить такие масштабные фестивали в ЦВЗ «Манеж» раз в 5–10 лет.

Феноменальным является то, что все художники работают в собственной, исключительной манере и многие техники, которые они используют, уникальны, но, в то же время, их работы гармонично сочетаются между собой, не только на экспозиции, но и в реальной жизни. Многие из работ, представленных на экспозиции в свете софитов, выглядят не менее эффектно в «Деревне художников», покрытые желтыми листьями или укрытые снегом.

У жителей Деревни отсутствует «общая художественная идеология». «Суть проекта «Деревня художников» – поиск гармонии между современным искусством, природой и городской средой», – говорит скульптор Дмитрий Каминкер, и, наверное, в этом кроется разгадка секрета их творчества.

Почти все участники объединения имеют классическое художественное образование: Академия художеств, Мухинское училище, и могли бы выражать свое видение мира иначе. Судьба распорядилась по-другому, а дух бунтарства, стремление к свободе и само пространство дали им возможность делать то, чем они занимаются сегодня. Однажды Амадео Модильяни сказал: «Я не рабочий, не хозяин. Художник должен быть свободен, без привязи. Исключительная жизнь...». Так и есть, свобода творчества, свобода выбора материала, буквально лежащего под ногами, делает их счастливее, исключительнее и неповторимее.

Творческое объединение «Деревня Художников» является частью культурной жизни Санкт-Петербурга и явлением уникальным.

Большинство участников «Деревни художников» хорошо известны за рубежом, а их работы входят не только в частные, но в музейные коллекции, среди которых

музеи и галереи Англии, Франции, Германии, Дании, США; Третьяковская галерея, Русский музей, Музей Городской скульптуры, коллекции ЦВЗ «Манеж» и других музейных собраний России. Работы скульпторов украшают многие города мира, в том числе и Санкт-Петербург, но, к сожалению, петербургский зритель практически не знаком с их творчеством, несмотря на огромное количество друзей и почитателей этого художественного содружества. Будущие совместные проекты ЦВЗ «Манеж» и Творческого объединения «Озерки» позволят петербургской публике лучше узнать художников и их многочисленные работы.

¹ Пунин А. Л. Архитектура Петербурга середины XIX в. Л., 1990. С. 237–242.

² Зуев Г. И. Шувалово и Озерки. М., 2008. С. 5.

³ Там же. С. 218.

⁴ Каминкер Д. Д. «Деревня Художников» – новое искусство в старых домах // Деревня художников. СПб, 2006. С. 2.

⁵ Мейланд В. Питерский Барбизон // Сделано в Коломьягах. 2004. С. 6.

⁶ Каминкер Д. Д. «Деревня Художников»... С. 2.

⁷ Там же.

⁸ Модильяни А. Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 5. Ч. 2. С. 243.

Содержание

Рафаилу Шоломовичу Ганелину 85 лет 5

Актуальные проблемы истории России и Финляндии. Предварительные итоги научно-исследовательской работы по грантам

Кирсти Эконен

Общая история России и Финляндии в зеркале славянской библиотеки Хельсинки 13

Лийса Бюклинг

Из истории русского театра в Гельсингфорсе в 1868–1880 гг. (Постройка нового здания Александровского театра. Архивные документы) 23

Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф.

Метрические книги как источник по истории лютеранского населения Олонецкой губернии, середины XIX – начала XX в. 45

Пашкова А. А.

Языковой вопрос в православном богослужении в приходах Салминского и Сортавальского уездов Выборгской губернии в XIX – начале XX вв. 61

Приймак Н. И.

Гельсингфорс 40-х годов XIX века в воспоминаниях Я. Г. Грота 69

Розулин Н. Г.

Сведения о гражданах Великого княжества Финляндского, находившихся на службе в Морском ведомстве в 1908 и 1910 гг. 78

Шкваров А.

«Оскорбление войск». Проблемы взаимоотношения русских военнослужащих и жителей Финляндии по материалам Национального архива 86

Пашков А. М.

А. А. Соборнов – исследователь карел 93

Веригин С. Г.

Некоторые проблемы историографии партизанского движения в Карелии в период Великой Отечественной войны 118

Петров Е. В.

Историческая наука русского зарубежья в США в первой половине XX века 136

Кащенко С. Г., Маркова М. А.

Отечественная историография истории населения Петербурга и подстоличной губернии в XVIII веке 159

**Вопросы историографии и источниковедения
истории России XVIII–XIX вв.**

I.

Бурькин А. А.

Новое в интерпретации находок из лагеря русских полярных мореходов
XVII века на Восточном Таймыре 175

Жеребятьев Д. И., Простов В. А.

Формирование источникового комплекса для построения
виртуальной интерактивной реконструкции Скорбященского монастыря 192

Назаренко К. Б.

Морское ведомство России в 1905–1921 гг.: некоторые итоги изучения 216

Летенкова О. Э.

Педагогические журналы второй половины XIX века 230

Летенков Э. В.

Библиографические журналы об отечественной периодической печати
(журнал «Книжный Вестник». 1860 г.) 240

Смирнова М. А.

Мемуарные произведения Н. А. Лейкина: история создания и изучения 261

Кобак И. В.

Изучение писем в литературоведческих работах (1980–2000-е гг.) 277

Ламзина Е.

О пятилетнем плане Археографической комиссии 288

Карташова И. Н.

Собрание народных картинок на сюжет
сказки «О рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина 295

Иощенко А. С.

Отражение педагогических воззрений Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо
в российском законодательстве эпохи Екатерины II 299

Дудина А.

Газета «Скандинавский листок» как источник истории экономических отношений
в годы Первой мировой войны 304

**Вопросы историографии и источниковедения
истории России XVIII–XIX вв.**

II.

Худякова К. Б.

К вопросу о собирании и издании мемуаров женщин
об Отечественной войне 1812 г. 315

Семенов С. А.

«Воспоминания» П. Н. Милукова: источники текста 319

Сухоруков Л. Н.	
Одна неделя из жизни певца Мариинского театра (по материалам расходных книг Ф. И. Стравинского)	328
Мажара П. Ю.	
Мемуары и дневники чинов Северо-Западной армии как исторический источник	336
Жуков А. Е.	
Списки «Временника русского по степеням», хранящиеся в Санкт-Петербурге	353
Головина О. С.	
Древнерусские фрески в фотографии: новый путь представления	370
Хабидуллина А. Р.	
Карикатура на страницах журнала «Punch»	377
Ефимова О. С.	
Журнал «Рекламист» («Торговый мир») как исторический источник: 1909–1912 гг.	384
Гаврилов В. Г.	
Национальная организация «ВИТЯЗЕЙ» (НОВ): Источники изучения	391
Гузанова А. А.	
Европейские музеи глазами А. Н. Бенуа: 1890–1899 гг.	399
Данилова Н. Л.	
Выставочные павильоны Й. Хоффмана: Вена (1908), Кельн (1914), Венеция (1934)	404
Тетеревкова А. А.	
Выставочная жизнь Санкт-Петербурга-Петрограда в начале XX века	407
Сылова Е. А.	
Петербург как город-музей в романе А. Белого (1913–1914 гг.) и его современной сценической интерпретации	412
Помитун А. А.	
Опыт организации культурных программ в музейном пространстве Юсуповского дворца	417
Потемкина В. В.	
Духовный мир героя как объект философского исследования в отечественном документальном кинематографе 1960–1980-х годов (на примере творчества Г. Франка)	421
Салманова М. С.	
«Я посвятил всего себя искусству...». Творческие мастерские: Коломяги, Шувалово, Озерки в пространстве и времени.	425
Содержание	429

